

ПИСЬМА

РУССКАГО ОФИЦЕРА.

ИНОПРИ

РАСЧЕТО ОФНТЕРА.

705
72
ПИСЬМА

РУССКАГО ОФИЦЕРА,

О ПОЛЬШѢ, АВСТРІЙСКИХЪ ВЛАДѢНІЯХЪ,
ПРУССІИ И ФРАНЦІИ,

СЪ ПОДРОБНЫМЪ ОПИСАНІЕМЪ

ОТЕЧЕСТВЕННОЙ И ЗАГРАНИЧНОЙ ВОЙНЫ

СЪ 1812 ПО 1815 ГОДЪ.

П И С А Н Ы

ВЕДОРОМЪ ГЛАНКОЮ.

ВЪ ПЯТИ ЧАСТЯХЪ.

МОСКВА.
1870.

18254-0

2010517022

ПРЕДУВѢДОМЛЕНІЕ.

Въ 1817-мъ году,—когда мнѣ довелось быть Предсѣдателемъ, извѣстнаго въ то время, Литературнаго Общества, (*) и, въ чинѣ Полковника гвар-

(*) Высочайше утвержденное С.-П.-бургское Вольное Общество Любителей Словесности имѣло собранія свои, въ Офицерской улицѣ, въ домѣ *Войводы*. Каждую недѣлю въ вечернее засѣданіе собиралось до сорока членовъ, въ числѣ которыхъ, въ разное время, бы *Жуковский, Батюшковъ, Гнѣдичъ, Крыловъ, Грибоедовъ, Пушкинъ, Дельвишъ, Кюхельбекеръ*. Позднѣе: *М. А. Корфъ, Ковалевскій* (бывшій Министръ Народнаго Просвѣщенія), *Измайловъ* (баснописецъ), три брата *Княжевича, Графъ Толстой* (извѣстный художникъ), *Николай и Александръ Бестужевы, Гречъ, Воейковъ, Булгаринъ, Кеппелъ* (извѣстный Академикъ), *Плетневъ, Боровковъ* (потомъ Сенаторъ).—Секретаремъ Общества былъ *А. А. Никитинъ* (потомъ Статсъ-Секретарь Госуд. Совѣта). Помощниками Предсѣдателя были (послѣдовательно) *Графъ Салтыковъ* (Оберъ-Прокуроръ), *Каразинъ* (Василій Назаровичъ) и *Гнѣдичъ*. Два раза

II

дин, членомъ Общества *Военныхъ людей* (*) и редакторомъ Военнаго журнала,—посѣтили меня, въ одинъ вечеръ, (въ квартирѣ моей въ домѣ Гвардейскаго штаба), Жуковскій, Батюшковъ, Гнѣдичъ и Крыловъ.—Василій Андреевичъ (Жуковскій) первый завелъ рѣчь о *моихъ Письмахъ Русскаго Офицера*, заслужившихъ тогда особенное вниманіе всѣхъ слоевъ общества.

— «Вашихъ писемъ (говорилъ Жуковскій) нѣтъ возможности достать въ лавкахъ: всѣ-де разо-

въ годъ Общество имѣло свои публичныя засѣданія, которыя постоянно посѣщали Н. С. Мордвиновъ, А. С. Шпиковъ и другіе сановники—любители Русскаго слова.—Общество имѣло свое изданіе, отъ котораго вся выручка предоставлялась въ пользу немущихъ писателей и художниковъ.

(*) Общество *Военныхъ людей*,—съ Высочайшаго одобренія Государя Императора, при Гвардейскомъ штабѣ учрежденное и удостоившееся (такъ сказано въ дипломѣ) имѣть Монарха покровителемъ,—имѣло членами своими, между прочимъ, трехъ братьевъ Бароновъ Мейендорфовъ, Берга (нынѣ Генераль-Фельд-маршалъ), Генерала Толя, Потемкина, М. Орлова, Давыдова (партизана) и многихъ свѣтскихъ офицеровъ, дослужившихся впоследствии до высшихъ чиновъ.

«шлись. — При такомъ требованіи публики необходимо новое изданіе. Тутъ, къ-стати, вы можете пересмотрѣть, дополнить, а *иное* (что схвачено въ-торопяхъ, на походѣ) и совсѣмъ, пожалуй, переписать. — Теперь вѣдь ужъ уяснилось многое, «что прежде казалось загадочнымъ и темнымъ».

Гидичъ и Батюшковъ, болѣе или менѣе, раздѣляли мнѣніе Жуковского, и разговоръ продолжался. — Крыловъ молчалъ и вслушивался; а наконецъ заговорилъ: «Нѣтъ! (сказалъ онъ) не пзмѣняйте ничего: какъ что есть, такъ тому и быть. Не позволяйте себѣ ни притачиваній новаго къ старому, ни поддѣлокъ, ни вставокъ: всякая *вставка*, какъ бы вы хитро ее ни спрятали, будетъ выглядывать *новою, заплатою* на старомъ кафтанѣ. Оставьте нетронутымъ все, что написалось у васъ гдѣ случилось, какъ пришлось... Оставьте въ покоѣ ваши походныя строки, вылившіяся у бивачныхъ огней и засыпанныя, можетъ быть, перломъ тѣхъ незабвенныхъ биваковъ. Предоставьте исторіку изыскивать, дополнять и распространяться о томъ, чего вы, какъ фронтовой Офицеръ, не могли ни знать, ни вѣдать! — И повѣрьте, что позднѣйшимъ читателямъ и любопытно и пріятно будетъ найти у

«вась не сухое офіціальное изложеніе, а именно, «болѣе или менѣе удачный, отпечатокъ того, что «и какъ видѣлось, мыслилось и чувствовалось въ «тотъ приснопамятный XII-й годъ, когда вся Россія, «вздвинувъ, встала на ноги и, съ умиленнымъ «самоотверженіемъ, готова была на всякое пожертвованіе».

Прошло столѣтіе. Не стало никого изъ сказанныхъ собесѣдовъ. Но радушія слова незабвеннаго Ивана Андреевича не прошли даромъ: въ предпринятомъ нынѣ изданіи я вполне послѣдовалъ совѣту его.

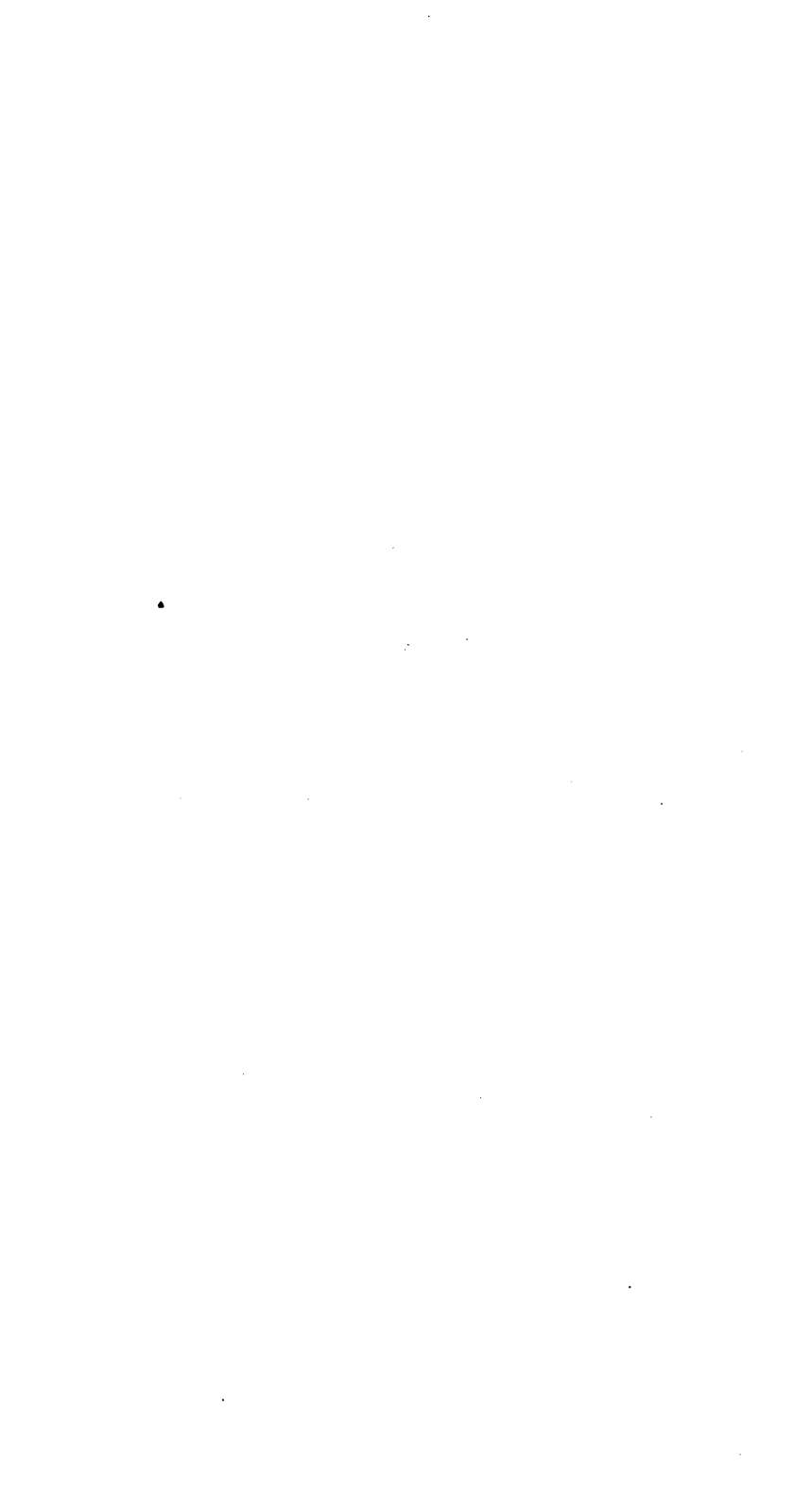
Ө. Глинка.

П И С Ь М А

РУССКАГО ОФИЦЕРА.

I.

**ОПИСАНИЕ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ 1812 ГОДА, ДО
ИЗГНАНІЯ НЕПРІЯТЕЛЯ ИЗЪ РОССІИ, И ПЕРЕХОДЪ
ЗА ГРАНИЦУ ВЪ 1813 ГОДУ.**

ПИСЬМА РУССКАГО ОФИЦЕРА.

Маія 10, 1812. Село Сутоки.

Природа въ полномъ цвѣтѣ!... Зеленѣющія поля общають самую богатую жатву. Все наслаждается жизнію. Не знаю, отъ чего сердце мое отказывается участвовать въ общей радости творенія. Оно не смѣетъ развернуться, подобно листьямъ и цвѣтамъ. Непонятное чувство, похожее на то, которое смущаетъ насъ предъ сильною грозою, сжимаетъ его. Предчувствіе какого-то отдаленнаго несчастія меня пугаетъ.... Но можетъ быть это мечты!... «Не даромъ, говорятъ простолюдины, прошлаго года такъ долго ходила въ небесахъ *невиданная звѣзда*; не даромъ горѣли города, села, лѣса, и во многихъ мѣстахъ земля выгорала: не къ добру это все! Быть великой войнѣ!» Эти добрые люди имѣютъ свои замѣчанія. Въ самомъ дѣлѣ мы живемъ въ чудесномъ вѣкѣ: природа и люди испытываютъ превратности необычайныя. Теперь въ Вѣдомостяхъ только и пишутъ о страшныхъ наводненіяхъ, о трясеніи земли въ разныхъ странахъ, о дивныхъ явленіяхъ на небѣ. Мы читаемъ въ *Степенныхъ книгахъ*, что передъ великимъ нашествіемъ Татаръ на Россію солнце и луна измѣняли видъ свой, и небо, чудесными знаменіями, какъ бы предувѣдомляло землю *о грядущемъ горѣ*... Нельзя не согласиться съ знаменитымъ Махиавелемъ, что мыслящіе умы также легко предузнаютъ различныя приключенія въ судьбѣ царствъ и народовъ, по *извѣстнымъ обстоятельствамъ*, какъ мореплаватели затмѣніе свѣтилъ и прочее по своимъ исчисленіямъ.

Извѣстно, до какой степени Маркизь Куева де-Бедмаръ, описанный Сентъ-Реалемъ, силенъ былъ *въ науку предугадывать!*... Къ чему, въ самомъ дѣлѣ, такое притеченіе войскъ къ границамъ? Къ чему самъ Государь, оставя удовольствія столицы, поспѣшилъ туда раздѣлять труды воинской жизни?—Къ чему, какъ не къ войнѣ!... Но война эта должна быть необыкновенна, ужасна!... Наполеонъ, разгромивъ большую часть Европы, стоитъ какъ туча, и хмурится надъ Неманомъ. Онъ подобенъ бурной рѣкѣ, надменной тысячею поглощенныхъ источниковъ; *грудь Русская* есть *плотина*, удерживающая стремленіе, — прорвется—и наводненіе будетъ неслыханно! — О, другъ мой! уже ли бѣдствія *нашествій* повторятся въ дни наши?... Уже ли покореніе?... Нѣтъ! Русскіе не выдадутъ земли своей! Если не достанетъ воиновъ, то всякъ изъ насъ будетъ одною рукою *водить соху, а другою сражаться за Отечество!*—

Кого не мучитъ теперь любопытство, чтобъ разгадать загадку будущаго?—Я читаю славную *Гедеонову* проповѣдь на *разрушеніе Лиссабона* — и живо представляется воображенію моему, какъ величавый мужъ сей въ священныхъ сумеркахъ пространнаго храма, гдѣ голосъ его въ таинственныхъ отзвѣхахъ повторяется, предъ лицомъ Императрицы Елисаветы, описывая бѣдствія колеблющейся природы и страшную гибель Лиссабона, смѣло укоряетъ блестящій сонмъ вельможъ въ оставленіи праотеческихъ нравовъ, въ нѣгѣ и роскоши, которымъ предаются, и вдругъ, устами боговдохновеннаго Пророка, гласитъ имъ въ послѣднее наставленіе сіи священные слова: *и когда услышите гласъ его, не ожесточите сердець вашихъ.*—Прощай! я иду въ свой садикъ поливать цвѣты и слушать громкаго соловья—дока это еще можно!—«Жить *невидимкою*, значитъ быть счастливу!» говоритъ славный философъ Декартъ.—Еще разъ: прощай!...

16 Юля, 1812. — Смоленскъ.

Сей-часъ прїѣхалъ я въ Смоленскъ. Какое смятеніе распространилось въ народѣ!... Получили извѣстіе, что непріятель уже близъ Орши. Въ самомъ дѣлѣ всѣ корпуса, армію нашу составляющіе, проходя различными путями къ одной цѣли, соединились въ чрезвычайно укрѣпленномъ лагерѣ при Дриссѣ, и ожидали непріятеля. Полагали, что онъ непременно пойдетъ на то мѣсто, чтобъ купить себѣ входъ въ древніе предѣлы Россіи цѣною сраженія съ нашими войсками; ибо какъ отважиться завоевывать государство, не разбивъ его войскъ?—Но дерзкій Наполеонъ, надѣясь на неисчислимое воинство свое, ломится прямо въ грудь Отечества нашего. Народъ у насъ не привыкъ слышать о приближеніи непріятеля. Умы и души въ страшномъ волненіи. Уже потянулись длинные обозы; всякой развѣдываетъ, гдѣ безопаснѣе? Никто не хочетъ достаться въ руки *непріятелю*. Кажется, въ Россіи, равно какъ и въ Испаніи, будетъ онъ покорять только землю, а не людей.—До сихъ поръ Смоленскъ совершенно опустѣлъ бы, еслибъ не успокоило встревоженныхъ гражданъ его присутствіе Государя. Проѣзжая изъ арміи въ Москву, Онъ удостоилъ посѣщеніемъ Своимъ нашъ городъ. При Высочайшей Особѣ Его Императорскаго Величества находились: Графъ Аракчеевъ, Министръ Полиціи Балашевъ и Александръ Семеновичъ Шишковъ, который недавно написалъ столь превосходное твореніе о *любви къ Отечеству*. Я узналъ отъ живущихъ на большой дорогѣ, что Государь, проѣзжая тамъ вчерашній день, ласково разговаривалъ съ поселянами, заходилъ въ церкви, молился и приказывалъ народу молиться. Не такъ ли поступали древніе Цари, отцы народа?—

Я поспѣшилъ было въ городъ, чтобъ взглянуть изъ толпы людей на Государя; но городъ отъ меня 45 верстъ, и я не засталъ уже Его!...

7 Юля. Смоленскъ.

Мой другъ! настаютъ времена Минина и Пожарскаго! Вездѣ гремитъ оружіе, вездѣ движутся люди! Духъ народный, послѣ двухъ-сотъ-лѣтняго сна, пробуждается, чуя грозу военную. Губернскій Предводитель нашъ, Маіоръ Лесли, отъ лица всего дворянства, испрашивалъ у Государя позволенія вооружить 20.000 ратниковъ на собственный коштъ владѣльцевъ. Государь съ признательностію принялъ важную жертву сію. Находящіеся здѣсь войска и многочисленная артиллерія были обозрѣваемы самимъ Государемъ. Къ нимъ, по Высочайшему повелѣнію, должны немедленно присоединиться идущіе изъ Дорогобужа и другихъ *депо* рекрутскіе баталіоны. Уже передовой отрядъ, подъ начальствомъ храбраго Генерала Оленина, выступилъ къ Красному. Старый Генералъ Лесли, усиленно вооруживъ четырехъ сыновъ своихъ и нѣсколько десятковъ ратниковъ, послалъ ихъ присоединиться къ сему же отряду, чтобъ быть впереди. Вчера принять Е. И. В. изъ отставки въ службу Г—М. Пассекъ, и получилъ начальство надъ частию здѣшнихъ войскъ.—Земское ополченіе усердіемъ дворянъ и содѣйствіемъ здѣшняго Гражданскаго Губернатора *Барона Аша*, со всевозможною скоростію образуется. Смоленскъ принимаетъ видъ военнаго города. Безпрестанно звѣняютъ колокольчики; скачутъ курьеры; провозятъ плѣнныхъ, или шпіоновъ. Нѣсколько Польскихъ губерній подняли знамя бунта. Недаромъ они твердили пословицу: «слышитъ птичка весну!» (*czuie ptaszek wiosne*)! О заблужденіе! Они думаютъ *воскреснуть* среди всеобщаго разрушенія!... Обстоятельства становятся бурны. Не знаю, буду ли съ тобою видѣться, но *письменное сношеніе* замѣняетъ половину свиданія—такъ говоритъ Персіанинъ *Век-али*; я вѣрю ему—и буду стараться къ тебѣ писать.—Прощай!...

18 Іюля, 1812. Село Сутоки.

Наконецъ поля наши, покрытыя обильнѣйшею жатвою, должны будутъ вскорѣ сдѣлаться полями сраженій. Но счастливы онѣ, что послужатъ *мѣстомъ соединенія обѣихъ армій*, и приобрѣтутъ, можетъ быть, въ потомствѣ славу *Полтавскихъ*: ибо Первая Западная армія, подѣ начальствомъ Барклая де Толли, а Вторая Князя *Багратиона*, послѣ неспасимыхъ препятствій со стороны непріятеля, соединились наконецъ у Смоленска. Г. Платовъ прибылъ сюда же съ 15.000 Донскаго войска. Армія наша немногочисленна; но войска никогда не бывали въ такомъ устройствѣ, и Полки никогда не имѣли такихъ прекрасныхъ людей.— Войска получаютъ наилучшее продовольствіе; дворяне жертвуютъ всемъ. Со всѣхъ сторонъ везутъ печеный хлѣбъ, гонятъ скотъ и доставляютъ все нужное добрымъ нашимъ солдатамъ, которые горятъ желаніемъ сразиться у стѣнъ Смоленскихъ. Нѣкоторые изъ нихъ изъясняютъ желаніе это самымъ простымъ, но конечно изъ глубины сердца исходящимъ выраженіемъ: *мы уже видимъ сѣдые бороды отцовъ нашихъ, говорятъ они: отдадимъ ли ихъ на поруганіе?—Время сражаться!*—

19 Іюля. Тамъ же.

Я имѣлъ удовольствіе обнять брата моего *Григорія*, служащаго въ Либавскомъ пѣхотномъ полку. Общество Офицеровъ въ семъ полку прекрасное, солдаты отмѣнно хороши.—Обѣхавъ нѣсколько полковъ, я вездѣ находилъ Офицеровъ, которые принимали меня какъ истинные друзья, какъ ближайшіе родные. Кто же такіе эти прекрасные люди? — спросишь ты. — Общія наши товарищи: Кадеты! — О! какъ полезно общественное воспитаніе! Никакіе уставы, никакія условія обществъ не могутъ произвести такихъ твердыхъ связей между

людьми, какъ *свѣчка раннихъ лѣтъ*. Совоспитанники по сердцу и душѣ встрѣчаются вездѣ съ непритворнымъ, сердечнымъ удовольствіемъ.... Многіе изъ товарищей нашихъ уже *Полковниками* и въ крестахъ; но обхожденіе ихъ со мною точно то же, какое было за 10 предъ симъ лѣтъ, несмотря на то, что я *только бѣдный Поручикъ!* — Какъ сладко напоминать то время, когда между богатыми и бѣдными, между дѣтьми знатныхъ отцовъ и простыхъ дворянъ не было никакой разницы; когда пища, науки и рѣзвости были общими; когда, не имѣя понятія о жизни и *свѣтѣ*, мы такъ сладостно мечтали о томъ и другомъ!... Помнишь, какъ, повторяя безсмертныя слова Екатерины, что *корпусъ Кадетской есть розадникъ великихъ людей*, мы любили воображать себѣ, что всѣ до одного будемъ полезны Отечеству. Но сколько изъ юныхъ растений сего *росадника*, поверженные въ бурю случаевъ, утратили способности свои отъ бездѣйствія, сдѣлались бесполезными отъ несправедливости людей, и увяли отъ бѣдности, или въ тѣни неизвѣстности, лишены спасительныхъ лучей—ободренія!...

Вчера армія двинулась отъ Смоленска, внизъ по теченію Двѣпра, къ окрестностямъ озера Катани. Авангардъ пошелъ къ Руднѣ: оттуда ожидаютъ непріятеля, который теперь толпится на пространствѣ между Двиною и Днѣпромъ. Это наступательное движеніе войскъ нашихъ много обрадовало народъ. Всякой сталъ дышать свободнѣе!...

Дай Богъ нашимъ впередъ! помоги Богъ оттолкнуть дерзкихъ отъ древнихъ рубежей нашихъ!... Однажъ, идя впередъ, кажется, не забываютъ о способахъ, обезпечивающихъ и *отступленіе*.... На спѣхъ дней военное начальство требовало у Гражданскаго Губернатора надежнаго и дѣятельнаго дворянина для особенныхъ важныхъ препорученій. Зная изъ многихъ опытовъ усердіе и дѣятельность брата моего *Ивана*, Губернаторъ представилъ начальству его. Тотъ-часъ пору-

чено было ему, со всевозможною скоростію, безъ лишней огласки, устроить сколько можно болѣе переправъ на Днѣпрѣ у Соловьева, что на большой Московской дорогѣ. Мосты спѣютъ съ удивительною поспѣшностію. Работаютъ день и ночь. Великія толпы народа, бѣгущія изъ разныхъ занятыхъ непріятелемъ губерній, переправляются безпрестанно.—Но не уже ли и войска пойдутъ чрезъ нихъ?—Уже ли и Смоленскъ сдадутъ?... Солдаты будутъ драться ужасно! Поселяне готовы сдѣлать то же. Только и говорятъ о поголовномъ наборѣ, о всеобщемъ возстаніи. «Повели, Государь! всѣ до одного идемъ!» Духъ пробуждается, души готовы. Народъ проситъ воли, чтобъ не потерять вольности.—*Но война народная слишкомъ нова для насъ. Кажется еще бояться развязать руки. До сихъ поръ нѣтъ ни одной прокламаціи, позволяющей сбираться, вооружаться и дѣйствовать, гдѣ, какъ и кому можно.—Дозволятъ—и мы поселяне готовы въ подкрѣпу воинамъ. Знаемъ мѣста, можемъ вредить, засядемъ въ лѣсахъ, будемъ держаться—и поддерживать; станемъ сражаться—и отражать!...*

Августа 4 дня. Село Сутоки, въ 2 часа за полдень.

Въ сіи минуты, какъ я пишу къ тебѣ дрожащею рукою, рѣшается судьба Смоленска. Непріятель, сосредоточивъ *идь-то* великія силы, ворвался вчера въ Красное; и между тѣмъ, какъ наши смотрѣли на Рудню, онъ полетѣлъ къ Смоленску, чтобъ овладѣть имъ внезапно. Дивизія *Негровскаго* принесла сего-дня Французовъ на плечахъ; а храбрый Генералъ Раевскій встрѣтилъ ихъ съ горстію войскъ и не впустилъ въ городъ. Сего-дня всѣ обыватели высланы; батареи разставлены. Непріятель съ двумястами тысячъ наступаетъ на Смоленскъ, защищаемый 150.000 нашихъ. Покровская гора еще въ нашихъ рукахъ. Теперь сраженіе горитъ подъ самыми стѣнами.—Когда получишь

эти строки, то знай, что чей-нибудь жребій уже рѣшился: или *отбитъ* Наполеонъ, или—*дѣръ въ Россію стперта!*...

Я сей-часъ иду помолиться въ послѣдній разъ на гробахъ родителей, и ѣду къ старшему брату *Василію*: отъ него видно сраженіе. Прощай!—

Августа 8. Село Цуриково.

Я видѣлъ ужаснѣйшую картину—я былъ свидѣтелемъ гибели Смоленска. Погубленіе *Лиссабона* не могло быть ужаснѣе. 4 Числа непріятель устремился къ Смоленску и встрѣченъ, подъ стѣнами его, горстью неустрашимыхъ Россіянь. 5 Числа, съ ранней зори до поздняго вечера, 12 часовъ, продолжалось сраженіе предъ стѣнами, на стѣнахъ и за стѣнами Смоленска. Русскіе не уступали ни на шагъ мѣста; дрались какъ львы. Французы, или лучше сказать Поляки, въ бѣшеномъ изступленіи лѣзли на стѣны, ломались въ ворота, бросались на валы, и въ безчисленныхъ рядахъ тѣснились около города по ту сторону Днѣпра. Наконецъ, утомленный противоборствомъ нашихъ, Наполеонъ приказалъ жечь городъ, котораго никакъ не могъ взять грудью.—*Злодѣи* тотчасъ исполнили приказъ *изверга*. Тучи бомбъ, гранатъ и чиненыхъ ядеръ полетѣли на дома, башни, магазейны, церкви. — И дома, церкви и башни обнялись пламенемъ—и все, что можетъ горѣть—запылало!... Опламенѣнныя окрестности, густой, разноцвѣтный дымъ, багровыя зори, трескъ лопающихся бомбъ, громъ пушекъ, кипящая ружейная пальба, стукъ барабановъ, вопль старцевъ, стоны женъ и дѣтей, цѣлый народъ, упдающій на колѣни съ воздѣтыми къ небу руками: вотъ что представлялось нашимъ глазамъ, что поражало слухъ, и что раздирало сердце!... Толпы жителей бѣжали изъ огня, поляки Русскіе шли

въ огонь; одни спасали жизнь, другіе несли ее на жертву. Длинный рядъ подводъ тянулся съ ранеными....

Въ глубокія сумерки вынесли изъ города икону Смоленскія Божія Матери. Унылый звонъ колоколовъ, сливаясь съ трескомъ распадающихся зданій и громомъ сраженія, сопровождалъ печальное шествіе сіе. Блескъ пожаровъ освѣщаль его. Между тѣмъ черно-багровое облако дыма засѣло надъ городомъ, и ночь присоединила темноту ко мраку, и ужасъ къ ужасу.—Смятеніе людей было столь велико, что многіе выбѣгали полунугими, и матери теряли дѣтей своихъ. Козаки вывозили на сѣдлахъ младенцевъ изъ мѣстъ, гдѣ свирѣпствовалъ адъ. Наполеонъ отдалъ приказъ, чтобъ Смоленскъ взятъ былъ непременно 5 числа; однакожъ Русскіе отстояли его грудью, и 5 числа городъ не былъ взятъ. Но 6-го рано—о превратность судьбы!—то, что удерживали съ такимъ условіемъ, отдали добровольно!... Главнокомандующій имѣлъ на то *причины*. Теперь Смоленскъ есть огромная груда пепла; окрестности его—суть окрестности Везувія послѣ изверженія. — Наши поспѣшно отступаютъ къ *Дорогобужу*; но сей-часъ, то-есть, 8-го числа къ вечеру, пріостановились недалеко отъ Бредихи. Третьяго дня дрались, вчера дрались, сего-дня дерутся, и завтра будутъ драться! Злодѣи берутъ однимъ *многолюдствомъ*. Вооружайтесь всѣ, вооружайся всякъ, кто только можетъ, гласитъ наконецъ Главнокомандующій въ *последней прокламаціи своей*.—И такъ—народная война!

Его Императорское Высочество Константинъ Павловичъ, усердно раздѣляющій съ войскомъ труды и опасности, былъ свидѣтелемъ кровопролитнаго боя и страшнаго пожара Смоленскаго. Съ душевнымъ прискорбіемъ взиралъ онъ на разрушеніе одного изъ древнѣйшихъ городовъ своего отечества.—Жители Смоленска неутѣшны. Несчастія ихъ неописанны. О, другъ мой! сердце твое облилось бы кровію, еслибъ ты увидѣлъ злополучіе моей родины. Но Судьбы Вышняго неиспы-

танны.—Пусть разрушаются грады, пылают села, истребляются дома, исчезаетъ спокойствіе мирныхъ дней, но пусть сія жертва крови и слезъ, сія стона народа, текущіе въ облака вмѣстѣ съ куреніемъ пожаровъ, умиостивятъ наконецъ разгнѣванные небеса! Пусть постраждутъ области, но спасется Отечество! Вотъ общій голосъ душъ, вотъ искренняя молитва всѣхъ Русскихъ сердецъ!—

Я и старшій братъ съ нетерпѣніемъ ожидалъ, пока выйдетъ братъ нашъ *Григорій* изъ огня. Онъ былъ 12 часовъ въ стрѣлкахъ и дрался такъ храбро, какъ только можетъ драться Смольянинъ за свой отечественный городъ. Въ этомъ увѣрили насъ всѣ Офицеры его полка. Бригадою ихъ командовалъ Генералъ-Маіоръ Оленинъ, и водилъ его въ самый жаркій огонь. Всѣ жалѣютъ о смерти, отличнаго по долговременной службѣ, необычайной храбрости и добротѣ душевной, Генерала *Баллы*, который убитъ 5 числа въ передней цѣпи стрѣлковъ.—Кровопролитныя битвы еще продолжаются. Мы ложимся и встаемъ подъ блескомъ заревъ и громомъ перестрѣлокъ. Мнѣ уже нельзя захватить домой; путь отрѣзанъ! И такъ пду туда, куда двинетъ всѣхъ буря войны!... Сколько раненыхъ! сколько бѣгущихъ! Безконечные обозы тянутся по полямъ; толпы народа спѣшатъ, сами не зная куда!... Мы теперь нищіе, съ благороднымъ духомъ, бродимъ уныло по развалинамъ своего отечества.—Бѣдный С...! въ то время, какъ братъ его сражается, и отечественный городъ въ глазахъ его горитъ, узнаетъ онъ, что отецъ впалъ въ жестокую горячку, а мать, испуганная приближеніемъ врага, умерла!... Вотъ примѣръ ужаснѣйшаго положенія, въ которомъ находятся теперь многіе! — Повсюду стонъ и разрушеніе!... Мы живемъ во дни ужаса!... Прощай!—Можетъ быть въ этомъ мірѣ уже навсегда!...

13 Августа.

И такъ я теперь —

*Наслѣдія отцовъ и родины лишены,
Какъ птица безъ гнѣзда сталъ бурей унесенъ!..*

Странствую по старающей землѣ, подъ небомъ, не
внемлющимъ жалобамъ смертныхъ. — Всякой день вижу
уменьшеніе отечества нашего и разширеніе власти вра-
говъ. Каждая ночь освѣщается заревами пожаровъ.

Пол-неба рдѣетъ, какъ раскаленное желѣзо. Я веду
совершенно кочующую жизнь, переѣзжая изъ шалаша
въ шалашъ, отъ огня къ огню. Въ окрестностяхъ
Дорогобужа ѣхали мы въкоторое время съ конницею
Генерала Корфа. Старшій братъ мой, знающій тамъ
всѣ тропинки, служилъ ей лучшимъ путеуказателемъ.
Теперь пристаемъ чаще всего въ дежурствѣ Генерала
Докторова. Нерѣдко хожу я и съ гренадерами, кото-
рыхъ ведетъ *Графъ Строгановъ*. Смотри на сего
вождя, не подумалъ ли бы какой-нибудь себялюбецъ:—
имѣя неизчислимыя способы къ жизни, имѣя чины,
заслуги, почести, и дома у себя имѣя рай, за чѣмъ
ему бросаться въ бури, которыми дышетъ самъ адъ во
дни наши; за чѣмъ наряду съ простымъ солдатомъ,
терпя истому, трудъ и голодъ, стремиться въ опасно-
сти, на раны и смерть?—Но, вотъ что значитъ *любовь*
къ Отечеству!... Потомки не уступаютъ предкамъ. О,
чувство благородное, чувство священное! обладай вѣч-
но сердцами Россіянъ!...

Помнишь, какъ мы вмѣстѣ читали Шиллерову тра-
гедію *Разбойники*; помнишь, какъ пугала насъ страш-
ная картина сновидѣнія *Франца Мора*, картина, кото-
рую Шиллеръ съ искусствомъ Микель-Анджела начер-
талъ пламеннымъ перомъ своимъ. Тамъ, среди ужас-
наго пожара вселенной, лѣса, села и города таютъ
какъ воскъ, и бури огненные превращаютъ землю въ
обнаженную пустыню! Такія-то картины видимъ мы вся-

кой разъ, ложась спать! Каковы же должны быть сновидѣнія?—спросишь ты. Ихъ нѣтъ: усталость лишаетъ способности мечтать.—Уже и Дорогобужъ и Вязьма въ рукахъ непріятеля: Смоленская губернія исчезаетъ!... Прощай!—

Августа 16.

Я часто хожу смотрѣть, когда онъ проѣзжаетъ мимо полковъ, и смотрю всегда съ новымъ вниманіемъ, съ новымъ любопытствомъ на сего необыкновеннаго человѣка. Плакуютъ ли окрестности, достаются ль села, города и округа въ руки непріятеля; вопіетъ ли народъ, наполняющій лѣса, или великими толпами идущій въ далекіе края Россіи: его ничто не возмущаетъ, ничто не сильно поколебать твердости духа его. Часто бываю волнуемъ невольными сомнѣніями: куда идутъ войска?—Для чего уступаютъ области? И чѣмъ наконецъ все это рѣшится? Но лишь только взглядываю на лице сего Вождя силъ Россійскихъ, и вижу его спокойнымъ, свѣтлымъ, безмятежнымъ: то въ ту же минуту стыжусь самъ своихъ сомнѣній. Нѣтъ! думаю я, человѣкъ, не имѣющій обдуманнаго плана и вѣрной цѣли, не можетъ имѣть такого присутствія, такой твердости духа! Онъ конечно уже сдѣлалъ заранѣе—сильное предначертаніе свое; и цѣль, для насъ непостижимая, для него очень ясна! Онъ дѣйствуетъ какъ *Провидѣніе*, невнемлющее пустымъ воплямъ смертныхъ, и тернистыми путями влекущее ихъ къ собственному ихъ благу.—Когда *Колумбъ*, посредствомъ глубокихъ соображеній, первый предузналъ о *существованіи новаго міра*, и поплылъ къ нему чрезъ неизмѣримыя пространства водъ, то спутники его, видя новыя звѣзды, незнакомое небо и неизвѣстныя моря, предались было малодушному отчаянію и громко возроптали. Но великій *духомъ*, не колеблясь ни грознымъ волненіемъ стихій, ни бурю страстей человѣческихъ, видѣлъ

ясно предъ собою *отдаленную цѣль* свою, и велѣть къ ней ввѣренный ему *Провидѣніемъ корабль*. Такъ, Главнокомандующій арміями, Генералъ Барклай де Толля, проведеншій съ такою осторожностію войска наши отъ Немана и доселѣ, что не далъ отрѣзать у себя ни малѣйшаго отряда, не потерявъ почти ни одного орудія и ни одного обоза: сей благоразумный Вождь конечно увѣнчается предначатія свои желаннымъ успѣхомъ. — Потерянное можетъ возвратиться; обращенное въ пепелъ возродиться въ лучшей красотѣ. — Щедроты Александра обновятъ край, опустошенные Наполеономъ... Всего удивительнѣе для меня необычайная твердость ведущаго арміи наши. — Смотри на него, я воображаю Катона в прекрасное мѣсто изъ Лукановой поэмы, гдѣ авторъ представляетъ сего великаго мужа подъ пламеннымъ небомъ Африки, среди раскаленныхъ песковъ Ливіи, превозмогающаго зной, жажду и великую скорбь душевную. Тутъ же и прекрасный Горациевъ стихъ самъ собою приходитъ на умъ:

«И на развалинахъ попранныя вселивной,
«Катонъ, подъ бурями, непоколебимъ, стоитъ!»...

17. Августа.

Съ какою грустью оставляютъ они дома, въ которыхъ родились, возросли и были счастливы! Бѣдные жители злополучныхъ странъ!

Въ одномъ прекрасномъ домѣ, близъ дороги, написаны на стѣнѣ *женскою рукою* простыя, но для всякаго трогательныя слова:

Прости, моя милая родина! —

Другъ мой! настаютъ времена, когда и богатые, оставляя великолѣпныя чертоги, равняются съ бѣдными и умножаютъ толпы бѣгущихъ.... Война народная часть отъ часу является въ новомъ блескѣ. Кажется, что сгорающія села возжигаютъ огонь мщенія въ жите-

ляхъ. Тысячи поселянъ, укрываясь въ лѣса, и превративъ *серпъ и косу въ оружія оборонительныя*, безъ искусства, однимъ мужествомъ отражаютъ злодѣевъ. Даже женщины сражаются!... Сего-дня, крестьяне Гжатскаго уѣзда, деревень Князя Голицына, вытѣсненные изъ однихъ *застѣкъ*, переходили въ другіе соседственные лѣса черезъ то селеніе, гдѣ была главная квартира. Тутъ перевязывали многихъ раненыхъ. — Одинъ 14-лѣтній мальчикъ, имѣвшій насквозь прострѣленную ногу, шелъ пѣшкомъ и не жаловался. Перевязку вытерпѣлъ онъ съ большимъ мужествомъ. Двѣ молодые крестьянскія дѣвки ранены были въ руки. Одна бросилась на помощь къ дѣду своему, другая убила древеснымъ сукомъ Француза, поранившаго ея мать. — Многіе имѣли прострѣленные шапки, полы и лапти. — Вотъ почтенные поселяне-воины! — Они горько жаловались, что бывший управитель Полякъ отобралъ у нихъ всякое оружіе при приближеніи Французовъ. Долго ль Русскіе будутъ поручать дѣтей своихъ Французамъ, а крестьянъ Полякамъ и прочимъ пришельцамъ?...

Того-жъ числа.

Теперь начальствуетъ арріергардомъ и почти ежедневно сражается Генераль-Лейтенантъ *Коновницынъ*, воинъ почтенный лѣтами, заслугами и подвигами. У него Адъютантомъ и правителемъ канцеляріи общій совоспитанникъ и другъ нашъ Ахшарумовъ, съ которымъ я иногда выдаюсь. — Быть бою кровавому, быть великому сраженію! — Всякой разъ, когда, идя съ солдатами во время ночныхъ переходовъ, завожу съ ними разговоръ или слушаю ихъ разговаривающихъ, то во всѣхъ поступкахъ ихъ замѣчаю ревностное и пламенное желаніе *стать и сражаться!* Горящія окрестности, разоряемыя церкви, поруганная Святыня и стонъ жителей, съ непзѣяснимою силою дѣйствуютъ на души ихъ. О! какъ добры и благочестивы солдаты Русскіе! Чего

нельзя съ ними сдѣлать? Никто не умѣетъ такъ оцѣнить и помнить храбрости Офицера, какъ они.— Одинъ усасть гренадеръ, когда я съ нимъ вчера разговаривалъ и объявилъ свое имя, сказалъ мнѣ: «да не родня ли вамъ Глинка, въ Либавскомъ полку, что былъ подъ Смоленскомъ въ стрѣлакахъ?»—Это братъ мой, отвѣчалъ я.—«Онъ прехрабрый, сударь, человекъ! говорилъ гренадеръ: съ нимъ весело ходить *впередъ!*»—Вотъ нечаянное привѣтствіе — и самое лестное!—Отчасу болѣе распространяется слухъ о скоромъ прибытіи къ арміи Свѣтлѣйшаго Князя, Графа Голенищева-Кутузова. Говорятъ, что народъ встрѣчаетъ его повсюду съ неизъяснимымъ восторгомъ. Всѣ жители городовъ выходятъ на встрѣчу, отпрягаютъ лошадей, везутъ на себѣ карету; древніе старцы заставляютъ внуковъ лобызать стопы его, матери выносятъ грудныхъ младенцевъ, падаютъ на колѣни и поднимаютъ ихъ къ небу! Весь народъ называетъ его *спасителемъ*. Государь сказалъ ему: «иди спасать Россію!»—Россія, указывая на раны свои, вопіетъ: «спаси меня!»—Безсмертіе уже готовитъ мѣсто на скрижаляхъ своихъ, чтобъ передать имя его въ безконечность временъ.—Помнишь, какъ мы восхищались неподражаемымъ мѣстомъ въ Мармонтелевомъ Велисаріѣ, гдѣ онъ представляетъ сего великаго мужа проходящимъ чрезъ тѣ самыя области, которыя спасъ отъ гибели, и повсюду собирающимъ безцѣнные дани нелестнаго усердія народа. О, какъ различна слава бичей и спасителей народовъ!—

18 Августа.

■ Наконецъ прибылъ сей лаврами и сѣдинами увѣнчанный Вождь! Нѣкоторые изъ почетныхъ Гжатскихъ купцовъ привезли его сами на прекрасныхъ своихъ лошадяхъ въ селеніе Царево-Займище.—Я сей-часъ видѣлъ Свѣтлѣйшаго Голенищева-Кутузова, сидящаго на простой скамьѣ подлѣ одной избы; множество

Генераловъ окружали его. Радость войскъ неописанна. У всѣхъ лица сдѣлались свѣтлѣе, и военныя бесѣды вокругъ огней радостиѣ. Дымныя поля биваковъ начинаютъ оглашаться пѣснями.—

20 Августа.

Какъ нетрудно понравиться солдату! Должно показывать только ему, что заботишься о судьбѣ его, что внимаешь въ его состояніе, что требуешь отъ него необходимо нужнаго и ничего излишняго. Когда Свѣтлѣйшій Князь объѣзжалъ въ первый разъ полки, солдаты засуетились было, начали чиститься, тянуться и строиться. «Ненадо! ничего этого ненадо! говорилъ Князь: «я пріѣхалъ только посмотреть, здоровы ли вы, дѣти мои! Солдату въ походѣ не о щегольствѣ думать: ему надобно отдыхать послѣ трудовъ и готовиться къ побѣдѣ.» — Въ другой разъ увидѣвъ, что обозъ какого-то Генерала мѣшаетъ идти полкамъ, онъ тотчасъ велѣлъ освободить дорогу, и громко говорилъ: «Солдату въ походѣ каждый шагъ дорогъ: скорѣй придетъ, больше отдыхать будетъ!» — Такія слова Главнокомандующаго все войско наполнили къ нему довѣренностію и любовью. «Вотъ то-то пріѣхалъ нашъ батюшка!» говорили солдаты; «онъ всѣ наши нужды знаетъ: какъ не подратъся съ нимъ; въ глазахъ его всѣ до одного ради головы положить.»—Быть великому сраженію!

Всѣ обстоятельства предвѣщаютъ сраженіе, должствующее рѣшить судьбу Отечества. Говорятъ, что въ послѣдній разъ, когда Свѣтлѣйшій осматривалъ полки, орелъ явился въ воздухѣ и парилъ надъ нимъ. Князь обнажилъ сѣдинами украшенную голову: все войско закричало ура!—Въ сей же день Главнокомандующій приказалъ служить во всѣхъ полкахъ молебны Смоленской Божіей Матери, и для иконы ея, находившейся при арміи, сдѣлать новый приличный кивотъ. Все это восхищаетъ солдатъ и всякаго!

На сихъ дняхъ Смоленскій помѣщикъ Реедъ привезъ двухъ сыновъ, прекрасныхъ молодыхъ людей, и просилъ опредѣлить ихъ въ службу *. Другой Смольянинъ, Ротмистръ *Клочковъ*, оставя прекрасную жену и пятерыхъ дѣтей, пріѣхалъ служить, и опредѣлился къ почтенному Генералу *Лихачеву*, который, отъ тяжелой боли едва передвигая ноги, и почти совсѣмъ не владѣя руками, ѣздитъ на дрожкахъ при своей дивизіи и бываетъ въ сраженіяхъ.

Вотъ что значитъ война отечественная!...

21 Августа.

Мнѣ кажется, я переселился совсѣмъ въ другой свѣтъ! — Куда ни взглянешь, все пылаетъ и курится. Мы живемъ подъ тучами дыма и въ области огней. *Смерть* все ходитъ между и около насъ!... Она такъ и трется промежъ рядовъ. — Нѣтъ человѣка, который бы не видалъ ее каждый день, и каждый день цѣлыя тысячи достаются ей на жертву! Здѣсь люди исчезаютъ какъ тѣни. Сего-дня на землѣ, а завтра подъ землею! . . . Сего-дня смѣемся съ другомъ; завтра плачемъ надъ его могилою!... Тутъ *цѣлыми обществами* переходятъ изъ сего на тотъ свѣтъ такъ легко, какъ будто изъ дому въ домъ!—Удивительно, какъ привыкли здѣсь къ смерти, въ какихъ бы видахъ не являлась: свиститъ ли въ пуляхъ, сѣется-ль въ градѣ картечь, или шумитъ въ полетѣ ядеръ и вылетаетъ изъ лопающихся бомбъ — ее никто не пугается. Всякой дѣлаетъ свое дѣло, и ложится въ могилу, какъ въ постель. — Такъ умираютъ сіи благородные защитники Отечества! сіи достойные Офицеры Русскіе. Солдаты видятъ ихъ всегда впереди. Опасность окружаетъ всѣхъ, и пуля рѣдкаго минуетъ!....

* Три старшихъ сына этого почтеннаго дворянина были уже прежде въ службѣ. Въ продолженіи войны *четыре* изъ нихъ ранены.

22 Августа.

Никогда, думаю, не молился Русскіе съ такимъ усердіемъ, какъ сегодня! Поутру полки расположились около *Колоцкого монастыря*. Тамъ еще оставались два или три посѣдѣлыхъ монаха. Цѣлый день церковь была отперта и полна. Я былъ у вечерни. Унылый стонъ колокола, тихое пѣніе, спневатый сумракъ, слегка просвѣтляемый томною лампадою и нѣсколькими свѣчами, которыя чуть теплились предъ древними иконами: все это вмѣстѣ чудеснымъ образомъ располагало душу къ молитвѣ. Глубокое молчаніе почивало въ храмѣ. Никто не смѣлъ нарушить его. Въ сіи мгновенія души и сердца Русскія были въ тайной бесѣдѣ съ Богомъ. У нѣкоторыхъ только изъ молящихся избытокъ грусти вырывался въ тихихъ рыданіяхъ, мѣшаясь съ дрожащимъ голосомъ убоженнаго сѣдинами старца.—

Видъ пылающаго Отечества, бѣгущаго народа, и неизвѣстность о собственной судьбѣ, сильно стѣсняли сердце. Я вышелъ и смотрѣлъ на заходящее солнце, которое усиливалось сохранять блескъ свой въ мутныхъ облакахъ, гонимыхъ холоднымъ вѣтромъ. Ужъ ли, думалъ я, древняя слава Россіи угаснетъ въ буряхъ какъ оно!... Нѣтъ! возсталъ *духъ Русской земли*! Онъ спалъ богатырскимъ сномъ и пробудился въ величественномъ могуществѣ своемъ. Уже повсюду наноситъ онъ удары злодѣямъ. — Нигдѣ не сдается, не хочетъ быть рабомъ. Онъ засѣдаетъ въ лѣсахъ, сражается на пеплѣ селъ, и *проситъ поля у врага*, готовясь стать и биться съ нимъ цѣлые дни.—

Всѣ признаки великаго сраженія часъ отъ часу болѣе становятся видны. Непріятель, совокупляя силы свои, каждый день съ большею дерзостію надвигаетъ. Силы его несмѣтны!... Онъ ширятся въ право и въ лѣво, и темнѣютъ какъ дремучіе лѣса, или ходятъ какъ тучи, изъ которыхъ, по временамъ, стрѣляетъ громъ!..

23 Августа.

«Тутъ остановимся мы и будемъ сражаться!» думалъ каждый, завидя высоты Бородинскія, на которыхъ устроили батареи. Войска перешли Колочу, впадающую здѣсь же, въ селѣ Богородинѣ, въ Москву рѣку, и установились на протяженіи холмовъ, омываемыхъ слияніемъ сихъ двухъ рѣчекъ. Стало войско—и не стало ни жатвъ, ни деревень: первыя приотпаны, другія снесены. «Война идетъ, и мететъ!» Такъ говорится издавна въ народѣ. Можетъ ли быть бѣдствіе лютейшее войны?...

Наступаетъ вечеръ. Наши окапываются неутомимо. Засѣлками городятъ лѣса. Пальбы нигдѣ неслыхать. Тамъ, вдали, непріятель разводитъ огни; вѣтеръ раздуваетъ пожары, и зарево выше и выше восходитъ на небеса!—По послѣднему расположенію войскъ, у насъ на правой рукѣ Милорадовичъ; на лѣвой Князь Багратионъ; въ срединѣ Докторовъ. Глава всѣхъ войскъ Князь Кутузовъ, подъ нимъ Барклай де Толли. Ожидаютъ непріятеля и сраженія.—Прощай!—

24 Августа.

Отдаленный громъ пушекъ привѣтствовалъ восходящее солнце. Генералъ Коновницынъ, съ передовыми полками, схватился съ непріателемъ подъ стѣнами Колоцкого монастыря.—Вотъ идутъ они: одинъ скусно уклоняется, другой — нагло влечетъ гремящія тысячи свои прямо на насъ. — Толпы его, тянувшіяся по дорогѣ, вдругъ распахнулись въ право и въ лѣво. Смотрите, какая необозримость сихъ движущихся стѣн!.. Поля дрожатъ, кажется, гнутся подъ множествомъ конныхъ; лѣса насыпаны стрѣлками; пущки вытягиваются изъ долинъ и кустарниковъ, и въ разныхъ мѣстахъ, разными тропами пробираясь, на холмы и пригорки, взвѣзжаютъ.—Многочисленное войско непріятельское

колеблется: кажется въ нерѣшимости. Вотъ пошатнулось-было въ лѣво, и вдругъ повалило на право. Огромныя полчища двинулись на лѣвое наше крыло.— Русскіе спокойно смотрятъ на все съ укрѣпляемыхъ высотъ своихъ.—Пыль, взвившаяся до небесъ — усьдается. Даль яснѣетъ. Непріятель къ чему-то готовится. Посмотримъ къ чему?...

24 Августа. Поздно въ вечеру.

Непріятель, какъ туча, заснѣлъ, сгустившись, противъ лѣваго нашего крыла, и съ быстротою молніи ударилъ на оное, хотя все сбить и уничтожить. — Но Князь Багратионъ, Генералъ Тучковъ, храбрый Графъ Воронцовъ и прочіе, призвавъ на помощь Бога, укрѣпясь своимъ мужествомъ, и оградясь штыками Русскими, отбросили далеко пѣхоту, дерзко приступавшую къ батареямъ. Пушки наши дѣйствовали чудесно. Кирасыры врубались съ неимовѣрною отважностію. Раздраженный непріятель нѣсколько разъ повторялъ свои нападенія, и каждый разъ былъ отраженъ. Поле покрылось горами тѣлъ. — Во все время, какъ мѣлкій огонь гремѣлъ неумолчно и небо дымилось на лѣвомъ крылѣ, Князь Михайла Ларіоновичъ сидѣлъ на своей деревянной скамеечкѣ, которую за нимъ всегда возили, у огня, на срединѣ линій. Онъ казался очень покоенъ. Всѣ смотрѣли на него, и, такъ сказать, черпали отъ него въ сердца свои спокойствіе. Въ рукахъ его была нагайка, которою онъ то помахивалъ, то чертилъ что-то на песокъ.—Казалось, что весь онъ превратился въ слухъ и зрѣніе, то вслушиваясь въ гремящіе переходы сраженія, то внимательно обозрѣвая положеніе мѣстъ.—Часто пересылался съ нимъ Багратионъ.— Ночь прекратила бой и засвѣтила новые пожары. — Прощай до завтра!

25. Утро.

Все тихо. Непріятель отдыхаетъ; перевязываетъ вчерашнія раны, и окапываетъ лѣвое крыло свое. И наши не дремлютъ:—готовятся.—

25. Сумерки.

Я почти цѣлый день просидѣлъ на колокольнѣ въ селѣ Бородинѣ. Оттуда, въ зрительную трубку—все какъ на ладони!—Они роются, какъ кроты, въ землѣ; строятъ преогромные *редуты*, а пушекъ, пушекъ, и сказать страшно!—На одномъ только окопѣ насчиталъ я—сто!—Но не одинъ я задержанъ былъ любопытствомъ на колокольнѣ: многіе Генералы всходили туда же. — Общее мнѣніе было, что непріятель для того огораживаетъ лѣвое крыло свое, чтобъ свести всѣ войска на правое, и съ сугубымъ усиліемъ ударить на лѣвое наше.—На средину также ожидали нападенія. — Но вотъ уже сумерки! Вѣтеръ подымается съ воемъ и гулитъ по шалашамъ. Французы *отaborились*, и засвѣтили огни. Я забылъ сказать, что почти цѣлый день шайки ихъ стрѣлялись съ нашими егерями: наши не давали имъ пить изъ Колочи. — Прощай—темно! иду доставать свѣчи.—

съ 25 на 26. Глубокая ночь.

Все безмолвствуетъ!... Русскіе, съ чистою безупречною совѣстію, тихо дремлютъ, облегли дымящіеся огни. Сторожевыя цѣпи пересылаютъ одна другой протяжные отголоски. Эхо чуть вторить имъ. На облачномъ небѣ изрѣдка искрятся звѣзды. Такъ все покойно на нашей сторонѣ.—

Напротивъ того: ярко блещутъ устроенные огни въ *таборахъ* * непріятельскихъ; музыка, пѣніе, трубные гласы и крики по всему стану ихъ разносятся. — Вотъ слышны восклицанія!—Вотъ еще другія!... Они вѣрно привѣтствуютъ разѣзжающаго по строямъ Наполеона. Точно такъ было предъ Аустерлицкимъ сраженіемъ. Что будетъ завтра?—Вѣтеръ гаситъ свѣчу, а сонъ смыкаетъ глаза.—Прощай.

29 Августа. Окрестности Москвы.

Застонала земля, и пробудила спавшихъ на ней воиновъ. Дрогнули поля, но сердца покойны были. Такъ началось непримѣрное сраженіе Бородинское, 26 Августа. Туча ядеръ, съ визгомъ пролетѣвшихъ надъ шалашомъ нашихъ, пробудила меня и товарищей. Всканиваемъ, смотримъ—густой туманъ лежитъ между нами и *ими*. Заря только что начинала зажигаться. Непріятель подвезъ вѣскольکو сотъ орудій, и открылъ цѣлый адъ. Бомбы и ядра сыплются градомъ. Трескъ и взрывы повсемѣстны. Одни шалаши валятся; другіе пылаютъ!—Войска бѣгутъ къ ружью и въ огонь.—Все это происходило въ *средины*; а на лѣвомъ крылѣ нашемъ давно уже свирѣѣла гроза въ непрерывныхъ перекатахъ грома пушекъ и мѣлкаго оружія. Мы простились съ братомъ. Онъ побѣждалъ съ стрѣлками защищать мостъ.—Большую часть сего ужаснаго дня проводилъ я то на главной батарее, гдѣ находился *Свѣтлыйшій*, то на дорогѣ, гдѣ перевязывали раненыхъ.—Мой другъ! я видѣлъ это нецмвѣрно-жестокое сраженіе, и ничего подобнаго въ жизнь мою не видалъ, ни о чемъ подобномъ не слыхалъ, и едва ли читывалъ.

Я былъ подъ *Аустерлицемъ*; но то сраженіе, въ сравненіи съ этимъ — ошибка! Тѣ, которые были подъ

* *Таборъ* значитъ, кажется, бивакъ (bivouaque).

Прейсиг-Эйлау, дѣлають почти такое же сравненіе.— Надобно имѣть кисть *Микель-Анджело*, изобразившую страшный судъ, чтобъ осмѣлиться представить сіе ужасное побоище.—Подумай только, что до 400 тысячъ лучшихъ воиновъ, на самомъ тѣсномъ, по многочисленности ихъ, пространствѣ, почти, такъ сказать, толкаясь головами, дрались съ неслыханнымъ отчаяніемъ: 2000 пушекъ гремѣли непрерывно. Тяжко воздыхали окрестности—и земля, казалось, шаталась подъ бременемъ сражающихся. Французы метались съ дикимъ остервененіемъ; Русскіе стояли съ неподвижностію твердѣйшихъ стѣнъ. Одни стремились дорваться до вожделѣннаго конца всѣмъ трудамъ и дальнимъ походамъ, загребсти сокровища, имъ обѣщанныя, и насладиться всѣми утѣхами жизни въ древней знаменитой столицѣ; другіе помнили, что заслоняють собою сію самую столицу, сердце Россіи и мать городовъ. Оскорбленная вѣра, разоренныя области, поруганные олтари, и прахъ отцовъ, обиженные въ могилахъ, громко вопіяли о мщеніи и мужествѣ.

Сердца Русскія внимали священному воплю сему, и мужество нашихъ войскъ было неописанно. Они, казалось, дорожили каждымъ вершкомъ земли, и бились до смерти за каждый шагъ. Многія батареи до десяти разъ переходили изъ рукъ въ руки. — Сраженіе горѣло въ глубокой долинѣ, и въ разныхъ мѣстахъ, съ огнемъ и громомъ, на высоты всходило. Густой дымъ заступилъ мѣсто тумана. Сѣдые облака клубились надъ лѣвымъ крыломъ нашимъ, и заслоняли средину; между тѣмъ какъ на правомъ сіяло *полное солнце*. И самое свѣтло не мало видало такихъ браней на землѣ съ тѣхъ поръ, какъ освѣщаетъ ее. — Сколько потоковъ крови! сколько тысячъ тѣлъ! «Не заглядывайте въ этотъ лѣсокъ,» сказалъ мнѣ одинъ изъ лекарей, перевязывавшій раны: «тамъ цѣлые костры отпаленныхъ рукъ и ногъ!»... Въ самомъ дѣлѣ, въ рѣдкомъ изъ сраженій прошлаго вѣка бывало вмѣстѣ столько убитыхъ, ране-

ныхъ и въ плъниъ взятыя, сколько подъ Бородинымъ оторванныя ногъ и рукъ. — На мѣстѣ, гдѣ перевязывали раны, лужи крови не изсыхали. Никогда не видалъ я такихъ ужасныхъ ранъ. Разбитыя головы, оторванныя ноги и разможенные руки до плечъ были обыкновенны. Тѣ, которые несли раненыхъ, облиты были съ головы до ногъ кровью и мозгомъ своихъ товарищей...

Сраженіе не умолкало ни на минуту, и цѣлый день продолжался *блглый огонь изъ пушекъ*. Бомбы, ядра и картечи летали здѣсь такъ густо, какъ обыкновенно летаютъ пули; а сколько здѣсь пролетѣло пуль!.. Но это сраженіе неописанно: я сдѣлалъ только абрисъ его. — По счастью, на то самое мѣсто, гдѣ случился я съ братомъ, привели уже около вечера брата нашего *Григорія*. Онъ былъ раненъ пулею въ голову. Рана опасна, но не смертельна. Искусный лекарь перевязалъ ее. — Вечеръ наступалъ, и непріятель началъ уклоняться. Русскіе устояли! — Мы благословляли небо, и поспѣшили проводить раненаго въ Можайскъ. —

30 Августа.

«Такъ восходило оно въ день Аустерлицкаго сраженія!» — сказалъ *Наполеонъ* предъ строемъ войскъ, указывая на восходящее солнце. Надменный вожь хотѣлъ заранѣе читать побѣду въ небесахъ? но предвѣщанія его не сбылись. — О, мой другъ! какое ужасное сраженіе было подъ Бородинымъ! Сами Французы говорятъ, что они сдѣлали 60,000 выстрѣловъ изъ пушекъ, и потеряли 40 Генераловъ! — Наша потеря также очень велика. Князь Багратіонъ тяжело раненъ. — «Оцѣнка людей, говоритъ Екатерина, не можетъ сравняться ни съ какими денежными убытками!» Но въ войнѣ отечественной и люди — ничто! Кровь льется какъ вода: никто не щадить и не жалѣетъ ее! — Нѣтъ, другъ мой!

ни берега Дуная и Рейна, ни поля Италіи, ни предѣлы Германіи давно, а можетъ быть и никогда еще не видали столь жаркаго, столь кровопролитнаго и столь ужаснымъ громомъ пушекъ сопровождаемаго сраженія! —Одни только Русскіе могли устоять: они сражались подъ отечественнымъ небомъ, и стояли на родной землѣ.

Однакожь Наполеонъ не остановился въ Бородинѣ: онъ влечетъ пронзенныя толпы свои прямо къ Москвѣ. Тамъ Милорадовичъ, начальствуя передовыми войсками, пріемлетъ всѣ удары на щитъ свой. Здѣсь составляется совѣщаніе объ участи Москвы.

Что будетъ?—Богу знать!—

П. П. Я бы писалъ къ тебѣ болѣе и пространнѣе; но отъ нестерпимой головной боли едва могу мыслить. Въ теченіи всего этого времени, имѣвъ всегда постелью сырую землю, я сильно простудилъ голову.—Лучшее описаніе Бородинскаго сраженія получишь развѣ со временемъ.—Прощай!—

2 Сентября.

Мы привезли раненаго брата въ Москву. Вотъ уже другой день, какъ я въ столицѣ, которую такъ часто видалъ въ блестящемъ ея великолѣпіи, среди торжествъ и пированій, и которую теперь едва, едва могу узнать въ глубокой ея печали. О, другъ мой! что значить блескъ городовъ, очаровывающій чувства наши? Это самая тлѣнная полуда на мѣди, позолота на пилюлѣ! Отняли у Москвы многолюдство, движеніе народа, суету страстей, стукъ каретъ, богатство украшеній—и Москва, оспротѣлая, пустая, ничѣмъ не разнится отъ простаго уѣзднаго города! — Все уѣхало или уѣзжаетъ! Вчера братъ мой, Сергѣй Николаевичъ, выпроводилъ жену и дѣтей своихъ. Сегодня жегъ и рвалъ онъ всѣ Французскія книги изъ прекрасной своей библіотеки, въ

богатыхъ переплѣтахъ, истребляя у себя всѣ предметы роскоши и моды. Тому, кто семь лѣтъ пишетъ въ пользу Отечества, противъ заразы Французскаго воспитанія, простительно доходить до такой степени огорченія въ тѣ минуты, когда злодѣи уже приближаются къ самому сердцу Россіи. Я забылъ сказать тебѣ, что Государь, въ послѣдній пріѣздъ свой въ Москву, пожаловалъ *ему* Владимірскій крестъ при слѣдующихъ словахъ: «за любовь вашу къ отечеству, доказанную *сочиненіями* *си дѣлами* вашими.» — Мы было всѣ *пять братьевъ* стѣхались въ Москву; но пробыли вмѣстѣ не болѣе дня. Братъ мой *Иванъ* уѣхалъ къ Князю Лобанову-Ростовскому, который взялъ его къ себѣ въ Адъютанты.... Уже врагъ въ Москвѣ! Уже Франгузы въ священныхъ стѣнахъ древняго Кремля.... А мы, въ слѣдъ за Русскими войсками, пробираемся на Рязанскую дорогу. Древняя столица Сѣвера, послѣ двухъ-сотъ-лѣтней свободы, должна опять почувствовать тяготу оковъ иноплеменныхъ!—

4 Сентября. Боровской перевозъ.

Москва въ слезахъ; Москва уныла,
Какъ темная въ пустынѣ ночь!—

Такъ говорилъ я, вмѣстѣ съ однимъ изъ превосходнѣйшихъ поэтовъ нашихъ, стоя на высокомъ *Мячковскомъ курганѣ* у Боровскаго перевоза на Москвѣ рѣкѣ. — Я видѣлъ сгарающую Москву! Она, казалось, погружена была вся въ огненное море. Огромная чернобагровая туча дыма вписѣла надъ нею. Картина ужасная!.. Войска наши предпринимаютъ какое-то очень искусное движеніе въ лѣво. *Потеря Москвы не есть еще потеря Отечества.* Такъ скажетъ Исторія, и такъ говорить Главнокомандующій: таковъ есть голосъ всего войска, готоваго сражаться до послѣдней капли крови!— Ты знаешь, что въ 1571 году, при Царѣ Иванѣ

Васильевичъ, вся Москва разорена и предана была пламени набѣжавшимъ съ ордою Татаръ Крымскимъ Ханомъ *Дивлетъ-Гиреемъ* въ 24 день Маія. «Всѣ улицы «наполнены были кровью и трупами, и Москва рѣка «мертвыхъ не пронесла!» такъ повѣствуетъ *Льтописецъ*.—Въ 1612 году она терпѣла почти такую же участь, и славно избавлена *Пожарскимъ*!—

Одинъ знаменитый писатель * говаривалъ часто, что *время настоящее беременно будущимъ*. А по сему-то, видя въ *настоящемъ* всеобщее вооруженіе, воскресшій духъ народный, твердость войскъ и мудрость Вождей, я предчувствую, что *будущее*, рожденное счастливыми обстоятельствами настоящаго, должно быть нѣкоторымъ образомъ *повтореніемъ прошедшаго*: оно должно возвратити намъ свободу, за которую теперь, какъ и прежде, все ополчается.—Другъ мой! будемъ молиться—и надѣяться!—

Сентября 10. Рязань.

Съ какими трудами, непріятностями и препятствіями сопряжено всеобщее бѣгство!... По Рязанской губерніи въ нѣсколькихъ мѣстахъ переправляются одну только Оку, и ни въ одномъ мѣстѣ нѣтъ порядочной переправы! Ни къ чему годные паромы, на ветхихъ канатахъ, едва могутъ поднять десять лошадей и нѣсколько человѣкъ, тогда, какъ сотни проѣзжающихъ ожидаютъ на берегу. Раненые Офицеры больше всего при этомъ страдаютъ. Цѣлыя семейства живутъ здѣсь на пустомъ берегу, въ ожиданіи очереди переправиться. Жена одного знакомаго намъ Московскаго жителя, который простоялъ на переправѣ трое сутокъ, разрѣшилась отъ бремени. Положеніе отца было самое печальное; ибо негдѣ было взять никакихъ средствъ для вспоможенія болящей и младенцу.—Я еще въ первый

* Лейбницъ.

разъ въ здѣшнихъ мѣстахъ и въ первый разъ вижу, что Россія здѣсь такъ мало населена. Какія обширныя поля и какъ мало жилищъ! Кажется, что вся *населенность* въ Россіи сдвинулась къ ея границамъ. Еслибъ можно было сдѣлать противное, чтобъ народъ стѣснился ближе вокругъ сердца своего Отечества, а *степи* отдѣлили бы его отъ чуждыхъ странъ, чтобъ развратъ и оружіе иноплеменниковъ не такъ легко проникали въ него!—

Что сказать тебѣ болѣе о нашемъ странствованіи?— Мы проѣхали Коломну, очень порядочный городъ, пониже котораго сливается Москва рѣка съ Окою. Я едва успѣлъ взглянуть тамъ на древнія развалины очень красивыхъ башенъ; вихрь всеобщаго смятенія умчалъ и насъ съ собою далѣе. Миѣ очень хотѣлось найти здѣсь Подполковника Артиллеріи, двоюроднаго брата моего и друга *Владимира Глинку*, который, помнишь, былъ съ нами вмѣстѣ въ Корпусѣ; но онъ уже ушелъ съ ротою куда-то за Оку.—Мы проѣзжали Зарайскъ, прелестный городокъ на берегу свѣтлой рѣки Осетра, впадающей въ Оку. Тамъ осмотрѣлъ я старинную крѣпость, называемую *Кремлемъ*. Говорятъ, что предки наши были непросвѣщенны; однакожъ они умѣли выбирать самыя выгодныя мѣста для своихъ *Кремлей*. Зарайскій Кремль служитъ доказательствомъ. Стоя на возвышенномъ мѣстѣ, онъ преграждаетъ переправу на рѣкѣ и можетъ дѣйствовать орудіями далеко по дорогѣ, извивающейся по чистымъ и гладкимъ полямъ, по которой прихаживали туда Татары. — Почти вся Рязанская губернія полиста и безгорна: кое-гдѣ холмится. Въ каждой лощинѣ хуторъ или деревенька. Ручей и роища суть сокровища въ сей сторонѣ. Земля отмѣнно хлѣбородна. Женщины здѣшнія ходятъ въ *шушункахъ*, и на головѣ носятъ *остроугольныя кички*, которыя придаютъ имъ необыкновенный ростъ. Онѣ говорятъ проѣзжимъ: «добрый господинъ, *касатикъ*;» одна другой говорятъ: «подруга *ластушка*.»—Мужчины

великорослы, свѣжи, бѣлотѣлы; въ обращеніи нѣсколько суровы. — Обѣ Рязани, по прочинѣ краткаго въ ней пребыванія, не скажу тебѣ ни слова. Я замѣтилъ только, что лучший и огромнѣйшій изъ всѣхъ домовъ въ ней есть домъ *откупщика*. Какъ разживаются у насъ откупщики и Французы учителя!... Мы полагали, что въ такомъ городѣ, какъ Рязань, будетъ пріютъ для раненыхъ; но имъ велятъ убираться въ Касимовъ; мы ѣдемъ съ братомъ туда. — И здѣсь все волнуется. Богъ знаетъ отъ чего? — Народъ суетливъ! —

С Е Н Т Я Б Р Я 11.

Не припомнишь ли ты въ прошлогоднемъ *Вѣстникѣ Европы* одной очень остроумной статьи? — Это было какое-то *сносидѣніе*, которое теперь можно назвать пророческимъ. Человѣкъ, писавшій этотъ отрывокъ, *сквозь цѣлый годъ будущаго*, видѣлъ сбывающееся нынѣ. Онъ видѣлъ, говоритъ онъ, *во снѣ*, что будто на Россію сдѣлалось нашествіе и Москва окружена — Татарами! — Стонъ и вопли повсемѣстны. Но побѣдоносный Ханъ *Узлу-к-узлу* смягчается слезами нѣжнаго пола. Онъ позволяетъ каждой женщинѣ вынести на себѣ то, что ей всего дорожже. Зритель во снѣ съ нетерпѣніемъ ожидаетъ, что или кого станутъ выносить?... Наконецъ открылись заставы и повалили толпы женщинъ. У большей части изъ нихъ ноши были легки: онѣ несли шляпки, шалп, ленты, кружева и прочія, освященные *модю* бездѣлки. Иныя тащили кипы романовъ; другія уносили любимыхъ постельныхъ собачекъ, кошекъ, попугаевъ, кучи сладкихъ записочекъ и раззолоченныхъ альбоумовъ. — Вдругъ мелькаетъ знакомое лице: жена любопытнаго зрителя.

Съ помощію нѣсколькихъ дюжинъ горничныхъ дѣвшекъ тащить она на себѣ преогромный коробъ. Вотъ тутъ-то вѣрно спрятаны дѣти мои, думаетъ чадолюбивый отецъ, и бѣжитъ въ слѣдъ за женою. Молодая

супруга останавливается, бережно опускаетъ корбъ; съ вѣтерпѣніемъ открываетъ его, и—оттуда выскакиваетъ—*Французъ—учитель!!!*—Бѣдный мужъ ахнулъ и проснулся!—А теперь не проснешься, видя подобные случаи; ибо видишь ихъ—на яву!... Съ какимъ стараніемъ, сіп скачущія за Волгу, увозятъ съ собою Французовъ и Француженокъ!—Берегутъ ихъ какъ родныхъ дѣтей!—Какое французолюбіе!—Несчастныя! Выѣзжая изъ чумы, везутъ съ собою вещь, напоенныя ядомъ ея!... Не совсѣмъ-то хорошо и то, что по той же самой дорогѣ, гдѣ раненые солдаты падаютъ отъ усталости, везутъ на телѣгахъ *предметы моды и роскоши*.—Увозятъ вазы, зеркала, диваны, спасаютъ *Купидоновъ, Венеръ*; а презираютъ стоны бѣдныхъ, и не смотря на раны храбрыхъ!!—

Гремитъ громъ, но не всякой еще крестится!...

21 Сентября. Село Лыгово—недалеко отъ Рязани.

Мы уже были въ Касимовѣ, но не болѣе двухъ дней. Три перевязки, сдѣланныя искуснымъ лекаремъ, встрѣтившимся намъ на дорогѣ, облегчили рану брата. Онъ не захотѣлъ тѣсниться въ городѣ, наполненномъ великимъ множествомъ раненыхъ, и почувствовавъ себя въ состояніи лечиться при полку, рѣшился ѣхать къ арміи. Въ Касимовѣ любопытно видѣть древнее кладбище Татарскихъ Хановъ и читать надписи на обломкахъ великолѣпныхъ надгробниковъ; но я не успѣлъ ничего видѣть. Я только видѣлъ большія барки, на которыхъ благородныя семейства со всѣмъ домомъ, съ каретами, лошадьми и прочимъ, тянулись внизъ по рѣкѣ. Все уплываетъ, уходитъ или уѣзжаетъ! Вотъ времена! Дай Богъ, чтобы онѣ скорѣе кончились и никогда не возобновлялись!

Какъ странна упряжь *уѣзжающихъ*! Часто подлѣ прекрасной Англійской верховой лошади, видимъ мы

запряженную водовозную клячу; видимъ людей богато одѣтыхъ въ крестьянскихъ телѣгахъ! Теперь люди испытываютъ то, о чемъ прежде едва-ли и слышали.— Очень рѣдко видимъ ѣдущихъ къ Рязани; вездѣ оглобли и дышла повозокъ и головы лошадей обращены въ противную сторону.

Сей-часъ гулялъ я по берегу Оки и смотрѣлъ, какъ буря играла синими волнами ея и гнала ихъ въ далекое пространство открытыхъ степей. — Въ разныхъ мѣстахъ примѣтны на берегахъ Оки огромныя горы сыпучаго песка: кто насыпалъ ихъ?—Вѣки, или наводненія. Песчаные берега, осыненные темно-зелеными елями, подъ туманнымъ небомъ, представляютъ унылыя *Оссіановскія картины*.

Здѣсь въ Ольговѣ есть монастырь на превысокой скалѣ надъ Окою. Отшельникъ, живущій въ немъ, можетъ смотрѣть въ одно окно на Европу, въ другое на рѣку и степи, идущія къ предѣламъ Азіи. Съ одной стороны слышится онъ шумъ страстей и стонъ просвѣщенныхъ народовъ; съ другой представляется ему молчаливая природа, въ величественной важности своей. Полудикія племена, кочующія въ дальнихъ степяхъ, не имѣютъ великолѣпныхъ городовъ и пышныхъ палатъ; но за то незнакомы съ заботами и горестями, гнѣздящимися въ нихъ!

26 Сентября. Городъ Таруса.

Въ Рязани простились мы съ братомъ Сергѣемъ: онъ поѣхалъ отыскивать жену свою и семейство, которое составляло все утѣшеніе, все счастье, трудами и бурями исполненной, жизни его.—Кажется Плутархъ сказалъ, что *братъ есть другъ, данный намъ Природою*: мы испытали это, особенно въ теперешнемъ странствіи.

Отъ Рязани проѣхали опять Зарайскъ, потомъ Каширу и Серпуховъ.

Какія прелестныя мѣста!... Здѣсь берега Оки унизаны селеніями, расположенными на прекрасныхъ холмахъ, между зелеными рощицами. Почти на всякой верстѣ видимъ красныя господскіе дома, каменные церкви, больницы и сады. Какое пріятное сосѣдство! Какъ счастливы должны быть здѣсь люди, если только они такъ хороши, какъ ихъ природа!—Женщины здѣшнія имѣютъ живой, алый румянецъ на бѣломъ лицѣ, бѣлокуры и вообще очень хороши собою. —Здѣсь вѣрно проводятъ пріятныя лѣтніе мѣсяцы въ хозяйственныхъ занятіяхъ, во взаимныхъ другъ другу посѣщеніяхъ, въ прогулкахъ по свѣтло-голубой Окѣ и живописнымъ берегамъ ея. Зимой здѣсь вѣрно пользуются такимъ близкимъ сосѣдствомъ; катаются на легкихъ саняхъ, или бѣгаютъ на конькахъ по свѣтлому льду, изъ дому въ домъ. Занимаются пріятными разговорами, музыкою, полезнымъ чтеніемъ, и важность бесѣдъ улаждая невинными забавами, живутъ въ дружбѣ, любви и простотѣ, вовсе не заботясь о шумныхъ городахъ и о большомъ свѣтѣ. Такъ думаешь, но совсѣмъ не то находишь. — Къ сожалѣнію, съ того времени, какъ Французскія моды вскружили головы Французскихъ питомцевъ, на Руси изрѣдка стали заглядывать въ помѣстья свои. Собравъ сельскіе доходы, тотъ-часъ спѣшатъ приносить ихъ на олтарь моды въ храмахъ, воздвигнутыхъ ею въ Москвѣ. Французскія торговки и разбѣйная жизнь все поглощаютъ!... *Питомцы Французовъ*, не заботясь о наслѣдіи отцовъ, входятъ въ долги, читаютъ Французскіе романы и не могутъ повѣрить, что въ странѣ своей родной съ счастьемъ можно въ селахъ знаться!—

Опустѣлые каменные дома и различныя заведенія, свидѣтельствуютъ, что здѣсь нѣкогда люди пользовались выгодами и пріятностями сельской жизни. Можетъ быть, теперь вразумленные пожаромъ Москвы, сожженной ихъ любимцами, дѣти возвратятся къ благимъ обычаямъ отцовъ своихъ.

Другъ мой! *Французы учителя* не менѣе опасны и вредны *Французовъ завоевателей*: послѣдніе разрушаютъ царства; первые—*добрыя нравы*, которые, неоспоримо, суть первѣйшимъ основаніемъ всѣхъ обществъ и царствъ.—Разсказываютъ, что одна несчастная *Россіянка по воспитанію*, слюбившись съ Французомъ воспитателемъ ея дѣтей, выгнала изъ дому добраго, честнаго и Генеральскій чинъ уже имѣвшаго мужа своего. Она могла это сдѣлать: ибо къ несчастію все имѣніе принадлежитъ ей. — Нѣжный отецъ украдкою только видался съ дѣтьми своими.—Когда велѣно было всѣхъ Французовъ высылать за границу, то этотъ назвался прежде *Италіянцею*, а потомъ *Жидомъ!!!*—Каковы Французы! Нѣтъ брани, которой бы не стоилъ этотъ превратный и развратный народъ!

Теперь здѣсь *побережье Оки* совершенно пусто; всѣ *господа уѣхали въ степи отъ Французовъ*, такъ какъ прежде, заражаясь иноземною дурью, ѣздили въ Москву и въ Парпжъ къ Французамъ.—

Признаюсь тебѣ, что сколько я ни люблю прежнихъ Французскихъ, а особливо драматическихъ писателей, однако желалъ бы, чтобъ языкъ ихъ менѣе употребителенъ былъ у насъ. Онъ такой же вредъ дѣлаетъ нашему, какъ ничтожный червь прекрасному величественному дереву, котораго корни подтачиваетъ.

Крайне прискорбно видѣть и въ арміи языкъ сей въ излишнемъ употребленіи. Часто думаешь, что идешь мимо Французскихъ *биваковъ*! Я видѣлъ многихъ мыслящаго воспитанія, молодыхъ людей, которые прекрасно говорятъ и пишутъ по французски, не умѣя написать правильно нѣсколькихъ строкъ на своемъ природномъ языкѣ. Я примѣтилъ, что люди эти умны только *по французски*. Послушай ихъ говорящихъ по русски—и вся ловкость, всѣ обороты, вся замысловатость исчезаютъ!—Это очень легко объяснить. Ты знаешь, что у Французовъ почти всѣ умники суть *фразеры* (*phraseurs*), которые умны чужимъ умомъ. Память ихъ

изпещряется *выраженіями* разныхъ писателей, и они безпрестанно повторяютъ то въ разговорахъ, что за-твердили въ книгахъ. Множество *каламбуровъ, пословицъ и памятныхъ стиховъ* (*des vers à retenir*), придаютъ разговорамъ ихъ какую-то пестроту и пріятность... на первый только разъ!—Однажды спросили у Дидерота, какихъ онъ мыслей о томъ человѣкѣ, съ которымъ недавно проговорилъ цѣлый часъ?—«Онъ уменъ,» отвѣчалъ Дидеротъ. Но тѣ, которые знали его коротко, начали смѣяться и доказали, что онъ дуракъ. «Ну! такъ я не виноватъ, возразилъ Дидеротъ, что онъ на одинъ только часъ запасся умомъ!»—Стало у Французовъ можно *запасаться умомъ*? По русски совсѣмъ иначе: надобно сочинять свой разговоръ, *изобрѣтатъ выраженія*; а для этого нуженъ не *заемный умъ*.—Суворовъ зналъ прекрасно Французскій языкъ, а говорилъ всегда по русски.—Онъ былъ Русской Полководецъ!

27 Сентября.

Я бы сдѣлалъ великое преступленіе, еслибъ въ то время, какъ загружаю нѣкоторыя письма мои къ тебѣ разными подробностями, не упомянулъ о дѣяніяхъ одного изъ знаменитыхъ соотечественниковъ нашихъ. Эти дѣянія, весьма полезныя теперь, почтенныя во всякое время, и драгоценныя для исторіи, пролагаютъ сами себѣ вѣрный путь, чрезъ благородныя сердца современниковъ, въ память и сердца потомковъ.. Я говорю о *подвигахъ добраго, человѣколюбиваго Генерала Графа Воронцова*. Въ самыхъ молодыхъ лѣтахъ, получивъ одно изъ величайшихъ наслѣдствъ въ Россіи, онъ не уснулъ на розахъ. Напротивъ, по стезѣ трудовъ и терній, пошелъ за лавровыми вѣнцами.—Не стану разпространяться о его храбрости—она извѣстна. Но не могу не раздѣлить съ тобою удивленія моего тому, что ни богатство, въ которомъ такъ легко *черствѣютъ сердца*, ни блескъ воинской славы не могли отвлечь его вниманія отъ страданій ближнихъ.—

Никто больше его не вникалъ въ нужды бѣдныхъ Офицеровъ, и никто не былъ ближе къ принесенію имъ помощи. Онъ привлекалъ къ себѣ любовь подчиненныхъ и славился ею еще въ то время, какъ водилъ отрядъ свой по вертепамъ Балканскихъ горъ.—Отгремѣвъ на берегахъ Дуная, явился онъ въ войскахъ Второй Западной арміи. Въ день ужаснѣйшей Бородинской битвы долго отставалъ, съ преданными ему гренадерами, мѣсто свое на лѣвомъ крылѣ. — Наконецъ покрытый *ранами* и славою, съ потерей крови и памяти, унесенъ съ поля.—Теперь остановясь въ одномъ изъ своихъ помѣстій, лежащемъ на одной изъ большихъ дорогъ, ведущихъ изъ Москвы въ глубь Россіи, онъ открылъ весь домъ свой къ помѣщенію, а сердце къ просьбамъ несчастныхъ.—Всѣ раненые Офицеры, солдаты и безпріютные странники Русскіе заходятъ къ нему, какъ въ собственный домъ. Всѣмъ приличное содержаніе, пища и покровъ. Многихъ благотворительность его одѣляетъ въ тайнѣ и деньгами. Слухи о семъ доходя до сихъ мѣстъ, восхищаютъ всѣхъ истинно-Русскихъ. А я сердечно радъ, когда могу *золотить письма мои* немерцающимъ блескомъ отечественныхъ добродѣтелей.—«Гдѣ дѣвалъ ты свое имѣніе?» спросилъ нѣкогда Царь Иванъ Васильевичъ у Боярина своего *Шереметева*. «*Черезъ руки бѣдныхъ*» отправилъ къ Богу!» отвѣчалъ онъ Царю.—Вотъ лучшее употребленіе богатствъ, употребленіе достойное Русскихъ Вельможъ!—Въ царствованіе Елисаветы, когда *проповѣди* начинали уже становиться необходимыми къ умягченію дебелившихъ въ роскоши сердецъ, *Гедеоны* въ одной изъ прекраснѣйшихъ, произнесенной имъ въ день Сошествія Св. Духа, жарко вступаетъ за *бѣдныхъ*. Онъ сильно и краснорѣчиво доказываетъ, что *богачи* суть люди, которыхъ Богъ удостоилъ быть блюстителями сокровищъ земныхъ, не для чего инаго, какъ для вѣрнѣйшаго *подъла оныхъ* бѣднымъ обратіямъ своимъ. Ударить послѣдній часъ, тѣ и другіе явятся съ отче-

томъ: первые въ раздачѣ, послѣдніе въ полученіи. — Молитвы бѣдныхъ отворятъ *врата райскіе богачамъ*.

Богачи нашего времени! какой отвѣтъ дадите вы, если гласъ Царя Небеснаго или *голосъ Отечества* спроситъ у васъ: «гдѣ дѣваете вы свои имѣнія?» — Горе тѣмъ; которые, указавъ на *ліющееся море роскоши*, скажутъ: «Тамъ утопаютъ они!» — Не думаете ли вы, питомцы вѣги, пресыщаться спокойно *отрадами жизни*, когда прейдутъ грозы и вы по прежнему въ домахъ разставите ломкія сокровища — зеркала и фарфоры свои? — Нѣтъ! тогда громкіе стоны бѣдныхъ, которые роями притекутъ къ пеплу пожарищъ своихъ, заглушатъ всѣ пѣсни вашей радости!...

29 Сентября.

Наконецъ, среди опустошенныхъ селеній, по лѣсистой проселочной дорогѣ, соединяющей большую *Тульскую* съ *Калужскою*, прибыли мы къ *Тарутину*. Небольшіе отряды, разсѣянные для *фуражированія*, служили намъ проводниками. Обширное зарево, пылавшее на горизонтѣ, еще издалика указало мѣсто, гдѣ стояла армія на *бизакахъ*. Выбѣжаемъ изъ лѣса — и видимъ пространное поле, ряды высокихъ укрѣпленій; вправо крутые берега Нары; далѣе представляется множество огней, ярко свѣтящихся въ вечернихъ сумеркахъ, и многочисленное воинство, стройно расположенное въ соломенныхъ шалашахъ по обѣимъ сторонамъ большой дороги. Веселые клики, повсемѣстное пѣніе и музыка, въ разныхъ мѣстахъ игравшая, ясно доказывали, что духъ войскъ не былъ еще удрученъ печалію. — Здѣсь-то остановились наконецъ храбрые тысячи Русскихъ, безропотно покорявшіеся верховному произволу Царя, безмолвно слѣдовавшіе за своими Вождами, безпрестанно сражавшіеся, и при всегдашней побѣдѣ уступавшіе села, города и цѣлыя области хищному непріятелю. Здѣсь остановились они для того,

чтобы всѣмъ до одного умереть, или нанести смертельный ударъ нашествію. —

Около ста тысячъ войскъ, чудесно укрѣпленное мѣстоположеніе и большое число пушекъ составляютъ въ семь мѣстѣ послѣдній плотъ Россіи. Но войско наше кипитъ мужествомъ; но любовь къ Отечеству овладѣла сердцами всего народа; но Богъ и Кутузовъ съ нами—будемъ надѣяться!

Сентября 30.

На мѣстѣ, гдѣ было село Тарутино Анны Никитишны Нарышкиной, и въ окрестностяхъ онаго явился новый городъ, котораго граждане—солдаты; а дома—шалашы и землянки. Въ этомъ городѣ есть улицы, площади и рынки. На сихъ послѣднихъ изобиліе Русскихъ краевъ выставляетъ всѣ дары свои. Здѣсь, сверхъ необходимыхъ жизненныхъ припасовъ, можно покупать арбузы, виноградъ, и даже ананасы!... тогда, какъ Французы ѣдятъ одну пареную рожь и, какъ говорятъ, даже конское мясо!—На площадяхъ и рынкахъ Тарутинскихъ солдаты продаютъ отнятыя у Французовъ вещи: серебро, платье, часы, перстни и проч. Козаки водятъ лошадей. Маркитанты торгуютъ винами и водкою.—Здѣсь между покупателями, между продающими и мѣняющими, въ шумной толпѣ отдохнувшихъ отъ трудовъ воиновъ, среди ихъ пѣсенъ и музыки, забываешь на минуту и военное время, и обстоятельства, и то, что Россія уже за *Нарою*!...

Отдыхъ, нѣкоторая свобода и небольшое довольство вотъ все, что тѣшитъ и счастливитъ военныхъ людей!—

1 Октября.

Братъ мой, у котораго рана еще не зажила, являсь на службу, былъ принятъ очень благосклонно Генералъ-Маіоромъ *Талызинымъ* и дивизіоннымъ начальникомъ

своимъ почтеннымъ Генералъ-Лейтенантомъ *Капцевичемъ*.—Я прѣхалъ сюда также съ тѣмъ, чтобъ непременно опредѣлиться въ полкъ. Но мнѣ надобно было найти Генерала, который, зная прежнюю мою службу, принялъ бы *бѣднаго Поручика* хотя тѣмъ же чиномъ, не смотря на то, что *всѣ свидѣтельства и всѣ аттестаты его* остались въ рукахъ непріятеля, и что на немъ ничего болѣе не было, кромѣ *синей куртки*, сдѣланной изъ бывшаго синяго фрака, у котораго, отъ кочевой жизни при полевыхъ огняхъ, полы обгорѣли.— Я пошелъ къ Генералу отъ Инфантеріи Милорадовичу, живущему въ авангардѣ впереди *Тарутинской позиціи*. Онъ узналъ меня, пригласилъ въ службу — и я уже въ службѣ—тѣмъ же чиномъ, какимъ служилъ передъ отставкою и какимъ отставленъ, то-есть *Поручикомъ*, и имѣю честь находиться въ *авангардѣ*, о которомъ теперь гремитъ слава по всей арміи.*. —

4 Октября. Село Тарутино.

Сего-дня Генералъ Милорадовичъ взялъ меня съ собою объѣхать къ Генералу Дмитрію Дмитріевичу Шепелеву, который имѣлъ свои биваки за правымъ крыломъ арміи. Обѣдъ былъ самый великолѣпный и вкусный. Казалось, что какая-нибудь волшебница лила и сыпала изъ неистощимаго рога изобилія лучшія вина, кушанья и самые рѣдкіе плоды. Хозяинъ былъ очень ласковъ со всѣми, и прекраснѣйшій столъ свой украшалъ еще болѣе искусствомъ угощать. Гвардейская музыка гремѣла. И такъ твой другъ, въ корень раззоренный Смоленскій помѣщикъ, бѣдный Поручикъ въ синей курткѣ, съ пустыми карманами, имѣлъ честь объѣхать вмѣстѣ съ тридцатію лучшими изъ Русскихъ Генераловъ.—

Въ это время состояли (въ качествѣ адъютантовъ) при Милорадовичѣ: Н. Д. *Киселевъ* — Министръ госуд. имуществъ, посолъ въ Парижъ; *Граббе*—Графъ, Атаманъ войскъ донскихъ; Баронъ *Сакенъ* (Д. Ер.) Генералъ отъ Инфантеріи, защищавшій Одессу и Севастополь.—

Къ большому удовольствію моему я познакомился здѣсь съ любезнымъ молодымъ человѣкомъ Графомъ Апраксинымъ, Адъютантомъ Генерала Уварова.—

7 Октября. Тарутино.

Еще звѣнить въ ушахъ отъ вчерашняго грома. Послѣ шести мирныхъ лѣтъ я опять былъ въ сраженіи, опять слышалъ шумъ ядеръ и свистъ пуль.—Вчерашнее дѣло во всѣхъ отношеніяхъ удачно. Третьяго дня ввечеру Генералъ Бенигсенъ заѣзжалъ къ Генералу Милорадовичу съ планами. Они долго наединѣ совѣтовались. Ночью знатная часть арміи сдѣлала, такъ сказать, вылазку изъ крѣпкой Тарутинской позиціи. Славный Генералъ Бенигсенъ имѣлъ главное начальство въ семъ дѣлѣ. Генералъ Милорадовичъ командовалъ частію пѣхоты, почти всею кавалеріею и гвардіею. Нападеніе на великой авангардъ Французской арміи, подѣ начальствомъ Короля Неаполитанскаго, сдѣлано удачно и неожиданно. Непріятель тотчасъ началъ отступать, и вскорѣ предался совершенному бѣгству. 20 Пушекъ, немалое число плѣнныхъ и великое множество разнаго обоза, были трофеями и плодами этого весьма искусно обдуманнаго и счастливо исполненнаго предпріятія.—Движеніями войскъ въ семъ сраженіи управлялъ извѣстный Полковникъ Толь, прославившійся личною храбростію и великими познаніями въ военномъ дѣлѣ.—Предупреждаю тебя, что всѣ описанія мои съ сей поры будутъ очень кратки: въ авангардѣ нѣтъ ни мѣста, ни времени къ пространнымъ письменнымъ занятіямъ.—Подожди! когда-нибудь при удобнѣйшемъ случаѣ я сообщу тебѣ подробнѣйшее *описание дѣйствій войскъ подѣ начальствомъ Генерала Милорадовича*. Не знаю, почему большая часть знаменитыхъ подвиговъ этого Генерала неозначена въ Вѣдомостяхъ; но онъ, какъ я замѣтилъ, ни мало этимъ не огорчается. Это значить, что онъ не герой *Вѣдомостей*, а герой *Истории* и *потомства*.—

Скажу тебѣ, что Генералъ сей, принявшій, по просьбѣ Князя Свѣтлѣйшаго, начальство надъ арріергардомъ послѣ страшнаго Бородинскаго сраженія, дрался съ превосходнымъ въ числѣ непріятелемъ съ 29-го Августа по 23-е Сентября, т.-е. 26 дней безпрерывно. Нѣкоторые изъ сихъ дней, какъ-то 29 Августа, 17 Сентября и 20 и 22 того же мѣсяца, ознаменованы большими сраженіями, *по десяти и болѣе часовъ продолжавшимися*. Извѣстно-ль все это у васъ?—

9 Октября. Дача Кусовникова близъ Тарутина.

Какъ живущъ можетъ быть человѣкъ!... Сего-дня поѣхалъ Генералъ Милорадовичъ, и мы всѣ за нимъ, осматривать передовые посты, оставшіеся на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ было сраженіе. Въ разныхъ мѣстахъ валялись разбросанные трупы, и между ними одинъ, весь окровавленный, казалось, еще дышалъ. Всѣ остановились надъ нимъ. Этотъ несчастный, за три дня предъ симъ оставшійся здѣсь въ числѣ мертвыхъ, не смотря на холодныя ночи, сохранялъ еще въ себѣ пскру жизни. Сильный картечный ударъ раздробилъ ему половину головы: оба глаза были выбиты; одно ухо, вмѣстѣ съ кожей и частію черепа, сорвано; половина оставшейся головы облита кровью, которая густо на ней запеклась, и за всемъ тѣмъ онъ еще жилъ!... Влили ему въ ротъ нѣсколько водки; игра нервъ сдѣлалась живѣе... «Кто ты?» спрашивали у него на разныхъ языкахъ.—Онъ только мычалъ. Но когда спросили наконецъ: *не Полякъ ли ты?*—Онъ отвѣчалъ по польски: «Да!»—Когда раненъ?—«Въ послѣднемъ дѣлѣ,» то-есть, третьяго дня.—Чувствуешь ли ты?—«Бываютъ минуты, когда чувствую—и мучусь!» отвѣчалъ онъ съ тяжкимъ вздохомъ, и просилъ убѣдительно, чтобъ его закололи. Но Генералъ приказалъ дать ему опять водки и отвезти въ ближайшую деревню.—Нѣтъ, другъ мой! славный *Гуфландъ* еще не все изъяснилъ намъ въ

краснорѣчивыхъ умствованіяхъ своихъ о жизни. Надобно было ему увидѣть этого несчастнаго, чтобъ понять, сколь долго сей *тончайшій духовный спиртъ* * можетъ держаться въ полу-раздробленномъ скудельномъ сосудѣ своемъ.—

Вчера пріѣхалъ къ намъ изъ Пажескаго корпуса сынъ Г. П. М...ча, о которомъ я тебѣ столько разъ писалъ, и котораго благорасположеніе ко мнѣ поставлю въ великой цѣнѣ.—Сынъ его, племянникъ Генерала нашего—прекрасный, благовоспитанный молодой человекъ. Я душевно радъ, что онъ остается у насъ. Теперь онъ былъ вмѣстѣ съ нами, и въ первый разъ отъ роду видѣлъ поле сраженія, гдѣ хотя замолкли громы, но еще не обсохла кровь. Генералъ приказывалъ ему смотрѣть на все внимательно, чтобы привыкать къ ужасамъ войны. Въ самомъ дѣлѣ посіяемые трупы, кровью и мозгомъ обрызганныя тѣла, оторванные руки и ноги, въ разныхъ мѣстахъ разметанныя, должны возмущать мирныя чувства кроткаго юноши, пока не привыкнетъ онъ къ таковымъ плачевнымъ, но необходимымъ позорищамъ!—

Мы теперь перемѣстились, со всемъ дежурствомъ, въ одинъ огромный камешный домъ, который, по видимому, былъ иѣкогда убранъ богатою рукою. Теперь все изломано и раззорено. На бивакахъ у Козаковъ стараютъ диваны, Вольтеровы кресла, шифоньерки, бомбоньерки, кушетки, козетки и проч. Что сказала бы всевластная мода и роскошные баловни ея, увидя это въ другое время?—

23 Октября. Городъ Вязьма.

Среди дымящихся развалинъ города, подъ громомъ непрерывно лопающихся бомбъ и гранатъ, повсюду злодѣями разбросанныхъ, въ тѣсной комнатѣ полусож-

* Выраженіе изъ сочиненій Гуфланда.

женнаго дома, пишу къ тебѣ, другъ мой!... Торжествуйте великое празднество освобожденія Отечества! Враги бѣгутъ и гибнутъ; ихъ трупами и трофеями устилаютъ себѣ путь Русскіе къ безсмертію.—До сихъ поръ я не имѣлъ ни одной свободной минуты. Въ теченіи 12 сутокъ мы или шли, или сражались. Ночи, проведенныя безъ сна, а дни въ сраженіяхъ, погружали умъ мой въ какое-то затмѣніе—и счастливѣйшія произшествія: освобожденіе Москвы, отраженіе непріятеля отъ Малаго Ярославца, его бѣгство, мелькали въ глазахъ моихъ, какъ свѣтлыя воздушныя явленія въ темной ночи. *Печатныя извѣстія изъ арміи*, разсылаемыя по губерніямъ, конечно уже извѣстили тебя подробно обо всемъ. И такъ я скажу нѣсколько словъ только о томъ, что при свободномъ досугѣ надобно бы описать на нѣсколькихъ страницахъ. Еще повторяю, что одѣлахъ Генерала Милорадовича, (который почти всякой разъ доносить Главнокомандующему въ двухъ или трехъ строкахъ не болѣе того, что онъ отразилъ или побилъ непріятеля тамъ и тогда-то), я постараюсь доставить тебѣ подробнѣйшее описаніе, если останусь живъ и записная книжка моя уцѣлѣетъ.

Вскорѣ послѣ Тарутинскаго дѣла, 6-го Октября, Князь Свѣтлѣйшій получилъ извѣстіе, что Наполеонъ, оставляя Москву, намѣренъ прорваться въ Малороссію. Генералъ Докторовъ съ корпусомъ своимъ отряженъ былъ къ Боровску. Въ слѣдъ за нимъ и вся армія, *фланговымъ маршемъ*, передвинулась на старую Калужскую дорогу, заслонила собою врата Малороссіи и была свидѣтельницею жаркаго боя между нашимъ 6-мъ и 4-мъ Французскимъ корпусами при Маломъ Ярославцѣ.

Генералъ Милорадовичъ, сдѣлавъ въ этотъ день съ кавалеріею 50 верстъ, не далъ отрѣзать себя непріятелю и поспѣшилъ къ самому тому времени, когда сраженіе пылало и присутствіе его съ войсками было необходимо. Фельдмаршалъ, удивленный такою быстротою, обнималъ его и называлъ *крылатымъ*.—Въ гла-

захъ нашихъ сгорѣлъ и разрушился Малой Ярославецъ. На разсвѣтѣ Генераль Докторовъ, съ храбрыми войсками своего корпуса, присоединился къ арміи, которая подвинулась еще лѣвѣе, и стала твердою ногою на выгоднѣйшихъ высотахъ.—

Генераль Милорадовичъ оставленъ былъ съ войсками своими на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ ночь прекратила сраженіе. Весь слѣдующій день проведенъ въ небольшой только пушечной и ружейной перестрѣлкѣ.—Въ сей день жизнь Генерала была въ явной опасности, и Провидѣніе явно оказало ему покровительство Свое. Отличаясь отъ всѣхъ шляпою съ длиннымъ султаномъ и сопровождаемый своими Офицерами, заѣхалъ онъ очень далеко впередъ, и тотчасъ обратилъ на себя вниманіе непріятеля. Множество стрѣлковъ, засѣвъ въ кустахъ, начали мѣтить въ него. Едва успѣлъ выговорить Адьютантъ его Паскевичъ: *въ васъ цѣлятъ, Ваше Превосходительство!*—и пули засвистали у насъ мимо ушей. Подивись, что ни одна никого не зацѣпила. Генераль, хладнокровно простоявъ тамъ еще нѣсколько времени, спокойно поворотилъ лошадь и тихо поѣхалъ къ своимъ колоннамъ, сопровождаемый пулями. Послѣ сего Генераль Ермоловъ, прославившійся и самъ необычайною храбростію, очень справедливо сказалъ въ письмѣ Милорадовичу: «надобно имѣть *запасную жизнь*, чтобъ быть вездѣ съ Вашимъ Превосходительствомъ!» —Черезъ два дни бѣгство непріятеля стало очевидно, и нашъ арріергардъ, сдѣлавшись уже авангардомъ, устремился преслѣдовать его. Темныя, дремучія ночи, скользкія проселочныя дороги, безсонье, голодъ и труды: вотъ что преодолѣли мы во время искуснѣйшаго фланговаго марша, предпринятаго Генераломъ Милорадовичемъ отъ Егорьевска прямо къ Вязьмѣ. Главное достоинство этого марша было то, что онъ совершенно утаенъ отъ непріятеля, который тогда только узналъ, что сильное войско у него во флангѣ, когда мы вступили съ нимъ въ бой; ибо до того времени одинъ Генераль

Платовъ тѣснилъ его летучими своими отрядами. Вчера началось сраженіе, съ первымъ лучемъ дня, въ 12 верстахъ отъ Вязьмы. У насъ было 30,000, а Вице-Король Италіанскій и Маршалы Даву и Ней выставили противу насъ болѣе 50,000. Непріятель занималъ попеременно шесть выгодѣйшихъ позицій; но всякой разъ съ великимъ урономъ сбиваемъ былъ съ каждой побѣдоносными войсками нашими. Превосходство въ силахъ и отчаянное сопротивленіе непріятеля продлило сраженіе чрезъ цѣлый день. Онъ хотѣлъ было непременно, дабы дать время уйти обозамъ, держаться еще цѣлую ночь въ Вязьмѣ и весь городъ превратить въ пепелъ. Такъ увѣряли плѣнные; и слова ихъ подтверждались тѣмъ, что всѣ почти печи въ домахъ наполнены были порохомъ и горючими веществами. Но Генералъ Милорадовичъ, пославъ Паскевича и Чоглокова съ пѣхотою, которые тотчасъ и ворвались съ штыками въ улицы, самъ, съ бывшими при немъ Генералами, устроивъ всю кавалерію, повелъ въ объятый пламенемъ и непріателемъ наполненный еще городъ. Рота конной артиллеріи, идя впередъ, очищала улицы выстрѣлами, кругомъ горѣли и съ сильнымъ трескомъ распадалась дома; бомбы и гранаты, до которыхъ достигалъ пламень, съ громомъ разряжались; непріятель стрѣлялъ изъ развалинъ и садовъ; пули свистали по улицамъ... Но видя необоримую рѣшимость войскъ нашихъ и свою гибель, оставилъ онъ городъ и бѣжалъ, бросая повсюду за собою зажигательныя вещества.— На дымящемся горизонтѣ угасало солнце. Помедли оно еще часъ—и пораженіе было бы совершеннѣе; но мрачная осенняя ночь приняла бѣгущія толпы непріятеля подъ свой покровъ. До пяти тысячъ плѣнныхъ, въ числѣ которыхъ извѣстный Генералъ Пелетье, знамена и пушки были трофеями сего дня. Непріятель потерялъ конечно до 10,000. Путь на 12 верстахъ устланъ его трупами. Генералъ Милорадовичъ остановился въ томъ самомъ домѣ, гдѣ стоялъ Наполеонъ, и вслѣлъ тушить

горящій городъ. Сегодня назначенъ Комендантъ, устроена военная Полиція, велѣно очищать улицы отъ мертвыхъ тѣлъ, разослано по уѣзду объявленіе, сзывающее жителей къ возстановленію, по возможности, домовъ и храмовъ Божіихъ въ отечественномъ ихъ городѣ, изторгнутомъ нынѣ изъ кровавыхъ рукъ нечестивыхъ враговъ.—

Со временемъ благородное Дворянство и граждане Вязьмы конечно почувствуютъ цѣну сего великаго подвига и воздадутъ должную благодарность освободителю ихъ города. Пусть поставятъ они на томъ самомъ полѣ, гдѣ было сраженіе, хотя не многоцѣнный, но только могущій противиться времени *памятникъ*, и украсятъ его, по примѣру древнихъ, простою, но всеобъясняющею надписью: «Отъ признательности благороднаго «Дворянъ сословія и гражданъ Вязьмы начальствовавшему Россійскимъ авангардомъ Генералу отъ Инфан-«теріи Милорадовичу за то, что онъ, съ 30,000 Россіянъ, разбивъ 50-тысячное войско непріятельское, «исторгнулъ изъ рукъ его горящій городъ ихъ, поту-«шилъ пожары и возвратилъ оный обрадованному Оте-«честву и утѣшеннымъ гражданамъ въ достопамятный «день 22 Октября, 1812 года.» Въ одержаніи побѣды участвовали: извѣстный Генераль Графъ Остерманъ; Князь Сергѣй Николаевичъ Долгорукій, который, отличаясь прежде на поприщѣ дипломатическомъ, горѣлъ желаніемъ служить въ отечественной войнѣ и промѣнялъ перо на шпагу. Но служа въ полѣ, онъ не перестаетъ украшать бесѣды своихъ тою же неподражаемою остро-тою ума, которою блисталъ вѣкогда при Дворахъ Государей. Русскіе ко всему способны!... Генералы: Ерма-ловъ, Паскевичъ, Олсуфьевъ и Чогаковъ храбростію и благоразуміемъ своимъ содѣйствовали къ совершенному пораженію врага. Полковникъ Потемкинъ, съ свой-ственнымъ ему мужествомъ, какъ начальникъ Штаба по авангарду, наблюдалъ за движеніями нашихъ войскъ

въ опаснѣйшихъ мѣстахъ. Перновскій и Бѣлозерскій полки и батареинная рота Гулевича отличились.—

Р. S. Въ это самое время, какъ я пишу къ тебѣ, Генераль Вильсонъ, бывшій личнымъ свидѣтелемъ вчерашняго сраженія, описываетъ также оное соотечественникамъ своимъ. Изъ Петербурга нарочный отправится съ извѣстіемъ о сей побѣдѣ въ Лондонъ.—

26, въ два часа по полудни. Дорогобужъ.

Вотъ сей-часъ только кончился штурмъ крѣпостнаго замка въ Дорогобужѣ. Мы вырвали его изъ рукъ Французовъ, захватили городъ, который они уже начали жечь, и провожали ихъ ядрами, покуда не скрылись изъ глазъ нашихъ; а теперь сильная буря, вѣющая къ Западу, и Генераль Юрковскій съ легкою конницею гонять ихъ далѣе. Стужа увеличилась, метель потемнѣла воздухъ. Мы забрались въ домъ къ Протопопу, въ которомъ уцѣлѣли окна и немного тепло. Я нашелъ старую чернилицу, отмочилъ засохшія чернила, и пишу къ тебѣ, какъ могу.—Позамедливъ нѣсколько въ Вязьмѣ, я долженъ былъ скакать 30 верстъ, чтобъ догнать войска наши, неослабно преслѣдовавшія непріятеля. Я ѣхалъ вмѣстѣ съ Генераломъ Вильсономъ, который не отстаетъ отъ авангарда, и по доброй волѣ бываетъ въ огняхъ. Въ какомъ печальномъ видѣ представлялись намъ завоеватели Россіи!... На той самой дорогѣ, по которой шли они такъ гордо въ Москву, и которую сами потомъ опустошили, они валялись въ великомъ множествѣ мертвыми, умирающими, или въ бѣднѣйшихъ рубищахъ, окровавленные и запачканные въ сажѣ и грязи, ползали, какъ ничтожныя насѣкомыя, по грудамъ конскихъ и человѣческихъ труповъ. Голодъ, стужа и страхъ помрачили ихъ разсудковъ и наложили нѣмоту на уста: они ни на что не отвѣчаютъ; смотрятъ мутными глазами на того, кто ихъ спрашиваетъ, и про-

должаютъ глотать конскія кости. — Такъ караются враги, дерзающіе наступать на Святую Русь! Подобная казнь постигла Татаръ, дерзко набѣжавшихъ на Россію во дни малолѣтства Царя Ивана Васильевича. — «Великіе снѣги и морозы познабли Татаръ; а остальныхъ «Козаки добывали» — Такъ говоритъ *Царственная книга*. — Во всѣ сін дни непріятель безпрестанно забавлялъ насъ *потышными огнями*: онъ подрывалъ великое множество пороховыхъ своихъ ящиковъ. — Богъ знаетъ, какихъ только неистовствъ не дѣлаетъ этотъ непріятель? — Онъ отряжаетъ нарочныя толпы для сожиганія деревень, прикалываетъ нашихъ плѣнныхъ и разстрѣливаетъ крестьянъ. За то и крестьяне не спускаютъ имъ! Большими ватагами разбѣгаютъ они съ оружіемъ по лѣсамъ и дорогамъ, нападаютъ на обозы и сражаются съ толпами мародеровъ, которыхъ они по своему называютъ *мародерами*. По ихъ толкамъ, это люди, обдирающіе міръ! —

Генераль Вильсонъ говоритъ, что война эта подвинула Россію на цѣлое столѣтіе впередъ на пути опытовъ и славы народной. — Мой другъ! молнія и зарницы электрическою своею силою способствуютъ зрѣлости жатвъ; молвіи войны пробуждаютъ духъ народовъ, и также ускоряютъ зрѣлость ихъ. — Таковъ порядокъ вещей подь солнцемъ!...

Въ нѣсколькихъ мѣстахъ видѣли мы, что крестьянки и даже малыя дѣти безщадно сѣкли розгами ползающихъ Французовъ: такъ озлобили они противу себя Русскій народъ!...

Я не сказалъ тебѣ еще о сегодняшнихъ трофеяхъ нашихъ. Они состоятъ въ 600 плѣнныхъ и двухъ пушкахъ. Все это досталось намъ послѣ довольно жаркаго боя. Укрѣпленныя высоты Дорогобужа должны мы были взять открытымъ штурмомъ; а изъ города выйти непріятеля заставилъ Генераль Милорадовичъ искуснымъ направленіемъ дивизіи Прунца Виртембергскаго въ обходъ съ лѣва. — Пожаръ началъ было рас-

пространяться и здѣсь, но густымъ свѣгомъ и усердіемъ солдатъ нашихъ потушенъ. Тутъ также оставляется Комендантъ, которому поручено сзывать жителей на прѣжнія ихъ жилища.—Надобно видѣть солдатъ нашихъ, безъ ропота сносящихъ голодъ и стужу, съ пылкимъ рвеніемъ идущихъ на бой и мгновенно влетающихъ на высоты окоповъ, чтобъ имѣть понятіе о томъ, какъ пріятно освобождать города своего отечества! 4 Егерьскаго полка Маіоръ Русиновъ, получа рану въ руку при началѣ штурма, велѣлъ поддерживать себя солдатамъ и продолжалъ лѣзть на валъ; чрезъ нѣсколько минутъ ему прострѣлили ногу, и солдаты принуждены были снести его въ ровъ. Но храбрый Офицеръ сей до тѣхъ поръ не приказывалъ уносить себя далѣе и не переставалъ ободрять солдатъ, пока не увидѣлъ ихъ уже на высотѣ побѣдителями. Это тотъ самый, который вышелъ однимъ выпускомъ прежде насъ изъ Корпуса.—

• Представь себѣ, другъ мой! что я теперь только въ 60 верстахъ отъ моей родины, и не могу заглянуть въ нее!... Правда, тамъ нѣчего и смотрѣть: все раззорено и опустѣло!—Я нашелъ бы только пепелъ и развалины; но какъ сладко еще разъ въ жизни помолиться на гробѣ отцовъ своихъ!—Теперь сходенъ я съ кометою, которая не успѣетъ приблизиться къ солнцу, какъ вдругъ косвеннымъ путемъ удаляется опять отъ него на неизмѣримыя пространства. — Завтра мы идемъ отсюда, но не въ Смоленскъ, а боковыми, неизвѣстными путями и дорогами, чрезъ лѣса и болота... Послѣ узнаешь ты о семъ пекучемъ и конечно гибельномъ для Французовъ движеніи нашихъ войскъ.

7 Ноября.—На полѣ близъ Краснаго.

Видишь ли, какой мы сдѣлали шагъ! отъ Дорогобужа прямо къ Красному. Смоленскъ и Днѣпръ остались у насъ въ правѣ.—Тихо подкрались мы къ большой

дорогѣ, изъ Смоленска въ Красное. Непріятель полагалъ насъ за тридевять земель; а мы, какъ будто изъ подъ земли, очутились вдругъ передъ нимъ! — Это впрямъ по Суворовски! — Теперь называютъ это фланговымъ или боковымъ маршемъ. 3 Числа Ноября показались мы изъ лѣсовъ противъ деревни Ржавки. Непріятель шелъ по большой дорогѣ покойно и весело: наставшая оттепель отогрѣла жизненные силы сихъ питомцевъ благодѣтельнаго климата ихъ отечествъ. Великіе обозы съ сѣверными гостиницами тянулись между колоннъ. Генералъ Милорадовичъ приказалъ тотчасъ нападать. — Непріятель остановился, сыпнулъ въ овраги и паростники множество стрѣлковъ, выставилъ, между березъ, по высотамъ дороги легкія орудія; а тяжелой артиллеріи и обозамъ, въ сопровожденіи конницы своей, велѣлъ спастись впередъ. Наши наступили съ обыкновеннымъ мужествомъ — и дѣло загорѣлось! — Но не смотря на великое превосходство въ силахъ непріятеля предъ нами, онъ былъ мгновенно сбитъ съ большой дороги, поражаемъ въ поляхъ и одолженъ спасеніемъ одной только темнотѣ ночной и ближнимъ лѣсамъ, въ которыхъ скрылся. — Знамена, пушки, плѣнные и множество обоза наградили побѣдителей, на первый разъ, за трудный фланговой маршъ. — Впередѣ насъ видна была деревня; Генералъ Милорадовичъ хотѣлъ въ ней провести ночь; ему говорятъ, что тамъ еще Французы. Онъ посылаетъ Козаковъ потребить ихъ — и мы тамъ ночевали. Послѣ сего 4, 5 и 6 числа, три дня сряду проводили въ непрерывныхъ сраженіяхъ. Всякой вечеръ отбивали събѣ у Французовъ ночлегъ въ нѣсколькихъ верстахъ отъ большой дороги. Съ каждою утреннею зарею, коль скоро съ передовыхъ постовъ приходило извѣстіе, что колонны показались на большой дорогѣ, мы садились на лошадей и выѣзжали на бой. — Наполеону очень не нравилось, что Генералъ Милорадовичъ стоитъ подъ дорогою и разбиваетъ въ пухъ корпусъ его; но

дѣлать нѣчего!... Последняя рана, нанесенная ему вчера, чувствительнѣе всѣхъ прочихъ.—Вчера—о! восхищайся, другъ мой! столь знаменитою побѣдою: вчера Генералъ Милорадовичъ разбилъ совершенно тридцатитысячный корпусъ, подъ предводительствомъ искуснѣйшаго изъ Маршаловъ Наполеона—Нея, недавно прозваннаго имъ *Княземъ Москворыцкимъ*.—Уронъ непріятельскій, чрезвычайно великъ. Всѣ четыре начальствовавшихъ Генерала убиты. Мѣста сраженій покрыты горами непріятельскихъ тѣлъ.—Въ сіи четыре дня насъ побѣдоносные дня потеря непріятеля навѣрное полагается убитыми до 20,000; въ плѣнъ взято войсками Генерала Милорадовича: Генераловъ 2, Штабъ и Оберъ-Офицеровъ 285, рядовыхъ—сколько ты думаешь?—22,000; пушекъ—60!... Поля города Краснаго въ самомъ дѣлѣ покраснѣли отъ крови.—Въ одержаніи сихъ четверодневныхъ побѣдъ много участвовали Генералы Расвской и Паскевичъ. Храбрыя войска ихъ многія толпы непріятельскія подняли на штыки. Отважными нападеніями конницы предводительствовалъ Генералъ Уваровъ.—Артиллерія оказала громадныя услуги. Полковникъ Мерлинъ начальствовалъ ею въ авангардѣ. Его рота и рота отважнаго Капитана Башмакова покрыли себя славою. — Дѣйствія пушекъ искуснаго и храбраго Нилуса подъ Смоленскомъ, и Гулевича подъ Вязмою останутся на всегда памятны Французамъ.—Остальные 6000 изъ разбитаго Неева корпуса, укрѣпившіеся съ пушками въ лѣсахъ, прислали уже поздно въ вечеру переговорщика сказать, что они сдадутся одному только Генералу Милорадовичу, а иначе готовы биться до послѣдняго. Французы называютъ Милорадовича Русскимъ *Боярдомъ*; плѣнные вездѣ кричатъ ему: *vive le brave Général Miloradovitch!* — Его и самые непріатели любятъ вѣроятно за то, что онъ, сострадая объ нихъ по человечеству, даетъ послѣдній свой запасъ и деньги плѣннымъ. — Послѣ всего этого ты видишь, что

трофеевъ у насъ много; лавровъ дѣвать нѣгдѣ; а хлѣба—ни куска... Ты не повѣришь, какъ мы голодны! —По причинѣ крайне дурныхъ дорогъ и скорого хода войскъ, обозы наши съ сухарями отстали; всѣ окрестности сожжены непріятелемъ и достать нигдѣ ничего нельзя. У насъ теперь дивятся, какъ можно ѣсть! и не вѣрятъ тому, кто скажетъ, что онъ ѣлъ.—Разбитые Французскіе обозы доставили Козакамъ возможность завести такого рода продажу, о которой ты вѣрно не слыхивалъ. Здѣсь, во рву, подлѣ большой дороги, среди разбитыхъ фуръ, изломанныхъ каретъ и мертвыхъ тѣлъ, кромѣ шубъ, бархатовъ и парчей, можно покупать серебряныя деньги мѣшками!! За сто рублей бумажками покупаютъ обыкновенно мѣшокъ серебра, въ которомъ бываетъ по сту и болѣе пяти-франковыхъ монетъ. Отъ чегожъ, спросишь ты, сбываютъ здѣсь такъ дешево серебро?—Отъ того, что нѣгдѣ и тяжело возить его. Однакожъ куплю сею пользуются очень немногіе: маркитанты и прочіе нестроевые.—Но тамъ, гдѣ мѣряютъ мѣшками деньги—нѣтъ ни крохи хлѣба!—Хлѣбъ почитается у насъ единственною драгоценностію!—Всѣ почти избы въ деревняхъ сожжены, и мы живемъ подъ углами въ шалахахъ. Какъ жалко смотрѣть на пламенныхъ женщинъ! ихъ у насъ много. Одна прекрасная Нѣмка, съ прострѣленною рукою, лежитъ въ ближней пѣщѣ. Ей перевязали рану и, за неимѣніемъ хлѣба, кормятъ сахаромъ и корицею, отнятыми у Французовъ.—Наполеонъ велъ въ Россію цѣлый вооруженный народъ! Третьяго дня видѣли мы прекрасную женщину, распростертую подлѣ молодого мущины. Одно ядро лишило ихъ жизни, можетъ быть въ минуту послѣдняго прощанія.—Тогда же, въ пылу самаго жаркаго боя, подъ сильнымъ картечнымъ огнемъ, двое маленькихъ дѣтей, братъ и сестра, какъ Павелъ и Виргинія, взявшись за руки, бѣжали по мертвымъ тѣламъ, сами не зная куда. Генералъ Милорадовичъ приказалъ ихъ тотъ-часъ взять и отнести на свою квартиру. Съ того

времени ихъ возятъ въ его коляскѣ. Пьеръ и Лизета, одинъ 7, другая 5 лѣтъ, очень милыя и повидимому благовоспитанныя дѣти. Всякой вечеръ они, сами собою, молятся Богу, поминаютъ своихъ родителей, и пототъ подходятъ къ Генералу цѣловать его руку.—

Теперь эти бѣдняжки не вовсе сироты. Вчера между нѣсколькими тысячами плѣнныхъ увидѣли они какъ-то одного, и вдругъ вмѣстѣ закричали: «вотъ нашъ батюшка!»—Въ самомъ дѣлѣ это былъ отецъ ихъ, полковой слесарь. Генералъ тотчасъ взялъ его къ себѣ, и онъ плачетъ отъ радости, глядя на дѣтей. Мать ихъ Нѣмка—убита. — Разказать ли тебѣ объ ужасномъ состояніи людей, которые давно-ль были намъ такъ страшны?... Но меня зовутъ къ Генералу.—Прости до первой свободной минуты!...

Оттуда же и того же дня.

Мой другъ! Въ самыхъ дикихъ лѣсахъ Америки, въ области Каннибаловъ, едва ли можно видѣть такіе ужасы, какіе представляются здѣсь ежедневно глазамъ нашимъ. До какой степени достигаетъ остервененіе человѣка! Нѣтъ! голодъ, какъ бы онъ не былъ великъ, не можетъ оправдать такого звѣрства. Одинъ изъ нашихъ проповѣдниковъ недавно назвалъ Французовъ: обезчеловѣчившимся народомъ: нѣтъ ничего справедливѣе этого изреченія. Положимъ, что голодъ принуждаетъ ихъ искать пищи въ навозныхъ кучахъ, ѣсть кошекъ, собакъ и лошадей; но можетъ ли онъ принудить пожирать подобныхъ себѣ. Они, ни мало не содрогаясь, жарятъ товарищей своихъ, и съ великимъ хладнокровіемъ разсуждаютъ о вкусѣ конскаго и человѣческаго мяса*!—За то какъ они гибнутъ: какъ мухи въ самую

* Невольно вспомнишь, что во время революціи, совсѣмъ не отъ голода, Французы убили, сжарили и съѣли многихъ своихъ *Меровъ*. Объ этомъ не молчитъ ихъ собственная Исторія.—
(Voyez mémoires sur la révolution.)

позднюю осень!... У мертвыхъ лица ужасно обезображены. Злость, отчаяніе, бѣшенство и прочія дикія страсти глубоко запечатались на нихъ. Видно, что сіи люди погубили въ минуты изступленія, со скрежетомъ зубовъ и пѣною на устахъ.—*На сихъ лицахъ не успѣло еодвориться и спокойствіе смерти* *.— Тѣ, которые не совсѣмъ еще обезумѣли, безпрестанно просятъ ѣсть; а накорми ихъ досыта теплымъ кушаньемъ—умираютъ!—Но большая часть изъ нихъ совсѣмъ обезумѣли; бродятъ, какъ слѣпые. Вчера я видѣлъ одного, который, въ самомъ пылу сраженія, съ величайшимъ хладнокровіемъ металъ въ клубокъ нитки и самъ съ собою разговаривалъ, воображая, что онъ сидитъ дома у своей матери. Но вчерашняя ночь была для меня самая ужасная! Желая немного обсушиться, мы справили кое-какъ одну избу, законопачили стѣны, пробитыя ядрами, и истопили печь. Сотни стѣнящихъ привидѣній, какъ Шекспировы тѣни, бродили около насъ. Но едва почували они теплый духъ, какъ съ страшнымъ воплемъ и ревомъ присыпали къ дверямъ.—Одинъ по одному втѣснилось ихъ нѣсколько десятковъ, и не было мѣста, котораго бы они не заняли. Одни валялись подъ лавками и на полу, другіе на верхнихъ палатахъ, подъ печью и на печи. Мы принуждены были помостить себѣ нѣсколько досокъ съ лавки на лавку. Отягченные усталостію, уснули на нихъ.—Передъ свѣтомъ страшный вой и стоны разбудили меня. Подъ нами и надъ нами множество голосовъ, на всѣхъ почти Европейскихъ языкахъ, вопили, жаловались или пзыгали проклятія на Наполеона! Тутъ были раненые, полужамерзшіе и сумасшедшіе. Иной кричалъ: «помогите! помогите! Кровь льется изъ всѣхъ моихъ ранъ! Меня стѣснили!... У меня оторвали руку!... «Постойте! удержитесь! я еще не умеръ, а вы меня ѣдите!» кричалъ другой. Въ самомъ дѣлѣ они съ голоду кусали другъ друга.—Третій дрожащимъ голосомъ жаловался, что

* Сіе выраженіе принадлежитъ почтеннѣйшему А. С. Шишкову.

онъ весь хладѣеть, мерзнетъ; что уже не чувствуетъ ни рукъ, ни ногъ! И вдругъ, среди стона, вздоховъ, визга и скрежета зубовъ, раздавался ужасный хохотъ.... Какой-нибудь безумный, воображая, что онъ выздоровѣлъ, смѣялся, сзывая товарищей: бить Русскихъ!—А въ слѣдъ за симъ слышанъ былъ въ другомъ углѣ самый горестный, сердце раздирающій плачь. Я слышалъ, какъ одинъ молодой Полякъ, увидѣвъ конечно во свѣ родину свою, говорилъ громко, всхлипывая: «я опять здѣсь, о мать моя!... Но, посмотри, посмотри, какъ я весь израненъ! Ахъ! для чего ты родила на свѣтъ несчастнаго?»—

Когда разсвѣло, мы нашли нѣсколько умершихъ надъ нами и подъ нами, и рѣшились лучше быть на стужѣ въ шалашѣ.—Между спми злополучными жертвами честолубія случился одинъ заслуженный Французскій Капитанъ, кавалеръ почетнаго легіона. Онъ лежалъ безъ ноги подъ лавкою.—Не возможно описать, какъ благодарилъ онъ за то, что ему перевязали рану и дали нѣсколько ложекъ супу. Генералъ Милорадовичъ, не могшій равнодушно видѣть спхъ безпримѣрныхъ страдальцевъ, велѣлъ все, что можно было, сдѣлать въ ихъ пользу.—Въ Красномъ opravили домъ для лазарета; всѣ полковые лекари явились ихъ перевязывать; больныхъ обдѣлили послѣдними сухарями и водкою; а тѣ, которые были поздоровѣе, выпросили себѣ нѣсколько лошадей, и тотчасъ ихъ съѣли*!—Къ статѣ, не надобно-ль въ вашу губернію учителей? Намедни одинъ Французъ, у котораго на колѣняхъ лежало конское мясо, взламывая черепъ недавно убитаго своего товарища и съ жадностію глотая горячій еще мозгъ его, говорилъ мнѣ: «возьмите меня: я могу быть полезенъ Россіи—могу воспитывать дѣтей!» Кто

* 6000, сдавшіеся добровольно, препровождены были тотчасъ со всевозможными, выгодами въ главную квартиру. Имъ оставили даже повозки съ грузомъ, бывшія при нихъ, и все, кромѣ оружія.

знаеть, можетъ быть эти *выпорозки* пооправятся, и наши разхватають ихъ по рукамъ—въ учителя, не давъ имъ даже и очеловѣчиться...

10 Ноября. Мѣстечко Баево.

Вчера перенесли мы знамена свои за древніе рубежи нашего Отечества. Перейдя рѣчку Мерейку, мы вступили уже въ Могилевскую губернію. Теперь главная квартира авангарда въ мѣстечкѣ Баевѣ, что на одной высотѣ съ м. Лядами, на большой дорогѣ. — И такъ нынѣ уже ясно и никакому сомнѣнію не подвержено, что одно постоянное продолженіе сей войны увѣнчиваетъ ее столь блистательными успѣхами. Еслибъ заключили миръ при Тарутинѣ, какъ бы не былъ онъ выгоденъ, Россія не имѣла бъ ни лавровъ, ни трофеевъ, ни драгоцѣннѣйшаго для всякаго увѣренія, что Наполеонъ уже никогда не возвратится раззорять предѣлы ея. Теперь можемъ мы вздохнуть спокойно!... Мечъ, висѣвшій надъ главами нашими, пчезъ. Тучи, ходившія по Русскому небу, быстро несутся назадъ. — Мы видимъ надъ собою ясную лазурь безмятежнаго свода, отколѣ Всевышній благословляетъ оружіе правыхъ на славномъ поприщѣ его побѣдъ.

Извѣстно однакожъ, что Наполеонъ, прежде нежели рѣшился оставить Москву, истощалъ всѣ усилія для заключенія мира. Мудрый Кутузовъ заводилъ въ сѣти ослѣпленнаго страстями и гордостію этого новаго Навуходоносора. Онъ старался выиграть время, доколѣ подоспѣтъ къ намъ вѣрнѣйшая союзница—зима!

Но твердость Государя въ сихъ смутныхъ обстоятельствахъ достойна хвалы и удивленія современниковъ и потомства. Исполненный духомъ предвѣденія, онъ пребылъ непоколебимъ, какъ гранитный утѣсъ среди мятежныхъ морей!—

«Я прежде соглашусь перенести столицу мою на берега Иртыша и ходить въ смуромъ кафтанѣ, чѣмъ заключу теперь миръ съ раззорителемъ Отечества!»—

Такъ отвѣчалъ Монархъ на предложеніе о мирѣ.— Слухъ о семъ дошелъ къ намъ въ армию. Такія изреченія *Государей подслушиваетъ Исторія* и съ благоговѣніемъ передастъ отдаленнѣйшимъ родамъ.

Мой другъ! *настоящее* повторяется въ *будущемъ*, такъ какъ *прошедшее* въ *настоящемъ*!—Прейдутъ времена; лѣта обратятся въ столѣтія, и настанетъ опять для нѣкагого изъ царствъ земныхъ *періодъ рѣшительный*, подобный тому, который нынѣ покрылъ Россію пепломъ, кровію и славою.—Но когда поколебаются царства и потрясуются престолы, тогда Государь, надъ главою котораго зашумятъ бури, взглянетъ съ довѣренностію въ *бѣгтія протекшихъ временъ*, увидитъ лучезарное пмя Александра I; возьметъ съ него примѣръ *твердой непоколебимости*, и спасая ею народы свои, возвеличитъ и въ позднѣйшихъ вѣкахъ безсмертную славу Монарха нашего.

14 Ноября. Городъ Борисовъ.

Ушла лисица, только хвостъ въ западнѣ остался!...

Никакой человѣческій умъ не можетъ сдѣлать соображеній лучше тѣхъ, какія сдѣланы были Княземъ Кутузовымъ, и принять лучшихъ мѣръ, какія принялъ онъ для поимки Наполеона у рѣки Березины въ городѣ Борисовѣ. Одна непостижимая судьба могла спасти его, можетъ быть для того, чтобъ карать *имъ* еще человечество!—Адмиралъ Чичаговъ съ арміею своею съ лѣва внизъ, а Графъ Витгенштейнъ съ права вверхъ по теченію рѣки, сближались одинъ противъ другаго, дабы сомкнуть войска свои, какъ двѣ стѣны, въ томъ мѣстѣ, гдѣ могъ переправиться непріятель, за которымъ шла армія Кутузова, и котораго неослабно преслѣдовали

Графъ Платовъ съ Козаками, Генералъ Милорадовичъ съ авангардомъ, Генералы Ермоловъ и Бороздинъ съ летучими отрядами.

Всѣ эти дни погода была самая бурная и ненастная. Морозы достигали до 20 градусовъ. Мы шли проселочными дорогами; Артиллерія наша прорѣзывала пути по глубокимъ снѣгамъ; пѣхота и конница пробирались дремучими лѣсами, и при всемъ этомъ нѣсколько переходовъ сдѣлано по 40 верстъ въ день — Не забудь, что въ зимній день!

Духъ Великаго Суворова конечно веселился, взирая съ высотъ на столь быстрое шествіе побѣдоносныхъ Россіянъ.—Сбылся и стихъ великаго Поэта:

Гдѣ только вѣтры могутъ дуть,
Проступать тамъ полки орлины!—

Жаль однакожь, что всѣ наши труды были напрасны!... Наполеонъ уже за Березиною!... Графъ Витгенштейнъ тѣмъ же самымъ громомъ, который бросалъ на Клястицкихъ поляхъ, отбилъ у переправлявшагося непріятеля одинъ изъ заднихъ его корпусовъ, и 12 тысячъ, увидѣвъ себя окруженными, положили оружіе.—Мы остановились въ раззоренномъ и еще дымящемся отъ пожара Борисовѣ.—Несчастные Наполеонцы ползаютъ по тлѣющимъ развалинамъ и не чувствуютъ, что тѣло ихъ горитъ!... Тѣ, которые поздоровѣе, втѣсняются въ пзбы, живутъ подъ лавками, подъ печью, и заползаютъ въ камыши. Они страшно воютъ, когда начнутъ ихъ выгонять.—Недавно вошли мы въ одну пзбу и просили старую хозяйку протопить печь. «Не лзя топить, отвѣчала она: тамъ сидятъ Французы!»—Мы закричали имъ по французски, чтобъ они выходили скорѣе *въстѣ хлѣба*. Это подѣйствовало. Тотъ-часъ трое, черные какъ Арапы, выпрыгнули изъ печи и явились передъ нами.

Каждый предлагалъ свои услуги. Одинъ просился въ повара; другой въ лекаря; третій—въ *учителя*!—Мы дали имъ по куску хлѣба, и они поползли подъ печь.

Въ самомъ дѣлѣ, если вамъ ужъ очень надобны Французы, то вмѣсто того, чтобъ выписывать ихъ за дорогіе деньги, присылайте сюда побольше подводъ и забирайте даромъ. Ихъ можно ловить легче раковъ. Покажи кусокъ хлѣба — и цѣлую колонну сманишь! — Сколько годныхъ въ повара, въ музыканты, въ лекаря, особливо для госпожъ, которыя наизусть перескажутъ имъ всего *Монто*; въ друзья дома (*amis de la maison*) и — въ учителя!!! — За недостаткомъ Русскихъ мужчинъ, сражающихся за Отечество, они могутъ блистать и на балахъ нашихъ богатыхъ помѣщиковъ, которые знаютъ о раззореніи Россіи только по слуху! — И какъ ручаться, что эти же запечные Французы, допояз до Россіи, приходясь и приосѣмаясь, не вскружатъ головъ прекраснымъ Россіянкамъ, воспитанницамъ — Француженкамъ!... Нѣкогда случилось въ древней Скіѣи, что рабы отбѣли у господъ своихъ, бывшихъ на войнѣ, женъ и невестъ ихъ. Чтобъ не сыграли такой штуки и прелестные людодѣлы съ героями Русскими!...

16 Декабря. Вильна.

Въ началѣ Октября былъ я нѣсколько сотъ верстъ за Москвою, въ Рязани, въ Касимовѣ, на берегахъ Оки. Въ Ноябрь дрались мы уже на границахъ Бѣлороссіи; а 16 Декабря пишу къ тебѣ изъ Вильны. Такъ мыкается другъ твой по свѣту! Такими исполненскими шагами шло войско наше къ побѣдамъ и славѣ!... Но сколько неслыханныхъ, невообразимыхъ трудовъ перенесло войско! — Сколько вытерпѣлъ другъ твой! — Однакожъ я здоровъ! — Чрезъ шесть дней буду — въ Гроднѣ. — Армія остается еще здѣсь, чтобъ взять хотя малѣйшій роздыхъ. Авангардъ идетъ въ Гродно, которая, со всѣми магазинами своими, сдалась Партизану *Денису Давыдову*. Наполеонъ бѣжитъ къ Неману.

На сихъ дняхъ изволилъ прибыть сюда Государь Императоръ. Побѣдоносное воинство и отягченный

лаврами Князь *Смоленскій* встрѣтили его. Вскорѣ прибылъ и Цесаревичъ. — Радость сдѣлалась общою. Все окрестное дворянство стеклось въ городъ — и городъ заблисталъ разноцвѣтными огнями освѣщеній. Различныя прозрачныя картины представляли Россію — торжествующею, Александра — милующимъ преступныхъ, Наполеона — бѣгущимъ. Извѣстно стало, что эти картины рисовалъ тотъ самый живописецъ, который за нѣсколько предъ симъ мѣсяцевъ изображалъ тѣ же лица, только въ обратномъ смыслѣ, для освѣщеній въ честь Наполеону. Тотъ же Профессоръ, который протрубилъ теперь прегромкую оду въ честь Русскимъ, славилъ прежде Французовъ. Таковы люди! —

Трудно достигнуть человѣку до степени славы, какою озаренъ Князь Свѣтлѣйшій! Но еще труднѣе быть, какъ онъ, столькожъ славнѣ, какъ и любимѣ. Онъ позволилъ Офицерамъ тепло одѣваться въ морозы и веселиться, гдѣ можно, — и очаровалъ души! — Недавно докладывали ему: не прикажетъ ли запретить Офицерамъ собираться въ трактиръ, находившійся противъ самыхъ его оконъ, гдѣ они привыкли играть, шутить и веселиться? «Оставьте ихъ въ покоѣ,» отвѣчалъ Князь: «пусть забавляются; мнѣ пріятно слышать, какъ они веселятся! Люди, освободившіе Отечество, заслуживаютъ уваженіе. Я не люблю, чтобъ главная квартира моя походила на монастырь. Веселость въ войскѣ «доказываетъ готовность его идти впередъ!»

О! онъ знаетъ сердце человѣческое! онъ знаетъ, что одною ложкою меда больше можно сманить мухъ, нежели цѣлою бочкою уксуса.

18 Декабря.

Я два раза навѣщалъ одного изъ любезнѣйшихъ поэтовъ нашихъ, почтеннаго В. А. Жуковского. — Онъ здѣсь, въ Вильнѣ, былъ боленъ жестокою горячкою; теперь немного обмогается. — *Отечественная война*

переродила людей. Благородный порывъ сердца, любящаго отечество, вмѣстѣ съ другими увлекъ и его изъ круга тихомирныхъ занятій, отъ прелестныхъ бесѣдъ съ Музами, въ шумныя поля брани. — Какъ грустно видѣть страданіе того, кто былъ такимъ *прелестнымъ питомцемъ во станѣ Русскихъ*, и кто дарилъ насъ такими прекрасными балладами! — Мой другъ! сія война ознаменована какою-то священною важностію, всеобщимъ стремленіемъ къ одной цѣли. Поселяне превращали серпъ и косу въ оружіе оборонительное; отцы вырывались изъ объятій семействъ, писатели изъ объятій *независимости и Музъ*, чтобъ стать грудью за родной предѣлъ. Послѣдніе, подобно трубадурамъ рыцарскихъ временъ или Бардамъ Оссіяна, пѣли и подъ шумомъ военныхъ бурь.

21 Декабря. На пути въ Гродно.

Не правда ли, что очень пріятно найти прекрасный кустъ розы въ дикой степи? — Точно также радуется насъ хорошій домъ въ раззоренной сторонѣ. Мы испытали пріятность такой находки, пробѣжая изъ Вильны въ Гродно. — Городня есть прекрасный сельскій домъ сестры покойнаго Короля, Графини Тишкевичевой. Вездѣ и во всемъ видѣнъ изящный вкусъ: въ выборѣ мѣста для дома, въ расположеніи комнатъ и въ уборкѣ ихъ; но болѣе всего понравились намъ картины.

Захочешь насладиться пріятнымъ утромъ — взглянешь на стѣну — и видишь въ картинѣ все прелести его. — Какъ синь и прозраченъ этотъ воздухъ! Какъ легки сіи дымчатыя облака! Какъ хороши первые лучи солнца! Кажется, видишь, какъ эти лучи ясниютъ, какъ воздухъ становится свѣтлѣе; туманъ рѣдѣетъ, цвѣтки просыпаются; птички стрясаютъ съ крылышекъ жемчужную росу, и все въ улыбкѣ! — Въ дополненіе видишь невинность. Въ видѣ прелестной пастушки, съ свѣжимъ, утреннимъ румянцемъ на щекахъ и съ пестрымъ стадомъ. Тутъ же вечеръ: какъ хорошъ! — Не волшебникъ

ли какой-нибудь собралъ сизыя тѣни вечернихъ сумерекъ и бросалъ ихъ на холсты?—Они такъ живо изображены!—Вотъ подлинникъ лучшаго изъ Польскихъ живописцевъ. Вижу сраженіе, конный бой или, лучше сказать, жаркую схватку, въ которой отличается одинъ человѣкъ на дикой лошади, которая скачетъ черезъ груды тѣлъ, бѣсится и, кажется, стремится опрокинуть и стоптать все, что ни встрѣчаетъ. Кто же этотъ человѣкъ, у котораго епанча свалилась съ плечъ; который въ бѣшенствѣ ратномъ растерзалъ на себѣ одежду и обнажилъ до половины тѣло свое?—Съ длиннымъ ножомъ въ рукѣ, которымъ бьетъ лошадь и непріятелей, скачетъ онъ, какъ безумный, сквозь пули и картечи, пѣна клубится у рта.—Ясно видно, что судьба его зависить отъ выигрыша сраженія. Онъ стремится, во что бы то ни стало, одержать побѣду.—Герой покоенъ въ бою: побѣда сама находитъ и вѣнчаетъ его лаврами: а это вѣрно не герой, ибо силится сорвать вѣнецъ награды; вѣрно не полководецъ, ибо, забывая себя, хочетъ побѣдить одною непستовою храбростію.—Ктожь это такой?—Картушъ!—Кисть живописца прекрасна и смѣла; но краски, кажется, слишкомъ блестящи, и вообще видна какая-то щеголеватость въ картинѣ. Нѣтъ простоты, свойственной великимъ художникамъ.

На стѣнахъ другихъ комнатъ видны Римскія развалины, прекрасныя виды, *водопады*, которые, кажется, брызжутъ на того, кто на нихъ смотритъ. Въ семь прелестномъ домѣ вижу я живописную Италію—и теряюсь въ сладкихъ мечтахъ о ней.—Я вижу страшную Этну, въ черной ночи, въ красныхъ заревахъ, съ желтыми отбѣнками; вижу, какъ блещутъ изломчатые молніи; какъ кипитъ свирѣпая лава; какъ огненное жерло *стрѣляетъ вверхъ буграми*, какъ трескаютъ на воздухѣ громады и сыплется каменный дождь!.... Вижу — и пугаюсь: такъ все это живо!.....

Какъ прелестны искусства! Онѣ обворожаютъ смертныхъ;—онѣ очаровали и насъ странниковъ!

26 Декабря. Гродно.

На сихъ дняхъ Графиня Орлова-Чесменская прислала Генералу Милорадовичу мечъ или саблю, подаренную Великою Екатериною покойному родителю ея, Графу Алексѣю Григорьевичу, за истребленіе флота при Чесмѣ. Въ то время, когда непріятель опустошалъ окрестности Москвы, Генераль Милорадовичъ, узнавъ, что вблизи находится имѣніе Графини Орловой, заслонилъ его своими войсками, отразивъ врага, не допустилъ расхищать селъ ея и поправить гробъ знаменитаго Орлова. Онъ сдѣлавъ это, слѣдуя первому порыву чувства уваженія къ заслугамъ Чесменскаго, убѣжденъ будучи, что могила храбраго отечеству священна! Но дочь, благоговѣющая къ праху родителя, приняла въ полной цѣнѣ подвигъ сей и, при лестномъ письмѣ, прислала драгоценный мечъ герою, которому за нѣсколько предъ симъ лѣтъ благодарный народъ Валахскій поднесъ мечъ «за спасеніе Букареста.»—Дѣйствительный Статскій Совѣтникъ Фуксъ, съ свойственнымъ ему краснорѣчіемъ, описалъ случай сей въ нѣсколькихъ строкахъ, которыя тебѣ и посылаю.

«Двора Ихъ Императорскихъ Величествъ Фрейлина, Графиня Анна Алексѣевна Орлова-Чесменская, прислала къ Генералу отъ Инфантеріи Михайлу Андрѣевичу Милорадовичу саблю, Всемилостивѣйше пожалованную въ Божѣ почивающею Императрицею Екатериною Алексѣевою покойному родителю ея, Графу Алексѣю Григорьевичу, за истребленіе при Чесмѣ Турецкаго флота, при письмѣ, лестныхъ для него выраженій исполненномъ, за спасеніе имъ въ нынѣшнюю войну деревень ея, а особливо той, гдѣ погребенъ родитель ея.—Мечъ сей дарованъ Великою Екатериною Герою Чесменскому за истребленіе Оттоманскаго страшнаго морскаго ополченія на водахъ Азіи, въ виду береговъ древнія Эллады и Іоніи. Тамъ въ первый разъ возвѣшалъ флагъ Россій-

скій;—громъ съ Сѣвера ударилъ,—флотъ исчезъ и луна померкла. Сей мечъ, украшенный драгоцѣннѣйшими камнями, щедротами безсмертныхъ Монархиинъ, есть безцѣнное знаменіе величія тогдашней славы Россіи и неистлѣваемый памятникъ съ родъ родовъ Орловыхъ. Но дочь, благоговѣющая къ памяти родителя своего, къ священному для нея праху его, подносить блистательный залогъ сей знаменитому воину, не допустившему нечестиваго врага коснуться сей гробницы.—Милорадовичъ пріемлетъ оный съ глубочайшею, живѣйшею признательностію; но обѣщаетъ ей извлечь оный токмо за предѣлами Отечества на поражение возмутителей спокойствія народовъ, буде Провидѣнію ваки угодно будетъ избрать его орудіемъ, и не прежде возложить на себя, доколѣ не содѣлается достойнымъ подарка, полученнаго изъ рукъ Россіянки, пламенѣющей любовію къ Отечеству и къ Отцу.

28 Декабри.

«Выступилъ,, ушелъ, вырвался, убѣжалъ!» изъ отечества нашего сей новый Катиллина.—Наполеонъ за Неманомъ! Уже *нѣтъ ни одной гради на землѣ Русской!*—Александръ Первый готовъ положить мечъ свой; но *Еврона*, упадая предъ нимъ на колѣна, и съ воздѣтыми къ небу руками, молить его быть ея спасителемъ, и, подобно древнему Александру, разсѣчь мечемъ *новый Гордіевскій узелъ* тяжелыхъ веригъ ея плѣна.—Нѣкогда Монархъ сказалъ Кутузову: «иди спасать Россію!»—Теперь, кажется, слышенъ въ небесахъ гласъ самого Бога, вѣщающій Александру Первому: «*гряди освободить Еврони!*» И такъ, за чѣмъ приходилъ Наполеонъ въ Россію?—Вотъ вопросъ, для разрѣшенія котораго будутъ нести цѣлыя книги.—*Удача въ мірѣ селъ священныя сплхъ прися!* думалъ воеждъ Галловъ: такъ думалъ и воеждъ Татаръ!—Батый и Наполеонъ по бро-

вавому морю хотѣли приплыть къ храму славы. Но кровь пролита; а храмъ славы запертъ для нихъ. *Ихъ жаволокъ—проклятіе народовъ!*—

Самъ Цицеронъ, еслибъ онъ воскресъ теперь, не могъ бы, кажется, лучше изобразить насильственнаго вторженія враговъ въ землю Русскую, твердости Государя, народа, и ужаснаго гнѣва раздраженнаго Бога, постигнаго сіи разноплеменные орды среди торжествъ и злодѣяній ихъ, какъ все сіе изображено въ Манифестѣ, обнародованномъ въ Вильнѣ. Онъ начинается сими словами: «Богъ и весь свѣтъ тому свидѣтель, и проч. и проч. и проч.»

II. II: Новый порядокъ устанавливается въ дежурствѣ нашемъ: всякой будетъ имѣть свою опредѣленную часть.

Храбрый Полковникъ Потемкинъ, исправлявшій должность начальника Штаба, произведенъ въ Генералы и назначенъ командиромъ Лейбъ-Гвардіи Семеновскаго полка; а начальникомъ Штаба по авангарду опредѣленъ, по Высочайшей волѣ, Флигель-Адъютантъ Его Величества, Полковникъ Сипягинъ, который еще въ капитанскомъ чинѣ отличилъ себя во всѣхъ четырехъ сраженіяхъ при Красномъ.

1 Января, 1815. Городъ Гродно.

Наконецъ минулъ сей 1812 годъ. Какимъ шумомъ, блескомъ и волненіемъ ознаменовалось шествіе его въ міръ! Ежели говорить языкомъ стихотворцевъ, придавая всему лице и существенность, то я воображаю, что сей годъ, обремененный славою и преступленіями, важно вступаетъ во врата вѣчности, и гордо вопрошаетъ неизчислимые сонмы протекшихъ годовъ: кто болѣе его обогрѣлъ кровію и покрытъ лаврами; кто былъ свидѣтелемъ большихъ превратностей въ судьбахъ народовъ, царствъ и вселенной?—Встаютъ вѣки древняго Рима, пробуждаются времена великихъ браней.

славныхъ Полководцевъ, вѣки всеобщаго переселенія народовъ... Напрасно! Древняя Исторія, кажется, не найдетъ въ себѣ года, который во всѣхъ многоразличныхъ отношеніяхъ могъ бы сравняться съ протекшимъ. —Начало его наполнено мрачными предвѣстіями, томительнымъ ожиданіемъ. Гнѣвные тучи сгущались на Западѣ. Въ слѣдъ за пламенною кометою многія дивныя знаменія на небѣ являлись. Люди ожидали будущаго, какъ страшнаго суда. Глубокая, однакожъ, тишина и тайна господствовали на землѣ. Но сія обманчивая тишина была предвѣстницею страшной бури. Всполовались народы, и всѣ силы, все оружіе Европы обратилось на Россію. Богъ предалъ ее на раны; но защитилъ отъ гибели. Россія отступила до Оки, и, съ упругостію, свойственною силѣ и огромности, раздвинулась опять до Немана. Области ея сдѣлались пространнымъ гробомъ непчислимыхъ врагамъ. Русской, спаситель земли своей, пожалъ лавры на сибѣгахъ ея, и развернулъ знамена свои на чуждыхъ предѣлахъ. Изумленная Европа, слезами и трауромъ покрытая, взирая на небо, невольно восклицаетъ: «великъ Богъ земли Русскія, Государь и народъ ея!» — «Великъ Кутузовъ, Полководецъ мудрый!» — говоритъ Исторія, и вмѣстѣ съ именемъ его пишетъ на золотыхъ скрижаляхъ своихъ 1812 годъ.

9 Января. Гродно.

Вчера въ вечеру было здѣсь, такъ называемое, Касино. собраніе по билетамъ. Домъ собранія былъ освѣщенъ. Прекрасныя *патріотки*, *михлыя* любительницы отечества, сначала очень не ласково смѣлись на пригожихъ побѣдителей своихъ — Русскихъ Офицеровъ. Онѣ хотѣли казаться страстными любительницами свободы, огорченными, томными вздыхательницами о потерѣ ея; хотѣли плакать... но заиграли мазурку — и всѣ пусти-

лись кружиться. Кажется, Польскимъ женщинамъ меньше всего должно бояться покоренія: ихъ ловкость, умъ и прекрасные глаза издавна доставляли имъ побѣды надъ сердцами мужчинъ. — Жаль однако, очень жаль, что и Польки поработились *Парижскимъ дурачествами!*

Января 4. Мѣстечко Гонендзъ.

Гонендзъ, пограничное мѣстечко въ области Бѣлостокской надъ рѣкою Боброю, имѣетъ около 200 домовъ. Оно окружено обширными болотами и необозримыми низовыми мѣстами. Теперь, зимою, здѣсь видъ прекрасный: а лѣтомъ все должно плавать въ водѣ, кромѣ мѣстечка, стоящаго на огромномъ каменисто-песчаномъ возвышеніи. Большую часть жителей составляютъ Евреи. Здѣсь-то назначено *сборное мѣсто* всему авангарду Генерала Милорадовича. Онъ состоитъ изъ 6-го и 7-го пѣхотныхъ, двухъ кавалерійскихъ корпусовъ и летучаго Графа Палена отряда. Отрядъ Генераль-Маіора Васильчикова также къ нему принадлежать.

6 Января. Гонендзъ.

Завтрашній день переходимъ мы за границу; завтра ступимъ на землю, никогда еще Россіи не принадлежавшую. Вся армія вступаетъ въ Герцогство Варшавское тремя большими колоннами. Смыслъ колоннамъ дано столь искусное, вѣрное и для насъ выгодное направленіе, что движеніемъ ихъ по разнымъ путямъ въ одно время займется вдругъ все пространство отъ Данцига до Варшавы. Самая столица сія, въ случаѣ сопротивленія ея, будетъ обойдена и игнорирована съ всѣхъ сторонъ. Кто же есть тайною пружиною этого страннаго, искуснаго движенія войскъ? — Тотъ же, кто былъ причиною столь быстрого и для насъ счастливаго обо-

рота въ великихъ произшествіяхъ протекшаго года:— старецъ Кутузовъ. — Самъ Государь неразлученъ съ нимъ. съ войсками и съ славою.

Гонендзъ. 7 Января по утру.

При выступленіи за границу, Генераль Милорадовичъ отдалъ приказъ, чтобы во всѣхъ полкахъ служили молебны въ возблагодареніе Богу, управляющему судьбою браней, за счастливое окончаніе Отечественной войны, моля, да осѣнитъ и прославить Опъ и впредь оружіе Россійское, поднимаемое на освобожденіе царствъ и народовъ!

7 Января. М. Радзилово.

Мы уже за границей. Порядочныя дороги чрезъ болота, каменные заборы въ поляхъ, изрядные крестьянскіе дома съ прекрасными садиками и прочія заведенія уюждаютъ сторону эту Нѣмецкимъ краемъ. Здѣшнія мѣста вообще наполнены болотами и лѣсами. Почва земли камениста. — Отъ Гонендзъ до Радзилова 25 верстъ. Это также очень небольшое мѣстечко, на высотѣ, среди болотъ.

Взгляни на хорошую топографическую карту, и увидишь, что большая часть Герцогства занята болотами. Лѣтомъ, по неудобнопроходимости мѣстъ, сторона сія весьма способна къ оборонительной войнѣ. Надобно быть Русскимъ и воевать въ самую лютую зиму, чтобы проходить вездѣ. — Вся здѣшняя сторона населена Мазурами. Люди сіи подобны лѣсистой природѣ своей. Мужчины великорослы, сильны, пасмурны и бѣдноликы; женщины же вообще очень стройны и пригожи. Любимый цвѣтъ Мазуровъ синій. Они синѣютъ съ ногъ

до головы.— Не думаешь ли, что мы идемъ по непрі-
ятельской землѣ, какъ грозные завоеватели; что ужасъ
предшествуетъ намъ, а опустошеніе насъ сопрово-
ждаетъ.— Нѣтъ! насъ, по всей справедливости, можно
назвать *рыцарями*. Ихъ мужество и добродѣтели стали
теперь нашими. Мы угрожаемъ сильнымъ и защищаемъ
слабыхъ. Вѣра, законы и собственность народа для
насъ священны. Государю угодно было распространить
благость свою даже на непріятелей. Изданы приказы
и объявленія, въ которыхъ Главнокомандующій ручается
за безопасность народа и приглашаетъ свѣтскіи и
духовныя начальства не оставлять ни домовъ, ни обя-
занностей своихъ, обѣщая всѣмъ и каждому помощь
и защиту. Солдаты наши въ полной мѣрѣ исполняютъ
волю Государя. Львы въ бояхъ, они кротки какъ агнцы
въ хижинахъ безоружныхъ поселенъ.

Р. S. Сѣй-часъ получено извѣстіе объ успѣхахъ ору-
жія Россійскаго на Вислѣ и далѣе. Кенигсбергъ и
Маріенвердеръ взяты Графомъ Платовымъ и Генераломъ
Шепелевымъ.

8 Января. Дергвля Малый Цюгскъ.

Зимняя стужа и здѣсь весьма ощутительна. Надобно
быть дѣтьми Сѣвера, чтобъ переносить суровость сего
времени года съ такимъ терпѣніемъ, какъ наши войска.
Завтешній день авангардъ имѣетъ здѣсь раздыхъ.

9. Оттуда же.

Признайся, любезный другъ! что до сихъ поръ ты
не имѣешь еще яснаго понятія о нашемъ движеніи.
Куда мы идемъ? какъ? съ какимъ намѣреніемъ?— Судя
по кроткому обхожденію нашему съ жителями, кажется,
что мы въ самое мирное время переходимъ съ квартиръ

на другія. Но, судя по тому, что вошли въ непріятельскую землю, должно думать, что мы пришли воевать. Мы беремъ всё должныя предосторожности: имѣемъ свой авангардъ, составленный большею частію изъ кавалеріи, подъ командою Барона Корфа; имѣемъ арріергардъ и летучій отрядъ подъ начальствомъ храбраго Графа Палена, надежно прикрывающій наше боковое движеніе. Я скажу тебѣ еще болѣе: мы имѣемъ передъ собою и непріятеля. Не рѣдко сталкиваемся съ нимъ, вступаемъ въ переговоры, споримъ, шумимъ, ссоримся — но не деремся! Часто уже и ружья заряжены и штыки наострены — а сраженія нѣтъ. — Такъ воюемъ мы съ Австрійцами: и это-то называется безкровная или политическая война. Но такъ могутъ воевать только два народа, сотворенные быть вѣчными друзьями и одною необходимостію вовлеченные въ бурю всеобщаго раздора. Однакожь сей родъ войны требуетъ великой осторожности, терпѣнія и большой способности къ переговорамъ и перепискѣ. Надобно прежде предлагать, потомъ убѣждать, а наконецъ уже грозить, но чтобъ это было все кстати, у мѣста. — Получа извѣстіе, что Австрійцы заступаютъ намъ дорогу, тотчасъ посылаютъ объявить имъ, что авангардъ Россійскій идетъ въ большихъ силахъ, хотя въ самомъ дѣлѣ онъ очень не великъ; что вся армія готова подкрѣпить его; что сопротивленіе ихъ будетъ совершенно бесполезно и кровь пролита напрасно и проч. — Слова подкрѣпляются дѣйствіемъ: обходятъ флангъ Австрійцевъ, и они, имѣя чрезъ то достаточную тактическую причину къ отступленію, совершаютъ оное, не смотря на упорство надзирателей своихъ — Французовъ.

Р. С. Отъ Радзилова до деревни Цлотска мѣста довольно открытыя и холмистыя. Остроленко остается у насъ въ лѣвѣ за Нарвою. Около сего городка дремучіе лѣса, извѣстные подъ названіемъ Остроленской пущи. Извѣстательные поеты наши по сю сторону рѣки; непріятельскіе по ту.

Тѣ, которые видѣли Генерала Милорадовича въ огнѣ сраженій пылкимъ, неустрашимымъ, ужаснымъ истребителемъ непріятельскихъ полковъ, дивились его хладнокровію, искусству, прозорливости и великому благоумію въ сей новой для него и для Россіи войнѣ. — Это подтверждаетъ истину Аббата Сабатье, что здравый умъ можетъ быть способенъ ко всему.

13. Деревни Худекъ.

10, 11, 12 и 13 прошли мы чрезъ деревни: Хлудни, Станиславова, Дрозжево и Худекъ. Вся сія дорога вообще гориста и покрыта лѣсомъ. Здѣсь Генераль Корфъ имѣлъ переговоры съ Австрійскимъ Генераломъ Фрелихомъ. Генераль Милорадовичъ посылалъ также къ нимъ съ особыми тайными порученіями начальника авангарднаго Штаба Полковника Сипягина. Въ слѣдствіе сихъ переговоровъ Австрійцы уступили намъ всю дорогу до самаго мѣстечка Прасницъ, и даже большой магазинъ въ семь мѣстечекъ, сдать оный во всей цѣлости занимающемуся на то время заготовленіемъ впереди продовольствія для авангарда Московскаго Ополченія, Майору Павлову.

14 Января, и. Прасницъ.

Авангардъ вступилъ въ Прасницъ. Это мѣстечко только въ 80 верстахъ отъ Варшавы! Всѣ здѣшніе Евреи, съ распущенными хоругвями, хлѣбомъ и солью встрѣтили Генерала Милорадовича. Ихъ радость не описанна. Бѣдные! плѣненіе Французское не легче было для нихъ, какъ для предковъ ихъ Вавилонское!... Теперь, по причинѣ ихъ повсемѣстности въ Европѣ, они оказываютъ намъ большія услуги, доставляя отовсюду весьма важныя и вѣрныя извѣстія.

Прасницъ довольно изрядное мѣстечко на одной изъ большихъ дорогъ изъ Пруссіи въ Варшаву.—

Но что сказать вообще о Герцогствѣ Варшавскомъ?—Въ короткое время пребыванія своего подъ властію Прусскаго правительства получило оно самое выгодное для себя образованіе. Повсюду встрѣчаете вы плоды благотворительности этого умнаго и попечительнаго правительства. Вездѣ видите по плану выстроенныя деревни. У крестьянъ прѣкрасныя сѣѣтели съ большими камнями, которые ихъ освѣщаютъ и грѣютъ.—Отъ чегожъ онѣ здѣсь лучше, нежели во всей Польшѣ? Кто строилъ ихъ?—Король!—Хотите знать средства его?—Вотъ одно изъ главнѣйшихъ: каждый поселеникъ платитъ въ казну отъ 3 до 5 злотыхъ съ избы, что составляетъ страховую пожарную сумму. Въ частности это почти ничего, въ сложности—много. Изъ сей-то суммы каждый погорѣвшій крестьянинъ получаетъ по 500 злотыхъ, и строитъ себѣ прекрасный домъ. Такимъ образомъ многія уже деревни и города въ лучшемъ и прекраснѣйшемъ видѣ возродились изъ пепла послѣ пожаровъ.

Герцогство Варшавское раздѣлено на префектуры и департаменты. — Въ каждомъ городѣ, если онъ не главный въ префектурѣ, находится подпрефектъ, по нашему исправникъ. — Герцогство имѣетъ свои деньги.

Прасницъ, 15 Января.

Сего-дня Генералъ Милорадовичъ осматривалъ проходившія войска 4 и 7 корпуса. Веселый видъ солдатъ, ихъ бодрость и свѣжесть лицъ не показывали, чтобъ они перенесли столь много неслыханныхъ трудовъ, пройдя великое, необъятное пространство отъ Оки до Вислы въ непрерывныхъ сраженіяхъ и побѣдахъ, среди лютейшей зимы. Седьмой корпусъ обратилъ на себя особенное вниманіе. Генералъ Паскевичъ, при громкомъ

барабанномъ боѣ и вѣющихъ знаменахъ провелъ его быстрымъ и смѣлымъ шагомъ. Въ остаткѣ этого корпуса видѣнь былъ тотъ же жаръ и духъ, съ какимъ истреблялъ онъ колонны Нея подъ Краснымъ.—Артиллерія наша тянулась чрезъ мѣстечко безконечнымъ гужомъ.

Сего-дня получено извѣстie, что Данцигъ, въ которомъ заперся Генералъ Раппъ, обложенъ нашими войсками. Кенигсбергъ, Мариенбургъ и Мариенвердеръ взяты; 15 тысячъ Прусаковъ отклонились отъ Французовъ къ намъ. Кажется, что Пруссiя вся съ нами.—Ренъ, съ 20-ю тысячами, составленными изъ Французовъ, Поляковъ и Саксонцевъ, бродитъ около Варшавы; можетъ быть вздумаетъ защищать ее.—Но колонны нашей главной армiи, ни на что не смотря, обходятъ Варшаву и спѣшатъ занять все Герцогство.

16. Прасницъ

Въ авангардѣ нашемъ послѣдуетъ нѣкоторая перемѣна. За два перехода отсюда отдѣлятся отъ него часть издавна въ немъ находившихся войскъ; а присоединятся идущiе изъ Венгрова корпуса Генералъ-Лейтенанта Сакена и Князя Волконскаго. Все это вмѣстѣ составитъ до 30,000 войскъ, которые Генералъ Милорадовичъ, переправя въ разныхъ мѣстахъ черезъ Вислу, введетъ въ Варшаву со стороны, противуположной Прагѣ.—Модлинъ, эта вновь сооруженная Наполеономъ на выгоднѣйшемъ мѣстѣ, при слиянiи Вкры съ Бугомъ и Буга (принявшаго у Серотска рѣку Напелу) съ Вислою, крѣпость будетъ обложена. Часть Польскаго народнаго ополченiя, называемаго Коссионерами, находившаяся въ Плоцѣ, поспѣшно ушла за Вислу Калишской префектуры въ городъ Пиотковъ.

17 Января. Праснищъ.

«Теперь или никогда, въ глазахъ цѣлаго свѣта, должны вы показать привязанность вашу къ родной странѣ, любовь къ свободѣ и то, что вы достойны имени Поляковъ: имени, которое предки ваши съ такою честію и славой носить умѣли.» — Такъ восклицаетъ къ народу Игнацій Ежевскій. Генералъ и Маршалокъ народнаго ополченія въ департаментѣ Плоцкомъ. Надобно знать, что въ это время Поляки, у которыхъ зимнія бури не могли еще остудить головъ, задумали сдѣлать во всемъ Герцогствѣ древнее *Носполитанское рушенье*, то-есть, поголовное народное вооруженіе. Онъ продолжаетъ: «Слышите ли, благородные Поляки! звукъ трубы, зовущій насъ подъ отечественныя знамена для защиты родной земли!... Друзья и братья! настала минута, въ которую должно всеѣмъ жертвовать, на все отважиться — минута кровавыхъ боевъ... Стыдъ и горе тому Поляку, который предпочтетъ спокойствіе и цѣни рабской жизни трудамъ и смерти за спасеніе разтерзаннаго, отечества! Я въ третій уже разъ приѣмлю начальство надъ ополченіемъ народнымъ, и всегда въ такое время, когда бури потрясаютъ отечество. Послѣдуйте за мною! и проч. проч.» — Но поздно!... Это все равно, когда бы кто-нибудь сзывалъ народъ спасать домъ, въ которомъ цѣла одна только половница, на которой онъ стоитъ, а все прочее поглощено пламенемъ. — Теперь уже не время играть рыцарскія драмы. Полякамъ не на кого пѣнять въ утратѣ государства своего, кромѣ самихъ себя. Тѣмъ ли думать о свободѣ, которые, раздвинувъ прежде на столь обширное пространство предѣлы земли своей, лежащей по несчастію въ самой срединѣ Европы, и огорчивъ чрезъ то большую часть державъ, вдругъ предались праздному бездѣйствію извнѣ и раздорамъ внутри? Роскошь, пороки и нововведенія нахлынули къ нимъ со всѣхъ сторонъ. Драв-

віе нравы измѣли. Твердость духа разсѣялась вихрями новаго образа жизни. Народъ оцѣпенѣлъ. Вельможи уснули. Но государство, засыпающее на цвѣтахъ, пробуждается обыкновенно бурями.—Нѣтъ! не это земля свободы! — Свобода хранится и цвѣтетъ въ области уединенной, немногочисленной, за хребтами высокихъ горъ, среди дремучихъ лѣсовъ.—Мы любимъ слушать Галгака или Арминія. Первый на дикомъ островѣ, подъ бурями Сѣверныхъ морей, не колеблется даже и въ то время, когда варвары гонятъ его къ морю, а море отчерпаетъ къ варварамъ, когда приходится ему умереть или отъ воды, или отъ желѣза. Другой, въ древнихъ лѣсахъ Германіи, дикъ, грозенъ, но твердъ и величественъ, стоитъ по колѣни въ болотѣ, подъ мрачнымъ склономъ вѣковыхъ деревьевъ, и скликастъ полудикія племена на разторженіе неволи. Въ горахъ Краковскихъ, въ болотистыхъ лѣсахъ Герцогства Варшавскаго, могли бы еще Поляки сберечь свободу свою, но это не теперь, а въ давно прошедшемъ времени.

18 Января.

Случалось ли тебѣ видѣть, какъ знатные господа, промотавшіе все свое имѣніе, по старой привычкѣ роскошничать, заказываютъ еще обѣды, пиры и праздники, не имѣвъ уже копейки въ карманѣ? Такъ точно поступаетъ Наполеонъ. Растерявъ всю свою армію, насылаетъ онъ изъ Парижа съ нарочными курьерами повелѣнія, куда идти корпусамъ, гдѣ зимовать большой арміи и проч. Онъ велитъ вооружать тѣ области, которыя давно уже нами заняты; защищать тѣ города, которые въ нашихъ рукахъ. Всѣ большія дороги наполнены нашими войсками. Вездѣ хватаютъ Парижскихъ гонцовъ и громко смѣются надъ гордыми повелѣніями великаго вождя невидимыхъ силъ.—Извѣстно, что Наполеонъ, доѣхавъ въ Парижъ подъ почетнымъ

именемъ Коленкура, объявилъ Сенату большую часть своей потери, увѣряя при томъ, что вся Русская армія побита нмъ на голову, а ему повредилъ одинъ только суровый климатъ.—Пусть онъ говоритъ, а мы будемъ дѣлать. Исторія и потомство разсудятъ.

Пусть онъ обманываетъ Французовъ; но надого-ль?—

Скоро, скоро нѣжные матери, отцы и друзья, не получая такъ долго вѣстей о милыхъ сердцу своему, домыслятся и возстаютъ о погибелѣ ихъ.—Напрасно юныя жены, подъ прелестнымъ небомъ Южной Франціи, томятся желаніемъ увидѣть супруговъ своихъ, и часто въ пріятныхъ мечтаніяхъ утреннихъ сновъ простираютъ къ нимъ объятія; напрасно отцы наряжаютъ великолѣпные дома для пріѣзда сыновъ своихъ—уже не придутъ они: мертвые не воскресаютъ. Они пали на кровавыхъ поляхъ отъ Оки до Вислы, и груды костей ихъ тѣбютъ въ чуждой землѣ. Франція! наполненная шумомъ забавъ и пѣснями радости, готовя нынѣ къ ударамъ смертной горести!—Недостанетъ траура и слезъ для столь многихъ потерь. А ты, о Россія, о мое Отечество! торжествуй великое празднество твоего освобожденія, покоясь на дѣлахъ и трофеяхъ спасителей своихъ! Долго не изгладится изъ памяти народовъ ужасная погибелъ держащихъ на тебя!...

41. Мѣстечко Чортковъ

Очень порядочное мѣстечко. Здѣсь можно найти въ лавкахъ отличной доброты сукна и прочіе хорошіе товары; а погреба славятся прекрасными, безпримѣсными винами.—Модлинъ, находящійся отсюда только въ двухъ миляхъ, рѣшился защищаться. Вчера видно было большое зарево.—Командантъ сжегъ предмѣстія и заперся въ крѣпости. Генералъ-Маіоръ Паскевичъ съ 7 мъ корпусомъ пошелъ обружить ее. —Гореть

Поляковъ, запершійся въ Модлинѣ, конечно не принесетъ никакой пользы своему отечеству, не сдѣлавъ ни малѣйшаго пожѣнательства и нашихъ движеній. Но можетъ быть сіи затворники хотятъ заслужить мѣстечко въ Исторіи.—Недавно былъ у нихъ совѣтъ. Нѣкоторые предлагали сдать крѣпость, говоря, что Русскіе могутъ ее сжечь.—«Я тогда развѣ сдамъ ее,» гордо отвѣчалъ Комендантъ, «когда платокъ въ карманѣ моемъ загорится!»

22 Января.

Мы все въ Цлонскѣ, и еще можетъ быть простоишь: а причина?—Австрійцы!—Спорятъ, упрямятся, не хотятъ отдавать намъ Варшавы. Впрочемъ они не виноваты: Репье и Поляки не даютъ имъ покоя, представляя, что они бѣгутъ отъ горсти Русскихъ: что, совокупясь съ ними, могутъ защищать Варшаву, что у Милорадовича не болѣе 5000 войскъ, а ихъ наберется до 30,000.—Въ самомъ дѣлѣ авангардъ нашъ, отбѣя отъ себя нѣкоторые полки, и не соединясь еще съ Волконскимъ и Сакеномъ, едва ли имѣетъ 5000.

25.

Хитрость въ войнѣ необходима. Она то же, что механика въ общежитіи: ею замѣняется слабость силъ. Сего-дня пустили мы порядочно пыли въ глаза Полякамъ. Понатовскій вздумалъ прислать къ намъ своего Адъютанта, будто для пересылки писемъ къ плѣннымъ, а въ самомъ дѣлѣ для узнанія силы нашего авангарда. Австрійцы наемкнули намъ о семъ изъ-подъ руки. Генераль Милорадовичъ приказалъ тотчасъ горсть пѣхоты своей разсыпать по всѣмъ деревнямъ, вдоль по дорогѣ лежащимъ; конницы велѣно переѣзжать съ мѣста на мѣсто, появляться съ разныхъ сторонъ и

тѣмъ число свое увеличивать.—А пушекъ у насъ такъ много, что ихъ и дѣвать нѣгдѣ было. Къ счастью, въ сей день, какъ нарочно, заѣхалъ къ намъ Генералъ Доктуровъ, котораго корпусъ не подалеку проходилъ. Наканунѣ прибыли Генералъ-Лейтенантъ Марковъ и Князь Горчаковъ; послѣдній привелъ съ собою не болѣе 400 человекъ. Тутъ же находились и Генералъ Уваровъ, командовавшій кавалеріею авангарда. Адъютантъ Понятовскаго, блѣлокурый, высокой, блѣдной, тонкой молодой человекъ, въ предлинныхъ ботфортахъ и въ прекороткомъ мундирѣ прибылъ къ обѣду.—За столомъ сидѣло до десяти Генераловъ. Къ крайнему удивленію, видя между ними четырехъ, которые, имѣя по три звезды на груди, всегда командовали большими корпусами, и сдѣлали имена свои извѣстными, Адъютантъ Понятовскаго подумалъ, что всѣ ихъ войска тутъ же вмѣстѣ съ ними.—Войска авангарда, искусно по дорогѣ разставленныя, и великое множество пушекъ утвердило его въ этомъ мнѣніи. И такимъ-то образомъ этотъ тайный посланникъ Варшавы возвратился съ извѣстіемъ, что Генералъ Милорадовичъ можетъ устремить противъ нее покрайней мѣрѣ 30,000 пштыковъ: а Русскіе пштыки памятливы Варшавѣ!

Я забылъ сказать тебѣ, что на сихъ дняхъ пріѣхалъ къ намъ изъ Главной Квартіры извѣстный дипломатъ нашъ Баронъ Аштетъ. Сего-дня имѣлъ онъ переговоры съ Австрійскимъ Полковникомъ Латуромъ, присланнымъ отъ Князя Шварценберга. *Дипломатика* есть также война: споромъ и упорностію, нераздѣльною однакожъ съ благоразуміемъ, многое можно къ пользѣ своей выиграть.—Чтобъ быть хорошимъ дипломатомъ, надобно имѣть надежную память, острый умъ; знать твердо политическую Исторію своего отечества, Исторію Европы и цѣлаго свѣта. Разумѣется,

что знаніе языковъ необходимо.—Наконецъ Варшава сдается! Баронъ Авштетъ сдѣлалъ условія сей сдачи. Генералъ Милорадовичъ утвердилъ ихъ. Они весьма выгодны для насъ. Всѣ больные и раненные Французы, которыхъ въ Варшавѣ считаютъ болѣе шести тысячъ, должны достаться намъ военнопленными. Всѣ магазины, арсеналъ и прочія заготовленія сданы будутъ намъ въ цѣлости.

Баронъ разсказывалъ завѣрное, что въ Вѣнѣ уже начинаютъ пробуждаться умы. Тѣ, которые вѣрили всемогуществу Наполеона, выходятъ изъ заблужденія. Истина осмѣливается возвышать голосъ свой, указывать на раны Германіи, на собственные свои, представлять бѣдствіе народовъ, раззореніе областей. Уже имя Наполеона произносится съ негодованіемъ. Ропотъ слышенъ въ домахъ; народъ шумитъ на улицахъ; общее желаніе—миръ съ Россіею, война врагамъ ея. Такъ мыслить народъ: но Дворъ еще молчитъ. Насмѣшники наводняютъ столицу карриатурами; жители утѣшаются ими. Нѣкто прибѣлъ на вратахъ Соборной церкви въ Вѣнѣ слѣдующее объявленіе: «Великій «Наполеонъ по дорогѣ отъ Москвы къ Вильнѣ разтерзалъ «350,000 франковъ: кто найдетъ и представитъ въ «Парижъ хотя часть оныхъ, будетъ щедро награжденъ»

25. Ноутру.

Вчера въ вечеру переправились мы чрезъ Вислу у деревни Вульки, гдѣ она въ широтѣ равняется съ Цевою. Берега Вислы въ семь мѣстѣ наполнены оврагами и скалами, высокими слями покрытыми. — По тайному условію съ княземъ Шварценбергомъ намъ должно обѣйти Варшаву, стѣснить ее со всѣхъ сторонъ, и такимъ образомъ принудить его къ выступленію, а ее къ сдачѣ. — Посему мы продолжаемъ *колоннне* *напривленіе* наше до деревни Бортеяницъ.

25. Въ вечеру. Деревня Бортженщинъ.

И такъ мы увидимъ Варшаву, будемъ въ ней, и конечно остановимся отдохнуть. Послѣ столь многихъ трудовъ, послѣ претерпѣнія столь многоразличныхъ нуждъ: стужи, голода и повсечастныхъ безпокойствъ, какъ бы пріятно для тѣхъ, которымъ въ теченіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ постелью была—влажная земля, покровомъ—бурное небо, отрадою — дымный полевой огонь,—какъ пріятно, говорю я, успокоиться въ большомъ роскошномъ городѣ, въ свѣтлыхъ домахъ, въ обществѣ людей, гдѣ цвѣтутъ еще пріятныя искусства, гдѣ послѣ шума вѣтровъ и свиста пуль можно услышать прелестный голосъ женщины или очаровательные звуки музыки!... Да! намъ надобно отдохнуть въ Варшавѣ, надобно потому, что всѣ этого хотятъ. Впрочемъ мы часто хотимъ того, что намъ вредно. Все сіе зависить отъ Князя Свѣтлѣйшаго: онъ наше *земное провидѣніе!*.....

26 Рано.—Въ двухъ миляхъ отъ Варшавы.

Утро было прекрасно. Уже нѣсколько дней, какъ зима здѣсь ощутительно смягчилась. Солнце великолѣпно сіяло на голубомъ небѣ. Снѣгъ таялъ и въ воздухѣ слышно было дыханіе весны. Тайное желаніе увидѣть, хотя издали, столицу Польши, щекотало любопытство мое. Я вышелъ посмотрѣть на здѣшнюю природу и на Варшаву. Обширное, ровное поле разстилалось съ сей стороны до самаго города. Острые верхи башенъ, церквей и нѣкоторые дома мелькали на горизонтѣ.—Дымъ изъ тысячи трубъ свивался въ сѣдые тучи. Намъ нельзя еще было вступить въ Варшаву; но воображеніе не знаетъ оковъ невозможности; для него нѣтъ ни заставъ, ни карауловъ. Безъ позволенія и билета очутилось оно въ ней, тѣснилось въ толпахъ народа, бродило по улицамъ, заглядывало въ

Прагу, искало слѣдовъ великаго Суворова, носилось надъ Вислою и любовалось великолѣпною мрачностію столицы. О! воображеніе великой чародѣй!—Подивись нелюбопытству здѣшнихъ поселянъ: живя въ двухъ миляхъ отъ Варшавы, они не бывають въ ней по цѣлымъ годамъ; а дочь хозяина моего, лѣтъ пятнадцати дѣвушка, увѣряетъ, что еще сроду въ ней не была. Счастливая безпечность! Она есть надежнѣйшею оградой чистыхъ нравовъ, для которыхъ столица—гибель!..

26. Около вечера. Мокатово.

Прекрасный замокъ вдовы Фельдмаршала Князя Любомирскаго, той самой, которой принадлежит Ландс-Гуть. Домъ убранъ съ большимъ вкусомъ. Въ немъ есть цѣлыя зеркальныя комнаты, бронзы, мраморы и проч. Сады обширные, съ красивыми бесѣдками и домиками.—Вотъ нѣсколько словъ собственно о Мокатовѣ. Теперь расскажу тебѣ о томъ важномъ и для Исторіи незабвенномъ пропзшествіи, которому мы сегодня здѣсь были свидѣтелями. Я хочу сказать о покореніи Варшавы, приславшей сюда ключи свои. Въ первый еще разъ въ жизни былъ я при такомъ обрядѣ. Суета, шумъ и волненіе, сопровождавшія оный, имѣли въ себѣ что-то похожее на свадебные сборы. Съ самаго еще утра начали взаимно пересылаться; конные гонцы скакали взадъ и впередъ. Анштетъ былъ въ страшныхъ хлопотахъ. Условливались о мѣстѣ, часѣ и порядкѣ врученія ключей. Принять ихъ назначено въ Мокатовѣ въ два часа по полудни. Къ сему времени всѣ мы въ нарядныхъ мундирахъ собрались въ небольшомъ садовомъ домикѣ, гдѣ остановился Генераль Милорадовичъ. Тутъ было человѣкъ съ 12 Генераловъ. Предъ крыльцомъ стоялъ въ строю прекраснѣйшій эскадронъ Ахтырскаго полку: зрители плѣнялись его картиннымъ видомъ. Ровно въ два часа передовой

посланный возвѣстилъ скорое прибытіе Депутатовъ. Любопытство подвинуло всѣхъ къ окнамъ. Сперва показались вершинки изъ Польской народной гвардіи, и вдругъ богатая карета, восьмью Англинскими лошадьми запряженная, сопровождаемая отрядомъ сей же гвардіи, загремѣла и остановилась у крыльца. Эскадронъ отдалъ честь. Въ слѣдъ за первою подъѣхала такая же другая. Эскадронъ повторилъ привѣтствіе. — Префектъ Варшавы, Меръ, Подпрефектъ, два члена духовенства, Бургомистръ и еще пять или шесть человѣкъ въ нарядныхъ шитыхъ мундирахъ, съ разноцвѣтными перевязями черезъ плечо, собрались на крыльцѣ. — Двери настежъ! — и гости вступили въ комнату. — Между ними находился тотъ самый старикъ, который вручалъ ключи Суворову. — Толпа отшатнулась — Генералъ Милорадовичъ выступилъ впередъ.

«Столица Герцогства Варшавскаго, въ знакъ миролюбиваго привѣтствія побѣдоносному Русскому воинству, посылаетъ сіе», — сказалъ Префектъ, поднося хлѣбъ и соль. «Вотъ и залогъ ея покорности знаменитому оружію Всеавгустѣйшаго Императора Александра Перваго,» прибавилъ Меръ, подавъ знакъ — и старецъ вручилъ Генералу золотые ключи. — Всѣ поклонились очень низко. У нѣкоторыхъ блеснули слезы на глазахъ.

Генералъ Милорадовичъ отвѣчалъ съ свойственнымъ ему благородствомъ и краснорѣчіемъ. Онъ говорилъ между прочимъ, что для Государя, который подымаетъ мечъ только для расторгенія оковъ, воюетъ — для мира, и покорять народы желаетъ одною благостію, ключи сіи будутъ тѣмъ болѣе драгоцѣнны, что они не обогреты кровью. «Ваши храмы, законы и самые обычаи,» продолжалъ онъ, «останутся неприкосновенны. Жизнь,» «собственность и дома гражданъ не подвержены никакой опасности. Пища кроткой души Императора — «благотвореніе. Первымъ доказательствомъ попеченій «Его о Варшавѣ есть уже то, что Онъ освобождаетъ

«её отъ постоя. Всѣ войска расположены будутъ въ окрестныхъ селеніяхъ и на поляхъ около города; но дабы не обременить участи поселянъ, городскіе жители постараются доставить войскамъ нужное продовольствіе. О семъ сдѣлаемъ особое постановленіе.— Такъ дѣйствуетъ Государь мой, говорилъ Генераль. «Мщеніе чуждо великой душѣ Его. Онъ не желаетъ проливать кровь за кровь, и платить разрушеніемъ за разрушеніе; и для самыхъ виновныхъ отложилъ «Онъ судъ Свой, карая ихъ одною милостію.»— «Александръ Первый хочетъ жить для Исторіи»—прибавилъ дипломатъ Анштетъ—и все кончилось. Депутаты уѣхали, назначивъ завтра въ 10 часовъ собраніе въ замкѣ Вилановѣ. Ключи тотчасъ отправлены были къ Государю съ Полковникомъ Сипягинымъ, начальникомъ Штаба по авангарду.

Мы пересѣкли всѣ дороги, изъ Варшавы и Модлина. Безпрестанно приносятъ съ передовыхъ постовъ въ квартиру Генерала Милорадовича чемоданы съ письмами, отправленные по почтѣ. Военская осторожность велитъ читать все, что пишется въ Варшаву и изъ Варшавы.—Много есть писемъ изъ разныхъ мѣстъ Франціи, Италіи и Германіи. По надписямъ всѣ почти принадлежатъ *знаменитой покойницѣ*—большой Французской арміи.—Много въ нихъ есть смѣшного, жалкаго. Вообще странно въ окрестностяхъ Варшавы узнавать всѣ сокровеннѣйшія тайны семействъ, живущихъ въ Парижѣ, Вѣнѣ или Касселѣ. Есть много прекрасныхъ писемъ. Когда-нибудь я тебѣ пришлю ихъ кучу. Между прочимъ попалась мнѣ цѣлая любовная переписка одной Шарлоты, жительницы Наполеонсъ-гіоге, что близъ Касселя, съ какимъ-то Людовикомъ, Капитаномъ Вестфальской гвардіи. Перехватныя письма и глаза невидимокъ, которыхъ разсылаемъ въ разные стороны, доставляютъ намъ весьма нужныя свѣденія: мы узнаемъ задушевные тайны нашихъ непріятелей.—Недавно изумилъ я одного выходца изъ

Модлина, рассказавъ ему, сколько въ крѣпости улицъ, сколько воротъ, пмена тѣхъ и другихъ; сколько магазиновъ, съ чѣмъ имянно, чѣмъ они крыты; гдѣ хранится порохъ; сколько какихъ войскъ и какихъ полковъ; сколько у нихъ колодцевъ, когда и въ которомъ испортилась вода; въ какіе дни пекутъ они хлѣбы и когда терпятъ большой недостатокъ въ водѣ. Наконецъ рассказалъ ему свойства Коменданта, его занятія, его связи,—даже имя любовницы его!—Все это узнается чрезъ нѣкоторые *посредства*. Въ войнѣ необходимо имѣть свои глаза и свои уши въ станѣ непріятельскомъ: чѣмъ вѣрнѣе видишь и слышишь, тѣмъ надежнѣе разишь.—Разпознавъ мѣста и выщупавъ силы непріятеля, почти можно ручаться за успѣхъ.—

27. Виланово.

Примѣтилъ ли ты, какъ мы, имѣя Варшаву центромъ, движеніемъ нашимъ описывали около нея дугу, переходя изъ одного мѣста въ другое, дѣлая приготовленія, скрывая намѣренія свои и въ городъ не вступая. Такъ ходитъ темная буря надъ селами и пугаетъ земледѣльцевъ, грозя разсыпать губительный градъ. Австрійцы уже давно выступили изъ Варшавы; а мы еще не занимаемъ ее. «Для чего же мы медлимъ, скоро ли вступимъ? или еще не рѣшена судьба Варшавы?—«Что будетъ съ нею?»—Такъ всѣ спрашивали, и никто не отвѣчалъ. «Что будетъ съ Варшавою?» спрашивали у Барона Анштета. «Одинъ Богъ и Александръ знаетъ про то,» отвѣчалъ онъ съ таинственнымъ видомъ. Поляки все это знали, чувствовали и трепетали. Они видѣли, что мрачная туча носится надъ ихъ головами, и не знали, благотворительнымъ ли дождемъ, или палящими молніями разрѣшится она. Вчерашній день облегчилъ ихъ отъ тяжкаго бремени сомнѣній.—Все это

дѣлано было однакожь очень къ статѣ; ибо страхъ надъ волнующимися умами народа имѣеть дѣйствіе стужи, сжимающей бурныя волны рѣкъ и озеръ. Между перехваченными письмами нашли мы одно, въ которомъ увѣдомляли, что весь арсеналъ Варшавскій розданъ народу. Къ чему бы, на примѣръ, это?—Теперь вѣрно сносить, и сносятъ все это оружіе въ Вилановъ. Офицеры наши не иначе могутъ вѣзжать въ Варшаву, какъ по билетамъ, и то съ строжайшимъ запрещеніемъ въ ней ночевать. Впрочемъ Варшава, какъ говорятъ, очень намъ рада и гораздо охотнѣе желала бы имѣть войска наши въ себѣ, нежели около себя. — Но покуда отпрошусь въ Варшаву, спѣшу осмотрѣть прекрасный здѣшній замокъ.

В и л а н о в ы.

Древній замокъ Короля Собіескаго, который въ 1683 г. выручилъ осажденную Турками Вѣну. Теперь принадлежит онъ молодому Станиславу Потоцкому. — Это подлинно Королевскій замокъ! Какое величіе въ расположеніи, въ зодчествѣ, въ уборахъ! Стѣнная живопись прекрасна. Лѣпной работы множество. Двѣ большихъ галлерей наполнены картинами, въ числѣ которыхъ есть прекрасныя, драгоцѣнныя, на прим. Пуссенева сельскіе виды; все семейство Собіескаго; самъ онъ на конѣ. Прелестная Собіескаго жена представлена здѣсь въ разныхъ видахъ: въ одномъ мѣстѣ видишь ее прекрасною пастушкою, сидящею надъ чистымъ ручьемъ и въ зеркалѣ водъ поправляющею свой цвѣточный нарядъ; въ другой картинѣ видите вы ее прелестнымъ Ангеломъ, летающимъ подъ голубыми небесами. Жаль, что нѣтъ здѣсь картины, представляющей самого Собіескаго въ торжественный часъ освобожденія Вѣны.—Здѣсь болѣе всего портретовъ. Прекрасныя женскія лица стоятъ подлѣ усатыхъ,

желѣзными латами покрытыхъ и лаврами увѣнчанныхъ Поляковъ. Въ такомъ нарядѣ они были героями. Вмѣстѣ съ латами и кунтушами сложили они съ себя древнее мужество и твердость душъ.

В а р ш а в а.

Обширный, садами окруженный и гуляньями наполненный городъ. Лѣтомъ можетъ она назваться цвѣтущею. Есть много огромныхъ палатъ, дворцовъ; но мало такихъ, которыхъ бы наружность поражала блескомъ и великолѣпиемъ. Слѣды времени не заглаживаются здѣсь стараніемъ людей. Одно только мирное время сзываетъ искусства для украшенія и обнови городовъ; а Варшава съ давнихъ уже лѣтъ, какъ древо на высокой скалѣ, была жертвою бурей и непогодъ.—Лучшіе трактиры: Вилевскій, Гамбургскій, Англійскій и Дрезденскій.—Всѣ знатные оставили столицу, хотя Русскіе и вошли въ нее, какъ друзья.—Днемъ народъ толпится на площадяхъ; по вечерамъ пустота и уныніе пугаютъ на улицахъ.

29.

Сипягинъ возвратился съ Владиміромъ на шеѣ. Его служба достойна сей награды. — Государь восхищенъ былъ сдачею Варшавы. Онъ обнималъ Князя Свѣтлѣйшаго—войска кричали: ура!—Генералъ Милорадовичъ получилъ вензеловыя изображенія имени Государя на эполеты, съ лестнымъ правомъ находиться при Особѣ Его Императорскаго Величества.—Князь Свѣтлѣйшій сопровождалъ сей Монаршіи даръ пріятнѣйшимъ письмомъ, въ которомъ, въ свойственныхъ краснорѣчію его выраженіяхъ, говоритъ между прочимъ, относясь къ лицу Генерала Милорадовича: «Великія заслуги «ваши столь много сблизили васъ со Всеавгустѣйшимъ

«Императоромъ нашимъ, что сіе даруемое Имъ вамъ преимущество, находится при Особѣ Его Императорскаго Величества, сдѣлалось необходимымъ для васъ и для Него.»

Напрасно ожидали мы отдыха въ Варшавѣ: войскамъ велѣно выступить въ походъ; чрезъ три дня поспѣшимъ и мы за ними. Разстаться съ Варшавою, не насладясь ея удовольствіями: это все равно, что въ жаркій день только прикушать воды изъ студенаго колодца и, не утоля палящей жажды, идти далѣе въ знойный путь.

Вчера Генераль Милорадовичъ съ великолѣпнымъ конвоемъ проѣзжалъ Варшаву. Народъ тѣснился въ улицахъ и кричалъ ему: *виватъ!* — Пріятно было видѣть, что въ домахъ, на улицахъ и рынкахъ все было покойно: никакія занятія, работы и упражненія не прерывались. Сами жители сознаются, что при Французахъ, пріятеляхъ ихъ, не такъ было.

Извѣстный дарованіями своими Дѣйствительный Статскій Совѣтникъ Фуксъ написалъ по случаю занятія Варшавы нѣсколько слѣдующихъ строкъ:

«И такъ паки повергаетъ Варшава главу свою къ стопамъ Августѣйшаго Александра Перваго.—Герцогство Варшавское принадлежитъ Россіи.—Тѣ же ключи, которые поднесены были нѣкогда безсмертному Суворову, подносятся нынѣ знаменитому сподвижнику Италійскаго Милорадовичу. Суворовъ, принявъ ихъ, возблагодарилъ Бога, что не орошены они были кровію, и Милорадовичъ, по полямъ, трупами усѣяннымъ, по кровавымъ токамъ туда притекшій, пріемлетъ ключи сіи съ такими же теплыми ко Всевышнему моленіями. Вѣкъ Екатерины сливается съ вѣкомъ Александра, и пророчество великаго мужа свершается. Суворовъ сказалъ: «Милорадовичъ будетъ славнымъ Генераломъ!»—

Понимаю, для чего не оставляютъ войскъ въ Варшавѣ. Она могла бы сдѣлаться для насъ тѣмъ, что Капуя для Аннибаловыхъ. Прекрасные трактиры, театръ, лазенки и всякаго рода удовольствія могли бы очаровать, разнѣжить *закаленныхъ въ бояхъ* и заставить ихъ забыть, что война не окончилась; ибо Европа еще не спасена!

В а р ш а в а .

Я былъ въ театрѣ. Онъ довольно великъ для всякаго другаго города, кромѣ. Варшавы: она столица. Ложи въ пять ярусовъ. Лучшій актеръ и содержатель театра Дмушевскій.—Я былъ въ лазенкахъ. Это бани или ванны, гдѣ купаются. Однѣ изъ нихъ близъ Прагскаго моста—на судахъ.—Какая роскошь купаться въ лазенкахъ! Входишь въ прекрасную комнату, убранную зеркалами и диванами, тамъ изготовлено все нужное: полотенце, гребень, мыло, губка и даже подставка для удобнѣйшаго снятія сапогъ. Погружаешься въ глубокую, внутри свинцомъ обложенную ванну. Отворяешь кранъ—льется теплая вода; другой — брызжетъ прямо изъ Вислы студеная. Вы можете составить себѣ ванну, какую хотите: лѣтнюю, осеннюю или зимнюю. Вода станетъ мутна; потяните за шнурокъ—и она исчезнетъ! Свѣжая льется изъ крановъ. Теплой очень довольно; холодной—хоть полъ-Вислы выпустите! и все это стоитъ 2 злота (120 коп. мѣдью).

Я видѣлъ Вислу въ прекрасную лунную ночь. Золотые лучи сыпались на хрустальный ледъ. На другомъ берегу, за длиннымъ мостомъ, мелькала Прага.—Висла прекрасная, широкая рѣка, не уже Невы. Жаль, что жители Варшавы менѣе всего занимались ею. Еслибъ берега сей рѣки одѣты были камнемъ, какъ въ Петербургѣ; еслибъ какой-нибудь волшебникъ,

собравъ всѣ лучшіе 4-хъ этажные дома, разбѣянные по всему городу между лачужекъ и грязныхъ переулковъ, выдвинулъ ихъ на набережную; еслибъ высокіе холмы, на одномъ концѣ Варшавы лежащіе, украсились хорошими строеніями и садами: то Варшава была бы однимъ изъ первѣйшихъ городовъ въ свѣтѣ!

Еслибъ Висла, какъ Волга и Нева, покрыта была торговыми лодками, барками и галіотами, то Польша была бы счастлива. Торговля! торговля! сія душа царствъ не существуетъ въ Герцогствѣ Варшавскомъ: Наполеонъ задушилъ ее раздоромъ своимъ съ Англіею. Бывало, пшеница степной Украйны, стада воловъ плодородной Волиніи и произведенія Подолія шли въ Данцигъ, который оплачивалъ винами, сахаромъ и прочими потребностями, сдѣлавшимися необходимыми. «Прежде, говорилъ намъ одинъ обыватель, нагрузивъ галіотъ свой въ Варшавѣ пшеницею и поташомъ, я ѣхалъ по Вислѣ въ Данцигъ, и привозилъ оттуда чистое золото; а теперь все бѣдно!» Прежде Литва снабжала степи лѣсомъ; степи отдаивались лучшими изъ своихъ произведеній.

Варшава была нѣкоторымъ образомъ средоточіемъ торговли. Отъ того-то Поляки были такъ богаты, не смотря на всѣ разоренія войны,—богаты!... Все это однакожъ не такъ давно. Подъ правленіемъ Прускимъ торговля цвѣла—и Варшава благоденствовала.—Наполеонъ все отягаль! Жителя Герцогства стонутъ о потерѣ своей торговли. Колоніальные товары здѣсь ужасно дороги.

Какъ ведутъ себя Русскія войска въ Варшавѣ?—Какъ самые благородные рыцари Баярдова времени.—Щедрость Офицеровъ нашихъ особенно удивительна. Въ трактирахъ сыплютъ деньги. Приходитъ, на-примѣръ, старикъ съ дочерью: онъ играетъ на скрипкѣ, она на арфѣ; сыграла, пропѣла нѣсколько арій—и куча серебра очутилась предъ нею!—Приходитъ бѣдная монахиня, одна изъ Сестеръ Милосердія, — про-

ситъ, чтобъ ей заказали какую-нибудь работу—и Милорадовичъ * дастъ ей тысячу рублей и велитъ сшить себѣ три манишки!... За то Поляки дивятся Русскимъ: народъ полюбилъ насъ чрезвычайно. Подумаешь, что всѣ Офицеры у насъ богачи; напротивъ, самая большая часть изъ нихъ очень небогаты—но тароваты.— Вчера Генералъ Вильсонъ, провождающій время по большей части у насъ въ авангардѣ, угощалъ прекраснымъ обѣдомъ Генераловъ нашихъ въ трактирѣ Лондонѣ.—

Я сказалъ, что народъ насъ любитъ; а вельможи? — Называютъ Сѣверными варварами; а сами любятъ, чтобъ ихъ называли Сѣверными Французами!!! Но теперь, кажется, то и другое можно почесть браннымъ словомъ. — Бѣдные крайне сѣтуютъ здѣсь на богатей. «Они недовольны тѣмъ, говорятъ они, что «слабое счастье отдало имъ всѣ преимущества, которыя должны быть равно подѣлены въ обществѣ «людей; они живутъ, какъ боги, въ великолѣпныхъ «палатахъ, разѣзжаются въ раззолоченныхъ каретахъ; «а мы гнѣздимся въ дымныхъ лачужкахъ и скитаемся «по улицамъ, какъ отверженные. Дѣти ихъ рождаются «Графами и Князьями; рожденіе ихъ празднуется великолѣпными пирами; ихъ младенчество лелѣется въ «шелкахъ и богатыхъ тканяхъ: вырастутъ, и всѣ по- «счесть, всѣ преимущества, всѣ выгоды жизни — ихъ «собственность. А наши дѣти рождаются въ горести, «возрастаютъ въ слезахъ; не рѣдко умираютъ отъ «недостатка молока въ груди матерей, голодомъ истом- «ленныхъ. Ихъ удѣлъ—нищета; ихъ жизнь—бореніе «съ нею! И къ довершенію всего, вельможи подру- «жились съ раззорителями Европы, вздумали воскре- «сшать усопшій край Польской; данями и налогами «изсосали изъ насъ послѣднюю собственность; сами «разѣхались, а насъ оставили горевать какъ мухъ «безъ крыльевъ!» —Такъ сѣтуютъ бѣдные на богатыхъ

* Ротмистръ Мариупольскаго Гусарскаго полка.

и вельможъ, хотя вельможи въ Польшѣ и довольно еще благотворительны; ибо они воспитываютъ на свой счетъ бѣдныхъ молодыхъ дворянъ, часто замѣняютъ мѣсто отцовъ сиротамъ, не скупы на подаянія и устрояютъ много богоугодныхъ заведеній. — На сихъ дняхъ прибылъ въ Варшаву Министръ полиціи Александръ Дмитріевичъ Балашевъ. Для прочности здѣшняго порядка необходимо присутствіе чловѣка съ его умомъ, дѣятельностью и опытностью.

1 Февраля.

У васъ конечно еще тонутъ въ снѣгу; стѣны трещатъ отъ мороза и въ окна бьетъ вьюга; а здѣсь уже весна! Здѣсь солнце свѣтитъ въ полномъ блескѣ, сады начинаютъ оживать, въ домахъ открываютъ окна, и самый благорастворенный воздухъ нѣжитъ чувства. Варшава находится подъ 52° 14' 28" сѣверной широты. — Весна! весна! прелесть природы! Какая сладость разливается въ міръ! Какъ пріятно жить и дышать въ это время! Ах! еслибъ я былъ на родинѣ, съ друзьями!... Но родина далеко; а мы идемъ впередъ, идемъ въ Калишъ, идемъ въ Силезію, на Одеръ къ крѣпости Глогау.

Въ Варшавѣ есть липовая улица, которая въ лѣтнее время должна придавать большую красу городу и освѣжать воздухъ. — Прежняя Королевская улица удостоена нынѣ названіемъ — Наполеоновой!.. Здѣсь есть люди, которые живутъ въ *новомъ свѣтѣ* — такъ называется одна изъ улицъ Варшавскихъ... — Костелы Варшавскіе извнѣ огромны, высоки, но мрачны; внутри красивы и богаты. Церковное служеніе здѣсь пышно и затѣйливо; музыка сильно дѣйствуетъ на чувства. На стѣнахъ видно много портретовъ усопшихъ и надписей въ честь имъ. Вотъ надпись одному вельможѣ; она заключается сими словами: «дай Боже ему небо, а Польшѣ болѣе такихъ гражданъ!»

2 Февраля.

И такъ, едва взглянувъ на Варшаву, едва коснувшись ея наслажденій, я уже долженъ сказать ей: прости!—и можетъ быть навсегда!.. Уже мы выѣзжаемъ изъ Варшавы, удаляемся отъ ея забавъ. — Уже исчезаетъ она, какъ великолѣпное сновидѣніе, изъ глазъ, но не изъ памяти!.. Все таетъ вокругъ насъ. Снѣга превращаются въ воды,—воды шумятъ по необозримымъ долинамъ. Мы ѣдемъ на колесахъ, или, лучше сказать, плывемъ въ бричкахъ.

Дорожныя записки.

3 Февраля. — Съ восходомъ солнца слышали мы голосъ жаворонка—вспомни, что это 3 Февраля!.. Мы ночевали въ мѣстечкѣ Блонѣ. Очень порядочная площадь съ комодемъ и фонтаномъ: красивые дома, ея окружающіе, ратуша, гостинный дворъ и башня съ часами съ перваго взгляда доказываютъ, что это мѣстечко не Литовское, а той части Польши, которая въ сосѣдствѣ съ Пруссією, и получила уже отъ мудрой сосѣдки своей нѣкоторое образованіе. — Далѣе на дорогѣ прекрасно обстроенное село Неборовъ, Княгини Радзивиловой. Въ нѣсколькихъ верстахъ отсюда ея же—Аркадія: достойна сего имени. — На прекрасномъ мѣстѣ прекрасный Англіяскій садъ, украшенный развалинами. Изъ всѣхъ поддѣланныхъ я отъ роду не видалъ лучше этихъ. Онѣ Готическія, и пусты, и заросли травой, и совы гнѣздятся въ нихъ, и вѣтры воютъ. — Кто-то выбралъ себѣ одинъ уголокъ сихъ развалинъ и отдѣлалъ въ немъ одну комнатку. Неразбитое стекло, съ бѣлою занавѣскою, дѣлаетъ пріятную противоположность съ пустотою необитаемыхъ стѣнъ. Длинная мостовая въ саду, съ столпами, пирамидами и триумфальными воротами, представляетъ бѣгъ или ристалище

древнихъ Грековъ, описанное Гомеромъ и Пиндаромъ воспѣтое.—Лучше всего здѣсь *сельскій домикъ* во всей простотѣ. На рѣзныхъ воротахъ представлены серпъ, коса и прочія полевые орудія. Войдите въ него—первая комната проста: это хижина; но далѣе видно превращеніе. Какая-то волшебница, можетъ быть въ благодарность за ласковое гостепріимство, захотѣла преобразить хижину въ великолѣпнѣйшій чертогъ. Она махнула жезломъ—и чудо вполовину совершилось. Явился хрустальный стѣны и одна изъ величайшаго цѣльнаго зеркала; явился мраморные столпы. Золото, серебро и фарфоръ украсили все прочее. — Но въ одномъ углѣ, среди зеркалъ, хрусталей, мрамора и золота, къ удивленію, видите вы простые полу-согнившіе брусья, сквозь которые торчитъ солома и слышно воркованіе голубей. Что бы это значило? — А вотъ что—Богиня или волшебница, превращая хижину въ храмъ, замѣтила въ одномъ простѣнкѣ гнѣздо голубей, и—чтобъ не обезпечить сихъ невинныхъ тварей — оставила гнѣздо и брусья, въ которыхъ оно заложено, неприкосновенными. И теперь, среди великолѣпнѣйшихъ предметовъ роскоши, служатъ оно напомниманіемъ прежней простоты и неложнымъ знаменіемъ совершившагося чуда.—Какова выдумка! Видно, что хозяйка имѣетъ воображеніе. Такія-то чудеса могутъ творить богачи! О! еслибъ они дѣлали такія же превращенія съ бѣдными хижинами своихъ сосѣдей! — Богачъ, имѣющій вкусъ, есть уже человѣкъ; но богачъ-благотворитель—есть Ангелъ! — Въ одномъ пзѣ здѣшнихъ тротуаровъ можно видѣть собраніе самыхъ рѣдкихъ древностей изъ Архипелага.

Далѣе по сей же дорогѣ городъ Ловичъ имѣетъ также красивую площадь и очень хорошее каменное строеніе. Хозяинъ, у котораго мы ночевали, рассказывалъ, что Французы, возвращаясь изъ Россіи, горько

жаловались на судьбу свою и ругались надъ портретомъ Наполеона. Рассказываютъ, что Король Саксонскій, прїѣзжавшій въ Герцогство Варшавское, плакалъ о погибели столькихъ тысячъ войскъ Польскихъ и своихъ. Сколько отцовъ! сколько матерей! сколько невѣстъ вмѣстѣ съ нимъ плачутъ и клянутъ войну и завоевателей!...

4 Февраля. Получено извѣстіе, что Графъ Платовъ, обложившій Данцигъ, разбилъ сдѣланную изъ него большую вылазку.—Часть Герцогства за Вислою покрыта лѣсами; здѣшняя полита. Почва земли по большей части каменистая. Народонаселеніе немалое. Много господскихъ домовъ мелькаетъ около дороги. Городъ Ловичъ, съ цѣлымъ округомъ своимъ, принадлежитъ, или, лучше сказать, принадлежалъ Маршалу Давусту. Онъ сдиралъ съ него 700,000 злотыхъ годового дохода. Почти все Герцогство роздано было такимъ образомъ Маршаламъ Французскимъ, и всѣ серебряные источники Польши поглощались пучиною Французской ненасытности.—Наводненіе здѣсь повсемѣстно. Дорога представляется рѣкою. Ёдущій изъ Варшавы примѣчаетъ склоненіе плоскости земной къ Сѣверу по теченію Вислы. Можетъ быть тому причиною близость моря. Всѣ сіи мѣста могутъ назваться понизовыми; наводненіе же оныхъ происходитъ отъ тающихъ снѣговъ на лѣсистыхъ горахъ близъ Ченстохова.—Весною артиллеріи и даже легкимъ войскамъ проходить здѣсь очень трудно. Удобнѣйшее время для войны въ болотистомъ Герцогствѣ Варшавскомъ есть зима. Во всѣхъ даже бѣднѣйшихъ домахъ, видимъ портретъ Костюшки.

5 Февраля. Мы обѣдаемъ въ Піонткѣ (въ Пятницѣ); а здѣсь есть среда, четвергъ и воскресенье. Кому-то вздумалось помѣстить по этой дорогѣ цѣлую недѣлю.

5 Февраля. Ночлегъ въ Бартковицѣ. Прекрасный домъ, окруженный садами и большимъ разлитіемъ водъ, принадлежитъ Графу Залужскому, который живетъ здѣсь съ семействомъ своимъ, и очень привѣтливо

принимаетъ Русскихъ Офицеровъ. Войска наши безпрестанно идутъ по сей дорогѣ—и обыватели спокойны.

6. Ночлегъ въ Унеіовѣ. Это мѣстечко при рѣкѣ Вартѣ. Ренъе, бѣгущій съ остаткомъ корпуса своего, сжегъ здѣсь большой мостъ. Ледъ тронулся и въ переправѣ великое затрудненіе. Обозы и полки обходятъ нѣсколько верстъ лѣвѣе на мѣстечко Варту, гдѣ мостъ уцѣлѣлъ.—На другой сторонѣ развалины замка Архiepискупа Гнѣздненскаго.—За нѣсколько предѣ симъ лѣтъ мѣстечко это было очень богато. Здѣсь было много людей, живущихъ и пріѣзжающихъ; были иностранныя конторы, и деньги звенѣли въ каждомъ домѣ. Догадываешься, что это было въ благословенныя времена торговли. По Вартѣ гоняли лѣсъ и прочее въ Пруссію; барышъ съ избыткомъ награждалъ труды и издержки. Прервалась торговля—и мѣстечко опустѣло; праздность, уныніе и пустота заступили мѣсто дѣятельности, шума и движенія.

7. Дорога за Вартою чрезъ песчаные боры менѣе наводнена.

8. Городъ Калишъ при рѣкѣ Проснѣ, очень красивый, по большей части Нѣмцами населенный городъ. Здѣсь, за 4 предѣ симъ дня сражался Генералъ Баронъ Винценгероде. Двѣ тысячи плѣнныхъ, 8 пушекъ и два знамя были трофеи одержанной имъ надъ непріателемъ поверхности. Послѣ сего сраженія Ренъе, какъ говорятъ, ускакалъ въ Саксонію; а остатокъ войскъ его присоединился къ Понятовскому, запершемуся въ Ченстоховѣ.

9. Движенія войскъ останавливаются. Причиною этому здѣшнія дороги, на которыхъ все вязнетъ. Корпуса и отряды располагаются на временныхъ, или такъ называемыхъ *кантониръ-квартирахъ*.

22 Февраля. Мѣстечко Ярочево.

Погода была прекрасная, воды шумѣли и окрестности разцвѣтали, когда Генераль и мы пріѣхали верхами въ это мѣстечко. Все общало намъ весну; всё надѣялись наслаждаться ею. Но надежды обманываютъ часто.—Вотъ уже десять дней, какъ мы стоимъ здѣсь, и десять дней скучаемъ. Вѣтры сливаются въ бури; и бури воютъ въ воздухѣ. Со всѣхъ сторонъ сходятся тучи; то сыплютъ снѣгъ, то льютъ дожди. Рыхлая здѣшняя земля вездѣ разступается. Прощайте прогулки! грязь не дозволяетъ выходить изъ квартиръ.— Я стою въ маленькой комнатѣ у Ксенза; Генераль въ довольно большомъ, на образецъ Голландскихъ построенномъ господскомъ домѣ.—Желѣзныя печи нагрѣваютъ его. Хочешь знать, какъ проводимъ мы здѣсь время?—Довольно нескучно, при самой скучной погодѣ. По вечерамъ ходимъ къ Полковнику или собираемся у Генерала. Тамъ читаютъ, рисуютъ, чертятъ, говорятъ, шутятъ.—Снисходительность начальника и пріятная свобода въ обращеніи украшаютъ эти вечернія бесѣды. Не правда ли, что у васъ очень часто какой-нибудь Статской Совѣтникъ представляетъ лицо великаго человека, требуетъ всеобщаго вниманія, отличнаго уваженія, и холодною важностію застужаетъ бесѣды, гдѣ сердца хотятъ раскрыться для искренности и пріязни; а здѣсь, полный Генераль, Генераль саномъ и дѣлами, славный въ Россіи, извѣстный въ Европѣ, такъ ласковъ, великодушенъ, любезенъ! За то всякой подчиненный его любитъ, уважаетъ его въ душѣ, и умереть съ нимъ почитаетъ за удовольствіе.

Самъ Генераль Милорадовичъ большую часть времени проводить въ чтеніи. Во все это время перечитывалъ онъ Плутарха. Онъ встрѣчается съ великими людьми его, какъ съ давними знакомцами, и много занимается ихъ дѣлами и участію. — «Найди мнѣ,» сказалъ онъ однажды, «хотя нѣсколько великихъ пол-

ководцевъ, которымъ бы отдали полную справедливость прежде смерти и которые умерли бы безъ огорченій, довольны жизнью и судьбою своею!»—Правду сказать, что съ такимъ условіемъ трудно найти и одного. Неблагодарность народовъ, несправедливость Государей, зависть, клевета и происки сопровождаютъ великихъ отъ колыбели до гроба. Жизнь ихъ есть безпрестанное бореііе. Гдѣжъ награда?—Въ потомствѣ, въ Исторіи!...

25 Февраля.

Послѣ десятидневнаго заключенія, мы перемѣнили квартиры, и все дежурство наше переѣхало въ Ждуни. Это очень маленькой, но очень красивый и чистый городокъ на самой границѣ Силезіи.—Завтра Генераль ѣдетъ въ Калишъ благодарить Государя за пожалованные ему вензеля на эполеты.

26 Февраля.

Какъ они красивы, уютны, чисты всѣ эти Польско-Нѣмецкіе городки. Издали на обширности полей они кажутся бесѣдками; потому что сами здѣшнія поля точные сады! Черноземныя нивы, одѣтыя пушистою сочною зеленью, изкращенныя и окруженныя просадками изъ стройныхъ острыхъ тополей*, влекутъ и очаровываютъ взоры. Одна площадь, одна или двѣ улицы—вотъ и весь городокъ!—Смотришь въ окно на площадь—видишь ратушу, торгъ и торгующихъ; смотришь, изъ того же дома, въ другое окно—видишь поля и пахарей. Тутъ шумитъ говоръ людей; тамъ звѣнитъ пѣснь жаворонка. Эти городки можно назвать сельскими.—Какъ опрятны Нѣмцы! чистятъ и метутъ городокъ свой какъ комнату.—

* Острою тополью называю я тотъ родъ тополей, котораго сучья сами собою поднимаются вверхъ, и представляютъ дерево заостренное.

Трудолюбіе и дѣятельность пробуждаются здѣсь вмѣстѣ съ солнцемъ. — Встаю нарочно рано, чтобъ увидѣть утреннюю картину здѣшней жизни. — Подхожу къ окну — заря догораетъ, солнце всходитъ. Площадь еще пуста; все тихо. Жаворонки свищутъ за городомъ. — Вдругъ распахнулась дверь; за нею другая!... Начинаютъ разтворяться дома. Выбѣгаютъ прекрасныя молоденькія Нѣмочки въ стройныхъ кофточкахъ, съ ведрами и кувшинами, одна передъ другою спѣшатъ къ фонтану. Моются, плещутся и черпаютъ воду. Онѣ такъ легки на ногу: не бѣгаютъ, порхаютъ; свѣжи и румяны какъ весенніе цвѣтки. Но вотъ идутъ почтенныя старушки. Разставляютъ лавочки, столики и шалаши. Собираются продавцы и купцы. Площадь заселяется и оживаетъ. Въ одномъ мѣстѣ кричатъ: «по метлы! по метлы!» въ другомъ: «лучшее свѣжее масло, сливки, сухари и проч.!» Такая простота въ жизни мнѣ нравится, и я невольно срисовалъ абрисъ ея. — Въ домахъ вездѣ найдешь довольство и порядокъ; услышишь музыку и пѣніе. Дочь хозяина моего, торгующаго желѣзомъ, играетъ на фортепіано съ флейтами, и читаетъ Нѣмецкіе стихи. Развѣ этого мало!...

Марта 1. Городъ Фрауштатъ.

Я ѣздилъ съ Генераломъ въ Калишъ, гдѣ имѣлъ удовольствіе познакомиться съ историкомъ великаго Суворова Егоромъ Борисовичемъ Фуксомъ. Тамъ же представился мнѣ случай сдѣлаться извѣстнымъ знаменитому Графу Матвѣю Ивановичу Платову. Онъ удостоилъ меня особеннаго вниманія и благосклонности своей. — Изъ Калиша проѣхали мы прямо чрезъ красивый пограничный городокъ Равичъ въ Фрауштатъ. Прекрасный городъ! Онъ безъ сомнѣнія одинъ изъ лучшихъ въ цѣломъ Варшавскомъ Герцогствѣ. Большая здѣшняя улица не уступаетъ въ красотѣ ни

Варшавскимъ, ни бывшимъ Московскимъ; а это даже и не главный, но просто окружный городъ въ префектурѣ Познанской. Тутъ остановится, и, кажется, надолго, главная квартира авангарда Генерала Милорадовича. Крѣпость Глогау отсюда въ двухъ миляхъ. Часть войскъ подъ командою Князя Волконскаго и Графа Сент-Приеста облегла ее.

Марта 3.

Здѣсь есть и театр! Каждый вечеръ наполняется онъ зрителями. Правда, что здѣшній театръ малъ какъ вертепъ; но актеры на немъ не куклы. Три актера и двѣ актрисы не испортили бы ни на какомъ столичномъ театрѣ въ комическихъ роляхъ. — Католической костелъ, по огромности, великолѣпію и древности, заслуживаетъ вниманіе путешественниковъ. Въ семъ костелѣ погребено семейство Гуровскихъ. Противъ каждой могилы на стѣнѣ надпись и портретъ усопшаго.

Таковъ здѣшній обычай! Между прочими портретами видите вы прекрасныя лица, плѣняетесь цвѣтущею молодостію, красотою, и невольно вздыхаете, вспоминая, что они уже—въ гробѣ!... — Но отъ мрачнаго великолѣпія костела, пройдя прекрасную площадь и большую улицу, заглянемъ на мою квартиру.—Вотъ прекрасная чистая комната, украшенная живописью, зеркалами и диванами. Хозяинъ одѣтъ очень опрятно; пьетъ по утрамъ кофе, имѣетъ вкусный столъ, ходитъ въ театръ, читаетъ книги и судитъ о политикѣ.—Кто онъ таковъ?—Угадай!—Дворянинъ?—Нѣтъ!—Богатый купецъ?—И то нѣтъ. Ктожъ?—Мѣщанинъ—цырюльникъ!—Я предчувствую удивленіе твое и раздѣляю его съ тобою. Развѣ у насъ нѣтъ цырюльниковъ; но они живутъ въ хижинахъ, часто въ лачужкахъ. Отъ чего же здѣсь люди такъ достаточны? — Это тайна образа жизни Нѣмцовъ.

П. П. Вчера прїѣхалъ къ намъ изъ Кенигсберга бывший Адъютантъ Графа Остермана, молодой Сакенъ, котораго отецъ состарѣлся и умеръ въ службѣ.

10 М а р т а.

У насъ здѣсь танцуютъ и веселятся подъ громомъ Глогавскихъ пушекъ. Вчера Полковникъ Сипягинъ удивилъ и забавилъ городъ великолѣпнымъ баломъ. Дѣвушекъ было очень много, и много хорошихъ; угощеніе прекрасное, и гости веселились до бѣлаго дня.

Жизнь авангардная, при всѣхъ трудахъ и опасностяхъ, имѣетъ свои наслажденія. Въ томъ мѣстѣ, гдѣ голосъ смерти, раздаваясь съ выстрѣлами, поражаетъ часто слухъ и невольно напоминаетъ о краткости жизни; въ томъ мѣстѣ дружба должна быть искреннѣе, откровенность неспритворнѣе, всѣ связи надежнѣе. Въ авангардѣ конечно болѣе, нежели гдѣ-нибудь, *спѣшатъ жить и наслаждаться*; но тамъ помнятъ также и то, что, какъ говоритъ Горацій, хороши только тѣ наслажденія, за которыми не слѣдуетъ раскаяніе; иначе въ сладкихъ напиткахъ нашли бы горечь, и не уснули бы покойно подъ звукомъ близкой стрѣльбы. Всякой день послѣ развода и передъ вечернею зарею играетъ у насъ на площади музыка; народъ толпится слушать ее. Великодушное снисхожденіе начальника удаляетъ строгую взыскательность. Прїязнь и свобода украшаютъ авангардную жизнь Офицера.

13 М а р т а.

Я желалъ, чтобъ ты былъ у насъ вчера, и вѣрно восхитился бы авангарднымъ нашимъ празднествомъ. Отъ хладныхъ странъ Сибири до Немана, Вислы и Одера праздновали вчерашній день повсемѣстно. Это былъ день Возшествія на престолъ Государя Императора.

Войска и жители, безъ всякаго предварительнаго условія, приготовились къ общему празднеству. Съ восходомъ прекраснаго весенняго солнца движеніе и дѣятельность зашумѣли въ городѣ. — Караулъ Кексгольмскаго полка готовился къ разводу. Въ 10 часовъ смѣнилъ онъ караулъ Перновскаго. Прекрасные солдаты того и другаго полка обратили на себя всеобщее вниманіе. Бодро и весело проходили они по улицамъ, наполненнымъ зрителями. Послѣ развода всѣ пошли въ особый домъ, гдѣ Генераль Милорадовичъ приказалъ приготовить великолѣпный обѣденный столъ на 200 особъ. — Русской полковой Священникъ служилъ молебенъ. Кромѣ военныхъ чиновниковъ, и почетнѣйшіе изъ гражданъ присутствовали при ономъ. Я не могу описать восторга, который овладѣлъ сердцами, когда Священникъ произнесъ молитву, *чтобы Господь положилъ вѣхъ враговъ подъ стопы Государя нашего.* Они уже лежатъ у ногъ Его! — думалъ каждый — и слезы умиленія сверкали у многихъ на глазахъ. — Какъ сладко тѣмъ, которые за годъ предъ симъ видѣли грозныя тучи бѣдъ на горизонтѣ своего отечества; видѣли бездну, къ которой вихри ужасныхъ случаевъ влекли его; которые съ сердечнымъ стономъ предавали въ жертву пламени матеръ и красу городовъ своихъ, позволяя врагу простирать хищность, мечъ и цѣпи даже до береговъ Оки; какъ сладко, говорю я, было имъ мыслить, что отечество ихъ уже свободно, не только мыслить, но и быть въ немъ увѣрену — и гдѣжь? — стоя твердою ногою на берегахъ Одера!.. Всѣ вообще съ необычайнымъ усердіемъ преклоняли въ сей день колѣна и молились Вышнему блюстителю Царей и царствъ. При пѣтіи многія лѣта Государю, рота Полковника Мерлина палила изъ всѣхъ своихъ пушекъ. Глогавцы также сего-дня стрѣляли. Громъ ихъ пушекъ славился съ шумомъ нашего торжества. Эти осажденные, равно какъ и Модлинцы, не щадятъ зарядовъ. Вскорѣ по отпѣтіи молебна, Подпрефектъ,

Бургомистръ и прочіе чиновники города, съ немалымъ числомъ окрестныхъ дворянъ, вмѣстѣ съ военными, сѣли за столъ. Офицеры угощали ихъ. Около двадцати Генераловъ, украшенныхъ блистательнѣйшими знаками отличія, возвышали присутствіемъ своимъ сіе торжество. Изобиліе щедрою рукою потчивало гостей. Въ продолженіи обѣда, окна въ домѣ были отворены, и музыка гремѣла. — Народъ большими толпами собрался на улицѣ. Офицеры вздумали повеселить его: намѣняли мелкихъ полу-серебрянныхъ 'денегъ и начали бросать, говоря: «молитесь за здоровье Александра Перваго!» — *Ура!* Громкія восклицанія раздались по всѣмъ улицамъ; деньги безпрестанно сыпались, и народъ неумолчно кричалъ: *ура!* — Тутъ же представили подписку для поддержанія здѣшняго театра. — Въ нѣсколько минутъ авангардная щедрость ссыпала такую сумму, которая удивила и осчастливила бѣдныхъ актеровъ. За то въ вечеру они утѣшили насъ удачною игрою въ драмѣ: *Государь, скрывающій санъ свой.* — Предметъ и содержаніе прекрасны. Переодѣтый Государь, путешествуя съ однимъ изъ вѣрнѣйшихъ ему Министровъ, обозрѣваетъ землю свою. Что представляется глазамъ его? — Тьма несправедливостей!... Сильные давятъ слабыхъ; богачи играютъ судьбою бѣдныхъ; добродѣтель влечется въ заключеніе, порокъ смѣется слезамъ ея; золото и происки кривятъ повсюду вѣсы правосудія; невинность стонетъ; заслуга, покрытая сѣдинами, томится въ нищетѣ; праздность отдыхаетъ на шелковыхъ перинахъ. Добрый Государь пылаетъ негодованьемъ, хочетъ все преобразить — и многое исправляетъ. Каждый порывъ его состраданья, каждое слово его приносить цѣленіе недугамъ государства. — Государь, взирающій на народъ свой только съ высоты престола, есть то же, что лекаръ, пользующій заочно. Чтобъ излечить раны, должно къ нимъ прикасаться. — Въ заключеніе драмы появился вензель Александра Перваго, лаврами увѣнчанный и раз-

ноцвѣтными огнями освѣщенный. Молодая актриса говорила поздравленіе. Безпрерывное рукоплесканіе одобряло усердіе и игру актеровъ.—Съ наступленіемъ ночи весь городъ запылалъ разноцвѣтными огнями. Множество плашекъ украшало дома и улицы. Въ разныхъ мѣстахъ блистали разныя прозрачныя картины въ честь знаменитому дню.—По всѣмъ площадямъ и улицамъ играла музыка. И Нѣмцы, у которыхъ привычка гасить огонь въ 10 часовъ вечера сдѣлалась почти закономъ, разхаживали толпами по городу и учились у Русскихъ кричать: *ура!*—Сонъ въ сей освѣщенной ночи уступилъ мѣсто веселости, и не прежде одержалъ надъ нею верхъ, какъ съ утреннею зарею.

ПИСЬМА
РУССКАГО ОФИЦЕРА.

II.

ОПИСАНІЕ ВОЙНЫ 1815 ГОДА ПО ИЗГНАНИИ НЕПРІЯ-
ТЕЛЯ ЗА ГРАНИЦУ.

ПИСЬМА

РУССКАГО ОФИЦЕРА.

Марта 15, 1815.

Я тебѣ еще очень мало говорилъ о Фрауштатѣ, гдѣ мы стоимъ такъ долго.—По Нѣмецки Фрауштатъ, а по Польски *Вохова*, есть послѣдній, или, какъ *Ждуни* и *Равичъ*, пограничный городъ въ Герцогствѣ Варшавскомъ. За Одеромъ начинается Силезія. Въ семъ Польско-Нѣмецкомъ городѣ видишь смѣшеніе лицъ, нравовъ и обычаевъ. Противуположность замѣтна въ женщинахъ.—Эта томная, блѣдная, но веселая, острая, легкая, шутливая, роскошная, блестящая царица на балахъ, повелительница въ обществахъ, крылатая въ *мазуркѣ*, страстная любовница и не совсѣмъ надежная жена—это Польшка!—А эта полная, бѣлая, румяная, степенная, благоразумная, но не остроумная, трудолюбивая, заботливая хозяйка, вѣрная жена, добрая мать семейства—это Нѣмка! Ее вѣчно видишь въ домашнихъ трудахъ; на балахъ танцуетъ она только тихій *вальсъ*.—Даже и въ малыхъ дѣтяхъ видна эта разница. Тотчасъ можно отличить Польшку отъ Нѣмки. Впрочемъ здѣсь, какъ видно, доставляютъ дѣтямъ прекрасное воспитаніе. Десятилѣтнія дѣвочки восхищаютъ своимъ умомъ и дарованіями.

Фраштатъ. Марта 18.

Здѣсь самое лучшее время: совершенная весна. Въ полѣ такъ весело! воздухъ такъ свѣжъ, такъ сладокъ! Его глотаешь какъ нектаръ. Пѣніе жаворонковъ такъ и льется подъ небесами! Окрестности Фраштата живописны. Открытыя поля, холмы, начинающіе зеленѣть, гремящая Глогау, длинное протяженіе синѣющагося Одера, отѣненнаго лѣсами: все это вмѣстѣ составляетъ прелестную картину для глазъ. Здѣсь начинаютъ уже копать огороды и садить цвѣты. Какъ пріятно гулять по здѣшнимъ полямъ! Чистый воздухъ, картинная природа, уединеніе—все услаждаетъ чувства, все нѣжитъ душу, все располагаетъ ее къ дружбѣ, любви и добру. Но, увы! можно ль предаваться симъ нѣжнымъ чувствамъ въ то время, когда война сгущаетъ громовыя тучи, и смерть машетъ надъ нами косою?—

Фраштатъ. Погребеніе у Лютеранъ.

Множество мальчиковъ, устроенныхъ по два въ рядъ, впереди одинъ съ крестомъ, прочіе каждой съ книжкою, идутъ передъ гробомъ, за которымъ слѣдуютъ взрослые, а за ними толпа женщинъ. Всѣ вмѣстѣ поютъ. Кладбище въ концѣ города: оно представляетъ видъ четверосторонника, имѣющаго около ста саженой площади. Могилы очень часты, почти одна на другой. Въ старомъ *Фраштатѣ* (*) любили тѣсно другъ подлѣ друга жить и въ тѣсномъ сосѣдствѣ лежать на кладбищѣ. Нѣмцы не щадятъ надгробниковъ. Вы читаете надписи на крестахъ, каменныхъ доскахъ, простыхъ и полированныхъ гранитахъ, изъ коихъ одни положены на землю,

(*) Старой Фраштатъ состоитъ изъ площади, окруженной домами, имѣющими одну кровлю и тѣсно одинъ съ другимъ слѣпленными. Новой городъ построенъ недавно послѣ бывшаго пожара.

другіе водружены въ нее, многіе вдѣланы въ ограду. Почти каждая могила усѣяна цвѣтами и украшена портретомъ усопшаго. Изъ этого можете видѣть, какъ почтительны Нѣмцы къ памяти ближнихъ своихъ. Потомки, бродя по кладбищу, видятъ изображенія предковъ, невольно предаются напояніямъ, мечтаютъ и забываются... Многія эпитафіи покажутся для иностранца очень странными. На примѣръ: «здѣсь лежитъ *почтенная* N. N., урожденная N. N., родившаяся въ *такомъ-то* году, умершая тогда-то, жена сапожника, *кузнеца или портнова* N. N.» И надъ ней урна или пирамида!.. По большой части въ сихъ надгробныхъ славятся тихія семейственныя добродѣтели.—«Прохожій!» говорятъ почти всѣ эпитафіи:—«почти прахъ нѣжной матери, попечительной хозяйки и вѣрной супруги!» Сопровождавшіе погребеніе раздѣляются на двѣ части; мужчины особо отъ женщинъ. Тѣ и другія садятся подъ *навѣсами* около ограды и поютъ погребальныя пѣсни, между тѣмъ какъ нѣсколько человѣкъ опускаютъ гробъ въ яму. Здѣсь есть надгробные камни отъ двѣхъ сотъ и болѣе лѣтъ: они углубились въ землю и заросли мохомъ. Дѣти, полныя жизни и радости, безпечно бѣгаютъ по вѣковымъ камнямъ и срываютъ свѣжіе цвѣты на костяхъ прапрадѣдовъ. Разительное сближеніе жизни и смерти!...

22 Марта.

Мы получили повелѣніе идти въ Бунцлау, за Одеръ, къ Саксоніи. Войска двинулись, обозы потянулись. Сего-дня были въ послѣдній разъ въ театрѣ. По окончаніи оперы *Сельской праздникъ*, вдругъ появились два *генія*, держащіе щитъ, въ которомъ вкругъ вензеля Генерала Милорадовича изображены были побѣды его въ отечественной войнѣ, и нарисованъ *мечъ за спасеніе Букареста*. Внизу пылали слова: «Честь

«и слава побѣдоносному Россійскому авангарду и знаменитому Вождю *Милорадовичу!*» Въ слѣдъ за симъ появилась молодая актриса, прочла стихи и бросила Генералу вязанку цвѣтовъ съ сими словами: «незабвенному Милорадовичу!» — Завѣса поспѣшно опустилась; но громкія рукоплесканія долго продолжались. — Прощай въ Фрауштатѣ! Завтра рано отираваемся въ Бунцлау. Многіе изъ нашихъ уже въ пути. Генералъ приказалъ мнѣ ѣхать съ нимъ.

Замѣчанія въ дорогѣ.

23. Изъ Фрауштата чрезъ мѣстечко Шлиссенгеймъ подъѣзжаемъ къ Одеру, и переправясь черезъ него, ѣдемъ до Полковица, гдѣ ночуемъ, оттуда чрезъ Гайнау въ Бунцлау.

Что! это за прелестная сторона! Нѣтъ уголка, который бы не былъ осмотрѣнъ, обработанъ и украшенъ. Какое волшебство превратило болотистыя Силезскія долины въ плодоноснѣйшія поля, провело возвышенныя насыпныя дороги, обсадило ихъ липами, тополями и даже плодовитыми деревьями; какое искусство превратило дикіе лѣса въ рощи, рощи въ сады, деревни въ мѣстечки; мѣстечки въ города?—Все это сдѣлалось трудолюбіемъ жителей и дѣятельностію правительства.

Подлѣ cadaго почти дома, сельскаго и городского, вижу виноградъ. Онъ распускаетъ вѣтви свои по всей стѣнѣ, подымаясь до самой кровли. Выглянешь въ окно—и полныя виноградныя кисти сами просятся въ ротъ!—

Посмотри на эти высокія каменные строенія, съ огромными конюшнями, скотными дворами, огородами, прекрасными садиками, цвѣтущими бесѣдками—какъ думаешь, что это?—Вѣрно господскіе дома, дома Князей и Бароновъ—Нѣтъ!—это деревня, гдѣ живутъ Силезскіе крестьяне.—Дивись,— по вѣрь!

Пріѣхавъ 24-го въ Бунцлау, мы пробыли тамъ шесть дней.—Это старинный городъ, очень недурной имѣющій высокіе дома и двѣ превысокихъ башни.— Онъ стоитъ въ ямѣ. Одинъ изъ здѣшнихъ плотниковъ сдѣлалъ маленькій механическій театръ, гдѣ представляются страсти Христовы.....— Въ другомъ мѣстѣ показываютъ сдѣланный предъ симъ за 50 лѣтъ горшокъ, вышиною въ четыре аршина, куда входитъ 60 гарнцовъ крупъ.—Вотъ рѣдкости Бунцлавскія!—

Какъ умѣютъ Нѣмцы всѣмъ пользоваться и угождать всѣмъ необходимымъ нуждамъ. Куда ни помотришь, на площадяхъ и улицахъ вездѣ фонтаны чистой воды. Въ однихъ поятъ лошадей, другіе доставляютъ городу воду, нарочно трубами проведенную.

Около всѣхъ почти огородовъ и садовъ городскихъ проведены каналы, прегражденные заставками; каждый хозяинъ отворяетъ свои— и огородъ его наводняется.—Здѣсь засуха не страшна.—

Окрестности Бунцлау картинны. Множество деревень, мѣстечекъ, каменныхъ домовъ и нѣсколько замковъ пестрѣютъ въ отдаленности. Впереди Дрезденская дорога, вправо покатыя поля Пруссіи, а влѣво величественнѣйшая картина — *Исполинскія горы*, сливающіяся съ облаками и ярко блестяція бѣлизною снѣжной одежды своей.—

Бунцлау, 28 Марта. Пожаръ.

Въ 12 часовъ ночи закричали Нѣмцы: Feuer!—и все всполохнулось. Пожаръ былъ верстахъ въ осьми за городомъ. Генераль захотѣлъ тамъ быть; приказалъ осѣдлатъ лошадей, и велѣлъ мнѣ ѣхать съ нимъ. Пріѣзжаемъ и видимъ стѣны высокаго дома, конюшни, скотные дворы, сарай: словомъ, огромное хозяйственное заведеніе, пылающее въ огнѣ. — Чей это домъ, не господской ли?—Нѣтъ! это простаго крестьянина

Вильгельма Сакса. Порядокъ при потушеніи пожара удивительный. Три исправныя трубы—замѣтите, что это въ деревнѣ—брызжутъ ручьями воду.—Сраженіе двухъ стихійъ ужасно—но огонь долженъ уступить усердію искусныхъ Нѣмцовъ. На пожаръ сбѣгаются только тѣ, кому назначено; прочіе въ нѣсколькихъ саженьяхъ отъ горящаго дома очень покойны. Отъ чего же они покойны? Отъ увѣренности, что всѣ мѣры къ помощи и безопасности уже приняты. И самъ хозяинъ, который всего лишился, не стонетъ, и семья его не плачетъ, не вопитъ.—Они какъ будто надѣются, что домъ ихъ будетъ фениксомъ, и возродится изъ пепла. Здѣсь такая надежда позволительна. Здѣсь всякой несчастный можетъ полагаться на помощь сосѣдей и правительства. Сосѣди примутъ пострадавшаго отъ пожара съ семействомъ его въ свои дома; успокоятъ, утѣшатъ его, сдѣлаютъ на первый разъ денежный сборъ; а правительство построитъ ему прекрасный домъ и вознаградитъ большую часть убытковъ. Гдѣ же правительство возьметъ на все это денегъ? — У поселянъ же. Каждый платитъ съ дому извѣстную подать, очень небольшую, изъ которыхъ составляютъ пожарныя и прочія суммы.—

Въ Пруссіи благотѣльное правительство подобно въ семъ случаѣ солнечнымъ лучамъ, извлекающимъ влагу изъ земли для того только, чтобы послѣ оживлять ее же благотворными дождями. Генералъ приказалъ Козакамъ, за нами пріѣхавшимъ, помогать жителямъ тушить пожаръ, говорилъ много съ пострадавшимъ Саксомъ, далъ ему горсть червонцевъ—и мы уѣхали.

29 Марта. Бунцлау.

Саксонія, прелестная Саксонія отворяетъ намъ врата и объятія свои. Мы идемъ къ Эльбѣ. Скоро можетъ быть встрѣтимся съ непріятелемъ и обогримъ кровью разцвѣтающія долины прекрасной земли.—

Марта 31. Саксонскій городъ Герлицъ.

Восхищенный прекраснымъ мѣстоположеніемъ Герлица, забывъ я всю усталость, пробхавъ рысью отъ Бунцлау до сюда 40 верстъ верхомъ, въ 6 часовъ времени. Какой прекрасный городокъ!... Онъ уже въ тѣхъ мѣстахъ, которыхъ величественные, живописные виды восхищали насъ въ отдаленной картинѣ, когда мы любовались ею, гуляя по окрестностямъ *Бунцлау*. — Городъ на высокихъ холмахъ. Свѣтлая рѣка Нейзе, въ обработанныхъ, какъ садъ, берегахъ своихъ, изви-вается у подошвы оныхъ. По всей крутизнѣ берега дома, одни надъ другими на уступахъ возвышенія построенные, составляютъ прелестнѣйшую для глазъ картину. Главная улица очень широка, и, равно какъ и всѣ прочія, вымощена камнемъ. Дома превысокіе, въ 4, 5 и 6 этажей. Почти во всѣхъ свѣтъ входитъ съ самаго верху во внутренніе коридоры, какъ будто съ неба въ глубокую пещеру. — Женскій полъ здѣсь прекрасенъ. Поселянки, съ алыми повязками на головѣ, бѣлизною лицъ, румянцомъ и даже самую одежду походятъ на нашихъ Приволжскихъ красавицъ. — Изъ Бунцлау по дорогѣ въ Герлицъ виды перемѣняются, какъ Китайскія тѣни. Сперва ѣдешь полями, потомъ встрѣчаешь лѣса, а влѣвъ безпрестанно видишь цѣпь исполиновъ. —

Въ теченіи шести часовъ были мы въ трехъ разныхъ державахъ: въ Силезіи, Богеміи и Саксоніи. Прилежащая здѣсь часть Богеміи лѣсиста и мало населена.

Лишь только успѣлъ я написать къ тебѣ эти строки, какъ послышался на улицахъ страшный шумъ. Нѣмцы звонили въ колокола и кричали: *Feuer!* — Пламя вспыхнуло въ предмѣстіи, и вѣтеръ началъ раздувать его; но дѣятельность Нѣмецкая и бывшіе тутъ Ахтырскіе гусары скорѣ утушили пожаръ. Генералъ Милорадовичъ, особымъ приказомъ, благодарилъ Ахтырцовъ за расторопность и усердіе. Между тѣмъ какъ Александръ

Первый идетъ потушить всеобщій пожаръ Европы, западными вѣтрами развѣваемый, войска Его гасятъ пожары городовъ и селъ: подданные достойны Государя!..

По извѣстіямъ видно, что Наполеонцы отступаютъ за Эльбу. Партизаны: Давыдовъ, Орловъ и Гейсмаръ отѣснили непріятеля отъ Дрездена, и первый изъ нихъ вступилъ въ столицу сію съ своимъ отрядомъ. — Французы, кажется, дышутъ разрушеніемъ! Изыщнѣйшіе памятники искусствъ и художествъ, пощажены стихіями и временемъ, не избѣгаютъ ихъ злости. Давустъ велѣлъ подорвать прекраснѣйшій въ Европѣ Дрезденскій мостъ. Исторія напишетъ имя его на свинцовой скрижали подлѣ именъ Герострата и Омара.

Какое печальное извѣстіе! Говорятъ, что Свѣтлѣйшій Князь очень занемогъ и пріостановился въ Бунцлау. Но лучшіе Доктора при немъ: извѣстный искусствомъ и опытностію Вилье; Гуфландъ, такъ прекрасно писавшій о возможности продолжать жизнь человѣческую, и прочіе. О! да продлятъ врачи сіи дни мудрѣйшаго и счастливѣйшаго Полководца нашихъ временъ! Россія и войска молятъ о семъ. Сего желаетъ Европа; а мы будемъ надѣяться!—

1 Апрѣля. Бауценъ.

«Хочешь ли увидѣть большую часть Саксоніи и многія поля сраженій семилѣтней войны у ногъ твоихъ?» шепнуло мнѣ *любопытство* при выѣздѣ изъ Герлица, и повело на *Ландскронъ*.—Гора сія, за нѣсколько верстъ прежде нами видѣнная, отстояла теперь отъ большой дороги не болѣе версты. На самой вершинѣ ея мелькало что-то похожее на пень или небольшой столпъ. Я своротилъ влѣво съ дороги и поскакалъ къ ней. Двѣ высокія, довольно острыя скалы, вверху раздѣлившіяся, а подножіемъ имѣющія большой круглой холмъ, образуютъ гору. Отъ нижней подошвы холма до подошвы скалъ ѣхалъ я полнымъ шагомъ

на лошади $\frac{1}{4}$ часа; а на скалы взбирался ползкомъ 23 минуты. Вотъ основанія, по которымъ надосугъ можешь вычислять высоту *Ландскрона*. Не забудь только, что шагъ лошади и человѣка измѣняется по мѣрѣ крутизны возвышенія: онъ несравненно менѣе того, которой дѣлается на ровной плоскости.—Труды мои совершенно вознаградились. Какъ весело возвышаться! Съ каждымъ шагомъ вверхъ новыя очарованія!.. Отдаленности исчезаютъ, предметы сближаются, края горизонта поднимаются какъ театральная завѣса.

Невидимое становится видимымъ.

Чѣмъ выше всходимъ, тѣмъ болѣе унижаются окрестности. Герлицъ, расположенный на горахъ, казался на гладкой равнинѣ; всѣ прочіе холмы исчезали, и обманутому взору на далекое пространство представлялось повсюду гладкое поле. Одни только исполины и снѣжноглавыя горы не хотѣли уступить *Ландскрону*, и гордо неслись къ облакамъ. День былъ пасмуренъ, это много мѣшало; иначе, какъ говорятъ, можнобъ видѣть оттуда *Дрезденъ*, почти за сто верстъ. То, что издали казалось на горѣ небольшимъ столбомъ, была высокая башня, на которую взойдя по крутой лѣстницѣ, еще далѣе видишь. На самой вершинѣ сей горы прекрасной колодезь чистой воды обложенъ дикимъ гранитомъ: вотъ чудо природы! Одна она умѣетъ возносить воды на вершины горъ.—Воздухъ отменно свѣжъ и даже студенъ. Нѣкогда на высотѣ горы сей былъ замокъ. Воинственные толпы Гусситовъ, предводительствуемые грознымъ Полководцемъ своимъ, владѣли имъ. Война разрушила стѣны замка, а время истребило и слѣды его!—Сколько разъ земля *Саксоніи* напитывалась кровію и устилалась трупами! Древніе походы *Карла Великаго*, тридцатилѣтняя брань и война семилѣтняя съ свирѣпствомъ опустошали эту прекрасную землю.—

Дрезденская дорога очень не широка; но вездѣ, гдѣ грунтъ не песчанъ, вымощена камнемъ. — Сколько трудовъ!—

Еслибъ какая-нибудь волшебница захотѣла потѣшить васъ и выдвинуть на дорогу, по которой будете ѣхать, какъ можно болѣе господскихъ домовъ, прекрасныхъ городковъ, садовъ, прелестныхъ деревень, картинныхъ видовъ: то все это не было бы лучше—Дрезденской дороги.—

Поздно вечеромъ пріѣхали мы въ Бауценъ, также очень красивой городъ, имѣющій болѣе 5000 жителей. Граждане встрѣтили Генерала пріивѣтствіемъ и прекрасною музыкою. Бауценъ имѣетъ 500 человекъ городской Гвардіи.

2 Апрѣля.

Сего-дня по утру является къ намъ городской гвардейской солдатъ, въ зеленомъ мундирѣ, и проситъ очень учтиво, чтобы отпустить четырехъ лошадей, которыя привезли вчера чемоданы наши; а на мѣсто ихъ вызывается представить намъ тотчасъ свѣжихъ, которыя уже заготовлены въ городѣ. Было ль бы кому-нибудь дѣло до обывательскихъ лошадей въ другой землѣ?—

Въ Польшѣ, на примѣръ, объ нихъ совсѣмъ бы забыли; надобно самому кричать и требовать; а безъ того лошади и подводчикъ прежде умрутъ съ голоду, нежели ихъ перемѣнять. А здѣсь солдаты обходятъ нарочно всѣ квартиры и вездѣ сами перемѣняютъ лошадей. Какая заботливость! какой порядокъ! Нѣтъ ни ссоръ, ни взятокъ, ни притѣсненій. Солдатъ, такъ много заботящійся о пользѣ и спокойствіи гражданина, заслуживаетъ уваженіе, хотябъ и никогда не былъ на полѣ сраженія.

Въ Саксоніи теперь нѣтъ ни Короля, ни Министровъ: они всѣ уѣхали; а все и безъ нихъ идетъ такъ хорошо! во всемъ такой удивительный порядокъ! Отъ чего бы это?—Объ этомъ надобно писать пространныя разсужденія; главная-жъ причина есть та, что всякой твердо знаетъ должность свою, и привыкъ исполнять ее. *Порядокъ* въ государствѣ то, что *млатники* въ часахъ.—

Каково намъ здѣсь теперь?

Климатъ лелѣетъ насъ. По прекрасной дорогѣ, среди прелестныхъ видовъ, подъ пѣніемъ птицъ, ѣдемъ далѣе и далѣе впередъ. Насъ встрѣчаютъ, какъ избавителей. Входишь въ домъ, на квартиру,—все готово. Добрые хозяева принимаютъ насъ, какъ любезнѣйшихъ гостей. Неотступно спрашиваютъ: что угодно ѣсть и пить; въ которомъ часу прикажешь завтра будить себя; какой приготовить завтракъ и на сколько особъ? Въ комнатахъ все такъ порядочно, чисто! Прелестная хозяйская дочь играетъ на фортепіано, на гитарѣ, поетъ, показываетъ свой *альбомъ* и рисунки—и вдругъ потомъ очутится на кухнѣ, помогаетъ готовить кушанье. —Таковы Нѣмки! У насъ это странно; но къ нимъ очень пристало: это дѣлаетъ прекрасныхъ еще прелестіѣ. Въ самомъ дѣлѣ въ Саксоніи нѣтъ почти женщины, которая не была бы прекрасна, если не лицомъ, то стройностію стана и множествомъ пріятностей.—Здѣсь пришлось къ слову, и не лѣзя не замѣтить, что и предки наши, коренные Русскіе, воспитывая дочерей своихъ въ чистотѣ нравовъ и страхѣ Божіемъ, приучали ихъ съ молодыхъ лѣтъ заниматься хозяйствомъ, *завѣдывать всѣмъ домою*, избѣгать праздности и быть всегда въ трудахъ. Прежде всякой надѣялся найти въ женѣ своей вѣрную подругу, домовитую хозяйку и нѣжную дѣтямъ мать; а теперь?...

Въ Бауценѣ течетъ Шпрее еще въ младенчествѣ, ручейкомъ; истокъ ея въ Богеміи; а въ Берлинѣ имѣетъ она красу и величіе рѣки. Почти во всей Саксоніи на каждой квадратной милѣ считается по 4000 жителей; каково населеніе!

Наши заниматели квартиръ уже въ Дрезденѣ. Нѣкоторые изъ Адъютантовъ ѣдутъ прямо въ Дрезденъ. Иду сей-часъ просить у Генерала позволеніе ѣхать туда же. Хочу взглянуть на столицу Саксоніи прежде, нежели придутъ въ нее войска и суеты.

Апрѣля 25, полуночь рано. Дрезденъ.

Дрезденъ, Дрезденъ хочу я видѣть! сказалъ я вчера самъ себѣ; сѣлъ на быстрого Донца и помчался вмѣстѣ съ другими по прекрасной дорогѣ въ столицу Саксоніи. Перо и кисть выпадутъ изъ рукъ, если станешь описывать ближайшія окрестности Дрездена. Чтобъ имѣть о нихъ понятіе, представь, что самъ Робертсонъ, со всею своею фантазмагоріею, летитъ передъ тобою и раздвигаетъ одну за другою прелестнѣйшія картины. Вотъ прекрасная роща! вотъ тучная, свѣжая долина! Вотъ пространное зеркало воды, спокойно лежащее на шелковой зелени луга! Вотъ оврагъ глубокой: берега его круты и скалисты; онъ наполненъ прекраснѣйшими плодовитыми деревьями. Какъ восхищается здѣсь природа своею величественною угрюмостью, священной мрачностью; но искусство закралось въ ея святилище: оно провело дорожки — и онѣ бѣлѣютъ; постлало цвѣтушіе ковры зелени — и онѣ улыбаются; разбросало по рѣчкамъ и ручейкамъ красивые мостики — и они очаровываютъ взоръ! — Прибавь къ этому дворцы, палаты, въ древнемъ и новомъ вкусѣ — и будешь имѣть, хотя очень темное, понятіе объ окрестностяхъ Дрездена, великолѣпному саду подобныхъ. При вѣздѣ въ городъ нѣтъ ни огромныхъ старинныхъ воротъ, ни черныхъ башенъ, ни стѣнъ, ни валовъ. Мы вошли въ Нейштатъ, гуляючи, какъ въ лѣтній садъ. Свѣтлая луна, какъ будто любуясь прекрасною столицею, смотрѣла на нее полнымъ лицомъ и щедро разсыпала серебряные лучи свои. Широкія улицы, дома, одни другихъ прекраснѣе, и длинныя аллеи каштановыхъ и вишневыхъ деревъ манятъ насъ къ себѣ. Прелестная Эльба издали улыбается. Подходишь ближе, и слышишь шумъ и ропотъ ея: она жалуется на жестокость Французовъ, сорвавшихъ самыя лучшія перла изъ ея ожерелья. — Вотъ этотъ удивительный мостъ! Изъ дикаго гранита, на высочайшихъ сводахъ, съ

желѣзною рѣшеткою. Сколько Эльба украшаетъ окрестности Дрездена, столько мостъ сей украшаетъ Эльбу. Но время кончить: кладу перо; ѣдемъ встрѣчать войска—Прощай!

Дрезденъ. Картинная галлерей.

Наконецъ и я увижу то знаменитое собраніе картинъ, о которомъ такъ много писали иностранные и даже Русскіе путешественники; которое извѣстно въ Европѣ, славно въ Германіи, и не напрасно обращаетъ на себя вниманіе знатоковъ. Вхожу, изумляюсь; восхищенъ; разсѣявъ... Сколько изящнаго! сколько поучительнаго для художниковъ! сколько рѣдкаго для знатоковъ! сколько прекраснаго, поразительнаго для всякаго, кто имѣетъ глаза!... Придя въ себя отъ удивленія, спѣшу разсматривать не по очереди, не по порядку, а просто, что больше приглянется. — Вотъ ближе всѣхъ къ намъ какая-то историческая картина, завѣшенная кускомъ прозрачной кисеи. Чтобъ лучше разсмотрѣть ее, одинъ изъ моихъ товарищей хочетъ вскрыть занавѣску; но—она нарисована, и право можно обмануться: такъ живо!... Это работа *Конто-ди-Ротари*.—Онъ рисовалъ что-то историческое—не удалось, полѣнился поправить—и набросилъ занавѣску. Такія картинки называются игрушками въ живописи, какъ *триолеты* въ стихотворствѣ. Но великое дарованіе сего живописца открывается въ полномъ блескѣ—вотъ здѣсь.—Хотите ль видѣть новорожденнаго Христа, видѣть умиленіе, съ какимъ невинная Дѣва Марія, чудесно ставши матерью, смотритъ на божественнаго младенца; видѣть удивленнаго и благоговѣющаго Іосифа: все это здѣсь въ картинѣ *Конто-ди-Ротари*. Вообще все превосходно; но что удивительно, неподражаемо, — это сіяніе свѣтлаго новаго мѣсяца. Такъ! первая луна, явившаяся по сотвореніи міра, конечно не была свѣтлѣе этой.

Посмотрите только, какъ прелестно сіяетъ этотъ полумѣсяцъ съ голубова эфира, сквозь густую зелень листьевъ, изъ которыхъ каждый особо различнымъ образомъ посребряется! Онъ свѣтитъ, чрезъ лице Іосифа, прямо на младенца. Что это за сіяніе! какъ описать его вамъ?—не знаю. Стою предъ картиной—восхищаюсь; ухожу,—дивлюсь, и самъ себя не вѣрю, точно ль видѣлъ я это на холстѣ.

Надобно думать, что живописецъ, можетъ быть съ помощію какой-нибудь благодѣтельной волшебницы, въ прекраснѣйшую лѣтнюю ночь схватилъ нѣсколько самыхъ прелестныхъ лунныхъ лучей, рассыпалъ ихъ по картинѣ и приковалъ къ холсту: красками право кажется не лзя сдѣлать такого чуда. Это точно тихой, небесной, сребропалевой свѣтъ луны. Онъ превосходитъ пыланіе фосфоровъ въ темнотѣ ночной. Смотрите сами, какъ онъ все украшаетъ, какую прелесть придаетъ картинѣ! Іосифъ, у котораго лучи его скользнули по лицу, становится величественъ; Марія, которой они коснулись,—небесною, Святою супругою божества. Младенецъ могъ бы казаться сыномъ челоѣка; но эти лучи *обоготворяютъ* его. *Дитя, погруженное въ столь чудесное серебряное зарево— есть божество! Оно прекраснѣе самихъ ангеловъ, которые, спорхнувъ съ неба, парятъ или плаваютъ надъ нимъ въ лиловомъ отливѣ. Таково-то искусство освѣщать картины: оно есть душа ихъ.*—«Кто не «видалъ *Корреджіевою Ночи*, тотъ можетъ имѣть о «ней понятіе, смотря на эту картину».—Такъ сказалъ намъ одинъ изъ надзирателей. Какова же должна быть *Ночь Корреджіева?*

Хотите ль видѣть, какъ Лудовикъ XIV ѣзжалъ прогуливаться, на охоту, или, окруженный своими Полководцами, Министрами, придворными, великими художниками, славными Авторами своего вѣка и прекрасными женщинами, входилъ въ покоренные имъ города?—Взгляните только на картины *Вандернейлена*, кото-

рой всегда сопровождалъ этого Государя во всѣхъ его походахъ. — Смотрите какое множество лицъ: но каждое у своего мѣста, каждое имѣетъ свои собственные черты; и все такъ хорошо окончано, такъ искусно выработано!

Здѣсь веселая толпа *Фламандскихъ крестьянъ*; да у нихъ какой-то праздникъ. Какъ живы, выразительны ихъ лица! какое простодушіе! какая безпечность! Имъ ни до чего дѣла нѣтъ. Кажется, что кубки ихъ наполнены *водою* изъ *Летъ*—пьютъ и обо всемъ на свѣтѣ забываютъ! Вотъ тучные, зеленые луга, какихъ я мало видывалъ. — Вотъ, хороводъ дѣвицъ и молодыхъ людей; они пляшутъ, я это вижу; они и поютъ: послушаемъ — Но это вѣдь картина; *голосу* не можетъ нарисовать и самъ *Теньеръ*, который такъ превосходно рисуетъ Фламандцевъ.

Вотъ Рубенсовы картины. Вы видите лѣсистоое мѣстоположеніе, Африканскую пустыню, гдѣ охотники сражаются со львами. Видите ли вы убитую львицу?.. въ кровавой пасти ея молодой львенокъ, котораго она хотѣла спасти. Но вотъ, о ужасъ! левъ бросается изъ-за кустовъ: дѣлаетъ прыжокъ, и онъ уже на лошади и схватилъ сзади охотника, и давитъ и терзаетъ его!... Вы хотите бѣжать на помощь къ охотнику, но боитесь льва. — Такъ живо изобразилъ то и другое *Рубенсъ*.

Вотъ его же: пьяной *Геркулесъ съ Бакханками*. Одинъ только Рубенсъ, смѣлою кистію своею, можетъ написать огромнаго Геркулеса и заставить его балагурить съ полупьяными красавицами. Смуглой *козоподобной* Сатиръ, гуляющій въ этой же пирушкѣ, любитъ свою кружку, и странною улыбкою смѣшить и собесѣдниковъ и зрителей.

Вотъ кухня.—Самъ *Рубенсъ*, блѣдный, сухощавый, съ острыми глазами—въ видѣ повара; а третья жена его, полная, свѣжая, румяная,—въ видѣ кухарки—придаетъ вкусъ блюдамъ, готова ихъ своими бѣлыми руками.

Иногда Трагики пишутъ мѣлкя стихотворенія, которыя нравятся какою-то особенностію. Въ живописи бываетъ тоже. *Рубенсъ*, будучи посланникомъ въ Испаніи, вздумалъ нарисовать видъ *окрестностей Эскуриала*. Но кисть его не умѣетъ рисовать улыбающейся природы. Деревья безъ зелени, луга пасмурные, горы угрюмыя, и туманъ, дымящійся въ воздухъ. Говорятъ, что эту картину рисовалъ *Рубенсъ*; какое-жъ ея достоинство?—То, что всякой Испанецъ, видѣвшій ее между тысячею другихъ, восклицалъ: «вотъ нашъ Эскуриаль!»—Такъ вѣрно умѣлъ снимать *Рубенсъ*!

Но положимъ, что онъ видѣлъ Эскуриаль, и потому такъ вѣрно нарисовалъ его. Гдѣ жъ, скажите, могъ онъ видѣть, какъ Нептунъ усмирялъ бунтующіе вѣтры на морѣ?—Разеѣ не срисовалъ ли онъ этого съ превосходнѣйшаго древняго живописца—*Виргилія*? Посмотрите, посмотрите, какъ страшно волнуется море! какъ сердиты волны: онѣ ревутъ, шумятъ; однѣ другихъ тѣснятъ, гонятъ, поглощаютъ!... Какъ пышатъ и бѣсятся кони Нептуновы, запряженные въ огромную морскую раковину; какъ крутятся вихрями пески, камни и чуды морскія!—Ухъ! какъ всколыхались эти лѣнистыя волны; кажется, хотятъ выплеснуть и затопить насъ всѣхъ. Черная пучина ярится, и корабли, *урча и хлопоча, со щоголой поглощаютъ*. А вѣтры такъ свистать, такъ дуютъ, что кажется скоро сорвутъ и унесутъ картину; но *Нептунъ* здѣсь! Онъ грозно потрясаетъ трезубцомъ, и свирѣпость укрощается, и морскія красавицы оставляютъ подводныя пещеры свои, чтобъ посмотрѣть на свѣтъ, и тишина улыбается сквозь раз-

«дранныя тучи.—Воображеніе любитъся этою бурною картиною; но жалѣетъ, что она стѣснена рамами: это то же, что прекрасной стройной мущина одѣтъ въ короткое и тѣсное платье. Восколебавшіяся волны, кажется, ударяють въ рамы, ропшутъ, шумятъ и просятъ *пространства*, котораго въ картинѣ недостаетъ. — Впрочемъ она лучшая изъ всѣхъ Рубensoвыхъ, въ этой галлерей. Смѣлость кисти и удивительное подражаніе природѣ суть *печатію* творческаго духа этого живописца.

Вотъ и *Жорданса*, воспитанника Рубensoва, *Симеонъ во храмѣ*. Тотчасъ видно, что онъ не Рубенсъ; но какова голова у Симеона, воздѣвшаго очи горѣ, какъ хорошо она нарисована, съ какимъ выраженіемъ, то врядъ и самъ Рубенсъ нарисовалъ ли бы такую.

А вотъ опытъ Голландскаго терпѣнія. Взглянемъ на эту маленькую картинку, представляющую Фламандскаго крестьянина въ его избѣ. Надобно только смотрѣть не простыми глазами, а въ увеличительное стекло. Неправда ль, что это удивительно выработано?... Вы можете перечесть, до одной, всѣ петельки въ чулкахъ; даже видно, что они штопаны. Переведите стекло повыше на фаянсовую кружку—и подивитесь ей.

Каждой рубчикъ, каждой обручикъ и узоръ, которой обыкновенно бываетъ на пивныхъ кружкахъ, отдѣланъ въ ней удивительно.—Вотъ что значить быть великимъ въ мѣлочахъ!

Портреты *Ванъ-Декoвы* удивятъ васъ чрезвычайною выразительностію, живостію въ лицахъ, и мастерскою отдѣлкою. По *Ванъ-Кейленови* не уступятъ имъ: онъ имѣлъ истинное въ семъ родѣ дарованіе.

Кто тамъ въ латахъ, съ смуглымъ, сухощавымъ, блѣднымъ и мрачнымъ лицомъ смотритъ на насъ такими глазами, которые показываютъ большую остроту ума и великую кичливость сердца, хитрость, свирѣпость и жадность? Это хищникъ короны—Кромвель. Кажется Вандекъ писалъ его въ тѣ минуты, когда онъ, поправъ престолъ Королей, мечталъ о покореніи всей Англіи.

Здѣсь что такое?—Афинская площадь. Что за чудакъ на ней съ нечесаными волосами, съ страннымъ лицомъ, одѣтъ растрепую, съ дубиною въ одной рукѣ и съ фонаремъ въ другой?—Это Діогенъ. Прямой Циникъ!—Въ бѣлой день ходитъ со свѣчею и ищетъ, кого бы вы думали?—Человѣка!—Картина эта представляетъ опытъ кисти Жака-Жорданса—и онъ прекрасенъ!—Я вижу, какъ народъ толпится около Циника, и онъ въ цѣломъ *народъ* не находитъ *человѣка*. Подходятъ жрецы, судьи, философы, ораторы; онъ видитъ въ нихъ лесть, корыстолюбіе, притворство, надменность, подлость, ложь—и не гаситъ свѣчи. Видитъ скупыхъ богачей, богатыхъ плутовъ, чиновныхъ невѣждъ—и не гаситъ свѣчи.—Вотъ блестящая толпа!—Подходятъ старѣйшины Афинскіе, владѣющіе судьбою Афинъ; свѣча не гаснетъ и для нихъ. Но вотъ наконецъ скачетъ на бурномъ конѣ, въ блестящихъ латахъ, въ лавровыхъ вѣнкахъ, прославленный народомъ, возвеличенный ораторами, побѣдоносный герой—ну, Циникъ! это ль не *человѣкъ*?—«Нѣтъ! это истребитель *человѣковъ*!» думаетъ Діогенъ, «я вижу въ немъ «безпокойной нравъ, слѣпую страсть къ громкой молвѣ, «стремленіе къ чести; ухо его всегда открыто лести, «сердце честолюбію; онъ жаждетъ крови и славы: это «не мой *человѣкъ*!»— и свѣча все горитъ. «Не богиня «ли это!» говоритъ страстной любовникъ, указывая на свою красавицу. «Если богини могутъ быть вѣтренны,

злы, лукавы и вѣчно притворны,» отвѣчаетъ упрямецъ, и не гасить свѣчи. Да погаси хоть изъ учтивости!— Но тотъ, кто не хотѣлъ видѣть Александра, и кого самъ Александръ ходилъ посмотреть—не знаетъ учтивости—не гасить—и свѣча горитъ до сихъ поръ!

Живописецъ *Роза*, прозванный *Тиволи*, потому что жилъ долго въ этомъ мѣстѣ, насмотрѣвшись на прелестныя окрестности Рима, запечатлѣвъ въ воображеніи всѣ изящныя виды Италіи, рисовалъ прекрасно цвѣтушія долины у подножія древнихъ развалинъ, живописные берега морей, гдѣ солнце съ высокаго неба, бросая лучи свои на вѣчную зелень рощей италіянскихъ, золотитъ плоды ихъ; рисовалъ безпечныхъ пастырей и пестрыхъ стада.—Смотря на картины его, хочется побывать въ Италіи!...

Вотъ прелестное дитя! не Ангелъ ли это за стекломъ?—Нѣтъ, это *Менсовъ* Амуръ. Какая бѣлизна въ этомъ миломъ личикѣ! какой румянецъ играетъ на его полныхъ щечкахъ! Онъ такъ нѣженъ, какъ самой пріятной отливъ зари на листьяхъ лилеи.—Какъ прелестны эти сінія васильковыя жилки, искуснѣйшею кистию проведенныя! а губы?—ихъ описать не лзя. Онѣ полны, мягки, свѣжи, какъ первой весенній розантъ. Свѣтлыя голубые глаза миловиднаго ребенка возведены къ небу, и не уступаютъ ему въ ясности. Полнымъ бѣленькимъ пальчикомъ пробуешь онъ остріе золотой стрѣлки, которую только что отточилъ на оселкѣ, и думаетъ, точно какъ говорить: «она ужъ довольно остра!»

Здѣсь великой Маршалъ Сакскій. *Ліотаръ* изобразилъ его прекрасно. Читайте похвальное ему *Томасово слово*: смотрите на сей портретъ—и знаменитой покойникъ оживетъ для васъ.

Но вотъ другое творческое произведеніе сего мастера: *прекрасная шоколадница!*—Я говорю прекрасная: потому, что она такъ стройна, бѣла, румяна, такъ хорошо одѣта, такъ ловко подноситъ шоколадъ, имѣетъ такія свѣжія, карминныя губы, что всякому хочется выпить шоколадъ, и поблагодарить красавицу—поцѣлуемъ.

Отдѣлка сей картины совершенна. Платье и фартукъ такъ хорошо написаны, что кажется можно ихъ осязать.

Вотъ изображенія во весь ростъ, въ картинахъ самаго большаго размѣра, нѣчто благородное, нѣчто священное на лицахъ; яркія краски, искусное расположеніе, искусное смѣшеніе свѣта съ тѣнями: все это вмѣстѣ представляетъ намъ разныя *произшествія* изъ *Священнаго Писанія*. Мы видимъ ихъ какъ на яву: хвала *Павлу Веронезу*.

Не оставьте безъ вниманія и картины кузнеца Анверскаго. Она состоитъ изъ нѣсколькихъ лицъ, отмѣнно выразительныхъ, изъ коихъ каждое имѣетъ свои особыя примѣчательныя черты, имѣетъ на себѣ печать особыхъ свойствъ, и дѣлаетъ особую честь кузнецу—живописцу. Ктожъ сдѣлалъ его живописцемъ? — Любовь! — Молодой кузнецъ влюбляется въ дочь живописца, которой иначе не хотеть ее выдать замужъ, какъ за человѣка одного съ нимъ ремесла. Влюбленный кузнецъ оставляетъ наковальню, хватаетъ кисть, призываетъ на помощь *терпѣніе*, учится, трудится, успѣваетъ, и наконецъ пишетъ картину, которая, сдѣлавъ его счастливымъ супругомъ, перешла въ потомство и привлекаетъ теперь вниманіе любопытныхъ путешественниковъ въ Дрезденъ. — Любовь, которая такъ много чудеситъ въ бѣломъ свѣтѣ, сдѣлала изъ кузнеца живописца. Кто былъ влюбленъ, тотъ вѣруеть въ подобныя чудеса.

А здѣсь, что за несчастный въ столь ужасныхъ мукахъ?—За какое преступленіе казнить его, или не страшную ли какую тайну хотять исторгнуть изъ глубины его сердца?—Посмотрите, какъ мучится сей страдалецъ, по рукамъ и по ногамъ къ столбу привязанный, и поджигаемый снизу тихимъ огнемъ! Какъ страшно напряжились посинѣлыя жилы его! Какъ выдались, какъ торчатъ кости и мускулы! Глаза несчастнаго закатились, пѣна на мертвыхъ устахъ, зубы скрежешутъ, блѣдность на лицѣ, грудь высоко вздулась. Кажется, слышишь, какъ лопаются жилы и трещатъ кости: такъ усиленно напряженіе медленно сжимаемаго! Въ нѣкоторомъ отдаленіи нельзя повѣрить, чтобъ это было въ картинѣ, или, по крайней мѣрѣ, чтобъ эта картина была не *лпная*: такъ рѣзки и глубоки черты, такъ превосходна рисовка, такъ смѣла кисть, такъ естественны всѣ выпуклости. — Кто же великой творецъ сей картины? или я худо описалъ ее; или тотчасъ должно угадать, что она *Михелла-Андржелова*..

Подивитесь искусству, съ какимъ *Гвидо-Реніева* кисть изобразила здѣсь страждущаго, истомленнаго и терніями увѣнчавшаго Христа. Какъ истерзали его мучители! Онъ весь израненъ; но кровь не течетъ уже болѣе изъ его ранъ: она запеклась на нихъ багровыми пятнами. Кажется, что онъ и страдать пересталъ; а смотритъ только на небо въ какомъ-то болѣзненномъ оцѣпѣннѣи. Замѣьте, какъ кожа, отъ чрезвычайнаго ослабленія, опустилась на рукахъ его и лежитъ въ длинныхъ, блѣдныхъ морщинахъ. Взглядъ на этого Христа Спасителя подвигнетъ васъ къ ужасу, къ жалости о немъ и удивленію искусству великаго художника.

Но хотѣлъ ли наконецъ видѣть совершенную красоту — совершенную въ полномъ смыслѣ сего слова? Не ту, которая блеститъ въ шумныхъ кругахъ большаго свѣта, водить за собою толпы любовниковъ, и, гоняясь за наслажденіями, предается вихрямъ страстей и

забавъ, блестя и исчезая, какъ свѣтлое воздушное явленіе. Нѣтъ! эта прелестная красавица убѣгаетъ свѣта, постигнувъ на зарѣ жизни всю суетность его. Ни сладкой голосъ лести, ни пышный блескъ міра, ни шумъ страстей не достигаютъ глубокаго ея уединенія. Далеко отъ обольщеній, приманокъ и сѣтей, живетъ она одна съ Богомъ, природою и собою. — Какое безмятежное спокойствіе запечатлѣно въ чертахъ ея лица!.. Кажется, что уединеніе угасило въ ней пламя всѣхъ страстей. Мягкіе золотые волосы, сплетаясь съ голубымъ покрываломъ, лежатъ на бѣлой груди ея, въ которой покоится ангельское сердце. Теперь, какъ видите, отдыхаетъ она на мягкой муравѣ у чистаго ручья, усаждающаго слухъ ея стройнымъ журчаніемъ. Прекрасная рощица склоняетъ надъ нею свѣжесть тѣней своихъ: она держитъ книгу и прилежно читаетъ. Она задумалась—эта задумчивость придаетъ ей новую неизъяснимо-очаровательную красоту. — Ктожъ эта прелестная дочь пустыни?—Это *Корреджіева Магдалена*. — «Но это, что вы видите здѣсь, «самое слабое подражаніе; а подлинникъ, вѣстѣ съ «Корреджіевою *Ночью*, увезенъ отъ Французовъ въ «Кенигштейнъ.»—Такъ сказалъ намъ надзиратель. — Чтобъ заставить цѣнить подлинникъ сей картины, то для знатоковъ довольно сказать, что она *Корреджіева*; чтобъ привести каждаго, ктобъ онъ ни былъ, въ восторгъ, довольно показать ее; а чтобъ заставить удивляться ей и самыхъ скудныхъ богачей—невѣждъ, то стоитъ только объявить имъ, что за эту очень маленькую картинку заплачено 13,000 полновѣсныхъ червонцевъ: почти 130,000 нашихъ рублей!

ГАЛЛЕРЕЯ СТАТУЙ ВЪ ДРЕЗДЕНѢ.

Галлерей статуй въ Дрезденѣ далеко не подходитъ къ картинной: въ послѣдней подлинники; въ первой только подражанія. Есть тутъ правда группа *Лаоконова*

и *Венера Медицисъ*, но не тѣ, которыми восхищался Дюпати. Венера однакожъ прелестна и не въ подлинникѣ: здѣсь видимъ ея тѣнь; но и тѣнь красоты прекрасна! Какая стройность! какая улыбка! въ какомъ сладострастномъ положеніи она стоитъ!.. Осаязая статую, вы можете ошупать всѣ выпуклости, которыя должны быть на тѣлѣ прекрасной женщины, и которыхъ глазами никакъ нельзя отличить. Эта Венера кажется стыдится; но стыдливость ея не есть стыдливость невинной Діаны. Венера Медицейская стыдится для того, чтобъ привлечь болѣе на себя взоры; отворачивается, чтобъ показаться невинною; торопится будто закрыть одну часть тѣла, съ тѣмъ, чтобъ больше обнажить другую. Это хитрая прелестница, обворожающая взоры и воспаляющая чувства.

Галлерей сія, по расположенію своему, не совсѣмъ выгодна, при томъ и статуи не содержатъ въ чистотѣ: густая пыль затмѣваетъ ихъ бѣлизну.

Оружейная палата въ Дрезденѣ.

Тридцать комнатъ наполнены оружіемъ всѣхъ временъ и всѣхъ народовъ, начиная отъ перваго пистолета, изобрѣтеннаго Шварцомъ, до оружія нашего времени. Здѣсь увидите вы также и конскіе уборы. Нѣкоторые изъ нихъ очень богаты; ибо украшены дорогими камнями, бисеромъ, жемчугомъ и проч. Всего любопытнѣе Рыцари съ ихъ *бронями*. Повѣрите ли, что были люди, которые носили на себѣ латы во 150 и 200 фунтовъ и въ пять аршинъ длиною перья на шишакахъ. Одинъ Саксонскій Герцогъ носилъ вседневно, вмѣсто бумажнаго колпака, желѣзной въ 20 фунтовъ. Намъ питомцамъ *дѣгги*, кажется это теперь невѣроятнымъ, баснословнымъ; но я видѣлъ въ Дрезденскомъ собраніи естественныхъ рѣдкостей принадлежавшія драбантамъ Герцога Августа *Пруки*, кото-

рыя пугаютъ своею величиною—и послѣ этого начинаю вѣрить, что можно носить на себѣ 200 фунтовъ желѣза. Чтобъ увидѣть Рыцарей въ полномъ ихъ облаченіи и со всѣми причудами, то войдите въ ту комнату, гдѣ представленъ поединокъ Августа I Саксонскаго и Албрехта Австрійскаго. Оба обремененные 200-фунтовыми бронями, пяти-аршинными перьями, съ трехъ-саженными коньями, съ головы до ногъ въ черномъ выѣзжаютъ на смертной бой.—И сіи богатыри, сіи желѣзные люди умѣли любить и быть нѣжными! Тутъ есть множество разнообразныхъ щитовъ, изъ которыхъ на каждомъ надписи въ честь любви и красоты.

СОБРАНИЕ ЕСТЕСТВЕННЫХЪ РѢДКОСТЕЙ ВЪ ДРЕЗДЕНѢ.

Вотъ мѣсто, въ которое вхожу съ благоговѣніемъ. Здѣсь собраны неизчислимые чудеса природы. Моря Европы, пустыни Африки, лѣса Америки, выслали сюда все, что имѣли рѣдкаго. Все, что открыто великимъ *Линнеемъ*, описано краснорѣчивымъ *Бюффономъ* и созерцаемо было глубокомысленнымъ *Боннетомъ*, представляется здѣсь глазамъ. Въ родѣ пернатыхъ можете вы здѣсь видѣть всѣхъ, начиная отъ прелестной крошечки колибри, которая едва ли больше пчелы. до огромнаго *строуса*, бывающаго ростомъ выше лошади. Подлѣ каждой птицы видите гнѣзда и яйца ея. Въ родѣ животныхъ можете видѣть всю цѣпь оныхъ отъ горноста до слова. Галерея, вмѣщающая сіи драгоценности, пространна и свѣтла. Сто огромныхъ шкаповъ не вмѣщаютъ еще въ себѣ всѣхъ рѣдкостей.—Я видѣлъ здѣсь вторую природу во всей разнообразности и пестротѣ ея. Не имѣвъ болѣе часу времени для разсматриванія, осмѣлюсь ли описывать подробно то, на что едва взглянулъ мимоходомъ?—Нѣтъ! я наемкну только о томъ, что болѣе привлекло на себя общее вниманіе зрителей.

ПРИМѢЧАТЕЛЬНѢЙШІЯ ВЕЩИ:

1) Рисованные природою цвѣты, деревья и цѣлыя ландшафты на камняхъ. Камни сіи, будучи еще въ мягкомъ состояніи, получили таковыя впечатлѣнія отъ прилѣпу къ нимъ листьевъ, и проч.

2) Отмѣнно большой магнитъ.

3) Окаменѣлый дубъ, въ окружности двѣ сажени, открытый въ землѣ близъ Кемница въ 1752 году. Сколько надобно было столѣтій для превращенія въ камень этого дерева!

4) Большой отломокъ окаменѣлой *пальмы*. Сіе тѣмъ чудеснѣе, что пальмы вовсе не растутъ въ Германіи.

5) *Крокодилъ* (окаменѣлой). Найденъ въ Штутгардѣ. Уже ли и Германія была нѣкогда землею пальмъ и крокодиловъ?—Послѣдній доказываетъ, что тамъ, гдѣ онъ найденъ, было море. Такъ много есть доказательствъ тому, что большая часть Европы была *дною океана*. Было время, когда шумѣли моря въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ теперь блистаютъ города и цвѣтутъ долины. Едва ли самой дерзкой умъ постигнетъ всѣ измѣненія природы.

6) Четыре огромныхъ статуи изъ кипарисоваго дерева. Прикосновеніе къ нимъ сообщаетъ благоуханіе рукамъ.—Каждая стоитъ тысячу талеровъ.

7) *Отаитскія матеріи*, подобныя нашимъ кисеямъ, выбиты молоткомъ изъ мягкаго тамошняго дерева. Нужда творить чудеса!

8) Парадная лошадь Августа II, имѣющая хвостъ длиною въ 12 аршинъ, а гриву въ 9.

9) *Боа*, или исполинъ змѣй—длиною въ 19 локтей.

10) Большія коралловые деревья.

Здѣсь же въ особой комнатѣ съ особеннымъ любопытствомъ разсматривали мы чудесной образецъ храма *Соломонова*, сдѣланной нѣкогда въ Гамбургѣ Сенаторомъ *Шодомъ*. Петръ I измѣрялъ его своими руками, и предлагалъ за него 60,000 рублей. Наслѣдники *Шода*

продали рѣдкость сію Августу Саксонскому за 18,000 талеровъ. Сторона квадрата въ подлинномъ храмѣ имѣетъ 800 локтей; по уменьшенному размѣру образца *локоть* принять за *вершокъ* — и сторона его имѣетъ 800 вершковъ. — И это не мало для образца! — Всѣ части, даже самыя мѣлочи, отдѣланы съ наибольшимъ тщаніемъ. Здѣсь же можно видѣть всѣ обряды Іудейскіе и богослуженіе ихъ въ пустынь, представленное въ лицахъ. Любопытнѣе всего собраніе всѣхъ и даже самыхъ мѣлкихъ принадлежностей Іудейскаго Синагога. Если бъ когда-нибудь буря превратныхъ случаевъ истребила весь сей народъ, то здѣсь можно найти всѣ *его обряды и установленія*. Это стоитъ однакожъ не дешево: ибо за написаніе пяти только Моисеевыхъ книгъ на пергаментѣ заплачено 2000 талеровъ.

Дрезденъ. 9 Авгеля.

Всѣ лучшія картины и драгоценнѣйшія рѣдкости увезены изъ Дрездена въ извѣстный по неприступности своей замокъ Кенигъ-Штеинъ. Я спѣшу, въ свободныя отъ должности минуты, заглянуть въ лучшіе здѣшніе сады. — Сегодня были мы въ саду и домѣ кабинетъ-Министра Графа Марколини. Садъ этотъ очень пріятенъ, потому что очень простъ. Въ немъ отличается огромный водометъ, украшенный колоссальною группою баснословныхъ статуй: морскіе кони, дельфины и проч. льютъ и брызжутъ воду рѣками. Такая же группа, въ маломъ размѣрѣ, сдѣлана изъ фарфора въ стеклянной галлерей дома. — Домъ Министра украшенъ также преимущественно однимъ вкусомъ и простотою; роскошь изгнана изъ него. Подъ окнами огромныя клѣтки, съ серебряными и золотыми фазанами; послѣдніе, съ пламенно-розовыми перьями на груди, съ лазоревыми крыльями и золотыми гребнями, прелестны. — Въ одной залѣ нарисованы на стѣ-

нахъ всѣ важнѣйшіе случаи въ жизни самого Марколини. Въ одномъ мѣстѣ видишь, какъ онъ застрѣлилъ дикаго кабана, уже бѣжавшаго растерзать его. Въ другомъ представлено опасное паденіе его съ лошади, испугавшейся дикаго звѣря на охотѣ. Далѣе, въ горахъ Италіи, Марколини, застигнутый разлитіемъ водъ, оставляя свои экипажи, съ женою и прекрасною дочерью переправляется чрезъ горные протоки на мулахъ. Вотъ способъ напоминать себѣ достопамятнѣйшіе случаи своей жизни.

Народъ Саксонскій принимаетъ Русскихъ съ почтеніемъ и сердечною радостію. Многіе отцы приглашаютъ Русскихъ Офицеровъ крестить новорожденныхъ дѣтей своихъ. Словомъ сказать: тутъ не знаютъ какъ принять, почитать насъ. О, добрый народъ Саксонскій, какъ не сражаться за свободу твою!... Все Русское входитъ здѣсь въ употребленіе. На многихъ домахъ надписи Нѣмецкія написаны Русскими словами, а на иныхъ и совсѣмъ по Русски, на-примѣръ: «Потѣшныя палаты Его Королевскаго Высочества Герцога Максимилиана.»—Это Королевской братъ. Неоспоримо, что слава народа придаетъ цѣну и блескъ *языку* его. Слава сія утверждается побѣдоноснымъ оружіемъ. Теперь уже всякой Саксонецъ имѣетъ ручной Россійской словарь — и скоро, скоро можетъ быть,—какъ сладко мечтать о семь!—богатый языкъ великаго отечества нашего загремитъ на берегахъ Эльбы—и тамъ, гдѣ побѣда украшаетъ лаврами знамена народа Русскаго, стануть читать Русскихъ писателей; стануть дивиться Ломоносову, восхищаться Державинимъ, учиться у Шишкова, плѣняться Дмитріевымъ, любоваться Карамзинымъ!...

Генералъ Милорадовичъ устроилъ такъ, что авангардъ нашъ въ теченіи трехъ дней разными отрядами проходилъ чрезъ Дрезденъ, дабы тѣмъ увеличить число войскъ въ глазахъ жителей. Отрядъ Графа Сентъ-Пріеста, Кавалерія и пѣхота, въ три разные дня имѣли

три торжественныхъ входа въ городъ. Самъ Генераль Милорадовичъ каждый разъ выѣзжалъ на встрѣчу войскамъ, сопровождаемый блестящимъ и многочисленнымъ конвоемъ. Жители бѣгали толпами и кричали: ура! — Сіе тоекратное прохожденіе войскъ показало авангардъ нашъ весьма многочисленнымъ. Но въ самомъ дѣлѣ духъ, бодрость и свѣжесть войскъ не замѣняютъ ли многочисленность?

Извѣстный Прусскій Генераль Блюхеръ, Генераль Витгенштейнъ и всѣ партизаны наши сосредоточиваются за Эльбою. Нашъ авангардъ займетъ Фрейбергъ и Хемницъ. Наполеонъ уже опять при своихъ войскахъ — скоро можетъ дойти до дѣла. — Но покуда услышимъ вблизи ревъ смерти и свистъ пуль, сходимъ въ великолѣпную Католицкую церковь послушать превосходной музыки — Сегодня ихъ страстная суббота.

ОРАТОРІЯ.

Ораторія была торжественна. Превосходный пѣвецъ и болѣе ста музыкантовъ составляли величественный оркестръ. Пѣніе удивительно, музыка прекрасна. Много было звуковъ знакомыхъ, но нѣкоторые совсѣмъ новые. Они уносили съ собою духъ мой къ небесамъ, погружали умъ въ какую-то уныло-сладостную мечтательность и заставляли забывать все земное. Есть нѣчто очаровательное, нѣчто неизъяснимо утѣшительное для человѣка въ поэзіи, живописи и музыкѣ. — Поражаясь великолѣпнымъ и разнообразнымъ сліяніемъ звуковъ, то трескъ громовъ, то воздыханіе зефировъ выражающихъ, я очень ясно понимаю, какъ *Тимотей* двигалъ чувствами завоевателя, котораго не смягчали смертные стоны цѣлыхъ народовъ. Начинаю даже вѣрить, что Американскій змѣй и Африканская гѣна могутъ умягчаться — музыкою. —

10 Апрѣля. Дрезденъ.

Всѣ войска авангарда уже пошли къ Хемницу. Генералъ Милорадовичъ и мы всѣ спѣшимъ въ слѣдъ за ними. Завтра, или чрезъ два дня, прибудетъ сюда самъ Государь съ главною арміею. И Свѣтлѣйшій Князь, если ему сдѣлается легче, не умедлитъ обрадовать народъ и войско прибытіемъ своимъ сюда же.

Я сейчасъ отъ Генерала. У него завтракалъ Министръ Балашовъ. Въ разговорахъ о разныхъ заведеніяхъ, свойствахъ и обычаяхъ Нѣмцовъ онъ сдѣлалъ одно весьма остроумное замѣчаніе о медлительности ихъ въ умственныхъ соображеніяхъ. «Войдите въ лавку къ Нѣмецкому купцу, прекрасно одѣтому, и воспитанному въ какомъ-нибудь университетѣ; возьмите у него разныхъ товаровъ на сто талеровъ; велите сдѣлать счетъ, и ему нужно четверть, а иногда и полчаса для вычисленія: онъ считаетъ и пересчитываетъ тогда, какъ Русской бородачъ поводитъ перстами по щетамъ, и въ пять минутъ скажетъ вамъ, сколько ему слѣдуетъ.» Нѣтъ ничего справедливѣе такого замѣчанія.

Невольно отдашь справедливость и тому, кто сдѣлалъ его. Всякой Русской душевно порадуется, что министръ его отечества съ такимъ вниманіемъ всматривается въ нравы, обычаи, образъ жизни и учрежденія чуждыхъ народовъ, замѣчая все могущее быть полезнымъ для своего.—Богъ одарилъ Русскихъ острымъ умомъ, а Россію всѣми дарами своими.—Она должна быть счастлива! —

14 Апрѣля. Хемницъ.

Изъ Дрездена ѣхали мы чрезъ Герцогсъ-Вальдъ, Фрейбергъ, Одеранъ, Хемницъ.—Фрейбергъ, кромѣ бывшаго при немъ сраженія въ семилѣтнюю войну, достопамятенъ еще славными рудокопами. Горное искусство доведено тамъ до высшей степени. Профе-

ссора преподають науку о ископаніи рудъ. Изъ разныхъ частей свѣта пріѣзжаютъ ей учиться. Здѣсь цѣлый горный народъ. Шесть тысячъ человѣкъ безпрестанно роются подъ землею. Дѣти наследуютъ отцамъ въ ихъ искусствѣ и въ ихъ болѣзняхъ; ибо всякой горный работникъ—бергманъ—въ тридцать лѣтъ получаетъ уже горную чахотку. Это доказываетъ, что для блага человѣка несравненно полезнѣе обрабатывать поверхность земли, нежели рыться въ глубинѣ ея!

Хемницъ, прекрасный городокъ, славится рѣдкими своими фабриками и красотою женщинъ. Здѣсь есть также, какъ въ Варшавѣ, ванны, но съ тою выгодою, что можно купаться въ какой вамъ угодно водѣ: въ Теплицкой, Карлсбадской, Пирмондской и проч. Сегодня сидѣли мы въ морской ваннѣ; завтра будемъ купаться въ желѣзной; а пьемъ всякой день Зельцерскую воду. Кто захочетъ, можетъ купаться въ ароматахъ.—Но теперь не время нѣжиться: уже гремитъ труба, зовущая насъ въ огонь сраженій. Правда, роскошные осаждатели Трои, какъ говоритъ Гомеръ, изъ купаленъ ходили на бой, и послѣ боя погружались въ ароматы ванны. Но то было время, если оно когда-нибудь было—а теперь иное! Грязное поле, труды и непогоды: вотъ наша участь!

15 Апрѣля. Хемницъ.

Я былъ въ механическомъ мірѣ. Что за чудеса искусства! Какое облегченіе въ ручныхъ работахъ, какая польза для промышленности, та прядильная машина, которую я сегодня видѣлъ. Огромнѣйшее зданіе, въ нѣсколько этажей, занято этою машиною. Входите и удивляетесь, видя такое множество бездушныхъ вещей въ движеніи. Тамъ крутятся колеса,

тамъ обращаются валы, тамъ стучать берда и гребни; множество ремней, какъ облака, волнуются вверху подъ потолкомъ и помогаютъ движенію валовъ и колесъ. Сотни веретенъ, въ быстромъ круженіи, прядутъ очень тонко хлопчатую бумагу. Шумъ, трескъ, стукъ и скрипъ наполняютъ все зданіе. Здѣсь все шевелится, ходитъ, движется, живетъ; а причиною движенія—большое *горизонтальное колесо*, весьма несильною водою, изъ небольшого озера вытекающею, въ дѣйствіе приведенное. Сіе-то колесо заставляетъ крутиться въ трехъ ярусахъ множество валовъ, шестерней, безконечныхъ винтовъ и тысячи веретенъ. Каждое отдѣленіе имѣетъ по нѣскольку становъ; каждый станъ по нѣскольку десятковъ веретенъ и колесо, движущее его. Здѣсь вѣсятъ, бьютъ, очищаютъ, прядутъ и подводятъ подъ пробу бумагу.—Прекрасное заведеніе, прекрасная работа; но всего прекраснѣе—работницы! Это прелестныя молодыя дѣвушки изъ Хемница..... Каждая изъ сихъ трудолюбивыхъ красавицъ можетъ получать до двухъ талеровъ въ недѣлю: въ два, три года можетъ составить себѣ хорошее приданое. Вотъ рѣдкая выгода для нравовъ! вотъ способъ для предохраненія беззащитной невинности отъ нищеты, влекущей къ разврату. Скромная дѣвушка работаетъ нѣсколько лѣтъ на фабрикѣ, получаетъ чрезъ то приданое, выбираетъ молодаго человѣка по сердцу, выходитъ за него по любви, и приученная къ трудамъ, становится попечительною хозяйкою, вѣрною женою и доброю, заботливою матерью семейства: праздность, роскошь и разбѣянность не заражаютъ ее своими отравami. Фабрика, нами видѣнная, принадлежитъ Господину Бекеру. У него же и ситцовыя, которыя не уступаютъ Англинскимъ, фабрики.—Вездѣ торжество промышленности, труда, искусствъ и художествъ.

Все движется!... Главная квартира авангарда переходит въ Пеннигъ, три мили въ право отъ Хемница, конечно для того, чтобъ сосредоточиться болѣе съ Блюхеромъ, находящимся въ Альтенбургѣ.—Французскіе аванпосты между рѣками Салою и Эльстеромъ. Маршалъ Ней въ Веймарѣ. Наполеонъ самъ при войскахъ своихъ.—

Посмотри на карту, ты увидишь, что Хемницъ, Пеннигъ и прочіе Саксонскіе городки означены небольшими, едва примѣтными кружками. Разпространи ихъ воображеніемъ своимъ, наполни прекрасными домами, садами, фабриками, обведи картинною цѣпью холмовъ и насели добрѣйшими людьми—тогда будешь имѣть понятіе о такихъ городкахъ, изъ числа которыхъ и Пеннигъ, гдѣ мы только ночевали.—

Апрѣля 18. Альтенбургъ.

Оставя въ Пеннигѣ всѣ обозы, всѣ тяжести, мы подвинулись еще въ право въ Альтенбургъ съ тѣмъ, чтобъ, занявъ близъ него позицію, ожидать непріятеля.—Альтенбургъ — пространный и великолѣпный городъ Герцога Гот-Сакскаго. Всего примѣчательнѣе въ немъ огромный старинный замокъ на высочайшей скалѣ, имѣющій въ основаніи цѣлый холмъ дикаго гранита. Въ семъ замкѣ показываютъ, въ числѣ прочихъ рѣдкостей, *окно*, чрезъ которое украдены были малолѣтныя Албертъ и Эрнестъ, дѣти Герцога. Случай этотъ достопамятенъ въ Саксонской исторіи; ибо отъ нихъ произошли двѣ наслѣдственные линіи: Албертинская и Эрнестинская.

19 АПРѢЛЯ ПО УТРУ. АЛЬТЕНБУРГЪ.

Наконецъ сбылись мрачныя предчувствія, оправдались печальныя догадки: неумолимой судьбѣ или непостижимому Провидѣнію угодно было лишить насъ великаго человѣка!... Его уже нѣтъ!... Въ Бунцлау прекратилась жизнь мужа знаменитаго.—Давно ли, вызванный изъ глубокаго уединенія общимъ голосомъ народа, возсталъ онъ отъ бездѣйствія и ополчился великимъ умомъ своимъ на защиту отечества? Давно ли грады и области называли его спасителемъ? матери несли младенцовъ и внуки вели дѣдовъ своихъ, чтобъ удостоиться его лицезрѣнія? Давно ли самъ Государь называлъ его Свѣтлѣйшимъ и Фельдмаршаломъ?—Еще не обсохла кровь враговъ, пролитая имъ на поляхъ Бородинскихъ; еще не изтѣли трупы, которыми устлалъ онъ великое пространство отъ Оки до Немана; еще блещутъ трофеи, имъ собранные, зеленѣютъ лавры, имъ пожатыя; еще не успѣла обтечь кругъ земной слава, гремѣющая о немъ.... А его уже нѣтъ!

Чтожъ значитъ въ мірѣ сѣмъ слава? что значитъ величіе людей?..... Пѣснопѣвцы земли Русской! передайте потомству стоны соотчичей своихъ въ печальныхъ звукахъ вашихъ лиръ!—

ВЗГЛЯДЪ НА ДВИЖЕНІЕ АВАНГАРДА ПРЕДЪ ЛЮЦЕНСКИМЪ
СРАЖЕНІЕМЪ.

Около половины Апрѣля непріятель началъ показываться въ большихъ силахъ близъ города Наумбурга, извѣстнаго въ 30-лѣтней войнѣ, когда оружіе Гусситовъ гремѣло въ Германіи. Отряды и передовые посты его распространялись между рѣками Салою и Эльстеромъ. Намѣреніе его, устремиться на Лейпцигъ для расхищенія славной ярмарки, часть отъ часу становилось очевиднѣе; а посему и всѣ Россійско-Прусскія

войска сосредоточивались въ окрестностяхъ сего города. Въ это время авангардъ главной арміи, подъ начальствомъ Генерала отъ Инфантеріи Милорадовича, изъ разположенія своего при Хемницѣ, предпринимаетъ косвенное движеніе въ право. Въ теченіи нѣсколькихъ дней, слѣдуя сему направленію, и движеніемъ своимъ прикрывая все дороги въ Дрезденъ, авангардъ разсыластъ впередъ отряды до Цвпкау, Шлауена, Гофа, Лобенштейна и Геры, для развѣдыванія о неприятелѣ; а между тѣмъ постепенно приближаясь къ Лейпцигу, занимаетъ Пеннигъ, Альтенбургъ и Цейцъ, болѣе или менѣе останавливаясь въ каждомъ изъ сихъ мѣстъ.

20 Апрѣля, въ 2 часа по полудни.

Съ первымъ лучемъ зари выступили мы изъ Альтенбурга въ Цейцъ. Едва прошли милю, какъ услышали пушечные выстрѣлы. Чѣмъ далѣе подавались впередъ, тѣмъ слышнѣе становились они; наконецъ облака дыма на краю горизонта, блескъ обширнаго зарева и все признаки великаго сраженія представились глазамъ нашимъ. — Тамъ, на дорогѣ въ Наумбургъ, близъ Люцена, гдѣ уже одинъ разъ въ 1652 году рѣшалась судьба Германіи, и гдѣ путешественники привыкли останавливаться надъ памятникомъ великодушнаго Густава Адольфа, тамъ сражались теперь за жребій всей Европы. Наполеонъ съ великими силами ломился къ сердцу Пруссіи. Россійско-Прусскія арміи, подъ начальствомъ Графа Витгенштейна и Генерала Блюхера, встрѣтили его — и они сражаются!... Авангардъ нашъ, съ посвѣшностію достигнувъ Цейца, сталъ въ боевомъ порядкѣ на выгодныхъ высотахъ вокругъ онаго. Жители изъ города и окрестныхъ деревень идутъ толпами къ намъ въ лагерь, неся добровольно вареное кушанье и вина. — Солдаты наши готовы сражаться за счастье такихъ добрыхъ людей и за прекрасную землю ихъ.

Въ 6 часовъ по полудни.

Съ высоты древняго и величественнаго замка въ Цейцѣ смотрѣли мы на сраженіе, кипѣвшее за двѣ отсюда мили. Долго громъ рокоталъ на одномъ мѣстѣ. Наковецъ дымъ и выстрѣлы начали отдаляться—и всѣ сердца наполнились пріятнѣйшимъ предчувствіемъ, что непріятель отступаетъ. Генералъ Милорадовичъ во все это время не сходилъ съ балкона, прилежно наблюдая въ зрительную трубу и взглядывая на карту. Еще въ первый разъ въ жизни смотрѣлъ онъ на сраженіе, не участвуя въ немъ. Нѣсколько разъ объѣзжалъ онъ полки, спрашивалъ солдатъ, хотятъ ли драться—и всеобщій голосъ былъ: ура! готовы, впередъ! Я не знаю для чего мы остаемся праздными свидѣтелями общаго сегодняшняго дѣла: 15.000 лучшихъ солдатъ, восемьдесятъ пушекъ и Генералъ Милорадовичъ могли бы сдѣлать немалый перевѣсъ.—Но говорятъ, что непріятель отрядилъ сильную колонну на ту дорогу, которую мы заслонили.—Послѣдствіе все объяснить.—Громъ пушекъ опять усиливается, небо дымится! Народъ и войска молятъ Бога, да благословитъ Онъ оружіе правыхъ, да увѣнчаетъ славою побѣды Императора и Короля.—

Въ сію минуту получилъ Генералъ Милорадовичъ отъ Партизана Полковника Орлова рапортъ, который, стоя съ отрядомъ своимъ на высотахъ близъ деревни Вебау, видѣлъ все сраженіе и въ короткихъ словахъ увѣдомлялъ, что непріятель, безпрестанно получавшій подкрѣпленія, принужденъ однакожъ былъ уступить намъ на цѣлую милю пространства; но къ нему подоспѣли еще свѣжія войска, и сраженіе воспикло съ новымъ жаромъ.—

12 Часовъ ночи.

На городской башнѣ бьетъ полночь; но спокойствіе не водворяется въ городъ. Все тоскуетъ и волнуется. Войска готовятся къ походу. Конница гремитъ по

мостовымъ, проходя чрезъ городъ. Пѣхота еще въ лагерѣ. Съ наступленіемъ ночи Генераль Милорадовичъ приказалъ развести большіе огни, дабы внушить непріятелю нѣкоторое опасеніе видѣть на крылѣ своемъ новое войско. Съ нашей стороны огни въ лагерѣ, съ противной пылающія окрестности Люцена все небо обагрили заревомъ. Лошади наши осѣдланы, мы готовы. Два часа дозволено намъ сдремать; съ разсвѣтомъ должны быть въ полѣ и въ дѣлѣ.—Прощай!—

22 АПРѢЛЯ. МѢСТЕЧКО ФРОБУРГЪ. РАНО УТРОМЪ.

Весь вчерашній день провели мы въ движеніи. Будучи посыланъ въ разные мѣста, я проскакалъ болѣе шестидесяти верстъ, и въ вечеру едва не падалъ съ лошади, которая и сама готова была упасть. Въ позднюю ночь уже войска наши, сдѣлавъ весьма большой переходъ чрезъ горы, ущелины и лѣса, прибыли наконецъ къ Фробургу, гдѣ непріятель не могъ насъ ни откуда отрѣзать. *Авангардъ* становится опять *арріергардомъ*; ибо арміи отступаютъ.

Генераль-Адъютантъ Князь Волконской извѣстилъ Генерала Милорадовича, что Государь поручаетъ ему учредить вновь Партизанскую войну для дѣйствій на сообщенія непріятеля въ гористомъ пространствѣ отъ Іены до Лейбцига.— Съ этого времени не ожидай подробныхъ описаній. Мы въ арріергардѣ; слѣдственно въ непрерывныхъ трудахъ и опасностяхъ. Не сходять по цѣлымъ суткамъ съ лошадей, валяться на сырой землѣ, не имѣть сна и хлѣба: вотъ что насъ ожидаетъ, и что намъ уже не ново. Хотя Саксонія и не менѣе прелестна, какъ древняя Капу; но мы не растаяли въ роскоши, какъ Ганнибаловы воины, и съ прежнею бодростію готовы терпѣть и сражаться.—

22 АПРѢЛЯ, ПОЗДНО. МЫСТИЧКО ГЕЙЛЬДЪ-ГЕЙМЪ.

Соединенныя арміи отступаютъ за Эльбу. Наполеонъ ведетъ съ собою великія силы и тѣснить. Наша армія отступаетъ довольно покойно: арріергардъ выдерживаетъ весь натискъ. Покамѣстъ отдѣляемся кое-какъ перестрѣлками: скоро дойдетъ дѣло до сраженія. Мой другъ! самая бурная осень не такъ обнажаетъ природу, какъ война опустошаетъ цвѣтущія области! Что сдѣлалось съ Саксоніею? мы не узнаемъ ее! Какая разительная во всемъ перемена! Дома пусты; лица мрачны; у насъ голодъ, у жителей стонъ.... Уже Французы въ Лейпцигѣ!... Опасность и тревога распространяются повсюду. Всѣ ужасы войны постигаютъ прекраснѣйшую изъ странъ Германіи.—Нѣтъ больше силъ писать—сонъ давитъ меня. Каждая минута дорога.... Перо падаетъ изъ рукъ, а другъ твой на солому... Прощай!...

25 АПРѢЛЯ, ВЕЧЕРЪ. ГОРОДЪ ВАЛЬДГЕЙМЪ.

Сей-часъ только вышли мы изъ жаркаго дѣла. *Смерть* такъ близко прошла мимо меня!... Чуть было не взяла съ собою!—Отвезши одно приказаніе Графу Сентъ-Пріесту, бывшему въ сильной схваткѣ съ непріателемъ, и получа другое, чтобъ провести нѣсколько пушекъ на извѣстное мѣсто, тихо ѣхалъ я подлѣ оныхъ. Недалеко случился Генералъ Мерлинъ. Нѣкоторые товарищи мои были тутъ же. Непріатель открылъ изъ лѣсу пальбу—и ядра запрыгали черезъ, между и около насъ. Мы ѣхали шагомъ. Я слышалъ шипѣніе множества ядеръ, какъ вдругъ одно, провизжавъ мимо самого уха, ринулось въ землю у самыхъ ногъ моей лошади!—*Теплый духъ*, какъ будто изъ бани, хлынулъ мнѣ въ лицо, и земля, брызнувшая вверхъ отъ сильнаго удара, засыпала меня всего!... Я совсѣмъ не почувствовалъ великой опасности до тѣхъ поръ, пока не услышалъ со всѣхъ сторонъ около себя криковъ и восклицаній.

Товарищамъ показалось, что меня уже не стало!— Имъ со стороны полетъ роковаго ядра былъ виднѣе.

Склонясь чуть чуть въ право, оно оторвало бы у Генерала руку, а съ меня снесло бы голову!... Но другъ мой! если и самая смерть также непримѣтна, какъ приближеніе ея, то умереть право ничего не значить!—Страшна смерть ожидаемая, и страхъ сей родится, кажется, болѣе отъ тревоги въ воображеніи или отъ затмѣнія въ совѣсти; а смерть, налетающая невзначай, должна быть очень легка!—Храброй Генералъ Мерлинъ имѣетъ семейство, думалъ я послѣ: жизнь его нужна для онаго.—Къ чему жъ мою сберегло провидѣніе?—Къ отрадамъ, или горестямъ, къ бѣдамъ или утѣшенію?... Прольетъ ли въ уста мои счастье хотя нѣсколько капель радости изъ того сосуда, которой позволяетъ пзсұшать до дна любимцамъ своимъ? ---Но всѣ вопросы напрасны: завѣсы не вскроешь!... Прости мнѣ отступленіе; обратимся къ дѣлу.—Пальба началась еще съ самаго утра. Непріятель стремился овладѣть пространствомъ, отдѣлявшимъ насъ отъ Прусаковъ, и захватить Вальдгеймъ, гдѣ сходятся дороги. Генералъ Милорадовичъ, быстрымъ распоряженіемъ войскъ, уничтожилъ намѣренія его. Отрядъ Графа Сент-Пріеста, неся непріятели на плечахъ, дѣлалъ все что только могутъ храбрые солдаты при благоразумномъ начальникѣ.—Генералъ Карпенко, всегда неразлучный съ передовою цѣпью своихъ стрѣлковъ, удерживалъ непріятели по лѣсамъ и въ тѣсныхъ мѣстахъ. Кіевской полкъ, подъ командою неустрашимаго Полковника Писарева, и нѣкоторые баталіоны другихъ гренадерскихъ полковъ нѣсколько разъ пролагали себѣ путь штыками сквозь колонны, оспаривавшія у нихъ дорогу. Наконецъ неуступчивость нашего арріергарда и удачное дѣйствіе пушекъ Полковника Нилуса остановили непріятели версты за двѣ отъ Вальдгейма.— Потеря его весьма значительна, наша непримѣтна.—

Всѣ обозы и артиллерія тянутся за городъ, дабы заранѣе высвободиться изъ тѣсныхъ ущелій.—Прочія войска обночлежились предъ городомъ. Ярко пылаютъ огни на поляхъ. Добрые Саксонцы даютъ намъ послѣдніе куски зачерствѣлаго хлѣба: голодъ приправляетъ самую скудную пищу; а удовольствіе побѣды заставляетъ забывать о всемъ претерпѣнномъ.—Что покажетъ завтрашній день? Отзовется ль громомъ сраженія?—Сегодня славу Богу!—Прощай!

24 АПРѢЛЯ, ВЪ СУМЕРКИ.

Сего-дня Принцъ Евгений Виртембергскій, начальствуя передовымъ отрядомъ, выдержалъ жаркой бой близъ деревни Этсдорфа и опрокинулъ несравненно превосходящійшаго въ силахъ непріятеля. Принцъ этотъ конечно одинъ изъ храбрѣйшихъ и любезнѣйшихъ Принцовъ въ Европѣ. Помня о службѣ и обязанностяхъ своихъ, онъ, кажется, вовсе не помнитъ о санѣ, чинѣ и высокой породѣ своей. Онъ уменъ—слѣдственно не гордъ. Часто разговаривать съ солдатами, ласкать Офицеровъ и жить у полевыхъ огней: вотъ обыкновенное дѣло его.—

24, Очень поздно.—МЫЗА БЛИЗЪ НОССЕНА.

Непріятель остановился отсюда верстъ за пять. Генералъ Милорадовичъ, Генералъ Уваровъ, командующій кавалеріею, Англической Генералъ Вильсонъ, который ѣздитъ прогуливаться въ сраженія и не пропускаетъ ни одного почти авангарднаго дѣла, всѣ вмѣстѣ заняли пространный, прекрасно убранный домъ. Адьютанты всѣхъ Генераловъ были тутъ же.—Будучи посыланъ далеко съ приказаніемъ, я пріѣхалъ нѣсколько позже другихъ. Всѣ наши радовались свѣтлой и покойной квартирѣ. Одни играли на фортепіаныхъ, другіе смот-

рѣли библиотеку. Я подумалъ было, что это домъ, если не Князя, то по крайней мѣрѣ какого-нибудь Барона; но мнѣ сказали, что владѣлецъ его даже не дворянинъ! Крайне бы удивился сему, еслибъ это было не въ Саксоніи. Двѣ прекрасныя дѣвушки, Вильгельмина и Шарлота, играли на фортопіянахъ, пѣли, показывали свои рисунки, альбомы, и въ то же время суетились по хозяйству: сами накрывали на столъ Генераламъ, заботились о кухнѣ и вездѣ поспѣвали. — Онѣ разумѣли Французской языкъ, читали лучшія книги на своемъ; и сверхъ того были такъ добры, такъ любезны, что не лѣзя было не восхищаться воспитаніемъ этихъ недворянокъ! — Съ невинною простою спрашивали обѣ сестры у Генераловъ: будетъ ли завтра здѣсь сраженіе? — Будетъ, отвѣчали имъ, и очень жаркое. — Такъ мы на зарѣ убѣжимъ къ нашей тетюшкѣ въ горы, говорили онѣ, и просили только охранной бумаги. —

25, въ 8 часовъ утра.

Уже раздалась пушечная пальба (обыкновенный, ежедневный вызовъ къ бою), и мирныя окрестности застонали. Дождь ливня льетъ. Наши богатые домо-сѣды въ такую пору и на охоту не выѣзжаютъ; а мы должны ѣхать — на сраженіе. Бѣдная Вильгельмина и Шарлота, получа охранной листъ, бѣгутъ въ горы: такъ спасаются невинныя горлицы отъ лютыхъ ястребовъ! Всѣ въ домѣ плачутъ; поселяне съ имуществомъ скрываются въ лѣса; матери уносятъ дѣтей: всѣ спасаютъ жизнь; а мы спѣшимъ — жертвовать ею! — Прощай! —

25, въ вечеру. Городъ Вильсдруфъ.

Все платье на насъ хоть выжми! Цѣлый день были подъ дождемъ. Непріятель съ самаго утра началъ

сбивать передовые посты. Мы предполагали защищать тѣсныя ущелія по дорогѣ, но онъ не шелъ ими, а тянулся въ право по полямъ. Ему удалось поставить батарею на правомъ нашемъ крылѣ; орудія его были морскія, и ядра хватали ужасно далеко. Мы уступали сражаясь, до самаго Вильсдруфа. Почти при началѣ сраженія стрѣлки Французскіе ворвались въ ту мызу, гдѣ мы ночевали, и начали все грабить и жечь.—

26 АПРѢЛЯ. ДРЕЗДЕНЬ. ВЕЧЕРЬ.

Вотъ мы опять въ Дрезденѣ, или лучше сказать, въ *Нейштатт*. Колонны авангарда, разными дорогами, быстро подвигались къ Дрездену; непріятель преслѣдовалъ слабо. День былъ прекрасенъ, солнце сіяло въ полномъ великолѣпїи. Быстро обскакали мы Дрезденъ, спѣша переправиться чрезъ понтонный мостъ; нбо большой горѣлъ. Каштановыя аллеи цвѣли; въ воздухѣ разливалось благоуханіе. Великолѣпный Дрезденъ, увѣнчанный цвѣтами и зеленью садовъ, уподоблялся жертвѣ, обреченной на закланіе!—

Около 2-го часа по полудни Французы толпами ворвались въ городъ, и какъ вода разлились по улицамъ: прибѣжали къ мосту, и, казалось, хотѣли перескочить черезъ Эльбу, чтобъ грабить Нейштаттъ, который мы охраняли. Но злость не даетъ крылъ. Они остановились и начали стрѣлять. Наши егеря, засѣвшіе въ развалинахъ моста, отвѣчали имъ, и перестрѣлка не умолкала. Вскорѣ раздался по всему Дрездену колокольный звонъ и возвѣстилъ прибытіе Наполеона. И такъ въ сію минуту владычество Александра и противника его раздѣляла только одна рѣка. По сію сторону благословляли добродѣтельнаго защитника правъ Европы; по ту со стономъ покорялись врагу. Французскіе офицеры, богато одѣтые, разположа въ разныхъ мѣстахъ музыку, прогуливались въ набережномъ саду

съ Дрезденскими женщинами. Они конечно хотѣли осуществить мечту о золотомъ вѣкѣ и доказать, что тигры могутъ гулять съ агницами! Хотя съ ихъ и съ нашей стороны стрѣляли только вдоль по мосту: однако пули и картечи хватали далеко черезъ, и свистали по улицамъ. Съ нашей стороны на концѣ моста возвышенъ былъ земляной *траверсъ*. Пули жужжали какъ пчелы, вездѣ носилась смерть. Можно было быть убиту на гуляньѣ, у окна, переходя изъ улицы въ улицу, сидя въ кругу мирнаго семейства; за столомъ, за стаканомъ мороженаго....

Опасность была одинакова для обѣихъ сторонъ. Многіе изъ Французскихъ Офицеровъ, подходившіе на линію выстрѣловъ, упали мертвые къ ногамъ своихъ красавицъ. Музыка мѣшалась съ пальбою; стоны умирающихъ съ пѣснями веселящихся; жизнь съ смертію. Многіе граждане, даже женщины и малыя дѣти, ранены: вотъ въ какомъ состояніи была прелестная столица Саксоніи!... Къ вечеру, когда пальба начала нѣсколько затихать, вздумали мы взойти на мостъ, гдѣ такъ часто наслаждались весенними сумерками; но едва дошли до половяны, какъ Французы открыли по насъ огонь; пули засвистали.... Мы присѣли на каменную скамью подлѣ сквозной желѣзной рѣшетки; щедрые пріятели на каждого изъ насъ троихъ выпустили десятка по два пуль; большую частію онѣ летѣли черезъ, иныя однакожь попадали въ рѣшетку подлѣ самыхъ головъ нашихъ. Наконецъ смерклося, все утихло; мѣсяцъ началъ посребрять городъ, и мы пошли въ свою квартиру. Однакожь и тамъ не менѣе безопасны были отъ пуль и картечи; ибо домъ, гдѣ стоялъ Генераль Милорадовичъ, былъ на самомъ берегу. Ему старались дать о семъ замѣтить; но Генераль, хранимый своимъ Ангеломъ, надѣющійся на Бога какъ Суворовъ, не зналъ страха, и спалъ спокойно подъ тучею смертей. За великіе труды, понесенные имъ въ теченіи послѣднихъ дней, къ нему по всей

справедливости можно примѣнить стихъ одного изъ лучшихъ Стихотворцевъ нашихъ, что:—

Свѣтило дня и звѣзды ночи
Героя видятъ на конѣ....

Бессонница и заботы подѣйствовали на его здоровье. Онъ заболѣлъ, извѣстилъ о семъ Главнокомандующаго Графа Витгенштейна, созвалъ всѣхъ Генераловъ и сдалъ начальство надъ арріергардомъ старшему по себѣ Князю Горчакову. И такъ мы на нѣсколько дней будемъ покойны.—Ночь и безмолвіе уже повсемѣстны, свѣча догораетъ, полно писать: задремлемъ, пока еще возможно!...

27 АПРѢЛЯ, 4 ЧАСА ПО ПОЛУНОЧИ.

Сей-часъ дунулъ въ растворенное окно свѣжій весенній вѣтерокъ, окурилъ комнату ароматами разцвѣтающаго сада, и я проснулся! — Утро прекрасно; солнце только что взошло; неизъяснимая сладость распространяется въ воздухѣ. Спятъ люди, спятъ *страсти ихъ* и перуны молчатъ. Въ ближней улицѣ поетъ соловей.—Смотрю въ окно—вижу Эльбу спокойною и природу величественною. — Боже! какъ прелестно твореніе твое! но для чего такъ мятежны люди! Отколѣ сіе смѣшеніе добра и зла?—Для чего прекрасная весна твоя вмѣстѣ съ розою и соловьемъ оживляетъ ядовитаго змѣя?.. Спѣшу насмотрѣться на сіи прелестныя картины природы, спѣшу запечатлѣть ихъ въ памяти и сердцѣ моемъ. Душа съ жадностію наслаждается ими. Никто, никто не отыметъ у нее сего мгновеннаго и единственнаго наслажденія.

Жизнь и дѣятельность пробуждаются въ городѣ. Въ разныхъ мѣстахъ показываются граждане и поселяне; а Французы еще спятъ! — Но вотъ идетъ одинъ съ короткимъ ружьемъ и будить другихъ на зеленомъ окопѣ близъ моста. Они встаютъ одинъ за другимъ,

хватаютъ ружья, цѣляютъ и привѣтствуютъ утро стрѣлкою—и кровопролитіемъ... Вотъ и около пушекъ засуетились!.. Вотъ выстрѣлъ! — другой картечью... Шумятъ ядра... Небеса дымятся—и блѣднѣетъ жизнь и природа!... Вотъ густыя облака пыли движутся по теченію Эльбы; вѣрно Французы идутъ туда переправляться. — Пальба усилилась. Генералъ Милорадовичъ слышалъ—и забылъ болѣзнь свою! Онъ велитъ сѣдлать лошадей, и всѣ мы ѣдемъ въ дѣло.—Оно будетъ жарко.—Прощай.

28. Деревня Вейсигъ.

Вчера имѣли мы жаркое сраженіе. Оно началось тѣмъ, что Французы, подъ прикрытіемъ сильнаго картечнаго огня съ бастіона, на ихъ сторонѣ находившагося, нося фашины и доски къ пролому большаго моста, показывали видъ, будто хотятъ переправиться въ городъ, и до тѣхъ поръ толпились на мосту, пока нѣсколько удачныхъ нашихъ выстрѣловъ не смели ихъ до чиста съ онаго. Эта переправа была ложная. Въ самомъ же дѣлѣ Наполеонъ, подвинувъ армію свою за четыре версты въ лѣво, внизъ по теченію рѣки, приказалъ ей переправляться въ глазахъ своихъ подъ покровительствомъ великаго множества пушекъ, которыми унизанъ былъ высокой въ томъ мѣстѣ берегъ. Съ нашей стороны Графъ Сент-Пріестъ съ отрядомъ оставленъ въ самомъ городѣ, а прочія войска небольшого арріергарда нашего успѣшали сопротивляться многочисленнымъ войскамъ Наполеона. Роты артиллеріи Нилуса и Башмакова подоспѣли туда же — и сраженіе загорѣлось. Непріятель засыпалъ насъ бомбами, гранатами и картечью. Наша артиллерія дѣйствовала искусно и удачно. Солдаты дрались съ неимовѣрною храбростію. Оторванные руки и ноги во множествѣ валялись на берегу, и многіе Офицеры и солдаты,

лишась рукъ и ногъ, не хотѣли выходить изъ огня, поощряя другихъ примѣромъ своимъ. Цѣлый день кипѣло сраженіе; Наполеонъ истощилъ всѣ усилія, но не переправился. Къ вечеру бой укротился, и мы возвратились по прежнему въ Нейштатъ ночевать. Мы бы могли еще держаться; но въ общемъ планѣ положено не удерживать, а только замедлить переправу Французовъ. Посему-то, отступивъ, стоимъ теперь верстахъ въ десяти отъ Дрездена въ деревнѣ Вейсигѣ. Французы не беспокоятъ насъ сегодня. Передовые посты молчатъ.

Вчера, по время самого жаркаго дѣла, поселяне ближайшихъ окрестностей пахали землю. Еще страннѣе: ѣдучи въ городъ съ приказаніемъ, я видѣлъ въ одной аллеѣ, очень недалеко отъ того мѣста, куда падали ядра, порядочно одѣтаго человѣка, спокойно читающаго книгу подъ страшнымъ громомъ сраженія. Должна быть очень любопытная книга!

О т т у д а ж ь .

Нѣсколько изъ нашихъ Адъютантовъ заняли пустую избу. Всѣ поселяне, боясь Французовъ, скрылись въ ближнія горы; но узнавъ, что не Французы, а Русскіе къ нимъ пришли, многіе хозяева возвратились въ дома; въ томъ числѣ былъ и нашъ. Добрый Вильгельмъ принесъ съ собою хлѣба, досталъ спрятанное въ землѣ масло, кофе, подчивалъ насъ съ непритворнымъ усердіемъ. Вчера я самъ слышалъ, что когда солдаты наши, утомленные сильнымъ жаромъ, просили у жителей воды, добрые люди говорили имъ: «у насъ есть еще для васъ пиво; съ Русскими готовы дѣлиться послѣднимъ: вы наши защитники!» Вотъ какъ обходятся съ нами Саксонцы! — Между прочими книгами въ крестьянской библіотекѣ нашего хозяина нашли мы одну книжку, подъ заглавіемъ: Политическіе разговоры Европейскихъ Государей. Она была написана Нѣмец-

кими стихами и въ лицахъ. Разумѣется, что Наполеонъ занималъ здѣсь первое мѣсто; всѣ Государи благоговѣли предъ великимъ могуществомъ, великаго народа и великой арміи. Вотъ какими средствами дѣйствуетъ Наполеонъ на души и умы всякаго состоянія людей. Хозяинъ нашъ читалъ намъ почти всю эту книжку наизусть; однакожъ онъ не считалъ Наполеона великимъ, а только—страшнымъ.

29. Въ окрестностяхъ Бишефсъ-верды.

Сегодня въ часъ по полудни непріятель началъ затрогивать наши передовые посты. Часа съ два продолжалась перестрѣлка; потомъ великими силами началъ онъ тѣснить, отводя нашъ арріергардъ. Мы отступали по узкой мощеной дорогѣ, имѣя съ права и лѣва лѣсъ, холмы и болота. Артиллерія наша занимала каждую выгодную высоту, и непріятель чувствовалъ искусное дѣйствіе ея. Вопреки всѣмъ его усиліямъ, онъ подвигался впередъ только на такое пространство, какое начальникъ арріергарда, по довольномъ защищеніи, за благо разсуждалъ уступать ему. Стрѣлки непріятельскіе въ великомъ множествѣ, какъ ргуть, разтекаясь въ густотѣ лѣса, обходили наши фланги, и не рѣдко заставляли даже резервы вступать въ дѣло. Но сіи храбрецы лѣсные останавливались при первой полянкѣ: Русской штыкъ и поле всегда имъ страшны.

1 Мая.—Деревня Ротъ-Наустицъ.

Вчера дрались мы цѣлый день, защищая дорогу. Истоща всѣ усилія сбить насъ съ одной высоты, непріятель вздумалъ было обойти ее долиною. Покушеніе дорого ему стоило. Генералъ Милорадовичъ, показывая, будто не примѣчаетъ его движенія, сдѣлалъ

все, что нужно было. — Едва спустилось нѣсколько колоннъ въ лоцину, какъ вдругъ, дозволя имъ пройти, со всѣхъ сторонъ открыли по нимъ страшную пальбу изъ потаенныхъ и открытыхъ батарей. Разстрѣленные колонны, потерпѣвъ великой вредъ, тотчасъ рассыпались и побѣжали въ лѣса. — Непріятель, полагая, что мы будемъ держаться въ Бишефсъ-Вердѣ, пустилъ на нее тучу бомбъ и гранатъ — и въ мигъ несчастный городокъ претворился въ огромный столпъ огня и дыма. — Сегодня мы опять покойны. — Непріятель перевязываетъ вчерашнія раны.

Вчера неустрашимый Полковникъ нашъ Сипягинъ, занявшись обзорѣніемъ мѣстъ за городомъ, и проѣзжая потомъ чрезъ оной, вдругъ былъ отрѣзанъ толпою ворвавшихся со стороны Французовъ. За нимъ ѣхалъ Александрійскаго Гусарскаго полка Поручикъ Пороховниковъ и Дубянскаго Гусарскаго корнетъ Григорьевъ. Двѣ колонны пустили по нимъ батальный огонь: они были въ дождѣ пуль — и остались невредимы! — Это однакожъ не рѣдко случается въ войнѣ.

По словамъ плѣнныхъ, непріятель потерялъ очень много убитыми и ранеными въ послѣдніе два дня. Равномѣрно, по сказанію ихъ, весьма важна потеря, которую претерпѣлъ онъ, почти въ повседневныхъ дѣлахъ, съ 21 Апрѣля по 1 Мая.

Слова плѣнныхъ.

«Противу насъ командуютъ Макдональдъ и Вице-Король Италіанской. Войска имѣютъ они въ своемъ авангардѣ сорокъ тысячъ; да сверхъ того большія колонны вправо и влево.» —

Передовые караулы наши и отрядъ Графа Сентъ-Приеста предъ мѣстечкомъ Бишефсъ-Вердою; а въ четырехъ верстахъ за онымъ и весь небольшой арріергардъ нашъ расположенъ при деревнѣ Ротъ-Наустицъ.

2 МАЯ. ТАМЪ ЖЕ.

Здѣсь жители не такъ смѣлы, какъ въ Дрезденѣ; всѣ ушли въ горы. Села опустѣли. У насъ все покойно: непріятель сталъ воздержнѣе въ преслѣдованіи насъ и до сихъ поръ ничего еще не предпринимаетъ. Со времени выступленія нашего изъ Дрездена, въ цѣлые пять дней непріятель, не взирая на великое превосходство силъ его, не могъ отодвинуть насъ болѣе четырехъ здѣшнихъ миль или двадцати осьми нашихъ верстъ: слѣдственно мы уступали ему не болѣе пяти верстъ въ день.... При томъ, не смотря на повседневные сраженія съ 21 Апрѣля и по сіе время, арріергардъ имѣлъ самый малый уронъ въ людяхъ, и во множествѣ тѣсныхъ проходовъ по самымъ труднымъ путямъ не потерялъ ни одной повозки изъ своихъ обозовъ. По сему можешь судить, какъ искусно пользовался мѣстоположеніемъ, какъ храбро сражался и съ какою твердостью отражалъ всѣ усилія непріятели арріергардъ нашъ. Такой арріергардъ, доставляя всевозможныя выгоды, время и спокойствіе арміи, которую онъ отстаиваетъ грудью, приобретаетъ полную благодарность, и обращая на себя вниманіе даже самаго непріятели, по всей справедливости заслуживаетъ мѣсто въ воинскихъ лѣтописяхъ будущихъ временъ.

2 МАЯ. ТАМЪ ЖЕ.

Сей-часъ привезли Генералу Милорадовичу Высочайшій Рескриптъ, въ которомъ Его Императорское Величество за важныя услуги Отечеству Всемилостивѣйше жалуетъ его и съ будущимъ потомствомъ Графомъ Россійской Имперіи. Рескриптъ наполненъ лестнѣйшими выраженіями, какими только можетъ великодушнѣйшій изъ Монарховъ осчастливить вѣрнѣйшаго изъ подданныхъ. Одинъ Суворовъ получалъ такіе Рес-

крипты отъ Великой Екатерины въ блистательный вѣкъ Ея *.

И такъ Генералъ, отличенный знаменательными заслугами, получаетъ теперь новый блескъ съ новымъ достоинствомъ. Весь арріергардъ радовался этому, какъ собственному благополучію. Солдаты окружали *новаго Графа*, и кричали ему: ура!...

3 Маія, въ вечеру. Городъ Бауценъ.

Въ шесть часовъ по утру на передовой отрядъ нашъ учинено нападеніе. По упорной перестрѣлкѣ, непріятель сильными колоннами началъ обходить оба фланга его, имѣя однакожъ болѣе направленія на лѣвый. Передовой отрядъ, сходственно съ повелѣніемъ, уклонился къ выгодной позиціи арріергарда, гдѣ непріятель встрѣченъ перекрестными выстрѣлами всѣхъ нашихъ батарей, дѣйствіемъ которыхъ и остановленъ. Онъ опять-было устремился на лѣвый флангъ нашъ къ горамъ; но стремленіе его не имѣло никакого успѣха. Генералъ-Маіоръ Юзефовичъ, съ частію кавалеріи, ударилъ въ правый флангъ непріятеля столь счастливо, что тотчасъ опрокинулъ его. Такой же успѣхъ имѣли и на правомъ флангѣ кавалерійскія атаки Князя Трубецкаго и Генералъ-Маіора Лисаневича. Вообще вся кавалерія, подъ начальствомъ Генералъ-Адъютанта Уварова, показала въ сей день, какой великой вредъ можетъ претерпѣть непріятель отъ блистательной храбрости ея въ стремительныхъ, смѣлыхъ и удачныхъ нападеніяхъ. Харьковской и Каргопольской драгунскіе полки наиболѣе

* Рескриптъ сей, вмѣстѣ съ подробнымъ описаніемъ всѣхъ авангардныхъ и арріергардныхъ дѣлъ, напечатанъ будетъ въ особой книгѣ, подъ заглавіемъ: «Подробное описаніе дѣйствій аванъ и арріеръ-гарда арміи въ 1812 и 1813 годахъ.»—Тамъ объяснятся всѣ затруднительные случаи, въ которыхъ войска сіи находились, и какъ благоразуміе, мужество и военный глазомеръ начальствующаго ими доставляли имъ побѣды.

отличились. Истребленные колонны и много плѣнныхъ были плодами кавалерійскихъ атакъ. Извѣстный отлично своею службою Генераль-Маіоръ Еммануель, дѣйствуя въ сей день изъ-за горъ въ правый флангъ непріятеля, взялъ также пять сотъ плѣнныхъ, сверхъ коихъ много переколоно.—Получа новое подкрѣпленіе, непріятель съ большимъ стремленіемъ началъ развивать сильныя колонны свои вправо и влѣво, угрожая опять обойти наши фланги. Уступая превосходству силъ, но сражаясь однакожь за каждый шагъ земли, арріергардъ медленно отступалъ къ городу, предъ которымъ расположился на бивакахъ, заставивъ и непріятеля сдѣлать то же.—По словамъ плѣнныхъ, въ одномъ изъ ихъ пѣхотныхъ полковъ уронъ простирался до трехъ сотъ человѣкъ; вса же потеря непріятеля въ сей день достигала до четырехъ тысячъ. Съ нашей стороны уронъ не превышалъ двухъ сотъ пятидесяти человѣкъ. Вотъ выгоды оборонительнаго отступленія: уступая пространство, сохраняешь людей. — Смотри теперь на солдатъ нашихъ, отличающихся не одними минутными порывами храбрости, но постояннымъ мужествомъ, твердостію духа и безропотнымъ терпѣніемъ, не лзя не признаться, что война образуетъ войско.

Въ теченіи священной отечественной войны и настоящаго похода за границу, солдаты совершенно привыкли къ трудамъ и опасностямъ. Они бодры, терпя голодъ и нужду; въ самомъ пылу сраженія, подъ ядрами и гранатами наблюдаютъ совершенную стройность въ движеніяхъ, и отступая, увѣрены въ побѣдѣ. Всего важнѣе то, что солдаты наши вовсе перестали бояться Французовъ. Въ сраженіи 3 Маія Полковникъ Кернъ хотѣлъ было смѣнить цѣпь стрѣлковъ, бывшихъ уже нѣсколько часовъ въ дѣлѣ: «не смѣняйте насъ!»—кричали солдаты: мы еще можемъ стоять до вечера; пришлите только патроновъ!»—При многихъ атакахъ кавалеріи, пѣхота спѣшила бѣгомъ подкрѣплять ее и довершала истребленіе непріятельскихъ колоннъ штыками.

Штыкъ и сабля теперь въ совершенномъ согласіи. Сраженіе 3 Маія сдружило пѣхоту съ конницею. — Такимъ образомъ опытъ, примѣръ и внушенія храбрыхъ и благоразумныхъ начальниковъ дѣйствуютъ къ возвышенію духа и усовершенствованію солдатъ. — И послѣ этого можно уже понять, отъ чего горсть войска, составлявшая арріергардъ, могла быть столь страшною для непріятельской арміи. — Я забылъ тебѣ сказать, что главная армія наша давно уже стояла за Бауценомъ, отдыхала и укрѣплялась на высотахъ.

4 Маія, 5 часовъ по полудни.

И такъ мы опять въ Бауценѣ, въ томъ прекрасномъ Бауценѣ, гдѣ я имѣлъ такую покойную квартиру, такого ласковаго хозяина, который разговаривалъ со мною о тридцати-лѣтней войнѣ, о Гусситахъ.... Но вотъ выстрѣлъ!... Еще другой!... Пальба!—Видно непріятель наступаетъ. Бросаю перо и сажусь на лошадь. Прощай!—

Тамъ же—вечеромъ.

Непріятель сдѣлалъ только попытку, или, говоря военнымъ языкомъ, онъ сдѣлалъ *усильное обозрѣніе* лѣваго нашего крыла и середины. Колонны его подходили на пушечный выстрѣлъ къ городу, и нѣкоторыя батареи наши дѣйствовали по нихъ.

5 Маія. Бауценъ.

Чрезъ цѣлый день съ обѣихъ сторонъ все было покойно. Примѣчено только въ войскахъ непріятельскихъ безпрестанное движеніе. Колонны ихъ тянулись то вправо къ Каменцу, о чемъ извѣщалъ Партизанъ Давыдовъ, то на лѣвый нашъ флангъ къ горамъ. Съ нашей стороны занимались устроеніемъ батарей на правой сторонѣ города.

6 Маія.

Лишь только старая хозяйка наша принесла намъ кофе и хотѣла напѣвать, какъ раздался громъ пушекъ; окна въ домѣ затряслись, у доброй старушки задрожали руки, и кофейникъ выпалъ изъ нихъ. Между тѣмъ народъ суетился; конные взадъ и впередъ скакали по улицамъ; мы тотчасъ на лошадей и за Графомъ къ батареямъ. Но дѣло кончилось ничѣмъ; непріятель выглянулъ и опять скрылся за гору. Движеніе въ войскѣ его не прекращается; онъ затѣваетъ дѣло не на шутку. По вечерамъ видны большіе огни и слышны музыка и пѣсни. Сосѣди наши живутъ весело, только не слишкомъ сыто: по словамъ плѣнныхъ, они крайне нуждаются въ хлѣбѣ и фуражѣ. Разныя сборныя дружины въ войскѣ Наполеоновомъ крайне неохотно ходятъ въ дѣло. Многіе, какъ сказываютъ, сами себя ранятъ, чтобъ имѣть причину выйти изъ рядовъ. Кроаты уходятъ цѣлыми ротами.

7 Тамъ на подѣ вечеръ.

Въ четыре часа по полудни весь авангардъ нашъ сталъ въ ружье; нѣкоторыя батареи изрѣдка дѣйствовали, и стрѣлки заводили перепалку. Все сіе было сдѣлано для того только, чтобъ привлечь на насъ вниманіе непріятеля, и тѣмъ способствовать Генералу Барклаю де Толли поражать идущій на соединеніе къ своимъ корпусъ Лористона, далеко отъ насъ вправо. — Сегодня насладился я пріятнѣйшимъ зрѣлищемъ: въ первый разъ видѣлъ Короля, котораго народъ любитъ, какъ отца. Король Прусской еще не старъ, свѣжъ, бодръ и имѣетъ весьма пріятное лицо. Рядомъ съ нашими и своими Офицерами стоялъ онъ опершись на батарею и пристально смотрѣлъ въ трубу на движенія непріятеля, нимадо не заботясь о томъ, что ядра летали надъ самою головою его. — Вотъ

Государь, о которомъ, пройдя всю Южную Пруссію, нигдѣ, начиная отъ хижины и до палатъ, не слыжалъ я *худова слова!*... Вездѣ называютъ его добрымъ Государемъ, отцомъ или другомъ народа. Какъ плѣнительны въ Монархѣ кротость и благодѣтельность душевная! — Изчезнуть съ лица земли грозные Цари завоеватели! Они прейдутъ въ ничтожество, какъ призраки окровавленные!... Исторія оцѣняетъ дѣла Государей по пользамъ и счастью ихъ народовъ. Пройдетъ слава грозныхъ, какъ буря мимошумящая, а въ зеркалѣ потомства отзарится слава однихъ мудрыхъ и добрыхъ Государей.—

8. Рано по утру.

Среди непрерывной работы въ авангардѣ мы заросли-было бородами: сейчасъ цырюльникъ Нѣмецъ выбрилъ, остригъ и причесалъ насъ. Вдругъ слышимъ выстрѣлы!... Велимъ подавать лошадей. — И такъ мы сегодня ненарочно подражали великому Ксенофонту, который всегда щегольски одѣвался передъ сраженіемъ. Но можетъ быть дѣло кончится опять военнымъ обозрѣніемъ: пушечною пальбою!...

15 Маія, д. Зейхау.

Вотъ гдѣ ужъ отозвался я тебѣ! — Пять дней молчалъ: четыре дня были мы въ самыхъ жаркихъ сраженіяхъ. Адъ, со всѣми огненными бурями своими, свирѣпѣлъ около насъ. Голодъ, безсонье и усталость отнимали у меня способность мыслить, не только писать. Теперь мы въ тишинѣ, въ деревнѣ; я сижу подъ липами у свѣтлой воды, и могу писать. Какъ очутились мы здѣсь, о томъ рѣчь впереди, а теперь опишу по порядку то, что было. — Нѣтъ! не военное только обозрѣніе, не перепалка была 8 числа у Бауцена, но

самое жаркое, упорное сраженіе. Въ 9 часовъ утра множество колоннъ Французскихъ вдругъ изъ за-горы двинулись къ Бауцену; однѣ бросились штурмовать городъ, другія обходили его. Ядра и гранаты посыпались, какъ самый сильный градъ.

Графъ Милорадовичъ имѣлъ предписаніе отъ Главнокомандующаго, чтобы, не давая окружать себя въ городѣ, оставить оный и уклоняться къ твердой позиціи главной арміи, наводя на нее непріятеля. Такъ было сдѣлано предъ великимъ сраженіемъ Бородинскимъ. Наши и здѣсь вызывали Французовъ на общее или Генеральное сраженіе.—Вскорѣ непріятель, овладѣвъ одною высотой на правомъ флангѣ, выставилъ большое число орудій и началъ дѣйствовать вкось. Другія батареи открылись за городомъ, и выстрѣлы сдѣлались перекрестными, и не было мѣста, гдѣ бы не падали ядра, гдѣ бы не разрывало гранатъ. Я еще теперь не могу надивиться, какъ мы уцѣлѣли. Не смотря на все это, арріергардъ отступалъ медленно и въ обыкновенномъ порядкѣ.—Около половины дня Государь Императоръ самъ изволилъ выѣхать и стать на одномъ высокомъ холмѣ, чтобы быть очевиднымъ свидѣтелемъ сраженія. Между тѣмъ непріятель взвезъ пушки на одну высоту, которую мы ему только что уступили—и ядра начали доставать до того мѣста, гдѣ стоялъ Императоръ. — Уѣхалъ ли Государь?—спросилъ Графъ. Нѣтъ, отвѣчали ему, онъ стоитъ неподвижно подъ ядрами. Можно ль было допускать далѣе опасность?—«Впередъ!» закричалъ Графъ, и во всю прыть своей лошади поскакалъ къ самымъ переднимъ колоннамъ. Вскорѣ миновали мы картечный выстрѣлъ и очутились въ пуляхъ у стрѣлковъ; и Графъ сталъ на одной чертѣ опасности съ Прапорщикомъ. Но какое неописанное дѣйствіе производитъ присутствіе Генерала! Я видѣлъ артиллерійскихъ Офицеровъ, у которыхъ пыль и порохъ запеклись на лицахъ, которые едва стояли на ногахъ отъ усталости,

вдругъ оживотворившихся, какъ бы новою силою, и подвигавшихъ пушки свои впередъ. Я видѣлъ, какъ раненные возвращались назадъ и становились въ ряды; слышалъ, какъ кричали Офицеры и солдаты: «Графъ «велитъ идти впередъ; посмотрите, онъ самъ здѣсь!—Его «ли здѣсь мѣсто?» говорили многіе—и цѣли стрѣлковъ, одніе другихъ перегоняя, крича: ура! бѣжали впередъ, артиллерія подкрѣпляла ихъ. Въ эту минуту всеобщаго изступленія, можнобы было взять Бауценъ штурмомъ; но это совсѣмъ не нужно было. Графъ велѣлъ стрѣлкамъ остановиться. Съ длиннымъ султаномъ на шляпѣ, окруженный конвоемъ, долго разѣзжалъ онъ подъ страшнымъ дождемъ пуль и картечь, и сраженіе кончилось на одномъ мѣстѣ. «Стойте крѣпко!» кричалъ Графъ солдатамъ: «Государь на васъ смотритъ!»—Они стояли, и непріятель не могъ выиграть ни аршина земли.—Во все это время Государь Императоръ не оставлялъ прежней высоты. Когда начали падать ядра, онъ приказалъ *себѣ* удалиться, а самъ остался!—Народъ Русской! какъ содрогнулся сердца твои, когда ты узнаешь, что Государь, надежда твоя, столь великимъ опасностямъ подвергаетъ жизнь свою!—Усугуби моленія и жертвы твои во храмахъ Божіихъ: да сохранить десница Всевышняго неоцѣненные дни Отца народа, друга челоѣчества, освободителя царствъ!—Около третьяго или четвертаго часа по полудни непріятель приостановился, и сраженіе начало угасать..... Вспорхнулъ жаворонокъ, вылетѣлъ изъ дымнаго облака и запѣлъ прекрасную пѣснь свою въ высотѣ. За часъ на семъ мѣстѣ свистали пули. Въ сторонѣ, гдѣ стоялъ нашъ лагерь, выѣхалъ крестьянинъ обрабатывать поле. Бѣдный! думалъ я, обманутый мгновенною тишиною, ты не знаешь, что скоро опять загремятъ перуны, и пива твоя потонетъ въ крови!.... Французы въ цѣлодневномъ сраженіи обыкновенно приостанавливаются на часъ времени, чтобъ съ сугубымъ потомъ стремленіемъ возобновить напа-

деніе. Такъ затихаетъ огнедышущій вулканъ, готовясь поглотить цѣлую область!... — Къ вечеру большія колонны ихъ засыпѣлись у подошвы горъ на лѣвомъ нашемъ флангѣ. Намѣреніе непріятеля было овладѣть горами, съ высоты которыхъ онъ могъ бы стрѣлять вдоль главной нашей позиціи и сбивать цѣлые полки. Семилѣтняя война, Гохкирхенское сраженіе и сами собою горы сіи показывали, сколь онѣ важны. Тамъ поставленъ былъ небольшой корпусъ Принца Виртембергскаго. Не-непріятель потянулся къ горамъ, какъ грозная туча, съ силами ужасными, и Графъ Милорадовичъ долженъ былъ послать еще нѣсколько полковъ въ подкрѣпленіе нашимъ, растянувъ между тѣмъ по всѣмъ противуположающимъ холмамъ баталіоны пѣхоты и эскадроны конницы. Извѣстно, что издали каждый баталіонъ, стоящій на гребнѣ холма, можетъ показаться колоною — и это называютъ Французы: (*faire paroître les masses*) выдвинуть толпы, чтобъ показать, что у насъ много!... Часто мѣра сія останавливаетъ непріятеля въ дерзкихъ его намѣреніяхъ обходить фланги и проч. — Графъ Милорадовичъ, привыкшій сражаться съ Французами, не рѣдко поражаетъ ихъ — ихъ же оружіемъ. — Въ горахъ началось самое жаркое дѣло. Спустились сумерки, и мѣлкой огонь заблесталъ въ нихъ. Громъ то возвышался, то сходилъ внизъ по мѣрѣ, какъ непріятель занималъ высоты, или наши сбивали его. Наконецъ нашла мрачная ночь и стала между тѣмъ и другими. Сражающіеся, съ обѣихъ сторонъ, такъ близко одинъ отъ другихъ расположились на ночлегъ, или, лучше сказать, отъ усталости попадали на землю, что одна только темнота раздѣляла ихъ. — Графъ остановился на бивакѣ въ Дубенскомъ, храбраго Генерала Меленсина полку, которымъ на то время командовалъ Полковникъ Давыдовъ. Развели огни, и мы безъ силъ попадали около нихъ. Кусокъ хлѣба былъ тогда великою драгоценностію. — Привели *паникаго*. Графъ

велѣлъ мнѣ разспросить его, и этотъ Сержантъ 7-го линейнаго пѣхотнаго полка объявилъ, что въ горы послано вдругъ восемь большихъ колоннъ; что они въ потьмахъ стрѣляли по своимъ; что потеряли въ одномъ этомъ мѣстѣ до пяти тысячъ; и наконецъ, что Наполеонъ самъ провожалъ сіи колонны, разѣзжая на маленькой бѣлой лошади въ простой солдатской шинелѣ съ краснымъ воротникомъ. Этотъ же пѣхотный увѣрялъ, что они цѣлые восемь дней не имѣли хлѣба, (слова свои подтверждалъ онъ, съ жадностію пожравъ полусырые картофли, бывшіе у огня); онъ прибавилъ, что войска не хотѣли драться; что Наполеонъ, разпустивъ слухъ, что заключилъ перемиріе, вывелъ ихъ будто для общаго смотра, общалъ хлѣба и вдругъ, указавъ на Бауценъ, сказалъ: «возьмите его!»—

9 Мая было у насъ общее большое сраженіе, о которомъ подробное описаніе будешь ты читать въ газетахъ, и потомъ въ Журналѣ дѣйствійхъ большой арміи, когда оный будетъ сочиненъ. Я не разпространюсь даже и въ описаніи отличныхъ дѣйствій, покрывшаго себя въ сей день блистательнѣйшею славою, *лѣваго фланга*, которымъ командовалъ Графъ Милорадовичъ; ибо и объ этомъ будетъ особо напечатано. Но не могу вытерпѣть, чтобъ не заплатить дани удивленія неимовѣрной храбрости Графа Остермана, командовавшаго войсками въ горахъ. Генералъ сей, извѣстный своею неустрашимостію, превзошелъ самого себя въ сей день. Не выходя изъ опасности, забывъ о смерти, ни на шагъ отъ цѣпи стрѣлковъ, а часто даже опережая оную, онъ дорого продавалъ непріятелю каждую сажень земли. Будучи тяжело раненъ въ плечо, онъ не далъ даже порядочно перевязать себѣ раны и, съ пулею въ тѣлѣ, сражался еще три часа, пока его вывели полумертваго. Генералъ-Маіоръ Князь Сибирскій, находясь во все время при немъ, участвовалъ въ опасностяхъ сраженія и въ слѣвѣ побѣды.— Въ началѣ дѣла Графъ Милорадовичъ, объѣзжая полки,

говорилъ солдатамъ: помните, что вы сражаетесь въ день Святаго Николая! — Сей Угодникъ Божій всегда даровалъ Русскимъ победы, и теперь взираетъ на васъ съ Небесъ!.... Въ самомъ дѣлѣ лѣвый флангъ стоялъ съ необыкновенною твердостью. Дѣло, бывшее на семъ флангѣ, можетъ похвастаться *отрывкомъ Бородинскаго сраженія*. Флангъ сей, отразивъ всѣ усилія непріятеля, готовъ былъ самъ идти, опрокинуть его и разбить. Уже Графъ Милорадовичъ заготовлялъ большую колонну, которую самъ съ бывшими тутъ Генералами хотѣлъ вести прямо на городъ.... Непріятель съ своей стороны показывалъ великое искусство и точность въ дѣйствіяхъ. Многочисленные строи его сближались, раздѣлялись, или заходили одинъ за другой, какъ будто *движущіяся стѣны*.—Въ одномъ мѣстѣ толпы сгущались, въ другомъ рѣдѣли.... Казалось, что всемъ этимъ управляла какая-то невидимая рука, и двигала людьми какъ куклами. Въ самомъ же дѣлѣ все это производилось посредствомъ *ракетъ*. На центрѣ подымалась ракета; — на лѣвомъ флангѣ понимали ее, отвѣчали таковою же, и потомъ исполняли, что слѣдовало: приступъ, отступление и проч. Протяженіе цѣлаго строя было, по крайней мѣрѣ, верстъ на десять: слѣдственно сношеніе посредствомъ Адъютантовъ было бы слишкомъ медлительно. Но *ракеты* служили тутъ *воздушными маяками*.—Надобно признаться, что Французы большіе мастера драться въ общемъ сраженіи, однакожъ Веллингтонъ и Кутузовъ изобрѣли другаго рода тактику, противъ которой они устоять не могутъ. — Теперь не рѣдко малая война побиваетъ большую.—На учебныхъ маневрахъ только можно видѣть такое стройное отступление, какое совершили войска наши въ бѣлый день, въ глазахъ непріятеля. Такъ уклоняется левъ отъ толпы охотниковъ.

Графу Милорадовичу опять поручено было остаться въ арріергардѣ и прикрывать отступление армій.—

Колонны наши пошли боковою дорогою на Лебау, чтобъ выйти потомъ у Рейхенъ-Баха на большую Герлицкую дорогу. Мы проходили Гохъ-Кирхенъ, и достопамятное 1758 года сраженіе живо представилось воображенію нашему. — Другія колонны шли большою дорогою, которая прямѣе: ихъ прикрывалъ извѣстный Генералъ Раевской съ гренадерами.

Къ ночи непріятель совсѣмъ остановился; мы отъ него далеко ушли. — Графъ Милорадовичъ уѣхалъ къ Государю, который вблизи оттуда находится изволилъ. Французы зажгли свои биваки и окрестныя деревни. Все небо обложилось багрянцомъ. Пѣхота наша медленно тянулась; мы могли нагнать еѣ во всякое время; голодъ мучилъ насъ; недалеко въ сторонѣ показался нераззоренный господской домъ, и мы въ четверомъ рѣшились заѣхать туда попросить куска хлѣба. — По счастью, хозяинъ, добрый Саксонецъ, имѣлъ еще кое-что болѣе. Онъ далъ намъ бутылку вина и миску картофельнаго супу. Надобно не бѣть два дни, чтобъ почувствовать, въ какой цѣнѣ приняли мы этотъ даръ. Бѣдныя лошади наши приводили насъ также въ жалость: двое сутокъ онѣ ничего не ѣли, кромѣ гнилой соломы съ старыхъ шалашей, и двое сутокъ, день и ночь, были въ бѣдѣ. Сострадательный хозяинъ вынесъ и имъ охапку сѣна; мы остались на часъ покормить. Между тѣмъ усталость наша такъ была велика, что всякой какъ будто отъ какого волшебнаго прикосновенія, кто гдѣ сидѣлъ, такъ и уснулъ. Различныя смѣшанныя сновидѣнія: кровь, огонь, громъ пушекъ и поля сраженій представлялись встревоженному воображенію моему. Вдругъ раздался трескъ; необыкновенный свѣтъ блеснулъ въ глаза—я я проснулся. Вышедъ на крыльцо, я увидѣлъ, что ближайшая деревня загорѣлась, и по всѣмъ окрестностямъ Бауцена пламя разливалось, какъ море!... Народъ, выбѣжавъ изъ домовъ, стоялъ толпами. Мужчины съ пожитками, матери съ грудными

дѣтми на рукахъ, старцы, бѣляющіе въ сѣдинахъ, и кучи малыхъ дѣтей, въ какомъ-то ужасномъ оцѣпенѣніи, безъ воплей и безъ слезъ, смотрѣли на сгорающую землю и раскаленное небо. — Глубокая ночь, повсемѣстный пожаръ, войска, проходящія мимо, какъ тѣни, и длинный рядъ блестящихъ вдали штыковъ, представляли какую-то смѣшанную картину ужасовъ.

Я пошелъ опять въ домъ разбудить товарищей, чтобъ ѣхать; заглянулъ нечаянно въ боковую комнату, и оцѣпенѣлъ отъ удивленія!... Прекрасная, очень молодая дѣвушка, сидя на стулѣ и положила обѣ руки и голову на столъ, спала самымъ пріятнымъ сномъ. Русые волосы, рассыпанные по плечамъ, не закрывали бѣлой груди, которая тихимъ колебаніемъ показывала, что сонъ ея былъ покоенъ, какъ сонъ невинности. Щеки алѣли; на губахъ порхала *улыбка*. — Среди ужаснаго пожара цѣлой области, въ виду тающихъ окрестностей, *невинность* спитъ покойнымъ сномъ, и въ минуты всеобщаго разрушенія *чистая совесть* забавляетъ ее веселыми мечтами!... Бѣдное дитя! думалъ я, ты спишь на краю пропасти, не имѣя понятія объ опасности. Невинной, кроткой агнецъ! убѣгай скорѣй отсюда!... Скоро, скоро ворвутся алчные волки — и жизнь твоя угаснетъ!...

Въ это время трескъ пожара раздался еще сильнѣе; нѣсколько домовъ вдругъ рухнули — и уничтожились!..... Старая женщина, испугавшись, выбѣжала изъ другой комнаты; молодая красавица проснулась. — Тутъ увидѣлъ я ея прелестные голубые глаза; слезы сверкнули на нихъ. — Раздался голосъ тихой и пріятной; я услышалъ: — «Боже! какъ пылаетъ отечество наше!» Такъ говорила молодая дѣвушка старухѣ, продолжая: «чѣмъ виновны бѣдные *Саксонцы*, что *Король* ихъ спалъ въ заблужденіе? — Министры, Министры совратили его съ пути истинны!... О, Король нашъ! несчастной Король! для чего мирное и долготѣнее царствованіе твое оканчивается такими ужасами?...

Для чего омочилъ ты сѣдые волосы свои слезами и кровію твоего народа?.... (Warum hast du deine graue Haaren mit Thränen und Blute deines Volkes benetzt?....) Вотъ собственные слова дѣвушки. Они и теперь отзываются въ ушахъ моихъ. Можешь судить, въ какое удивленіе пришелъ я отъ нихъ тогда. До сихъ поръ меня не видали. Но тутъ не вытерпѣлъ я, вошелъ и спросилъ старуху: кто *эта* молодая дѣвушка, которая съ такимъ очаровательнымъ умомъ и краснорѣчіемъ говорила о судьбѣ своего отечества? — «Это бѣдная сиротка, живущая здѣсь въ домѣ и трудами рукъ своихъ получающая себѣ пропитаніе», — отвѣчала старуха. Лице молодой дѣвушки блилось румянцемъ скромности. Сколько вамъ лѣтъ? — спросилъ я. *Четырнадцать*, отвѣчала она. — Судя же, другъ мой! о воспитаніи прекраснаго пола въ Саксоніи, когда четырнадцати-лѣтняя бѣдная Саксонка умѣетъ говорить съ такимъ плѣнительнымъ благоразуміемъ. — Между тѣмъ товарищи мои проснулись. Мы совѣтовали женщинамъ уйти скорѣе въ горы: онѣ хотѣли убраться туда на зарѣ. — Потомъ распростлился съ хозяиномъ, и подъ блескомъ заревъ, пробираясь между лѣсистыми горами, достигли *гололы* передовой колонны нашей.

10 МАІА.

Хотя, по распоряженію Главнокомандующаго, Графу Милорадовичу и можно было оставаться въ Лебау до половины дня и соединиться съ Раевскимъ у Рейхенъ-Баха около вечера; но Графъ, разсмотрѣвъ внимательнѣе карту, и поговоривъ съ жителями, почувствовалъ, что непріятель, а особливо такой, какъ Французы, можетъ прервать навѣрное сообщеніе его съ большою дорогою и отрѣзать его отъ нее. Посему, не теряя времени, повелъ войска, привыкшія не знать съ нимъ усталости. Путь отъ мѣста сраженія при Бауценѣ на Лебау почти вдвое далѣе прямой дороги, оттуда же черезъ Вюршентъ въ Рейхенъ-Бахъ.

Счастливое соображеніе Графа было спасительно для арріергарда и корпуса Раевского; непріятель точно покусился раздѣлить ихъ и отрѣзать. Наполеонъ, какъ говорятъ плѣнные, взбѣшенъ будучи столь малымъ успѣхомъ великаго Бауценскаго сраженія, укорялъ Маршаловъ, для чего не взяли они у насъ ни одного даже значка, ни одной пушки, и въ горячности сказалъ имъ: «я вамъ покажу, какъ бить Русскихъ и отнимать у нихъ трофеи!»—сказалъ и повелъ самъ отборныя войска. Гвардейская кавалерія его, вовсе не участвовавшая во вчерашнемъ дѣлѣ, пущена была впередъ. Перестрѣлка началась съ разсвѣтомъ. Генераль Раевскій отражалъ по возможности превосходныя силы непріятеля; но будучи сильно утѣсненъ при Вейсенъ-Бергѣ, ускорилъ нѣсколько отступленіе свое, и потому не могъ уже быть на *одной высотѣ* съ Графомъ Милорадовичемъ. Но сей между тѣмъ, сблизясь къ пункту соединенія, удалялся отъ опасности быть отрѣзаннымъ. Ничего не зная, что дѣлается съ Раевскимъ, арріергардъ нашъ, состоявшій изъ корпуса Принца Виртембергскаго и кавалеріи Князя Трубецкаго, пришелъ къ Рейхенъ-Баху около полудня, и началъ располагаться на отдыхъ въ глубокой долинѣ, отъ которой высота горы заслоняла большую дорогу. вмѣстѣ съ нѣкоторыми изъ нашихъ Адыютантовъ, взбѣхалъ я на гору, чтобъ взглянуть на городъ и дорогу—и какъ удивились мы, увидя такъ рано корпусъ Раевского уже подлѣ насъ! Все показывало какое-то смятеніе. Войска поспѣшно проходили. Храбрый Полковникъ Крпштафовичъ, (*) покрытый потомъ и пылью, ведя свой Екатеринославской полкъ, остановился и рассказалъ намъ, что они несутъ непріятеля на плечахъ; что Генераль Раевской, со всею храбростію и благоразуміемъ своимъ, едва могъ избѣ-

(*) Онъ теперь произведенъ въ Генераль-Маіоры за сраженіе при Кульмѣ, гдѣ былъ раненъ двумя пулями въ руку.

гнуть, чтобъ не быть окруженнымъ. А это что за кавалерія скачетъ по долинамъ? «Это Французы!» говорилъ онъ: «они нѣсколько разъ уже старались перерѣзать намъ дорогу.»—Наполеонъ послалъ эту кавалерію съ повелѣніемъ втѣсниться между двухъ дорогъ и, укрываясь подъ закрытіемъ лѣсистыхъ горъ, обратиться къ самому Рейхентъ-Баху, чтобъ захватить его прежде насъ. — Намѣреніе было хитро и дерзко, но неудачно!—Графъ Милорадовичъ, свѣдавъ о прибытіи Раевского, даетъ ему знать о себѣ—и въ минуту дѣлаетъ распоряженіе. Кавалерійскіе полки наши, расположившіеся для отдыха, поспѣшно садятся на лошадей, кричатъ ура! скачутъ впередъ и опрокидываютъ непріятеля, который увидѣлъ тогда, что и самъ попалъ въ западню!—Войска становятся въ ружье. Всю пѣхоту взводятъ на высоты; на выгоднѣйшихъ изъ нихъ ставятъ батареи. Непріятель остановился въ самомъ жару своего стремленія. Городъ Рейхентъ-Бахъ вовсе неудобенъ къ защищенію. Всѣ войска переведены за оный на лучшія высоты. Корпусъ гренадеръ поставленъ въ резервъ.

Солнце было еще высоко. Непріятель, безпрестанно показываясь въ новыхъ силахъ, тянулъ съ лѣва пѣхоту свою по лѣсамъ, а кавалерію велъ съ права по долинамъ. — По тѣмъ обстоятельствамъ ожидали великаго дѣла, и въ ожиданіи не ошиблись. Оно началось сильнымъ съ обѣихъ сторонъ дѣйствіемъ батарей.—Непріятель, сосредоточивая орудія, ставилъ по сороку и болѣе пушекъ вмѣстѣ. Бомбы вредили даже резервамъ нашимъ; гранаты и ядра осыпали высоты. Арріергардъ, упорно сражаясь, мало по малу отступалъ, занимая каждую высоту, и на каждомъ мѣстѣ выдерживая жаркой бой. По словамъ плѣнныхъ, три сильныхъ корпуса, при личномъ присутствіи самого Наполеона, дрались въ сей день противъ насъ. Но невзирая на стремительное наступленіе свѣжихъ войскъ, на жестокой огонь многочисленной артиллеріи, на

быстрое движеніе колоннъ, безпрестанно обходявшихъ наши фланги, арріергардъ выдержалъ весь натискъ и остановилъ непріятеля въ шести верстахъ отъ Герлица, вопреки всѣмъ усиліямъ его, чтобъ занять этотъ городъ. Въ пылу самаго жаркаго боя, Наполеонъ, раздраженный неуступчивостію нашихъ войскъ, спросилъ съ сердцемъ у своихъ: «кто командуетъ Русскимъ арріергардомъ?» — «Генералъ Графъ Милорадовичъ!» отвѣчали ему. Онъ вахмурился и началъ доказывать Маршаламъ, что насъ можно было отрѣзать. Но въ сіе самое время ядро, пущенное съ батареи нашей, коснулось Маршала Мармонта, вырвало животъ Герцогу Фріульскому (Дюроку) и зашибло до смерти одного дивизіоннаго Генерала. Такъ рассказывали плѣнные, и то самое подтвердилъ послѣ Французской бюллетень. — Съ нашей стороны раненъ храбрый Генералъ Князь Сибирской. Въ сей достопамятный день конница наша покрылась ранами и славою. Многіе отличившіеся Офицеры, въ виду всѣхъ, велили отряды свои въ атаку. Ротмистръ Орловъ, съ эскадронами разныхъ полковъ, нѣсколько разъ дѣлалъ смѣлыя нападенія, рубился съ Французскими Офицерами и получилъ тяжелыя раны. Другой братъ его лишился ноги въ битвѣ Бородинской. Третій братъ ихъ — извѣстной партизанъ; а четвертой, Адыютантъ Его Императорскаго Высочества Константина Павловича, находился съ нами при Графѣ во всѣхъ арріергардныхъ дѣлахъ. Всѣ эти Орловы, съ прекраснымъ воспитаніемъ и дарованіями, поддерживаютъ славу имени своего. — Большое число лошадей досталось побѣдителямъ, пространное поле *сраженія* покрыто трупами и два эскадрона лучшихъ Гвардейскихъ гусаръ, въ богатыхъ красныхъ мундирахъ, взяты въ плѣнъ. — Сегоднешнее сраженіе, начавшееся въ 6 часовъ утра, продолжалось, почти безпрерывно, до 10 вечера: слѣдственно 16 часовъ! — Всѣ мы третьяго дня, вчера и сегодня были въ огнѣ, не сходя съ лошадей, всякой день слишкомъ по 12 часовъ!...

Поздно уже замолкло сраженіе. Съ наступленіемъ ночи полилъ сильный дождь, и мы пріѣхали въ Герлицъ. Я зашелъ съ товарищами къ прежнему хозяину, который съ такою же добротою, какъ и прежде, принялъ насъ къ себѣ. Съ нами сталъ вмѣстѣ Денисъ Васильевичъ Давыдовъ и читалъ намъ свои стихи. Пріятные звуки лиры его заставили всѣхъ, забывъ усталость и шумъ сраженій, плѣняться ею.

Между тѣмъ, для избѣжанія тѣсноты по узкой дорогѣ и въ улицахъ города, Графъ Милорадовичъ приказалъ войскамъ тихо сняться и перейти на ту сторону города и рѣки Нейса. Впереди оставлены одни только отводные караулы и Генераль Корфъ съ легкою кавальеріею.

11 Мая.

Съ первымъ лучемъ свѣта выбрались мы изъ Герлица. Съ нами ѣхалъ Полковникъ Давыдовъ, и показывалъ намъ подробную топографическую карту тѣхъ мѣстъ. На ней означены были всѣ поля сраженій 7-лѣтней войны. Мы отыскивали, и нашли близъ Герлица ту продолговатую гору, на которой дрался Генераль Винтерфельдъ. Путешественники отыскиваютъ слѣды древнихъ зданій и городовъ. Умный и чувствительный Морницъ искалъ въ Италіи мѣста жилищъ Горація, Цицерона и Виргилія; а мы отыскиваемъ мѣста, гдѣ лилась кровь!... Всѣ почти поля сраженій означаются на военныхъ и историческихъ картахъ двумя накрестъ положенными шпагами. Скоро, кажется, вся карта Германіи испестрится такими знаками; ибо нѣтъ почти мѣста, гдѣ бы въ пей не дрались. При одномъ Ландсгутѣ, гдѣ такъ славно защищался несчастный Финкъ, стоятъ три знака сраженій; тамъ дрались: въ 1745, въ 1757 и 1760 годахъ. Сколько крови усырало тамошнюю землю!... Германія есть классическая земля военныхъ дѣйствій, такъ какъ Италія

земля древностей. Читая творения слазнаго Жюмани и смотря на тѣ мѣста, которыя мы теперь проходимъ, можно живо воображать семи-лѣтнюю войну—училище военныхъ людей.

Непріятель сегодня сталъ наступать очень рано, но не съ тѣмъ уже жаромъ, какъ наканунѣ. Передовые посты, подкрѣпленные артиллерією, достаточны были къ удержанію его. Около перваго часа, колонны Французскія стали обходить городъ вправо и занимать оный; но Генераль Графъ Милорадовичъ успѣлъ уже въ сіе время передвинуть войска, фланговымъ маршемъ, съ Бунцлавской на Лаубанскую дорогу. Защищеніе большой Бунцлавской дороги предоставлено Прусскимъ войскамъ. Они должны идти: на Бунцлау, Гайнау, Лигницъ, Тауеръ и Стригау; а Россійскія войска слѣдовали кратчайшею, параллельною сей дорогою чрезъ Лаубанъ, Левентъ-Бергъ, Гольдъ-Бергъ—и далѣе. Цѣлю всеобщаго движенія и точкою соединенія армій есть извѣстная раззоренная Французами крѣпость—Швейдницъ.

12 Дрались мы еще въ послѣдній разъ у Лаубана; а оттуда Графъ Милорадовичъ, у котораго глаза совсемъ опухли отъ трудовъ и безсонницы, поѣхалъ въ Главную Квартирѹ, гдѣ Государь Императоръ весьма милостиво приглашалъ его провести нѣсколько дней въ покой. Начальство надъ арріергардомъ принялъ отличныи воинскими дарованіями своими, Графъ Паленъ. —И вотъ какимъ образомъ послѣ 20-дневнаго пребыванія подъ ядрами очутились мы при Главной Квартирѣ, гдѣ все покойно и гдѣ бури передовыхъ битвъ слышны только издалека. Не могу описать тебѣ, какъ пріятна была та ночь, въ которую я могъ скинуть мундиръ и надѣяться, что никакая тревога не прерветъ уже сна!...

Свистъ полевыхъ птицъ послѣ свиста пуль казался райскимъ пѣніемъ. Не мудрено было заболѣть и Графу! Онъ каждыя сутки перемѣнялъ по 6 лошадей, и каж-

дѣя доходила подъ нимъ до крайней усталости. Одинъ онъ, казалось, не уставалъ.

Не правда ли, что у васъ роскошные господа и на охоту не ѣздятъ по двадцати сутокъ сряду; а мы слишкомъ двадцать сутокъ провели въ сраженіяхъ!!... Но малѣйшій отдыхъ заставляетъ забыть величайшіе труды! Теперь, какъ я тебѣ сказалъ уже въ началѣ, сижу я подъ цвѣтущими липами у свѣтлаго ручья, и вынувъ изъ кармана цѣлую Германію (*), вспоминаю по ней о прошлыхъ тягостяхъ и опасностяхъ, какъ Улиссъ о своемъ странствіи по морямъ.—Наконецъ и военное перо мое, при всей грубости своей, иступилось. Прощай! и не пѣнай на слогъ: право нѣкогда повторять Риторики и правилъ.

Рейхенъ-Базъ. Мая 25, дни перемирія.

Перемиріе утверждено. Всякой спѣшитъ отдыхать послѣ неописанныхъ трудовъ сей войны. Графъ уѣхалъ въ Теплицъ. Государь пожаловалъ ему на дорогу 1000 червонныхъ. Начальникъ Штаба Полковникъ Спиггинъ отправляется туда же. Наши все, кто куда,—кто въ Альтъ-Вассеръ, кто въ Ландекъ; иные въ окрестныя деревни дышать свѣжимъ воздухомъ и любоваться картинными видами горъ.

Я сижу въ тѣсномъ Рейхенъ-Бахѣ и роюсь въ пыльных бумагахъ. Мнѣ поручено составить описаніе дѣйствій авангардныхъ и арріергардныхъ войскъ въ прошедшей и нынѣшней войнѣ.—Проводя дни въ безпрерывныхъ трудахъ, хожу и я по вечерамъ за городъ восхищаться величественною природою. Спѣшу также пользоваться близкимъ сосѣдствомъ, въ которомъ теперь случай помѣстилъ на время людей различныхъ чинами, состояніемъ, дарованіями и свой-

(*) Это значитъ карта Германіи, напечатанная на платкѣ, которую можно носить въ карманѣ и мыть.

ствами. Мы все здѣсь—одинъ подлѣ другаго.—Нерѣдко бываю у почтеннаго Егора Борисовича Фукса, и бесѣдуя съ нимъ, живо воображаю величайшаго изъ Героевъ. Вижу Суворова на высотахъ Альпійскихъ, въ борьбѣ съ бурными стихіями, съ врагами Отечества и съ страстями собственныхъ враговъ своихъ.—Видаюсь съ землякомъ нашимъ А. В. Энг. л. г. р. т. м. — Я почитаю этого челоѣка за то, что онъ, имѣя все средства покониться на розахъ, и пріобрѣтя полное на то право съ лишеніемъ одной ноги, продолжаетъ однакожъ служить неутомимо и ревностно.—Но чаще всего дѣлю уединеніе мое съ челоѣкомъ, котораго пріязнь, къ неопisanному удовольствію моему, недавно только пріобрѣлъ. Я уже писалъ тебѣ о немъ. Ты легко угадаешь, что я хочу сказать объ Александрѣ Ивановичѣ Данилевскомъ. Въ такихъ молодыхъ лѣтахъ, какъ онъ, не лзя соединять вмѣстѣ болѣе ума, оытности, учености и любезности.

Онъ разумѣетъ почти все Европейскіе языки и почти всю Европу объѣхалъ съ замѣчаніемъ. Но чаще всего говоримъ мы съ нимъ объ Италіи. И все то, что изображала кисть Розы-Тиволи, перо блестящаго Дюпати и славнаго Морица, нахожу я въ живописныхъ и умныхъ его разсказахъ. Кажется, полетѣлъ бы знакомиться съ Италіянскою природою въ цвѣтущихъ садахъ ея долинъ, на берегахъ величественныхъ озеръ и на хребтахъ поднебесныхъ горъ ея. Съ какимъ восторгомъ обозрѣлъ бы я древнія области, прославленныя Историками и Стихотворцами!... Но мнѣ ль, рыцарю пустова кошелька, мечтать о семъ! Гдѣ способы, гдѣ средства? — Недаромъ нѣкоторые живописцы изображаютъ *бѣдность* въ видѣ крылатаго челоѣка съ гири на ногахъ!—Вмѣстѣ съ Александромъ Ивановичемъ Данилевскимъ живутъ Щ. р. б. н. н., служащіе при Генералѣ К. Ѳ. Толѣ. Это умные, любезные молодые люди. Здѣсь нашлись и кадеты, наши милые, добрые товарищи и прекрасные Офи-

церы: почтенный Алек. Григ. Краснокутскій, исправляющій важную должность при Графѣ М. И. Платовѣ; Н. В. Сазоновъ, братья Г.бб. и проч.... и проч....— Съ нетерпѣніемъ ожидаю сюда прибытія Д. И. Ахшарумова; его дружба еще болѣе украситъ мое уединеніе.—Покамѣстъ прощай! не пѣнай на нескладный слогъ.

Маія 30. Городъ Нимчъ.

Я былъ сегодня на прощальномъ обѣдѣ и прощаюсь съ почтеннымъ человѣкомъ. Генералъ Фуксъ отъѣзжаетъ въ Санктпетербургъ. Чиновники, служившіе подъ начальствомъ его, осыпанные его ласками и получившіе чрезъ посредство его знаки отличій, смолвились сердцами провожать отъѣзжающаго нѣсколько миль и угостить его на дорогѣ обѣдомъ. Что можетъ быть пріятнѣе, какъ видѣть начальника, пріемлющаго дань сердечной благодарности отъ подчиненныхъ своихъ (*)? По приглашенію добрыхъ пріятелей, я былъ свидѣтелемъ сегодня такого зрѣлища. Я видѣлъ слезы благодѣтеля и облагодѣтельствованныхъ: слезы удовольствія и благодарности. Счастливъ тотъ начальникъ, который при отъѣздѣ своемъ не видитъ ни длинныхъ лицъ, ни нахмуренныхъ бровей: его слугникъ — благословеніе осчастливленныхъ имъ! — Но много ль найдется такихъ?—Распростиаясь съ почтеннымъ Егоромъ Борисовичемъ, я уговорился съ дружиною взобраться на Цобтенъ, котораго вершина, вонъ тамъ, чуть чуть не касается облаковъ.

Побуду тамъ и опишу тебѣ гору эту.

(*) Эти подчиненные, любезные молодые люди: Инк. Фед. Смирновъ, и Ад. Фе. Жур-и.

Ц О Б Т Е Н Ь.

Угадай, откуда, съ какова мѣста Прусской Силезіи, вижу я необозримую долину до самаго Бреславля и за Бреславль, къ Одеру и за Одеръ.—Вижу тысячи деревень, множество городовъ, крѣпостей, мѣстечекъ, башенъ, церквей и палатъ. — Вижу величественный Одеръ и свѣтлую Нейсе. Въ отдаленной картинѣ вижу Варту, Глацъ и горы, межующія Силезію отъ Моравіи. Съ другой стороны, къ Западу, вижу волнистую цѣпь возвышеній, начинающуюся холмами, которые, становясь выше и выше, достигаютъ наконецъ степени высочайшихъ, называемыхъ Исполниами горъ. Самая отдаленная и высоко за облака унесшая верхъ свой, есть снѣжная гора.—Догадываешься ли, что я стою на Цобте. Такъ, Цобтенъ есть одна изъ высочайшихъ горъ, между Бреславлемъ, Швейдницемъ и Рейхенбахомъ.—Въ нѣсколькихъ словахъ расскажу тебѣ нашу поѣздку на сію гору. Мы поѣхали изъ Нимча, чрезъ Иордансъ-Мюле, въ маленькой бѣдной городокъ Цобтъ, гдѣ обыкновенно путешественники берутъ проводниковъ. Тотъ, котораго мы взяли, повелъ насъ самую отлогою и покойнѣйшею дорогою, по которой совершаются крестные ходы два раза въ годъ. Вся эта дорога раздѣлена на 12 притинъ. Въ нихъ разставлены иконы, страсти Христовы изображающія. Каждый изъ богомольцевъ передъ каждою изъ сихъ иконъ становится на колѣна, читаетъ три раза *Отче нашъ*, и потомъ уже идетъ далѣе. Французы, въ бытность свою въ сихъ мѣстахъ, поступали совсѣмъ иначе: они били камнями и стрѣляли изъ ружей въ эти образа. Большая часть изъ нихъ и теперь еще стоятъ разстрѣлянными, доказывая нечестіе враговъ вѣры и возбуждая противу нихъ справедливое негодованіе въ набожномъ народѣ.—Впрочемъ, всходя на Цобтенъ, не лзя не отдохнуть по крайней мѣрѣ 12 разъ. Въ продолженіи пути, проводникъ рассказываетъ исторіи, или, лучше сказать, басни о сей горѣ. Но всего

лучше во время роздыха любоваться видами. Посмотришь къ Бреславлѣ—онъ весь какъ на ладони; смотришь на Швейдницъ—и восхищаешься разнообразіемъ его окрестностей; взглянешь на Исполинскія горы—и содрогаешься предъ величествомъ дикой природы. Три горы: Штульбергъ, Мительбергъ и Энгельбергъ кажутся снизу равны Цобтену; а съ нее представляются ничтожными холмиками.—Жаль очень, что во всѣхъ мѣстахъ сплетеніе деревь не позволяетъ наслаждаться прелестными картинами природы. Надобно, чтобы вкусъ, вооруженный сѣкирою, прошелъ по Цобтену и открылъ лучшіе виды.—Во многихъ мѣстахъ густота деревь окружаетъ васъ темнотою ночи: вы идете ощупью, и вдругъ нечаянно вправо, или влево, сквозь раздвинутыя вѣтви видите океанъ сине-лазуреваго свѣта! Взойдя на верхъ, мы подумали, что уже достигли неба. Великое пространство земли, подобно обширной картинѣ, съ рѣками, ручьями, озерами, лѣсами, городами и селами распахнулось предъ нами. — Какъ все кажется мало, когда смотришь съ высоты! Замки казались — хищниками; палаты — карточными домиками; а люди — муравьями! И самой Рейхенбахъ казался тогда точкою!... Мы видѣли Гольдбергъ, Неймаркъ, Лигницъ, Яуеръ и прочіе за *Демаркаціонною линіею* Французами занимаемые города. Но Французовъ не видать было, ни ихъ Генераловъ, ни ихъ Фельдмаршаловъ, ни всѣхъ ихъ великихъ людей! Цобтенъ не превышаетъ еще облаковъ, а люди уже такъ малы съ него кажутся! Каковы же должны они казаться жителямъ неба?... Эти бурныя движенія народовъ, ихъ ссоры, кровопролитныя брани; это бореиіе вооруженныхъ страстей не должно ли казаться небожителямъ движеніемъ, подобнымъ тому, которое мы видимъ въ муравейникѣ или столпѣ комаровъ?... Чтожъ послѣ этого весь громъ подлунной славы, всѣ великія дѣла тѣхъ, которые прочутъ себя только для здѣшняго

міра; что самъ Наполеонъ!... Теперь вѣрю, что жители
высокихъ горъ должны имѣть мысли и понятія возвы-
шеннѣе.—Пустынникъ на вершинѣ Цобта легко мо-
жетъ позабыть все земное. Страсти бушуютъ у ногъ
его. Спокойствіе сіяетъ надъ нимъ въ лазури не-
бесъ.—Чтобъ быть счастливымъ, должно воображать,
что стоишь на Цобтенѣ, и видѣть вещи таковыми,
какъ онѣ съ высоты его кажутся. Тогда ни знатность,
ни величіе, ни блескъ украшеній, не возбуждаютъ въ
сердцѣ твоёмъ бури, называемой завистью. Ты бу-
дешь доволенъ внутреннимъ чувствомъ, что разгадалъ
загадку земнаго величія мечтаній, надеждъ и счастья
людскаго. Чтобъ наслаждаться чистымъ воздухомъ,
должно всходить на высокія горы; чтобъ вырваться
изъ вреднаго тумана страстей, предразсудковъ и
заблужденій, должно привыкнутьъ возвышаться духомъ.
—Стоя на Цобтѣ, невольно предаешься мечтаніямъ о
древнихъ переворотахъ міра. Сіи необозримыя до-
лины, которыя по справедливости можно назвать
сухими морями, напоминаютъ о томъ мрачномъ пе-
ріодѣ времени, когда большая часть Германіи была—
моремъ, и Цобтенъ, сохранившій и понынѣ наимено-
ваніе *великой скалы*, можетъ быть плавать въ пучи-
нахъ. Гдѣ слышенъ былъ вѣчный свистъ вихрей—
тамъ раздается теперь пѣніе птицъ; гдѣ свирѣпство-
вали бурныя волны—тамъ пасутся стада!—Вотъ какъ
все измѣняется! — Тацитъ представляетъ намъ Гер-
манію покрытою дремучими лѣсами и болотами; а
нынѣшняго времени Историкъ назоветъ ее цвѣтущимъ
садомъ—но увы! орошеннымъ кровію! — Что сказать
историческаго о Цобтѣ? — Въ XII столѣтіи, нѣкто
Датчанинъ Петръ Пфластъ получилъ гору сію въ
подарокъ отъ Герцога Бреславскаго, построилъ на
ней замокъ и жилъ съ своею женою. По видимому,
былъ онъ великой любитель природы и картинныхъ
видовъ. Послѣ смерти замокъ его достался монахамъ,
которые, не стерпя зимней стужи, переселились къ

подошвъ горы въ селеніе Гуркау. Замокъ опустѣлъ. Хищные рыцари засѣли въ немъ и производили долгое время набѣги на окрестности, пока наконецъ Бреславскіе и Швейдницкіе жители, соединясь вмѣстѣ, осадили гору, взяли замокъ приступомъ и превратили его въ развалины.—Теперь едва едва примѣтны слѣды сихъ развалинъ.—За 200 предъ симъ лѣтъ, одинъ Аббатъ поставилъ на самой высотѣ церковь, которая и теперь существуетъ, не смотря на то, что высота Цобта достойна быть украшена гораздо красивѣйшимъ зданіемъ.—Но вершину сію украшаютъ облака, вокругъ нее ходяція, и зарницы съ молніями, въ нихъ играющія.—Въ древнѣйшія времена на Цобтѣ былъ языческій храмъ и гора сія называлась тогда Суботка.—Въ 1335 году, Польша уступила Силезію Королямъ Богеміи. Отъ нихъ вмѣстѣ съ ихъ собственною землею перешла она къ Австрійцамъ; а отъ сихъ послѣднихъ досталась Фридриху, и была причиною семилѣтней войны.—Вотъ все историческое, что только было мнѣ извѣстно.—По мѣрѣ, какъ мы сходили внизъ, Штульбергъ, Мптельбергъ и Энгельбергъ, смиренно лежавшія у ногъ нашихъ, возвышались болѣе и болѣе. Наконецъ, когда мы очутились совсѣмъ внизу, онѣ по прежнему заслонили отъ насъ Цобтенъ и казались равны ему. Не такъ ли и въ обществѣ людей мѣлкія страсти заслоняютъ великія добродѣтели?—Не такъ ли ничтожныя способности затѣняютъ высокія дарованія?

САКСОНСКІЯ ЖЕНЩИНЫ.

Онѣ прелестны, умны, скромны и просвѣщенны. Слѣдовательно совершенны—скажете вы. Да, я бы лучшему изъ друзей моихъ посоветовалъ жениться на Саксонкѣ.—Не стану говорить о блестящемъ кругѣ знатности: она знакома съ роскошью и модою, слѣдственно разнакомилась съ простотою нравовъ, не смотря на то, что здѣсь, болѣе нежели гдѣ-нибудь, и она имѣ

придерживается.—Но чтобъ удивить васъ, то войдемъ, на-примѣръ, въ домъ мельника, какой-нибудь деревни. Вы видите чистой, опрятной, свѣтленькой домикъ; много цвѣтовъ подъ окнами и на окнахъ; нѣсколько картинъ, представляющихъ прелестные виды ихъ земли. Видите стѣнные часы, календарь, небольшую бібліотеку, фортепіано и гитару.—Какая-нибудь прекрасная Эмилія или Роза, именемъ и красотою, въ легкомъ корсетѣ, садится за фортепіано, играетъ пріятно; не рѣдко чистымъ, звонкимъ голосомъ сопровождаетъ игру свою. Говоритъ съ вами — не о погодѣ: говоритъ объ исторіи своей земли, о красотахъ природы ея.... Вы восхищаетесь и думаете, что это какая-нибудь Княгиня или Графиня. — Входитъ отецъ ея весь въ мукѣ; мать зоветъ ее доить коровѣ, или стряпать на кухнѣ, она оставляетъ фортепіано, спѣшитъ помогать ей въ хозяйствѣ, и вы узнаете, что это дочь мельника.—Отъ чего же Саксонки такъ хорошо воспитаны?—Отъ того, что здѣсь въ каждой деревнѣ школа, въ каждомъ городѣ училище для дѣвицъ. — О, Россія! Отечество мое тысячекратно пространнѣйшее и могущественнѣйшее Саксоніи, когда придетъ время, что ты будешь столь же многолюдна, цвѣтуща и просвѣщенна, какъ сей прелестной уголокъ Европы? — Теперь ты одна изъ могущественнѣйшихъ; тогда будешь ты счастливѣйшею изъ державъ!... Скоро ли чадъ Французскаго воспитанія выдетъ изъ воспаленныхъ головъ и перестанетъ заражать невинныя сердца? — Скоро ли воспитаніе наше будетъ таково, чтобъ дѣвушка, будучи умною, просвѣщенною, умѣла избѣгать шумныхъ забавъ свѣта и не отказывалась бы отъ священныхъ обязанностей матери семейства и хозяйки дома?

Но я уже вижу прелестную зарю будущаго... я вижу ангельскую кротость въ образѣ матери и супруги Александра I, заботящихся о воспитаніи Россіянокъ!...

1 Юлѣ. Альтъ-Вассеръ.

Вчера вздумали мы побывать подъ землею. Здѣсь, въ Альтъ-Вассерѣ, можно это сдѣлать; ибо тутъ копаютъ, такъ называемые, горные или земляные уголья. Мы садимся въ лодку и всплываемъ въ отверзтый сводъ, сквозь дикой камень прорубленный и въ подземелье ведущій. Проводникъ нашъ, вмѣсто весель, дѣйствуетъ руками, упираясь о стѣны, и лодка бѣжитъ. Мы прощаемся съ свѣтомъ, постепенно отъ насъ отстающимъ, и видимъ мракъ, бѣгущій къ намъ на встрѣчу. Взятые съ нами ночники и свѣчи слегка только разгоняютъ темноту. Видимъ красноцвѣтную воду—она купоросная. Невысокой и не болѣе 4-хъ аршинъ въ широтѣ имѣющій сводъ похожъ на наши Кіевскія пещеры. Плыдемъ версту, плывемъ и другую, все подъ землею!..... Тамъ и тамъ, встрѣчаются горные люди съ краснопламенными факелами. Одни провозятъ лодки, нагруженные углемъ; другіе вырубаютъ уголь изъ земли. Вездѣ скрипятъ веревки, гремятъ цѣпи, движется механика. Вотъ одинъ черный человѣкъ вертитъ колесо; другой врубается въ черную стѣну.—Внутреннее устройство въ сихъ подземельяхъ точно какъ въ рудоконьяхъ—тѣ же и трудности. Для чегожъ, когда и кѣмъ сдѣланъ этотъ подземный сводъ? — Одинъ Нѣмецкой Графъ за 25 лѣтъ предъ симъ, возвратясь изъ Англіи, привезъ съ собою планъ и тайну для устройства сихъ подземныхъ сообщеній, которыя дѣлаютъ гораздо успѣшнѣйшими горныя работы. Прежде и теперь въ томъ мѣстѣ, гдѣ достаютъ уголь посредствомъ машинъ прямо изъ-подъ земли на поверхность, всякой работникъ, при всѣхъ усиліяхъ, можетъ выставить не болѣе сорока мѣръ въ день, тогда какъ посредствомъ сего канала каждой вывозитъ до 160 мѣръ: это въ четверо!.. Цѣлыя горы угля лежатъ на поверхности подлѣ ямъ. Безлѣсная Германія все захватываетъ и пожигаетъ. Разумѣется, что это при-

носить несмѣтный доходъ владѣльцу; а что получаютъ бѣдные работники: по два злота въ сутки!—Однакожъ Берхманы и симъ довольны, и цѣлыя семейства охотно посвящаютъ себя этой трудной работѣ, сопровождаемой всегда болѣзненною старостію. Часто случается, что братъ, дядя и отецъ задавлены глыбами, или умерли отъ горной чахотки, а сынъ идетъ по ихъ же слѣдамъ: таковы люди!...

Трудно описать чувство, произведенное въ насъ появленіемъ свѣта, когда мы опять въ отверстію приближались. Онъ очаровалъ, восхитилъ и усладилъ насъ. Издали представился онъ намъ въ видѣ серебряной луны, которой длинныя лучи глубоко въ подземелье проникли. Съ приближеніемъ нашимъ лучи сокращались, а кругъ свѣта, возрастая, уподоблялся солнцу. Какъ пріятно увидѣть свѣтъ послѣ тьмы и сквозь тьму: это вовсе необыкновенный свѣтъ! Такого нигдѣ не увидишь, кромѣ картинъ Корреджіо и Контоди-Ротари. Невольникъ, выходящій изъ темницы, можетъ только имѣть понятіе о такомъ свѣтѣ.

2 ЮЛЯ. АЛЬТЪ-ВАССЕРЪ.

Съ величайшимъ трудомъ, взбираясь вверхъ болѣе двухъ верстъ, достигъ я вершины горы, гдѣ стоялъ главной маякъ противъ Альтъ-Вассера. Какой обширный горизонтъ!... Цѣны горъ, снѣжныя, вершины, Яуеръ, Швейдницъ, даже Бреславль, среди необозримыхъ равнинъ своихъ: все видно!—Всхожу на верхъ—горы унижаются предо мною; схожу на низъ—онѣ растутъ высятся, и кажется хвастаютъ своею высотой. Не такъ ли царедворецъ, каракаясь изъ мрачной ничтожности на высоту честей, видитъ, какъ упрямые вельможи и вся окрестная знать унижается его возвышеніемъ?—Одно слово—гордой временщикъ быстро скользнуть съ вершины внизъ и въ паденіи своемъ видитъ, что все

перерастаетъ, все становится выше его; даже и тѣ, которыхъ онъ не примѣчалъ у подножія своего, гордятся, высясь, надъ его головою!...

7 Іюля. Фюрштентеннъ и Фюрштенбургъ.

Въ пяти верстахъ отъ Альтъ-Вассера, съ версту отъ большой Швейдницкой дороги, можно и должно видѣть древній замокъ Фюрштентеннъ. Посмотря на зданіе замка и на мѣстоположеніе его, вы не долго будете въ нерѣшимости, чему отдать преимущество: тотчасъ послѣднее предпочтете первому. Какіе виды! какая природа!... За нѣсколько десятковъ лѣтъ предъ симъ, надмѣнное *искусство*, со всѣми приманками, затѣями и вычурами своими явилось было здѣсь, чтобъ, подъ видомъ украшенія, перестроить и перерядить по своему природу. Но природа громко возопила противу сего. Явно возроптали столѣтніе дубы, увидѣвъ уничтожительныя орудія, готовыя отсѣкать ихъ деревнія вѣтви; сѣтовали густыя рощи и скорбѣли изъ черныхъ пропастей до свѣтлаго неба достигающія скалы. «Мы возрасли въ счастливѣйшія времена Германіи. Мы были свидѣтелями безпримѣрнаго величія ея; мы покоили подъ тѣнію своею людей, съ которыми нынѣ никто не посмѣетъ сравниться ни въ крѣпости силъ, ни въ твердости духа, ни въ чистотѣ нравовъ и обычаевъ: людей, которые не имѣли даже понятія о томъ, что значить таять въ роскоши и можно ль быть рабомъ, будучи Германцемъ! Мы не хотимъ надѣть на себя позлащенныхъ цѣпей искусства, чтобъ имѣнять взоры питомцевъ нѣги. Нѣтъ! лучше пусть огни небесные пожгутъ насъ, или бури разрушенія искоренятъ!»—Тутъ нечего было дѣлать. Искусство уступило природѣ. Оно предложило ей только услуги свои съ тѣмъ, чтобъ дать средство любопытному путешественнику удивляться дикимъ красотамъ ея. На-примѣръ: искусство сдѣлало нѣсколько тысячъ ступе-

ней, чтобъ ходить по крутизнѣ скалъ; провело множество дорожекъ сквозь частые перелѣски; настроило мостиковъ; разчистило полянки; разсѣяло по мѣстамъ цвѣты и насадило плодоносныя деревья среди вѣковыхъ елей и дубовъ.— Оно коснулось огромныхъ скалъ — и загремѣли ключи и брызнули водопады... Вотъ что сдѣлало здѣсь искусство. Оно только раскрыло природу. Посмотрѣвши на огромный новый замокъ, имѣющій 365 оконъ, вы увидите насупротивъ развалины Фюрштенбурга, и непременно захотите побывать на томъ мѣстѣ, гдѣ люди жили за 500 предъ симъ лѣтъ. Съ лѣстницы на лѣстницу, съ уступа на уступъ, среди плодоносныхъ деревъ, множества цвѣтовъ, мимо оранжей, спускаетесь вы ниже и ниже, и мѣста становятся ирраціе и дичѣе. Во глубинѣ рва переходите ревущій ручей, и змѣистыя дорожки ведутъ васъ на противулежащую крутизну. Вы видите скалу, висящую надъ вами.... Нѣсколько минутъ, и вы уже на ней! То проходите вы около самой бездны, то уходите отъ нее вверхъ; то между тѣмъ, какъ цвѣты улыбаются вокругъ васъ, нависшія громады скалъ хмурятся и грозятъ рассыпаться надъ главою вашею.... Но я чувствую, что разсказъ мой совсѣмъ холоднѣе, не живописенъ, не похожъ на то, что я видѣлъ и хотѣлъ выразить. Для чего я не волшебникъ? Для чего не могу схватить и бросить на холстъ сихъ горныхъ ручьевъ, чтобъ можно было видѣть, какъ быстро они текутъ; какъ растутъ отъ дождей; какъ сердитѣютъ отъ препятствій; какъ сражаются съ камнями: то съ стономъ пробираясь подъ разрушенную скалу, то съ шумомъ и пѣной летя черезъ нее!... Для чего я не могу нарисовать всѣхъ прелестныхъ видовъ Фюрштентейна? — Чтобъ замокъ казался подъ облаками тогда, какъ я стою въ глубокомъ рвѣ, котораго каждая отлогость есть — садъ. — Или, чтобъ сей новый замокъ очутился у ногъ моихъ и заплатилъ бы за трудъ взбираться на старый Фюрштенбургъ. Пройдя

рощи, переправясь чрезъ ручьи, слѣдуя по дорожкамъ то вверхъ, то внизъ, то сквозь отверстія, пробитыя въ скалахъ, вы наконецъ достигаете своей цѣли въ пріятной усталости.—Взойдемъ чрезъ сей подъемный мостъ въ этотъ древній Готической замокъ. Издали мы полагали его необитаемымъ, и крайне удивились, увидя противное. Престарѣлый смотритель предлагаетъ намъ показать весь замокъ:—пойдемъ за нимъ. Вотъ зала, гостинная; рядъ комнатъ въ точномъ вкусѣ XII вѣка. Всѣ уборы того времени: обои, кресла, люстры—изъ оленьяго рога; по угламъ большіе серебряные подсвѣшники. Вотъ присутственная зала. Столъ, покрытый краснымъ сукномъ, и 12 креселъ показываютъ вамъ мѣсто, гдѣ нѣкогда рыцари совершали страшный судъ истины. Взойдите по двумъ крутымъ лѣстницамъ вверхъ башни: тамъ любопытство ваше будетъ разсматривать и дивиться, хотя небольшому, но рѣдкому собранію оружія. Древніе лукъ, пищали, ружья и пистолеты безъ кремней, треніемъ огонь производящіе, всѣ рыцарскіе доспѣхи, а болѣе всего 100 и 290-фунтовые латы удивятъ васъ. Были же люди, которые носили ихъ! Углубляясь въ разсматриваніе сихъ остатковъ древности, невольно переносишься мыслію ко временамъ рыцарства. Воображеніе рисуетъ картины домашней жизни сихъ необыкновенныхъ людей... Въ холодный осенній вечеръ, когда вѣтры свистѣли въ скалахъ и цѣлыя лѣса шатались надъ пропастями; когда буря, возставшая отъ Сѣвера, чрезъ необозримые лѣса и пустыни древней Германіи протекшая, свирѣпымъ дыханіемъ своимъ, казалось, сдувала солнце съ горизонта, гася свѣтъ лучей его и распуская по небу черныя тучи — гостепріимной замокъ рыцаря представлялъ надежнѣйшее убѣжище отъ бурь. Загляднемъ въ него. Множество свѣчъ теплются въ высокихъ серебряныхъ подсвѣшникахъ; огни пылаютъ въ каминахъ, и древній рыцарь, котораго голова посѣдѣла подъ тяжкимъ шлемомъ, въ кругу семейства своего,

цвѣтущаго здоровьемъ и красотою, не чувствуетъ непогоды. Вдругъ слышится звукъ рога. Изъ сторожевой башни даютъ знать о прибытіи Рыцаря-гостя.— Съ громомъ опускается подъемный мостъ и—входятъ странникъ. Всѣ узнаютъ рыцаря, живущаго за сто верстъ: это почиталось тогда недалекимъ сосѣдствомъ. Привѣтливость встрѣчаетъ его. Онъ снимаетъ черный шлемъ, верхніе латы во сто фунтовъ и садится въ кругу веселаго семейства. Бѣлугрудая дочь рыцаря, цвѣтущая свѣжестію и красотою, подноситъ ему сокъ винограда, на южныхъ долинахъ растущаго, или подаетъ пѣнистымъ медомъ, котораго соты въ пустотахъ древнихъ дубовъ и въ ущеліяхъ скалъ, дикими пчелами приготовляются; а рыцарь между тѣмъ рассказываетъ о дремучихъ лѣсахъ, чрезъ которые проѣзжалъ; о свирѣныхъ рѣкахъ, которыя переплылъ; о лютыхъ звѣряхъ, съ которыми сражался. Онъ рассказываетъ о замкахъ хищныхъ рыцарей; о юныхъ красавицахъ, которыхъ молодость и красота увядастъ въ заключеніи.—Сѣзжаются другіе рыцари. Засѣдаютъ въ судилище; разсуждаютъ о добродѣтеляхъ рыцарей; избираютъ молодаго витязя къ освобожденію страждущей красоты. Другому поручаютъ прервать неволю великодушнаго защитника невинности, томящагося въ подземномъ заключеніи. Или всѣ вмѣстѣ назначаютъ, въ забаву себѣ, охоту на дикаго звѣря, распространившаго ужасъ среди окрестныхъ поселянъ. Скачутъ по безднамъ и оврагамъ чрезъ горы на поля. Вой псовъ сливается съ воемъ вѣтровъ, и отзывами стонутъ лѣса. — Но если иноплеменникъ дерзалъ угрожать свободѣ отечества, если гремѣла труба военная, то въ то же мгновеніе тысячи рыцарей, на бойрыхъ коняхъ своихъ, составляли величественные строны. Грозно звучали ихъ копыта и брони, и прелестно волновались радужноцвѣтные перья на шлемахъ. Такъ жили сія древніе сыны Германіи, защитники невинности, добродѣтели и красоты.—Фюрштенбургъ суще-

ствуесть уже 500 лѣтъ. Время и война обратили его въ развалины; но теперешній Графъ *** вновь отдѣлалъ верхнее жилье. Мы однакожъ видѣли подлинныя остатки пятиявковаго зданія, сходя подъ самыя нижнія своды. Тутъ можно видѣть въ саду и террасу, гдѣ нѣкогда, можетъ быть, сражались рыцари, и гдѣ за 13-ть предъ симъ лѣтъ прелестная Луиза, Королева Прусская, присутствовала на карусели, представлявшей подражаніе древнимъ забавамъ рыцарей. И теперь еще видны мѣста, гдѣ сидѣла Королева съ знатнѣйшими женщинами своего Двора. Окрестности Фюрштенштейна прекрасны. Взглядъ на долину близъ Фрейбурга восхитителенъ. Взоры теряются въ необозримости сей прелестнѣйшей долины; множество ручьевъ, домиковъ и цѣлыя рощи плодовыхъ деревьевъ изнещаютъ ее.

Городъ Нейроде.

Изъ Рейхенбаха въ Нейроде дорога чрезъ горы. Между деревнями Штейн-Кунцендорфомъ и Гаусдорфомъ должно проходить по узкой и каменистой дорогѣ, высочайшую гору. Но подоблачныя здѣшнія горы отмѣнно живописны, обработаны и населены. Нейроде пріятный, чистый городокъ, и какъ ни малъ, но все лучше большихъ Польскихъ городовъ. Тутъ есть прекрасныя сукоинныя фабрики.

Здѣсь опять надобно дивиться искусному обхожденію горныхъ жителей съ водами. Версты за двѣ не доѣзжая Неройде слышите вы подлѣ дороги шумъ и журчаніе, но не видите воды: это подземной ручей. Онъ имѣетъ причину прятаться; ибо едва только покажется на свѣтъ, какъ жители хватаютъ его, обуздываютъ насыпью по берегамъ, замыкаютъ въ латоки и водятъ туда и сюда по пространству двухъ или трехъ верстъ. Въ срединѣ города видите вы большую мельницу на

три постова день и ночь дѣйствующую. На какой она рѣкѣ? спросите вы, и васъ не поймутъ. Ибо здѣсь мельницы не на рѣкахъ, а на ручейкахъ. Тотъ самый ручей, который попался мельникамъ въ руки еще за городомъ, проведенъ ими сюда по латокамъ. Будучи возвышенъ на двѣ и больше сажени отъ горизонта, онъ движетъ собою всю огромность мельницы. — Но ручей сей полезенъ не однимъ мельникамъ. Боковыми латоками отводятъ воды его на огороды, сукновальни, сукнодѣльни и красильныя фабрики. Еслибъ дѣти богатыхъ нашихъ господъ ѣздили путешествовать единственно для пользы себѣ и своему отечеству: то вмѣсто того, чтобъ ринуться въ блескъ и развратъ Парижа, они заѣзжалибъ въ эти горы. Здѣсь научились бы они, что можно сдѣлать прилежаніемъ и трудомъ. Здѣсь увидѣли бы, какъ одинъ рабочій ручеекъ можетъ быть полезенъ большимъ рѣкѣ, праздно въ дачахъ ихъ протекающихъ. Здѣсь увидѣли бы они, какъ всякое почти семейство имѣетъ свою фабрику. Отецъ съ сыномъ сидятъ за станомъ и ткуютъ по осьми аршинъ въ день сукна. Мать прялетъ шерсть на ручной прядильной машинѣ: двѣ малолѣтнихъ дочери обрабатываютъ шерсть. У нихъ есть всѣ потребныя снадобья для обработыванія, чески и очищенія шерсти — и вотъ все!... Купцы здѣшніе весьма благородны въ обращеніи. Они имѣютъ свой театръ. На площади прекраснѣйшій фонтанъ, куда въ ясные лѣтніе вечера сходятся брать воду и бесѣдовать молодыя дѣвушки изъ всего почти города послѣ дневныхъ своихъ трудовъ на сукнодѣльняхъ. Въ горахъ воздухъ и нравы чище, нежели въ долинахъ. Но это все не Саксонія!...

РЕКРУТСКОЙ НАБОРЪ ВЪ СІЛЕЗИИ.

Что это за торжество? — спросилъ я у поселянъ, проѣжая мимо одного дома, подлѣ котораго развѣвались знамена, украшенные разноцвѣтными лентами,

и въ которомъ веселились. «Изъ этого дому берутъ въ рекруты», сказали мнѣ. Вотъ какъ здѣсь это дѣлается: набиратели приходятъ въ домъ къ хозяину и объявляютъ, что сыну его по очереди достается итти на службу Государю, на защиту отечества. Обрадованный отецъ выставляетъ лучшее вино на столъ, и всѣ празднуютъ избраніе молодаго человѣка въ защитники отечества.

Такимъ образомъ здѣсь все вооружается. Я видѣлъ молодыхъ людей, отъ 15 до 20 лѣтъ, весело играющихъ новымъ оружіемъ свспнѣ. Я видѣлъ въ Нейроде цѣлую сѣдоглавую колонну — 900 инвалидовъ, служившихъ еще съ Великимъ Фридрихомъ, не смотря на бремя ранъ и лѣтъ, подняли теперь древнее оружіе свое.

Такъ стремятся Прусаки защищать свое правительство!... И какъ не защищать этого кроткаго, на мудрости и точности основаннаго правительства?— Представьте, что здѣсь не имѣютъ даже понятія о взяткахъ и о томъ, какъ можно разживаться должностію, и какъ кривить вѣсы правосудія за деньги!... Не смотря на всѣ мятежи военные, здѣшнее правительство исправнѣе и правильнѣе въ домашнихъ дѣлахъ своихъ, нежели мои Французскіе часы—въ ходѣ.

8 Іюля.

Церемоніе отерочено до Августа. Воспользуемся симъ и съѣдимъ еще разъ въ Альтъ-Вассеръ, только чрезъ горы: дорога по полямъ скучна. Ёдемъ — Швейдницъ остается у насъ вправо. Мы сворачиваемъ въ горы. Съ перваго взгляда онѣ кажутся всеѣмъ пусты: гранитныя скалы и высокія сосны, торчащія на нихъ, придаютъ всему дикой и мрачной видъ. Но какъ удивишься, увидя среди снхъ скалъ и лѣсовъ, во глубинѣ дикихъ овраговъ, прелестнѣйшую

обитаемость. Деревни здѣсь очень часты. Каждая изъ нихъ, по причинѣ узкаго пространства въ тѣснотѣ горъ, бываетъ отъ одной до двухъ верстъ длиною, и всё онѣ вмѣстѣ составляютъ почти непрерывную цѣпь селѣбы. Вотъ мы взѣзжаемъ въ одну горную деревню. Глубокій оврагъ, такъ сказать, насыпанъ прекраснѣйшими домиками. Нѣкоторые изъ нихъ какъ будто утонули въ зелени кустовъ; одни только раскрашенные кровли мелькаютъ. Другіе разбросаны по скаламъ; иные подъ навѣсомъ оныхъ; а большею частію разположены они по обоимъ скатамъ оврага на берегахъ ручья, который при малѣйшемъ дождѣ становится рѣкою. Множество красивыхъ мостиковъ перегибаются съ скалы на скалу, съ берега на берегъ. Горные ключи журчатъ и брызжутъ изъ-подъ скалъ; голубыя волны ручьевъ прыгаютъ по камнямъ—и все это вмѣстѣ составляетъ полную картину лучшаго Английскаго сада. Чѣмъ далѣе въ горы, тѣмъ они выше: съ обѣихъ сторонъ видны горы на горахъ, лѣса нависшіе надъ лѣсами. Сердитыя воды съ шумомъ перебѣгаютъ дорогу. Пещеры зияютъ изъ-подъ скалъ. Вейстрицъ есть, можетъ быть, прекраснѣйшій изъ горныхъ ручьевъ: какъ быстро теченіе, какъ чиста лазурь волнъ его! Это точно Оссіановскій ручей!—

Къ статѣ о здѣшнихъ ручьяхъ. — Здѣсь каждая рѣчка приноситъ удивительную пользу. Нѣмцы дружны съ Гидравликою. Рѣчка, протекающая близъ селенія, становится совершенно работою жителей его. Ее сворачиваютъ съ природнаго теченія и раздѣляютъ на множество ручьевъ, которые всякой употребляетъ по надобностямъ и произволу своему. Иной ведетъ свой ручей чрезъ огороды, потпирая заставки, наводняетъ ихъ. Другой пускаетъ воды на поля. Разные ручьи вертятъ колеса разныхъ машинъ и мельницъ, и окропивъ сады, нивы, луга, наполнивъ всѣ домашніе фонтаны, вырываются наконецъ изъ селенія; но удерж-

жаны будучи большою плотиною, образуютъ озеро и ворочаютъ огромныя колеса мельницы, пилни, сукновальни, или бумажной фабрики. Большая рѣка въ другомъ краѣ не приноситъ столько пользы, какъ здѣсь безыменный ручей: вотъ польза искусствъ и трудолюбія!

Рейхенбахъ, Іюля 25.

Исполняю просьбу твою. Вотъ нѣсколько обращеній слога и содержанія того *занятія*, надъ которымъ трудился я почти во все время перемирія. Цѣлое покажется въ свое время; теперь взгляни покамѣстъ на части. Я выбралъ нарочно такія мѣста, которыя, изображая разныя обстоятельства отечественной войны, могутъ быть занимательны и понятны для всѣхъ и каждаго въ кругу твоёмъ. На слогъ не пѣнай! Емудли цвѣсти въ военныхъ запискахъ при знойномъ дыханіи войны!... Препровождаемая тебѣ выписки могутъ послужить немалымъ объясненіемъ и для всѣхъ прежнихъ моихъ описаній.

Отступление арій къ Вязьмѣ, Гжацку и далѣе. Духъ народа, войскъ и проч.

Отступленіе арій нашихъ продолжалось далѣе и далѣе. Все пространство между Вязмою и Гжацкомъ отдано непріятелю, который частъ отъ часу становился дерзостнѣе и наступалъ сильнѣе. Все окрестное дворянство, оставляя помѣстья свои, удалялось болѣею, частію въ за-Московныя губерніи. Великолѣпныя дома стояли пусты, и самые поселяне, покидая въ жертву непріятелю мирныя хижины, въ которыхъ родились, и, драгоценнѣйшее наслѣдіе предковъ, нивы, обогащенные обильною жатвою, удалялись съ семействами своими отъ мѣстъ ихъ родины. Многіе изъ сихъ, прямо

Русскихъ поселянъ содѣлали себя въ полной мѣрѣ достойными благодарности Отечества. Цѣлыя селенія, укрываясь въ густоту лѣсовъ, и превративъ серпъ и косу въ оружія оборонительныя, безъ искусства, однимъ мужествомъ отражали наглые нападенія враговъ. — Ужасъ предшествовалъ непріятелю; опустошеніе сопровождало его. Каждая ночь освѣщалась ужасными заревами: непріятель истреблялъ все мечемъ и огнемъ. — Съ горькимъ, неизъяснимымъ чувствомъ при-скорбіи солдаты наши видѣли землю Русскую объятую пламенемъ; видѣли храмы Божіи разрушаемые, иконы и олтари обезчещенные и вѣру отцовъ своихъ поруганною. Съ горестію видѣли они себя принужденными уступать хищному непріятелю села, города и цѣлыя области. Они раздѣляли скорбь, повсюду распространяющуюся; они видѣли уныніе и слезы согражданъ своихъ, и слышали обѣты и моленія ихъ къ Богу, управляющему судьбою браней. Обѣ армія одушевлены, преисполнены были единымъ желаніемъ, — желаніемъ стать твердою ногою на одномъ мѣстѣ и, выдержавъ рѣшительный бой, умереть, или спасти Отечество. Есть случаи, въ которыхъ люди охотно жертвуютъ своею жизнію! Жертва сія тѣмъ важнѣе и благороднѣе, чѣмъ болѣе клонится къ пользѣ и спасенію согражданъ. Такъ и во время отступленія армій каждый воинъ желалъ лучше умереть, нежели заслужить укорительное нареканіе потомства.

Описание ночи, предшествовавшей Бородинскому сраженію

Съ 25 на 26 Августа 1812 года, ночь, предшествовавшая великому сраженію, проведена была совершенно различно въ нашихъ и непріятельскихъ арміяхъ. Солдаты наши, спокойные въ совѣсти, увѣренные въ помощи Бога, защитника правыхъ: — одни послѣ жаркаго вчерашняго боя, другіе отъ дневныхъ трудовъ,

спокойно отдыхали при потухающихъ огняхъ. Глубокое безмолвіе ночи, по всему протяженію стана Русскаго, ничѣмъ не прерывалось, кромѣ протяжнаго отзыва часовыхъ и глухова стука работающихъ на окопахъ.

Напротивъ того: ярко пылали удвоенные огни въ станѣ непріятелей; музыка, пѣніе, трубные гласы и крики наполняли отзвуками окрестности. Черезъ цѣлую ночь продолжалось у нихъ движеніе. Извѣстно, что въ сію ночь Наполеонъ, осматривая все свое войско, объявлялъ ему, что намѣренъ дать рѣшительное сраженіе, и говорилъ рѣчи, въ которыхъ обѣщалъ миръ и отдохновеніе въ Москвѣ, пренеполненной забавъ и роскоши. Армія Наполеона, составленная изъ различныхъ народовъ, разныхъ обычаями, нарѣчіемъ, нравами и вѣрою, замеченныхъ въ дальніе предѣлы чуждыхъ странъ не для защиты отечества, не для возвращенія свободы, но единственно по ослѣпленію чрезъ хитрости честолюбиваго вождя,—такая армія имѣла нужду въ убѣжденіяхъ. Должно было льстить страстямъ и потакать распутству. Наполеонъ не щадилъ ни вина, ни уличеній. Обѣщаніемъ побѣды и неизсчитанныхъ выгодъ оной, умѣлъ онъ очаровать многочисленное воинство свое и поощрить его къ отчаянному нападенію.

ПРИБЛИЖЕНІЕ АРМІЙ КЪ МОСКВѢ.

Между тѣмъ главная армія находилась уже въ ближайшихъ окрестностяхъ Москвы. Въ виду сей древней столицы собранъ военный совѣтъ, въ коемъ присутствовалъ самъ Свѣтлѣйшій Князь со многими другими Генералами для совѣщанія о участи ея. Возможность не соответствовала пламенному желанію Русскихъ сохранить мать и красу городовъ своего Отечества; пбо столь огромный городъ какъ Москва, не имѣющій ни укрѣпленій, ни выгодныхъ мѣстъ для

боя, почти совершенно неудобенъ къ защитѣ. Всякой подобный городъ легко можетъ быть обойденъ и отрѣзанъ отъ сообщеній вмѣстѣ съ арміею, которая вздумала бы защищаться въ немъ. А важнѣе всего то, что въ случаѣ отступленія войскъ во время бою, они легко бы могли разойтись по всѣмъ тѣмъ разнымъ дорогамъ, на пресѣченіи которыхъ стоитъ Москва, тогда какъ единственное средство, въ то время, для надлежащей обороны было сокупленіе силъ вмѣстѣ. Вотъ причины, которыя съ перваго раза могутъ представиться всякому разсуждающему о *сдачѣ Москвы*; причины же, принятые въ совѣтъ, о которыхъ конечно упомянуто будетъ въ Исторіи отечественной войны, суть безъ сомнѣнія несравненно сихъ важнѣе.

Впрочемъ Москва, опустѣлая, мрачная, увываая, не была уже тѣмъ блестящимъ, многлюднымъ, великолѣпнымъ городомъ, которымъ привыкла славиться Россія. — Всѣ вельможи, всѣ богатые люди выѣхали въ дальнія губерніи; большая часть сокровищъ увезена. Оставшееся купечество и толпа народа готовы были еще защищать священные стѣны древнихъ зданій, храмы Божіи и гробы Царей Россійскихъ; — но, видя отступающую армію, оставляя ее, слѣдовали за оною. Многіе показали такіе примѣры пренебреженія собственныхъ выгодъ и преданности къ общей пользѣ, которые удивляли насъ только въ Исторіи: эти усердные сыны Отечества сожигали собственные дома свои, дабы не дать въ нихъ гнѣздиться злодѣямъ.

МОСКВА ЗАНИМАЕТСЯ НЕПРІЯТЕЛЕМЪ БЕЗЪ БОЯ.

Между тѣмъ наступалъ рѣшительный часъ, въ который сія Россійская столица, въ теченіи двухъ столѣтій не только въ стѣнахъ, но даже и въ окрестностяхъ своихъ невидавшая враговъ иноплеменныхъ, должна была перейти въ чуждое владѣніе. Неизмѣнна воля свыше управляющаго царствами и народами. —

Въ пламенномъ, сердечномъ упованіи на сего Правителя судебъ, Россіяне съ мужественною твердостію уступили первѣйшій изъ городовъ своихъ, желая сею частною жертвою искупить цѣлое Отечество. Около вечера непріятель, вступая съ большою осторожностію и на каждомъ шагѣ останавливаясь, началъ распространяться по улицамъ и занимать городъ.

Дѣйствія Кутузова по оставленіи Москвы.

Свѣтлѣйшій Князь, оставя Петербургскую и прочія дороги, которыя изъ разныхъ заставъ Москвы ведутъ въ разные концы Россіи, избралъ среднюю между ими Рязанскую. Полководецъ не столь искусный, вѣроятно, устремился бы защищать и оспаривать у непріятеля дорогу Петербургскую, открывъ чрезъ то набѣгамъ его всѣ прочія области Россіи, изъ которыхъ армія пользовалась всѣми жизненными средствами и получала подкрѣпленія; но Кутузовъ, какъ вождь, лѣтами и опытами умудренный, сдѣлалъ движеніе, совершенно тогдашнимъ обстоятельствамъ приличное. Ибо, если бы непріятель и вздумалъ итти на Петербургъ, то вся армія, ступя шагъ въ право, стала бы у него въ тылу; а движеніемъ въ лѣво (разумѣется, когда войска стоятъ лицомъ къ Москвѣ); войска наши могли совершенно заслонить отъ всѣхъ покушеній непріятеля изобильнѣйшія губерніи Россіи.

Послѣдствіе, исполненное счастливѣйшихъ для насъ успѣховъ, оправдало во всѣхъ отношеніяхъ сіе искусное движеніе, которое, будучи спасительно для жителей, вышедшихъ изъ Москвы, прикрывало также и всѣ государственныя и частныя сокровища, по той дорогѣ отправленныя.

Наполеонъ въ Москвѣ; Кутузовъ скрытно передвигаетъ войска, направляясь къ неизвѣстной для непріятеля цѣли.

5 Сентября. Уже два дня владѣетъ непріятель столицею.. Армія наша кажется ему отступающею по Рязанской дорогѣ, ведущей за Оку, Волгу и далѣе въ безпредѣльность Россіи.

Дорога С.-Петербургская обороняется отрядомъ Барона Винценгероде; Владимірская частію отступающихъ по ней войскъ; Можайская совершенно во власти непріятеля; Тульская и обѣ Калужскихъ открыты ему.

Теперь увидимъ, на что рѣшится Наполеонъ, и что предпріиметъ Кутузовъ. Чтобъ судить о послѣдствіяхъ, должно опредѣлить главную причину дѣйствій. Для сего предстоятъ два предположенія: пришелъ ли Наполеонъ въ Россію съ тѣмъ, чтобы завоевать и покорить ее; или не съ тѣмъ ли пришелъ онъ, чтобы, наполнивъ Европу громомъ сей единственной войны, опламеня ея многія области Россіи, и захвата наконецъ самую столицу, предписать выгоднѣйшій для себя миръ, не простираясь далѣе въ завоеванія?—

Извѣстія о состояніи арміи непріятельской, увѣренія плѣнныхъ и всѣ прочія соображенія оправдывали совершенно послѣднее изъ этихъ двухъ предположеній. — Наполеонъ оставался въ Москвѣ,—и Москва, обогрѣнная кровію, наполненная злодѣяніями, неистовствомъ и грабежами его войскъ, исчезла въ глазахъ его, какъ великолѣпный призракъ среди неугасимыхъ пожаровъ. Что же предпринимаетъ въ сіе время Кутузовъ? Все то, что глубокая проникательность, долговременная опытность и хитрость воинская внушить Полководцу могутъ.

Онъ спѣшитъ передвинуть войска на Тульскую и Калужскую дороги, дабы прикрыть сіи города, какъ врата обильнѣйшихъ областей Россіи, изъ которыхъ въ то время двинулись на встрѣчу арміи большіе обозы съ продовольствіемъ и много старыхъ и вновь набранныхъ войскъ.

ТАРУТИНО.

23 Сентября, армія, совершивъ благополучно все движенія свои, достигнувъ цѣли, преднамѣренной искуснымъ Вождемъ, остановилась за рѣкою Нарою при селѣ Тарутинѣ, принадлежащемъ Аннѣ Никитишнѣ Нарышкиной.

Армія, расположенная лицомъ къ Москвѣ, по обѣимъ сторонамъ большой дороги на правомъ берегу рѣки, имѣла все выгоды пространнаго стана; и сіе есть одно изъ преимуществъ мѣстоположенія Тарутинскаго предѣ Бородинскимъ, въ которомъ войска крайне стѣснены были.

Крутые берега Нары, которая здѣсь почти такова же, какъ рѣка Москва у Бородина, доставляли въ нѣкоторыхъ мѣстахъ природную оборону; а весь станъ укрѣпленъ былъ искусствомъ превосходнымъ образомъ. —Нара, текущая отъ Можайской чрезъ старую и новую Калужскія дороги, близъ Серпухова впадаетъ въ Оку. —Еслибъ вмѣсто рѣчки Нары была тутъ другая большая въ широтѣ и глубинѣ рѣка, то воинской станъ при Тарутинѣ могъ бы почестъся неприступнымъ. Однакожъ все мѣры для содѣланія его таковымъ были приняты. Все пространство на правомъ крылѣ арміи до самой Оки, пересѣкающей Тульскую, Каширскую и Рязанскую дороги, оберегаемо было цѣпью легкихъ отрядовъ; ополченія всехъ губерній, лежащихъ между Волгою и Окою, выдвинуты на правый берегъ сей послѣдней и разставлены въ ближайшемъ разстояніи отъ рѣки, составляя сторожевую линію отъ Серпухова къ Каширѣ, оттуда къ Коломнѣ и далѣе къ Рязанѣ. Извѣстательныя стражи и маяки, по берегу устроенныя, готовы были тотчасъ развѣстить по всему пространству о появленіи непріятеля въ какомъ-нибудь одномъ мѣстѣ.

Этихъ предосторожностей слишкомъ довольно было для праваго крыла; ибо нельзя было ожидать, чтобъ непріятель сдѣлалъ теперь то, чего онъ съ самаго

Немана еще не дѣлалъ, то-есть, чтобъ рѣшился обходить насъ съ права: онъ потерялся бы тогда въ неизмѣримости Русской земли, которую Русскіе готовы были превратить въ пустыню до самой Волги для того только, чтобъ содѣлать ее гробомъ враждебныхъ тысячъ. И такъ оставалось заботиться о лѣвомъ крылѣ. Взглянемъ на него. — Село Тарутино почти на одной чертѣ съ Боровскимъ на новой Калужской дорогѣ и съ Георгіевскимъ, что на дорогѣ Медынской. Извѣстательные отряды должны были тотчасъ дать знать при появленіи непріятеля въ этихъ мѣстахъ; и коль скоро открылось бы покушеніе его прорваться въ Калугу, Фельдмаршалъ удобно могъ передвинуть косвеннымъ путемъ всѣ войска влѣво и силамъ непріятельскимъ противопоставить свои.

Въ такомъ-то положеніи были Русскіе при Тарутинѣ. Армія, отсюду обезпеченная, подъ щитомъ благоразумія, наслаждалась столь нужнымъ и полезнымъ для нее отдохновеніемъ, укрѣпляясь самымъ бездѣйствіемъ своимъ и становясь чась отъ часу могущественнѣе и страшнѣе безъ пролитія крови, безъ боя и сраженій.

Около сего времени возникла другаго рода война, полезная для насъ и гибельная для непріятеля.

Здѣсь говорится о малой войнѣ или дѣйствіяхъ *наѣздниковъ*.

Эти наѣзтники (*партизаны*), начальствуя летучими отрядами, изъ разныхъ войскъ составленными, имѣютъ всѣ способы переноситься съ мѣста на мѣсто, нападать внезапно и дѣйствовать то совокупно, то порознь, вдругъ съ разныхъ сторонъ, или пересѣкая черту сообщеній.

Они же могутъ доставлять арміи подробнѣйшія свѣденія о всѣхъ скрытыхъ и явныхъ движеніяхъ непріятеля. Сей родъ малой войны, доставляя случай молодымъ людямъ повѣрять опытомъ пріобрѣтенныя ими познанія, и открывая воинскія способности ихъ, образуетъ отличныхъ Офицеровъ.—Во время пребыванія

арміи въ Тарутинѣ она имѣла два отдѣленныхъ отряда: 1) Генерала Винценгероде, дѣйствовавшій по С.-Петербургской, Ярославской, Дмитровской и Владимирской дорогамъ; разѣзды сего отряда двгались: около Можайска, Рузы, Волоколамска и Воскресенска 2) Генералъ-Маіора Дорохова, взявъ приступомъ укрѣпленія Верея, дѣйствовалъ къ Можайской дорогѣ въ перерѣзъ оной. Генералу Шепелеву поручено было, составивъ особый отрядъ, прикрывать Брянскъ отъ нападенія непріятеля, начинавшаго уже показываться въ Рославлѣ. Извѣстнѣйшими наѣздниками въ то время были: 1) Подполковникъ Денисъ Давыдовъ: онъ давно уже жилъ и весьма удачно дѣйствовалъ между Тжацкомъ и Вязмою; 2) Сеславинъ около Боровска; 3) Князь Вадбольскій у Верея; 4) Князь Кудашевъ между Серпуховскою и Коломенскою дорогамъ; а 5) Фигнеръ, прославившійся своею отважностію, появлялся въ ближайшихъ окрестностяхъ Москвы, проходя неоднократно даже тѣсное пространство между арміею Французскою и передовою ея стражею. Вообще всѣмъ отрядамъ предписано было держаться рѣки Нары. Впрочемъ множество повсюду разбѣянныхъ Козачьихъ разѣздовъ, хотя проселками, избирали каждой для себя направленія, обстоятельствамъ приличныя.

Такимъ-то образомъ, со всѣхъ сторонъ окруженный пламенемъ и войсками, гордый завоеватель Москвы увидѣлъ себя вдругъ осажденнымъ въ развалинахъ ея.

И между тѣмъ какъ Французскія вѣдомости, наполняя Европу шумомъ и молвою о непобѣдимой арміи своей, возвѣщали повсюду, что громъ пушекъ Французскихъ уже слышанъ въ предѣлахъ Азіи; что войска Россіи истреблены мечемъ, а народы ея поражены грознымъ именемъ Наполеона: сей самый Наполеонъ: и страшные легіоны его должны были терпѣть всѣ нужды, всѣ ужасы строжайшей осады, и простой хлѣбъ считать выше всѣхъ драгоцѣнностей, во множествѣ ими награбленныхъ. — Напрасно разные полки по

разнымъ дорогамъ изъ Москвы высылаемы были искать не побѣдъ, не лавровъ, но пропитанія. Всѣ они, встрѣчая повсюду вооруженныхъ крестьянъ, пики Донцовъ и штыки Русскихъ солдатъ, принуждены были съ горестнымъ стономъ возвращаться назадъ и ожидать рѣшенія судьбы своей на тлѣющемъ пеплѣ столицы.

Но совсѣмъ противное было въ Тарутинѣ. Войска наши, огражденные окопами, видя себя усиленными чрезъ ежедневно прибывающія подкрѣпленія и чувствуя успокоеніе послѣ продолжительнаго отдыха, часть отъ часу становились бодрѣе и довольнѣе положеніемъ своимъ. Какое-то тайное предчувствіе, увѣряя всѣхъ и каждого, что Россія не увидитъ непріателя за Нарою, возраждало прелестнѣйшія надежды о свободѣ Отечества. Радость заступила мѣсто грусти; веселыя пѣсни раздавались въ полкахъ. Вскорѣ открылись обильные рынки. Окрестные поселяне во множествѣ привозили хлѣбъ, овощи и плоды; маркитанты торговали винами и прочими припасами; солдаты и Козаки продавали лошадей и множество дорогихъ вещей, отнятыхъ у непріателя. Простые соломенные шалаши часть отъ часу становились обширнѣе и покойнѣе. Нѣкоторые изъ нихъ имѣли въ себѣ даже каминъ и всѣ прочія выгоды комнатъ. Словомъ, укрѣпленные высоты Тарутина среди веселыхъ отзывовъ музыки и пѣнія, освѣщенные необозримыми рядами вечернихъ огней, представляли видъ не простаго воинскаго стана, но нѣкоего великолѣпнаго города.

НАПОЛЕОНЪ, ОБМАНУТЫЙ ВЪ МЕЧТАХЪ СВОИХЪ.

Какъ жестоко обманулся честолюбивѣйшій изъ Полководцевъ въ дерзкихъ мечтаніяхъ своихъ! Ему казалось, что онъ все предусмотрѣлъ, все предуготовилъ къ успѣху исполинскаго предпріятія своего.

Уже языкъ Французской слышенъ сталъ во всѣхъ предѣлахъ и во всѣхъ состояніяхъ Россіи; уже вмѣстѣ съ нимъ водворялись повсюду обычаи и нравы Французскіе, вредною роскошью и развратомъ сопровождаемые. Французы взяли полный верхъ надъ умами; для нихъ отворялись палаты и сердца дворянства.

Французамъ ввѣрено было драгоцѣннѣйшее сокровище въ государствѣ: *воспитаніе юношества* — и Французы, обращая все во зло для насъ, извлекали изъ всего возможнѣйшую пользу для себя. Наполеонъ не прежде рѣшился идти въ Россію, пока не имѣлъ тамъ тысячи *глазъ*, вмѣсто него смотрѣвшихъ; тысячи *устъ*, наполнявшихъ ее молвою о славѣ, непобѣдимости и мудрости его; тысячи *ушей*, подслушивавшихъ за него въ палатахъ, дворцахъ, въ домашнихъ разговорахъ, въ кругахъ семейственныхъ и на площадяхъ народныхъ. Такимъ-то образомъ, подрывая коренныя свойства народа, заражая нравы, ослѣпляя умы и соблазняя сердца лестию и золотомъ, одерживалъ онъ знатныя побѣды въ сей тайной, но всѣхъ другихъ опаснѣйшей войнѣ.

Одно только обстоятельство, сдѣлавшееся въ послѣдствіи чрезвычайно важнымъ, упущено было имъ изъ вида. Легкомысліе скрытыхъ враговъ отечества нашего съ давняго времени взирало съ презрѣніемъ на состояніе земледѣльцевъ или крестьянъ, составляющихъ самую большую часть народа въ Россіи. Французы думали, что люди сіи, будто бы удрученные ярмомъ рабства, при первой возможности готовы будутъ возстать противу всѣхъ законныхъ властей, и что пламя бунта столь же легко разольется по Россіи, какъ пламя сожигаемыхъ ими селеній и городовъ.

Но сіи-то люди, казавшіеся имъ ничтожными въ скромной простотѣ своей, явили себя истинными Героями этого времени. — Вѣра, вѣрность и любовь къ родинѣ составили многочисленныя ополченія и вооружили ихъ непреодолимою твердостью. Нѣтъ ничего полезнѣе для государства и ничего ужаснѣе для враговъ его, какъ возстаніе цѣлаго народа.

Французы пренебрегли духъ народный, въ бездѣйствіи дремавшій. Но пробужденіе его было пробужденіемъ уснувшаго льва. Однѣ и тѣ же причины, въ то же самое время производили одинакія дѣйствія въ Россіи и въ Испаніи. Наблюдатель превратностей въ судьбѣ царствъ и народовъ съ любопытствомъ будетъ смотрѣть на сію эпоху времени, ибо прежде воевалъ Наполеонъ только съ Государями, теперь народы вступились за Государей. Онъ воюетъ съ народами, и чувствуетъ уже тяготу сей священной войны, въ которой милліоны готовы пролить всю кровь свою для спасенія свободы, олтарей, престоловъ и древнихъ своихъ правъ.—Но обратимся къ Тарутину. Уже наступилъ Октябрь мѣсяцъ; а погода была еще ясная и дни довольно теплые. Скоро однакожъ, скоро все должно перемѣниться; и что будетъ съ завоевателями Россіи, когда они узнаютъ суровость ея зимы?—Скоро нестерпимый холодъ разольется въ воздухъ; скоро завоютъ осенніе вѣтры, надвинутъ темныя тучи, земля покроется снѣгами, и лютые морозы Русскіе ополчатся за землю свою....

ПРИВЪЯТІЕ 20,000 ДОНСКИХЪ ВОЙСКЪ КЪ ТАРУТИНУ.

Въ сіе время, между прочими ополченіями, прибыли въ Тарутино 20 Козачьихъ Донскихъ полковъ. Войска сіи составлены были изъ престарѣлыхъ Козаковъ, выслужившихъ уже срочное время, и молодыхъ людей, еще недостигшихъ зрѣлости лѣтъ. Они двинулись съ береговъ тихаго Дона по предварительному зову своего Атамана, и внезапнымъ прибытіемъ много обрадовали самага Свѣтлѣйшаго Князя, который о воззваніи ихъ ничего дотолѣ не вѣдалъ. Пріятно было видѣть ополченія сіи, въ рядахъ которыхъ бодрые юноши являлись между воинами, заслугами, ранами и сѣдинами украшенными. Отцы встрѣчали тутъ дѣтей, и

даже внуки находили дѣдовъ. Цѣлыя семейства переселились съ Дона на поле брани. Прибытіе ихъ сдѣлалось тотчасъ извѣстнымъ и страшнымъ непріятелю. Армія Французская увидѣла себя, такъ сказать, осыпанною многочисленными роями конницы, которая съ быстротою вѣтра, носясь вокругъ нее, смерть и страхъ повсюду разсѣивала.

**КАРТИНА Французскихъ биваковъ послѣ сраженія
6-го Октября.**

Войска наши неослабно преслѣдовали непріятеля, забирая на бивакахъ его множество повозокъ, награбленными корыстями навьюченныхъ. Нѣсколько церквей, бывшихъ въ рукахъ непріятеля, представляли разительный видъ поруганной Святыни. Престолы были разрушены, иконы низпровергнуты, въ алтаряхъ спали солдаты, а на помостѣ храмовъ стояли лошади, наполняя ржаніемъ своимъ тѣ священныя стѣны, въ которыхъ раздавалось дотолѣ одно благоговѣйное пѣніе въ честь Божеству.—Лики святыхъ употреблены на построеніе шамашей.

Ужасно опустѣлыя мѣста, гдѣ гиѣздились сіи поборники злочестія, представляли самую мрачную картину опозореннаго челоуѣчества и всѣ ужасы дикой пещеры разбойниковъ.

Въ одномъ мѣстѣ лежали груды тлѣющихъ труповъ Французскихъ, погребенія неудостоенныхъ; въ другомъ разбросанныя церковныя утвари, изломанные оклады съ образовъ; далѣе скелеты издохшихъ лошадей, которыхъ мясо съѣдено голодными завоевателями.—Предметы, пышную роскошь и крайнюю бѣдность представляющіе, вмѣстѣ тутъ глазамъ представлялись. Цѣлыя головы сахару, вина и прочія лакомства брошены были подлѣ жаренаго конскаго мяса и пареной

ржи. Богатыя одежды, зеркала, бронзы, обрызганные кровью, и члены человѣческіе валялись вмѣстѣ съ членами убитыхъ скотовъ.

Множество больныхъ, всякаго прирѣнія лишенныхъ, разбросанные по полямъ, блѣдные, обезображенные, умирали въ мучительныхъ терзаніяхъ совѣсти, наполняя воздухъ стономъ и проклятiями.

Между несчастными жертвами честолюбія было много женщинъ и малыхъ дѣтей.

Невинные младенцы, не находя пищи въ груди мертвыхъ матерей своихъ, съ жалостнымъ воплемъ умирали на охлаждѣвшихъ тѣлахъ.

Оставленіе высотъ Тарутинскихъ.

И такъ укрѣпленныя высоты Тарутина остались необагреными кровью!.... Да пребудутъ до позднѣйшихъ временъ сіи твердыни, заслонившія сердце Россіи, знаменитымъ памятникомъ ея спасенія и вмѣстѣ священнѣйшимъ *Мавзолеемъ* для всѣхъ, великій подвигъ сей совершавшихъ!... Да не коснется имъ разрушеніе отъ руки человѣковъ, доколѣ тяжелыя стопы лѣтъ в столѣтій, медленно преходящихъ въ вѣчность, не изгладятъ ихъ. — Когда мирный земледѣлецъ позднихъ временъ, воздѣлывая нивы на тихихъ берегахъ Нары, съ благоговѣйнымъ содроганіемъ взирать будетъ на сіи громады древнихъ лѣтъ: пусть каждый просвѣщенный отецъ семейства съ восторгомъ указываетъ ихъ питомцамъ своимъ; пусть, раскрывъ книгу бытописаній, напоминаетъ имъ о дняхъ мрака, бурь и тревоженій, когда дымъ, пламень и кровь покрывали землю Русскую, когда скорбь, рыданія и смерть были общимъ, круговымъ горемъ. Пусть напоминаетъ имъ о дняхъ неслыханныхъ битвъ, повсемѣстныхъ ополченій и великихъ пожертвованій. — Пусть, съ сердечнымъ умиленіемъ, указываетъ опять

сія же высоты, какъ мѣста священныя, гдѣ занялась первая заря свободы плѣнннаго Отечества, гдѣ первый лучъ надежды, посланникъ Небесъ, освѣтилъ сердца вѣрнѣйшихъ сыновъ Россіи; гдѣ первое ура! возвѣстало бѣгство непріятелей, и первая улыбка радости блеснула на лицѣ полковъ. Пусть, наконецъ, представитъ имъ, сколь великъ Богъ, спаситель земли нашей, сколь твердъ былъ Государь ея, сколь мужественъ народъ, сколь мудры Полководцы и какъ храбры войска, истребившіе неизчислимыхъ враговъ!...

Видъ Малаго Ярославца послѣ боя.

Малый Ярославецъ, занятый войсками Генерала Милорадовича, представилъ глазамъ ихъ позорище еще ужаснѣйшее того, которое видимо было на бивакахъ Французскихъ послѣ сраженія 6 числа.

Улицы, кровью полныя, усыяны обезображенными трупами. Сотни Французскихъ раненныхъ, умершихъ и умирающихъ, раздавлены и по членамъ раздроблены проѣздомъ собственныхъ ихъ пушекъ. Всѣ церкви ограблены и поруганы. На одной изъ нихъ читали надпись: *конюшня Генерала Гильемино!*

Преслѣдованіе непріятеля косвеннымъ (фланговымъ) походомъ и трудности онаго.

Быстрота и неутомимость необходимы были для достиженія непріятеля. Для сего должно было забыть о пищѣ, отдыхѣ и снѣ.

Генералъ Милорадовичъ, раздѣляя предъ войсками, ободрялъ ихъ примѣромъ и рѣчьми, напоминая всѣмъ и каждому прежніе походы съ Суворовымъ, трудные пути Альпійскихъ горъ, поощряя чрезъ то преодолевать всякое препятствіе, забывать всякую нужду, помня только о единой славѣ и свободѣ Отечества. Такія

увѣщанія не были напрасны; солдаты съ удовольствіемъ принимали имъ—и темныя осеннія ночи, влажные студеныя туманы, скользкія проселочныя дороги, томительный голодъ и большіе переходы не могли остановить рвенія войскъ, кипѣвшихъ желаніемъ настичь бѣгущаго врага. Солдаты наши дышали мщеніемъ; но мщеніе становится страстью благородною и похвальною, когда оно имѣетъ цѣлю обиды отечества. При томъ и сладкая надежда о скоромъ возвращеніи прежней славы не мало подкрѣпляла передовыя войска среди неопытныхъ трудовъ ихъ.

Окончаніе большаго сраженія при Вязьмѣ, Октября 22 дня.

Уже городъ Вязьма въ виду; непріятель безпрестанно тѣснимъ и поражаемъ на пространствѣ 15-ти верстъ. Кровопролитное сраженіе рѣшается въ пользу нашу. Побѣда явно къ намъ благосклонна... Пушки наши во множествѣ гремятъ. Войска наполняютъ воздухъ восклицаніями: *ура!* и толпы непріятеля бѣгутъ... Но день меркнетъ, и темная осенняя ночь готова сокрыть бѣгущихъ.

Побѣдители сѣтуютъ, для чего нѣтъ власти, могущей сказать солнцу: *постой!* Но краткость времени замѣняется быстротою: 11 и 26 отдѣленіе войскъ, подъ начальствомъ Генераль-Маіора Паскевича и Чоглокова вмѣстѣ съ Бѣлозерскимъ полкомъ, сомкнувъ строй свои, стремятся выбить запершагося въ городѣ непріятеля. Перновскій пѣхотный полкъ, впереди всѣхъ стоявшій, съ распущенными знаменами и барабаннымъ боемъ первый врывается въ городъ, очистивъ по трупамъ непріятельскимъ путь другимъ.—Съ другой стороны Генераль Милорадовичъ самъ съ нѣкоторыми Генералами вводитъ всѣ полки конницы въ объятый пламенемъ городъ Вязьму.

Непріятель стрѣляетъ еще изъ домовъ; разбросанныя бомбы и гранаты съ громомъ разряжаются въ

пожарѣ; горящія зданія упадаютъ, пылающія бревна съ трескомъ катятся по улицамъ: но ничто не сильно остановить ревности войскъ и мужества начальниковъ.

Непріятель прогнанъ—и еще одинъ отечественный городъ, въ которомъ имѣлъ онъ твердое намѣреніе держаться, и который въ неистовствѣ своемъ стремится обратить въ пепелъ, вырванъ изъ хищныхъ его рукъ.

Пораженіе Ней при Красномъ, Ноября 6 дня.

6 Ноября по утру получилъ Генераль Милорадовичъ извѣстіе, что Маршалъ Ней съ 30,000, закрывая отступленіе Французской арміи изъ Смоленска къ Красному, показался передъ нимъ послѣднимъ городомъ. Желая нанести чувствительнѣйшій ударъ непріятелю, Милорадовичъ не удовольствовался безпокоить его только со стороны, но отрѣзалъ ему совершенно путь, ставъ твердою ногою на дорогѣ и расположа войска по обѣимъ ея сторонамъ. — Войска Генераль-Лейтенанта Раевского стали по правую сторону; Князя Голицына по лѣвую; Князя Долгорукаго 2 на самой дорогѣ; Генераль-Лейтенантъ Уваровъ начальствовалъ конницею, устроенною за пѣхотою. Глубокой ровъ простирался предъ всею нашею лнвіею. — Генераль-Маіоръ Корфъ со 2 кавалерійскимъ корпусомъ сильно безпокоилъ непріятеля съ тыла.

Таково было положеніе Маршала Ней. Можетъ быть въ первый еще разъ въ жизни, исполненный громкой воинской славы, видѣлъ онъ себя въ столь тѣсныхъ обстоятельствахъ. Тутъ не было середины. Должно положить оружіе и лавры многихъ лѣтъ къ ногамъ побѣдителей, или найти славную смерть въ отчаянномъ сраженіи. Не трудно угадать, что Маршалъ Ней рѣшается на послѣднее. Построя въ густыя колонны многочисленное войско свое, онъ поощряетъ его примѣромъ и рѣчью. «Непріятели, говорятъ онъ, тѣснятъ

«насъ съ тылу; Наполеонъ ожидаетъ впереди. Сія толпа
«Русскихъ, дерзающихъ представиться глазамъ вашимъ,
«тотчасъ разсѣются, исчезнутъ, побѣгутъ, коль скоро
«вырѣшитесь ударить на нихъ съ мужествомъ, Фран-
«цузамъ свойственнымъ. Не взирайте на громъ непрі-
«ятельскихъ пушекъ: онѣ страшны только для мало-
«душныхъ. Побѣдимъ Русскихъ ихъ же орудіемъ —
«штыками. Я вижу мановеніе побѣдоносной длани
«Императора нашего, зовущаго насъ на соединеніе съ
«нимъ. Французы! смерть и плѣнь позади васъ: Напо-
«леонъ и слава впереди; Маршалъ Ней съ вами:
«впередь!!!»...

Генералъ же Милорадовичъ, покрывшій уже себя
славою въ теченіи трехъ предшествовавшихъ дней,
въ самое это время среди смерти и ужасомъ сраже-
нія спокойно занимался обозрѣніемъ мѣстъ, и про-
ѣзжая мимо полковъ, по обыкновенію своему, ласково
съ солдатами разговаривалъ. Войска кричали ему:
ура!...

Генералъ, твердо увѣренный въ побѣдѣ, благодаря
полки за привѣтствіе, тѣмъ изъ нихъ, которые наи-
болѣе отличили себя славными подвигами, дарилъ
заранѣе выступавшія изъ лѣсовъ колонны непріятель-
скія. Такіе подарки принимаемы были съ новымъ вос-
торгомъ и новыми восклицаніями *ура!* Твердая увѣ-
ренность вождя въ побѣдѣ мгновенно сообщалась
войску; оно кипѣло мужествомъ и ожидало только
знака къ нападенію. Все это происходило подъ стра-
шнымъ громомъ нашихъ пушекъ, при взаимномъ дѣй-
ствіи непріятельскихъ, въ лѣсахъ укрытыхъ.

Между тѣмъ и Маршалъ Ней войска свои, рѣчью
его ободренныя, отчаяніемъ тѣснимыя и пробиться
надеждою подкрѣпленныя, при громкомъ барабанномъ
боѣ и вѣющихъ знаменахъ, ведетъ четыремя боль-
шими колоннами съ артиллерією въ головѣ, не взи-
рая на убійственный огонь всѣхъ пушекъ нашихъ.
Въ грозномъ видѣ выступили изъ густоты тумана

войска непріятельскія. Съ приближеніемъ ихъ пальба умолкаетъ. Глубокая тишина распространяется по всѣмъ линіямъ; все безмолвствуетъ, ожидая рѣшительнаго конца. Конецъ сей долженъ былъ доказать, чья пѣхота первая въ свѣтъ: Французская ли, побѣдами многихъ лѣтъ прославленная, и въ тотъ часъ отчаяніемъ и храбрѣйшимъ изъ Полководцевъ своихъ предводимая, или Россійская, столь мужественно ему противуставшая. Генераль отъ Инфантеріи Милорадовичъ поручаетъ храброму Генералу Паскевичу съ 26 дивизіею привлечь колеблющуюся побѣду къ знаменамъ нашимъ, и рѣшить столь важный споръ о преимуществѣ пѣхоты. Тотчасъ неустрашимыя войска сего Генерала, быстро двинувшись на встрѣчу идущимъ безъ выстрѣла, ударяютъ въ штыки. Побѣдоносное *ура!* гремитъ въ туманахъ; и прежде нежели отзывъ губительнаго для непріятеля восклицанія сего успѣлъ наполнить собою всѣ окрестности и возвѣститъ прочимъ войскамъ торжество наше, колонны непріятельскія были уже поражены, гонимы и въ бѣгствѣ истребляемы.

Изъ 4 большихъ колоннъ одна на мѣстѣ положена. Прочія покусились было снова устроиваться за своими пушками; но Лейбъ-Гвардіи Уланской полкъ бросился на нихъ, взялъ пушки со всѣми артиллерійскими и всю оставшуюся толпу разсѣялъ и побилъ.

Въ сіе же время приказалъ Генераль Милорадовичъ и Князю Голицыну ударить на правое непріятеля крыло; но едва успѣлъ онъ подвинуться впередъ, какъ встрѣтилъ уже идущія на него новыя Французскія колонны. Павловскій гренадерскій полкъ бросается въ штыки, бьетъ и обращаетъ ихъ назадъ. Дивизіонный Генераль Ланшантенъ, стараясь остановить бѣгущихъ, раненъ и взятъ въ плѣнъ. Генераль Разу убитъ. Тутъ бѣгство непріятеля становится общимъ. Но не видя и въ ономъ спасенія, 12,000 кладутъ оружіе; а самъ

Маршалъ Ней, съ слабыми только остатками переправясь за Днѣпръ, укрывается отъ преслѣдованія повсюду разосланныхъ за нимъ отрядовъ.

Потеря непріятеля въ сіи дни: убитыми 15,000; въ плѣнъ взятыми: Генераловъ 2, Штабъ и Оберъ-Офицеровъ 285, рядовыхъ 22,000, пушекъ 56 и чрезмѣрное количество всякаго обоза.

Общій безпорядокъ и уныніе въ бѣгущихъ остаткахъ Французской арміи были важнѣйшимъ послѣдствіемъ сихъ побѣдъ.

Тотчасъ по одержаніи оныхъ, извѣстный Статскій Совѣтникъ Фуксъ писалъ къ Его Императорскому Высочеству Константину Павловичу слѣдующее:

«Ваше Императорское Высочество!

«Сейчасъ входитъ къ Фельдмаршалу Михаилъ Андрѣевичъ Милорадовичъ и повергаетъ ему побѣды свои. Весь корпусъ Генерала Нея истребленъ. Его самого ищутъ. Отягченный лаврами Кутузовъ бросается въ объятія побѣдителя. Сей спѣшитъ писать донесенія, и поручилъ мнѣ донести Вашему Императорскому Высочеству, что Уланской полкъ покрылъ себя блистательнѣйшею славою. Счастливымъ онъ себя почитаетъ, доставивъ ему Георгіевскія знамена: ибо Шефъ онаго полка великій его благодѣтель; счастливъ и я, что очевидецъ опять славы Россіи!»

Вступленіе войскъ въ Польшу.

Съ самаго вступленія войскъ въ древніе предѣлы Польши, Свѣтлѣйшій Князь въ особенномъ приказѣ объявилъ арміямъ волю Государя, чтобы солдаты наши, укротя духъ мщенія и забывъ все прежнія обиды, обходились съ жителями съ свойственнымъ Русскимъ великодушіемъ.

Здѣсь-то изящнѣйшія качества Монарха Россіи явились въ полномъ блескѣ своемъ. Напрасно виновные

жители Литвы, совѣстію тревожимые, трепетали въ мечтаніяхъ, ужасомъ порожденныхъ, что мщеніе предходить будетъ Русскимъ полкамъ; что разрушеніе отъ меча и огня запечатлѣтъ слѣды побѣдителей, и что кровь преступниковъ польется въ странѣ ихъ... Великодушныя ополченія Россійскія, побѣдою предводимыя, спокойно вступили въ предѣлы Польши. И какъ удивился бурю мятежа восколебанный народъ сей, увидя дома свои цѣлыми, права не уничтоженными, къ законамъ почтеніе, а храмамъ благоговѣніе оказываемое. Словомъ, вездѣ, гдѣ только развѣвались знамена Русскія, тишина и утѣшеніе водворялись.

О пользѣ воинскихъ наградъ.

Ничто такъ не полезно на военномъ поприщѣ, какъ награжденіе заслугъ. Честь составляетъ главнѣйшую пружину въ Монархическомъ правленіи; а посему и знаки ея должны быть неуремѣнною наградою достоинства. Офицеръ, проведеншій нѣсколько мѣсяцевъ сряду въ открытомъ полѣ, среди непостоянства стихій, на снѣгахъ, въ непогодахъ осеннихъ и въ лютой зимней стужѣ, участникъ во многихъ сраженіяхъ, покрытый ранами, съ сердечнымъ удовольствіемъ пріемлетъ знаки Монаршей милости. Сіи награды приносятъ съ собою цѣленіе его ранамъ, утѣшеніе томному духу и прежнее стремленіе къ подвигамъ. Онъ возвращается на родину, и новый блескъ, грудь его украшающій, раждаетъ улыбку радости на лицѣ престарѣлаго отца, извлекаетъ слезы благодарности изъ очей нѣжной матери, и часто для всего семейства бываетъ предметомъ пріятнѣйшихъ разговоровъ о славѣ отечественнаго оружія; о странѣ и времени, гдѣ увѣнчивалось оно свѣжими лаврами; о имени и достоинствѣ Вождя, подъ предводительствомъ и чрезъ посредство котораго сіи знаки отличія имъ заслужены и получены.

НЕСЧАСТНОЕ СОСТОЯНІЕ БѢГУЩИХЪ ФРАНЦУЗОВЪ ВЪ ОКРЕСТНОСТЯХЪ ДОРОГОВУЖА.

23 Октября, передовыя войска двинулись впередъ для преслѣдованія непріятеля по большой Смоленской дорогѣ. Остатки разбитаго на канунѣ войска представляли ужаснѣйшій видъ страждущаго человѣчества.

На грудахъ убитыхъ и умершихъ лежали кучи умирающихъ. Стонъ и отчаяніе были повсемѣстны. Тысячи издохшихъ лошадей валялись по дорогѣ, служа скудною пищею, если не отъ оружія и голода, то отъ стужи вокругъ нихъ издыхающимъ.

Всего ужаснѣе безчувствіе, и самаго отчаянія жесточайшее, поразившее сихъ несчастливцевъ. Великое множество ихъ, вовсе полумертвыхъ, шатаясь толпами, или бродя по одиночкѣ, лишены были всѣхъ чувствъ и всякаго понятія. Они ничего не говорили, ни на что не отвѣчали; глотали лошадиное мясо, или грызли тѣла умершихъ товарищей своихъ. Каждый огонекъ служилъ приманкою. Выползая изъ кустовъ и овраговъ, они толпились около пего, сидѣли въ оцѣпенѣніи, не заботясь о поддержаніи ни себя, ни огня—и жизнь ихъ угасала вмѣстѣ съ пламенемъ, доставлявшимъ имъ минутную теплоту.

Много женщинъ и малыхъ дѣтей, сосавшихъ кровь вмѣсто молока, умирали одинакою съ прочими смертію. Наполеонъ ввелъ въ Россію цѣлый вооруженный народъ.

Послѣдній взглядъ на бѣдствія Французовъ въ окрестностяхъ Вильны.

Бросимъ еще въ послѣдній разъ взоръ на толпы сихъ несчастливцевъ, воспитанныхъ подъ яснымъ небомъ южной Франціи или роскошной Италіи, и нынѣ разбросанныхъ по снѣгамъ русскаго Сѣвера. Не возможно изобрѣсть достаточныхъ выраженій для изо-

браженія ужаснаго состоянія сихъ злополучныхъ жертвъ честолюбія.

Презрѣнные и брошенные надмѣннымъ вождемъ своимъ въ странахъ, столь удаленныхъ отъ ихъ отечества, въ климатѣ, для нихъ убійственномъ, между людьми, ихъ ненавидящими, обремененные усталостію, изнуренные голодомъ, въ крови и въ ранахъ, вездѣ шатаются они какъ тѣни. Лѣса, большія дороги и остатки сожженныхъ ими селеній наполнены сими бродящими мертвецами. Тѣ, которые еще не вовсе лишились силъ, собираются вокругъ разкладенныхъ огней и съ жадностію терзаютъ мясо издохшихъ лошадей. Другіе, обремененные ранами, укрываясь отъ стужи, ползаютъ по раскаленному пеплу сожженныхъ домовъ, обжигаютъ нагое тѣло свое, а не рѣдко и совсѣмъ стараются, бросаясь въ огонь въ изступленіи ума.

Многихъ видѣли пожирающихъ товарищей своихъ и оспаривающихъ другъ у друга ихъ обгорѣлые трупы. Вообще всѣ сіи разноплеменные толпы кажутся совершенно лишены ума: вѣроятно, что чрезмѣрная усталость и отчаяніе повреждаютъ разсудокъ ихъ. Я описалъ здѣсь положеніе тѣхъ только, которыхъ не считаемъ мы военноплѣнными; ибо они, не будучи взяты въ бою съ оружіемъ, сами собою разсыпаются повсюду, оставши отъ арміи своей, которая и вся, по словамъ очевидцевъ, совершенно походить на огромную толпу изнуренныхъ и полупагихъ нищихъ.

P. S. Въ добавокъ къ этимъ статьямъ посылаю тебѣ еще истолкованіе того, о чемъ ты такъ часто у меня спрашивалъ. Въ этомъ отрывкѣ, въ видѣ разговора, ты найдешь объясненіе о *фланговыхъ* или *косвенныхъ маршахъ*.

Больше писать нѣкогда: работы много! Прощай!

РАЗГОВОРЪ О ФЛАНГОВЫХЪ МАРШАХЪ.

В. Что значитъ фланговой маршъ?—

От. Фланговой маршъ значитъ боковое движеніе, то-есть, движеніе войскъ не прямымъ, а боковымъ путемъ, труднѣйшимъ, но кратчайшимъ.

В. Для чего такое движеніе предпринимається?

О. Для того, чтобъ опередить непріятеля, или, по крайней мѣрѣ, стать у него во флангъ (съ крыла.)

В. Когда наиболѣе употребляется оно?

О. При преслѣдованіи непріятеля.

В. Почему стараются стать у непріятеля съ боку? стало это выгоднѣе?—

О. Несравненно выгоднѣе, нежели тѣснить его съ тылу: ибо тылъ свой прикрываетъ онъ обыкновенно арріергардомъ, который всегда на-сторожѣ. Напротивъ, обойдя непріятеля съ боку, можно напасть на армію неожиданно, истребляя обозы, тянущіеся обыкновенно въ срединѣ войскъ; можно отрѣзать у него арріергардъ, и вообще выгодно таковое нападеніе потому, что непріятель поражается внезапностію, и страхъ увеличиваетъ число нападающихъ въ расплохъ.

В. Какое отличительное достоинство фланговаго марша?

О. Тайна. Отрядъ, идущій фланговымъ маршемъ, долженъ слѣдовать за непріятелемъ—невидимкою. Иначе непріятель, почувавъ въ боку у себя такой отрядъ, можетъ взять мѣры; можетъ устроить особый летучій отрядъ для прикрытія своего фланга — и тогда дѣло испорчено!

В. Гдѣ удобнѣе производить фланговые марши?

О. Въ землѣ ровной, плоской, гдѣ мало горъ и рѣкъ, а много лѣсовъ удобопроходимыхъ.

В. Стала Россія къ этому способна?

О. Болѣе, нежели другія земли.

В. Чѣмъ болѣе нанесено вреда непріятелю въ Отечественной 1812 года войнѣ?

О. Фланговыми маршами.

В. Кто первый употребилъ фланговый маршъ?

О. Кутузовъ. Онъ повелъ сперва армію по Рязанской дорогѣ, и вдругъ, склоненіемъ вправо, очутился на Калужской и заслонилъ всею арміею врата Малороссіи.—Онъ поступилъ въ семъ случаѣ, какъ искусной шпажной боецъ, легко уклоняющійся отъ смертоноснаго удара противника.

В. Кто потомъ употребилъ фланговый маршъ?

О. Генералъ Милорадовичъ, который изъ села Георгіевска, что на Медынской дорогѣ, скрытымъ фланговымъ маршемъ, достигъ дороги Можайской, и близъ Вязьмы разбилъ большое непріятельское войско, напавъ на него нечаянно съ флангу въ то время, когда оно, отступая, тянулось по большой дорогѣ Смоленской.

В. Какіе потомъ дѣланы были фланговые марши?

О. Кутузовъ вознамѣрился опередить непріятеля и повелъ армію отъ Вязьмы прямо на Ельню. Но сіе движеніе сдѣлано только для того, чтобъ войска пмѣли лучшее продовольствіе въ нераззоренной сторонѣ; а впрочемъ армія была отъ непріятеля далеко и въ бой съ нимъ не вступала.

В. Ктожъ былъ въ это время оберегателемъ арміи, совершая трудной и искусной фланговой маршъ, между

непріятелемъ и ея отъ Дорогобужа вѣво, мимо Смоленска прямо къ Красному?

О. Авангардъ.

В. Какіе были успѣхи этого марша?

О. Величайшіе. Генералъ Милорадовичъ 3, 4 и 5-го Ноября, нападая съ боку, разбивалъ непріятельскіе корпуса; а 6-го, ставъ поперекъ дороги, истребилъ арріергардъ Французской арміи, тридцатипятисыяный корпусъ Нея.

НВ. Послѣ дѣланы были еще разныя фланговые марши въ обходъ непріятеля съ права и лѣва, большой дороги до Борисова и Вильны; но они не такъ важны, какъ прежніе.

ПИСЬМА
РУССКАГО ОФИЦЕРА.

III.

ОБРАТНЫЙ ПУТЬ ИЗЪ СИЛЕЗИИ ВЪ РОССИЮ.

ПИСЬМА

РУССКАГО ОФИЦЕРА.

ДОРОЖНЫЙ ДНЕВНИКЪ.

ПУТЬ ОТЪ РЕЙЗЕНБАХА КЪ ОДЕРУ.

Надписи на памятникахъ, воздвигнутыхъ въ честь Нѣмцамъ при жизни ихъ, или на ихъ могилахъ, доказываютъ, что здѣсь уважаютъ семейственныя добродѣтели и мирныя свойства болѣе, нежели движеніе бурныхъ страстей и кровавые воинскіе подвиги. Въ деревнѣ Куплау, подлѣ Нимча, въ саду на пирамидѣ читаете вы съ одной стороны: «*Karlъ Сервій Гольдфустъ*», а съ другой: «онъ былъ честенъ, благоразуменъ и дѣтеленъ. Онъ сдѣлалъ поля свои плодоносными, дѣтей довольными, подданныхъ счастливыми: «не умеръ онъ для сердецъ нашихъ!»—Памятникъ сей поставили дѣти отцу.

Выѣхавъ изъ Нимча на Бреславскую дорогу, мы очутились въ той необозримой долинѣ, которая развивалась передъ глазами нашими съ высоты Цобтена. Здѣсь плугъ и пастушеской посохъ берутъ верхъ надъ вертеломъ и бердомъ. Хлѣбопашество и овцеводство принадлежать особенно жителямъ плоской земли. Они доставляютъ въ горы хлѣбъ и шерсть.—Отъ Бреслава къ Бригу все еще видите довольство въ селахъ и обиліе въ поляхъ, проѣзжая по прекраснымъ насыпнымъ дорогамъ; но тутъ нѣтъ уже того очарованія, которое плѣняло васъ въ горахъ. Бригъ,—

извѣстной большой городъ на лѣвомъ берегу Одера.—
Разтянутый вдоль по берегу, съ башнями, церквами,
высокими бѣлыми домами и мачтами, украшенными
вѣющими флагами, составляетъ онъ издали прекрас-
ную картину. Одеръ самъ по себѣ красивъ и полезенъ,
ибо судоходенъ.

27 Июля.

Проѣзжая Бригъ, мы видѣли тысячи работниковъ,
строющихъ большое мостовое укрѣпленіе. Громадные
Вагенбургъ, со съѣстными запасами, толпились около
Одера. Изъ дальнѣйшихъ странъ Польши и Малорос-
сіи привозятъ сюда хлѣбъ и прочее. Козаки—подвод-
чики, большею частію во Французскихъ мундирахъ,
рыщутъ на коняхъ своихъ, принимая видъ настоящихъ
солдатъ. Такъ-то справедливо, что военное время вся-
каго военнымъ дѣлаетъ. Обстоятельства измѣняютъ
самыя закоренѣлыя свойства. Завоеватели! пользуйтесь,
но не употребляйте этого во зло.—Напротивъ, солдаты
наши, отложивъ громы во время перемирія, подружась
съ хозяевами и хозяйками своими, работаютъ съ ними
вмѣстѣ на нивахъ.

Гдѣ Русская сила водить косою—то поле горитъ!...
Шагъ за Одеръ—и какая ужасная переѣзна!... Про-
щайте высокія подоблачныя горы, прелестныя виды
на долины, картины по скатамъ! Прощайте величе-
ственные буки, стройные тополи, плодоносныя рощи!
Прощайте воды брызжущія изъ скалъ, журчащія въ
ручьяхъ среди кустарниковъ, или глухо воющія подъ
землею!—Прощайте искусства горныя! прощайте: бердо,
вертено, молотъ и колеса, производящія чудеса; крутыя
стези водящія по садамъ Природы! яркая зелень, свѣжій
воздухъ и чистые нравы—прощайте!—Переѣзжаю въ
Бригъ за Одеръ и вижу унылую пустыню. Пространная
болотистая долина, дремлющая въ вѣчной тѣни густыхъ
деревъ, представляется здѣсь глазамъ моимъ. Населеніе,

довольство, искусства и художества остались тамъ—за Одеромъ! — Мы ночуемъ верстахъ въ 10 отъ Брига; но мѣста здѣсь такъ плоски, что онъ еще очень ясно видѣнъ. Бросаю послѣдній взглядъ на черные лѣса, на синеватой Одеръ, на бѣлѣющій Бригъ—и иду въ избу. Воздухъ очень влаженъ, погода студена; закутываюсь въ бурку, сажусь у окна, которое дрожитъ отъ вѣтра; слушаю свистъ его въ каминѣ и начинаю читать: *освобожденіе Нидерландъ*, сочиненія Шиллера.

Вижу землю только что вышедшую изъ подъ морей, едва обсохшую отъ болотъ; вижу новый народъ, новую природу. Вижу самовластіе, съ страшными силами нападающее. Вижу духъ народный—ополченный, и свободу—торжествующую. Свобода! какъ пріятна ты даже и въ книгахъ!... Пріятно читать о свободѣ подъ шумомъ бурь. Волненіе стихій изображаетъ тревоженіе народовъ, борьбу независимости съ вооруженнымъ честолюбіемъ.

28-го. Пробираемся на большую Бреславскую дорогу. Какъ лѣсиста, болотиста и пуста здѣшняя сторона!... Кучи хижинъ называются здѣсь—деревнями. Здѣсь нѣтъ ни замковъ, ни садовъ, ни мельницъ, ни видовъ....

Женщины здѣшнія плотны, дородны, съ яркимъ на лицѣ румянцомъ. Вотъ онѣ, одѣтыя очень опрятно въ синія платья, идутъ въ церковь.—У нихъ праздникъ, работы никакой нѣтъ. Каждая имѣетъ въ рукахъ свой молитвенникъ. Здѣсь и въ бѣдныхъ избахъ учатся читать и—читаютъ!... Намслѣу, послѣдній Прусской городокъ, окруженъ старинными окопами.

29. Въѣзжаемъ въ Кемпентъ, первый Польской городъ—толпы Жидовъ нападаютъ на насъ! — Всякой старается услугами, просьбами и обманами выманить деньги!

1 АВГУСТА. БОЛЬШАЯ ВАРШАВСКАЯ ДОРОГА.

Какъ пуста здѣшняя сторона! Сколько бы народу можно еще въ ней помѣстить! Обширныя поля разстилаются предъ глазами—и гдѣ, гдѣ видишь деревеньки. Большія деревни: Чернозелы Г-на Бржостовскаго, Нельборовъ Мальчевскаго и мѣстечко Уяздъ Графа Острожскаго походятъ еще на что-нибудь. Въ нихъ есть каменные дома и сады. Городъ Петрикау, извѣстной въ началѣ сего года тѣмъ, что вся знать, по занятіи Варшавы, въ него переселилась, представляетъ также видъ развалинъ.

Пресѣченіе торговли и отсутствіе помѣщиковъ суть главнѣйшія причины печальнаго запустѣнія сей части Герцогства Варшавскаго: ибо, судя по полямъ, покрытымъ наилучшею жатвою, земля должна быть довольно плодородна.—Есть однакожъ и здѣсь мѣсто, гдѣ можно найти трудолюбіе, порядокъ, устройство и нравы Нѣмцовъ. Это большое селеніе Ольбушъ, въ сторону отъ дороги, не доѣзжая Петрикава за 4 мили. За нѣсколько предъ сими лѣтъ Чехи, вышедъ изъ Моравіи, купили здѣсь землю и поселились. Они секты Гусситовъ, имѣютъ свои особенныя права и правила и живутъ прекрасно! — Несчастные крестьяне Польскіе удивляются имъ; но не подражаютъ.

Французы, проходившіе здѣсь, говорили языкомъ дружбы, а грабили руками разбойниковъ. Всѣ почти здѣшнія земли розданы были Французскимъ Генераламъ. Арендари или державцы, превращая кровавый потъ и слезы крестьянъ въ серебро и золото, отсылаютъ въ Парижъ.

Господа Польскіе вообще привержены къ Французамъ. Крестьянамъ у нихъ — худо! — Почти вся сія дорога пещана. Дни отменно жарки; но за то ночи прелестны. Когда вечернія росы падаютъ на разкаленные степи; съ одной стороны разливается пурпуръ на западъ, а съ другой плыветъ полная свѣтлая луна,

тогда, дыша прохладою въ серебристых сумеркахъ, чувствуешь какое-то неописанное наслажденіе! — О природа!... Удивительно, что по всей этой дорогѣ мы нигдѣ не слышали птицъ. — Ужели и онѣ чувствуютъ общую грусть людей?—Мы обѣдали въ мѣстечкѣ Равѣ. Содержательница небольшого трактира, Нѣмка, рассказывала, что мужъ ея былъ почтмейстеромъ на границѣ Вестфальской; что Король Прусской провелъ у нихъ нѣсколько дней предъ Энскимъ сраженіемъ, и что потомъ Французы убили ея мужа и выгнали ее, совсѣмъ ограбивъ. Недавно писала она о своей бѣдности къ Королю Прусскому. Король отвѣчалъ ей ласково, прислалъ довольно значительную сумму и упоминалъ въ милостивомъ письмѣ своемъ, что если война сія кончится благополучно, то онъ не забудетъ ее, равно какъ и всѣхъ пострадавшихъ отъ Французовъ. О! война сія конечно кончится благополучно! Справедливое небо не укоснитъ увѣнчать блескомъ побѣдныхъ торжествъ Государя, столь милосердаго и столь внимательнаго къ нуждамъ своихъ подданныхъ!

5 Августа.

Мы ночевали въ домѣ Графа Острожскаго.—Молодой Графъ женатъ былъ на прелестной Графинѣ Морской, которая украшала нѣкогда блестящія общества Ландсгута, гдѣ мы провели нѣсколько такихъ дней, какихъ въ этой жизни завистная судьба никому не даетъ въ другой разъ.—И эта прекраснѣйшая женщина, добродѣтельная супруга, нѣжная мать семейства—недавно умерла!—Мужъ въ отчаяніи уѣхалъ бродить по свѣту. Здѣсь все неутѣшно о ней. Увы! ни красота, ни знатность, ни богатство не защитили ее отъ смерти!...

Смерть, какъ говоритъ одна Французская сочинительница, истребляетъ лучшіе цвѣты въ *цвѣтникахъ жизни!*

4 АВГУСТА.

• Мы встрѣчали большіе обозы съ сухарями, изъ Молдавіи. Конечно каждой сухарь будетъ стоить то же, что бѣлой хлѣбъ, купленной на мѣстѣ; но воны могутъ очень пригодиться для войска; но это показываетъ, какія великія средства имѣетъ Россія!

Около самой дороги видно много опустѣлыхъ селеній: жители ихъ вымерли; здѣсь пахнетъ смертію!

Съ сей стороны окрестности такъ пусты, что кажется, будто ѣдешь къ какому-нибудь уѣздному городку, и вдругъ вѣзжаешь—въ Варшаву!—Бенningсенъ и Докторовъ пошли съ войсками въ Калншъ. Все пусто и уныло здѣсь!—Эти высокіе, мрачные дома такъ угрюмо на насъ смотрятъ!... Кажется, что радость умерла здѣсь. Варшава вздыхаетъ.

Я смотрю на Польшу, какъ на славнаго шпажнаго бойца, покрытаго ранами. Но это не тѣ раны, которыя возбуждаютъ удивленіе, любовь и почтеніе, какъ раны Испаніи и Россіи!

ВЗГЛЯДЪ НА ПРАГУ.

Мы поѣхали посмотреть на Прагу, которая за 20 предъ симъ лѣтъ не уступала въ красотѣ, великолѣпін и даже въ обширности и богатствѣ самой Варшавѣ. Переѣзжаешь Вислу, ѣдешь чрезъ Прагу—и не видишь ее!—Тутъ только одни пространныя поля, засѣянные хлѣбомъ, разрушенныя окопы и бѣдныя дома. Гдѣ же Прага? Ея нѣтъ: она высмась, какъ кедръ Ливанскій; прошелъ мимо герой—и се не бѣ и странникъ не находитъ мѣста, гдѣ она была! Суворовъ, побѣдя отдаленность и все неслыханныя препятствія, принесъ, такъ сказать, въ горсти небольшое число уматерѣлыхъ въ побѣдахъ воиновъ, подъ самыя стѣны Варшавы, и стеръ Прагу съ лица земли. Уже прошелъ Суворовъ все пространство отъ Волыни и

до Вислы. Быстро было шествіе Героя. Слава предтекала великому, побѣда сопровождала его. Внезапность, быстрота и штыки были его орудіями. Въ разныхъ мѣстахъ разбилъ онъ разныя Польскія войска и велъ полки свои прямо въ Варшаву. — Бурно было движеніе умовъ въ сей столицѣ. Одни, страшась справедливой казни за вѣроломно пролитую кровь Русскую, другіе, стремясь къ необузданному своевольству, а нѣкоторые изъ прямой любви къ свободѣ, соединяются все вмѣстѣ, и общими силами воздвигаютъ земляныя громады на правомъ берегу Вислы, полукружіемъ согбенныя, дабы оградить вмѣстѣ Прагу и Варшаву. — Скоро общія силы народа устроили грозныя валы. Высота укрѣпленій, глубина рвовъ и множество пушекъ содѣлывали оплоты сіи неприступными. 30,000 войска и весь народъ Варшавской рѣшились умереть, защищая ихъ. Суворовъ имѣлъ только 15,000 въ трудахъ и побѣдахъ обдержаннаго войска. — Съ быстротою палящей молніи летѣлъ онъ въ слѣдъ за бѣгущими. Они скрылись въ окопахъ; онъ запалъ въ лѣсахъ. Чистое поле разстилалось между имъ и укрѣпившимися. Проходитъ нѣсколько дней: Суворовъ изъ лѣсовъ не показывается. Никто не знаетъ, сколько съ нимъ, какъ и когда грянетъ. — Никто не знаетъ, что онъ дѣлаетъ и сколько имѣетъ войска: оно темнѣетъ въ дремучихъ лѣсахъ, какъ густое облако. изъ котораго долженъ грянуть ужасной громъ. Мало по малу страхъ слабѣетъ, а довѣренность Поляковъ къ ихъ окопамъ возрастаетъ. Думаютъ, что Суворовъ не посмѣетъ на нихъ напасть. Иные разглашаютъ даже, что Суворовъ уже бѣжитъ назадъ; а Суворовъ, выбравъ темную ночь, окружась горстью своихъ войскъ, пославъ предъ собою *воинскую хитрость* (*), быстро и внезапно,

(*) Суворовъ пославъ впередъ Русскихъ, совершенно знавшихъ Польскій языкъ и въ Польскія мундиры переодѣтыхъ, которые тотчасъ сорвали передовые пикеты безъ выстрѣла.

какъ буря на лѣсъ, налетаетъ на безпечнаго непрі-
 ятеля. Передовыя стражи сорваны въ мигъ. Поляки
 узнають о приближеніи Русскихъ только въ ту ми-
 нуту, когда уже они начинаютъ приступать. Ничто
 не могло удержать привыкшихъ къ побѣдамъ. Въ 4
 часа начать приступъ, а до разсвѣта судьба Праги
 свершилась. Ужасна была картина разрушенія сего
 города. Подъ страшнымъ громомъ пушекъ Русскіе
 врываются со всѣхъ сторонъ, какъ бурныя воды.
 Въ разныхъ мѣстахъ вспыхиваетъ пламя и, вмѣстѣ
 съ бурей, разливается по всему городу.... Багровое
 зарево рдѣетъ на небѣ и въ Вислѣ. Въ сей ужасной
 часъ никому нѣтъ пощады. Каждой штыкъ наноситъ
 множество смертей; городъ горитъ; подкопы разря-
 жаются, огромныя глыбы взлетаютъ на воздухъ. По-
 жаръ и разрушеніе повсемѣстны. Шумъ, трескъ и
 вопли наполняютъ окрестности. — Мостъ на Вислѣ
 разведенъ и всякое сообщеніе съ Варшавою прервано.
 Положеніе жителей, неслыхано. Тѣ, кои жили у мосту,
 бѣгутъ впередъ и погибають отъ штыковъ; другіе убоясь
 штыковъ бѣгутъ къ мосту и тонутъ въ рѣкѣ. Пораженіе
 было совершенно. — Восходящее солнце освѣтило
 Героя, сидящаго на развалинахъ разбитыхъ окоповъ. —
 У ногъ его истлѣвала Прага. Гордые послы Варшавы;
 по грудамъ тѣлъ войска и народа своего достигшіе,
 униженно просили его о пощадѣ. — Я видѣлъ и другіе
 окопы въ Прагѣ, за ѣ только лѣтъ предъ симъ сдѣлан-
 ные народомъ по волѣ Наполеона. Они стояли
 Варшавѣ милліоны золотыхъ, и теперь истреблены!!! —
 Отсюда видъ на Варшаву наилучшій. Громада зданій
 въ амфитеатрѣ, на берегу свѣтлой и широкой рѣки,
 прекрасно рисуется въ водѣ и нравится глазамъ.

ВАРШАВА. КОРОЛЕВСКИЯ ЛАЗЕНКИ.

Если захотите имѣть понятіе, какъ можетъ жить
 Король, имѣющій деньги, вкусъ и умъ, то сходите въ

Варшавѣ, въ такъ называемые, Лазенки. Положимъ, что вы уже тамъ.—Тѣнистыя рощи, свѣтлые пруды, шумъ водометовъ при посребренныхъ луною сумеркахъ настраиваютъ воображеніе ваше къ мечтательности. Забудемъ на минуту существованность и предадимся мечтамъ. Видите ли вы, какъ великолѣпно сіе жилище роскоши, любви и наслажденій. Ищите въ воображеніи своемъ чего-нибудь подобнаго—и только одинъ Арминдінь замокъ можетъ сравняться съ нимъ. Какое очарованіе для глазъ, слуха и обонянія. Вы идете по цвѣтамъ—легкіе вѣтерки отовсюду навѣвають на васъ благоуханіе. Скрытые хоры музыки разливаютъ сладчайшіе звуки по всему пространству надъ зелеными долинами, въ тѣни рощей и по свѣтымъ водамъ. Сіи волшебные звуки, переливаясь изъ отзыва въ отзывъ, кажутся томными вздохами въ отдаленныхъ гротахъ и цвѣтущихъ переулкахъ сада. Видите ли какъ прелестны эти пруды! они такъ чисты, такъ свѣтлы и такъ покойны, что кажутся огромными зеркалами, на свѣжей зелени положенными.

Берега ихъ унизаны тысячами разноцвѣтныхъ огней. На сихъ-то водахъ, не на землѣ, щедрость, искусства и художества, истоща всѣ свои усилія, воздвигли и украсили прелестнѣйшій дворецъ, которой, какъ Нарцисъ, вѣчно глядится въ чистыя воды, любуясь самъ собою и другихъ заставляя собой любоваться. Посмотрите! посмотрите! какой соборъ красотъ! Онѣ выходятъ изъ кристалльных палатъ на зеленый лугъ. Какая пріятность въ лицахъ, въ рѣчахъ, въ воображеніи! Какая ловкость въ движеніяхъ, въ приемахъ! Это *Полки* составляющія дворъ любезнаго, умнаго и роскошнаго Понятовскаго. —Какъ Граціи, богини, въ легкихъ изъ вѣтра пзтканыхъ одеждахъ, едва касаясь земли, какъ будто порхая по зелени луговъ, гуляютъ онѣ по садамъ. Но что останавливаетъ эту блестящую толпу и привлекаетъ всеобщее вниманіе?—Это открытый театръ въ родѣ древняго Римскаго. Вы видите здѣсь столпы—конечно

маленькой отрывокъ, уголокъ какой-нибудь огромной древней сцены; но онъ освѣщенъ и тамъ играютъ. Нѣсколько каменныхъ ступеней въ видѣ амфитеатра, полукружіемъ согбеннаго, занимаются зрителями. Открытое небо служитъ сводомъ. Лѣски и рощицы, пріятно освѣщенные, умножаютъ очарованіе декорацій. Но всего необыкновеннѣе тутъ, что сцена отъ зрителей отдѣляется—водою.—Играютъ волшебную оперу: театръ представляетъ рѣку—и она льется не на кулисахъ, а въ самомъ дѣлѣ. Морское сраженіе—два корабля, ярко-освѣщенные радужно-цвѣтными огнями, каждой везя свою богиню, выплываютъ на бой. Лели и Купидоны пускаютъ тучи золотыхъ стрѣлъ, и проч. и проч.—Вотъ слабая картина того, что бывало здѣсь за 20 предъ симъ лѣтъ. Но полно мечтать! остановите свое воображеніе.—Теперь ничего этого уже нѣтъ. Теперь увидите вы въ Лазенкахъ только свѣтлые пруды, прекрасной дворецъ, развалины театра, развалины бесѣдокъ, гротовъ и прочія развалины, освѣщенные блѣднымъ лучемъ задумчивой луны. Однако же, бывши въ Варшавѣ, стыдно не побывать въ Королевскихъ Лазенкахъ.—Унылый вѣтръ въ ущеліяхъ развалинъ и въ сумеркахъ опустѣлыхъ рощей въ пустынной пѣсни своей, кажется, говоритъ вамъ: «какъ быстро все проходитъ въ мірѣ; какъ скоро исчезаетъ роскошь, величіе и блескъ!»

Л А З Е Н К И.

Войдя въ небольшой лѣтній дворъ въ Лазенкахъ, я не скажу: какая пышность! какое великолѣпіе! Но по неволѣ долженъ воскликнуть: какой вкусъ!... Здѣсь все на своемъ мѣстѣ—и все нравится глазамъ, уму и сердцу. Въ первой комнатѣ, на право, разсмотрите портреты всей фамиліи послѣдняго Короля. Вотъ отецъ и мать углубляются въ чтеніе книги о воспитаніи.

Въ сынѣ своемъ готовятъ они полезнаго гражданина обществу.—Провидѣніе даритъ въ немъ Польшѣ Короля. Нѣжныя сердца родительскія не предчувствуютъ будущаго величія его. Можетъ быть онѣ содрогнулись бы и облились кровію, если бѣ кто-нибудь открылъ имъ будущее, и если бѣ могли они предвидѣть, что бури мятежей потрясуть престолъ и сорвутъ корону съ главы ихъ сына!... Ахъ! если бѣ и самъ Король могъ предвидѣть будущее, то скиптръ и дворецъ свой конечно промѣнялъ бы онъ на посохъ и шалашъ пастушеской. Тронъ Польской во время Понятовскаго былъ то же, что домъ, построенный на вершинѣ Этны.—Трудно согласиться быть его господиномъ. Въ этой же комнатѣ стоятъ портреты и другихъ обоюго пола особъ изъ родни Королевской. Отсюда, чрезъ нѣсколько комнатъ, убранныхъ картинами, мраморами, фарфоромъ и мозаикомъ, войдите въ каплицу и полюбуйтесь простотою украшенія. Надъ серебрянымъ престоломъ стоитъ одинъ образъ Спасителя. На правой и лѣвой сторонѣ висятъ на стѣнахъ изображенія Іосифа и Маріи.—Прекрасная мозаическая работа дѣлаетъ картины сіи драгоценными.—Входите въ большую свѣтлую залу—и поражаетесь блескомъ живописи. Здѣсь видите красоту во всѣхъ видахъ и со всѣми ея очарованіями. Живописецъ истощилъ все свое искусство, чтобъ представить красавицъ разныхъ временъ и народовъ въ историческихъ и баснословныхъ картинахъ.—Болѣе всѣхъ привлечетъ и остановитъ вниманіе ваше большая картина изъ жизни—Соломона. Вы видите мудраго Государа уже въ преклонныхъ лѣтахъ на западѣ жизни.

Въ чертогахъ кедровыхъ, среди садовъ прекрасныхъ,

Въ объятіяхъ Сиренъ.

Какое собраніе красавицъ! всѣ прелести Азіи помѣщены въ этой картинѣ; но одна величественная, стройная, бѣлокурая красавица затмѣваетъ всѣхъ ее окружающихъ. Она вся наполнена страстію: страсть

пылаетъ въ сафирныхъ ея очахъ; страсть колеблется въ полной ея груди и въ быстромъ движеніи алой крови кипитъ страсть. Это въ совершенствѣ красавица. Какая бѣлизна и нѣжность въ тѣлѣ! Какой свѣжій румянецъ въ лицѣ! Роскошь и нѣга взмелѣли ее—и посвятили любви. Самая тонкая вѣтротканная одежда, кажется, тяготитъ ее. Небрежность въ одеждѣ возвышаетъ и прелести. Вотъ Соломонъ, старецъ по лѣтатъ, но юноша по страстямъ. Онъ внемлетъ законы изъ устъ своей владычицы. Сія дочь заблужденій повелѣваетъ ему преклонить колѣна предъ бездушнымъ истуканомъ. Буря страсти возмущаетъ разсудокъ. Исчезаетъ Монархъ и мудрецъ, и въ Соломонѣ видѣнъ—человѣкъ. Онъ забываетъ Властителя міровъ, потрясающаго вселенную громами гнѣва своего—и падаетъ предъ истуканомъ!.. Пріятно видѣть такія картины въ чертогахъ Государей: онѣ напоминаютъ имъ, сколь легко и опасно быть игрищемъ страстей!—Но вотъ комната, въ которую не входитъ ни одинъ Полякъ безъ особеннаго сердечнаго содроганія. Здѣсь поставлены въ четырехъ углахъ мраморныя пзваянія четырехъ славнѣйшихъ изъ Польскихъ Государей: Степана Баторія, Сигизмунда Великаго, Казимира и освободителя Вѣны Іоанна Собіескаго.—Ихъ собралъ сюда Понятовской, конечно въ намѣреніи научиться у нихъ быть великимъ.

Тотъ же Король, который построилъ Лазенки, соорудилъ на одномъ изъ возвышеннѣйшихъ мѣстъ Варшавы прекрасныя и величественныя казармы.... и онъ же поставилъ монументъ Собіескому. Освободитель Вѣны бурнымъ конемъ своимъ подавляетъ толпы свирѣпыхъ Музульманъ.

Въ Варшавѣ всякой можетъ удовлетворить страсти сорить деньги, какъ бы велика она ни была. Толпы нищихъ и Жидовъ осаждаютъ васъ; но изъ всѣхъ тѣхъ, которые поютъ, играютъ на гитарахъ, ковер-

каются, ломаются по улицамъ, достойнѣе всѣхъ награда тѣмъ людямъ, которые зарабатываютъ хлѣбъ, провозжая иностранцевъ въ темныя ночи съ фонарями по улицамъ.

В А Р Ш А В А.

Отдадимъ справедливость выбору піэсъ, на здѣшнемъ театрѣ представляемыхъ: онѣ всѣ служатъ или къ возбужденію любви къ отечеству, или къ порицанію разврата, или заключаютъ въ себѣ сатиры на нынѣшнее воспитаніе и похвалу стародавнымъ обычаямъ. — Сколько я замѣтилъ — во Французскомъ фракѣ выпускаютъ на сцену всегда или плута, или развратника, или, по крайней мѣрѣ, шалуна и вѣтренника; а въ Польскомъ кунтушѣ — человека честнаго; твердаго, любящаго отечество, древнюю славу его, добродѣтели предковъ.

В А Р Ш А В А.

Я имѣлъ пріятнѣйшее удовольствіе встрѣтить здѣсь Князя А. В. Сибирскаго. Въ 1805 году перешелъ онъ изъ нашего Апшеронскаго полка въ Нарвской. Вмѣстѣ съ прочими Офицерами, которые были къ нему душевно привязаны; простился съ нимъ и я въ Браунау съ тѣхъ поръ, проведя нѣсколько лѣтъ въ плѣну во Франціи, и отлучась потомъ въ Финляндіи, произведенъ онъ въ Генералъ-Маіоры, а заслуги его въ Отечественной войнѣ награждены многими лестными знаками отличія; но послѣ всѣхъ случившихся съ нимъ выгодныхъ перемѣнъ онъ принялъ меня съ прежнею благосклонностію. Теперь лѣчитъ онъ тяжелую рану свою: правая рука его сильно повреждена картечью. Я видѣлъ золотыя часы, бывшіе въ карманѣ его въ то время, когда онъ раненъ въ руку; картечь совсѣмъ

изковеркала ихъ. Вѣроятно, что они отвратили смертоносность другаго удара; ибо Князь получилъ еще сильную контузію въ бокъ въ томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ лежали часы.

Палацъ или замокъ Сакскій украшенъ прекраснымъ садомъ, въ которомъ очень пріятно прогуливаться и тѣмъ пріятнѣе, что тамъ можно видѣть почти всю публику Варшавскую и встрѣчаться нечаянно съ знакомыми. — Вчера встрѣтился я тамъ съ общимъ нашимъ совоспитанникомъ *Байкосымъ*. Оба мы обрадовались такъ, какъ Кадеты, невидавшіеся болѣе десяти лѣтъ. Я увидѣлъ у него въ петлицѣ Георгіевской крестъ; онъ получилъ его за взятіе Маршальскаго жезла Давуста 5 Ноября подъ Краснымъ. Онъ гнался за самимъ Давустомъ и даже стрѣлялъ по немъ. — Теперь служить въ гвардіи.

Сегодня былъ я весьма обрадованъ нечаяннымъ свиданіемъ съ *К. И. Батюшковымъ*, который ѣдетъ въ армію. Марсъ безпрестанно отнимаетъ у Музъ любимцевъ ихъ. Ты не разъ пѣлся прекрасными произведеніями Батюшкова. Ревностное желаніе пожать лавры въ войнѣ за общія права человѣчества, влечетъ его изъ мирной тишины въ шумныя поля браней. — Какъ жалко видѣть прекрасное плодоносное дерево во власти бурныхъ вѣтровъ; но еще прискорбнѣе видѣть изящнѣйшія дарованія въ томъ мѣстѣ, гдѣ одинъ золотникъ свинца можетъ отнять ихъ у свѣта! — Мы провели нѣсколько часовъ вмѣстѣ въ пріятнѣйшей бесѣдѣ. Потомъ онъ поскакалъ на курьерскихъ въ Силезію; а я пошелъ бродить по развалинамъ Праги.

10 А в г у с т а .

Дорога къ Бресту Литовскому.

Мѣстечко Окуневъ самое скудное мѣстечко. — Дорога къ нему прорублена сквозь дремучій болотистой лѣсъ. —

Гдѣ дѣлась Варшава?—Исчезла какъ сонъ!... Прелестная Висла, громада зданій, высокіе мрачные костелы, унылыя палаты и прекрасные цвѣтущіе сады, смѣсь зелени съ пестротой зданій,—все это осталось, какъ картина, только въ воображеніи. Окрестности Варшавы пусты! — За три мили, не болѣе, вы даже не предчувствуете, что находитесь близъ столицы! кажется, что какая-нибудь волшебница вдругъ поставила совсѣмъ готовую Варшаву среди дикихъ пустынь и лѣсовъ.

11 А в г у с т а .

Здѣсь кажется только что теперь прошла война: такъ свѣжи слѣды ея!... Какъ ужасны слѣдствія войны и какъ горестно покореніе!... О Русскіе! благословляйте руку, даровавшую вамъ свободу! Благодарите предъ тѣми, кто пролилъ за нее кровь!—Смотря на здѣшнія мѣста, я невольно восклицаю изъ глубины сердца: о! какъ счастливо Отечество мое, что оно свободно!... Здѣсь ѣдешь все дремучими лѣсами и встрѣчу съ человѣкомъ считаешь рѣдкостію.

Мы ночевали въ деревнѣ Невискахъ. — Смотрю на стѣну—и вижу на картинѣ *бѣдную Марию*. Стернь, нѣжной, умной, чувствительной Стернь, съ неподражаемою прелестію слога своего, живо представляется воображенію моему. Я вижу, какъ онъ старается пролѣпить цѣлебный елей на раны разтерзаннаго сердца бѣдной дѣвушки, для которой вся природа кажется только картиною тѣней, которая уже не можетъ выдти изъ тѣснаго круга своихъ мечтаній, не можетъ наслаждаться существенностію.—Свѣтильникъ разума ея погасъ; но сердце еще пылаетъ чувствительностію—и она несчастна!

Въ то время, когда углубляюсь въ разсматриваніе картины, узнаю, что госпожа дома также помѣшана.

Она была прекрасна; многіе искали руки ея: одному

удалось получить. Страстной супругъ, испившій наслажденіе изъ полной чаши радости, безопасно предался пріятному сну въ объятіяхъ прелестной супруги и въ сладкомъ упованіи проснуться столь же счастливымъ, какъ счастливъ былъ наканунѣ. Но судьба смѣется надеждамъ смертныхъ! Свершился роковой ударъ: то самое солнце, которое оставило юную чету среди блаженства, застало наутрѣ молодого супруга въ отчаяніи и слезахъ—жена его проснулась сумасшедшею!—И вотъ уже 20 лѣтъ, какъ она живетъ, лишена будучи лучшаго украшенія въ жизни—ума!—Сія несчастная изъ фамиліи Осолнскихъ. Она богата и знатна. Осолнскій, предокъ ея, былъ великимъ Канцлеромъ при Королѣ Іоаннѣ Казимирѣ въ 1654 году, въ то достопамятное время, когда славной Зинowej, Богданъ Хмельницкой, освобождалъ Малороссію отъ ига Польскаго.—Къ немалой ея отрадѣ служить то, что она совершенно равнодушна ко всему въ настоящемъ; о будущемъ не имѣетъ никакого понятія; одно прошедшее занимаетъ ее. Она сидитъ передъ зеркаломъ и очень покойно, а иногда даже весело, разговариваетъ сама съ собою о томъ, что было за 20-ть предъ симъ лѣтъ. И такъ всѣ превратности Польши и Европы для нее, какъ не бывали!... Послѣ этого не назовешь ее болѣе несчастною, и невольно скажешь: не счастливѣе ли она всѣхъ чувствующихъ, мыслящихъ, а слѣдовательно и страждущихъ существъ?

Пустой замокъ, сумасшедшая женщина и проч. и проч.:—вотъ содержаніе для романа въ родѣ Радклифныхъ, которые такъ дорого цѣнятся продавцами и покупателями книгъ!... Счастье, если пожаръ Москвы очистилъ столицу отъ Французовъ, русалокъ и Радклифныхъ романовъ!—Тогда, вмѣстѣ съ Панглосомъ, можно сказать: «все къ лучшему»!

12 Августа, мы проѣзжали мѣстечко Седлицъ, въ которомъ есть нѣсколько каменныхъ домиковъ.

13. Бѣлая, пзрядной старинной городокъ. Во время Отечественной войны, прошлаго 1812 года, когда большая наша армія готовилась къ боямъ и побѣдамъ, стоя за Нарою, славной Генераль Графъ Ламбертъ, съ отрядомъ своимъ, доходилъ до сихъ мѣстъ, разпространяя ужась до самой Варшавы. Страна эта гремитъ подвигами этого Генерала. Жители здѣшніе уважають его, а солдаты любятъ какъ отца!

Всякой Генераль, желающій быть славнымъ, старается заслужить имя друга и отца солдатъ.

Этотъ городокъ Бѣлая принадлежитъ Доминику Радзивилу, который, показавъ себя неблагодарнѣйшимъ человѣкомъ предъ великодушнѣйшимъ Государемъ, находится и до сихъ поръ во Французской службѣ. Говорять, что вторая жена его совратила этого питомца счастія съ истиннаго пути. — Когда женился онъ на первой женѣ, прелестной и добродѣтельной Мвишковой, то въ одинъ день съ собою вѣнчалъ нѣсколько паръ влюбленныхъ, которымъ бѣдность препятствовала быть счастливыми; между прочимъ онъ женилъ и любимца своего Михаловскаго на прекрасной Кашенской, подругѣ жены его. Одной этой четѣ дано въ приданое 100,000 злотыхъ!... Чего не могутъ сдѣлать богачи, если они захотятъ быть благотворителями?

13. Августа. Отъ Бѣлой къ Кодиѣ земля, освѣжаемая наводненіями, имѣетъ много соковъ. Болота здѣсь пространны.

14. Брестъ очень раззоренъ: все представляетъ въ немъ видъ бѣдности. Здѣсь застава. Проѣзжающихъ изъ за границы и за границу останавливають для узаконеннаго обыска. Но вѣрно ни одинъ изъ проѣзжающихъ не пожалуется на сверхъ-законную строгость или прижимки, которыя обыкновенно въ такихъ мѣстахъ случаются. Директоръ Брестъ-Литовской таможни такъ честенъ, добръ и учтивъ, что всякой

за удовольствіе почтеть открыть ему не только всѣ чемоданы, но даже сердце свое.—Здѣсь зашли мы въ старинной Русской монастырь и насладились удовольствіемъ, котораго почти цѣлой годъ не имѣли, удовольствіемъ молиться въ Русской церкви. Прискорбно видѣть Русской монастырь въ развалинахъ среди великолѣпныхъ Католическихъ костеловъ.

15. Августа. Большая дорога, кажется, плаваетъ въ водѣ: по сторонамъ ничего болѣе не видишь, какъ болота и лѣса. Сторону эту должно прежде осушить, потомъ населить; а тамъ уже просвѣтить.

Р а т н о.

18. Августа. Я вижу здѣсь столѣтнія строенія, столѣтнія деревья и почти столѣтнихъ людей, съ современными молодости ихъ обычаями. Здѣсь все точно такъ, какъ было предъ симъ за сто лѣтъ: то же провозженіе времени, тѣ же уборы, обряды; а что всего важнѣе—тѣ же добродѣтели. Мѣстечко это принадлежитъ Графинѣ Сосновской, матери Княгини Любомирской, которая имѣетъ на Волынѣ городокъ Ровно. Графинѣ Сосновской уже около ста лѣтъ; но необыкновенной умъ и доброта суть отличительнѣйшія свойства ея по сіе время. Въ другихъ мѣстахъ имѣетъ она великолѣпные замки; а здѣсь въ Ратномъ живетъ сама въ старинномъ домѣ, совершенно по старинному. Вѣроятно, что сей старинной, безшумной и беззаботной образъ жизни причиною и долголѣтія. — Здѣсь такъ всѣ привыкли къ своимъ угламъ, что многіе находящіеся въ различныхъ должностяхъ у Графини живутъ по 50 лѣтъ въ одной комнатѣ. Странно и вмѣстѣ пріятно видѣть здѣсь, такъ сказать, сколокъ протекшаго столѣтія въ то время, какъ роскошь и нововведенія наводняютъ всю Польшу и Европу.— Столъ Графини украшается всегда старыми винами, а

домашнее общество молодыми дѣвушками. Почтеннѣйшая хозяйка любима всѣми у нее въ домѣ и близъ живущими. Самыя животныя привыкли къ ея голосу и ласкамъ. Бѣдные получаютъ изъ щедрой руки ея помощь; а разныя птицы—пищу. Нѣтъ ничего пріятнѣе, какъ видѣть ее въ кругу благодѣтельствуемыхъ ею тварей. Она выходитъ изъ комнатъ—и всѣхъ родовъ-собаки, кошки, куры, голуби и прочія птицы и летятъ, и бѣгутъ и собираются къ ней; отворяютъ конюшню—и молодые игривые жеребята спѣшатъ прыжками ѣсть хлѣбъ изъ рукъ ея. Она приходитъ въ садъ—и кролики, бѣлки и павлины толпятся около нея. Лебеди, слышавъ голосъ ея, плывутъ къ берегу, веза на хребтахъ, между крылъ, малыхъ дѣтей своихъ.—Все кормится, дышетъ и живетъ ею!—Въ послѣднюю войну оказывала она различныя вспоможенія нашимъ раненымъ и отдавала всѣхъ лучшихъ своихъ лошадей подъ больныхъ.

22 Августа. Мѣстечко Любашевъ.

Мы проѣхали проселкомъ пространство, отдѣляющее большую дорогу изъ Дубна въ Брестъ Литовской отъ дороги, изъ Волыни въ Пинскъ и далѣе идущей.—Лѣсистая и крайне болотистая здѣшняя сторона весьма выгодна для оборонительной войны: съ одною пушкою и горстью людей можно защищать надежно большія пространства отъ превосходнѣйшаго непріятеля.—Два большихъ канала, Огинскаго и Королевской, могутъ доставить здѣшной сторонѣ великія выгоды для внутренней торговли, только должно ихъ нѣсколько прочистить и поисправить.

Здѣсь-то Генералъ Тормазовъ, защитникъ Волыни, весьма искусно и благоразумно производилъ свои движенія и воинскіе обороты. Здѣсь и Графъ Ламбертъ славился съ летучимъ отрядомъ своимъ, снискавъ любовь солдатъ и жителей. По всей здѣшной сторонѣ

водяное сообщеніе могло бѣ быть въ наилучшемъ состояніи. Любашевъ на прекрасномъ мѣстѣ и можетъ нѣкогда быть прекраснымъ городкомъ. Отсюда плаваютъ въ Пинскъ и далѣе. Но тутъ нѣтъ ни хорошей пристани, ни порядочныхъ лодокъ. Берега рѣки Припети заросли осокою, и жители, какъ будто дикіе, вовсе не имѣютъ понятія о выгодахъ внутренней торговли. Все зависить отъ владѣльцевъ. Поляки, теряясь въ романическихъ мечтахъ о свободѣ, забываютъ существенныя пользы свои и своего отечества.

Здѣсь, въ Любашевѣ, должность Ключъ-Войта занимаетъ доброй претарѣлой отставной солдатъ. Какъ бы хорошо было, еслибъ всѣ такія мѣста отдавались заслуженнымъ и честнымъ воинамъ!...

25. Городъ Пинскъ.

Не лѣзя не пожалѣть, подумавъ, чѣмъ бы Пинскъ могъ быть, и чѣмъ онъ есть теперь. Онъ бы могъ быть прекраснымъ городомъ, имѣть красивые дома, богатыхъ гражданъ, трактиры, постоянные дома, магазины и проч. и проч. Все бы это могло быть, потому что Пинскъ можетъ быть средоточіемъ важной торговли. Въ окрестностяхъ Пинска льются и сливаются до десяти рѣкъ: Пина, Стырь, Щара, Припеть, Горень и проч. и проч.

Изъ Кременчуга, Кіева и разныхъ мѣстъ Волыни можно плыть сюда, а отсюда пробираются даже до Немана и Вислы. Лѣсистыя окрестности Пинска могли бы дарить при-Днѣпрскія степи лѣсомъ; тѣ отдарились бы солью и другими произведеніями, а наипаче ишеницею, которую довольно удобно спроваживать отсюда даже въ Данцигъ. Такимъ образомъ произведенія отдаленныхъ странъ обмѣнивались бы въ Пинскѣ.—Что же онъ теперь?—Простой уѣздной городокъ, какъ и всѣ такого разбора. Однако и теперь приходятъ сюда по нѣскольку сотъ байдаковъ съ

солью.—Проѣзжая Пинскъ, непременно надобно по-
смотреть Русской Соборъ, недавно сдѣланный изъ
Польскаго костела. Художникъ, имѣвшій конечно са-
мой изящной вкусъ, прикоснулся къ обгорѣлымъ раз-
валинамъ древняго Польскаго костела и—явился пре-
местной новой фасадъ. Извнѣ понравится вамъ пре-
красной видъ и мастерская отдѣлка; внутри Готическая
огромность невольно располагаетъ къ благоговѣнію:
это въ полномъ смыслѣ—храмъ!

26 Августа. Сердце обливается кровью и радостію,
когда вспомнишь объ ужасной сѣчѣ и счастливейшихъ
послѣдствіяхъ Бородинскаго сраженія, ровно за годъ
предъ симъ ужаснувшего и спасшаго Россію. Поля
Бородинскія останутся вѣчно памятными для Россі-
янъ. Пріятно мечтать, что сродники и друзья падшихъ
на сихъ поляхъ соорудятъ на общихъ могилахъ нѣхъ
приличной мѣсту и великому подвигу храмъ. Каждой
годъ, 26 Августа, совершаться будетъ поминовеніе
Героевъ. Имена ихъ впишутся въ памятныхъ книгахъ,
какъ имена тѣхъ, которые пали на за-Донскомъ по-
боищѣ, въ обширномъ Куликовскомъ полѣ. Въ селѣ
Бородинѣ будетъ гостиница, которой не промнеть
ни одинъ изъ путешественниковъ чуждыхъ странъ и
нашего Отечества. Каждой остановится тамъ съ тѣмъ,
чтобъ, рассмотрѣвъ внимательно подробной чертежъ
великаго сраженія и прочитавъ подробное описаніе
онаго, идти потомъ бродить по тѣмъ мѣстамъ, гдѣ грудь
Русская устояла противу тысячи громовъ, гдѣ бился
Божій мечъ.—Не разъ полная луна въ прекрасной осен-
ній вечеръ освѣщать будетъ прелестныхъ Россіянокъ,
въ уныломъ сѣтованіи осыпающихъ цвѣтами гробы
супруговъ, братьевъ и жениховъ. Пріятно мечтать, что
все сіе такъ будетъ. Посмотримъ, существенность
оправдаетъ ли только, или еще превзойдетъ эти мечты!

28 Августа. Несвижъ очень порядочной городъ
Князя Радзивила. Онъ имѣлъ здѣсь прекрасной замокъ,
облитой озерами, и великія сокровища. Первая жена его,

скромная, нѣжная, страстная Мнишкова, была самымъ необходимымъ и неоцѣненнымъ сокровищемъ для счастья его жизни; но сей любимецъ счастья не умѣлъ пользоваться ни богатствами, ни семейственною жизнію—не умѣлъ быть благополучнымъ. Онъ развелся съ добродѣтельною супругою и, ослѣпленный мечтами, ринулся во Французскую службу. — Одинъ Несвижъ приносилъ владѣльцу своему до 100,000 рублей серебромъ!—Изъ разныхъ имѣній привозили къ нему цѣлыми возами золото и серебро!

29. Мѣстечко Свержень окружено озерами, имѣетъ пристань. Здѣсь протекаетъ Неманъ. Неманъ! Неманъ! Сколько напоминаній при видѣ сей рѣки!

Мы повстрѣчали *Московской Козачій* полкъ, который сформировалъ на собственное издѣвленіе Графъ Дмитріевъ-Мамоновъ и самъ ведетъ его къ арміи. Люди и лошади въ этомъ полку прекрасны! — Еслибъ все Русскіе богачи, вмѣсто того, чтобы расточать наслѣдіе предковъ въ пользу роскоши, моды и иноплеменниковъ, подражали почтенному Графу Мамонову: то армія Русская непремѣнно удвоилась бы и мертвые частные капиталы сдѣлались полезными общему благу Россіи, Европы и человѣчества. Скупые богачи, замыкающіе доходы свои въ сундукахъ, похищаютъ у общества часть его достоянія. Нѣкто сказалъ: «богачи должны стоять на колѣнахъ предъ бѣдными.» Пусть не становятся они на колѣни; а только помогаютъ имъ и усердствуютъ къ пользамъ отечества!...

29 Августа. Мы проѣзжали Минскъ. Весь городъ приготовлялся праздновать день Тезоименитства Государя. — Вездѣ разставляли плошки. — Прошлаго года, въ этотъ самый день былъ я въ Москвѣ, и тогда въ сей столицѣ Сѣвера царствовало, какъ говорить знаменитой Стихотворецъ:

Увы! молчанье вокругъ глубоко
И мечъ висящій надъ главою!

Минулъ годъ—и Русскіе на Эльбѣ, и Россія торжествуетъ!—Минскъ наполненъ плѣнными Французами. Они разгуливаютъ вездѣ по улицамъ, очень свободно, какъ домашніе. Поляки съ ними, какъ братья.—Минскъ окруженъ лѣсами. Дорога къ Борисову хороша, но крайне единообразна. Военныхъ позицій почти совсѣмъ нѣтъ или очень мало.

2 СЕНТЯБРЯ, ГОРОДЪ БОРИСОВЪ.

Не узнаешь его!—Прекрасное мостовое укрѣпленіе, по чертежу извѣстнаго нашего Генералъ-Инженера Опермана, вдругъ возникло у Березы. 1500 плѣнныхъ Французовъ заняты здѣсь земляною работою. Нельзя употребить лучше Французовъ!—Улицы мостятъ камнемъ. Видно изъ Борисова хотятъ сдѣлать хорошій городъ. Дай Богъ! у насъ такъ мало хорошихъ городовъ.—Недавно случилось здѣсь любопытное происшествіе. Русской, Нѣмецъ и Французъ шли по мосту во время грозы. Ударилъ громъ—Русской шелъ бодро; Нѣмецъ и Французъ упали. Но первый скоро всталъ; а послѣдній остался мертвъ. «Тьфу пропасть!» говорятъ Французы: «насъ и земные и небесные громы поражаютъ!»

Въ деревнѣ Натчѣ было 200 дворовъ; теперь нѣтъ 200 коловъ: такъ обработали ее Французы!—

Мы проѣхали чрезъ мѣстечки: Крупки, Бобръ, Толочинъ, Копысь, гдѣ прошлаго года переправлялся чрезъ Днѣпръ авангардъ Милорадовича. Потомъ чрезъ Дубровну и Ляды пріѣхали наконецъ въ Красное.—Вотъ мѣсто, гдѣ разбитъ былъ Ней!—невольнo воскликнулъ я, проѣхавъ Красное. Но тамъ нѣтъ доселѣ никакого памятника, свидѣтельствующаго о семъ великомъ подвигѣ. Даже тѣ мѣста, гдѣ похоронено великое множество тѣлъ непріятельскихъ, покрыты чуть примѣтными холмиками. Предки наши были, въ подобныхъ случаяхъ, благоразумнѣе. Кости Татаръ и Поля-

ковъ, вторгавшихся въ Россію, покрыты высокими курганами, которые, предохраняя отъ заразы, служатъ и поныѣ лучшими памятяками геройства Россовъ побѣдителей. Памятники необходимы. Поля Красенскія-Вяземскія и Бородинскія достойны быть увѣнчаны памятниками.

Мы повстрѣчали новой Нѣмецкой легіонъ, составленный Полковникомъ Дебичемъ изъ плѣнныхъ. Прекрасно одѣтые, прекраснѣйшіе люди, шли расцѣвляючи сражаться за свободу Европы.

Наши рекруты, идущіе изъ Вятки въ армію, также отлично хороши. Любо смотрѣть на сихъ бѣло-тѣлыхъ, плотныхъ и свѣжихъ людей!

Въ армію Русскую, стоящую на Эльбѣ, Молдавія посылаетъ—сухари; Вятка—рекрутъ. Области, раздѣленные тысячами верстъ разстоянія, соединяють силы и способы свои для одной общей цѣли.—Сколь велики средства великаго Отечества нашего!—

О сколь Монархъ благополученъ,
Коль знаетъ Россами владѣть!
Онъ будетъ въ мірѣ славой звученъ
И всѣхъ сердца въ рукѣ имѣть!

Великой Стихотворецъ въ стихахъ сихъ предрекъ
блестательнѣйшую Славу Александра І.

СЕНТЯБРЯ 10, 1813. СМОЛЕНСКЪ.

Мой другъ! что такое любовь къ родинѣ?... Откуда происходитъ это сильное, живое и для самихъ насъ непонятное стремленіе къ тому мѣсту, гдѣ мы родились? Часто случается, что лишась виновниковъ бытія своего, потерявъ всѣхъ милыхъ, всѣхъ друзей и даже знакомыхъ, не имѣя уже никакихъ причинъ, никакихъ предлоговъ заглядывать на родину, все еще стремимся къ ней, какъ къ самому милому другу. Свиданіе съ родиною есть праздникъ для сердца. Мы это чувствуемъ; а почему?... Кто знаетъ и кто воз-

мется объяснить?—Умы людей съ давняго времени силятся постигнуть и растолковать причины всѣхъ нашихъ ощущеній; но трудъ ихъ напрасенъ!—Какъ знать причину, почему чувствуешь, когда очень часто не умѣешь выразить того, что чувствуешь. Мы несравненно богаче чувствомъ, нежели выраженіемъ.—Согласись, другъ мой! что менѣе всего знаемъ мы то, что отъ колыбели до могилы всегда съ нами, всегда въ груди нашей: менѣе всего знаемъ мы свое собственное сердце. Еслибъ мы знали, отъ чего, когда, какъ и почему оно радуется, груститъ, умиляется, наслаждается небеснымъ вдохновеніемъ добродѣтели, или, по вихрю страстей, стремится въ туманную область порока.... Еслибъ мы все это знали, то имѣли бы полное познаніе о самихъ себѣ. Но нѣтъ, познаніе самого себя, говоритъ древній мудрецъ всѣхъ вѣковъ—*Опытъ*, труднѣе всѣхъ знаній на свѣтѣ.—Остроумной *Вовенаркъ*, котораго читалъ я на сихъ дняхъ, объяснилъ многія свойства, способности и дѣйствія ума; но сердце все еще остается для насъ страною неизвѣстною.

Тайна, на которой основывается любовь къ родинѣ, еще необъяснена. Отъ чего, думаетъ холодной умъ, послѣ прекраснаго солнца полуденныхъ странъ, послѣ цвѣтущихъ областей земель чуждыхъ, нравятся намъ и туманное небо, и лѣсистая природа, и знойные пески и вѣчные снѣга нашей родины?—Отъ чего такая неизмѣнная привязанность къ ней?—Не смѣю утверждать, но предложу догадку. Не основывается ли привязанность на воспоминаніи дѣтскихъ лѣтъ, того счастливаго, очаровательнаго времени бытія нашего, которое ни для кого уже въ другой разъ въ жизни не возвращается. Ни что не сильно замѣнить сердцу потерю того состоянія невинности, въ которомъ находится оно въ безмятежномъ утрѣ дней своихъ! И часто, среди всѣхъ очарованій роскоши, утопая въ изобиліи, вдругъ заноситъ и загруститъ оно, видя себя

увядающимъ отъ зноя страстей, и вспомя, въ какой свѣжести процвѣтало прежде.—Но любя воспоминать о блаженномъ состояніи юности, не лзя не любить и того, что объ немъ напоминаетъ. А гдѣ-жъ больше окружены мы напоминаніями, какъ не на своей родинѣ?—Тамъ нѣтъ ни одного предмета, который бы не былъ или свидѣтелемъ, или товарищемъ нашихъ игръ, забавъ, надеждъ, мечтаній и той счастливой безпечности, которою наслаждались мы безпрерывно, доколѣ нужды, прихоти и страсти не повлекли насъ въ бури и мятежи свѣта. Такъ: родина есть другъ нашей юности.—Она есть единственное вмѣстилище всѣхъ неоцѣненныхъ напоминаній протекшаго счастія —и вотъ почему должна быть она намъ всегда любезна!—Вотъ строки, излившіяся тотчасъ по пріѣздѣ моемъ въ Смоленскъ. Причиною ихъ были чувства, пробудившіяся при видѣ этого города. Завидя издали, сквозь вечернія сумерки, стѣны и храмы его, я невольно воскликнулъ: они еще цѣлы!—и обрадовался имъ, какъ давнишнимъ друзьямъ. Душа наша пріемлетъ иногда великое участіе и въ неодушевленныхъ предметахъ.—Теперь ночь, прощай! Завтра осмотрю городъ, послѣ всѣхъ его страданій, потомъ загляну въ свою хижину; а тамъ уже буду къ тебѣ писать.

Сентября 13.

Я видѣлъ раззореніе моей родины, я слышалъ тяжкіе вздохи ея. Повсюду пепѣль и разрушеніе!—Городъ весь сквозной; мы безъ кровель, безъ оконъ, безъ дверей. Пустота пугаетъ; вѣтеръ свищетъ среди обгорѣлыхъ стѣнъ; по ночамъ кажется, что развалины воютъ. Въ деревьяхъ ничего не слышать, кромѣ стога и жалобъ: а что, спросишь ты, нашелъ я у себя?—Одно запустѣніе!—Такъ, другъ мой, нашествіе непріятеля лишило меня всего! Состояніе небольшого довольства

превратилось въ состояніе бѣдности.—Но можетъ быть еще можно поправить?—Нѣтъ! нива, убитая градомъ, уже не цвѣтетъ безъ особаго милосердія неба. Какъ для нивъ благотворные дожди, такъ для раззоренныхъ нужна помощь. Но отъ кого ждать ее?—Отъ людей?—Ахъ, чѣмъ болѣе узнаемъ ихъ, тѣмъ менѣе на нихъ надѣмся!—«Не надѣйтесь ни на Кязи, ни на сыны человѣческіе!» повторяетъ печально странникъ міра, умудренный опытомъ.—Люди все тѣ жъ, что и были. Пожары не просвѣтили умовъ и злополучіе не успѣло еще смягчить сердецъ. Прежнія страсти и прихоти выползаютъ изъ пепла и старое свое господство утверждаютъ въ новыхъ домахъ. Роскошь и богатство запѣваютъ прежнія пѣсни.—«Бѣдность не порокъ!» говорятъ равнодушно свѣтскіе умники, лежа на богатыхъ диванахъ. Согласенъ съ ними; однакожъ можно не стыдиться: но нельзя не чувствовать суровости ея.—Точно такъ, какъ зимою ходить безъ шубы не стыдно, да холодно!—Никогда, какъ теперь, состояніе бѣдныхъ не заслуживало болѣе всеобщаго сожалѣнія. Я постараюсь современемъ сообщить тебѣ записку о потеряхъ Губерніи—и ты вѣрно испугаешься, читая ее, какъ я пугаюсь, видя ихъ.

Сентября 15.

Сейчасъ подтвердился слухъ, которому я долго не хотѣлъ вѣрить. Письма изъ арміи удостовѣряютъ о кончинѣ знаменитаго Моро, изображая и нѣкоторыя подробности оной.—И такъ, для чего великій мужъ сей, изъ отдаленнаго уединенія своего, преплывъ необъятное пространство морей, явился на кровавомъ поприщѣ смятенной Европы?—Для чего изъ безмятежной тишины своей выступилъ опять въ бури и молніи гремѣщей войны? Для чего?...

Февраля 2, 1814 года.

Я давно обѣщалъ прислать тебѣ записку о потеряхъ Смоленской Губерніи; ты ее получишь теперь, вмѣстѣ съ увѣдомленіемъ, въ Русской Вѣстникѣ, объ одномъ несчастномъ сѣмействѣ; а такихъ семействъ у насъ послѣ войны много. Прочти, говорю я, записку; прочти увѣдомленіе и пожалѣй о бѣдной, опаленной родинѣ моей. Скоро разпрошусь съ нею и поспѣшу опять въ армію уже за Рейнъ.

З а п и с к а (*).

Въ теченіе полутора года убыло въ Смоленской Губерніи отъ войны, мора и голода разнаго состоянія людей мужеска пола. 100,000 человекъ.

Обывательскихъ домовъ сожжено кромѣ

городскихъ 13,132

Мѣльницъ разрушено 260

Лошадей погибло - 122,798

Рогатаго скота 130,395

Мѣлкаго скота, кромѣ послѣдняго падежа, 250,332

NB. Все сіе означено здѣсь по самому вѣрному и умѣренному изчисленію.—Сверхъ того два рекрутскихъ набора извлекли изъ каждаго 500 душъ по 18-ти лучшихъ молодыхъ людей; да изъ воиновъ Земскаго Ополченія въ дома не возвратились: 4407 человекъ.

Увѣдомленіе о бѣдномъ, отъ непріятели раззоренномъ сѣмействѣ.

Уже давно не стало ни единого врага на землѣ Русской; всѣ они или легли костями на ней, или выгнаны за предѣлы ея съ безчестіемъ. Было время незабвенное для исторіи и потомства, когда Богъ всту-

(*) Эта записка получена мною отъ почтеннаго Федора Ивановича Лыкошена, который, при послѣднемъ выборѣ, общимъ голосомъ Дворянъ избранъ въ Губернскіе Предводители.

пился наконецъ за Отечество наше и пролилъ весь
фіялъ гнѣва своего на враговъ его. Страшенъ Богъ
во гнѣвѣ своемъ! Я видѣлъ гибель нечестивцевъ!...
Они бѣжали великими толпами по той самой дорогѣ,
по которой нѣкогда наступали грозно, въ воинскомъ
устройствѣ, съ пѣніемъ и кликами торжественными.
Но какъ изобразить злополучіе гонимыхъ небомъ? —
Путь ихъ лежалъ чрезъ страны, имъ невѣдомыя. На
землѣ ничего не представлялось имъ, кромѣ необозри-
мыхъ снѣговъ; въ небѣ ничего не видали они, кромѣ
мрачныхъ тучъ, хладную влагу на главы ихъ про-
сыпающихъ. На всякомъ шагѣ постигали ихъ гнѣвъ
раздраженнаго Бога. Страшенъ былъ имъ унылый
видъ обнаженной природы. Хладные вѣтры, сли-
ваясь въ бури, несли за ними въ слѣдъ проклятій
цѣлаго народа. Войска, Донцы и крестьяне по-
всюду наносили имъ смерть. Но лютые враги и въ
последнія минуты жизни еще помышляли о вредѣ.
Сжимая одною рукою пронзенную грудь, другою за-
жигали они дома и города. Пожары неугасимо пылали,
и слѣдъ ихъ—было опустошеніе!—Истреблены злодѣи;
но скоро ль загладится причиненное зло?—Скоро ль
престанетъ рыдать бѣдность на пеплѣ хижинъ своихъ
и прежнее довольство успокоитъ по прежнему?—Кто
бы ты ни былъ, проѣзжающій чрезъ страны, раззорен-
ныя непріателемъ! Не подумай, видя въ городахъ дома
богатыхъ купцовъ, возраждающіеся изъ пепла въ
новой красотѣ; видя селы богатыхъ господъ въ преж-
немъ блескѣ; видя радость пирующую въ пышныхъ
домахъ и смѣющіяся лица въ веселыхъ обществахъ:
не подумай, чтобы прежній порядокъ вещей былъ уже
возстановленъ. Нѣтъ! загляни въ дымную избу посе-
лянина; сойди въ глубокой погребъ, гдѣ мѣстится цѣлое
семейство; имѣй терпѣніе выслушать печальное повѣ-
ствованіе матери о горестномъ странствованіи ея по
лѣсамъ; о тѣхъ нуждахъ и бѣдствіяхъ, которыя угне-
тали ее съ малолѣтнимъ семействомъ; взгляни теперь

на семейство сіе, не увѣренное еще въ дневномъ пропитаніи; взгляни—и сердце твое не вмѣститъ въ себя живѣйшаго состраданія!—Великое несчастіе есть—бѣдность. Но рожденные и возросшіе въ бѣдности нѣкоторымъ образомъ привыкаютъ къ ней. Они не знаютъ выгодъ лучшаго состоянія и часто довольны бываютъ своимъ. Для когожъ ужасна и даже нестерпима бѣдность?—Для тѣхъ, которыхъ ввергаютъ въ нее превратные случаи и незаслуженное несчастіе. Какъ больно промѣнять порядочный, свѣтлый домъ на дымную избу; кусокъ чистаго хлѣба, на черствый сухарь!—Должно признаться, что такое положеніе горестно, и въ такомъ-то положеніи находится семейство, къ которому я осмѣливаюсь обращать вниманіе сострадательныхъ соотечественниковъ нашихъ. — Птр. Вслвч. Т.....ій лишился всего своего имущества при нашествіи непріятелей. Онъ живетъ теперь въ крайней бѣдности Смоленской Губерніи въ Д.....мъ уѣздѣ. — Я видѣлъ этого бѣднаго отца большого семейства; видѣлъ я горестную мать, въ простой крестьянской избѣ, ухаживающую за пятью малолѣтними и больными дѣтьми! Она теперь беременна и содрогается при мысли, что вскорѣ еще однимъ невиннымъ страдальцемъ должно умножиться семейство ея, и безъ того едва могущее получить скудную и слезами окропленную пищу. Но въ самой нищетѣ, среди шума зимнихъ бурь и вопля болящихъ дѣтей, подкрѣпляетъ ее вѣра и надежда на сострадательность Русскихъ. Вамъ, чувствительные соотечественники, до которыхъ Провидѣніе не допустило бурь военныхъ, вамъ прежде всѣхъ должно оправдать надежду сію. Вы не видали страшной картины—пожара городовъ, полей сраженія; не слышали воплей раззореннаго народа и стона умирающихъ тысячъ. Пусть вѣчно не возмущаютъ чувствъ вашихъ подобныя явленія!... Но въ пріятной тишинѣ, васъ окружающей, среди удовольствій семейственной жизни, въ изобиліи и покоѣ, вспомните, что есть несчастные, не насла-

ждающіеся ни однимъ изъ сихъ благъ. Вспомните, что есть истинно несчастные страдальцы, требующіе необходимой помощи отъ великодушнаго состраданія вашего!—*И егда услышите гласъ его, не ожесточите сердецъ вашихъ!*—Теперь гласъ сей слышенъ въ горестномъ стонѣ страдальцевъ!

ПИСЬМА ИЗЪ ПОЛЬШИ.

Минскъ.—23 Марта.

Проѣдешь Оршу, Дубровну, Борисовъ, Минскъ, и ничего не замѣтишь, кромѣ бѣдности въ народѣ и по всеобщаго разрушенія—неминуемаго послѣдствія войны! Представьте себѣ длинное, почти непрерывное протяженіе дремучихъ лѣсовъ по обѣимъ сторонамъ дороги, и вы будете имѣть понятіе о дорогѣ къ Минску. Сколько надобно времени, сколько надобно рукъ, чтобъ превратить сію лѣсистую, угрюмую, въ цвѣтущую и населенную сторону!... Минскъ, стоящій на берегахъ рѣчки Свилоши, текущей въ Березину, довольно изрядный городъ; но въ весеннее время такъ нечистъ, что я не могу надивиться, какъ могутъ люди дышать столь вреднымъ и тяжелымъ воздухомъ?

Большая часть жителей состоитъ изъ Евреевъ. Они не орутъ, не сѣютъ, но кормятся и богатѣютъ—Чѣмъ же?—Проворствомъ и промыслами!...

Мы ѣдемъ на почтовыхъ, и ѣзда неспора: вездѣ остановка!—Въ каждой станціи увидишь стѣну, оклѣенную большими и малыми, въ листъ и въ четвертку, печатными бумагами, непроницаемыми щитами для содержателей станцій (большею частію Жидовъ). Но въ десяти печатныхъ листахъ нѣтъ десяти строкъ въ пользу проѣзжающихъ. Нѣтъ никакого равновѣсія между правами зрителя и путешественника. Первый, ссылаясь на свои стѣнные учрежденія, всегда находитъ способы стѣснить, остановить и обидѣть; а

последнему предоставляется посылать жалобу за нѣсколько сотъ верстъ въ Почтамтъ, и никогда не знать, удовлетворенъ ли онъ или нѣтъ!—Люди, сочинявшіе сіи строгія постановленія, въ тишинѣ великолѣпныхъ кабинетовъ, конечно никогда не бѣжали подъ именемъ простыхъ Офицеровъ или бѣдныхъ путешественниковъ. Побывавъ въ когтяхъ станціонныхъ хозяевъ, они заговорили бы совсѣмъ другимъ языкомъ!

24 Марта. Минскъ.

Знаешь ли ты существа, которымъ отецъ—воображеніе, а мать—ложь?—Они невидимы, но слышимы. Будучи ничѣмъ, составляютъ нѣчто. Не имѣя ни ногъ, ни крыльевъ, быстро ходятъ и летаютъ изъ страны въ страну, изъ области въ область. Ничто не можетъ такъ восхитить или опечалить душу, возмутить или успокоить чувства, какъ они!—Имъ нѣтъ нигдѣ преградъ. Они втѣсняются въ каждую дверь, садятся въ кареты, бросаются въ скачущія почтовые повозки, кружатся въ обществахъ и носятся по свѣту. Но полно, говоришь ты, сплетать загадки: кто эти существа?—Слухи!—Нѣтъ ничего вреднѣе распространенія пустыхъ вѣстей и слуховъ. Теперь Польша наводняется ими, и между тѣмъ какъ Русскіе завоевываютъ Францію штыками, здѣсь губятъ ихъ—слухами. —Трудно ладить съ людьми неблагоприятными: они толкуютъ все въ свою пользу!...

II. II. Вся здѣшняя сторона еще съ самыхъ давнихъ временъ была принадлежностію Россіи. Минскъ то къ Полоцкому, то къ Смоленскому Княжеству принадлежалъ попеременно. Въ 1066 году городъ сей былъ взятъ и жестоко наказанъ за вѣроломство Князьями Русскими, дѣтьми Ярослава.

27 Марта, м. Смургони.

Мы не ѣдемъ, а тащимся. Дорога ни на саняхъ, ни на колесахъ! Туманное небо, воды шумящія подъ снѣгами, непрерывные лѣса, развалины домовъ и раззоренныя Французами села: вотъ, что представляется глазамъ нашимъ!—Много надо времени, чтобъ изгладить слѣды войны! Между Минскомъ и Смургонемъ, въ нѣсколькихъ мѣстахъ цѣпи холмовъ, пересѣкая дорогу, образуютъ твердыя и выгодныя военныя позиціи.—Въ Смургоняхъ видишь небольшое довольство, порядочные дома и свѣжія лица; а причина?—торговля!—Въ двухъ верстахъ отсюда течетъ Вилейка, по которой сплавливаютъ брусъа чрезъ Вильну и Ковно по Неману въ Пруссію. Дремучіе здѣшніе лѣса еще долго будутъ доставлять способъ къ такому торгу. Въ замѣнъ за проданное, промышленники привозятъ красной товаръ, вина, сахаръ и прочія произведенія.

Наполеонъ въ быстро-поспѣшномъ бѣгствѣ своемъ изъ Россіи ночевалъ въ Смургоняхъ. Сегодня проѣхали мы Молодечно, гдѣ написано, столько шуму надѣлавшее, 29 извѣстіе изъ Французской арміи.

Люблю видѣть людей, хранящихъ законъ, нравы и обычаи праотцевъ своихъ. Теперь смотрю на тѣхъ, которые молятся, живутъ и дѣйствуютъ точно такъ, какъ молились, дѣйствовали и жили предки ихъ за 2000 лѣтъ. Мы останавливаемся у Евреевъ, содержателей гостинницъ, и въ это время торжествуютъ они важное празднество свое: *Исходъ изъ Египта*. Согласись, другъ мой! что Моисей былъ великой законодатель! Онъ такъ умѣлъ скрѣпить Израильтянъ узами уставовъ, обрядовъ и обычаевъ, что безъ Государя, отечества и правъ, разсыпанные по лицу земли, они все еще составляютъ народъ.

Они заблуждаются... согласенъ! Но для чего мы, просвѣщенные, не столь постоянны въ законѣ, основанномъ на истинахъ непреложныхъ, какъ они въ своемъ заблужденіи? — Вотъ, что должно насъ усты-

жать!—Чѣмъ богаче Еврей, тѣмъ строже и ненарушимѣе исполняетъ онъ, даже малѣйшіе обряды свои. У насъ напротивъ богатство, смѣясь, попираетъ златою стопою уставы вѣры и обычая праотцевъ.

28 Марта, м. Мѣдники.

Нѣтъ ничего несноснѣе въ дорогѣ, какъ препятствія и остановки! Нѣсколько разъ останавливала насъ порча брычки, а теперь, какъ на зло, переломилась ось! — Останавливаемся въ м. Мѣдникахъ. Французы не только раззорили, но сожгли и прахъ помели этого несчастнаго мѣстечка. Нѣтъ и слѣдовъ жилья! Здѣсь есть весьма древній, какъ говорятъ, современный Вильнѣ замокъ. Всѣ старинныя крѣпости Польскія, и самая важнѣйшая изъ всѣхъ — *крѣпость кравовъ*, очевидно рушатся и исчезаютъ.

Здѣсь опять случилось намъ остановиться у Еврея, въ домѣ котораго понравилась намъ необыкновенная опрятность и чистота. На сей разъ собралось здѣсь нѣсколько семействъ, и я видѣлъ прекрасныя и презвучущія между ними лица. Нѣкогда дѣвы Израильскія славились красотою, а мужи ихъ сановитостію. Гремящій голосъ Пророка Исаи упрекалъ первыхъ въ надменности и нераченіи о добродѣтеляхъ домашнихъ; а послѣднихъ въ корыстолюбіи и другихъ порокахъ, свирѣпствовавшихъ въ Іерусалимѣ. Развращенной градъ сей не хотѣлъ внимать гласу вдохновеннаго учителя — и что онъ теперь?— Не тѣ люди, но страсти и пороки тѣже! Прими Европу за Іерусалимъ, и пожелаешь, чтобы она чаще заглядывала въ Библію; чтобы отъ одинакихъ причинъ не произошли одинакія слѣдствія!... Читаете-ль вы Іова, спросилъ я у хозяевъ? Читаемъ, отвѣчали они, когда намъ бываетъ грустно. Такъ, всякой несчастной долженъ непременно читать Іова!

Между тѣмъ ось поддѣлана. Мы непременно чрезъ часа два, три, много черезъ четыре, будемъ въ Вильнѣ.

Тамъ отдохну отъ несносной дороги, встрѣчу знакомыхъ, обниму лучшаго изъ друзей моихъ, брата Владиміра, и мало-ль еще чего хорошаго думалъ я, идя садиться въ бричку: Дорога такъ изуродована, что по ней ни пѣшкомъ, ни на конѣ: однакожъ ѣдемъ!—

Бѣдная корчма, вблизи Вильны. Ночь.

Сквозь шумъ весенней непогоды слышу звонъ колоколовъ въ городѣ и, при слабомъ мерцаніи луны, вижу остроглавыя высоты, которыя, подобно рядамъ исполиновъ, стоятъ на вѣчной стражѣ сидящей въ долинѣ Вильны. Кажется слышу, какъ городъ движется, шумитъ и разговариваетъ—переношусь въ него воображеніемъ, но не могу быть въ немъ! Опять остановка: сломилась другая ось!—Всѣ мечтанія исчезли; всѣ надежды молчатъ!—Не такъ ли, другъ мой! и на пути, чрезъ поле жизни, одно мѣльное, непредвидѣнное обстоятельство подрываетъ на воздухъ все, что ни строишь въ умѣ!... Не такъ ли, среди быстрѣйшаго стремленія къ цѣли, останавливаемся внезапно, и среди пламениѣйшихъ желаній цѣпенѣемъ!—Ахъ, кто успѣлъ насмотрѣться, какъ вянуть прелестнѣйшія радости, какъ умираютъ лучшія надежды людей, тотъ никогда не положится на будущее и не станетъ дѣлать расчетовъ впередъ!—Опытъ! опытъ спасителенъ для жизни!... Но вмѣстѣ съ опытомъ заходитъ въ сердце грусть!—Гдѣ вы, златые дни моей юности! безпечное время мечтаній и надеждъ! тогда не умѣлъ я еще читать въ будущемъ.... Теперь, брошенный въ бури жизни прикупилъ себѣ ума бѣдами... Теперь сталъ, правда, я умнѣе; но сталъ ли ты счастливѣе? говорятъ, вздыхаячи, сердце.

Что же отвѣчать на вопросъ? — Что отвѣчать! — Молчать и—читать чаще: о напрасныхъ ожиданіяхъ, философа Гарве!...

Вильна, 1 Апрель.

За 509 лѣтъ предъ симъ *Гедеминъ* Князь Литовскій, разчистивъ дремучіе лѣса, основалъ Вильну на берегахъ рѣкъ Вилия и Вилейки. И вотъ уже пять вѣковъ какъ, повинуясь основателю своему, не оставляетъ она своего мѣста: растеть, богатѣть, ширится; но все въ своей долині, не смѣя взойти на горы, смыкающіяся вокругъ нее кольцомъ. — Вильна одинъ изъ лучшихъ городовъ въ Россіи; она почти вся каменная. Дома пространны, улицы тѣсны; площадей мало. Всѣ почти военныя дороги проходятъ теперь чрезъ сей городъ, а потому онъ чрезвычайно многолюденъ. Въ немъ и всегда считалось до 25,000 жителей. Притомъ Вильна средоточіе торговли всего здѣшняго края. Хлѣбъ, воскъ, лѣсъ строевой и даже мачтовой отпускается отсюда вплавъ по рѣкамъ въ Кенигсбергъ, Ригу и Мемель. За то дѣятельность въ городѣ неусыпна; улицы кипятъ народомъ. Всѣ дома въ тѣсномъ сосѣдствѣ; многіе построены сплошь подъ одну крышу. — Въ этотъ разъ застали мы Вильну спокойною, въ чистотѣ и опрятности; а за годъ предъ симъ завалена была она тысячами труповъ мерзлыхъ Французовъ: каждой день нагружали ими сотни подводъ. Я никогда не видалъ въ большемъ уничиженіи человѣчество!

2 Апрель.

Только что мы дали о себѣ знать брату Владиміру, находившемуся за сорокъ отсюда верстъ при своей ротѣ, и онъ уже здѣсь! Онъ выѣхалъ на дрожкахъ, потомъ скакалъ верхомъ, а во многихъ мѣстахъ принужденъ былъ итти пѣшкомъ: такъ дурна дорога! — Какъ обрадовался я свиданію съ нимъ! Всѣ непріятности пути награждены!... Мы по неволѣ должны пробыть здѣсь, чтобъ дорога хоть немного получилась. Здѣсь люди живутъ весело: Поляки и Русскіе, кто

кого перещеголяетъ гостепріимствомъ! — Смольянинъ нашъ, почтенной Василій Ивановичъ Путята, начальникъ здѣшной Комиссіи, прослылъ другомъ Русскихъ въ Вильнѣ. Всѣ Русскіе почти каждой день у него. Изъ здѣшнихъ Графъ Манучи даетъ вечеринки и завтраки. — Здѣсь, къ удовольствію нашему, нашли мы еще родственника И. П. Гляк., Полковника артиллеріи. — Мы были по должности и въ гостяхъ у Полковника Говена, здѣшняго Коменданта: всѣ не нахвалятся имъ. Онъ также воспитанникъ 1-го корпуса. — На всякомъ шагу встрѣчаюсь съ знакомыми Офицерами и знакомлюсь съ другими. У военныхъ открыты сердца: въ изгибахъ нужды нѣтъ!

4 Апрель.

Здѣсь уже совершенная весна!... Горы первыя сбросили съ себя снѣжную одежду и зазеленѣли; вода хлынула въ улицы и смыла весь соръ; теперь ихъ подмели и онѣ чисты и сухи!

Тутъ и дома сидя видишь людей. Выглянешь изъ своего окна, и видишь длинной рядъ другихъ. Почти въ каждомъ прекрасное личико! — Здѣшнія красавицы любятъ всѣхъ видѣть и быть видимы. Небольшая площадь въ срединѣ города, съ утра до вечера пестрѣетъ отъ множества гуляющихъ. Теперь слывуть здѣсь первыми красавицами двѣ сестры Г** изъ Жмуди. Въ самомъ дѣлѣ меньшая прелестна!

УНИВЕРСИТЕТЪ.

Я видѣлъ здѣшній Университетъ. Онъ извѣстенъ и въ Европѣ. Епископъ Валеріанъ Протазевичъ основалъ его въ 1570 году. Спустя девять лѣтъ Король Стефанъ утвердилъ существованіе его. Зданіе Университета пространно. Мы были въ библіотекѣ и на обсерваторіи: всего любопытнѣе послѣдняя. Съ самой вершины превысокой башни наблюдаютъ здѣсь за всемъ,

что ни дѣлается въ небѣ. Мы разсматривали разные снаряды, инструменты, астрономическіе часы; смотрѣли въ микроскопы, телескопы, зрительныя трубы и заглядывали въ преогромной октанъ, посредствомъ котораго подстерегаютъ свѣтила, разхаживающія въ небесахъ, означая въ точности часъ, минуту и секунду прохожденія какого-либо изъ сихъ небесныхъ странниковъ чрезъ Виленскій меридіанъ.—Въ низу показывали намъ цѣлую комнату, занятую образцами различныхъ механическихъ снарядовъ. Тутъ можно видѣть все, что изобрѣтено людьми къ тому, чтобъ самую малую силою огромныя тяжести подымать и двигать.—Университетъ сей всегда находился и теперь состоитъ подъ управленіемъ Езуитовъ.

По двухъ стамъ пятидесяти ступенямъ взошелъ я на самой верхъ колокольни Св. Іоанна, откуда весь городъ, со всѣми его церквами, монастырями и замками какъ на ладони.... Вчера по утру смотрѣлъ оттуда на Вильну ополсанную цвѣтущими холмами. Она еще спала, когда я взошелъ на верхъ. Сперва любовался я картинами небесными, потомъ оглянулся на земныя. Я видѣлъ, какъ Вильна просыпалась. Начали растворять ворота, вышли мести улицы, потомъ отворились окна—и рѣзвые вѣтерки бросились цѣловаться съ красавицами и нѣжнымъ дыханіемъ освѣжать ихъ разцвѣтающія груди и лелѣять мягкіе кудри.—Сегодня обошли мы съ братомъ Владиміромъ весь городъ по горамъ, любовались теченіемъ Вилейки и мечтали о древности, отдыхая на развалинахъ стариннаго замка, въ которомъ нѣкогда Русскіе защищались съ необычайнымъ мужествомъ противъ Казимира V, отнявшаго у нихъ завоеванную ими Вильну. Въ 1658 году, когда знаменитый Хмѣльницкій вырвалъ уже Малороссію изъ рукъ Польскихъ, войска Козацкія вмѣстѣ съ воеводами Царя Алексѣя Михайловича брали Вильну, и побѣдоносное оружіе свое подносили даже къ берегамъ Вислы.

Мы были въ Русскомъ лазаретѣ въ Вильнѣ, и хвалили, и любовались и дивились: какая чистота! какой порядокъ! какая внимательность къ больнымъ! — Въ семь лазаретѣ и самой строгой наблюдатель, кажется, не найдетъ ничего такого, чего бы нельзя было похвалить.

Домъ Милосердія.

«Взгляните на одно изъ здѣшнихъ заведеній, которое мы считаемъ украшеніемъ нашего города», сказалъ мнѣ Грѣкъ *** и вызвался проводить въ *Домъ Милосердія*. — Мы прошли нѣсколько улицъ. Надпись на однихъ воротахъ останавливаетъ насъ; вотъ она: «о вы, которыхъ жестокая судьба или превратность непостояннаго счастья лишила всѣхъ способовъ наслаждаться жизнью, всѣхъ средствъ существовать въ мірѣ, не предаваясь отчаянію, придите въ домъ сей, отверзтой для васъ! Здѣсь не найдете вы роскоши; но покойной одрѣ, насущной хлѣбъ и совершенную независимость отъ жестокосердыхъ людей предлагаетъ вамъ здѣсь состраданіе братій вашихъ, по священному глаголу: блаженни призирающіе на нищихъ и убогихъ!»

Что изображено въ надписи, то выполнено на самомъ дѣлѣ въ домѣ. Онъ довольно пространенъ, чистъ, свѣтлъ и покоенъ. Въ нѣсколько рядовъ стоятъ опрятныя постели; между ними столы. Впрочемъ все просто. Тутъ увидишь всякаго роду несчастныхъ: израненныхъ, калекъ и просто нищихъ. Для сиротъ особые покои и учителя. Тутъ между прочими лежитъ жена одного Русскаго унтеръ-офицера, у которой Французы перебили ноги и выломали руки!

Мы видѣли ихъ кухню, хлѣбъ и кушанье: все очень хорошо! — Въ особыхъ котлахъ варятъ Румфордъ супъ, которой отпускаютъ и на дома къ бѣднымъ. — Устроители сего заведенія старались сколько можно

меньшими способами принести сколько можно болѣе пользы. На-примѣръ: печи здѣсь сдѣланы, по новѣйшему изобрѣтенію, требующія самаго малаго количества дровъ. Дымъ, выходящій изъ нихъ, не пропадаетъ: онъ вьется по трубамъ вокругъ большихъ чановъ и нагрѣваетъ воду.—На дворѣ прекрасной колодець; всякому дозволено, посредствомъ насоса, накачивать себѣ воду; но гидравликъ устроилъ хитрость въ пользу бѣдныхъ. Тотъ, кто вызываетъ изъ колодца воду, ничего не примѣчаетъ, а между тѣмъ, покуда онъ нальетъ себѣ одно ведро, два ведра бѣгутъ невидимо по нарочно-устроенному латокъ въ кухню къ бѣднымъ. Вотъ истинное добро! оно такъ скрыто, что и тому, кто его дѣлаетъ—незамѣтно!!

Кто же виновникъ этого вообще столь полезнаго заведенія?

Прекрасной обычай Польскихъ женщинъ.

«Едва нѣкоторые лучи Христіанскаго ученія блеснули въ древнемъ Римѣ, какъ женщины первыя открыли сердца свои къ принятію спасительныхъ правилъ божественнаго ученія сего. Онѣ показали примѣръ дотолѣ невиданныхъ добродѣтелей. Знаменитѣйшія жены изъ позлащенныхъ чертоговъ ходили посѣщать бѣдныхъ хижины собратій своихъ. Онѣ насыщали алчущихъ, утѣшали скорбящихъ и собственными руками, достойными управлять скипетромъ, перевязывали раны страждущихъ въ больницахъ».

Такъ говоритъ Томасъ въ похвальномъ словѣ своемъ женщинамъ.

Вѣроятно, что сей древній обычай первыхъ Христіанокъ перешелъ и къ Польшамъ. Есть нѣсколько дней въ году, въ которые самыя знатнѣйшія изъ нихъ ходятъ по домамъ, (каждая въ своей части города), и предстательствуютъ въ пользу бѣдныхъ, и просятъ, и кланяются, и не стыдятся. — Онѣ заходятъ въ хижины и палаты, принимаютъ копейку и червонецъ. Предъ всякимъ смиряются, за все благодарятъ. Вчера

Графиня З**, имѣющая нѣсколько сотъ тысячъ доходу, сама ходила по улицамъ пѣшкомъ и коледовала для бѣдныхъ. Смотри, какъ здѣсь богатство услуживаетъ бѣдности!... Сегодня младшая Г**, въ сопровожденіи одн ой престарѣлой родственницы, въ черномъ бархатномъ платьѣ, съ серебрянымъ блюдомъ въ рукахъ и съ чернымъ флеровымъ покрываломъ, сквозь которое алѣло прелестное личико ея, вошла къ намъ въ комнату, и ставъ прескромно у дверей, поклонилась очень низко на всѣ четыре стороны. «Люди чувствительные! сказала она,—я приѣмлю смѣлость представлять за несчастныхъ братій нашихъ, которыхъ бѣдность лишаетъ всѣхъ способовъ жить и радоваться жизни!—Счастіемъ почти себѣ сообщить дары благотворительности вашей страждущему человечеству!»— Не нужно было и сихъ словъ. Одинъ взоръ красоты покорилъ всѣ сердца ея вождѣ. Братъ Владиміръ высыпалъ весь своей кошелекъ: въ немъ случилось 30 червонцевъ. Всякой изъ насъ отдавалъ все, что только могъ—и прекрасная предстательница за бѣдныхъ возвратилась съ полнымъ блюдомъ золота и серебра.—Вотъ на какія деньги основанъ и содержится домъ Милосердія! Разумѣется, что къ сему приобщаются и другіе разные вклады.—Недавно зна- тѣйшая изъ здѣшнихъ женщинъ Княгиня*** давала семейственной концертъ въ пользу этого дома. Она играла на фортепіано, дочери пѣли; собрано много золота—и все для бѣдныхъ!

Всѣ такіе и подобные симъ подѣлы богатства съ бѣдностію, уравнивавшая благосостояніе людей, напоминаютъ о тѣхъ священныхъ временахъ, когда юныя Христіанскія общества удивляли добродѣтелями своими заблужденный въ поклоненіи идоламъ свѣтъ.—Знаешь ли, отъ чего въ церквахъ нашихъ одно отдѣленіе называется трапезою, и отъ чего получали начало свое просфоры?—Въ трапезѣ богатые люди угощали бѣдныхъ сытнымъ столомъ; а просфоры раздавали

неимущимъ въ видѣ большихъ и самыхъ вкусныхъ хлѣбовъ.—Изъ сихъ священныхъ хлѣбовъ вынимались частицы (антидоръ) для принесенія въ жертву Боже-ству.—(Смотри книгу: *Изъясненіе на Литургію*). — Такимъ образомъ, въ тѣ счастливыя времена и бѣдность почиталась чѣмъ-то священнымъ; къ ней имѣли уваженіе знаменитѣйшіе въ обществахъ люди.—Кто не порадуется, видя хотя отбѣнки тѣхъ благихъ обычаевъ въ нашемъ, правда просвѣщенномъ, но крайне развращенномъ вѣкѣ?...

Д О Р О Г О В И З Н А .

Дороговизна въ Вильнѣ такъ велика, что безъ великодушнаго вспомошествованія благотворительныхъ людей, люди бѣдные должны бы непременно исчезнуть отъ пужды и голоду.—Другъ мой! *Дороговизна* стоитъ нашествія непріятелей! Она также наводитъ уныніе на всѣ сердца, отъемлетъ первѣйшія потребности въ жизни и погружаетъ цѣлыя семейства въ сѣтованіе и скорбь.—Гдѣ дѣлись тѣ счастливыя времена—и давноль они были? не болѣе какъ за 100 съ небольшимъ лѣтъ,—когда за двѣ копейки можно было купить то, что теперь врядъ купишь ли за рубль!... Ты смѣешься! но это истина: я докажу это исторически. При Царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ нѣсколько сотъ Шотландцевъ, гонимыхъ за вѣру, переселились въ Россію. Гостепріимное Отечество наше приняло странниковъ, какъ родныхъ сыновъ. Одинъ изъ нихъ, Петръ Гордонъ, бывший уже Генераль-Лейтенантомъ въ Россійской службѣ, живя въ Кіевѣ, велъ подробныя записки всѣмъ своимъ домашнимъ расходамъ. Ему понадобилось 70 аршинъ лучшихъ лентъ; что думаешь онъ заплатилъ за нихъ тогда? — Повѣришь ли: 1 рубль 20 копеекъ!... За курицу и утку платилъ онъ по копейкѣ; за гуся и индѣйку по двѣ; а теперь всѣ эти

вещи рублевья!... Какъ перемѣнчивы времена! Но количество вещей не убавилось: отъ чего же такъ возросли на нихъ цѣны?—Объ этомъ надо много толковать; однако же мнѣ кажется, что главнѣйшими причинами всѣхъ безпорядковъ суть: *мода* и *роскошь*. Эти два чудовища дѣляютъ между собою всѣ достоянія нынѣшнихъ обществъ.

6 АПРѢЛЯ.

«Парижъ взятъ!» вѣсть сія распространяется въ городѣ. Русскіе въ восторгѣ, Поляки—смотрятъ Сентябремъ!... Эта вѣсть укусила ихъ за сердце. Площадь, гдѣ гуляютъ, вдругъ опустѣла; всѣ присмирѣли въ домахъ.—Извѣстія о взятіи Парижа получены съ нарочнымъ изъ Кенигсберга. Русскіе вошли въ столицу Франціи 19 Марта 1814. Императоръ Александръ I ввелъ самъ войска свои въ Парижъ, а *Слава* введетъ Его во храмъ безсмертія!—Думаютъ однакожъ, что война еще продолжится, ибо Наполеонъ не въ рукахъ.....

7 АПРѢЛЯ.

Мы пировали сегодня у брата Владиміра. Мысль, что Русскіе въ Парижѣ, приводила всѣхъ въ неизъяснимой восторгъ. Въ домѣ играла музыка; народъ столпился подъ окнами. Вспомнили празднество Фрауштатское, и начали бросать деньги, которыя чернь хватала съ неописанною жадностію.—Одинъ Русской солдатъ съ прострѣленною ногою замѣшался въ толпѣ. Его тотчасъ зовутъ на верхъ. «Въ пользу Русскаго раненаго солдата!» говоритъ хозяинъ и ставитъ блюдо, положи на него нѣсколько червонцевъ. Всѣ сыплютъ, и въ одно мгновеніе собралось 250 рублей; на то же блюдо ставятъ стаканы пуншу, и все сіе подносятъ

въ даръ израненному воину, который, не вѣря глазамъ своимъ и не зная, что говорить отъ восхищенія, молится только Богу и кричитъ: ура!

Черезъ два дня Вильна будетъ освѣщена. Начнутся пиры и празднества; но война еще не кончена—и мы спѣшимъ далѣе.—Прощай въ Вильнѣ!

9 АПРѢЛЯ.—СТАНЦІЯ.

Вырвавшись изъ Вильны, наполненной шумомъ многолюдства, стукомъ каретъ, толпами движущагося народа, радостію Русскихъ, смущеніемъ Поляковъ — о взятіи Парижа,—мы поѣхали въ Варшаву. Добрые пріятели проводили насъ далеко за заставу.

Отъ Вильны до Лиды дорога лѣсиста; далѣе поля и много воды. Рощицы, перелѣски, деревни и господскіе домики и дома составляютъ прекрасныя картины. Дорога песчана, земля камениста; климатъ прелестной: здѣсь уже сѣютъ!... Соловьи поютъ полнымъ свистомъ. Небо ясно, воздухъ чистъ. Природа, какъ пробужденная отъ сна красавица, сама кажется любителю собою!—Какъ сладко, какъ утѣшительно дѣйствуютъ на душу красоты природы!—Если буря зашумитъ въ сердцѣ твоёмъ, выйдъ въ поле, въ тихій весенній вечеръ: ты самъ не замѣтишь, какимъ образомъ утишится волненіе страстей; гдѣ дѣнется грусть!... Возвратишься домой съ какою-то неизъяснимо-сладостною задумчивостію, мечтая о погасающей зарѣ и восходящемъ мѣсяцѣ.—Какъ милостивъ Богъ! Онъ всѣмъ равно позволяетъ любоваться картинами своего неба и утѣшаться прелестями весны.

10 АПРѢЛЯ. Гродно.

Гродно гораздо меньше и малолюднѣе Вильны; но за то окрестности ея несравненно красивѣе. Въ Вильнѣ на одной улицѣ увидишь больше народа, нежели въ цѣлой Гроднѣ.

Насъ перевезли черезъ Неманъ; онъ быстръ, свѣтлъ и величественъ. Давно ли былъ онъ пограничною рѣкою?—Теперь Русскія раздвинули границы до Вислы и за Вислу; а славу свою расширили по всей землѣ.

Сколь удивительныхъ, сколь неслыханныхъ пропшествій былъ ты свидѣтелемъ, величественной Неманъ! Пространно и шумно теченіе твое теперь; а придутъ, придутъ времена, когда сольются лѣта въ столѣтія и вѣки утекутъ въ вѣчность, что и ты, рѣка великая! сдѣлаешься малымъ ручейкомъ, и можетъ быть исчезнешь въ глубокихъ пескахъ!—Но не исчезнетъ слава моего Отечества, слава Александра І! Не исчезнетъ, если Исторія успѣетъ передать ее вѣкамъ и народамъ. Проснитесь Тацитъ, Фукидидъ и Миллеръ! Вашъ умъ, ваше сердце и ваше перо необходимы, для описанія чудеснѣйшихъ подвиговъ нашихъ временъ!

Все пространство къ Гроднѣ и Бѣлостоку поliesto; деревеньки маленькія; земля песчано-камениста, но плодoносна. Въ иномъ мѣстѣ не бываетъ столько колосевъ на нивахъ, сколько здѣсь малыхъ и большихъ камней. Трудолюбіе Нѣмецкое прибрало бы ихъ къ мѣсту: да у него правда много рукъ, а тутъ ихъ мало!... Рѣчки здѣшнія быстры и берега ихъ высоки.

Станція за Бѣлостокомъ.

Мы проѣхали Бѣлостокскую область. Область прелестная, но почти пустая! Природа отмѣнно живописна; красивые холмы, быстрыя рѣчки, обширныя долины, деревеньки и рощицы, быстро мелькая въ глазахъ скачущаго на почтовыхъ, составляютъ цѣпь прекрасныхъ сельскихъ видовъ. Здѣшніе лѣса—рощи; а рощи—сады. На мшистыхъ развалинахъ древнихъ лѣсовъ цвѣтутъ и зеленѣютъ новыя стройныя рощицы. Въ одномъ мѣстѣ видишь семью молодыхъ березокъ, собранную вокругъ стараго дуба, ихъ прадѣда. Въ другомъ: кущи яблонь и вишенъ среди истлѣвающихъ

пней. Вездѣ просѣки и просади; по сторонамъ зеленѣютъ еловыя рощи. Здѣсь, какъ видно, по множеству огромныхъ утлыхъ пней, были нѣкогда дремучіе лѣса; вѣтки, сѣкира и огонь истребили ихъ. Здѣсь все возстаетъ изъ разрушенія и пепла въ новомъ и лучшемъ видѣ. Но не ищите тутъ ни замковъ, ни господскихъ домовъ, ни великолѣпныхъ храмовъ и зданій. Здѣсь люди кажется только что приготовились было жить; адъ дохнулъ войною—и все опустѣло! — Мѣстечекъ однакожъ довольно.

Городъ Бѣлостокъ.

Прелестнѣйшій городокъ, погруженный въ густоту зеленыхъ рощей. Кажется, что какая-нибудь волшебница взяла его изъ средины Германіи и перенесла сюда. Дома одни другихъ красивѣе. Липовая улица отличается отъ прочихъ; но теперь городъ, какъ мы его видѣли, можно назвать только прекрасною гробницею. Изъ каждаго окна выглядываютъ блѣдныя лица; смерть и болѣзни, кажется, перебѣгаютъ изъ дому въ домъ. Большая часть домовъ превращены въ военныя больницы.—Здѣсь есть огромный замокъ съ прекрасными садами.

Въ Тихочинѣ переѣхали мы угрюмую Нареву, которая здѣсь въ пространномъ разливѣ топить окрестности. Длинное протяженіе лѣсовъ, обширныя воды и красной мѣсяцъ, утопающій въ пасмурно-синихъ волнахъ: все это вмѣстѣ составляло ночную, Оссіановскую картину.—Мѣста сіи небогаты ни жителями, ни населеніемъ; но они богаты воспоминаніями. Мы пробѣжали Остроленку, и съ почтеніемъ остановились на томъ полѣ, гдѣ сражался сынъ величайшаго изъ героевъ съ мужествомъ, достойнымъ отца. Я говорю о покойномъ молодомъ Суворовѣ, отличившемъ себя въ битвѣ при Остроленкѣ въ 1807 году.—Въ Тихочинѣ въ первый разъ заплатили мы прогоны сереб-

ромъ; это значитъ, что мы въѣхали въ Герцогство Варшавское. Теперь уже вездѣ плата одинакова, и вездѣ одинаково для путешественниковъ тяжела. Въ Россіи несравненно и скорѣе и сходнѣе ѣздить на почтовыхъ!

Вотъ и Пултускъ! гдѣ кажется въ первый еще разъ въ жизни своей разбить былъ Наполеонъ.—Генералъ Беннингсенъ первой имѣлъ славу задѣть его за сердце Русскимъ штыкомъ.—Проѣзжая мимо, и окинувъ взглядомъ поле сраженія. — Лѣвое крыло наше (думаю) свиралось на Нареву, по берегу которой извивается и дорога; правое крыло терялось въ лѣсахъ. Предъ лицомъ войскъ чистое поле — разгулъ для конницы, слава для Кожина!—Отсюда повели войну въ право, по дорогѣ въ Сѣверную Пруссію, до самаго Кенигсберга.

Вотъ маленькое мѣстечко Сиротскъ при сліяніи большихъ рѣкъ Буга и Нарвы.—«Отъ чего такъ быстро катяшь ты волны свои, широкая Нарва! За чѣмъ ломаешь лѣса и раздираешь горы, пролагая сквозь все препятствія путь свой?—Далеко слышенъ шумъ твоего нетерпѣнія, къ кому стремишься такъ?—Тамъ величественный Бугъ, сей свѣтлый сынъ полей Волинскихъ, спокойно протекая, ожидаетъ въ объятія къ себѣ кипящую Нареву, невѣсту свою. Здѣсь (у Сиротска) слились они, смѣшались волны, зашумѣли и потекли по холмамъ и долинамъ, не зная береговъ. Но не долго потекутъ онѣ вмѣстѣ! Уже Висла, рѣка древняя, открываетъ хлябь свою и готова поглотить неразлучныхъ подъ гремящими стѣнами новаго Модлина!» — Такъ скажетъ, проѣзжая, *Стихотворецъ*, придающій всему чувства и жизнь! — *Воинъ*, смотря на скорую, по сліяніи, кончину сихъ двухъ рѣкъ, скажетъ про себя: такъ два друга витязи, разставшіеся съ юныхъ лѣтъ, послѣ многихъ превратностей въ жизни, встрѣчаются на полѣ битвъ,

заклучаютъ другъ друга въ объятія, мѣняются оружіемъ, стремятся къ славѣ—и вмѣстѣ падаютъ въ могилу!—«Здѣсь, скажетъ въ описаніяхъ своихъ *Историкъ*,—при сліяніи Наревы съ Бугомъ, Наполеонъ вздумалъ сдѣлать огромныя укрѣпленія. Тысячи Польскихъ рукъ и миллионы золотыхъ употреблены для этой трудной работы. Наконецъ возникли высокіе валы; показались, погрозили—и разсыпались!..» Это дѣло очень обыточное, прибавитъ внимательный *путешественникъ*; ибо тутъ нѣтъ другой земли, кромѣ песку; а песчаные валы не долго стоятъ!—

Другъ мой! паденіе сихъ валовъ не предвѣщало ли, что и скоропоспѣшная слава основателя ихъ разсыплется также какъ они?... Впрочемъ твердое положеніе Сиротска защищаетъ Варшаву съ лица отъ Праги, а Модлинъ надежно оберегаетъ ее съ лѣвой стороны. Рѣки, текуція въ Вислу, широки; пространства, орошаемыя ими, лѣсисты и болотисты: сколько природныхъ оборонъ имѣетъ Польша! сколько способовъ для оборонительной войны, и сколько выгодъ для торговли!—Сія послѣдняя оживаетъ, не смотря на горящую въ пожарѣ Европу.—Плоты и барки плывутъ по теченію. Бѣлокрымыя суда летаютъ по разливамъ водъ. Торговля придаетъ какой-то видъ жизни симъ безмолвнымъ наводненіямъ и лѣсамъ.

Варшава, 18 Апрѣля.

Переплывя Вислу, также широко распахнувшую воды свои за берега, мы очутились опять въ Варшавѣ. Здѣсь, послѣ всѣхъ превратностей съ 1812 года, послѣ всѣхъ неизчислимыхъ трудовъ и опасностей, увидѣлись мы съ братомъ Иваномъ, служащимъ Адъютантомъ при Князѣ Д. И. Лобановѣ.

Высмотря и пересмотря Варшаву два раза, въ третій не найдешь въ ней ничего любопытнаго. Это книга, которую больше двухъ разъ не читаютъ.—Но то, о

чемъ удостовѣрились мы совершенно въ Варшавѣ, такъ важно, дивно и единственно, такъ чудно, любопытно и пріятно, что кажется съ самыхъ давнихъ временъ еще ничего подобнаго не бывало.—Восхищайся, другъ мой! уже великой, страшной, могущій Наполеонъ—нигдѣ; а храбрые Русскіе—вездѣ!...

«Старайтесь только преградить теченіе главной рѣки, тогда малые источники сами собою иссохнутъ.»—Такъ говорилъ славной нашъ Министръ Безбородко—и такъ сдѣлалъ нынѣ Александръ Первый.—«Бей змѣя по головѣ!» повторялъ Герой Римникскій; сломили голову Парижу—и всѣ буйныя головы Французовъ преклонились. Вотъ, что значить задавить змѣя въ его норѣ!—«Для чего не умеръ я на поляхъ Италіи!» говорилъ Суворовъ въ послѣднія минуты жизни. Вотъ истинно великой человѣкъ!... а Наполеонъ не хотѣлъ умереть, хотя при послѣднихъ лучахъ догорающей славы своей: онъ плакалъ, какъ дитя, о потерѣ короны. Сбылось пророчество Лафатера: когда принесли этому почтенному мужу портретъ Бонапарте, бывшаго тогда только еще Генераломъ, и требовали изъясненія будущей его судьбы, онъ попросилъ нѣсколько времени на разсмотрѣніе; а чрезъ три дня возвратилъ портретъ съ теми словами: «онъ пойдетъ высоко; будетъ очень славенъ, но—переживетъ славу свою!» Чудесно сбылось!—Гдѣ слава раззорителя царствъ?—Умерла!—Наполеонъ, похоронивъ честь и славу свою, сидитъ надъ могилою ихъ, и боится смерти и плачетъ!...

24 А п р ѣ л я.

Герцогство Варшавское можетъ быть прекраснѣйшимъ краемъ. Верхній слой земли кажется песчанъ, но подъ пескомъ кроется черноземъ — и нивы златятся лучшею жатвою.—Долины здѣшнія такъ гладки, что дальніе предметы на нихъ за нѣсколько верстъ открыты глазамъ.—На берегахъ Вислы расположена

Запасная армія. Ничто не можетъ быть умнѣе и полезнѣе, какъ учрежденіе этой арміи. Подъ главнымъ надзоромъ неусыпнаго, благоразумнаго и опытнаго Генерала Князя Лобанова, новыя войска составляются изъ рекрутъ, образуются, учатся и, какъ рои изъ ульевъ, идутъ впередъ заслонять грудью своею проломы въ полкахъ.—Отъ Сохачева до Ловича течетъ рѣка Бзура, которой правой берегъ, состоя изъ безпрерывныхъ холмовъ и возвышеній, можетъ пригодиться въ военное время для крѣпкаго стана и прочаго.

Ловичъ преизрядной городокъ. Доселѣ принадлежалъ онъ Давусту, и съ округомъ своимъ пзъ 75,000 душъ, приносилъ ему огромный доходъ.

Здѣшніе крестьяне-извозчики одною возжею управляютъ четырьмя конями. Въмѣсто дѣйствія возжами они говорятъ лошадямъ.—Извозчикъ закричитъ: *гекса! икса!*—и лошади тотчасъ поворачиваютъ въ право или въ лѣво.—Скажи лошадямъ своимъ, чтобъ они скорѣе бѣжали, говорили мы; но этого слова на конскомъ языкѣ не было: оно было въ рукахъ извозчика.—Сухачевъ, Ловичъ и Лончицъ, городки расположенныя на возвышенныхъ холмахъ, среди гладкихъ какъ токъ полей, доставятъ большія выгоды въ войнѣ, если ихъ укрѣпить. Они могли бы составить рядъ преградъ на одномъ изъ путей къ Варшавѣ.—Вся сторона къ Унеіову болѣе и болѣе лѣсиста. — Варта, текущая чрезъ Познань и впадающая въ Одеръ подъ стѣнами Кистрина,—есть сокровище для Герцогства: она доставляетъ ему сообщеніе съ Пруссією и Балтійскимъ моремъ.—Оживающая торговля уже готовится заграбать золото и богатить свои области. Все пространство за Вартою удивительно песчано и довольно лѣсисто.

М. Доброе, за Вартою. 25 Апрель.

Намъ отвели ночлеги подлѣ самаго мѣстечка на мызѣ одного Барона. Ночь была претихая. Я легъ въ бричкѣ, подлѣ цвѣтущихъ черемховыхъ деревь. Вдали извивался голосъ соловья; вблизи пѣлъ ночной сторожъ. Я не спалъ, долго смотрѣлъ на полную луну и вслушивался въ слова ночнаго пѣвца. Рѣчи пѣсни его достойны вниманія: вотъ, что я запомнилъ изъ нихъ:

Сторожъ поетъ:

Простерлись ризы мрачной ночи,
И гаснетъ на небѣ заря;
И сонъ равно смыкаетъ очи
У всѣхъ, отъ нищихъ до царя!

Тамъ мѣдъ звучить—се время гласъ!
Возвысь свои, о смертной! мысли:
Спѣши, дѣла свои изчисли;
Пройдетъ и жизнь твоя—какъ часъ!

Не бойтесь страшныхъ привидѣній,
Безгробныхъ мертвецовъ, тѣней!...
Въ груди невинной нѣтъ смутеній:
Покойно сердце дремлетъ въ ней.

Въ однихъ злодѣяхъ совѣсть ноя,
Лишаетъ ихъ улады сна,
Лишаетъ сладкаго покоя:
Страшна имъ ночь и тишина!

О люди! часъ бѣжить, спѣшите
Добро сегодня довершать;
Надеждъ на завтра не кладите:
Подходить къ жизни смерть какъ тать!—

Се, звѣздъ полки низходятъ стройно!
И утру быть пришла пора:
Блаженъ, кто встанетъ такъ спокойно
Сегодня, какъ уснулъ вчера!...

26 Апрелья проѣхали мы Калишъ. Проѣдемъ городки:
Островъ, Скульмержицъ, Миличъ—и очутимся въ Силезіи!—По русской ѣздѣ можнобъ въ однѣ сѣтки быть

изъ Польши въ Силезіи и Саксоніи. Но здѣсь возятъ страхъ какъ тихо!

Около Калиша стороны весьма изобильны; деревни часты, велики и зажиточны. Мужики, наши подводчики, ѣдятъ ситной хлѣбъ съ сливочнымъ масломъ!— Увижу ли когда-нибудь столь счастливыми земледѣльцевъ моей родины? Но раззореніе слишкомъ жестоко постигло ее!—

Вотъ уже въ глазахъ Силезія; бросаю на Польшу послѣдній прощальный взглядъ.

Взглядъ на Польшу.

Слѣдуй за мною все вверхъ на гору, которую я представляю себѣ въ воображеніи; я поведу тебя такъ высоко, что мы увидимъ оттуда всю Польшу съ края въ край.—Вообрази, что мы уже тамъ на высотѣ, и посмотримъ, и разсуждаемъ.—Мы будемъ обращаться на всѣ четыре стороны свѣта, попеременно. Взгляни на Востокъ—и прости взоръ твой чрезъ большія рѣки: Варту, Вислу, Нареву, Неманъ, Березину и Двину. Что видишь ты на семъ великомъ и ровномъ пространствѣ?—Съ перваго взгляду дремучіе лѣса, много болотъ и довольно пашни. Но въ густой тѣни сихъ лѣсовъ, съ которыми огонь и сѣкира ведутъ вѣчную брань, среди болотъ, осушенныхъ трудолюбіемъ, есть города, славящіеся своею древностію и блистающіе еще по нынѣ остатками прежняго великолѣпія. Есть тамъ мѣста цвѣтущія, живописныя: замки и дома, расположенные на берегахъ свѣтлыхъ озеръ или при шумномъ теченіи полноводныхъ рѣкъ. Древніе нравы, древніе обычаи вмѣстѣ съ лучшимъ изъ всѣхъ гостепріимствомъ еще цвѣтутъ и утѣшаютъ тамъ людей. Роскошь, по удаленію мѣстъ сихъ отъ столицъ, не можетъ утвердить въ нихъ вреднаго владычества своего. Но любовь не покидаетъ сихъ странъ!...

Польша съ давнихъ временъ считалась отечествомъ ея. Ни мракъ глубокихъ лѣсовъ, ни кипѣніе бурныхъ рѣкъ утратить ее не могутъ. Осенью бродить она, вмѣстѣ съ задумчивостію, по развалинамъ старинныхъ замковъ и сѣтуетъ о прошедшемъ; зимою ходить по оледенѣлымъ пустынямъ изъ хижины въ хижину, изъ дому въ домъ. Весною, обновляясь вмѣстѣ съ природою, гуляетъ она по зеленѣющимъ мхамъ и древнимъ рошамъ, наполненнымъ отзывами жизни.—Здѣсь все любить.—Нигдѣ, какъ здѣсь, женщины такого владычества въ обществахъ не имѣютъ. Музыка также охотно гоститъ въ сихъ мѣстахъ. Часто странникъ, бѣжавшій цѣлую ночь, по лѣсамъ, засыпаннымъ снѣгами, слышитъ на утренней зарѣ пріятные звуки органа: это предвѣщаетъ ему близость селенія и костела Польскаго. — Часто, застигнутый темнотою, останавливается онъ въ простомъ сельскомъ домикѣ и находитъ въ немъ скрипку, гитару и фортепіано; находитъ двухъ или трехъ дѣвушекъ, которыя играютъ отечественныя пѣсни: Мазурки и Краковяки; читаютъ стихи; говорятъ о любви къ своему отечеству—и вечеръ проходитъ въ очарованіи.—Воинъ напрасно будетъ искать славныхъ крѣпостей въ сей сторонѣ; ихъ очень мало, да и тѣ построены вновь.—Въ лѣво къ Сѣверу та же дикость уединенной природы; тѣ же почти нравы людей. Къ Западу—ровное, плодоносное, немногочисленное и большихъ замковъ и огромныхъ домовъ почти не имѣющее Герцогство Варшавское. Но обратимся въ право къ Югу: какая счастливая сторона!... Полистая Волинь—Италія Польши. Она усыяна замками; украшена прелестными садами. Стада и табуны находятъ тамъ тучную паству; а земледѣлецъ благодарную землю, возвращающую десятицею ввѣренное ей зерно.—Довольство видно тамъ въ хижинахъ; богатство блещетъ въ домахъ; гостепріимство повсемѣстно. Бугъ, Горень и Днѣстръ, вмѣстѣ со множествомъ другихъ рѣчекъ, 'усыряя землю, доста-

вляють большія пользы лугамъ и нивамъ и великія средства торговлѣ. Далѣе, Подолія съ своими живописными горами; а тамъ обѣ Галиціи, сопредѣльныя Моравамъ и горамъ Силезскимъ. — Пространна была Польша: отъ Днѣстра до Балтійскаго моря; отъ Двины и до Одера!...

Слышишь ли ты тамъ, въ далекой глубинѣ лѣсовъ, и тамъ по уединеннымъ развалинамъ древнихъ замковъ стонъ, подобный стону человѣка, умирающаго въ пустынѣ? — Это стонетъ древній духъ Польской! Духъ блиставшій нѣкогда въ красотѣ царства своего и стяжавшій вѣнцы побѣдъ на гремящихъ поляхъ славы. Нынѣ лежитъ онъ уничиженъ, подъ тяжкимъ бременемъ забвенія, лежитъ связанный властями трехъ сопредѣльныхъ державъ. Многіе вѣки будутъ слышать стонъ его — и пройдутъ мимо. Напрасно надежда щекотитъ сердца; напрасно жены и дѣвы Польскія, пылающія духомъ древнихъ рыцарей, заставляютъ юношей своихъ пѣть любимую пѣсню ихъ:

Еще Польша не погибла, доколѣ мы живы:

Все, что прежде потеряли, саблями воротимъ! —

«Трудно воротить потерянное!» говоритъ здравый разсудокъ и — опытъ.

П. П. Я обѣщаль тебѣ давно прислать что-нибудь о Костюшкѣ. Теперь къ статѣ вотъ нѣсколько подробностей о немъ, изъ которыхъ многія нигдѣ еще доселѣ напечатаны не были. Я написалъ отрывокъ сей еще въ Р**, недалеко отъ родины сего знаменитаго мужа.

**ЧЕРТЫ ИЗЪ ЖИЗНИ ТАДЕУША
КОСТЮШКИ, ПЛѢНЕННАГО РОССІЙ-
СКИМЪ ГЕНЕРАЛОМЪ ФЕРЗЕНОМЪ. (*)**

Тадеушъ Костюшко родился въ окрестностяхъ Кобрина, отъ бѣдныхъ, но благородныхъ родителей. Фельдмаршалъ Графъ С ***, великій Воевода Литовскій, слѣдуя древнему похвальному обычаю Польскихъ вельможъ воспитывать бѣдныхъ дворянъ, сосѣдей своихъ, взялъ молодаго Костюшку на свое попеченіе. Военное училище въ Варшавѣ можетъ гордиться тѣмъ, что въ немъ открылись и процвѣтали первыя способности человѣка знаменитаго. Быстро шагаль юноша въ области познаній. Острота разума и пыкое воображеніе придавали ему крылья. Часъ отъ часу умъ его становился свѣтлѣе, чувства благороднѣе, душа возвышеннѣе. Науки открываютъ ему новый міръ. Исторія представляетъ длинное протяженіе событій въ необозримости временъ. Онъ видитъ рожденіе царствъ и народовъ, ихъ возвышеніе, славу и паденіе; смотритъ на великія превратности міра и, углубляясь въ размышленія о причинѣ ихъ, умудряется опытами вѣковъ минувшихъ. Военное искусство сдѣлалось вскорѣ его собственностію: онъ поглотилъ все, что было писано о лучшихъ полководцахъ, и по мѣрѣ, какъ свѣтомъ наукъ озарялся умъ, чувствомъ собственнаго достоинства духъ его возвышался. Шумъ, блескъ и волненіе одной изъ первѣйшихъ столицъ въ свѣтѣ не могли отвлечь юношу отъ мирныхъ занятій его. Онъ уже пріобрѣлъ столько твердости душевной, что могъ чувствовать себя превыше тѣхъ любимцевъ счастія, которые всѣ дары природы разсѣиваютъ въ вихряхъ забавъ, а наслѣдія отцовъ погружаютъ въ море роско-

(*) Первое изданіе сей піэсы напечатано по одобренію Санкт-петербургской цензуры въ 1815 году.

шей. Временной блескъ сихъ ложныхъ свѣтилъ погасаетъ всегда вмѣстѣ съ ихъ жизнію; не рѣдко и прежде оной. Ихъ память не живетъ въ потомствѣ.

Костюшко проложилъ себѣ пути къ иной благороднѣйшей цѣли: онъ хотѣлъ вписать имя свое въ бытія міра и заслужить рукоплесканіе народовъ, поддерживавъ паденіе великолѣпныхъ развалинъ своего отечества.— Такъ созрѣвала душа сего необыкновеннаго человѣка!— Вскорѣ быстрые успѣхи въ наукахъ, сдѣлавъ его предметомъ всеобщаго удивленія, усугубили вниманіе его благодѣтелей. Воевода С ***, желая показать питомцу своему лучшія страны Европы, доставилъ ему всѣ способы къ путешествію. Костюшко былъ въ шумномъ Парижѣ; гулялъ по цвѣтущимъ полямъ Италіи; съ высоты церкви Святого Петра взиралъ на древній и новый Римъ; съ высоты пылающаго Везувія смотрѣлъ на области, Историками и Стихотворцами прославленныя. Его воображеніе странствовало по величественнымъ развалинамъ древности, и юноша, теряясь въ мечтаніяхъ своихъ, едва примѣчалъ шумъ огненныхъ бурь и трясеніе земли подъ стопами своими.— Съ развалинъ Италіи, гдѣ напрасно искалъ онъ древняго величія Римлянъ и великой причины онаго свободы, спѣшилъ онъ на грозныя вершины Альповъ. Тамъ, среди дивнаго великолѣпія дикой природы, среди современныхъ свѣту горъ, древними снѣгами и вѣчными льдами увѣнчанныхъ, нашелъ онъ наконецъ убѣжище свободы—убѣжище, высокою скалъ, глубиною пропастей, простотою нравовъ и твердостію душъ огражденное. Высоко отъ земли, подъ самыми небесами, бесѣдуя съ пастырями и звѣроловцами, потомкамъ знаменитаго Вильгельма Теля, предпочитавшими независимость всѣмъ отравамъ роскоши, и простые палаты великолѣпнѣйшимъ палатамъ, онъ ясно уразумѣлъ, что нужно для сбереженія свободы, и тяжело воздыхалъ объ отечествѣ своемъ, стѣнящемъ подъ игомъ роскоши, предразсудковъ и раздоровъ.

Швейцарія была предѣломъ его путешествія. Любовь къ родинѣ отзывалась въ сердцѣ и возвратила странника въ отечество. Онъ нашелъ благодѣтелей своихъ въ замкѣ Сасно.... Ихъ ласки, заботливость о судьбѣ его и забавы, которыми Польша по справедливости хвалится можетъ, и отъ которыхъ молодость почти никогда не отказывается, уладили праздность юноши. Кипящая дѣятельность, казалось, вздремала въ немъ навремя, и въ сердцѣ его начинало заражаться совсѣмъ новое и небывалое чувство. Костюшко до того времени зналъ любовь только по слуху. Дочь благодѣтеля его, молодая, прелестная Графиня С***, однимъ взоромъ оковала его гордое, непокорное сердце. Непринужденное обхожденіе Польское сближало ихъ каждой день болѣе. Костюшко, въ числѣ прочихъ великихъ дарованій своихъ, обладалъ и тѣми, которыми нравятся въ обществѣ. Смычокъ и флейта въ рукахъ и на устахъ его издавали прелестнѣйшіе волшебные звуки. Часто, въ прекрасные лѣтніе вечера, когда природа, прохлажденная вечерними росами и отбѣенная сизыми сумерками, бываетъ такъ тиха, спокойна и величественна, Костюшко пріятностію игры своей вызывалъ молодую чувствительную Графиню изъ великолѣпныхъ палатъ ея въ цвѣтущіе сады. Тамъ рассказывалъ онъ ей о дальнихъ странствіяхъ своихъ въ мірѣ, о нравахъ и обычаяхъ народовъ чуждыхъ, о красотахъ и ужасахъ природы, имъ видѣнной. Онъ описывалъ ей чудесныя картины Италіи, величіе морей, ее обливающихъ, и вѣчной стонъ подземныхъ огней ея. Онъ рассказывалъ, что видѣлъ съ высоты Везувія; какъ терялся въ прелестныхъ мечтахъ, какъ огненной вулканъ дрожалъ подъ ногами его и раскаленные вихри свистали надъ головой. Онъ переселялъ потомъ воображеніе молодой дѣвицы въ гористую Швейцарію. Тамъ видѣла она, какъ среди развалинъ древняго міра блуждалъ онъ по скользкимъ краямъ

неизмѣримыхъ безднъ и взбирался на вершины утесистыхъ скалъ, ища бесѣды людей свободныхъ.

Молодая Графиня слушала рассказы сіи внимательно, а вниманіе есть уже первой шагъ къ любви! — Такъ великій трагикъ Шекспиръ представляетъ смуглаго Мавра Отелло, преклоняющаго въ любовь къ себѣ молодую Дездемону краснорѣчивымъ повѣствованіемъ о дальнемъ странствіи своемъ по бурнымъ морямъ и невѣдомымъ пустынямъ Африки. Въ сихъ разговорахъ сливались ихъ чувства, ихъ мысли и непримѣтно свыкались сердца. Уже души обоихъ объяснились, но уста еще безмолвствовали. Наконецъ, въ одинъ прекрасный вечеръ, когда все вокругъ цвѣло, все нѣжилось и наслаждалось жизнію, Графиня сказала Костюшкѣ: «юноша! я предвижу въ тебѣ великаго мужа; презираю раздѣляющее насъ неравенство и — люблю тебя!» — Пламенной любовникъ упалъ къ ногамъ прекрасной. Цвѣтущая природа и ясное небо были единственными свидѣтелями сего изліянія страстныхъ сердецъ. Но любовь можетъ ли быть долго тайною?... Поступки, слова и самые взоры измѣняютъ ей. Уже начали примѣчать, догадываться, подозрѣвать. — Буря противоположныхъ чувствъ возмущала душу Костюшки. Чтобъ стать счастливымъ, должно было сдѣлаться неблагодарнымъ! Но Костюшко, взвѣсивъ собственные достоинства, почувствовалъ, что можетъ быть великимъ и достойнъ быть счастливымъ. Онъ рѣшается прибѣгнуть къ кратчайшему и благороднѣйшему средству — открыться во всемъ самому Королю. — Къ несчастію, Государь сей принялъ изъясненіе его не такъ, какъ отъ будущаго великаго человѣка, но какъ отъ бѣднаго дворянина, дерзающаго мечтать о союзѣ съ дочерью одного изъ богатѣйшихъ вельможъ. Король былъ другъ Графу. Тотчасъ посылается гонецъ изъ Варшавы въ С ** съ увѣдомленіемъ о происшедшемъ.

Извѣстіе сіе раздражаетъ сперва честолюбіе Графа, но вскорѣ великодушіе его беретъ верхъ. Онъ не захотѣлъ вредить Костюшкѣ, и только довольствовался тѣмъ, что увезъ изъ С ** все свое семейство въ другія помѣстья; а ему запретилъ вѣздъ въ домъ и свиданіе съ собою.

Не стану описывать скорби и страданій пораженнаго рокомъ. Всякой, кто любилъ и былъ несчастливъ, можетъ легко себѣ вообразить ихъ. Говорятъ, что нѣкоторые друзья Костюшки предлагали ему услуги свои къ похищенію его любезной, и что двѣсти вооруженныхъ гусаръ ожидали уже повелѣній его на Австрійской границѣ; но мѣры, принятыя Графомъ, совершенно пренятствовали предпріятію; цѣлые эскадроны уланъ сопровождали повсюду семейство его. Костюшко еще разъ захотѣлъ побывать въ С **. Невольною грустью и слезами заплатилъ онъ послѣднюю дань тѣмъ опустѣлымъ мѣстамъ, которыя нѣкогда, вмѣщая предметъ страсти его, казались ему раемъ, жилищемъ Ангеловъ и боговъ.—Распростиаясь съ родиною и друзьями, онъ взялъ почтовыхъ лошадей, поскакалъ прежде въ Люблинъ, потомъ поворотилъ въ Данцигъ, а оттуда, бросясь на корабль, уплылъ въ Америку.

Скоро необозримыя моря засинѣли между странникомъ и твердою землею. Бури океана развѣяли стоны его, и томное сердце освѣжилось цѣлительнымъ воздухомъ Новаго Свѣта. Мѣсто глубокой грусти заступило презрѣніе къ порочной Европѣ. Онъ прибылъ въ Америку въ то знаменитое время, когда въ предѣлахъ ея все ополчалось за свободу. Новое небо, новая земля, величественная природа, простота нравовъ и добродѣтели новыхъ людей произвели въ душѣ его глубокое впечатлѣніе: онъ воспымалъ желаніемъ сдѣлаться участникомъ въ священной народной войнѣ и явился прямо къ Вашингтону.

«Я родился въ Старомъ Свѣтѣ, говорилъ онъ великому полководцу: предразсудки и заблужденія людей вытѣснили меня оттуда. Я оставилъ Старой Свѣтъ шатающимся на основанія своемъ. Все выступило изъ предѣловъ; пороки наводнили землю; твердость обществъ истлѣла вмѣстѣ съ нравами; престолы Царей слышатъ подъ собою пропасти, и алтари вѣры въ тайномъ предчувствіи трепещутъ! Имя Бога, добродѣтели, не имѣютъ уже болѣе власти надъ развращенными душами. Одинъ кумиръ у нихъ—золото! Богатство и замѣняетъ, и тѣснитъ, и осмѣиваетъ всѣ дары ума и сердца! Никогда, какъ теперь, пороки толикой дерзости, а корысть толикой власти надъ людьми не имѣли! —Я покинулъ Европу, лежащую на смертномъ одрѣ. Смердныя раны покрываютъ изможденное тѣло ея *. Пламѣнющая буря страстей пробѣгаетъ вмѣстѣ съ кровію по всѣмъ жиламъ, и скорбь проникаетъ до мозгу костей ея. Тяжкія времена готовы низпасть на главы уснувшихъ на цвѣтахъ.—Но что мнѣ до людей, отчуждившихъ меня отъ счастья жизни, изгнавшихъ изъ среди гордыхъ обществъ своихъ!... Въ Новомъ Свѣтѣ хочу я начать новую жизнь. Позволь мнѣ, великой человѣкъ! служить подъ знаменами свободы и сражаться за права добродѣтельнѣйшаго изъ обществъ, достойнаго содѣлаться великимъ народомъ!»

Въ самое короткое время Костюшко сталъ любимцемъ и другомъ Вашингтона. Отважность, познанія и страстная привязанность къ свободѣ и славѣ приобрѣли ему всеобщее уваженіе. Не было сшибки, въ которой бы онъ не участвовалъ; не было сраженія, въ которомъ бы не отличался. Пространныя пустыни и темныя лѣса Сѣверной половины Новаго Свѣта гремѣли славою подвиговъ его.

Испытавъ способности Американцевъ, онъ устроилъ, по образцу Польскихъ, полки уланъ, науча ихъ искус-

* Это выраженіе извѣстнаго Аббата Сабатье.

ству владѣть дротикомъ и управлять конемъ.—Съ сими-то войсками, находясь всегда впереди, оказалъ онъ наиболѣе услугъ.

Въ извѣстное время война въ Америкѣ кончилась. Восторжествовала свобода; восторжествовала правда, и ревностные защитники ея стали народомъ самобытнымъ.—Костюшко, покрытый ранами и знаками отличія, съ лестнымъ именемъ великаго Генерала, возвратился опять въ Европу. Любовь къ отечеству превозмогла отвращеніе его отъ Старого Свѣта и, вступя въ заговоръ съ сердцемъ, невольно склонила героя къ сему возврату.

Много времени протекло съ минуты его отсутствія! Много свершилось перемѣнъ!... Онъ засталъ любезную свою уже матерью прекраснаго семейства, супругою знатнѣйшаго изъ вельможъ, Князя Л**. Отечество свое засталъ онъ растлѣннымъ роскошью, слабодушіемъ и развратомъ вельможъ. Всѣ состоянія роптали. Богатство было въ явной ссорѣ съ бѣдностью. Напрасно философъ Женевскій Руссо подавалъ вопрошавшей его Польшѣ благіе совѣты; напрасно одинъ изъ вельможъ ея, Графъ Велегурскій, вопіялъ противъ растлѣнія нравовъ, разслабленія законовъ и духа жи, коварства и себялюбія, возобладавшаго сердцами!... Польша, буйствомъ и гордостію упоенная Польша, шаталась на краю бездны своей!—Извѣстные: Лафаетъ, Рошамбо и прочіе, бывшіе въ одно время съ Костюшкою въ Америкѣ, почти въ такомъ же состояніи застали отечество свое—Францію!—Сѣмяна разрушенія уже давно посѣяны были въ обществахъ людей, называющихъ себя просвѣщенными! Все приближалось къ великому перелому, и прозорливой наблюдатель, сквозь обманчивую тишину, предвидѣлъ страшныя бури.—Пожары домашнихъ раздоровъ пылали внутри Польши, темныя тучи ходили въ небесахъ ея; война со всѣми гибельными перунами грозно наступала извнѣ.—Екатерина Великая навела громъ

свой на чело буйной Варшавы; великій Суворовъ извлекалъ мечъ. Польша волновалась, какъ море, и высокое древо вольности ея трепетало отъ дуновенія Сѣвернаго вихря. Но подобно, какъ нѣжной сынъ, возвратясь на родину и заставъ домъ родительской въ пламени, не смотря на то, что огонь уже проникъ въ самую внутренность зданія, что милые сердцу его погибли невозвратно, что буря разливаетъ повсюду пламя и опасность; забывъ всѣ разсужденія, и слѣдуя только слѣпому влеченію сердца, бросается въ пламень, хочетъ быть спасителемъ—и погибаетъ: такъ сдѣлалъ Костюшко, смѣло бросясь въ пожары своего отечества.— Кто не знаетъ его имени? Кому не извѣстны подвиги и несчастія его?—О томъ и другомъ скажемъ здѣсь только по нѣскольку словъ.

Костюшко, возвратясь въ отечество, спѣшитъ пробудить духъ того состоянія людей, которое, подъ защитою горъ и лѣсовъ своихъ, спаслось и уцѣлѣло еще отъ заразительнаго дыханія разврата. Такъ нѣкогда знаменитый изгнанникъ Густавъ Ваза вывелъ спасителей отечества изъ оледенѣлыхъ лѣсовъ Далекарлійскихъ! Костюшко бросился въ горы Краковскія. Его присутствіе оживотворило унылый народъ; его разумъ неистощимъ былъ въ изобрѣтеніи средствъ и способовъ. Духъ его, устами проповѣдниковъ, гремѣлъ во храмахъ Божіихъ; сей самый духъ пылалъ въ разпущенныхъ въ народѣ объявленіяхъ и дышалъ въ пѣсняхъ и стихотвореніяхъ того времени.

Вскорѣ горные Мазуры, оставя имущество, женъ и дѣтей, собрались вокругъ новаго вождя своего. Безъ пушекъ, безъ огнестрѣльнаго оружія, съ дреколями, палицами и косами пошли они на бой. Съ сею кипящею тѣбѣмъ толпою Костюшко ринулся въ горъ, какъ весенній потокъ. Непріятельское войско, состоявшее изъ пяти тысячъ лучшихъ солдатъ, съ двадцатью пушками, безмечено стояло въ тѣхъ мѣстахъ, не опасаясь простыхъ мужиковъ; но, узнавъ однакожъ о прибли-

женіи ихъ, устроились въ боевой порядокъ. — Костюшко выпустилъ впередъ людей, вооруженныхъ косами, на длинныхъ шестахъ навязанными. Ими машучи, подвигались они впередъ. Съ противной стороны загремѣли пушки; но вскорѣ бой сдѣлался рукопашнымъ. Костюшко обхватилъ толпами своими оба крыла непріятельскихъ войскъ и сдѣлалъ на средину жестокой ударъ. Отчаянные Мазуры, подстрекаемые примѣромъ и гласомъ вождя своего, бросались, какъ слѣпые, на пушки и штыки. Сотни падали отъ пуль и картечь; другіе смѣялись надъ смертію и тѣснились впередъ. Сраженіе было непродолжительное: побѣда увѣнчала Костюшку; пушки схвачены и войска разбѣяны! — Сей первый успѣхъ озарилъ блескомъ своимъ Польшу и поднялъ народъ. Вездѣ загремѣло оружіе; отсюду двинулись воины.

Побѣдитель избранъ въ предводители голосомъ и сердцами цѣлаго народа. Онъ ведетъ ободренныя толпы свои внизъ по лѣвому берегу Вислы. Осьми или десяти-тысячный отрядъ Русскихъ, подъ начальствомъ опытнаго и благоразумнаго вождя, Генерала Ферзена, видя повсюду возстающее оружіе, спѣшитъ опёреться на Прусаковъ, медленно отъ Бромбергской области вверхъ по Вислѣ подвигающихся. Костюшко, идя безостановочно, старался во время самаго похода дать нѣкоторой видъ устройства вновь набранному имъ войску. Онъ никакъ не предполагалъ, чтобы Пруссія вступила въ тѣсной союзъ съ Россіею; а потому и спѣшилъ напасть на раздѣленные отряды Русскихъ, въ намѣреніи разбить ихъ по одиначкѣ; но вскорѣ увидѣлъ, что предположеніе его вовсе неосновательно. Въ окрестностяхъ Торна нашелъ онъ Россіянъ, соединенныхъ съ Прусаками. Съ разсвѣтомъ начался жаркой бой, продолжавшійся до самаго вечера. Союзники удержали поле сраженія. Въ сей битвѣ, какъ говорятъ, отличилъ себя особеннымъ мужествомъ и благоразуміемъ наслѣдникъ Прускій, нынѣшній Ко-

роль, знаменитый Фридрихъ Вильгельмъ III, начальствовавшій въ то время полкомъ Желтыхъ Гусаръ.— Ночь способствовала отступленію; Костюшко совершилъ его съ большою осторожностію и въ лучшемъ устройствѣ. Со стороны союзниковъ сильнаго натиска не было. Костюшко, поруча войска лучшему по себѣ Генералу, велитъ отступать сколько можно медленнѣе; а самъ, бросаясь въ почтовую повозку, скачетъ въ Варшаву. Его присутствіе оживило духъ и дѣятельность въ столицѣ. Всѣ усилія обратились на устройство окоповъ. Одинъ токмо герой, благородствомъ и величіемъ духа подобный Костюшкѣ, могъ восколебать и возвысить примѣромъ своимъ души изнѣженныхъ согражданъ до степени истиннаго величія. Всѣ тогдашніе подвиги ихъ великую честь имъ приносятъ. Единодушіе, цѣлительною силою своею, соединяетъ на время разтерзанныя раздорами общества части. Богатые люди открываютъ и дома, и дружескія объятія неимущимъ; дѣлятъ богатства свои съ бѣдными. Знаменитѣйшія жены, съ заступами въ рукахъ, выходятъ на валы и, становясь въ ряду съ простыми поселянами, работаютъ отечеству, подавая собою невиданный дотоѣ примѣръ. Дѣти знатнѣйшихъ вельможъ, нося корзины, наполненныя пищею и плодами, ласково подчиваютъ трудящихся всѣхъ равно, не взирая на разность состоянія. Такимъ образомъ въ непродолжительномъ времени высокіе окопы, изъ глубокихъ рововъ возставшіе, оградилъ столицу. На правомъ берегу Вислы Прага прикрыта грозными валами; а на лѣвомъ чистое поле Вольское, на которомъ собирались шумныя народныя вѣчи, подведено подъ перекрестные выстрѣлы мѣтежъ бойницъ. — Но отъ сихъ благородныхъ занятій людей Варшавскихъ, великимъ духомъ и мудрыми совѣтами вождя своего подкрѣпляемыхъ, обратимся опять къ обстоятельствамъ вѣщнымъ.

Войска непріятельскія стекались со всѣхъ сторонъ. Великій Суворовъ съ богатырями своими шелъ изъ Волыніи съ чудесною быстротою и разбивалъ всѣ попадавшіеся ему на пути отряды и толпы народнаго ополченія и Польскихъ войскъ.—Генераль Дерфельденъ тронулся изъ глубины Литвы и двигался также къ Варшавѣ. Сіи непріатели движеніями своими угрожали правому берегу Вислы. Взглянемъ на лѣвой. Войска союзныя, перестрѣливаясь съ отрядомъ Поляковъ, отстаивавшимъ путь къ Варшавѣ, достигли наконецъ сей столицы и расположили станы свои въ виду оной.

Народъ, видя себя въ половину осажденнымъ, не впадалъ еще въ уныніе, доколѣ вѣрнѣйшій другъ и благоразумнѣйшій вождь его былъ съ нимъ. Всякой, кто могъ поднять оружіе, сдѣлался воиномъ. Дружины молодыхъ людей часто выходили въ поле и бились храбро. Старцы и жены съ высоты валовъ смотрѣли на сраженія, благословляли идущихъ въ бой и привѣтствовали возвращавшихся съ честію. Союзники не находили себя въ довольныхъ силахъ, чтобы столь обширной и многочисленной городъ открытымъ приступомъ взять. Послано въ Пруссію за тяжелыми пушками, дабы Варшаву дальними выстрѣлами жечь и разрушать можно было.—Костюшко былъ вездѣ. Его неунынная дѣятельность, благоразуміе и осторожность стояли на безмѣнной стражѣ общаго блага. Онъ скакалъ на почтовыхъ изъ одного мѣста въ другое, отъ однихъ войскъ къ другимъ; дни и ночи проводилъ въ трудахъ, не позволяя себѣ даже и мыслить о покоѣ.—Означимъ здѣсь лучшую черту сего знаменитаго вождя.

Чернь Варшавская, злобствуя на Россіянъ, нѣсколько разъ умышляла побить всѣхъ Русскихъ плѣнниковъ, въ немаломъ числѣ тамъ находившихся. Кто жъ сдѣлался ихъ стражемъ и спасителемъ?—Костюшко!—Онъ безпрестанно перемѣнялъ мѣсто ихъ заключенія,

переводя каждую ночь изъ одного конца города въ другой такъ, что злоумышленники никакъ не могли знать, гдѣ именно находятся плѣнные, которыхъ Костюшко на собственной свой счетъ снабжалъ всѣмъ, что только могло усладить неволю ихъ. Между тѣмъ онъ открыто говорилъ во всѣхъ народныхъ собраніяхъ: «Жители Варшавы! въ присутствіи моемъ не обезчестите себя низкимъ убійствомъ! Не обагрите рукъ вашихъ кровію храбрыхъ, лишенныхъ оружія! Я уважаю Россіянь, не смотря на то, что они теперь непріатели наши. Народъ, будь честенъ и богобоязливъ! Всѣхъ плѣнныхъ принимаю я подъ защиту меча моего, и если коснутся хотя единому волосу главы ихъ, то уже не увидятъ болѣе Костюшки: онъ привыкъ повелѣвать великодушными.

Граждане! повторялъ онъ: будьте храбры въ полѣ, кротки въ домахъ своихъ, честны и благородны вездѣ! — Такъ сѣялъ сѣмяна благія сей мудрый и человѣколюбивый вождь, но вихри страстей разносили ихъ! Чувства благородства и честности уже не прозябали болѣе въ сердцахъ ожесточенныхъ. Народъ Варшавской доказалъ собою, что любовь къ отечеству и чувство благородной твердости было только чувствомъ мгновеннымъ, скоропреходящимъ, неудобнымъ вкореняться въ его заблужденномъ умѣ и развращенномъ сердцѣ, словомъ: народъ сей показалъ, что онъ достоинъ своего вѣка.

И противъ Костюшки, вождя и благодѣтеля народа, учиненъ заговоръ! Злодѣи воспользовались его отсутствіемъ. Колонтай, мрачной и злобной человѣконенавистникъ, прожившій нѣсколько лѣтъ въ уныломъ уединеніи Бернардинскаго монастыря, собралъ шайку и пустился на разтерзаніе общественнаго покоя. «Смотрите! вопіялъ народо-ласкатель: смотрите, какъ измѣняетъ вамъ вождь вашъ Костюшко! Онъ защищаетъ Русскихъ плѣнниковъ; онъ преданъ Россіи!»

Такъ вопіялъ сей угрюмой нелюдимъ, съ сверкающими очами и скрежетомъ зубовъ, пробѣгая улицы и влача за собою толпы бѣснующейся черни.

Между тѣмъ прибыли тяжелыя орудія. Союзники стали палить по городу—и буря вѣшняя заглушила на часъ внутренній мятежъ. Пожары домовъ просвѣтили на минуту умы. Тотчасъ успокоились и послали за Костюшкою: онъ вѣдалъ о всемъ, находясь при войскахъ.—Прибылъ сей великодушной вождь и, какъ солнце послѣ тучъ, озарилъ присутствіемъ своимъ столицу. Еще въ послѣдній разъ возвратилъ онъ ей спокойствіе. «Неблагодарные, говорилъ онъ народу: вы умышляете на жизнь Костюшки и при первой опасности зовете опять его ко спасенію себя! Вотъ здѣсь онъ, сей Костюшко, котораго подозреваете въ измѣнѣ или предательствѣ! Кто смѣетъ урекать меня въ измѣнѣ?—Выдь, кто бы ты ни былъ, и стань тутъ предъ народъ: пусть разсудитъ насъ мечъ! — Но вы молчите! Гдѣ клеветующіе на меня?—Сожженные совѣстью скрываются они въ темныя норы свои. Души мрачныя! вы боитесь свѣта истины! О, несчастные соотечественники мои! знайте и будьте увѣрены, что Костюшко не дѣлаетъ ничего такого, что бы могло обличить его въ вѣроломствѣ предъ лицомъ Бога и потомства!—Заблужденные граждане! еще разъ прощаю вамъ!... Будьте покойны! и вѣдайте, что въ то самое время, какъ вы умышляли, среди убійствъ и разрушеній, купать руки свои въ невинной крови, былъ человекъ, который заботился о благѣ вашемъ. Все предусиотрѣно, всѣ мѣры взяты!... Сегодня жъ непріятель перестанетъ стрѣлять, а завтра отступитъ онъ совсѣмъ отъ вашихъ стѣнъ. Старайтесь только быть достойными спасенія — и вы будете спасены!»

Сія рѣчь устыдила дерзость, пробудила совѣсть и успокоила умы: но увы! все сіе только на время!... Прусакъ точно перестали стрѣлять и отступили, получа извѣстіе о страшномъ возмущеніи, вспыхнувшимъ въ Бромбергѣ и прочихъ областяхъ, въ тылу ихъ на-

ходившихся.—Осада снята и сердца въ Варшавѣ вздохнули свободнѣе. Генералъ Ферзенъ, оставшись одинъ, не могъ болѣе имѣть надзора надъ Варшавою и, спѣша уклониться отъ возникавшихъ повсюду мятежей, потянулся вверхъ по лѣвому берегу Вислы, имѣя тайное намѣреніе, переправясь гдѣ-нибудь чрезъ сію рѣку, соединиться съ Суворовымъ, котораго громъ слышенъ былъ уже въ Брестъ-Литовскомъ. Для исполненія сего важнаго намѣренія нужно было обмануть бдительность вождя Поляковъ. Благоразумный Ферзенъ успѣлъ въ этомъ: онъ распускаетъ слухи, что идетъ прямо къ Австрійскимъ границамъ, чтобъ переправиться чрезъ Вислу въ самой ея вершинѣ и укрыться отъ битвы въ Австрію, въ сей войнѣ неучаствовавшую.

Костюшко, принявъ правдоподобіе за истину, посылаетъ сильное войско вверхъ по правому берегу Вислы стать у Кракова и пресѣчь Русскимъ все снособы къ переправѣ и соединенію. Въ слѣдъ же за Ферзеномъ, по лѣвому берегу, пускаетъ самѣй небольшой отрядъ только для надзора за движеніями его. Между тѣмъ самъ, со всеми войсками, какія могъ схватить, бѣжитъ къ Бресту, чтобъ подкрѣпить Генерала Сираковского, котораго Суворовъ сбивалъ съ поля вездѣ, гдѣ только ни встрѣчалъ.

Можетъ быть нѣкоторые спросятъ, для чего Костюшко не истребилъ мятежнаго Колонтая? — Легкомысліе народа и страсти вельможъ, завистовавшихъ возвышенію добродѣтельнаго мужа, защищали его врага. Кто бы подумалъ, что сей мятежникъ успѣлъ найти себѣ столько сообщниковъ въ толпахъ черни и въ чертогахъ вельможъ, что могъ уже смѣло стоять за себя противъ всякаго, кто бы осмѣлился явно его искоренять!... Онъ правда на минуту затихъ; но едва только блюститель Варшавы удалился изъ стѣнъ ея, какъ мятежъ опять вспыхнулъ и уже былъ неугасимъ (*).

(*) Колонтай завелъ клубъ и повторилъ въ Варшавѣ все, что онъ изобрѣло злодѣйское воображеніе Маратовъ и Робеспьеровъ въ Парижѣ.

Между тѣмъ послѣднее войско Сираковского разбито и бѣжитъ!... Суворовъ въ Брестъ!... Костюшко, скакавшій въ почтовой коляскѣ, на половинѣ дороги къ сему городу встрѣчаетъ бѣгущихъ, останавливаетъ ихъ, хватаетъ знамя, водружаетъ его подлѣ себя, и, сказавъ: «здѣсь будемъ драться въ послѣдній разъ!—Здѣсь побѣдимъ или умремъ!»—разсылаетъ гонцовъ во все стороны собирать бѣгущихъ и звать Генераловъ съ войсками на то мѣсто, гдѣ стоялъ самъ.

Но время обратиться къ Ферзену. Ощупавъ, такъ сказать, преслѣдовавшій себя отрядъ, и узнавъ о безсиліи его и намѣреніи непріятеля заградить ему въ верху переправу; а между тѣмъ видя Суворова, какъ бы подающаго ему руку, чрезъ непрерывныя побѣды надъ Сираковскимъ, онъ рѣшается исполнить немедленно на дѣлѣ положенное имъ въ умѣ.

На сей конецъ, не теряя времени, велитъ сторожевымъ войскамъ своимъ, подъ начальствомъ храбраго Денисова, начать бой и стоять неуступно противъ отряда Поляковъ. Въ тоже время, отступя нѣсколько верстъ, посылаетъ конницу вплавь чрезъ Вислу захватить на правомъ берегу замокъ Мацевичи и держаться въ ономъ. Все исполнено съ успѣхомъ. Такимъ образомъ, отдаливъ преслѣдовавшій себя отрядъ, и имѣя уже ногу на другомъ берегу, устремилъ онъ все силы и способы къ скорѣйшему построенію моста. Невозможно было поступить искуснѣе и умнѣе. Уже большая половина моста готова, какъ Костюшко, озабоченной другими хлопотами, узнаетъ отъ плѣнныхъ объ устроеніи переправы. Въ ту же минуту съ тѣмъ, что собралось около него, бросается онъ съ Брестской дороги вправо къ замку Мацевичамъ. Новые гонцы рассылаются съ приказаніями вести войска въ то мѣсто. Между тѣмъ къ Генералу Повинскому посылаетъ онъ особое повелѣніе прибыть съ своими шестью тысячами въ Мацевичи въ 8 часовъ утра непременно.—Вождь мудрый, но не всевѣдущій! Ты не

могъ предузнать, что участь твоя и судьба твоего отечества рѣшатся прежде этого часа!

Съ закатомъ солнца Костюшко является подъ стѣнами замка, идетъ на приступъ, вытѣсняетъ засаду и намѣревается напасть на Русскихъ, озабоченныхъ переправою, съ первыми лучами дня. — Съ вечера разставляетъ онъ самъ пушки вездѣ, гдѣ только нужно было, и дозволяетъ усталымъ людямъ своимъ подкрѣпить себя кратковременнымъ отдыхомъ для завтренняго боя. — Но Русскіе не дремлютъ!... Съ полночи начинаетъ Ферзень переправлять войска, и въ два часа уже всѣ на правомъ берегу. Сей искусной военачальникъ не потерялъ даже ни одной повозки изъ многочисленнаго своего обоза (*).

Ферзень, зная, что гдѣ Костюшко, тамъ нападеніе сдѣлано будетъ конечно со стороны Поляковъ, рѣшился, какъ Русской, честь сію присвоить себѣ: а славу побѣды ожидалъ отъ Бога. — Отправя обозы въ сторону, онъ велитъ одной части войскъ окружить замокъ съ лица; съ другою же посылаетъ Денисова пройти вверхъ берегомъ и стать у непріятеля съ тыла. Всѣ обстоятельства благопріятствуютъ исполненію сего рѣшительнаго предпріятія. — Ночь была темная и туманъ густой; ни одно изъ свѣтилъ небесныхъ не обнаруживало, блескомъ своимъ, движенія Россіянъ. Въ глубокомъ безмолвіи, подвигаясь ощупью по примѣтамъ впередъ, занимали они назначенныя имъ мѣста. Повѣвающий отъ полуночи вѣтеръ говоръ людей, шелестъ шаговъ и бряцаніе оружія заглушалъ совершенно. — Полки доходятъ, строятся, и Костюшко окружается со всѣхъ сторонъ: — съ одной рѣкою, съ двухъ войскомъ, а съ третьей непроходимыми болотами. Наступающій день рѣшитъ судьбу его!

(*) Говорятъ, что на предложеніе бросить половину обоза, состоящаго изъ 3000 повозокъ, большею частию съ Офицерскими пожитками, онъ отвѣчалъ: «а что скажетъ о семъ Европа? — Нѣтъ! Русской Генералъ не оставитъ ни одного колеса своему непріятелю!»

На разсвѣтъ Ферзенъ подалъ знакъ къ битвѣ. Нѣсколько пущенныхъ ракетъ блеснули въ туманѣ — и Русскіе начали бой. Ожили густыя рощи и загремяли лѣса. Вздогнули Поляки; но вождь ихъ былъ бодръ. «Защищайтесь! — кричалъ онъ, восходящее солнце приведетъ къ намъ помощь: Генералъ Понинской явится съ шестью тысячами здѣсь!» Голосъ любимого вождя одушевлялъ воиновъ, и сраженіе было упорно. Многіе Русскіе, стоявшіе въ долинѣ, видѣли ясно одного человѣка небольшого роста, въ смуромъ Краковскомъ кафтанѣ, проворно бѣгающаго по высотамъ замка и съ необычайною отважностію мѣтко наводящаго орудія свои—это былъ самъ Костюшко!...

Сраженіе кипитъ, заря угасаетъ; а Понинскаго нѣтъ!... Ферзенъ изъ всѣхъ своихъ орудій палитъ въ лицо замка: а рѣшительной ударъ оному нанесенъ будетъ съ тылу.

Нѣсколько Польскихъ конниковъ, выскакавъ въ поле, рубятся съ Русскими драгунами.—Но вотъ, уже восходитъ солнце, смерть свирѣпствуетъ безщадно: а Понинскаго нѣтъ!—Русскіе сближаются, картечи сыплются градомъ; люди валятся толпами; древнія стѣны замка трещатъ; все, что деревянное, горитъ!—Среди убійствъ и разрушенія, облитъ дымящеюся кровью, на грудахъ разтерзанныхъ тѣлъ, стоитъ Костюшко непоколебимъ;... но глубокая тоска, какое-то непостижимое предчувствіе, гложетъ сердце его и убиваетъ духъ.—«Невидать ли чего въ полѣ со стороны Варшавы?» спрашиваетъ онъ съ пылкимъ нетерпѣніемъ. Даль проясняется, говорятъ ему: туманъ исчезаетъ, толпы поселянъ бѣгутъ съ пожитками укрыться въ лѣса!.. Уже все поле исчезло—Русскіе у самыхъ стѣнъ; мечъ виситъ надъ сердцемъ Костюшки, кровавой дождь лѣется: а Понинскаго нѣтъ!... Наконецъ задымилось поднебесье и всклумилась пыль по Варшавской дорогѣ. Всѣ

закричали: «помощь идеть!»— Костюшко посмотрѣлъ внимательно и воскликнулъ: «погибло отечество!—смерть и намъ, или плѣнь!» Въ самомъ дѣлѣ то были полки Денисова, зашедшіе въ тылъ. Какъ шумная буря летѣлъ онъ съ Донцами впередъ!... Исполнилось великое предначертаніе Ферзена—и Костюшко погибъ! Смерть отъ штыка, пули или дротика угрожала со всѣхъ сторонъ. Всѣ Поляки въ россыпь: каждой искалъ спасенія. Костюшко не имѣлъ даже верховой лошади: онъ прискакалъ на канунѣ въ почтовой повозкѣ. Едва успѣваютъ подвести ему лошадь Русскаго драгуна. Онъ скачетъ, прорубаясь къ лѣсу.—Но предѣлъ судебъ непреходимъ!... Лошадь бросается въ сторону и тонетъ вмѣстѣ съ нимъ въ болотѣ. Сотни бѣгущихъ тамъ же утопаютъ. Преслѣдующіе ихъ Донцы колятъ и рубятъ всѣхъ безъ разбора. Костюшко получаетъ множество ранъ, и съ истеченіемъ крови лишается памяти и чувствъ!... Такъ лежалъ несчастной около двухъ часовъ. Наконецъ утихло сраженіе; умолкли отзвуки громовъ; побѣда лествищими лаврами своими увѣнчала Россіянъ. — Понинской показался вдали на высотахъ: но уже поздно!... Выслали всю конницу впередъ и заставили его уклониться въ лѣса.—Между тѣмъ одинъ Гусарскій Офицеръ, проѣзжая мимо болота, слышитъ стѣнящій голосъ: «храбрые Русскіе! спасите знаменитаго вождя нашего Костюшку!» Гдѣ Костюшко? закричалъ Офицеръ, кликнувъ къ себѣ нѣсколько Козаковъ. «Здѣсь умираетъ онъ!» отвѣчалъ израненной Полякъ.—Опрометью бросаются съ лошадей и съ осторожностію поднимаютъ Костюшку, переодѣтаго въ одежду простаго воина. Страшныя раны обезобразили лице и голову несчастнаго: но искра жизни еще тлѣла въ груди его. Тотчасъ болотною водою омывають раны, дѣлаютъ наскоро перевязку и несутъ его къ Ферзену. Легко вообразить удовольствіе сего военачальника, получившаго, чрезъ мудрыя распоряженія свои, вѣнецъ побѣды и одного изъ лучшихъ въ Европѣ

и перваго изъ Польскихъ Генераловъ. — Тотчасъ, по отпѣтїи благодарнаго по всеѣмъ полкамъ молебствїя, быстрый гонецъ скачетъ къ Суворову съ извѣщенїемъ, что путь къ соединенїю открытъ и самъ Костюшко въ рукахъ! — Костюшко при всякомъ случаѣ доказывалъ уваженїе къ Русскимъ и преимущественно къ Суворову. Герой Рымникскій умѣлъ также цѣнить достойнаго вождя Поляковъ. Получа извѣстїе, онъ воскликнулъ: «Слава Богу! Костюшко взятъ и Польша наша!»

Не здѣсь мѣсто описывать послѣдовавшїя военныя дѣйствїя: соединенїе Ферзена съ Суворовымъ; разбитїе всеѣхъ Польскихъ войскъ; прибытїе изъ Литвы Дерфельдена; обложенїе Праги, знаменитый приступъ и казнь, учиненную Русскимъ штыкомъ буйному и легкомысленному народу. Мы послѣдуемъ за героемъ нашимъ въ его злополучнѣйшей долѣ.

Едва чрезъ три дня, при попеченїи искуснѣйшихъ врачей, пришелъ Костюшко въ себя. Онъ открылъ глаза и содрогнувшись, постигнувъ всю мѣру бѣдствїй своихъ. Спустя нѣсколько времени прислали ему изъ Варшавы дорожную бричку его, Арапа, выѣхавшаго съ нимъ изъ Америки, и три тысячи червонцевъ. Благородный Костюшко тотчасъ подѣлился съ товарищами своего несчастїя: одну тысячу отдалъ онъ плѣннымъ Польскимъ солдатамъ; другую раздѣлилъ Офицерамъ; а третью только оставилъ себѣ.

Пройдемъ мимо времена, сокрытыя отъ насъ неизвѣстностїю, и остановимся на той важной минутѣ въ жизни Костюшки, когда великій Монархъ Сѣвера даровалъ ему новую жизнь, возвратя свободу. Опишу случай сей такъ, какъ видѣлъ его изображеннымъ на

гравированныхъ картинахъ художниками того времени, прибавя къ тому все, что слышалъ отъ нѣкоторыхъ особъ изустно.

Павелъ I, Государь высокаго духа, умѣвшій отдавать полную цѣну добродѣтелямъ и благородству, безъ всякаго о себѣ предувѣдомленія, идетъ самъ въ то мѣсто, гдѣ заключенъ Костюшко. Онъ застаётъ его въ глубокой задумчивости, окруженнаго чертежами и книгами, пристально разсматривающаго изображеніе земнаго шара.—Императоръ Россійскій желалъ бы знать причину столь глубокой задумчивости благороднаго Костюшки? «Государь! воскликнулъ удивленный плѣнникъ, могу ли повѣрить, чтобы темница моя озарилась присутствіемъ Вашего Величества!... Но ваша воля узнать настоящія мысли мои; благоговѣю къ ней, и не могу не открыть сердца моего предъ великодушіемъ Вашимъ. Государь! я размышлялъ о превратностяхъ, постигающихъ нынѣ царства и Царей! Я слѣдовалъ за бурнымъ потокомъ разрушенія, изторгнувшимся изъ нѣдръ разтерзанной Франціи и стремящимся поглотить большую часть Европы. Я видѣлъ сіи губительныя волны, сбивающія великолѣпные престолы, вырывающія съ корнемъ многовѣчныя древа родовъ царскихъ и премѣняющія лице всей земли!—Сколькихъ цѣрствъ не стало въ мірѣ!... Сколько народовъ лишились бытія!... И мое отечество!»—Тутъ навернулись у него слезы. «Будь спокоенъ, вѣрный сынъ Польши!» говорилъ Монархъ: «отечество твое еще существуетъ на лицѣ земномъ: Поляки, оставя всѣ разсужденія, по одному мѣстному положенію ихъ, не могутъ быть *народомъ самобытнымъ*; но они могутъ быть счастливы и будутъ благополучны подъ сѣнію скипетра Русскаго. Ихъ вѣра, ихъ законы и самые даже обычаи остаются при нихъ.»—Такъ говорилъ Государь. «Теперь, продолжалъ онъ: настало время возвратить свободу Герою, имѣющему право, по доб-

родителямъ своимъ, на уваженіе свѣта. — Отнынѣ Костюшко свободенъ! (Обратясь къ своимъ) Вручите ему мечъ, который всегда сопровождалъ его на пути истинной чести!»—Костюшко, по чувству благодарности, хотѣлъ было упасть на колѣни, но Государь не допустилъ его. —«Вы можете избрать себѣ мѣсто-пробываніе по собственному произволу вашему: но—вы должны общать».—Понимаю, Государь! воскликнулъ Костюшко, понимаю волю вашу и, ставя честь мою порукою, общаю отнынѣ навсегда ни мечемъ, ни совѣтомъ не участвовать ни въ чемъ, что только можетъ клониться ко вреду могущественной Россіи и великодушнаго Монарха ея.—«Этого довольно!» сказалъ Государь, и возвратилъ свободу герою.

Благородный Костюшко сдержалъ свято данное слово. —Нѣтъ! думалъ онъ, одинъ человекъ не можетъ остановить бурнаго теченія обстоятельствъ..... Я сдѣлалъ свое дѣло: данъ отечеству заплачена! Я ли виновникъ, что разтлѣніе нравовъ, забвеніе древней славы и расслабленіе душъ погрузило соотчичей моихъ въ междоусобные раздоры и отняло у нихъ руки къ защитѣ себя!.. Съ сего времени, да будетъ воля Бога, управляющаго судьбами вселенной и царствъ!» Въ самомъ дѣлѣ, Костюшко отъ шумной и тревожной жизни перешелъ къ безмятежнѣйшему спокойствію. Всѣ обольстительныя приманки славы исчезли, какъ дымъ. Независимость отъ страстей людскихъ и нѣжная дружба услаждаютъ тихое уединеніе его.

Въ 1812 году, когда гордые полчища Польскія, вмѣстѣ съ цѣлою Европою, шли раззорять Россію, Костюшко, отвергнувъ предложеніе быть ихъ вождемъ, говорилъ только соотечественникамъ своимъ: «помните, куда вы идете; великъ Богъ Русской! мужественъ народъ въ Россіи и страшны морозы ея!» Прозорливой старецъ не далѣе, [какъ чрезъ два года, увидѣлъ

событіе предчувствій своихъ. Онъ видѣлъ Александра I, гремящаго на высотахъ Монмартра и милующаго заблужденныхъ въ стѣнахъ Парижа!

Сердца благородныя и чувствительныя, умѣющія цѣнить истинное величіе героевъ, какихъ бы ни были они временъ и народовъ, для васъ я написалъ строки сіи. — Я начерталъ ихъ въ мѣстахъ родины самаго Костюшки, бесѣдуя съ людьми, бывшими нѣкогда къ нему близкими, и смотря на изваянной изъ мрамора его ликъ.

ПИСЬМА
РУССКАГО ОФИЦЕРА.

IV.

ОПИСАНІЕ СИЛЕЗИИ И ВОЕННЫХЪ ДѢЙСТВІЙ СОЮЗ-
НИКОВЪ ЗА РЕИНОМЪ ДО ВЗЯТІЯ ПАРИЖА.

ПИСЬМА РУССКАГО ОФИЦЕРА.

27 АПРѢЛЯ 1814. СИЛЕЗІЯ.

Какая благословенная сторона! Земля обѣтованная!— Изъ Польши въ Силезію въѣзжаешь точно съ такимъ чувствомъ, какъ переходишь изъ бѣднаго, опустѣлаго, въ богато-убранной и людьми наполненной домъ. Въ Силезіи убираютъ поля какъ комнаты. Право такъ! ну посмотри: здѣсь камни въ своемъ мѣстѣ; а дрова въ своемъ—и все въ порядкѣ!—Населеніе удивительное: на всякой верстѣ—деревня; на всякой милѣ—городъ.

Городъ Миличъ.

Первой пограничной городокъ. Ландратъ разсматриваетъ паспорта наши внимательно; разсуждаетъ благо-разумно. Тутъ нѣтъ ни прижимокъ, ни зацѣпокъ, ни крючковъ. Заготавливаютъ лошадей; даютъ билетъ на квартиру. Старой, еще Фридриховъ солдатъ, провожаетъ насъ. Хозяева принимаютъ Русскихъ Офицеровъ, какъ друзей. Пьемъ, ѣдимъ, отдыхаемъ, все даромъ. Въ Польшѣ этого не было! и кошелекъ нашъ очень изхудалъ отъ того, что тамъ ничего не было—даромъ.— За чѣмъ вы сами услуживаете намъ? спросилъ я у премилой хозяйской дочери. «Я знаю, отвѣчала дѣвушка, что ваши барыни, бѣлоручки, ничего сами не

дѣлають: у нихъ много служанокъ и слугъ; но мы въ домѣ имѣемъ только одного человѣка и по обычаю сами трудимся. При томъ вы вѣдь сами же освободили отечество наше изъ неволи: и намъ пріятно угождать благороднымъ защитникамъ нашего счастія. Повѣрьте, что трудиться весело; надобно только привыкнуть къ трудамъ. Для чего же далъ намъ Богъ руки?— для работы!»—Я съ непритворнымъ удовольствіемъ разцѣловалъ сіи трудолюбивыя руки.

Тотчасъ по приѣздѣ далъ я одному бѣдному, босоногому, просившему милостыни мальчику, нѣсколько злотыхъ на покупку мнѣ бумагъ. Онъ скрылся и чрезъ нѣсколько времени возвратился съ бумагою. Кто мѣшалъ ему уйти!—Я бы никогда не могъ узнать его послѣ. Но—вотъ образецъ Нѣмецкой честности!—

Право тутъ все такъ порядочно, какъ въ Нортонovýchъ часахъ, и уважать Русскихъ здѣсь также въ порядкѣ вещей. Извозчикъ, которой насъ везъ, гордился тѣмъ, что часто возитъ нашихъ Офицеровъ. Русской мундиръ и Русскія ассигнаціи здѣсь въ большой цѣнѣ.

Тутъ женщины не только трудятся дома, но часто видимъ ихъ работающихъ и въ полѣ; мужчины сражаются за отечество: почтенной народъ!

Городъ Трахенбергъ

будетъ знаменитъ въ Исторіи. Здѣсь прошлаго года имѣли свиданіе: Александръ I, Король Пруссій и Принцъ Шведскій. Огромной замокъ здѣшняго Князя Герцфельда имѣлъ счастіе вмѣщать въ себѣ сихъ вѣнценосныхъ особъ.

Въ Трахенбергѣ отвели насъ въ домъ одной доброй старушки. Молодая Амаля Лаубе, внучка ея, готовила на кухнѣ, читала Нѣмецкіе стихи, накрывала на столъ и играла на фортепіано.

Всѣ почти Силезскія дѣвушки воспитываются въ дѣвичьихъ училищахъ въ Бреславлѣ. Надобно думать,

что училища эти очень хороши; ибо воспитанницы ихъ преблагонаправны и довольно учены. Многие изъ здѣшнихъ жителей записываютъ въ особую книгу имена всѣхъ добрыхъ Русскихъ Офицеровъ, которые у нихъ бываютъ на постоѣ. А развѣ бываютъ и недобрые?— «О, случается,» отвѣчала Амалія съ невинною простотою, «однакожъ, довольно рѣдко!»—Мы нашли имена многихъ нашихъ знакомыхъ въ книгѣ добрыхъ.

Бѣдемъ по очаровательнымъ мѣстамъ: Силезія лежитъ предъ нами, какъ прелестная картина!... На лугахъ тучная зелень, тучныя стада и веселые пастухи. Здѣсь кажется всякой очень доволенъ своимъ состояніемъ. Жаль, что во всѣ сїи дни погода слишкомъ худа: то брызнетъ дождь, то посыплетъ снѣгъ—и вездѣ слякоть.—Прелестная Силезія достойна позлащаться вѣчно прекраснымъ Италіанскимъ солнцемъ; но для удобренія песчанокаменистой земли ея дожди необходимы. Всѣ здѣшнія дороги и даже тропинки обсажены деревьями. Въ началѣ весны вколачиваютъ рядами лозовые колья, которые чрезъ годъ или два превращаются въ прекрасныя ивы. Здѣсь люди также хороши, какъ ихъ природа; а это очень рѣдко! — Не одинъ Русской въ молитвахъ сердца своего повторяетъ: дай, Боже, всякаго счастья симъ добрымъ, гостепріимнымъ людямъ!

О, какъ счастливъ долженъ быть Король Прусскій, имѣя такія прекрасныя области, какъ Силезія!—Другъ мой! не лучше ли дѣлать народы счастливыми, нежели ихъ покорять?

29 А п р ѣ л я .

Чрезъ Винцигъ въ Штейнау.

Здѣсь, въ городѣ Штейнау, переѣзжали мы Одеръ на прекрасномъ плоту. Дулъ сильной сѣверной вѣтеръ; буря пѣвила мутныя волны, и рѣка, казалось, хотѣла выплеснуть изъ береговъ. Здѣсь Одеръ не такъ широкъ, какъ выше при Бригѣ и ниже при Глогау.

Съ нами переѣзжала прекрасная молодая дѣвушка съ старою матерью своею. Здѣсь такъ много хорошихъ, что не знаешь, которой отдать преимущество. Только что плѣнишься Амалиею и цѣлую станцію о ней мечтаешь, вдругъ бросается въ глаза Луиза, тамъ Каролина, Шарлота—и одна другую вытѣсняють изъ воображенія.—За Одеромъ проѣзжаемъ мѣстами, чрезвычайно отъ Французовъ пострадавшими; но глубокихъ слѣдовъ войны уже не видать. Въ здоровомъ тѣлѣ раны скоро залечиваются. И такое благотворное и благоразумное правительство, какъ Прусское, можетъ залечить всякія государственныя раны!—Читалъ ли ты *Одиссею*? Разумѣется читалъ! Ну, такъ развѣ тамъ только найдешь такое гостепріимство, какое находимъ мы здѣсь.—Какъ-то примутъ насъ въ Отецествѣ нашемъ, когда Богъ судить воротиться?...

Здѣсь все единообразно и порядочно. Пріѣзжаешь въ городъ, идешь къ Бургомистру или Коменданту, оттуда въ квартирную комиссію и въ комиссію для выдачи лошадей. Въ первой получаютъ билетъ на квартиру; въ другой на лошадей. Покуда отдыхаемъ на квартирѣ, въ красивомъ свѣтленькомъ домикѣ, при которомъ садикъ, цвѣтникъ и бесѣдка; покуда разговоримся съ угостительнымъ хозяиномъ, услужливые жандармы приводятъ лошадей—и ѣдемъ!—Жандармы тутъ препочтенные люди; почтенные по ихъ честности, расторопности, прежней и настоящей службѣ. Они отводятъ пріѣзжихъ на квартиры, доставляютъ имъ лошадей, указываютъ, что нужно, и все съ наилучшимъ усердіемъ безъ всякихъ взятокъ; они тожъ, что полицейскіе, но безъ крючковъ. У насъ добрые отставные солдаты могли бы также быть употребляемы.

Спрашиваю: отъ чего здѣшнія дѣвушки такъ бѣлы, румяны и свѣжи?—Отвѣчаютъ: отъ того, что онѣ не проводятъ ночей безъ сна, а дней безъ дѣла. Ихъ

видишь всегда за работою; всегда въ движеніи; большою частію на открытомъ воздухѣ; не читають онѣ пустыхъ романовъ, не воспаляютъ воображенія, не спѣшатъ жить. За то не знаютъ ни спазмовъ, ни мигреней, ни страшныхъ нервныхъ горячекъ. Всегда веселы, опрятны, проворны; встають рано, ложатся въ пору. Когда сгрустится — поютъ, или тихо кружатся подъ свой плавной вальсъ. Въ обществѣ веселятся онѣ отъ всей души, и не зѣваютъ подъ шумомъ музыки и блескомъ освѣщенія, потому, что съѣзжаются только изрѣдка. Наслажденіе у нихъ извѣстно; а о пресыщеніи и слыхомъ не слышать.

Въ Штейнау остановились только на минуту. Оттуда проѣхали въ Любенъ, гдѣ обѣдали у мыльника—Не пугайся! онѣ имѣетъ прекрасной домъ и двухъ премилыхъ дочерей, которыя играютъ на фортепіано, говорятъ по Французски, знаютъ Исторію, Географію и завѣдываютъ всѣмъ хозяйствомъ въ домѣ.

29 АПРѢЛЯ. ГОРОДЪ ГАЙНАУ.

Городъ сей знаменитъ побѣдою, одержанною въ окрестностяхъ его Генераломъ Блюхеромъ въ прошломъ году.—Когда союзныя арміи отступали изъ Саксоніи и непріатель уже вломился въ Пруссію, то искусной и неустрашимой Блюхеръ, указавъ солдатамъ на стѣнящую въ пожарахъ Бунцлау, сталъ твердо за землю свою. Одну часть скрываетъ онѣ въ лѣсистыхъ оврагахъ, позадь бугровъ; а другой умышленно велитъ отступать. Пылкіе Французы нагло стремятся въ стѣ. Условлено: когда загорится стоявшая въ сторонѣ на холмѣ мельница, то нападать со всѣхъ сторонъ. Все исполнилось. Благоразумнѣйшее предпріятіе увѣчалось блистательнѣйшимъ успѣхомъ. Знамена и пушки были трофеями побѣды.—Въ Гайнау мы ночевали. Недалеко отъ сего города показались въ лѣвѣ величественные

исполины, окутанные туманами, въ синихъ вѣнцахъ своихъ. Впередѣ, подѣ небомъ темнѣли знакомцы мои, холмы Саксонскіе. Необозримая даль манила къ себѣ воображеніе. Воспоминанія мелькали одни за другими; мечты и надежды ласкали сердце.

30 АПРѢЛЯ. БУНЦЛАУ.

Этотъ городъ раззоренъ и укрѣпленъ Французами. Сады вырублены, ворота завалены; вездѣ рогатки, туры, рвы и окопы. Жители Бунцлавскіе менѣе всѣхъ прочихъ славятся гостепріимствомъ. Они были богаты и скуны.—Здѣсь-то умеръ Фельдмаршалъ, Свѣтлѣйшій Князь Кутузовъ. Домъ, гдѣ онъ скончался, откупленъ и превращенъ будетъ въ храмъ. Такъ, пусть неугасимая лампада теплится надъ могилою того, къ кому почтеніе въ сердцахъ Россіянъ неизгладимо!

31 АПРѢЛЯ. ГОРОДЪ ЛАУБАНЪ.

Силезія кончилась; мы въ Саксоніи! — Здѣсь прошлаго года было послѣднее аріергардное дѣло, въ которомъ начальствовалъ Милорадовичъ. Тутъ принялъ, угостилъ и обласкалъ насъ, какъ доброй соотечественникъ, Комевдантъ города Маіоръ Канищевъ.

1 МАІЯ. САКСОНІЯ.

«Вотъ здѣсь дрались; здѣсь сражались; въ этомъ лѣсу скрывались стрѣлки; по этому полю неслась на непріятеля конница!»—Такъ говорили мы, подѣбзжая къ Герлицу. Война коротко познакомила насъ съ окрестностями его.—Герлицъ уже опять цвѣтетъ, и вся Саксонія, стрясая съ себя пожарный пепелъ, является въ прежней красотѣ. Торговля и благоустройство залечиваютъ раны.

Видалъ ли ты раззоренной муравейникъ, приводимой въ прежнее состояніе трудолюбивыми его жителями? Видалъ ли, какъ движутся тысячи насѣкомыхъ, сносятъ листья, сучки, зерна, травки, и прежнее становится по прежнему? Такъ и Саксонія!

Разсуждаютъ, отъ чего здѣсь такъ скоро обгорѣлыя развалины обѣляются и дома рождаются изъ пепла?— Узнаю, что здѣсь издавна копились суммы пожарныя; суммы для вспоможенія бѣднымъ: онѣ уцѣлѣли и теперь пригодились кстаѣ, какъ не лѣзя лучше. При томъ же состраданіе, свойственное доброду и просвѣщенному народу, щедро изливаетъ цѣленіе на раны страдальцевъ. Бѣры, потрясавшія Европу, пробудили чувства милосердія въ самыхъ оцѣпенѣлыхъ сердцахъ. Къ чести Саксоніи, въ ней нѣтъ ни одного города, въ которомъ бы не было какого-нибудь богоугоднаго и бѣднымъ полезнаго заведенія.

2 М А І Я.

Анхенъ, Мальхенъ, Юльхенъ хотъ кого очаруютъ здѣсь! Какія стройныя тали! Какія живописныя лица!... Я видалъ здѣсь женщинъ знатнаго рода; большая часть изъ нихъ также блѣдны, томны и унылы, какъ и у насъ. Почему же въ среднемъ состояніи такъ хороши?—Потому, что онѣ ближе къ природѣ. Природа мститъ первымъ и лѣлѣетъ послѣднихъ, какъ милыхъ дочерей своихъ.—Что ты получаешь въ годъ отъ своего хозяина?—спросилъ я вчера у одной прекрасной, преумной и прерасторопной Юльхенъ. «20 талеровъ,» (80 руб. ассигн.)—отвѣчала она. И ты довольна!... «Сыта и одѣта—стало довольна!» Видите, какъ здѣсь люди не гоняются за большимъ!

Завтра, коли дастъ Богъ, ѣдемъ чрезъ Бауценъ, опять чрезъ поля сраженій!... Но теперь уже перестаютъ литься кровь и слезы, замолкаютъ громы, начи-

нають куриться олтари добродѣтели и миръ лобзается съ тишиною подъ сладкимъ пѣніемъ оживленныхъ музъ. Тамъ, гдѣ за годъ предъ симъ разъяренные воины съ такимъ усиліемъ стремились истреблять чело-вѣчество, мирные поселяне стараются теперь о про-питаніи онаго. Однѣ поколѣнія живутъ на разрушеніи другихъ; цѣлые народы мрутъ, излѣваются и превра-щаются въ глыбы земныя!—Но долго ль, долго ль будетъ существовать такой порядокъ вещей подъ солнцемъ?—

До Бауцена, въ Бауценѣ и далѣе къ Дрездену нѣтъ мѣста, которое почему-нибудь не было бы намъ зна-комо, почему-нибудь замѣчательно. Еще нѣтъ года (и сколько перемѣнъ!), какъ мы, уступая сіе пространство шагъ за шагомъ, дрались за каждую сажень земли. Битва на поляхъ Будисинскихъ * будетъ памятна въ лѣтописяхъ Европы. Сраженіе подъ Бауценомъ было общее и великое. Французы въ собственныхъ своихъ извѣстіяхъ сознаются, что они потеряли 15,000; а въ самомъ дѣлѣ потеря ихъ гораздо больше.

Вся дорога къ столицѣ Саксонской возбуждаетъ во мнѣ тысячу напомниманій!—Какъ раззорена злополучная страна сія! Развалины на развалинахъ, пепелъ на разру-шеніи; но дѣятельность извлекаетъ изъ тлѣнія новыя села, новые города. Кровли изъ новой черепицы, повсюду алѣющія среди черныхъ огарковъ, чрезвычайно нра-вятся глазамъ.—Саксонія похожа на прекрасную жен-щину, встающую съ одра тяжелой болѣзни.

3 М а и я.

Дрезденъ! Дрезденъ вижу я! — Онъ тотъ же; но окрестности его уже не тѣ. Гдѣ дѣвались сіи вели-чественныя рощи, сіи волшебные сады, которые такую прелесть всему придавали?—Наполеонъ сорвалъ ихъ,

* Бауценъ назывался прежде Будисинномъ, и на старинныхъ картахъ подъ симъ именемъ означенъ.

какъ волосы съ главы красавицы. Онъ оскубъ ошпаль ихъ, какъ золотыя перья съ фазана. На мѣсто зеленѣющихъ окрестностей явились грозные валы—и мирный, безпечный Дрезденъ превращенъ въ страшную крѣпость и хмурится за окопами, и грозитъ своими пушками. Давно ль входилъ я въ него, какъ въ цвѣтушій садъ!... Кто жь превратитель царствъ, городовъ и Европы?—Наполеонъ!

Обнесъ прелестный градъ онъ грозными валами:
Ко стогнамъ прилегла ночей дремучихъ мгла,
Драконы сѣли вокругъ съ гремящими жерлами,

И смерть у ногъ его легла.—

Изчезъ прекрасный свѣтъ лазури,

Подъ блескомъ заревъ воюють бури,

Громъ въ день, громъ слышенъ въ ночь,

Ревъ смерти, жизни стонъ,

Мечами поросли и копытами дороги....

Въ такомъ видѣ былъ Дрезденъ за нѣсколько предъ симъ мѣсяцевъ; теперь опять разцвѣтаетъ. Многолюдо возрасло гораздо противу прежняго. Люди, скрывавшіеся въ лѣсахъ, по горамъ и вертепамъ, возвращаясь въ дома свои, усугубили жизнь и дѣятельность въ городѣ; улицы кипятъ народомъ, сады наполнены гуляющими; только Эльба что-то обмѣлѣла.

4 Маія, Дрезденъ.

Брилевскій садъ и дворецъ (Brillischer Garten).

Сей садъ, принадлежавшій Министру Брилю, разведенъ на валахъ и бастіонахъ, окружавшихъ нѣкогда древній Дрезденъ. Онъ украшаетъ собою лѣвый берегъ Эльбы.

Тамъ, гдѣ были прежде грозные валы, высокіе окопы, твердые оплоты стараго Дрездена; тамъ теперь на этихъ валахъ и бастіонахъ, одѣтыхъ камнемъ, разведены прелестнѣйшіе сады, устроено очаровательное гулянье. Гдѣ гремѣла война, гдѣ жили суровые воины, гдѣ

воздухъ напоенъ былъ сѣрнымъ запахомъ; тамъ поютъ птицы, гуляютъ красавицы и благоухаютъ цвѣты. Вотъ, что значитъ возвращать розы въ пустынныхъ дебряхъ!—Всего болѣе гулянье это украшается свободою; здѣсь всякой по себѣ. Одинъ куритъ трубку; другая, сидя, вяжетъ чулокъ; тамъ пьютъ пуншъ, тутъ говорятъ или читаютъ. Сладкіе звуки музыки мѣшаются съ пѣніемъ вольныхъ и по клѣткамъ разсаженныхъ птицъ. Тутъ никому ни до кого дѣла нѣтъ. Полицейскихъ и не слышать, а все такъ тихо, такъ порядочно!—Гуляя на бастионахъ по берегу, находишься между картинами природы и искусства. Идя туда, взгляни на лѣво: рѣка, мостъ, съ узорчатыми виноградниками горы, села, рощи, башни и замки въ золоторозовомъ мерцаніи тихаго Майскаго вечера представляютъ прекраснѣйшія картины природы. Поверни на право: войдешь въ галерею Королевскаго дворца—и восхитишься произведеніями искусства.

Вотъ рѣдкія картины! Опишу нѣкоторыя изъ нихъ.

Видѣлъ ли ты Ласъ-Казаса за часъ до его смерти?—А я видѣлъ его здѣсь. Какая мастерская живопись въ картинѣ: видѣніе Ласъ-Казаса!—Невольно переселяюсь въ Новой Свѣтъ и вижу все какъ на яву. Сей питомецъ добродѣтели, сей другъ человечества, лежитъ подъ открытымъ небомъ, на соломенномъ ложѣ, въ виду синѣющихъ вдали горъ. Одною рукою прижимаетъ онъ къ умирающему сердцу крестъ; другою указываетъ на Евангеліе. Уже смерть отнимаетъ у народовъ ихъ защитника. Онъ умираетъ—и съ нимъ вмѣстѣ умираютъ всѣ надежды чадъ Америкъ. Одинъ изъ нихъ, въ глубочайшей грусти, стоя на колѣняхъ и ломая руки, кажется умоляетъ смерть, чтобъ она отвела косу отъ сердца добродѣтельнаго. Но неумолимая не внемлетъ. Уже все тѣло цѣпенѣтъ, стынетъ и синѣетъ. На картинѣ все это, какъ въ зеркалѣ видно. Кажется самъ видишь, какъ смерть переходитъ изъ кости въ кость, изъ жилы въ жилу, вытясняетъ

жизнь и отлучаетъ душу отъ тѣла. — Въ послѣднія минуты разкрывается небо — и жители его, Ангелы, роятся надъ умирающимъ, какъ пчелы надъ весеннею розою. Они кажется ласкаютъ, какъ друга, душу Лась-Казаса, и ободряютъ и манятъ ее изъ тѣна въ нетѣніе, отъ скуки суетливой земли къ вѣчнымъ радостямъ тихаго неба. Рисовка въ сей картинѣ отмѣнно хороша: черты глубоки, всѣ мускулы, жилы и выпуклости такъ естественно изображены, что кажется будто тамъ въ самомъ дѣлѣ положенъ умирающій человѣкъ.

Въ картинѣ: *судъ Соломоновъ*, нарисованъ очень хорошо только одинъ воинъ, намѣревающийся разсѣчь пополамъ ребенка.

На большой площади въ Нейштатѣ сооруженъ бронзовой памятникъ Августу II. Онъ представленъ на конѣ.

На славномъ Дрезденскомъ мосту отличается другой памятникъ въ честь первому зачателю сего дивнаго произведенія, Георгу II, Герцогу Саксонскому. На большомъ камнѣ водруженъ огромной бронзовой и ярко вызолоченной крестъ съ Распятіемъ. — Весьма примѣчательна новая золотая надпись на мраморномъ подножіи сего креста. Вотъ она:

«Разрушенъ—Галлами;

«возстановленъ

«Александромъ II»—

Далѣе означены: годъ, мѣсяцъ и число.

Сія надпись могла бы годиться и для общаго порядка вещей въ Европѣ. Не Галлы ль нарушили его? Не Александръ ли I возстановилъ?

Европа теперь похожа на человѣка, претерпѣвшаго страшное кораблекрушеніе и послѣднимъ порывомъ бури выброшеннаго вдругъ изъ шумныхъ волнъ въ мирную пристань, изъ самыхъ мрачныхъ пучинъ на

самой цвѣтущій берегъ. Несчастной не вѣрить своему благополучію; ему все еще мечтаются ревущія волны и свистящіе вѣтры. Безпечно лежитъ онъ подъ яснымъ небомъ и, не зная, что предпринять, на что рѣшиться, что будетъ съ нимъ далѣе, забываетъ прошедшее, не мыслить о будущемъ и спѣшитъ только наслаждаться настоящимъ. — Никогда такъ мало не говорили о войнѣ, какъ теперь, по крайней мѣрѣ здѣсь. Какъ будто и слово *война* опротивило людямъ: не давно минувшее, кажется, прошло уже Богъ знаетъ когда!... Всѣ теперь стыдятся того, чего прежде желали, за чѣмъ гонялись; а давно ль гонялись? — Съ мѣсяць тому назадъ. — О, люди! —

Наши Русскіе безпрестанно женятся въ Саксоніи. Здѣсь смотрятъ прямо на человѣка, а не на то, что на немъ; ищутъ души, а не душъ. Богатыя Саксонки выходятъ за бѣдныхъ Офицеровъ. Онѣ не жаждутъ ни генеральства, ни денегъ; а желаютъ, чтобъ человѣкъ былъ уменъ, добръ — и Русской! — Каждая изъ сихъ милыхъ женщинъ, подобно нѣжной Неемъ, сказавъ мужу своему: «твой Богъ будетъ моимъ Богомъ, и твое отечество моимъ отечествомъ!» — уѣзжаетъ въ Россію, не пугаясь морозовъ ея.

Любопытно смотрѣть, какъ Нѣмцы и Русскіе играютъ въ банкъ. Первые ставятъ — гроши; другіе — червонцы. Тѣ при проигрышѣ морщатся; а эти — ничего! Вѣдь и по такимъ мѣлочамъ можно узнавать характеръ народовъ.

На многихъ домахъ все еще существуютъ Русскія вывѣски. Въ саду у Марколина, вмѣстѣ съ золотоперыми фазанами, живутъ опципанные пидѣйки и простыя Русскія куры. Здѣсь право весело быть Русскимъ!

Дрезденъ болѣе высокъ, нежели обширенъ. Дома въ 5, 6 и болѣе этажей. Всѣ окна украшены розами и соловьями. Громкія пѣсни по зарямъ улаждаютъ дремлющій городъ.

КАРТИННАЯ ГАЛЕРЕЯ.

Наконецъ увидѣлъ я подлинникъ Корреджіевой Магдалины; и въ семъ несравненномъ подлинникѣ увидѣлъ то, чего ни въ какихъ подражаніяхъ видѣть нельзя: я увидѣлъ кисть Корреджіо. Во всѣхъ спискахъ, даже въ самыхъ превосходныхъ, замѣчаешь какую-то принужденность въ положеніи Магдалины. Она какъ будто чувствуетъ, что на нее смотрятъ, и какъ будто остерегается нескромныхъ взглядовъ. Корреджіей увидѣлъ ее тамъ, гдѣ она была никѣмъ невидима, окружена священною неприступностію пустыни, куда нечистое око смертнаго проникать не дерзало. За то съ какою безпечностію лежитъ она у него на зеленой муравѣ!... Удивительное спокойствіе и беззаботливость ясно доказываютъ, что она уже забыла о цѣломъ свѣтѣ; но свѣтъ не забудетъ великаго художника и чудеснаго произведенія кисти его.

Вотъ другая Магдалина живописца Батони. Стремясь подражать великому, онъ сдѣлался знаменитъ. Его прекрасная Магдалина написана во весь ростъ. Она также бѣлокура съ златовидными волосами, которые однакожъ слишкомъ опрятно причесаны. Она также лежитъ на зеленой муравѣ, также читаетъ, также вслушивается въ шопотъ ручья, который, кажется, нарочно старается течь тише, чтобъ въ чистомъ зеркалѣ своемъ вмѣщать прелестныя черты красавицы. Но у ногъ ея лежитъ мертвая голова и стоятъ песочные часы. (У Корреджіо этого нѣтъ). Батони сдѣлалъ это для того, чтобъ вдохнуть непримѣтно болѣе участія въ зрителей.

Это все равно, какъ бы кто-нибудь указывалъ намъ прекрасной цвѣтокъ, надъ которымъ уже виситъ роковая коса, готовая пожать его. Съ перваго взгляда каждому понравится можетъ быть Батоніева; но знатоки отдають несравненное преимущество Корреджіевой Магдалинѣ. — Первую можно сравнить съ трагедіею Шиллера, другую съ Мессіадою Клопштока.

Какъ описать тебѣ то, что я видѣлъ: я видѣлъ живопись въ полномъ совершенствѣ ея; видѣлъ я великое чудо, совершившееся за XVIII предъ симъ вѣковъ. Какое неподражаемое искусство въ живописи! Откуда почерпнулъ Корреджіо ту высокую мысль, которую такъ превосходно изобразилъ въ своей картинѣ, извѣстной свѣту подъ названіемъ: Корреджіева ночь или Рождество Христово. — Этого-то художника можно назвать изобразителемъ Божества. Конто-ди-Ротари освѣтилъ картину свою мѣсяцомъ, и освѣтилъ ее прекрасно. Но Корреджіо считалъ, что никакой свѣтъ естественной недостоинъ свѣтить тому мѣсту, гдѣ родится Христосъ: оно должно озаряться свѣтомъ сверхъ-естественнымъ, отъ самаго младенца исходящимъ. Такъ мыслилъ благородной художникъ; и такую величественную мысль, возвышающую духъ каждаго Христіанина, осуществилъ онъ искусствомъ своимъ. Изъ середины картины его на все пространство ея распространяется сіяніе, блескомъ превосходящее лунное и несравненно пріятнѣйшее солнечнаго. Не умѣю прибрать точнаго названія небесному сіянію сему. — Я вижу новорожденного младенца. Онъ есть солнце сей картины, какъ былъ нѣкогда солнцемъ Вифлеема и какъ пребудетъ въ безконечности временъ незаходимымъ солнцемъ Христіанскаго міра.

Смотрите и дивитесь: положили дитя на солому — и она вдругъ засверкала какъ брилліантовая!... Видите, что къ чему только ни прикоснется сіяніе отъ младенца, все становится благороднѣе, величественнѣе,

священіе. Различные предметы различно освѣщаются: нѣкоторые въ половину, другіе только слегка; но лице Маріи освѣщено вполне; на немъ нѣтъ ни одной черты тѣни. Она заимствуетъ свѣтъ отъ младенца, какъ луна отъ солнца. На лицѣ Маріи изображается и глубочайшее благоговѣніе и нѣжнѣйшая материнская любовь. Глаза ея потуплены, закрыты рѣсницами: но ихъ, кажется, видишь и сквозь рѣсницы. Они не блестятъ, но свѣтятся, какъ луна за тонкимъ облакомъ. Не съ неба на землю; отъ земли на небо свѣтъ востекаетъ.— Какое-то серебряное зарево, отблескъ сіяющаго младенца, пылаетъ въ голубомъ эфирѣ; и сліяніе тѣней и свѣта неподражаемо!—Златокрылые Ангелы, плавающие въ аломъ разсвѣтѣ утра, заимствуютъ озареніе свое изъ одногожъ источника. Многіе изъ предстоящихъ закрываютъ глаза руками, не стерпя яркости сіянія. Всякой особымъ образомъ изъясняетъ свое удивленіе. Но благоговѣніе есть общее чувство всѣхъ. — Вотъ картина, въ которой все достойно и предмета и творца ея!

Корреджіо, написавъ ее, не получилъ и 250 руб. на свои деньги; а Герцогъ Саксонскій заплатилъ за нее 250,000 рублей; теперь же не отдадутъ и за полмилліона. Такъ-то мало уважаютъ люди дарованія современные!—Корреджіо жилъ въ крайней бѣдности: никто не помогалъ ему; умеръ — и начали жалѣть, и воспѣвать!—Такое дѣйствіе людей прекрасно изображаетъ Русская пословица: «снявши голову, по волосамъ плачутъ!»

Вотъ и Рафаэлева картина! Чѣмъ превышаетъ онъ всѣхъ живописцевъ?—Простотою и выразительностію. Смотрю на аллегорическое изображеніе. Жена, возносящаяся въ небеса, несетъ съ собою, въ видѣ ребенка, любовь Христіанскую. Съ одной стороны *Сикстъ*, съ другой Св. Варвара. Пониже сихъ трехъ лицъ два Ангела, плавающая на облакахъ, съ величайшимъ вниманіемъ смо-

трать на то, что происходитъ выше ихъ въ небѣ. Положеніе всѣхъ лицъ такъ свободно, такъ непринужденно!... Тутъ нѣтъ ни одной замашки, чтобъ блеснуть искусствомъ; все просто, а подъ сею величайшею простотою сокрывается величайшее искусство. Совсѣмъ не видать воли художника. Кажется, всѣ лица явились и расположились сами собою; и отъ того-то вся картина кажется быть нерукотворенною. Въ младенцѣ и въ Ангелахъ такъ много жизни, особливо въ глазахъ, что всякой, смотря на нихъ, только и ожидаетъ, что первой проговорить, а послѣдніе взвѣются и улетятъ въ седьмое небо!... Сія картина куплена за 300,000 руб.

Въ такомъ же родѣ Аннибала Карачіо—голова Христова. Она также проста и также почти неподражаема. Онъ умѣлъ сдѣлать невидимое видимымъ; онъ нарисовалъ чистую совѣсть.

Здѣсь можно видѣть цѣлую жизнь Магдалины, или, правильнѣе сказать, Маріи въ картинахъ (*). Вотъ Франчоццини нарисовалъ ее раскаявающеюся. Я вижу красавицу въ ту минуту, когда она рѣшается оставить свѣтъ,—свѣтъ мятежной, исполненной скупы, суеты и превратностей. Она срываетъ съ себя всѣ украшенія: перлы, рубины и пурпуръ. Разбитое зеркало лежитъ у ногъ. Тамъ, вдали, тихая пустыня открываетъ ей дружескія объятія свои; свѣтъ шумитъ и стонетъ за нею: она забываетъ послѣдній и бросается къ первой. —У Батони вижу я ее раскаявшуюся, но еще неочищенную. Еще не изгладились слѣды протекшей бури страстей; еще видны какіе-то оттѣнки слабостей, собственныхъ челоуѣку; еще пробуждаются нѣкоторыя воспоминанія о прошедшемъ, нѣкоторыя желанія, для

(*) Здѣсь должно разумѣть не ту Магдалину, которая родилась въ горахъ Магдальскихъ и была ученицею Иисуса; но Марію Египетскую, проведшую 47 лѣтъ въ глубокомъ уединеніи на пустынныхъ берегахъ Иордана. —(См. въ Четьи-Минеи житія ея Апрѣля 1 дня.)

укрощенія которыхъ необходимъ видъ мертвой головы. — У Корреджіо сія прелестная дочь раскаянія уже непорочна, какъ новорожденное дитя; мила, какъ Ангелъ! Я вижу ее окропленную небеснымъ иссопомъ, убѣленную яко снѣгъ. И душа, покрытая нѣкогда бурнымъ мракомъ страстей, теперь тиха и свѣтла, какъ ясной весенній день. Столь спасительна для грѣшныхъ чадъ земли священная купель покаянія!

Толки зрителей.

Люди, привыкшіе искать пятенъ въ солнцѣ и лунѣ, роются и здѣсь около картинъ великихъ художниковъ и толкуютъ объ нихъ по своему. Они говорятъ, на примѣръ, что во времена Маріи не было книгъ (а были свитки); что Св. Варвара не современница Сиксту и проч. и проч. — Какіе пустые толки!... Очаруй насъ художникъ — и вѣнецъ награды твой! Мы хотимъ поддѣлаться къ природѣ, къ истинѣ — и выходимъ изъ цвѣтущей области мечтаній въ скучные предѣлы существенности. Всего страннѣе поступаемъ съ драматическимъ искусствомъ. То позволяемъ ему себя обманывать, то вдругъ требуемъ отъ него же самой строгой исторической истины; требуемъ настоятельно единства мѣста и урочнаго времени; а соглашаемся и вѣримъ отъ чистаго сердца, что будто очень естественно, чтобъ Татаринъ, Турокъ и Американецъ, въ трагедіяхъ Волтера или Расина говорили по Французски. — Строгая истина необходима въ Исторіи; въ Поэзіи и живописи нужно только — очарованіе!

Въ картинахъ Фламандской школы природо-подражаніе удивительно! Виноградъ ѣсть хочется; капли на листьяхъ и цвѣтахъ, кажется, только что упали съ неба.

Такъ, я видѣлъ произведенія великихъ художниковъ, и никто, кромѣ смерти, не вырветъ изъ души моей того, что я видѣлъ!—Многіе изъ нашихъ тысяче-душныхъ вельможъ не наслаждались созерцаніемъ изящности во всемъ совершенствѣ ея! Конечно надобно смотрѣть такія картины съ вольнымъ духомъ, съ спокойнымъ сердцемъ, при свободномъ досугѣ, не томясь грустью и нуждою: словомъ, ихъ надобно бы смотрѣть тому, кто не о томъ заботится, какъ жить; но о томъ, какъ наслаждаться жизнью. Я былъ совсѣмъ въ противномъ положеніи. Но и я ихъ видѣлъ!... И въ глубокой тѣни неизвѣстности, при всѣхъ заботахъ бѣдности, я буду утѣшаться тѣмъ, что видѣлъ. Вмѣстѣ съ Дюпати могу сказать, что въ странствованіяхъ моихъ не накопиль я ни сокровищъ, ни рѣдкостей; но обогатилъ умъ напоминаніями, а сердце чувствами!

ЛЮБОПЫТНАЯ ВСТРЕЧА.

Между тѣмъ какъ я въ одномъ концѣ галлерей разсматривалъ картины, въ другомъ появился чело-вѣкъ небольшого роста, пожилыхъ лѣтъ, очень опрятно одѣтый и бѣло напудренный. Всѣ движенія его имѣли въ себѣ какую-то необыкновенную живость: онъ не ходилъ, а бѣгалъ; наводилъ лорнетъ на три картины вдругъ и, то улыбался, то качалъ головою, то приходилъ въ удивленіе. Иногда, минуты на двѣ, претворялся весь во вниманіе. По пріемамъ и ухваткамъ его мнѣ казалось, что онъ издавна и коротко знакомъ со всѣми здѣшними картинами, а потому сочтя его за одного изъ надзирателей галлерей, мнѣ хотѣлось войти съ нимъ въ разговоръ.

Мы непримѣтно сблизились.—Не Сиѣрсова ли это? спросилъ я, указывая на одну Фламандскую картину.—«Точно его!» отвѣчалъ незнакомецъ—и брызнулъ на меня потокомъ словъ!—Въ нѣсколько минутъ прого-

ворилъ онъ цѣлое разсужденіе о Фламандскихъ картинахъ. Еще въ нѣсколько минутъ прочелъ мнѣ первой томъ своей жизни. Незнакомецъ говорилъ очень скоро и съ большимъ жаромъ. Онъ сыпалъ рѣчьми, въ которыхъ острые слова (*bons mots*) сверкали какъ искры. — Благодаря его словоохотности, тотчасъ я узналъ, что онъ Французъ, давнишній эмигрантъ, Камергеръ Прусскаго Двора, по имени Мон-па, по титулу Графъ Фіень. Я узналъ, что въ началѣ революціи онъ былъ гонимъ, схваченъ и повѣшенъ Орлеанскою партіею. Къ счастью, говорилъ Мон-па, я былъ повѣшенъ не записными мастерами, а самоучками: они только еще начинали тогда купать руки въ человѣческой крови. Мои друзья, продолжалъ онъ, успѣли снять меня съ фонарнаго столба еще съ искрою жизни. Я опаматовался на морскомъ берегу: меня увезли въ Англію. — Онъ ругаетъ Госпожъ Ж** и С** на чемъ свѣтъ стоитъ! Первая приказывала его давить. Французовъ вообще терпѣть не можетъ. Недавно одинъ изъ пѣнныхъ, встрѣтившись съ нимъ на улицѣ и замѣчая по лицу и ухваткамъ, что онъ долженъ быть его соотечественникъ: «вы конечно Французъ, мпlostивой государь!» сказалъ ему очень учтиво. — «Прошу не ругаться, государь мой! я честной человѣкъ!» былъ отвѣтъ Мон-па. — Когда войска Россійскія заняли Дрезденъ, Мон-па написалъ похвальные стихи нашему Государю; вступили Французы, и онъ все не переставалъ раздавать листики свои всякому, кто хотѣлъ ихъ читать. Наполеонъ прочелъ и взбѣсился. Мон-па схватили и бросили въ тюрьму. У него нашли цѣлой ящикъ сатиръ, эпigramмъ и пасквилей на Императора Французскаго. Нѣкоторые были такъ остры и забавны, что самъ Наполеонъ помиралъ со смѣху, читая ихъ. Сперва велѣлъ было онъ страшать и уговаривать дерзкаго стихотворца; но узнавъ, что его ничто нейметъ, онъ сказалъ: выпустите Мон-па, и скажите ему, что онъ можетъ ругать меня сколько хочетъ: мнѣ самому весело

читать его эпиграммы!—Рѣдкое великодушіе въ Наполеонѣ!... Мон-па говоритъ очень умно и очень остро. Вотъ что я запомнилъ изъ его рѣчей.—Разсуждая о подлинникахъ и спискахъ картинъ, онъ сказалъ: «легче выражать свои мысли, нежели передавать чужія: отъ того подражаніе никогда не равняется съ подлинникомъ.»—Я жаловался, что нѣкоторыя картины стоятъ не въ своемъ свѣтѣ. Мон-па возразилъ: «картины, какъ люди, по большей части не на своихъ мѣстахъ.»—Говоря о Французахъ, онъ сказалъ: «Французской народъ есть *вертушка* (*girouette*), которую всякой вѣтеръ кружить по своему!»—А потомъ, узнавъ, что я ѣду во Францію, прибавилъ: «повѣрьте, что во всей Франціи не найдете вы теперь никого, кромѣ старыхъ преступниковъ и молодыхъ повѣсѣ!»—Хорошее привѣтствіе вамъ, господа Французы!...

8 М а и я.

Воспоминаніе о прошломъ годѣ, или прогулка около Дрездена.

Улуча свободную минуту, вышелъ я изъ Дрездена и, долго бродя по прекраснымъ окрестностямъ его, то карабкаясь по горамъ, то гуляя въ долинахъ, остановился наконецъ на дорогѣ чрезъ Вильсдруфъ въ Алтенбургъ.—Я оборотился лицомъ къ Дрездену—увидѣлъ его обнесеннымъ валами, осыпаннымъ батареями; подивился великимъ превратностямъ, въ столь короткое время случившимся, — и началъ мечтать о прошедшемъ.—Положи предъ собою карту Саксоніи (хотя тотъ платокъ, которой я тебѣ послалъ), поставь себя подлѣ меня, сдѣлай такъ, чтобъ Дрезденъ былъ у тебя въ глазахъ; вправо, вверхъ по Эльбѣ: Пирна, Кенигштейнъ и далѣе гористые предѣлы Богеміи; влѣво, внизъ по теченію: Мейсенъ, крѣпости: Торгау, Виттенбергъ, Магдебургъ и прочія.—Устроив такимъ образомъ, станемъ мечтать вмѣстѣ.—Давно ли Напо-

леонъ, засѣвъ въ окопахъ Дрезденскихъ, мечталъ быть непобѣдимъ? Еще тому и года нѣтъ.—Обратимся къ прошедшему, посмотримъ на Августъ мѣсяцъ 1813 года. Перемиріе приходитъ къ концу. Оно доставило великія выгоды Русскимъ и Прусакамъ, ибо въ продолженіе оного успѣли они склонить Австрійцевъ къ защитѣ праваго дѣла. При томъ многочисленныя подкрѣпленія съ береговъ Вислы, сія роя, выпущенные запасною арміею, равно какъ и великіе отряды, въ разныхъ мѣстахъ Польши и Пруссіи по больницамъ находившихся выздоровѣвшихъ солдатъ, къ главной Россійской арміи прибыли. и помѣстясь въ обезсиленныхъ полкахъ, примѣтно оныя освѣжили.—Императоръ Французовъ ясно видѣлъ опасность, но надѣялся на силу свою. Твердою ногою наступилъ онъ на сердце Саксоніи (Дрезденъ), и смѣлымъ размахомъ провелъ около него кругъ, заключавшій въ себѣ: Бауценъ, Виттенбергъ, Лейбцигъ, Альтенбургъ, и мимо Теплица и Богемскихъ границъ проходившій до Цитау.

Проведя кругъ сей на своей картѣ, ты будешь имѣть поле главныхъ сраженій того времени. Наполеонъ воображалъ, что никто не посмѣетъ переступить за волшебную черту его, и выставилъ впереди себя большія арміи: одну вправо на границахъ Силезіи, другую лѣвѣе на дорогѣ къ Берлину; а между тѣмъ, въ дерзкомъ умѣ своемъ, хранилъ тайныя покушенія на Австрію.—Союзники раздѣлились на три арміи. Съ одною Принцъ Шведскій взялся отстаивать Берлинъ; другая, средняя, взвѣрена была уже прославившему себя Блюхеру; а третья, главная армія, подъ начальствомъ Австрійскаго Фельдмаршала Князя Шварценберга, потянулась влѣво, по длинной цѣпи подоблачныхъ горъ, мимо Дрездена къ Теплицу. Сямъ искуснымъ движеніемъ, заступя врата Австріи, получила она способы беспокоить тылъ праваго крыла непріятельскаго.—Наполеонъ, владѣя обоими берегами, хвастался предъ всѣми, что онъ сидитъ на Эльбѣ верхомъ и никто

изъ смертныхъ не въ силахъ выбить его изъ сѣдла.— Онъ велѣлъ Магдональдѣ биться съ Блюхеромъ; другой арміи идти прямо въ Берлинъ; а самъ, съ подвижною толпою множества войскъ, шагая съ мѣста на мѣсто, то того, то другаго подкрѣплялъ и опять въ Дрезденъ возвращался. Въ одно изъ сихъ его отсутствій главная армія, улича удобное время, бросилась къ Дрездену, въ намѣреніи захватить его въраспихъ, Наполеона *не было тогда дома*: онъ вышелъ подкрѣплять Магдональда, чтобъ превосходными силами разгромить Блюхера, который, какъ искусный боецъ, уклоняясь отъ ударовъ, старался нарочно непріятелей далѣе и далѣе за собой уводить.—Въ это время Россіяне вдругъ показались, вонъ тамъ вправо, на высотахъ. Первые поиски на городъ были довольно удачны; но, послышавъ сзади себя бурю и бѣду, Наполеонъ тотчасъ опрометью бросился назадъ; и между тѣмъ какъ Дрезденъ палилъ изъ всѣхъ своихъ орудій, онъ выдвинулъ изъ-за окоповъ его 80,000 на долину.— Союзники отложили наступательныя предпріятія и расположились для обороны по горамъ. — Въ семъ сраженіи палъ знаменитѣйшій изъ полководцевъ Моро! Но и до сихъ поръ мѣсто, обогренное кровію его, не ознаменовано никакимъ памятникомъ! — Наполеонъ, успѣвъ собрать великое войско около себя, сдѣлался уже страшенъ союзникамъ. Они предприняли отступление. Пользуясь симъ, противникъ ихъ посылаетъ одного изъ дерзостивѣйшихъ подручныхъ полководцевъ своихъ, свирѣпаго Вандама, съ 30,000 войскъ, которому предписываетъ со всевозможною поспѣшностію и по самой кратчайшей дорогѣ, опережая союзниковъ, наступить на предѣлы Богеміи, прорваться въ Австрію и ломиться до самой Вѣны, предавая все огню и мечу. Дерзко, рѣшительно и опасно было намѣреніе сіе; но къ счастію часть нашей Гвардіи оставлена у Теплица. Эта-то горсть храбрыхъ Русскою грудью встрѣтила внезапно нагрянувшего непріятеля: однако сей

главный оплот не удержалъ бы бурнаго стремленія великой силы Французской, еслибъ неустрашимый Графъ Остерманъ не привелъ на помощь другихъ Гвардейскихъ полковъ.—Свѣдавъ объ умыслѣ непріятеля, бросился онъ отъ Кенигштейна къ Богеміи. Толпы Французскіи отсѣкли было ему дорогу; но штыками и неустрашимостью открываетъ онъ себѣ путь и къ Теплицу и къ славѣ. Уже достигъ онъ цѣли, подкрѣпилъ утомленныхъ; сраженіе закипѣло по долинамъ; Вандамъ остановился на горахъ. Въ сіи торжественныя минуты Графъ лишается руки; но, восхищенный побѣдою, безъ воплей, безъ стоновъ, и даже безъ перемѣны въ лицѣ, переноситъ отнятіе своей руки. Между тѣмъ, на громъ битвы прискакиваетъ Графъ Милорадовичъ и принимаетъ начальство. Генералъ Барклай-де-Толли приводитъ большую армію и распоряжается всѣмъ. Генералъ-Лейтенантъ Толь направляетъ движеніе войскъ.—Такъ начался и загорѣлся извѣстной бой у Теплица при *Кульмъ*. Его можно сравнить съ боемъ при Маломъ Ярославцѣ: то же намѣреніе и та же неудача.—Еслибъ Французской Генералъ, не занимаясь пустою перепалкою стрѣлковъ, ринулся съ горъ густыми толпами, то конечно пробилъ бы себѣ путь въ Австрію.

Но ему надобно было дожидаться пушекъ своихъ, оставшихъ по причинѣ трудныхъ горныхъ путей. Не хотя пожертвовать чѣмъ-нибудь, онъ потерялъ все.—День 18 Августа былъ днемъ разрушенія и войскъ, и дерзости, и славы новаго Французскаго Маршала Вандама. Союзники оступили его со всѣхъ сторонъ. Битва была жестока, но побѣда совершенна. Шестьдесятъ шесть пушекъ, всѣ обозы и 7000 плѣнныхъ были трофеями оной; а вѣнцемъ сихъ трофеевъ самъ Маршалъ Вандамъ, въ плѣнъ приведенный.—Наполеонъ возстеналъ, увидя, что противъ воли своей подарилъ союзниковъ столь прекрасною побѣдою. Защитники праваго дѣла молились и радовались. Но

сердце Государа *Иолководца* не успѣвало вмѣщать въ себя всѣхъ внезапныхъ восторговъ: что вѣстникъ, то радость. — Всѣ эти дни были днями побѣдъ. 11 и 12 числа Августа Наполеонъ указалъ вѣво на Берлинъ—и 90,000, по дорогѣ изъ Саксоніи въ Пруссію, двинулись чрезъ Барутъ на разхищеніе этого города. — Уже они за три мили отъ столицы, уже простираютъ мысленно руки на храмы, дома и сокровища, но Принцъ Шведскій сталъ предъ Берлиномъ и отстоялъ его. Вмѣсто чаянныхъ прибитковъ, Французы потеряли 26 пушекъ, немало плѣнныхъ и много обозовъ. Прусаки, Россіяне и Шведы вогнали ихъ обратно въ Саксонію. Такимъ образомъ, нападая на оба крыла, Наполеонъ не оставилъ въ покоѣ и середины.

14 Сентября многочисленная войска Французскія погрозили союзникамъ съ высотъ Кацбахскихъ; но храбрый Блюхеръ, спаситель Силезіи, не привыкъ терпѣть угрозъ: онъ нападаетъ и бьетъ. Небо, мстившее въ Россіи Французамъ морозами, послало тутъ на пагубу ихъ воды. Дожди лились по днямъ и по ночамъ, и такъ были сильны и такъ непрерывны, что казалось будто всѣ облака небесныя на землю обрушались. Ручьи становились рѣками. Изъ сихъ-то въ одинъ дождливой день Блюхеръ повелъ союзниковъ къ побѣдѣ. Мало дѣйствовали ружья и пушки, въ дождѣ и туманѣ не могли наносить обыкновеннаго вреда. Штыкъ и сабля рѣшили бой. Конница скачетъ прямо на сверкающіе во мглѣ выстрѣлы—и пушки ея; пѣхота идетъ въ штыки--и сбрасываетъ толпы непріятелей со скользкихъ утесовъ высокихъ горъ. — Сердитые горные протоки—тысячи пѣшихъ и конныхъ, обозы, снаряды и оружіе крутятъ, и ломаютъ, и топятъ въ волнамъ своихъ.—Громъ, трескъ и вопль наполняютъ окрестности; 86 пушекъ и 5000 плѣнныхъ доставляетъ союзникамъ сей знаменитой бой.—Наполеонъ и Александръ о всѣхъ сихъ великихъ событіяхъ узнаютъ почти въ одно время: первой въ Дрезденѣ, загроможденномъ

умирающими и мертвыми; а другой въ Теплицѣ, напоенномъ трофеями и торжествомъ. Но среди всеобщихъ восклицаній побѣдъ, подъ свѣжею тѣнію разцвѣтшихъ лавровъ, возникаетъ гробъ знаменитаго Моро. Какъ солнце, протекшее по бурнымъ небесамъ и много разъ блескомъ своимъ озарявшее грозныя тучи, тихо угасаетъ на западѣ, среди полной славы своего сіянія: такъ безмятежно погасъ блистательной вѣкъ сего великаго человѣка. Вытерпя съ твердостію, выше человеческой, всѣ муки отнятія обѣихъ ногъ, онъ умеръ безмолвно, спустя три дня.

Великіе успѣхи со стороны союзниковъ подрывали въ самомъ основаніи всю громаду замысловъ непріятеля. Наполеонъ, сидя въ Дрезденѣ, только и видѣлъ со всѣхъ сторонъ бѣгущіе къ стѣнамъ его остатки разбитыхъ, разсѣянныхъ или потопленныхъ армій.— Тутъ стѣснилъ онъ уже гораздо кругъ дѣйствій и предпріятій своихъ. Громъ побѣдъ Блюхеровыхъ слышенъ сталъ въ столицѣ Саксоніи; Принцъ Шведскій вступилъ въ предѣлы сей земли; смѣлые наѣзники наши рыскали предъ самыми вратами предмѣстій Дрезденскихъ. Большая союзная армія, ожидая прибытія многихъ войскъ съ Генераломъ Бенингсеномъ, спокойно отдыхала подъ тѣнію горъ Богемскихъ. Извѣстно, что длинное протяженіе этихъ высокихъ, лѣсистыхъ и утесистыхъ горъ, межуя Богемію отъ Саксоніи, замѣняетъ имъ собою твердость и высоту лучшихъ искусственныхъ окоповъ и стѣнъ.

Союзники распустили разные отряды, которые дѣлали много шума и тревогъ въ тылу Наполеона. Графъ Платовъ и Генералъ Тилеманъ жестоко нападали на сообщенія непріятеля, хватая людей, обозы и пушки. Города Вейсенфельсъ, Наумбургъ и Альтенбургъ заняты были легкими войсками. Французы скрывали стыдъ и поражение свое въ глубокой тайнѣ; но Эльба, неся безпрестанно по волнамъ своимъ множество труповъ и разныхъ воинскихъ снарядовъ, открывала отдален-

нымъ краемъ Германскимъ истинное положеніе ихъ враговъ. Наполеонъ бросался изъ угла въ уголъ. Перехваченныя письма того времени содержали въ себѣ горькія жалобы на сіе безпрестанное взадъ и впередъ хожденіе, изнуряющее войска болѣе всякой войны.

Однако Наполеонъ, среди всѣхъ стѣснявшихъ его обстоятельствъ, сдѣлалъ еще нѣсколько сильныхъ и рѣшительныхъ ударовъ вправо и влево на союзныя войска.

70,000 Французовъ, подъ предводительствомъ Нея и Удино, напали на 40,000 Прусаковъ, подъ начальствомъ храбраго Бюлова и Тауенцина. Три дня бились они между Виттембергомъ и Ютербокомъ. Наконецъ подоспѣлъ Принцъ съ Шведами и Россіянами 23 числа, и рѣшилъ битву при Деневицѣ. Храбрые союзники, мстя за кровь и раны свои, далеко гнали и били разстроенныхъ враговъ. Подъ пушками только Торгау нашли себѣ спасеніе бѣгущіе.—Побѣдители взяли знамена, обозы и 80 пушекъ. Они насчитали потери неприятельской 18,000 человекъ.—Такимъ образомъ въ непрерывномъ громѣ сраженій, въ побѣдахъ и славѣ протекъ Августъ мѣсяцъ.

4 Сентября, самъ Наполеонъ нападалъ на большую армію у Нолендорфа, желая прокрасться или пробиться сквозь ущелія Богемскихъ горъ; но бдительность уничтожила хитрость, а мужество дерзость: Наполеонъ отбитъ. Тогда возчувствовавъ, сколь безплодны всѣ его усилія и сколь мало стоятъ союзникамъ всѣ великія побѣды надъ его войсками, онъ пріутихъ въ своихъ движеніяхъ. Но тогда союзники начали двигаться и дѣйствовать. Генералъ Бенингсенъ, приведши съ собою армію, сталъ на мѣсто Блюхера; Блюхеръ подвижнулся вправо; всѣ четыре союзныя арміи подали одна другой руку, и начали наступать общими силами и въ одно время. Принцъ Шведскій у Дессау, а Блюхеръ въ окрестностяхъ Виттенберга переправились

черезъ Эльбу и пошли отрѣзывать Французамъ обратной путь.—Тогда Наполеонъ, оставя Дрезденъ и въ немъ 25,000 войскъ съ Маршаломъ Сентъ-Сиромъ, бросился къ Лейбцигу, гдѣ и остановился еще съ великимъ множествомъ войскъ. Двѣ арміи обходили его вправо; а большая армія двинулась изъ Богеміи влѣво на Альтенбургъ. Генералъ Бенингсенъ долженъ былъ придти по дорогѣ отъ Дрездена, держась середины между тѣми и другими. Все предвѣщало битву общую и рѣшительную на поляхъ Лейбцигскихъ.—О сей битвѣ скажу въ своемъ мѣстѣ; а теперь полно мечтать! — Солнце высоко; пора въ Дрезденъ. — Завтра отправимся къ Рейну по той самой дорогѣ, по которой въ прошломъ году проходила въ Парижъ знаменитая путешественница—большая армія Союзниковъ. Проѣзжая по слѣдамъ ея, не лзя не рассказывать тебѣ иногда объ ея подвигахъ.

9 МАІЯ. УТРО.

Теперь сидимъ мы въ сельскомъ трактирѣ, близъ Дрездена, подлѣ журчащаго водопада, и ждемъ завтрака; а прошлаго года?—Прошлаго года были мы въ ужасномъ сраженіи на поляхъ Будишнскихъ!

Того же дня въ полдень.

Мы проѣхали черезъ Носсенъ и Вильсдруфъ. Прошлаго года тамъ и тамъ были жаркія схватки. Въ Носсенѣ на превысокой скалѣ видѣнъ древній, остро-башенный замокъ.

9 МАІЯ. ВЕЧЕРЬ.

Ночуемъ въ домѣ одного сукнодѣлателя. Пресчастливо живутъ здѣсь эти люди. Въ прекрасномъ домѣ всего довольно, даже и послѣ войны. Молодой человѣкъ,

только что вставшій изъ-за суконнаго стана, садился за фортепіано; и тѣ руки, которыя выткали нѣсколько аршинъ въ день сукна, прекрасно играли Тирольскіе вальсы и Русскія пѣсни. Эти послѣднія здѣсь въ большомъ уваженіи. Все Русское нравится добрымъ Саксонцамъ. Малыя дѣти называютъ себя Козаками и собираются бить Французовъ.

10 Июля.

Мы проѣхали городъ Рехлицъ, гдѣ прошлаго года въ такой ужасной суматохѣ войскъ провелъ я рябиновую ночь.—Проселочныя и кратчайшія дороги здѣсь очень дурны; да не лѣзя иначе и быть, потому что онѣ прорѣзаны сквозь цѣпи горъ. Это военныя дороги. Война вездѣ пройдетъ и вездѣ пророетъ себѣ путь. Она раздвигаетъ горы, продирается сквозь лѣса, шагаетъ чрѣзъ рѣки, и нѣтъ для нее непроходимыхъ мѣстъ! Впрочемъ большія дороги (шоссе) здѣсь прекрасны. Мы говоримъ дѣлать, а Нѣмцы говорятъ строить дороги: и подлинно они ихъ строятъ! Кирпичъ, камни, известь и песокъ, все употребляется здѣсь для сооруженія почтовыхъ дорогъ.

Того же дня.

Проѣзжая Альтенбургъ, подивились мы еще разъ огромности извѣстнаго въ Исторіи стариннаго здѣшняго замка на высокой скалѣ.—На минутку приостановились у Коменданта. Подполковникъ Данилевскій (Екатеринославскаго гренадерскаго полка) принялъ насъ весьма дружелюбно. Въ семь городѣ лечитъ тяжкія раны свой почтенный Полковникъ гвардіи Штевенъ, бывшій у насъ въ корпусѣ Офицеромъ.

11 МАІЯ, ОЧЕНЬ РАНО. ГЕРА.

Вотъ здѣсь-то цвѣтуція поля Германіи! говорилъ я самъ себѣ, проѣзжая вчера отъ Альтенбурга къ Герѣ. Однѣ картины смѣнялись другими. Природа, кажется, омочила кисти свои въ лучшія краски, чтобъ обмалевать мѣста эти. Весна здѣсь уже въ полномъ владычествѣ: тамъ дышетъ она на юную зелень луговъ и нивъ, въ другомъ мѣстѣ одѣваетъ лѣса молодыми листьями; однихъ птицъ садитъ на гнѣзда, другихъ распускаетъ по роцамъ, по садамъ, и всѣхъ вмѣстѣ учить пѣть счастье свободы и любви. Тутъ, даже на простыхъ ручьяхъ, по селамъ и деревнямъ, каменные мосты на сводахъ и съ желѣзными рѣшетками. Какъ ни поздно пріѣхали мы въ Геру, однако гостепріимство приняло и угостило насъ очень хорошо.

Городъ Гера съ округомъ своимъ причисляется къ Герцогству Готъ-Сакскому, включаетъ въ себѣ не болѣе 100,000 душъ и принадлежитъ тремъ Князьямъ: Рейсъ-Грець, Шлейсъ-Лобентъ-Штейну и Князю Еберждорфскому. Въ самой Герѣ живетъ теперь Князь Рейсъ 52-й. Здѣсь Князей сихъ называютъ по нумерамъ.

Того же дня.

Колесо сломалось въ повозкѣ, и мы принуждены были пріостановиться на часъ въ большомъ и красивомъ селеніи Кестрицъ, принадлежащемъ Князю Рейсу 42.—У этого 42 Рейса есть тутъ прекрасной Англинской, на нѣсколько верстъ простирающійся, садъ. Нѣкогда гулять, но взглянуть можно. Прекрасная надпись, прочитанная мною въ одной бесѣдкѣ, осталась невольно въ памяти: *нѣтъ истиннаго счастья безъ склонности къ уединенію*. Такъ мыслила чувствительная Елеонора Рейсъ, благотворительница Кестрица въ 1742 году. Поколѣніе Рейсовъ происходитъ отъ Алберта и Эрнеста, родоначальниковъ многихъ владѣльцевъ Германскихъ.

Отъ Геры до Іены 5 миль. Дорога прорѣзана между ужасныхъ горъ. Подымаясь вверхъ, думаешь, что ѣдешь на небо; но всѣ эти горы унизаны селеніями, изпещрены жатвами. Здѣсь нѣтъ дикихъ лѣсовъ, непроходимыхъ пущей; все стройныя ели, все острые тополи.—Іена въ ямѣ; утесы смыкаются около нее на подобіе стѣнъ. Кажется, будто кто нарочно вынулъ нѣсколько горъ изъ общей цѣпи и замѣстилъ ихъ городомъ. Всего примѣчательнѣе въ Іенѣ университетъ, основанной въ 1558 году. Онъ извѣстенъ въ Германіи, однакожъ Геттингенской лучше. Нѣкогда удивлялъ здѣсь путешественниковъ чудесами механики Вейгелевъ домъ, который называли седьмымъ чудомъ въ Іенѣ. Теперь онъ пустъ.—Здѣсь-то, въ окрестностяхъ Іены, около дороги въ Веймаръ, Наполеонъ одержалъ не столько оружіемъ, какъ хитростью и деньгами, великую побѣду надъ Пруско-Саксонскими войсками 14 Октября 1806 года. Прусаки стояли на неприступныхъ утесахъ; Наполеонъ проползъ змѣемъ по ущеліямъ горъ; измѣна провела его. Іенское сраженіе рѣшило судьбу храброй, но несчастной Пруссіи.

Іена принадлежитъ Герцогству Веймарскому. Здѣсь всѣ единодушно благословляютъ Герцогиню свою Марію Павловну. Ее называютъ матерью-благотворительницею, ангеломъ кротости и добродѣтели. Такія-жъ благословенія слышалъ я и въ Венгріи доброй Государынѣ Александрѣ Павловнѣ. Жители Мекленбургъ-Шверинскіе и до сихъ поръ не могутъ вспомнить безъ слезъ о добродѣтеляхъ Елены Павловны. «Здѣсь Ангелъ погребенъ!» говорятъ они, указывая на могилу ея. Такъ покоряютъ сердца народовъ прелестныя дщери Павла и Маріи!—Всѣ Русскіе Офицеры не нахвалятся милостивымъ вниманіемъ къ ихъ нуждамъ и ранамъ высочайшей покровительницы Русскихъ въ Веймарѣ. Изъ многихъ расскажу только одинъ примѣръ Ея безпримѣрнаго великодушія. Ея Высочество, Марія

Павловна, учредя на собственное иждивеніе больницы для раненыхъ Офицеровъ и солдатъ, почти каждой день удостоивала ихъ посѣщеніемъ своимъ. Всякой разъ обходя сама страждущихъ, однихъ разспрашивала о состояніи ихъ болѣзни, другихъ привѣтствовала, и всѣхъ вмѣстѣ утѣшала ласковыми Русскими словами. Однажды замѣтя, что одинъ гренадеръ не охотно ѣлъ поставленный подлѣ него съ бѣлымъ хлѣбомъ супъ, тотчасъ подошла къ нему ближе. «Видно кушанье не нравится тебѣ, говорила высокая посѣтительница: скажи мнѣ, другъ мой! не хочешь ли какого-нибудь другова?» Гренадеръ сперва отпѣкивался; но, ободренный ласками Государыни, наконецъ сказалъ: «поѣлъ бы, матушка! варениковъ, и кажется здоровъ бы сталъ отъ нихъ!»—Этотъ солдатъ былъ Малороссіанинъ, недавно поступившій въ службу.—Но что такое вареники? Этого кушанья никто не зналъ въ Веймарѣ.—Тотчасъ собрали всѣхъ поваровъ, долго толковали, разспрашивали, и наконецъ, кое-какъ, по объясненію бывшихъ въ больницѣ Малороссіанъ, состряпали вареники. На другой день благодѣтельная Государыня сама подчивала ими больнаго.—Всѣ Русскіе до глубины сердца поражены этою ангельскою кротостію вѣнценосной благотворительницы своей.

Веймаръ.

Веймаръ, какъ столица небольшого Герцогства, не заслуживалъ бы особеннаго вниманія, еслибъ не былъ *столицею вкуса, Музы и наукъ*. Отъ чегожъ, оставя обширныя столицы, роскошью и великолѣпіемъ блистающія, избрали они себѣ небольшой городокъ, запрятанный въ лѣсистыхъ горахъ? Отъ того, что правители его, Государи просвѣщенные, пригласили, приласкали и ободрили ихъ.

Мой другъ! когда присутствіе Музъ украшаетъ и бѣдную хижину въ глухой пустынѣ, то посуди, какую прелесть должно придавать оно чертогамъ Царскимъ! За то и называютъ Веймаръ Аѳинами Германіи. Здѣсь жили Шиллеръ и Виландъ, и здѣсь живетъ еще Гете. Кажется довольно означить только имена сіи, чтобъ показать, что все лучшее здѣсь. — Но мы пробыли тутъ не болѣе часа и не могли никого и ничего видѣть. Взглянулъ только мимоѣздомъ на замокъ, заглянулъ мимоходомъ въ прекрасной садъ—и должно было пуститься далѣе.

Послѣ Лейбцигскаго сраженія Наполеонъ, пробираясь окольными дорогами къ Эрфурту, хотѣлъ было завернуть въ Веймаръ; но Генераль Иловайской не пустилъ его. Раздраженный неудачею, онъ послалъ 10 Октября отважнѣйшаго изъ наѣздниковъ своихъ Лефевра де Нуета съ 5000 конницы, чтобъ предать Веймаръ огню; однако Графъ Платовъ, приспѣвъ съ войскомъ, заслонилъ городъ полками своими и отбилъ дерзкаго непріятеля, который, пользуясь густымъ туманомъ, едва не ворвался въ улицы. Штыки и дровяки загородили путь злодѣямъ. Русскіе отстояли грудью столицу сестры Государя своего.

Эрфуртъ, 12 Маія. Въ вечеру.

Сегодня выѣхали мы изъ Іены, проѣхали Веймаръ и пріѣхали въ Эрфуртъ. Здѣсь переѣзжаешь изъ княжества въ княжество, какъ у насъ изъ уѣзда въ уѣздъ. Свободной путешественникъ въ каждомъ изъ сихъ городовъ прожилъ бы конечно по нѣскольку дней. Отъ него можно требовать описаній; отъ насъ же нѣтъ. На пространствѣ около Іены природа, какъ будто не нарочно, бросила кучу огромныхъ горъ, которыя со всѣхъ почти сторонъ окружены полями. Пространство отъ Веймара къ Эрфурту только немного холмисто.—

Эрфуртъ, занятой нынѣ Прусаками, извѣстенъ будетъ въ Исторіи по свиданію Императора Александра съ Наполеономъ въ 1809 году. Теперь война истребила здѣсь все доотопамятности. Городъ былъ въ тѣсной осадѣ. Французы въ самое короткое время успѣли укрѣпить, защищать и опустошить его. Они выжгли у подножія замка, стоящаго на превысокой горѣ Петерсбергѣ, 250 домовъ. На вершинѣ сей горы въ старинной церкви погребенъ мужъ двухъ женъ, Графъ Глейхенъ, съ обѣими ими въ одномъ гробѣ.

Графъ Глейхенъ, богатой властелинъ стариннаго замка близъ Эрфурта, имѣлъ прекрасную молодую жену, съ которою жилъ душа въ душу. Звукъ военной трубы, сзывая Христіанъ въ крестовой походъ, предпринятой Людовикомъ Великимъ противу невѣрныхъ, извлекъ и молодаго Графа изъ объятій нѣжной супруги и мирнаго уединенія. Въ общемъ строѣ Германскихъ рыцарей полетѣлъ онъ въ Палестину. Многіе жаркіе бои происходятъ между Христіанами и Сарацынами. Графъ пріобрѣтаетъ славу и лавры, но въ одномъ изъ кровопролитнѣйшихъ сраженій теряетъ свободу. Тяжкія оковы и мрачная темница становятся удѣломъ его. Забытый свѣтомъ и людьми, долго вздыхалъ онъ о прежнемъ счастіи и грустилъ по милой супругѣ. Ничто не предвѣщало несчастному о перемѣнѣ судьбы его. Наконецъ слышалъ онъ усладительной голосъ надежды: она явилась къ нему въ прелестномъ образѣ юной дѣвицы. Это была дочь того, кому по жребію войны принадлежала жизнь и свобода заключеннаго. Наслышась отъ тюремнаго стража о красотѣ плѣнника, она захотѣла видѣть его; увидѣла и плѣнилась имъ сама. Съ тѣхъ поръ, почти каждой день, навѣщая чужеземца, утѣшалась она его красотою, его умомъ, и призналась наконецъ въ любви своей къ нему. «Милой плѣнникъ! говорила красавица, какъ несчастна судьба твоя! Ты не видишь нашего прелестнаго отечества; не для тебя восходитъ солнце, позлащающее вѣчно

цвѣтушія долины наши; не для тебя алѣютъ тихія зори. Ты не видишь, какъ ясно наше небо, какъ свѣтлы звѣзды его! Одинъ, съ своими оковами, томишься ты въ сырыхъ и мрачныхъ стѣнахъ!—Я, напротивъ, наслаждаюсь всѣми прелестями природы, и притомъ любовію отца и великимъ богатствомъ; но, любезной несчастливца! съ тѣхъ поръ, какъ я узнала тебя, всѣ радости жизни стали мнѣ чужды.

Не могу объяснить того, что чувствую еще въ первой разъ; но я чувствую, что съ однимъ только тобою могу возвратитъ опять потерянное счастье. Почитатель Бога, котораго мы не вѣдаемъ, не онъ ли надѣлилъ тебя чудесною силою покорять однимъ взоромъ сердца?—Прелестной Христіанинъ! ты очаровалъ душу страстной Мусульманки. Сынъ хладнаго Сѣвера! откуда занялъ ты тотъ пламень, которой поселилъ въ сгорающее сердце мое?—Но перестань, перестань долѣе терзать слабую дѣвицу! согласись быть моимъ супругомъ, и я охотно соглашусь забыть все, что нимѣю здѣсь драгоцѣннаго. Я оставлю могилу матери, лишу себя нѣжности отца, оставлю богатые чертоги, вѣчно-благоухающіе сады, и поплыву съ тобою по мятежнымъ морямъ въ страну бурь, снѣговъ и мразовъ, на хладную родину твою. Твой Богъ будетъ моимъ Богомъ, и твое отѣчество моимъ отечествомъ!»

Можно ль было противиться столь очаровательному голосу любви и страсти? Но Глейхенъ былъ вѣренъ супругъ. Ахъ! кто поручится за собственное сердце свое! Воинъ, неуступавшій никому побѣды въ бояхъ, не могъ устоять въ своей твердости и палъ въ объятія прелестной Мусульманки. Исторгшись изъ оковъ и темницы, и сопровождаемой Ангеломъ хранителемъ, своею избавительницею, онъ направляетъ путь къ отечеству.

Но тамъ ожидала его прежняя супруга, супруга вѣрная и нѣжная. Сколько разъ, съ высокихъ башенъ горнаго замка своего, смотрѣла она на синюю даль: не подымается ли пыль по дорогамъ; не блещетъ ли

рыцарей строй; не ѣдетъ ли милой ея!... Въ тоскѣ заставляла ее румяная весна, и слезъ по супругѣ не осушало жаркое лѣто. Она любила мрачную осень и снѣжныя бури зимы. Сколько разъ чрезъ путниковъ, идущихъ ко святымъ мѣстамъ, чрезъ рыцарей, ѣхавшихъ на брань, посылала она вѣсти къ другу своей души! Сколько разъ повѣряла грусть свою вѣтрамъ, вѣющимъ отъ сѣвера на югъ; птицамъ, улетающимъ отъ хладной зимы, и даже струямъ рѣкъ, бѣгущимъ въ дальныя моря, за которыя поплылъ супругъ ея. — Возвращались путники и рыцари, прилетали птицы назадъ, дули вѣтры отъ юга; но никто не приносилъ вѣсти печальной супругѣ о миломъ другѣ ея. Наконецъ прібылъ онъ самъ, и прібылъ не одинъ! — Кто напишетъ картину перваго свиданія ихъ! Кто изобразитъ жаркой споръ новой любви и благодарности съ прежними обязанностями и вѣрностью супружескою!... Это былъ споръ сердца съ разсудкомъ, страсти съ должностью. Наконецъ великодушіе одержало верхъ: обѣ жены согласились жить въ дружбѣ, и Папа благословилъ сей тройственной союзъ. Нѣжной супругъ построилъ для каждой жены по особому замку, а самъ жилъ въ третьемъ, и навѣщалъ каждую особо. — Тамъ, говорили мнѣ, влѣво отъ дороги, ѣдучи къ Рейну, увидите вы развалины этихъ трехъ замковъ.

Дорога къ Эрфурту устѣяна батареями. Наполеонъ прикрывалъ ими тылъ свой. Но Русскіе, обходя сторонами, отнимали цѣлыя области, стѣсняя его къ Рейну. Здѣсь, въ Эрфуртѣ, Наполеонъ приостановился было на короткое время, собирая, на обширныхъ поляхъ, подъ выстрѣлами возобновленной крѣпости, по разнымъ дорогамъ бѣгущія войска свои, но союзники наступали со всѣхъ сторонъ. Блюхеръ съ Силезскою арміею справа; прочіе по большой дорогѣ и съ уклоненіемъ влѣво, шли окружить Эрфуртъ; а между тѣмъ

полководецъ Баварской Вреде, еще 4 Октября, въ первый день Лейпцигской битвы, пошелъ самымъ поспѣшнымъ ходомъ, со многими войсками, съ береговъ Инна къ Рейну, чтобъ отсѣчь обратной путь Наполеону. Сей послѣдній, предчувствуя опасность, не сталъ усугублять ее медленностію: бросилъ сильной отрядъ въ Эрфуртъ и потянулся къ Готѣ.

М а і я 15.

Мы ѣдемъ по слѣдамъ недавно прошедшей войны. Дорога идетъ по полямъ; но слѣва тянется цѣпь спящихъ горъ, которыя, говорятъ, у Эйзенаха заступятъ намъ путь.—Обозы горныхъ жителей отличаются отъ прочихъ: ихъ повозки на двухъ колесахъ. Сохи здѣсь также на колесахъ. Тутъ улаживаютъ нивы большими качалками. — Здѣсь уже не такъ, какъ въ Саксоніи: на всякомъ шагѣ не встрѣчаешься съ красавицею. Саксонія—земля красоты и порядка.

Г о т а .

Бываютъ сады въ городахъ; а это городъ въ саду. Прелестной городъ!—Пока заготовляли лошадей, мы до крайней усталости гуляли по прекраснѣйшимъ аллеямъ неостриженныхъ деревьевъ; смотрѣли на высокія водометы; встрѣчались съ свѣтлыми ручьями, бѣгающими по зеленымъ долинамъ сада, и любовались разнообразіемъ ближнихъ горъ. — Садъ окружаетъ городъ, а поля окружаютъ садъ. — Изъ города идешь въ садъ, изъ сада въ поле, изъ поля опять въ городъ, и не замѣтишь, какъ очутишься тамъ и тамъ. — Мы подходили къ древнему готическому замку Герцога и всходили на превысокія насыпи, которымъ подобныхъ, кромѣ Англинскихъ въ Виндзорѣ, нѣтъ во всей Европѣ.—Видъ оттуда чудесной! Пространство вблизи города усеяно цвѣтущими

рощицами; а даль украшается синевомъ горъ.—Гота принадлежит тому жъ Герцогу, которой владѣетъ и Альтенбургомъ. Онъ живетъ здѣсь. Герцогъ чрезвычайно добръ: онъ отецъ *ста-тысячнаго семейства*, то естъ, сто тысячъ подданныхъ считаютъ его отцемъ. Здѣсь я самъ видѣлъ, что родной братъ Герцога ѣздитъ въ простой одноколкѣ, Министры ходятъ во дворецъ пѣшкомъ—и народъ счастливъ!!

Первыя колонны бѣжавшей въ прошломъ году Французской арміи вошли въ Готу 11 Октября. Наѣзники наши бились съ ними. Полковникъ Храповицкой захватилъ Французскаго Министра С. Энъяна, взялъ 73 Офицера, 900 рядовыхъ и подорвалъ обозъ съ порохомъ.—Наполеонъ спѣшилъ въ Эйзенахъ, а оттуда влѣво къ Франкфурту. Мы поѣдемъ по этой же самой дорогѣ.

Дорога къ Эйзенаху с перва по полямъ, потомъ чрезъ горы. Подошвы горъ украшены селеніями; вершины ихъ дики и пасмурны. Влѣвъ синѣетъ, какъ дальняя туча, гористой Турингинской лѣсъ.

Э й з е н а х ѣ .

Нечаянная и пріятная встрѣча! Идемъ явиться къ Коменданту, и въ Комендантѣ узнаемъ — любезнаго товарища нашего по корпусу и по службѣ Фр—а! Онъ равенъ подъ Кацбахомъ, бросающійся на выручку меньшова брата, надъ которымъ уже сверкали Французскія сабли; онъ получилъ двѣ раны въ голову, одну въ руку; лечился въ Бреславлѣ, и находится теперь военнымъ Комендантомъ здѣсь.—Добрый сдѣлался любимцемъ добрыхъ Нѣмцевъ. Онъ рассказывалъ намъ о сраженіи Кацбахскомъ, происходившемъ подъ шумомъ мрачной бури и въ проливномъ дождѣ; рассказывалъ о Блюхерѣ, котораго солдаты наши

прозвали Генераломъ *Форвертсъ* (впередъ!): потому что во время боя онъ безпрестанно кричалъ *форвертсъ!* и велъ полки впередъ.—Жители Бреславскіе приняли раненныхъ нашихъ чрезвычайно хорошо. Ф.—къ осыпанъ былъ ласками отъ всѣхъ, и подарками отъ нѣкоторыхъ.

Наговорясь о прошедшемъ, мы спѣшили насладиться настоящимъ и пошли гулять за городъ. Какая безподобная прогулка въ окрестностяхъ Эйзенаха! Горы на нѣсколько верстъ превращены въ прекраснѣйшій садъ. Дороги, просады, пещеры, мостики, проходы сквозь каменные скалы—все тутъ есть!—Горы и долины очаровываютъ зрителя. Взобравшись на высоту горы, мы увидѣли весь городъ подъ ногами, и на одной огромной скалѣ прочитали надпись, начертанную творцомъ Вертера. Сердце тотчасъ почувствовало красоту этой надписи; память удержала смыслъ ея; а перо друга твоего передаетъ ее тебѣ, какъ умѣетъ, въ переводѣ.—«Кто имѣетъ сердце незараженное пристрастіемъ ко всему искусственному, сердце нерастлѣнное роскошью и страстями; кто любитъ простую, но величественную природу; кто имѣетъ душу чистую, способную наслаждаться дарами ея: тотъ уклонись въ сіи зеленые дубравы.—Чувствительной смертной! здѣсь сокрытъ ты отъ тревоженій міра. Отсюда видѣнъ городъ, но неслышенъ шумъ его. Даже бури мимотекуція и ревущій громъ не дерзаютъ возмущать спокойствія, почивающаго надъ сими сводами, изъ твердаго гранита сооруженными. Въ безмятежные часы утра, цвѣты своимъ благоуханіемъ, вѣтерки прохладою, а птицы пѣніемъ нечувствительно восхитятъ духъ твой и преисполнятъ сердце благоговѣнною благодарностію къ Творцу вселенной!» — Такъ, несравненной Гёте! въ прелестныхъ садахъ природы, восхищаясь красотами ея, можно забыть о всемъ на свѣтѣ. Кто плѣняется изящнымъ, тотъ уже не можетъ быть злодѣй. Глядя на превосходную картину, слушая очаро-

вательную музыку и гуляя въ цвѣтущемъ саду, кажется, не лѣзя и подумать о злодѣяніи. Въ невѣжествѣ черствѣютъ чувства; все изящное умягчаетъ ихъ. О, да будетъ благословенно все, что только можетъ сдѣлать сердце добрымъ и чувствительнымъ!!

Эйзенахъ есть участокъ Герцогства Веймарскаго. И здѣсь *уста и сердца* всѣхъ и каждого согласно хвалятъ добродѣтели Маріи Павловны. Фр—къ плѣнилъ насъ рассказомъ о *Ея* обхожденіи съ Русскими. Каждой разъ послѣ обѣдни она разговариваетъ со всѣми Офицерами, привѣтствуетъ солдатъ и осыпаетъ ласками раненыхъ. У тѣхъ, которые ранены въ ноги, спрашиваетъ, не высоко ль отводить имъ квартиры, и всегда подтверждаетъ Коменданту, чтобъ помѣщать такихъ въ нижнихъ жилыхъ, въ самыхъ чистыхъ и покойныхъ комнатахъ. Она сама заботится, чтобъ содержаніе раненымъ было лучшее; всѣхъ Русскихъ называетъ своими милыми гостями, приглашаетъ ихъ гулять въ зеленыхъ садахъ и откушать хлѣба, соли въ палатахъ своихъ. — Мой другъ! ты знаешь Русскихъ и можешь судить, какъ восхищаются они такимъ обхожденіемъ съ ними! Русскому одно ласковое слово Царя Государя любимаго дороже золота и серебра!

КАКЪ ОБХОДЯТСЯ ЗДѢСЬ СЪ НАШИМИ.

Нѣмцы очень любятъ Русскихъ. Получа извѣстіе о взятіи Парижа, одна богатая Графиня Эльмъ сдѣлала великолѣпной праздникъ. Комендантъ города Ф * * * приглашенъ уже поздно; онъ входитъ послѣ всѣхъ и что жъ? — Его встрѣчаютъ десять прекрасѣйшихъ дѣвицъ, поютъ хоръ и съ словами: «въ лицѣ вашемъ «увѣнчиваемъ всѣхъ Русскихъ Офицеровъ, освободителей Европы!» надѣваютъ на него лавровый вѣнокъ. Онъ долженъ былъ носить его нѣсколько часовъ на головѣ, и теперь бережетъ на память.

Еще примѣръ: нѣсколько Русскихъ солдатъ, ускользнувъ изъ плѣна, скрывались въ лѣсистыхъ вертепахъ около Эйзенаха, занятаго Французами. Знатѣйшія изъ здѣшнихъ женщинъ, свѣдавъ о семь, всякой день, подѣ видомъ прогулки, ходили навѣщать несчастныхъ. Онѣ приносили имъ въ корзинахъ пищу, одежду и деньги—и это продолжалось около трехъ мѣсяцевъ. Ну, какъ же Русскимъ не любить здѣшнихъ!

На сихъ дняхъ проѣзжали здѣсь Великіе Князья Николай и Михаилъ Павловичъ. Общій голосъ говорить, что они также добры, умны и милы въ обхожденіи, какъ и вѣнценосная сестра ихъ! Питомцы добродѣтельной Матери оправдаютъ неусыпныя попеченія Ея объ нихъ.

Любопытные путешественники ходятъ смотрѣть на одной изъ здѣшнихъ скалъ *чету окаменѣлыхъ любовниковъ*. Въ глубокой древности, говоритъ преданіе, на двухъ противоположныхъ скалахъ существовали тутъ два монастыря: одинъ мужеской, другой женской. Строгой надзоръ, съ обѣихъ сторонъ, полагалъ вѣчную преграду между близкими сосѣдями. Но любовь не знаетъ преградъ: съ тонкою струею вѣтра прокрадывается она въ мѣлкія скважины желѣзныхъ воротъ; легкою ласточкою перелетаетъ чрезъ высоту огромныхъ стѣнъ, и гдѣ только есть сердца, является и она съ очарованіями своими. Молодой монахъ и сосѣдка его видались сперва издалека, смотрѣли другъ на друга, кланялись, потомъ изъяснялись глазами, вздыхали.... При каждомъ изъ сихъ свиданій сердце болѣе и болѣе брало верхъ надъ разсудкомъ. Они подходили другъ къ другу ближе, ближе, и наконецъ встрѣтились, вонъ тамъ—на той скалѣ.—Вечеръ былъ прекрасной; владычество весны повсемѣстно. Все оживо для любви и радости. Касатки, гоняясь другъ за другомъ, вились надъ мшистыми зубцами черныхъ башенъ; горныя горлицы, воркуя, лобызались на разцвѣ-

тающихъ ракидахъ. Юная чета имѣла также сердца. Сильно забылись они при общемъ ликованіи природы; невольно раскрылись объятія, невольно заключили они въ нихъ другъ друга. Уста хотѣли что-то сказать и сблизились—они поцѣловались!... Но, о Боже! какая ужасная казнь за сей поцѣлуй!—Небеса меркнуть.... свѣтъ исчезаетъ... все темнѣетъ въ ихъ глазахъ.... непостижимой холодъ быстро пробѣгаетъ изъ сердца по всемъ направленіямъ жилъ и медленно, вмѣстѣ съ цѣпенѣющею кровью, возвращается опять къ умирающему сердцу. Мразъ и ужасъ проникаютъ до мозга костей! Они стынутъ, цѣпенѣютъ, какъ свѣтлый источникъ въ послѣдній день осени; нѣтъ жизни, нѣтъ движенія—они *окаменѣли!!!*

Отъ Эйзенаха до Фаха и Гундфельда природа дикая, гористая. Стороны эти ужасно раззорены войною; даже нивы не воздѣланы!... Люди бѣдны, лица блѣдны; довольства не видать.—Мальчишки въ лохмотьяхъ бѣгаютъ толпами и самымъ страннымъ, охриплымъ голосомъ кричатъ: *гиръ-геръ крейцаръ!*

Ф у л ь д а.

Очень красивый городъ. Тутъ бы должно посмотрѣть дворецъ, церкви и мало ль еще что! но мы проѣхали черезъ городъ не останавливаясь въ немъ: перемѣна лошадей въ деревнѣ.

Шлюхтеръ небольшой городокъ. Если увидишь въ здѣшнихъ мѣстахъ запустѣвшія поля, бѣдныхъ поселянъ и проч., то и не спрашивая знай, что это—Вестфалія. Братъ Наполеоновъ оглодалъ ее, какъ кость. Не знаю, каково къ Касселю; но здѣсь за то во всякой деревнѣ сельская гвардія въ оборванныхъ кафтаныхъ съ пиками! Наполеонъ и товарищи его хотѣли всѣхъ людей сдѣлать воинами, а свѣтъ превратить въ казарму!

САЛЬМЮНСТЕРЪ.

Городъ, бывшій нѣкогда Епископскимъ. Кому теперь принадлежитъ Сальмюнстеръ? — Фульдъ. А Фульда? Покамѣстъ еще никому!—Сколько стадъ безъ пастырей! и какъ пострадали стада за то, что пастыри дрались!... Тутъ ночевали мы у монаховъ въ старинномъ монастырѣ, въ мрачной залѣ, за тѣсными перегородками, которыя замыкаются какъ шкафы, на выдвижныхъ монашескихъ постеляхъ. Вѣтеръ, чрезъ цѣлую ночь, расхаживая по коридорамъ, вылъ.

Недалеко отъ Гебгаузена обѣдали мы въ прекрасномъ домѣ у человѣка, одѣтаго въ тонкое сукно, съ премилою его дочерью, дѣвушкою очень воспитанною — у кого же бы это, ты думалъ?—У простаго крестьянина! Такъ живутъ здѣсь крестьяне; а за нѣсколько отсюда миль въ Вестфальскихъ городахъ—нищіе! Счастіе народа зависитъ отъ правителей его.—Здѣсь, на квартирѣ, стоялъ одинъ Французской Офицеръ и подписалъ на стѣнѣ свое имя, названіе своего полка, годъ, мѣсяцъ и число, когда онъ тутъ былъ. Французское самолюбіе воображаетъ, что это для всякаго очень любопытно!

Ганау, пространной, красивой и прелестными окрестностями украшенной городъ. Собственно о немъ не скажу ничего потому, что пробылъ въ немъ не болѣе получаса; но здѣсь очень кстатѣ описать тебѣ бывшее сраженіе у Баварскаго Генерала Вреде съ войсками Наполеона; а чтобъ яснѣе описать самое сраженіе, обратимся назадъ и просмотримъ предшествовавшія ему обстоятельства.

ОБСТОЯТЕЛЬСТВА, ПРЕДШЕСТВОВАВШІЯ БИТВѢ ПРИ ГАНАУ.

Наполеонъ оставилъ Эрфуртъ 13 Октября 1813, и пошелъ къ Готѣ.—14 Октября большая армія союзниковъ двинулась въ слѣдъ за непріателемъ. Австрійскія войска и Россійская гвардія пошли вѣдво чрезъ Шмалканденъ по Турингинскому лѣсу. Князь Шварценбергъ имѣлъ въ сей день главную квартиру свою въ дере-

внѣ Ельлебенѣ, на пути между Веймаромъ и Арншта-
томъ.—Войска Графа Витгенштейна и Прусскаго Генера-
рала Клейста получили повелѣніе обложить Эрфуртъ.
Фельдмаршалъ Блюхеръ 14 числа пошелъ, съ Силез-
скою арміею, къ Готѣ и Эйзенаху, нанося безпрестан-
ной вредъ заднимъ войскамъ отступавшей арміи. Храб-
рой Генералъ Рудзевичъ, настигнувъ непріятельской
отрядъ у Готы, отхватилъ двѣ тысячи въ плѣнъ; а
Прусской Генералъ Йоркъ, ставъ на дорогѣ, въ долину
Горзельской близъ Эйзенаха, отнялъ у непріятельской
пѣхоты Эйх'родъ, и устремя все силы свои противу 4-го
Французскаго курпуса, отбросилъ его отъ Эйзенаха и
загналъ въ Турингивской лѣсъ, изъ котораго онъ,
окольными путями, едва могъ пробраться къ Ваху.

Отступление Французской арміи къ Рейну.

Французская армія съ такою поснѣженностію отсту-
пала чрезъ Фульду къ Франкфурту, что передовыя
войска союзныхъ армій съ большимъ трудомъ могли
иногда только настигать ее.—Слѣды сей бѣгущей арміи
обнаруживали тогдашнее состояніе ея: вездѣ мертвые
и умирающіе; вездѣ оставленные пушки и брошенные
обозы. Лѣса и горныя ущелія наполнены были боль-
ными, ранеными, усталыми и скитающимися бродягами
Французскими. Смятеніе и безпорядокъ были почти
таковы, какъ въ прошломъ году на рѣкѣ Березинѣ.
Конныя войска союзниковъ, сторожа подъ дорогою,
всякаго, кто только отъ толпы отлучался, хватали, и
часто на цѣлыя колонны, изъ узкихъ мѣстъ выходящія,
нападали храбро. Проворные Козаки, съ Графомъ
Платовымъ и Генераломъ Иловайскимъ, заскакивая
впередъ, бѣгущимъ пути копьемъ и саблею загоражи-
вали. Но столь рѣшительной, жаркой и славной битвы,
какъ въ 1812 году 6 Нолбря подъ Краснымъ, не было.
Однакожъ много причинено вреда бѣгущимъ истре-
бленіемъ хлѣбныхъ запасовъ: отъ того-то они сотнями
умирали съ голоду.

Генералъ Чернышевъ 13, а Графъ Платовъ 15, нападали внезапно: первой при Ельстероде, близъ Эйзенаха; а второй, между Гейсомъ и Гунфельдомъ, при Роздорфѣ. Желанный успѣхъ увѣнчалъ оба нападенія. — 15 числа Генералъ Чернышевъ, соединясь съ Иловой-скимъ, ударилъ съ крыла на выходящую изъ Фульды молодую Французскую гвардію. Полковникъ Бенкендорфъ, отряженный впередъ, привелъ 500 плѣнныхъ и сжегъ магазинъ съ хлѣбомъ.

Съ сего времени армія Французская ускорила и безъ того поспѣшной ходъ свой; ибо Наполеонъ, какъ мы сказали выше, предчувствовалъ приближеніе Вреде, долженствовавшего отсѣчь ему путь къ Маннцу. Съ усугубленіемъ скорости хода, усугублялось число усталыхъ и отстающихъ.

Оба союзные Императора неотлучно находились при главной своей арміи, Княземъ Шварценбергомъ предводимой. Армія сія, пройдя Смалканденъ и Мейнингенъ, потянулась къ Франкфурту по двумъ дорогамъ, раздѣлясь на двѣ половины: одна проходила Фульду, Шлюхтеръ и Гебгаузенъ; другая слѣдовала чрезъ Швейнфуртъ и Ашафенбургъ. Фельдмаршалъ Блюхеръ не оставлялъ наносить удары правому непріятельскому крылу, обходя оное чрезъ города Гиссе и Ветцларъ. — Графъ Витгенштейнъ выступилъ изъ Готы 18; а Эрфуртъ облегли войска Генерала Клейста; Принцъ же Шведскій, съ особою арміею, пошелъ чрезъ Кассель на Сѣверъ Германіи, дабы, воюя отдѣльно отъ прочихъ, тѣ страны отъ многихъ и сильныхъ еще непріятелей очистить. — Между тѣмъ время обратить взоръ на войска Баварскія, храбрымъ Генераломъ Вреде предводимыя. Три дивизіи пѣхоты и три бригады легкой конницы Баварцевъ, да двѣ пѣхотныхъ и одна конная дивизія Австрійцевъ составляли армію Вреде. — 3-го Октября Генералъ Графъ Вреде, какъ принялъ главное надъ нею начальство, такъ и выступилъ тотчасъ въ походъ. 5, Главная квартира его

была въ Ландсгутѣ, 6 въ Необургѣ, 7 въ Донаувертѣ, 8 въ Нердлингенѣ, 9 въ Динкельсбюль, 10 въ Аншпахѣ, а 11 въ Оффенгеймѣ. — Такимъ образомъ войска сіи въ восемь дней сдѣлали болѣе 40 Нѣмецкихъ миль, то есть, около 300 верстъ *. И въ хорошее время года походъ сей почелся бы довольно поспѣшнымъ, но среди дождей и непогодъ осеннихъ, по скользкимъ горнымъ путямъ, онъ конечно показался бы для войскъ несноснымъ, еслибъ не подстрекало ихъ желаніе достигъ своей цѣли и биться съ врагомъ. — 10 Октября Вреде получилъ пріятное извѣстіе о великой побѣдѣ, одержанной союзниками на поляхъ Лейпцигскихъ. Баварцы приняли вѣсть сію съ восторгомъ и общимъ голосомъ просили боя. — Прекрасно укрѣпленный городъ Вирцбургъ стоялъ у Вреде на пути. Должно было проложить чрезъ него путь силою и оружіемъ. Главнокомандующій сдѣлалъ всѣ нужныя къ тому распоряженія. Два раза посылали къ Коменданту, требуя сдачи; но гордой Французъ не хотѣлъ и слышать о ней. Тогда, вмѣсто мирныхъ убѣжденій, Генераль Вреде употребилъ другія, приличнѣйшія обстоятельства средства. Онъ подвезъ 82 пушки и, падя сколько возможно городъ, открылъ пальбу по замку. Три тысячи выпущенныхъ бомбъ и ядеръ и всѣ приготовленія къ приступу склонили Коменданта къ уступчивости; онъ оставилъ городъ и засѣлъ въ нагорномъ замкѣ. — Генераль-Маіоръ Спретти, со многими баталіонами, обложилъ непріятеля. — 15, Генераль Вреде прибылъ въ Ашафенбургъ, а 16 велѣлъ одному легкоконному Баварскому полку занять Ганау.

Бой при Ганау.

Вреде никакъ не предполагалъ, что встрѣтитъ цѣлую армію Наполеона; но высланные наѣзтники вскорѣ

* Генераль Милорадовичъ сдѣлалъ 200 верстъ въ два дня, когда велъ войска изъ Калуги къ Вязьмѣ.

донесли ему о приближеніи ея въ грозныхъ, сильныхъ и великихъ еще толпахъ. Тогда Генералъ Баварскій рѣшился стать при дорогѣ и наносить идущимъ мимо всевозможный вредъ, не вступая однакожъ въ открытый бой, столь для него неравный. Между тѣмъ разныя бродящія ватаги Французовъ, выходя изъ ближнихъ лѣсовъ, бросались въ Ганау, и нѣкоторымъ изъ нихъ удавалось отнимать городъ у легкихъ Баварскихъ войскъ. — Ганау переходилъ изъ рукъ въ руки. Разные бои, съ переменнымъ счастьемъ, происходили впереди и около города. Наконецъ, 17 числа Вреде, призвавъ Генераловъ Чернышева и Орлова-Денисова съ ихъ Козаками, а Полковника Менсдорфа съ его Партизанами, основалъ главную квартиру въ самой Ганау и всѣ свои войска въ семь мѣстъ сосредоточилъ. Въ сіе же самое время сдѣлалъ онъ двоякое распоряженіе: приказалъ, во-первыхъ, Графу Рехберху идти изъ Ашафенбурга чрезъ Зелингенштатъ, Офенбахъ и Сахзенгаузенъ впередъ для занятія и удержанія за собою Франкфурта; а потомъ велѣлъ Австрійской бригадѣ, съ Генераломъ Волькманомъ, двинуться къ Гельгаузену для нападенія на непріятеля съ боку. — Дивизія Ламота подвинулась туда же; отрядъ оной занялъ городокъ Лангензельбольдъ. Нѣсколько батарей устроены въ приличныхъ мѣстахъ. Такія приготовленія сдѣланы къ бою. Густые лѣса скрывали и ходъ и силы непріятеля. Наконецъ, въ 3 часа по полудни, показался онъ. Это былъ самъ Наполеонъ: онъ шелъ страшень и лютъ, какъ дикой звѣрь; грозень, какъ гнѣвная туча, мещущая во всѣ стороны молніи свои. Изъ Россіи бѣжалъ онъ робкимъ оленемъ!... Баварцы, стоявшіе въ лѣсу, вступили было въ бой; но видя, что лѣвое крыло Французовъ начало обходить ихъ, уступили мѣсто. Непріятель пустилъ на городокъ Лангензельбольдъ тучу бомбъ и гренадъ и вырвалъ его изъ рукъ Баварцевъ. Одна дивизія Ламота устояла на своемъ мѣстѣ.

Несмотря на сія, по видимому, неудачи, союзники забрали у непріятеля въ плѣнъ 100 Офицеровъ и до 5000

рядовыхъ.—Если сравнить Лейбцигское сраженіе съ Бородинскимъ, а Кульмское съ Мало-Ярославскимъ, то не лѣзя не сравнить и сихъ боевъ Ганавскихъ съ боями, бывшими при Красномъ. Но должно согласиться, что война Отечественная (1812) числомъ великихъ пожертвованій и блескомъ успѣховъ своихъ превосходить войну заграничную (1813).

Съ 17 на 18 число Наполеонъ ночевалъ въ Лангезельбольдѣ. Съ утра произошла авангардная схватка; а потомъ Вреде построилъ войска, къ важнѣйшему бою, въ боку отъ города. Правое крыло свое оградилъ онъ рѣчкою Квинцигомъ, впадающею въ Майнъ; а лѣвое поставилъ на самой Гельдгаузенской дорогѣ. На сей же дорогѣ выставлено большое количество пушекъ, чтобъ сбивать непріятеля, выходящаго изъ лѣсовъ. Подъ выстрѣлами сихъ пушекъ устроена конница; запасной же отрядъ стоялъ на лѣвомъ берегу Квинцига и подкрѣплялся бригадою Австрійцевъ, занимавшихъ городъ.

Въ самой полдень многочисленныя колонны Французскія показались на опушкѣ лѣса. Они хотѣли было прорваться сквозь средину союзниковъ; но залпъ изъ шестидесяти орудій тотчасъ обратилъ ихъ назадъ. Видя, что ничего не выиграетъ тутъ густымъ строемъ, непріятель началъ дѣйствовать въ разсыпную. Двѣ тысячи стрѣлковъ высыпали изъ лѣсу на правое крыло союзниковъ; но послѣ жаркой перепалки и сіи были сбиты и загнаты обратно въ лѣсъ. Такимъ образомъ всѣ усилія Французовъ итти впередъ не имѣли никакого успѣха до трехъ часовъ по полудни. Но къ сему времени всѣ войска Наполеоновы собрались уже вмѣстѣ: число ихъ простиралось до 60,000; слѣдовательно вдвое противу войска Вреде.

Наполеону нѣкогда было заниматься великими движеніями и вступать въ общее сраженіе, ибо арміи союзниковъ слѣдовали по пятамъ; ему надобно было только пробиться. На сіе-то и рѣшился онъ, склубя

всѣ войска вмѣстѣ, и выдвинувъ 120 пушекъ впередъ. Генераль Нансюти, съ 12 тысячами конницы, первой бросился на проломъ. Буря картечь, а потомъ вся конница Баварская встрѣтила, разстроила и отбросила было его назадъ; но Генераль Друеть, прискакавъ съ 50-ю пушками, возстановилъ бой, и непріятель всѣми силами двинулся на лѣвое крыло союзниковъ. Столь сильной натискъ Наполеона и недостатокъ въ зарядахъ заставили Вреде уступить противнику своему дорогу: онъ отклонилъ сперва лѣвое крыло, потомъ средину, а наконецъ и всѣ войска перевелъ за Кинцигъ и расположился на ночлегъ при мызѣ Лергофъ. Города же Ганау онъ однакожъ изъ рукъ не выпустилъ и ввѣрилъ оборону онаго бригадѣ Австрійцевъ. Первые часы ночи прошли спокойно; но къ свѣту Французы начали бросать въ городъ бомбы и гренады, зажигать дома и врываться въ улицы. Австрійскіе гренадеры отражали наглость силою и стояли храбро; но число наступающихъ безпрестанно возрастало и стрѣльба по городу увеличивалась.

Тогда Вреде, падя прекрасной городъ Ганау, приказалъ уступить его безъ драки, опасаясь, чтобъ Французы въ злости не выжгли всѣхъ домовъ; но 4 Французской корпусъ, не довольствуясь снисходительностію, началъ вызывать Баварцевъ на бой и жестоко напалъ на правое крыло ихъ. Сраженіе загорѣлось и продолжалось чрезъ цѣлой день: Французы при всякомъ разѣ, когда бывали отбиты, укрывались въ городъ, гдѣ подкрѣплясь новыми силами, выступали на новой бой. Тогда Генераль Вреде, желая положить всему конецъ и взять городъ съ тѣмъ, чтобъ уже никогда его опять назадъ не отдавать, повелъ войска на валовой приступъ. Тутъ нужна была храбрость—и военачальникъ Баварской показалъ ее въ лицѣ своемъ. Взявъ баталіонъ Австрійскихъ гренадеръ и Баварскихъ егерей, онъ самъ первый бросился, съ восклицаніемъ ура! къ воротамъ Нюрнбергскимъ; ворвался въ улицы

и занялъ вмигъ половину города, не смотря на то, что всё улицы завалены были повозками и защищаемы стрѣлками.—Оставалось взять Кинцигской мостъ. Непріятель столпился за онымъ и палилъ по союзникамъ гренатами. Неустрашимой Вреде не взиравъ ни на что: онъ идетъ впереди всѣхъ, и непріятель приходитъ уже въ смятеніе, какъ вдругъ ружейная пуля тяжело ранитъ этого храбраго Генерала и лишаетъ на время войско присутствія его. Но Баварцы, мстя за кровь любимаго вождя, бросаются съ отчаяніемъ на мостъ и на пушки; Австрійскіе гусары пускаются вплавъ чрезъ Кинцигъ, и непріятель, отсюду стѣсненный, бѣжитъ зажегши мостъ.

Генералъ Фреснель принялъ начальство послѣ Вреде. Лишь только городъ былъ занятъ, то правое крыло союзниковъ, сдѣлавъ, въ свою очередь, жестокой ударъ, на лѣвое крыло Французовъ, завладѣло совершенно полемъ сраженія.

Между тѣмъ Наполеонъ цѣлый день тянулъ войска свои мимо Ганау чрезъ Вильгельмсбадъ и Гогхстетъ, откуда сворачивалъ опять влѣво на большую дорогу.

На другой день вломился онъ во Франкфуртъ и вскорѣ очутился за Рейномъ, гдѣ почувствовалъ почти то же, что и по переходѣ за Березину.—Трофеями нѣсколькихъ-дневныхъ битвъ при Ганау были 15,000 убитыхъ и раненыхъ и 10,000 плѣнныхъ. При Красномъ, въ 1812 году, побѣдители насчитали плѣнными и убитыми болѣе этого числа въ одинъ только день 6 Ноября, когда Генералъ Милорадовичъ истребилъ войска Маршала Нея.—Чрезъ нѣсколько дней большія арміи союзниковъ прибыли во Франкфуртъ, гдѣ простоявъ нарочито долгое время, потянулись вверхъ и внизъ къ Рейну для вступленія съ разныхъ сторонъ во Францію.

Дорога отъ Гауау до Франкфурта настоящій садъ. Длинные просади изъ острыхъ тополей, пруды, деревни, башни, замки представляютъ картину самой живописной, цвѣтущей и счастливой страны. Здѣсь нѣтъ клочка земли, которой бы не былъ нивою, и нѣтъ нивы, которая не обѣщала бы богатой жатвы. Вправѣ остался у насъ Вильгельмсбадъ. гдѣ, говорятъ, такъ весела природа, что самой задумчивой, самой угрюмой человѣкъ не можетъ не улыбнуться, гуляя тамъ. Слѣва провожала насъ до самаго Франкфурта прелестная рѣка Майнъ.

ФРАНКФУРТЪ НА МАЙНѢ.

Франкфуртъ прекрасной, великолѣпной, величественной и
вольной городъ. Въ стѣнахъ его заключается цѣлой народъ. Жителей считаютъ до 50,000, въ томъ числѣ 7000 Жидовъ. Въ правительствѣ участвуютъ *дѣятели*: воля старшинъ и воля народа. Такое правительство называется *Аристо-демократическимъ*.
.
.
.

Городовой доходъ съ города 500,000 флориновъ.— Франкфуртъ можно почесть среднимъ магазиномъ Европейской торговли и общею мѣною конторою Германіи и Франціи. Положеніе на Майнѣ и при Рейнѣ дѣлаетъ его къ сему способнымъ.— Мятежи бѣснующейся Франціи нанесли много вреда и благоразумному сосѣду ея Франкфурту. Въ 1796 году городъ былъ бомбандированъ Французами; но жители вели себя, какъ люди вольные и честные.

Франкфуртъ удостоенъ присутствіемъ человѣка, который жилъ нѣкогда въ великолѣпныхъ дворцахъ, управлялъ пространнымъ государствомъ и славился дѣлами. Теперь онъ въ двухъ комнатахъ Англинскаго

трактира; управляетъ только своими страстями и сла-
вится—великодушною твердостію, съ которою сносить
превратность своего жребія.

Согла-
сись, другъ мой! что нашъ вѣкъ есть вѣкъ великихъ
превратностей: никогда общества людей не были под-
вержены такимъ бурямъ, волненіямъ и перемѣнамъ.

.
.
.

Одна
только великость души не подвержена никакимъ бу-
рямъ жизни, никакимъ превратностямъ случая. Давно
ли минули времена тихія, когда спокойствіе почивало
надъ главами народовъ? Цари въ великолѣнномъ могу-
ществѣ своемъ сіяли на престолахъ, какъ солнца въ
небесахъ; миръ, правосудіе, чистая вѣра и наслѣд-
ственные добродѣтели дѣлили благоденствіе поровну
между всѣми состояніями людей. Тогда еще не имѣли
понятія о великихъ ударахъ рока, о злополучіи Госу-
дарей, о кровавомъ правѣ войны, о смѣшеніи племенъ
и народовъ... Люди тѣхъ счастливыхъ временъ въ ка-
комъ-то пріятномъ усыпленіи проводили безпечный
вѣкъ свой. Они конечно не могли чувствовать всей
сладости безмятежнаго благополучія своего: ибо чело-
вѣкъ тогда только узнаетъ настоящую цѣну здоровья,
когда постигаютъ его болѣзни; а цѣну счастья позна-
етъ во время бѣды!—Но настоящее поколѣніе людей,
рожденное въ буряхъ, во дни ужаса, смятеній, вели-
кихъ страховъ и тяжкихъ печалей, когда ничего болѣе
не слышно, кромѣ звуковъ оружія и стоновъ человѣ-
чества, неутѣшно рыдающаго о бѣдствіяхъ войны;
нынѣшнее поколѣніе, говорю я, не можетъ вспоминать
безъ сердечной грусти о благополучіи временъ про-
текшихъ.—Какихъ превратностей не были мы свидѣ-
телями? Слѣпое счастье водило иноплеменныхъ завое-
вателей изъ края въ край земли; сила наглою стопою
попирала древніе рубежи царствъ; безбожіе, смѣясь,

разрушало олтари вѣры, но пораженное громомъ небеснымъ само упало у подножія его. Никогда не былъ такъ перемѣненъ видъ Европы: мирные города мгновенно ограждались стѣнами; древнія стѣны и твердыни разсыпались въ прахъ, природныя Государи становились простолюдинами; люди изъ глубокой неизвѣстности, раздвигая толпы мягущихся народовъ, восходили на троны ихъ. Но торжество порока, при всѣхъ превратностяхъ мнѣній людскихъ, никогда не сравняется съ торжествомъ добродѣтели; никакой блескъ, никакое могущество не могутъ защитить перваго отъ тайной ненависти людей; никакое злополучіе не можетъ лишить послѣдней ея достоинства и уваженія благородныхъ душъ.

Во Франкфуртѣ имѣли мы удовольствіе встрѣтиться съ Генераль-Маіоромъ Рейхелемъ, бывшимъ полковымъ командиромъ въ Аншеронскомъ полку. На это время занималъ онъ почетное званіе военнаго Коменданта въ городѣ.

М а и н ц ѣ .

Звонъ колоколовъ, стукъ проходящихъ конныхъ и пѣшихъ войскъ, бряцаніе оружія и шумъ народа неслись на встрѣчу намъ изъ-за высокихъ окоповъ Майнца, когда мы приближались къ нему. Недавно ревѣла тамъ смерть. Рейнъ, величественный Рейнъ явился тутъ главами нашимъ. Въ великолѣпномъ теченіи своемъ орошаетъ онъ прекраснѣйшія страны Германіи. Сколько народовъ жили и погреблись на берегахъ сей древней рѣки; сколько столѣтій глядѣлись въ водахъ ея!...

Идемъ чрезъ длинной на судахъ мостъ; вправѣ замѣчаю рядъ пловучихъ мельницъ. Входимъ въ Майнцъ. — До какого жалкаго безобразія можно довести прекрасной городъ!... Лучшія палаты, дома и церкви превращены или въ арсеналы, или въ казармы, или въ магазейны. Блѣдность общій цвѣтъ лицъ и даже прекраснаго пола, который здѣсь опять прекрасенъ. — Велико было несчастье жителей Майнцкихъ. Они только что вырвались изъ страшныхъ когтей смерти!... Ужаснѣйшій моръ свирѣпствовалъ въ стѣнахъ осажденнаго града. Въ теченіи трехъ мѣсяцевъ умерло 6000 жителей и, какъ говорятъ, до 20,000 солдатъ. Первыхъ хоронили по кладбищамъ; другихъ, съ утра до вечера, возили возами, какъ дрова, и бросали, какъ ничтожныхъ тварей, по рвамъ и вертепамъ за городомъ. Хищники Европы валялись въ снѣдъ хищнымъ врагамъ и на распутіяхъ, казалось, земля не хотѣла принимать отягченныхъ преступленіями. Ужаснѣйшій развратъ, лютейшій самой язвы, свирѣпствовалъ въ сѣ дни гнѣва небеснаго. Воспаленные огнями сладострастія солдаты врывались въ дома, исторгали трепещущихъ дочерей изъ рукъ ихъ родителей и увлекали въ змѣйныя норы свои. Часто груди тлѣющихъ труповъ служили имъ постелью. Ни слезы, ни моленія невинности не умягчали злодѣевъ, отнимавшихъ у нее жизнь и честь. — Замученныя жевщины валялись по улицамъ.

Ф р а н ц і я .

«La belle France! Прелестная Франція!—восклицаютъ безпрестанно Французы-учители. Вотъ земной рай!... Переѣзжайте Рейнъ и вы увидите цвѣтущую землю, счастливой народъ, на каждомъ холмѣ—виноградъ, въ каждой долині—деревню! На что ни взглянете, все удивитъ, утѣшитъ и очаруетъ васъ. Тамъ

(во Франціи) деревья обременены плодами, нивы волнующимися жатвами, окрестности веселящимся народомъ. Переѣзжайте за Рейнъ и вы увидите страны благополучныя, изобиліемъ и многочисленностью кипящія». Вотъ въ чемъ увѣряютъ бродяги Французскіе и вотъ чему, къ несчастію, вѣрятъ люди Русскіе!... Переѣзжаю за Рейнъ—и гдѣ *vosre belle France!* гдѣ ваша предестная Франція!... Ужасно опустѣлые края, земля нагая, деревья увядшія и повсемѣстное безлюдье.— Вотъ, что представляется глазамъ: вижу пространство, но не вижу деревень; поля необработаны, окрестности унылы, тернія и волчцы растутъ на мѣстѣ жатвъ!

Въ городахъ лучшіе дома—казармы или больницы. Толпы нищихъ встрѣчаютъ, провожаютъ и всевозможными хитростями и уловками нападаютъ на кошелькъ и сердце проѣзжаго. Одинъ пугаетъ васъ своими ранами, другой рассказываетъ о своемъ увѣчьи, третій кричитъ, четвертой поетъ. «Вотъ бѣдная сирота!» говоритъ какая-нибудь старуха, подводя къ вамъ маленькую дѣвочку: у нее нѣтъ ни отца, ни матери; одно состраданіе проѣзжихъ кормить и одѣваетъ ее... Просительную рѣчь свою говоритъ она цѣлую четверть часа, а въ заключеніе восклицаетъ: «дайте ей франкъ!»—Что-нибудь убогому старику!—Что-нибудь бѣдному мальчику! И мнѣ!... И мнѣ!... или купите у меня цвѣтовъ! У меня сладкихъ пирожковъ! у меня ягодъ» и проч. и проч. Вотъ, что услышите, пріѣхавъ на станцію. Но тутъ ужъ лучше просто давать милостыню, нежели что-нибудь покупать; ибо продавщицы цвѣтовъ и лакомствъ съ прегрязными руками и въ презапачканныхъ лохмотьяхъ.

Странно, что во всѣхъ мѣстахъ, которыя мы проѣхали, только и видны дѣти, да старики; женщинъ множество. Гдѣ жъ цвѣтъ юношества?—Онъ подкопшенъ косою смерти на поляхъ войны!—Народъ и благоденствіе его поглощается военнымъ правитель-

ствомъ.—Что есть тутъ хорошаго, такъ это большія дороги: чудесныя дороги! Проѣзжаемъ нѣсколько станцій не спускаясь, не возвышаясь, все по ровной глади, какъ по натянутому холсту; ничто не остановитъ повозки, нигдѣ не получишь толчка. Дорога чиста, какъ токъ: на ней, какъ говорится, ни сучка, ни задоринки.—Я въ первой разъ отъ роду по такой прекрасной ѣду. Около себя видишь горы, а подъ собой не чувствуешь ихъ. Чудесная здѣшняя дорога проведена въ видѣ огромной толстой плотины, или на подобіе крѣпостнаго вала. Въ прямомъ направленіи пробиты горы, срѣзаны холмы, засыпаны рвы и овраги, и проложенъ гладкой путь, *шоссе*. Это шоссе въ нѣкоторыхъ мѣстахъ на 2, на 3 и на четыре аршина отъ горизонта земли возвышается. Суди жъ, сколько должно было приложить тутъ трудовъ и сколько тысячъ рукъ занять сею необъятною работою!... Но во Франціи никогда не было мало рукъ и счастлива была она, пока руки сія не сдѣлались хищными, дерзкими и не окунулись въ крови!—Сперва *руки поселянъ* воздѣлывали нивы въ долинахъ и лѣлѣли виноградъ по горамъ; *руки рабочихъ* строили города, дома и дороги; *руки ремесленниковъ* ткали прекрасно шелки свои; *руки воиновъ* подымали оружіе только въ защиту отечества; *руки вельможъ* съ честью управляли шпагою и перомъ; а *руки Государя* крѣпко держали скипетръ. Тогда умы были остры, сердца веселы, души благочестивы. Франція молилась, цѣла и любила Государей своихъ.—Но когда это было? Очень давно!... Настали другія времена и привели съ собой другіе нравы: половинное просвѣщеніе затмило здравой умъ; непомѣрная роскошь вельможъ и богачей разстроила поселянъ и огорчила бѣдныхъ; уроки лжеумствователей зажгли страсти; вольнодумство потрясло олтари вѣры. Тогда излишество рукъ, употреблявшееся на украшеніе областей, обращено на совершенное ихъ опустошеніе. Оружіе замѣнило и плугъ и косу и мир-

ной посохъ. Ужасная буря, возставшая изъ самаго сердца Франціи, разрушительными вихрями понеслась по всѣмъ концамъ. *Революціею* называли *великой переломъ* древняго порядка вещей, низпроверженіе трона и разторженіе всѣхъ союзовъ съ Богомъ, добродѣтелями и тишиною.

Революція значить *переворотъ*—и конечно во Франціи все переворотилось и превратилось!... «*Guerre aux chateaux!* война замкамъ, *et paix aux savannes*, и миръ хижинамъ!» кричали защитники равенства подъ предводительствомъ Генерала Кюстина и нещадно раззоряли и грабили дворцы и палаты.—Да здравствуетъ Король! кричали защитники трона и дрались какъ львы съ нарушителями прежняго порядка. *Свобода! братство! равенство!* или *смерть!* кричалъ бѣснующійся народъ—и свобода, братство и равенство были только въ языкѣ и въ мечтахъ; а смерть на самомъ дѣлѣ. *Война, смерть и разрушеніе*, взявшись за руки, ходили по цвѣтущимъ берегамъ величественнаго Рейна. Ихъ слѣдъ былъ слѣдъ кипящей лавы и всепожирающей саранчи. Ножъ сталъ тогда любимую забавою безумной Франціи: она рѣзала имъ другихъ и себя. Бури мятежей согнали многія тысячи народа съ родной земли подъ чуждыя небеса; *конскрипція* или перепись, влекущая молодыхъ людей поочередно на убой, повергла земледѣліе и хозяйство въ крайній упадокъ. Бури, сѣкира, дожди и времена искоренили, востребовали, смыли и сгладили сады, виноградныя и даже слѣды жилищъ человѣческихъ.—Лѣвой берегъ Рейна, всегда улыбавшійся, видя себя столь благополучнымъ въ цвѣтахъ, виноградахъ и жатвахъ своихъ, теперь мраченъ, пустъ и печаленъ, показываетъ раны и опалы свои отъ молній мятежной войны. Вотъ въ какомъ состояніи нашли мы преддверіе мнимо-прелестной Франціи.

Проселкомъ, въ лѣво отъ Майнца, проѣхали мы чрезъ города: Киршгеймъ, Винвайлеръ и Кайзеръ-Лаутернъ, гдѣ, вспавъ на большую дорогу, идущую изъ Мангейма, поѣхали на Гомбургъ. Пустота, необработанность, безлюдье, дичь: вотъ слова, изъ которыхъ путешественникъ долженъ составить описанія свои страны сей. Кто бывалъ въ Польско-Жидовскихъ городахъ, тотъ развѣ можетъ имѣть понятіе о нечистотѣ, поражающей взоры и обоняніе въ здѣшнихъ. Во многихъ мѣстахъ видалъ я на улицахъ босоногихъ мальчишекъ, въ лохмотьяхъ, играющихъ въ карты на навозныхъ кучахъ! Другіе полощутся въ лужахъ, или валяются въ грязи, ни о чемъ не заботясь.—Отъ Кайзеръ-Лаутерна до Гомбурга, на 28 верстахъ, встрѣтили мы только трехъ человѣкъ, копающихъ дикую ниву; двухъ, работающихъ волами, и одного, собирающего травы: гдѣ жъ земля, кипящая народомъ?—А Французы все кричатъ, что имъ тѣсно жить!...

Мѣстоположенія здѣсь есть прекрасныя, но неочаровательныя. По обѣимъ сторонамъ дороги холмы и выеоты, покрытыя развалинами и лѣсомъ. Во многихъ мѣстахъ, по дорогѣ, встрѣчаются порядочные дома безъ оконъ и дверей!—Здѣшнія деревни совсѣмъ не то, что Нѣмецкія: тутъ нѣтъ ни красивыхъ улицъ, ни свѣтлыхъ домиковъ, ни порядка, ни опрятности. Одинъ изрядной домъ какого-нибудь Барона или Маркиза въ срединѣ, а около него кучи вмѣстѣ слѣпленныхъ, старинною посѣдѣлою черепицею покрытыхъ, низкихъ, убогихъ, и часто курныхъ лачужекъ; улицы въ навозѣ, народъ въ лохмотьяхъ. Вотъ картина деревни здѣшняго края!...

Нашу Россію не называютъ прекрасною; а селы ея по Волгѣ и Окѣ въ самомъ дѣлѣ прекрасны.—Дожди здѣсь сильны, шумны, внезапны и скоропреходящи:—не такова ль и слава Французовъ!...

23 МАЯ. ГОРОДЪ СЕНТЬ-АРОЛЬ.

Отъ Рейна и до сихъ мѣстъ языкъ Французской не есть еще общимъ и единственнымъ: большая часть жителей говорить по Нѣмецки; но съ Сентъ-Ароля начинается уже повсемѣстное владычество этого языка. Очаровательные звуки его гремятъ въ палатахъ и хижинахъ, на площадяхъ, въ лачугахъ и шинкахъ!...

Здѣсь, (въ Сентъ-Ароль) языкъ Французской сыгралъ со мною прекрасную шутку! Приѣзжаю въ трактиръ, мнѣ отводятъ комнату: вхожу и слышу самой частой и плавной выговоръ Французской. Привыкнувъ слышать языкъ сей всегда въ лучшихъ нашихъ обществахъ, невольно предаюсь мечтамъ, и воображаю, что тамъ, за стѣною, сидитъ какая-нибудь знатная женщина, женщина воспитанная, потому что говорить по Французски, и вѣрно милая, потому что такъ нѣжно произноситъ слова.... Уступаю любопытству, иду заглянуть въ другую комнату—это кухня; а та, которой слышалъ голосъ, ничего болѣе, какъ кухарка: но какая кухарка? — не Нѣмецкая! а не опрятная, въ грязи, въ крови и въ сажѣ запачканная растрѣпа! — Очарованіе исчезло, но представилось разсужденіе: сколько, подобныхъ этой, кухарокъ, прачекъ и проч., и проч., выѣзжаютъ къ намъ въ наставницы!—Возьми запачканную Француженку, брось ее въ Россіи, гдѣнибудь на полѣ: не пройдетъ недѣли—и ты увидишь ее въ богатомъ домѣ, въ роскоши и въ почестяхъ.— Я читалъ одну небольшую Французскую комедію, гдѣ представляется, что на Новомъ Мосту (Pont-Neuf) въ Парижѣ сходятся нѣсколько мужчинъ и женщинъ. Всякой горюетъ о своемъ горѣ. Изъ мужчинъ одни ушли изъ тюремъ, другимъ приходилось не миновать ихъ; изъ женщинъ нѣкоторыя обокрали госпожъ своихъ, другія потеряли все способы жить на счетъ своихъ прелестей. Тѣ и другія по разнымъ причинамъ, изъ страха и отчаянія, предвидя казнь, стыдъ и голодъ, рѣшаются кинуться въ Сену, и все пороки и

проступки свои утопить съ собою вмѣстѣ. Уже онѣ готовы, берутся за руки, хотятъ кидаться.... какъ вдругъ послышался знакомой голосъ: «безумцы! что «вы дѣлаете? Вы огниваете у себя жизнь, въ которой «можете найти еще тысячу радостей, тысячу насла- «ждений.... Вы страшитесь бѣдности и презрѣнія: «оглянитесь назадъ—богатство и уваженіе ожидаютъ «васъ!—За мною, товарищи! за мною: я укажу вамъ «земной рай для Французовъ; переселю васъ въ страну, «гдѣ ласки, подарки и деньги посыплются на васъ «какъ дождь!»—Что за страна эта? восклицаютъ всѣ въ одинъ голосъ. «Россія!.... Россія!»... отвѣчаетъ бродяга.—«Въ Россію! въ Россію!»—кричатъ всѣ вмѣстѣ и бѣгутъ садиться въ дилижансы или почтовые коляски.—Я это читалъ; а тѣ, которые жила въ Парижѣ, говорятъ, что можно это видѣть, и видѣть не на театрѣ, а на самомъ дѣлѣ.

Нѣтъ ничего противоположнаго, какъ Французъ, женатый на Нѣмкѣ: это буря съ тишиною.—Сердитъ на Русскихъ, наглъ въ обращеніи, говорливъ и хвастливъ: — вѣрно Французъ!... Отъ чего у васъ такъ разорено и пусто? — «Гдѣ!» говорятъ Французы и дивятся: имъ кажется, что земля ихъ цвѣтетъ и блаженствуетъ. Однако лучший изъ писателей ихъ, Делиль (въ своемъ *l'Homme des champs*) горько оплакиваетъ упадокъ земледѣлія, явно жалуется на разорительныя послѣдствія войны, и громко порицаетъ разлѣніе нравовъ. «Франція, говоритъ онъ, подобна кораблю, которой буря гонитъ по неизвѣстнымъ морямъ, и вѣтры терзаютъ со всѣхъ сторонъ.»—Въ другомъ мѣстѣ уподобляетъ онъ отечество свое увѣнчанной лаврами мойры: извнѣ обманчивая зелень; внутри тлѣніе и смрадъ! —Этихъ стиховъ однакожъ нѣтъ въ изданіяхъ Парижскихъ.

«Не ѣздили черезъ Мецъ: тамъ бунтуютъ и рѣжутъ Русскихъ!» твердили намъ на всѣхъ почтахъ. Мы изъ Курсета взяли правѣе, и выѣхали прямо на Гравло, остави Мецъ влѣвѣ. — А! вотъ куда собрались они, вотъ гдѣ можно видѣть людей! сказалъ я самъ себѣ, подѣзжая къ Мецу. Множество домовъ, мызъ, деревень, садовъ, рощицъ, перелѣсковъ, дорогъ, обсаженныхъ высокими деревьями, и туда и сюда идущихъ, ѣдущихъ и гуляющихъ по нимъ людей, представляется глазамъ въ окрестностяхъ Меца. Окрестности эти въ самомъ дѣлѣ красивы и живописны, и еслибъ вся Франція была подобна имъ, то и я невольно воскликнулъ бы: прелестная Франція! Тутъ подъ каждымъ холмомъ деревенька, на каждой высотѣ домъ съ башнями; скатъ каждой горы одѣтъ виноградникомъ. Самъ Мецъ, старинной городъ, окруженъ огромными валами, которые заросли садами и деревьями. Пушки покоятся подъ тѣнію рощей. Теперь въ немъ буря и буйство. Мы переѣхали прекрасную рѣчку Мозель. Франція есть земля винъ: Мозельское славится между прочими. Его получаютъ тутъ около Меца. — И здѣсь дороги удивительныя: Французы разтворили горы, чтобъ ихъ провести; а гдѣ утесы слишкомъ высоки, тамъ дорога извивается улиткою по ребрамъ ихъ, и нечувствительно взводитъ васъ на самой верхъ.

Опять по прежнему: та же пустота! сказали мы, проѣхавъ съ милою за Мецъ. Съ высоты горы, по которой шла дорога, видны открытыя холмистыя и ровныя поля; но ни большихъ селъ, ни садовъ, ни виноградовъ уже не видно было. — Здѣсь-то не научиться земледѣлію!—Какъ зовутъ эту рѣчку (Мозель)? спросилъ я у своего извозчика. «Рѣкою!» отвѣчалъ онъ, и увѣренъ былъ, что далъ самой удовлетворительной отвѣтъ. —Я не знаю въ чемъ не лзя увѣрить Французовъ! Люди, порядочно одѣтые, стало не простые крестьяне, спрашивали у меня на послѣдней

станція, извѣстно ли намъ Русскимъ, что плѣнные Французы, сосланные въ Сибирь, соединились съ Турками и разоряютъ Россію!... Хорошо знаютъ Географію!!!...

Отъ кого можемъ мы получить квартиру для ночлега? спросили мы, пріѣхавъ въ Гравелотъ. Отъ Господина Мера! отвѣчали намъ. А гдѣ вашъ Господинъ Меръ? Въ своемъ присутствіи. — Идемъ вслѣдъ за проводникомъ — и чтожъ за присутствіе, гдѣ засѣдаетъ Меръ? — Простая изба мазанка, въ сѣняхъ коровы и свиньи; около — навозъ. Самъ Меръ завѣшенъ фартукомъ и шьетъ сапоги. Около него нѣсколько мальчиговъ твердятъ склады. Этотъ Меръ вмѣстѣ и школьной учитель. Господинъ Меръ принимаетъ насъ довольно ласково, отпускаетъ нѣсколько острыхъ словъ на счетъ Русскихъ, оставляетъ шило, беретъ перо, и пишетъ намъ билеты для квартиръ. — Благодаримъ, хотимъ уйти.... «Постойте, постойте, милостивые государи! закричалъ онъ намъ въ слѣдъ: «вы недавно изъ Россіи: скажите, какія мѣры приняты противу Французовъ, соединившихся съ Турками?» — Отсутствіе войскъ нашихъ, отвѣчали мы, не позволяетъ принять надлежащихъ мѣръ, и новое бѣдствіе угрожаетъ еще Россіи: беспокойные Крымскіе Татары вступили въ тѣсной союзъ съ сердитыми Чукчами... Ты смѣешься, а Господинъ Меръ и учитель повѣрилъ — и мы разстались. — Невѣжество Мера напомнило мнѣ о невѣществѣ одного Француза, который въ письмѣ (перехваченномъ нами въ прошломъ году) совѣтовалъ сыну своему, чтобъ онъ впередъ писалъ къ нему именнно, въ какой части свѣта, и въ какомъ государствѣ находится Кёнигсбергъ. — Билеты Господина Мера не принесли намъ никакой пользы: хозяйки домовъ, высокаго роста, съ сердитыми глазами, съ большими крестами на груди, и съ брабью на устахъ, стали у дверей, и, ругая Мера, объявили, что не пустятъ насъ ни за что безъ заплаты. — Да мы заплатимъ вамъ охотно!... И двери отворились. — Сколько

проѣхалъ—а не знаю, какъ одѣваются Французскія женщины. Деревенскія обертываютъ голову какою нибудь тряпицею и называютъ это *bonnet*; ихъ обувь—деревянные башмаки (*sabot*); выдолбленные колодки на ноги. Наши лапти гораздо красивѣе, легче и покойнѣе. Но вывези къ намъ *сабо*—и чего добраго! они какъ разъ войдутъ въ моду и будутъ въ чести!

25. М а я.

Мы проѣхали городокъ Марсъ-Латуръ. Во всѣхъ здѣшнихъ городахъ и деревняхъ, особливо въ городкахъ и деревенкахъ, нечистота ужасная. Здѣсь гуще унавожены улицы, нежели гдѣ нибудь нивы.

Надобно думать, что Французы очень любятъ ѣсть, и врядъ полно для того, что они ѣдятъ, чтобъ жить; а кажется для того живутъ, чтобъ ѣсть. За то у нихъ лучшіе люди не стыдятся говорить, (*je suis gourmand*), я обжора; и *raisonner les mѣts*, разсуждать о кушаньяхъ почитается у нихъ однимъ изъ пріятнѣйшихъ и важнѣйшихъ въ жизни разсужденій. Всѣ города наполнены по ихъ—ресторациями, а по нашему—харчевнями. —Въ самой маленькой деревенькѣ, гдѣ всего десять домовъ, на пяти вѣрно написано: *здесь кормятъ за деньги*. По этому, кажется, можно раздѣлить Францію на двѣ половины: одна готовитъ кушанья, другая ѣсть.

Чего не разглашала молва о Французскихъ крѣпостяхъ? Ихъ называли неприступными, непокоримыми. Считаю, что рядъ сихъ крѣпостей поставить Союзникамъ преграды неодолимая; но Союзники вошли, неодолимость исчезла и непокоримыя покорены. Въ Мецѣ и Верденѣ видѣлъ я хорошія укрѣпленія, но ~~нигде~~ ^{нигде} всего нашелъ въ нихъ неприступности. —Верденъ окруженъ высотами, господствующими надъ нимъ. Цитадель правда высока; но ближнія горы еще выше. Населеніе около Вердена меньше, чѣмъ около Меца; но больше, нежели гдѣ нибудь, въ сравненіи съ тѣмъ

что мы проѣхали. Намъ совѣтовали было не ѣхать и черезъ Верденъ, да мы не захотѣли сдѣлать большаго объѣзда и поѣхали. Однако не совсѣмъ были ради тому, что поѣхали: насъ остановили у первой заставы, и часа два водили по городу, отъ одного начальника къ другому, пока наконецъ послѣдній, для котораго должны были всходить на превысокой утесъ въ цитадель, сказавъ: «всѣ тѣ, которые задержали васъ, очень глупы!» позволилъ намъ ѣхать. Солдаты, бродившіе по улицамъ, увидя насъ, кричали съ сердцемъ: за чѣмъ сюда пускаютъ Русскихъ: Русскіе невѣжи, медвѣди, Татары, Сѣверные варвары! Но мы Русскіе вспомнили пословицу свою: собака лаетъ, а прохожій идетъ, оставили ихъ лаять, а сами пошли на почту, перемѣнили лошадей, и, выѣхавъ за заставу, любовались прекрасными видами окрестностей и заходящимъ солнцемъ. Здѣшніе люди не стоятъ природы своей.

Однако и здѣсь у поселянъ лица очень добрыя, да кажется и сердца ихъ таковы же. Но жители городовъ и солдаты совсѣмъ отъ нихъ отмѣнены: у первыхъ на лицахъ страсти, у другихъ звѣрство! Собери всѣ пороки въ одно лицо, одѣнь ихъ въ мундиръ, и выйдетъ Французской солдатъ!

Недалеко отъ Вердена съѣхался съ нами возвращавшійся изъ Россіи Генералъ Эрнестъ. Пріятно было слышать отзывы его объ отечествѣ нашемъ. Онъ признается, что считалъ себя въ Россіи не въ плѣну а въ гостяхъ: такъ хорошо ему было! — Хотѣлъ онъ было оказать намъ нѣкоторыя услуги, на примѣръ, помѣщать почтмейстерамъ брать съ насъ лишнія деньги и проч.; ну его не слушали. Здѣсь всякой имѣетъ право браниться съ Генераломъ: это еще остатки прежней златой вольности!

Чѣмъ больше узнаю Французовъ, тѣмъ яснѣе понимаю, отъ чего такъ легко управляли ими Маратъ, Робеспьеръ и Бонапарте. Неограниченное владычество сихъ зло-

дѣвъ основывалось на неограниченной вѣтрёности народа. Кажется, Волтеръ сказалъ, что Французъ родился отъ тигра и обезьяны. Симъ изобразилъ онъ только его злость и склонность къ подражанію; но главное свойство его—вѣтрёность. «Французъ (говорить Г-жа Графиня,) вырвался, и ушелъ изъ рукъ природы въ ту минуту, когда она, для составленія его, едва успѣла соединить только двѣ стихіи: огонь и воздухъ!»—Отъ того-то такая легкость, такая прелесть во всѣхъ сужденіяхъ, склонностяхъ и поступкахъ сего вѣтро-огненнаго народа. Но всѣхъ проще, а потому и всѣхъ лучше, сказалъ о Французахъ Графъ Фиень, назвавъ ихъ *народомъ вертушекъ*, которыя кружатся туда, куда вѣтеръ подуетъ: *c'est un peuple de girouettes, qui tourne à tous les vents.* — Французы точныя вертушки: для нихъ кто ни дуй; имъ только бѣ кружиться!—Знаешь ли, что ихъ можно заставить прокопать землю, только увѣрь, что подъ нею сокровище; а ихъ увѣрить ничего не значитъ!—Очаруй толпу Французовъ посулами, забавь еемузыкою, балагурствомъ и пѣснями: она пойдетъ за тобою хоть на край свѣта, и сдѣлаетъ все, что ты задумаешь.

Шалонъ на Марнѣ.

Шалонъ большой старинной городъ на Марнѣ. Онъ кажется лучше всѣхъ доселѣ видѣнныхъ нами; однако красивыми домами и чистотою улицъ и онъ похвалиться не можетъ.—При самомъ вѣздѣ сломалась у насъ повозка; намъ отвели квартиру въ глухой улицѣ, въ бѣдномъ домѣ. Ни съ кѣмъ не знакомъ, идти нѣкуда, что дѣлать? Сажу, думаю, вспоминаю, соображаю то, что читалъ съ тѣмъ, что слышалъ; распутываю происшествія, пристально смотрю на карту, и рисую тебѣ картину военныхъ дѣйствій отъ Рейна до Парижа.—Покуда люди, извѣстные ученостію, и прославившіеся въ военномъ ремеслѣ, начертаютъ

пространное историческое изображеніе сей знаменитой войны, ты получишь нѣкоторое о ней понятіе, взглянувъ со вниманіемъ на картину, начертанную слабымъ перомъ твоего друга. — Разумѣется, что при этой картинѣ должна быть и вѣрная картина: ты ее имѣешь.

**КАРТИНА ВОЕННЫХЪ ДѢЙСТВІЙ ОТЪ ПЕРЕХОДА СОЮЗНИКОВЪ
ЧЕРЕЗЪ РЕЙНЪ ДО ВЗЯТІЯ ПАРИЖА**

(Писана въ Шалонѣ на Марнѣ.)

«Чтобъ лучше представить себѣ страхъ, отчаяніе и смятеніе жителей Москвы теперь, какъ мы (Французы) уже заняли Смоленскъ, то вообрази себѣ, другъ мой, что вдругъ какимъ нибудь несодѣяннымъ случаемъ, Русскіе вторглись бы во Францію, и заняли Шалонъ на Марнѣ: чтобъ тогда было въ Парижѣ!»... Такъ писалъ въ Августѣ мѣсяцѣ 1812 года одинъ Французской офицеръ изъ окрестностей Смоленска къ другу своему въ Парижъ. Но, продолжаетъ онъ:—«многіе вѣки прейдуть въ вѣчность прежде, нежели нога Сѣверныхъ варваровъ ступитъ на землю прекрасной Франціи. Парижъ, столица вкуса и веселій! наслаждайся покоемъ въ пріятномъ шумѣ забавъ твоихъ; долго, долго не посмѣетъ коснуться слуху твоему безпокойной шумъ оружія» и проч. и проч. (Слова изъ перехваченнаго Французскаго письма).—

На слова Француза, скажемъ его же пословицу: предполагаетъ человекъ; а располагаетъ Богъ! Не вѣки протекли въ вѣчность; но едва прошелъ годъ и семь мѣсяцовъ, и Русскіе не только что въ Шалонѣ, но и въ самомъ Парижѣ!!! Такъ, никогда дѣйствія Провидѣнія, для подкрѣпленія правыхъ и уничтоженія противниковъ ихъ, не были очевиднѣе, какъ въ эту войну Европы съ Франціею.—Казалось, что десница Божія, объемлющая всѣ сердца Царей, соединила ихъ воли и оружіе народовъ ихъ для покоренія преступнѣйшаго

изъ вождей ослеплѣннаго народа.— Не болѣе, какъ въ три мѣсяца, союзники пришли отъ Рейна къ Парижу, и преклонили буйную главу Франціи къ стопамъ законнаго Короля, не вонзая однакожъ меча мщенія въ мятежное сердце ея.—Послѣдній мѣсяць 1813 года былъ только свидѣтелемъ вступленія Союзниковъ во Францію. Съ Генваря 1814 начались важнѣйшія дѣйствія и кончились въ Мартѣ важнѣйшимъ изъ всѣхъ произшествій—взятіемъ Парижа. И такъ, окинувъ глазами Декабрь прошедшаго, рассмотримъ внимательно Генварь, Февраль и Мартъ настоящаго года.

1.

Мѣсяць Декабрь 1813 года, засталъ Европу въ крови и въ пламени; но радующуюся о изгнаніи лютаго виновника бѣдствій ея. Еще дымились свѣжія раны, еще пугало повсемѣстное разореніе, но уже не было разорителя. Рука великодушныхъ оторвала змѣя отъ сердца Европы, изъ котораго въ теченіе столькихъ лѣтъ сосалъ онъ жизнь и кровь. Прошли времена сердитыя, смягчился гнѣвъ судьбы; побѣдные клики изъ за-Рейна разносились по всей Германіи.

2.

Большая Союзная армія изъ Австрійцевъ, подъ начальствомъ Князя Шварценберга, и Россіянъ, подъ предводительствомъ Барклая де Толли состоящая, направляясь въ верхъ по правому берегу Рейна, вступила въ Швейцарію, дабы напасть съ слабѣйшей стороны на Францію. Грозный рядъ Рейнскихъ крѣпостей почитался оплотомъ необозримымъ, и никто не ожидалъ, чтобъ буря и бѣда вошли во Францію со стороны Альпійскихъ горъ.—8 и 9 чиселъ Декабря, сія армія Союзниковъ въ числѣ 180,000-человѣкъ, перейдя Рейнъ, въ разныхъ мѣстахъ между Базелемъ и Шафгаузеномъ, разныя отдѣленія свои, по разнымъ дорогамъ, во внутренность Франціи, вдвигала. — Тогда каждый день былъ днемъ занятія большаго пространства за-Рейнскихъ областей. 16 числа Союзники уже владѣли Вальзскою землею.

3.

Около сего же времени и Блюхеръ, съ Силезскою арміею, приближавшійся къ Франціи съ права, переходить Рейнъ, между Майнцомъ и Кобленцомъ у Кауба, и тотчасъ, обложивъ частію своихъ войскъ крѣпости: Люксамбургъ, Тіонвиль, Мецъ, Верденъ и Лонгви, идетъ съ остальными къ Нанси, дабы, усиливъ себя сближеніемъ съ главною арміею, предпріятія и дѣйствія свои съ движеніями и дѣйствіями ея согласить. — Арміи, во Францію вступившія, старались одна другой подать руку и не спускать другъ съ друга глазъ. Но не одна только Франція была тогда полемъ сраженій. Глухіе отзвуки войны, въ разныхъ мѣстахъ по Европѣ еще слышны были, и возженные прежде пожары на Сѣверѣ и Югѣ пымали. Принцъ Шведскій сражался, переговаривалъ, и опять возобновлялъ бои съ Датчанами. Австрійцы воевали въ Италіи. Веллингтонъ бился съ Маршаломъ Сультомъ у подножія Пириней, и готовъ былъ вести толпы неустрашанныхъ Испанцевъ и свои Англійскія войска въ Южные предѣлы Франціи. Всѣ крѣпости по Вислѣ, вмѣстѣ съ мѣчтами и надеждами народа, пали. Духъ Польской отложилъ ретивость свою. — Долго противился Данцигъ: Французы называли его оплотомъ необоримымъ; но и онъ устоять не могъ. Въ одинъ и тотъ же день то есть, 21 Декабря, Россіяне вступили въ сію крѣпость; а Австрійцы заняли Женеву. Такимъ образомъ, войска, тысячами верстами раздѣленные, но одну мысль, одно желаніе и одну цѣль имѣвшія, какъ будто по нѣкому тайному условію, въ важные города на двухъ притивоположныхъ концахъ Европы входили. Таковыя происшествія, и въ Отечественной войнѣ въ Россіи неоднократно случавшіеся, наблюдательной потмокъ не отнесетъ къ пустой случайности; но припишетъ невидимому содѣйствію Провидѣнія, въ кровавой тяжбѣ за счастье человечества правую сторону покровительствовавшего.

4.

Въ такомъ состояніи были дѣла Европы въ послѣднихъ дняхъ послѣдняго мѣсяца 1813 года. Но обратимся опять за Рейнъ, и встрѣтимъ 1814 годъ подъ вѣяньемъ знаменъ Союзныхъ уже на древнихъ рубежахъ Франціи.—Первые дни Генваря текущаго года, увидѣли большую армію Союзниковъ, миновавшую Альзасъ, и достигшую въ Шампаніи до Шалона и Лангра, гдѣ нѣкогда Юлій Кесарь одержалъ столь знаменитую побѣду надъ храбрыми народами Гельвеціи. Блюхеръ 3 числа вступилъ въ Нанси.—Такимъ образомъ пространныя области между Рейномъ, Мозелемъ и Моасомъ, заняты, и однимъ только смѣлымъ движеніемъ Союзниковъ, безъ палбы и крови покоряемы были.— 12 числа Мюрать Король Неаполитанскій, предложившій уже усердіе и оружіе свое на защиту праваго дѣла, занялъ Римъ. И въ сей же день, по приказанію Князя Шварценберга, 3 и 4-й корпусы напали при Баръ-Сюръ-Обѣ, между Коломбе и Фонтенемъ, на Французскаго Маршала Мортъе. Нападеніе увѣчилось успѣхомъ. Полки Французской гвардіи разстроены, и Маршалъ отступилъ къ Труа и Шалону; а главная квартира Союзниковъ перенесена въ Баръ 18 Генваря.—Фельдмаршалъ Блюхеръ, съ своей стороны, старался также въ ходѣ и подвигахъ отъ главной арміи не отстать. Съ большею поспѣшностію шелъ онъ отъ города Туля вверхъ къ рѣкѣ Марнѣ. 11 числа онъ велѣлъ дивизіи Князя Щербатова сдѣлать мимоходомъ приступъ къ Бяньи, и укрѣпленной сей городъ взять. 13 Тотъ же Князь Щербатовъ выбилъ непріятеля изъ Сентъ Дизье и преслѣдовалъ его до Витри; а 14 пошелъ влѣво къ городу Бріеннѣ для соединенія съ войсками Генерала Сакена. — Генералъ Ланской, съ небольшимъ коннымъ отрядомъ, удерживалъ Сентъ Дизье поджидаая Прусскаго Генерала Йорка.

5.

Таковы были первые шаги Союзниковъ во Франціи. — Пространство исчезало подъ стопами ихъ; Рейнъ былъ уже далеко назади, а Парижъ почти въ глазахъ!... Наполеонъ находился въ Парижѣ, и громкими воззва- ніями, льстивыми словами и пышными обѣщаніями, за- бавлялъ и очаровывалъ миллионъ вѣтреныхъ головъ въ столицѣ Франціи. Но видя грозныя тучи, несущія громы свои прямо на чело сей самой столицы, онъ воспрянулъ въ полной ярости своей, и бросился на поле битвъ. — 13 Генваря по утру поручилъ онъ жену и сына подъ защиту городской народной гвардіи. При семъ случаѣ ложъ и притворство доведены до высшей степени. Онъ показывалъ себя предъ глазами народа вѣжнымъ отцомъ и супругомъ, изъявляя чувства, ко- торыхъ можетъ быть въ сердцѣ своемъ не имѣлъ (*) Онъ хотѣлъ возложить на слабую голову младенца (Короля Римскаго) корону, которую съ собственной его главы всѣми видимо срывала невидимая рука Провидѣнія.

6.

Разпростясь съ столицею и вѣтреннымъ народомъ ея, бросается онъ въ коляску, и скачетъ на почтовыхъ къ арміи въ Шалонъ. — На берегахъ Марны собрано было 80,000 лучшихъ войскъ. 14 Подъ вечеръ весь Шалонъ закричалъ: «да здравствуетъ Императоръ!» Войско по- вторило кликъ народа. Раздался звукъ трубъ и под- нялись знамена; громъ пушекъ и звонъ колоколовъ возвѣстилъ прибытіе Наполеона. — Онъ прибылъ и дѣйствуетъ: беретъ 25,000 и пускается вправо. Шагъ — и въ Витри; другой — и отнялъ Сентъ Дизье.

7.

Между тѣмъ видитъ онъ однакожъ, что Блюхеръ уже подаетъ руку Шварценбергу; что войско соеди- нится съ войскомъ и сила подкрѣпится силою. Страшно

(*) Увѣряють, что славный актеръ Тальма училъ Наполеона на канунѣ, какъ представлять лицо вѣжнаго отца и супруга.

для него соединеніе сіе; воспрепятствовать ему есть цѣль желаній его. — Для сего-то, съ большою частію своихъ войскъ и бросается онъ на самой меньшей отрядъ Союзниковъ съ тѣмъ, чтобъ уничтоживъ оной, между двухъ армій стать.

8.

Призвавъ всѣ войска Маршала Мортье изъ города Труа и отъ рѣки Оби, для подкрѣпленія праваго крыла своего, Наполеонъ вдругъ появился 17 Генваря, въ половину дня, предъ городомъ Бріенною. — Онъ пришелъ съ великими силами и съ твердою рѣшимостію дать великой бой. Блюхеръ ясно видѣлъ силы и намѣреніе непріятеля, но съ мужествомъ принялъ вызовъ къ сраженію. И тутъ-то, подъ стѣнами и въ стѣнахъ города, которой почитался колыбелью Наполеоновой славы (*), произошло первое важное, но переходъ чрезъ Рейнъ, сраженіе. Не смотря на превосходство войскъ непріятельскихъ, Союзники искусно пользуясь своею конницею, сбивали ея лѣвое крыло Французовъ. Генералъ Олсуфьевъ держалъ Бріенну. Наполеонъ не пощадилъ города, въ которомъ провелъ первыя лѣта своей молодости. Онъ велѣлъ палить по немъ изъ всѣхъ своихъ орудій — и городъ запылалъ. Наступившая ночь и смятеніе, произведенное жестокимъ пожаромъ, обхватившимъ городъ, способствовали солдатамъ Маршала Виктора прокрасться къ Бріенскому замку и, послѣ упорнѣйшей схватки, овладѣть онымъ. Тогда Блюхеръ, видя превосходство непріятеля, и слѣдуя предпринятому уже намѣренію соединиться съ Княземъ Шварценбергомъ, спокойно отступаетъ по дорогѣ къ Бару на Оби. — Маршалъ Викторъ и Генералъ Груши подвинули, въ слѣдъ за нимъ, колонны свои, и 18 числа остановились на выгодномъ мѣстоположеніи, занявъ войсками праваго крыла Діенвиль, утвердя средину въ Ларотьеръ; а лѣвое крыло загнувъ въ верхъ къ Шоменилю.

(*) Извѣстно что Наполеонъ первыя познанія въ военномъ искусствѣ пріобрѣлъ въ Бріенской школѣ.

Союзники, съ своей стороны, всё свои войска и силы вмѣстѣ совокупили. Съ разныхъ сторонъ, разные отряды присоединились къ Блюхеру, которой, на дорогѣ къ Бару, остановился при *Транъ*, и расположилъ войска свои съ большою выгодною на протяженіи холмовъ, идущихъ отъ большой дороги вправо. 18, Генераль Іоркъ вырвалъ изъ рукъ непріятеля Сентъ-Дизье; а Графъ Вингенштейнъ вошелъ въ Васси и опередилъ Вреде, которой съ своими Баварцами шелъ чрезъ Жуанвилъ на лѣвое крыло Французовъ, противъ котораго наступательное дѣйствіе поручено было Принцу Виртембергскому. — Австрійцы съ Графомъ Гиулаемъ должны были напасть на правое крыло; а Русскіе съ храбрымъ Генераломъ Сакеномъ на самую средину линій Французскихъ. Столь грозное положеніе нашихъ и непріятельскихъ войскъ, и неуступчивость съ той и другой стороны, предвѣщали упорную битву въ окрестностяхъ Бріенны. — Битву сію началъ Принцъ Виртембергскій, нанесшій первой ударъ на Шомениль, гдѣ находился Маршалъ Викторъ. Тутъ спорили о побѣдѣ по крайней мѣрѣ три часа. Принцъ входилъ въ Шомениль; Французы вытѣсняли его; но, послѣ многихъ усилій, мѣсто боя осталось наконецъ за нимъ. Изъ средины Французской линіи войска поспѣшили на подкрѣпленіе лѣваго крыла; а Генераль Сакенъ, пользуясь сею минутою, сгустивъ полки свои въ боевыя колонны, бросился на средину, и пробился было до самой церкви селенія Ларотьеръ. Наполеонъ, видя опасность и бѣду, съ лучшими войсками устремился къ своимъ; а Блюхеръ подкрѣпилъ Сакена, и жестокой бой загорѣлся. Бонапартъ, кажется, забылъ тутъ о жизни, думая только о выигрышѣ, котораго Блюхеръ не хотѣлъ ни за что ему уступить. Тотъ и другой были всегда впереди. Подъ первымъ застрѣлена лошадь, когда, онъ самъ повелъ молодую гвардію; подлѣ другога

убить въ то же время козака. Опасность угрожала равно обоимъ; но слава побѣды досталась одному. — Союзники восторжествовали, и подѣлили по братски лавры и трофеи. Корнусъ Сакена взялъ 30 пушекъ; Графъ Вреде 26; а Принцъ Виртембергскій 11. — Графъ Вреде выбилъ Мортъе изъ Морвильера, обошелъ совсѣмъ лѣвое крыло непріятеля, и всѣ войска его отступили. Союзныя гвардіи, подъ начальствомъ Графа Милорадовича, подоспѣвъ весьма кстати, непосредственно участвовали въ счастливомъ окончаніи сраженія. — Союзные Монархи, очевидные свидѣтели битвы, праздновали побѣду на мѣстѣ самаго боя.

10.

Лишенный многихъ войскъ и дерзости нападать Наполеонъ отступилъ въ Труа и далѣе. — Тутъ открылись для Союзниковъ пространныя поля дѣйствій и пути къ Парижу. По берегамъ Марны и Сены пошли они къ столицѣ Франціи. — Если кто означитъ, съ одной стороны теченіе Сены, а съ другой впадающей въ нее Марны, и проведетъ въ первую поперечную между обоими рѣчку Объ: тотъ будетъ имѣть, въ начертаніи своемъ полное пространство, на которомъ происходили главные бои того времени. — Послѣдуемъ за главною арміею, несущою знамена свои по берегамъ Сены. — Французы успѣшно оставили городъ Труа; союзники вступили въ него. Оттуда разпространились дѣйствія ихъ къ Сансу, Ножану и Мери. — Съ другой стороны Блюхеръ, перейдя на берега Марны, выбилъ непріятеля изъ города Шалона. Чрезъ нѣсколько дней главная квартира Прусскихъ войскъ подвигалась до Вертю и Этожа; а войска Сакена и Юрка, занимая Монмираль и Шато-тьери, подходили даже къ Лаферте-су-Жуаръ и Мо.

Наполеонъ стоялъ въ твердой позиціи при Ножанѣ, и не двигался съ мѣста. Оба крыла его были далеко обойдены, и война гремѣла уже въ самыхъ близкихъ

окрестностяхъ Парижа. — Военная дѣятельность его, казалось на минуту вздремала: онъ былъ въ глубокомъ размышленіи о томъ, что начать. — Его способы въ войнѣ давно извѣстны: первой, чтобъ раздѣля непріятельскія войска по частямъ, на каждую особю съ превосходными силами нападать. Второй великой способъ (*grand moyen*) состоитъ въ обходахъ, чрезъ которые становясь въ крыльѣ или съ тылу непріятеля своего, принуждаетъ его къ отступленію. — Для перваго способа необходимы бои; послѣдній совершается часто безъ оныхъ, одною только поспѣшностію хода. Послѣдній изъ сихъ способовъ, по словамъ Наполеона, есть способъ воевать ногами. — На сей разъ, нещадя ничего, употребилъ онъ и оба сіи способа и всѣ свои силы вдругъ.

11.

Всѣ дѣйствія Союзниковъ отъ Рейна до Парижа можно раздѣлить на три періода: *Первый*, отъ перехода за Рейнъ до сраженія при Бриеннѣ, стоилъ мало крови, а доставилъ много выгодъ. *Второй*, отъ сраженія Бриенскаго до боя при Арсисъ-Сюръ-Объ есть періодъ жаркихъ битвъ и большихъ выгодъ для Наполеона, нежели для Союзниковъ. *Третій*, періодъ есть время побѣдъ на пути къ Парижу и блистательныхъ торжествъ въ стѣнахъ онаго. —

Мы уже описали первой изъ сихъ періодовъ; теперь слѣдуетъ заняться вторымъ.

Наполеонъ рѣшился итти впередъ; но на первомъ шагу должно было ему блеснуть успѣхомъ въ глаза войскъ и народа. — Для перваго удара избираетъ онъ Блюхера, и, съ силою и быстротою вырывающагося изъ тѣноты вихря, бросается въ верхъ къ Марнѣ на войска полководца сего. — Первый, сдѣлавшійся жертвою стремительнаго порыва Наполеонова, былъ Генераль Олсуфьевъ. Небольшой отрядъ его при Шантоберѣ служилъ, такъ сказать, звѣномъ, соединявшимъ

войска Блюхера съ войсками Сакена. Многочисленность и сила Французская, не смотря на самое храброе сопротивление, поглотили малое войско Генерала его. Отрядъ его разбить, забравъ и вмѣстѣ съ нимъ уведены въ Парижъ на показъ и утѣшеніе жителямъ.— Захвата Шантоберъ, Наполеонъ разрѣзалъ Силезскую армию на двое, и ставъ въ срединѣ, угрожалъ тылу той и другой половины.—Однако Генералъ Сакенъ, не пугаясь сихъ угрозъ, призвавъ къ себѣ дивизію Йорка, нападаетъ самъ на Французовъ при Монмираль. Схватка тутъ была жаркая особливо при деревнѣ Мартѣ. Побѣда ни на ту, ни на другую сторону, примѣтно не склонялась. На другой день Сакенъ отступилъ за Марну въ Шатотьеры. Наполеонъ погнался было за нимъ пристально, надѣясь, что жители разорятъ мостъ на Марнѣ и Генералъ сей будетъ его второю жертвою. Но, къ счастью, надежда эта не сбылась, и Сакенъ отступилъ благополучно къ Реймсу.

12.

Всякой понимающій тогдашнее расположеніе Союзныхъ войскъ, по частямъ раздѣленныхъ, ясно видитъ, что Наполеонъ имѣлъ удобность нападать съ превосходными силами на каждую изъ нихъ порознь. Но за то и самъ онъ не могъ сдѣлать лишняго шагу, чтобъ не имѣть въ тылу или въ крылѣ своемъ какого-нибудь непріятельскаго корпуса.—Преслѣдуя съ жаромъ одного Генерала, онъ подавалъ способъ вредить себѣ другому. Такъ случилось съ Бонапартомъ послѣ Монмиральскаго боя. Блюхеръ, стоявшій при Этожѣ, попустилъ его погнаться за Сакеномъ; а самъ (1 Февраля) жестоко напалъ на Маршала Мармона, которой съ небольшимъ корпусомъ маячилъ предъ Этожемъ, желая закрыть движенія главныхъ силъ Французскихъ. Разумѣется, что Блюхеръ опрокинулъ Мармонта, прогнавъ его и—(чего бы не должно было дѣлать) преслѣдовалъ даже за Шантоберъ.—Минутный успѣхъ сей

имѣлъ невыгодныя послѣдствія. Сямъ успѣхомъ Блюхеръ оттянулъ, правда, Наполеона отъ Сакена, но навлекъ на себя въ то время, когда не имѣлъ довольно силы, чтобъ сдѣлать отпоръ приличный натиску.

13.

Наполеонъ прослышавъ, что Блюхеръ зашелъ далѣе предѣловъ осторожности впередъ, бросился быстро назадъ. — Ведя пѣшую гвардію скорымъ шагомъ, а всю конницу на рысяхъ, онъ шелъ цѣлую ночь, и къ утру соединился съ Мармонтомъ. — Это было 2 Февраля. Блюхеръ почувствовалъ невыгоду своего положенія, и, прислонясь къ Вошану, рѣшился защищаться. Въ 8 часовъ утра Французы пошли на него открытымъ боемъ. За деревню Вошанъ, пролили много крови. Наполеонъ привелъ въ пятеро больше конницы, нежели сколько было ея у Блюхера. Ее-то повелъ онъ съ права и съ лѣва по полямъ; ею занялъ деревни, и ею окружилъ Прусаковъ со всѣхъ сторонъ. Храбрые Прусаки строятся въ кареи. Французы рыщутъ около нихъ. Штыки и мужество первыхъ отражаютъ сабли и дерзость послѣднихъ. Непріятельская пѣхота засѣла было въ Этожѣ, но Генералы Клейстъ и Капцевичъ пробились сквозь нее штыками. Ночь прекратила бой. Но Блюхеръ уже вырвалъ войска свои изъ бѣды. Онъ идетъ въ Шалонъ, заслоняется Марною, призываетъ къ себѣ Сакена и Юрка, подкрѣпляется корпусами Ланжерона и Сентъ-Приеста, и ощутивъ силы свои, помышляетъ самъ о дѣйствіяхъ наступательныхъ.

14.

Никогда какъ въ то время, которое мы описываемъ, успѣхи и неудачи не стояли такъ близко однѣ подлѣ другихъ. Между тѣмъ какъ Бонапарте, пользуясь минутнымъ успѣхомъ, гнался за Сакеномъ за Марну, Генералъ Винценгероде выдержалъ бой недалеко отъ Лаона и ворвался 2 въ Суасонъ. — 3000 плѣнныхъ и

13 пушекъ достались побѣдителю. — Такимъ образомъ дни побѣдъ Наполеоновыхъ, съ одной стороны, были днями неудачъ его съ другой. Народъ не вѣдалъ, радоваться ль, или печалиться ему должно было; но, по врожденному легкомыслію, вѣря всякой пріятной молвѣ, радовался. — Нельзя отвергать, чтобъ именно на сей разъ Парижъ не былъ защищенъ быстротою движеній Наполеоновыхъ; но былъ ли онъ защищенъ надолго, то увидимъ изъ послѣдствія.

13.

Обративъ все вниманіе на дѣйствія при берегахъ Марны, мы совсѣмъ было забыли о томъ, что дѣлалось на Сенѣ. Въ слѣдъ за теченіемъ рѣки сей Союзники быстро подвигались впередъ. Тотчасъ по отдаленіи Наполеона сбросили они всѣ Французскіе отряды съ лѣваго берега Сены, и въ разныхъ мѣстахъ перешли сами на правой. Уже дивизіи Графа Вреде и Витгенштейна достигли до Провена, и шли чрезъ Нанжи къ Мелёну, а войска Графа Платова и Біанки пробрались изъ Монтеро до самага Фонтенебло, которое и заняли 5 Февраля. — Парижъ содрогался, слыша такъ близко около себя шумъ войны. — Успѣхи Союзниковъ на Сенѣ, отрывали Наполеона отъ Марны. Чтобъ дѣйствовать съ равнымъ успѣхомъ на сихъ обѣихъ рѣкахъ, (которыя были тогда настоящими операціонными линіями), должно было двумъ Наполеонамъ быть, и по крайней мѣрѣ вдвое болѣе войска имѣть. Однако Наполеонъ замѣнялъ всѣ недостатки силъ быстротою. Онъ, какъ будто въ карманѣ, носилъ войско свое, и мѣтался съ онымъ изъ края въ край. Эти дѣйствія вожда Французскаго напоминаютъ о дѣйствіяхъ Короля-полководца въ семилѣтней войнѣ. Душею военнаго искусства великаго Суворова была также быстрота. — Посады пѣшую гвардію свою на подводы, а конницѣ велѣвъ нестись на рысяхъ, Наполеонъ помчался отъ Марны къ Сенѣ, и 5 Февраля (когда Пла-

товъ занялъ Фонтенебло), внезапно нагрянулъ на Графа Витгенштейна при Нанжисѣ, одержалъ верхъ и вытѣснилъ войска его за Сену. Маршалъ Магдональдъ и Удино оставлены были на правомъ берегу Сены, чтобъ его во вся очистить и сберечь.

16.

Невозможно описать до какой степени, отъ мгновенныхъ успѣховъ сихъ, возрасла гордость Наполеона. Извѣстно, что въ это время послѣ переговоровъ въ Шатильонѣ на Сенѣ, предлагали ему миръ; но презорства исполненный вождь отвергъ предложенія сказавъ: «я теперь ближе къ Вѣнѣ, нежели они къ Парижу.»—Конечно Союзники утратили почти всѣ выгоды, которыя доставило имъ сраженіе при Бріеннѣ; но не должно никогда ослѣпляться успѣхами, особливо въ войнѣ!... Когда Союзники праздновали побѣду на поляхъ Бріенскихъ, то казалось, что имъ только одинъ шагъ оставался до Парижа.... И теперь, когда Наполеонъ, очистивъ Марну и Сену, шелъ биться на Объ, казалось также многимъ, что Союзникамъ занятыхъ ими областей не удержать.—Французы называли вождя своего *наперсникомъ судьбы*, *l'homme des destinées*); а вождь сей безстыдно кричалъ: «*aut Caesar aut nihil! или все, или ничего!*» и велъ солдатъ своихъ на вѣрную смерть, дозволяя имъ, для потѣхи, грабить собственную землю свою. — Тутъ кончится второй періодъ мгновенныхъ удачъ Наполеоновыхъ, и начинается, вопреки всѣмъ мечтамъ и надеждамъ его, періодъ полной славы Союзниковъ.

17.

Князь Шварценбергъ, убѣдясь въ невыгодахъ дѣйствовать раздѣленными силами, рѣшился сосредоточить ихъ вмѣстѣ. Онъ стоялъ въ Труа. Прусской полководецъ, подкрѣпясь корпусами Бюлова, Винценгероде, Воронцова и Принца Саксент-Веймарскаго, въ самомъ дѣлѣ пошелъ было чрезъ Мери, къ Сенѣ.—

Ожидали, что общими силами дадутъ общее сраженіе. Но вдругъ Блюхеръ, круто оборотясь назадъ, бросился къ Сезанъ, и 12 Февраля побилъ тамъ Мармонта. Наполеонъ, преслѣдовавшій Австрійцевъ, отдѣлилъ часть войскъ для обезпечиванія тыла Силезской арміи. Маршалы Викторъ, Удино и Магдональдъ врывались въ Баръ-сюръ-Объ; но Князь Шварценбергъ двинулъ силы свои и отразилъ ихъ (15 числа).

18.

Наполеонъ, увидѣвши себя между арміями Силезскою и Князя Шварценберга, пошелъ на первую. На пути присоединилъ онъ къ себѣ Мармонта у Сезаны, Мортъе у Лаферте су Жуаръ. — Блюхеръ, видя приближеніе противника своего въ превосходныхъ силахъ, переступилъ съ лѣваго берега Марны на правой. — Одинъ Французской корпусъ занялъ Реймсъ, и угрожалъ сообщенію Союзныхъ армій; но къ счастью за нѣсколько предъ симъ дней взятъ былъ Суасонъ, и Блюхеръ, отступя чрезъ него, занялъ позицію между симъ городомъ и Лаономъ при Краонѣ. У преддверія Белгій—въ Лаонѣ поставленъ былъ Генералъ Бюловъ.

19.

Уже на закатѣ было солнце Наполеонова счастья, и день славы его примѣтно вечерѣлъ. Еще одержалъ онъ нѣкоторую поверхность при Краонѣ, гдѣ для Союзниковъ тѣсно было поле; но Блюхеръ собралъ и построилъ всѣ войска свои у Лаона. Тутъ произошло жаркое сраженіе 25 Февраля—и Французы, подъ личнымъ предводительствомъ самаго Наполеона, остались побѣжденными: Прусакъ гнали ихъ за Суасонъ. 50 пушекъ наградили побѣдителей.

20.

Около сего времени извѣстный Генералъ Россійской Сентъ-Пріестъ, придя съ 16,000 изъ Шалона къ Реймсу, отнялъ городъ приступомъ у Генерала Корбино.

Это было 1 Марта. Но на другой же день самъ Наполеонъ, послышавъ о случившемся, привелъ множество войскъ къ Реймсу. Мужественный Сентъ-Приестъ, не взирая на неравенство силъ, не отказался отъ боя. Храбро сражался онъ тутъ, и съ честію положилъ жизнь свою за правое дѣло. Подъ вѣяньемъ знаменъ Россійскихъ сомкнулъ очи свои сей достойный всякой хвалы Французъ!—Россія помнитъ услуги, враги силу руки, а друзья и подчиненные любезныя свойства души его.

21.

Смерть храбраго Сентъ-Приеста открыла пространное поле для лжи и хвастовства Наполеонова. Онъ трубилъ во всѣхъ печатныхъ листахъ того времени, что та самая батарея, изъ которой вылетѣло смертоносное ядро для великаго Моро, выслала тутъ другое на пагубу Сентъ-Приеста. И вокъ какъ, восклицалъ онъ, караетъ Провидѣніе Французовъ, враговъ Франціи! Но святое Провидѣніе уже готовило, уже наводило громъ свой на буйное чело самаго Бонапарте!... Видя арміи свои ослабѣющими, онъ прибѣгъ было къ народу. «Вооружайтесь жители Шампаніи! вооружайтесь Французы! къ оружію великой народъ! Сѣверные варвары хотятъ стереть Францію съ карты Европы! «Силою и хитростью—всѣмъ ополчайтесь. Истребляйте, губите, рѣжьте, гдѣ, какъ и чѣмъ только можно, «всегда и вездѣ!» Такъ вопіялъ Наполеонъ, совѣтуя, особенно женщинамъ, приманивая неосторожныхъ прелестями своими, губить ихъ по ночамъ ножомъ. Не всѣ зловредныя сѣмена его остались безъ прозябанія; въ нѣкоторыхъ мѣстахъ народная война начинала уже возгараться! но великіе успѣхи Союзниковъ скорѣ положили всему конецъ.

22.

Уже протекъ Февраль, столь обильный произшествіями, боями и превратностями.—5 Марта въ послѣд-

ній разъ прошелъ Наполеонъ чрезъ Эперне съ 40,000 своей гвардіи. Въ послѣдній разъ польстили слуху его клики народа, провожавшаго войско на бой. — Марна, привлекая опять къ одной себѣ Наполеона, выдала Сену Союзникамъ. — Быстро подвигались они, по знакомымъ путямъ, впередъ. — 4 Марта дивизія Графа Витгенштейна была уже въ Провенѣ. Наполеонъ изъ Шалона пустился еще разъ поискать счастья на Оби, умышляя обойти Шварценберга, которой, вмѣстѣ съ Союзными Государями, находился 6 въ Труа. Но Союзники, остерегаясь, отступили къ Бару; а Наполеонъ 8 прибылъ въ Арсисъ, что на Оби. 9, Въ семъ мѣстѣ произошелъ сильной бой и Французы отброшены на Сѣверо-Востокъ къ Витри. — Тутъ можно уже было сравнить Наполеона съ тигромъ, окруженнымъ искусными охотниками: ярость его не приносила болѣе пользы.

23.

Стѣснялся кругъ дѣйствій Наполеоновыхъ, умалались силы, но замыслы его все еще были пространны. Перейдя Марну въ Витри, и вступя въ Сентъ Дизье, онъ хотѣлъ ворваться въ Лотарингію, вызвать изъ всѣхъ крѣпостей гарнизоны, составить новую армію, и броситься на тылъ Союзниковъ. Но Союзники, провидя несбыточность сихъ предпріятій, выславъ къ Сентъ Дизье Генерала Винценгероде, обвинялись дорогами съ Наполеономъ: пожелали ему добраго пути къ Рейну; а сами пошли—къ Парижу!

Между тѣмъ и съ Юга приходили пріятныя вѣсти. Ожеро уступилъ Ліонъ Австрійцамъ. Велингтонъ поразилъ Сульта. Блюхеръ изъ Шалона подаль Шварценбергу руку—и все двинулось къ столицѣ Франціи.

24.

Походъ на Парижъ.

На первомъ шагѣ своемъ Союзники встрѣчаютъ, при Феръ-Шампенуазѣ. 13 Марта, дивизіи Мармонта и Мортъе. Увидѣть, напасть и разбить было для нихъ дѣло одного мгновенія. Оба Маршала имѣли только 25,000. Союзники подавили ихъ ужаснымъ натискомъ всѣхъ своихъ силъ. Сто пушекъ, 7000 пѣхотныхъ, и открытый путь къ Парижу достались побѣдителямъ.

25.

Симъ послѣднимъ пользуясь, Союзники, свернувшись въ пять большихъ колоній, подъ вѣняемъ побѣдоносныхъ знаменъ, съ веселыми кликами надежды и радости, быстро подвигались къ послѣдней цѣли своей. 16 Перешли они Марну въ Трипоръ и Мо; а 18 люди, воспоенные водами Оки и Волги, пришедшіе изъ отдаленныхъ краевъ хладной Сибири, отъ знойныхъ береговъ Каспійскаго моря, отъ хребтовъ грознаго Кавказа — сіи люди увидѣли окрестности Парижа!!!—Надобно поставить себя на мѣстѣ тѣхъ, которые прошли столь необъятныя пространства, выдержали столько ужаснѣйшихъ боевъ, подъяли столь великую истому, столь неописанные труды; и наконецъ, по полямъ облитымъ кровью, по тлѣющимъ развалинамъ городовъ, сквозь огонь, чрезъ воды и среди смертей, достигли конца своего пути и вершины славы; надобно, говорю я, поставить себя на мѣстѣ ихъ, чтобъ постигнуть чувство, наполнившее тогда сердца подступивши къ Парижу.

26.

Но совѣмъ противное было въ Парижѣ. Невеселые слухи приходили отъ Марны и Сены; задумчивость и уныніе начинали появляться въ шумныхъ толпахъ вѣчно-поющего и арода. Правительство, съ своей стороны, зная вѣтренность жителей, распускало слухи о

небывалыхъ успѣхахъ. Толпы подкупленныхъ и легко-
вѣрныхъ разглашали ихъ по улицамъ. Истинна спорила
съ ложью. Но вывозъ сокровищъ, отъѣздъ Іосифа
Бонапарте и самой Императрицы показали ясно Парижу
настоящее его положеніе. — Громкой барабанный бой
на утренней зарѣ 18 Марта пробудилъ безпечныхъ
жителей столицы, и тогда только повѣрили, что болѣе
100,000 побѣдителей стояли уже за высотами, засло-
няющими городъ ихъ.

27.

Парижъ имѣлъ нѣсколько тысячъ гарнизона, могъ
выставить до 30,000 народной гвардіи, и всѣми сими
войсками подкрѣпить корпуса, разбитые при Шампе-
нъазѣ. — Природа оградилъ городъ, въ долинѣ стоящій,
высотами Бельвильскими, холмомъ Бютшомонъ и
грядою Монмартръ. Каналъ Уркской служилъ также
нѣкоторую обороною.

28.

Защитники Парижа расположились слѣдующимъ
образомъ: справа занимали они Бельвиль, Менильмон-
танъ, Бютъ-шомонъ и Венсенской замокъ; ихъ середина
расположена была за каналомъ Урксскимъ, имѣя за собою
Монмартръ, который весьма бы былъ страшенъ, еслибы
былъ укрѣпленъ; а лѣвое крыло ихъ простиралось
до Нелли. Весь этотъ строй имѣлъ видъ выгнутой дуги.

29.

Распоряженіе Союзниковъ было слѣдующее: армія
Силезская должна была идти справа чрезъ Сентъ-
Денисъ къ Монмартру; Гвардія Россійская и Прусская,
подъ начальствомъ Графа Милорадовича, занимали
середину двинувшись отъ Бонди къ Пантеню; Генералъ
Раевскій управлялъ нападеніями на Бельвиль; а Принцъ
Виртембергскій, на лѣвомъ крылѣ, долженъ былъ занять
Венсенъ и наблюдать за Шарантономъ. — Генералъ

Сакенъ и Баварцы оставлены въ Мо, чтобы противустать Наполеону, естлибъ онъ вздумалъ воротится къ Парижу.

30.

Бой при Парижѣ.

Между 5 и 6 часомъ утра раздалась пушечная пальба, и сраженіе загорѣлось.—На твердыя позиціи: Бельвиль, Ромень-виль и Бють-шомонъ напали прежде всего.—Генераль Раевской выбилъ изъ Пантеня непріятелей штыками. Другія высоты старались обходить. Множество стрѣлковъ распушено было по садамъ и перелѣскамъ. Ружейная пальба гремѣла безпрерывно. Но Блюхеръ и Принцъ Виртембергскій не могли такъ скоро, по назначенію своему, справа и слѣва, придти. Однимъ же войскамъ Раевского, начавшимъ сраженіе, поддерживать его было тяжело. Наполеонъ могъ поспѣшно возвратиться, и внезапно загремѣть въ тылу. Парижъ, услыша громъ его, сталъ бы защищаться до послѣдней невозможности, и тогда Союзники, на краю желаній своихъ, увидѣли бы себя въ положеніи крайне невыгодномъ. Одна минута могла дать крутой оборотъ дѣламъ; но Генераль Графъ Барклай де Толли сдѣлалъ рѣшительное соображеніе, пустилъ лучшія резервныя войска въ дѣло—и дѣло взяло счастливый ходъ.—Графъ Милорадовичъ ввелъ всѣ гвардіи въ огонь, и управляя движеніями оныхъ.—Тутъ напрасно уже старался непріятель, съ отчаянною храбростію, лишить Союзниковъ пріобрѣтенныхъ ими выгодъ: всѣ его усилія обращались въ ничто. Это взаимное бореііе продолжалось большую половину дня; но прибытіе Силезской арміи рѣшило судьбу битвы. Корпусъ Графа Ланжерона пошелъ прямо на Монмартръ; а Клейстъ и Йоркъ устремились въ Лавильетъ и прочія въ той сторонѣ лежащія мѣста.—Графъ Милорадовичъ самъ

повелъ всѣхъ гренадеръ на приступъ въ Бельвиль— и грозная высота сія покорилась.—Генералы Графъ Ламбертъ, Воронцовъ, Паскевичъ, Ермоловъ, Чеглоковъ и прочіе, по грудамъ непріятельскихъ тѣлъ, взвели войска свои на высоты, облитыя кровью — и гордый Парижъ, со всѣми своими замками, храмами, дворцами, палатами и садами, на необозримомъ пространствѣ лежащій, представился глазамъ удивленныхъ побѣдителей. Громъ битвы и общее ура! всѣхъ соединенныхъ войскъ, наполнили окрестности бранною грозою и шумомъ, котораго они съ самыхъ давнихъ временъ не слыхали. Множество пушекъ взлетѣло на холмы, и направилось прямо на столицу.—Огненная буря готова была понестись на разрушеніе, сомнѣніемъ и ужасомъ волнуемаго града. Ударилъ послѣдній часъ, и острый мечъ вознесся надъ главою его.... Но при грозномъ теченіи гремѣщихъ строевъ, въ дыму и въ пламени жестокаго боя, когда ничего не слышно было, кромѣ громкихъ восклицаній побѣдителей и глухова стога побѣжденныхъ, вдругъ настала торжественная минута глубокой тишины: страждущее человѣчество возвысило голосъ свой. Сей голосъ достигъ до сердца управлявшаго судьбою браней Государя, и подвигнулъ его къ милосердію. Александръ I изрекъ великое слово благодати—*помилованіе!* и тысячи храбрыхъ опустили оружіе—и Парижъ спасенъ!!!...

31.

Знаменитое сраженіе при Парижѣ и счастливѣйшія послѣдствія онаго уже довольно извѣстны по множеству сдѣланныхъ о нихъ описаній; а я крайне несовершенную картину мою окончу послѣднимъ и чертами, означающими отчасти духъ жителей Парижа въ роковой для нихъ день.—1) Одинъ Капитанъ смѣло ведя роту изъ города въ Бельвиль, вдругъ узнаетъ, что перемиріе положило конецъ войнѣ. Съ чувствомъ глубокаго прискорбія вонзаетъ онъ шпагу въ землю,

и сказавъ: «солдаты! намъ нельзя уже сражаться за отечество, такъ будемъ плакать о немъ!» закрываетъ лице руками и плачетъ.—2) Ученики Политехнической школы, неимѣвшіе еще, по молодости лѣтъ, довольно силъ управлять оружіемъ, съ большою храбростію защищали мостъ въ Шарантонѣ.—3) Когда Русскіе входили въ Бельвиль, одинъ шестидесятилѣтній старикъ до тѣхъ поръ стрѣлялъ и бросался на гранатеръ съ ножомъ, не пріемля пощады, покуда не упалъ мертвъ къ ногамъ ихъ. На другой день пришло на то мѣсто большое семейство оплакать и похоронить убитаго (*).—Довольно этихъ примѣровъ, чтобъ опровергнуть клевету, въ послѣдствіи сплетенную, что будто Паряжъ уловленъ хитростію, и, не желая защищаться, покорилъ себя добровольно. Нѣтъ! онъ защищался—и побѣжденъ!... Русскіе покорили столицу Франціи мужествомъ, а удивили ее великодушіемъ. Никто не отниметъ у нихъ славы побѣды и славы—добродѣтели!

Шалонъ на Марнѣ, 2 Іюня.

Скучная квартира и скучное положеніе наше вдругъ перемѣнились. Братъ пошелъ къ Коменданту, и узналъ въ немъ совоспитанника своего по Морскому корпусу Н. Ногаткина. Этотъ прелюбезной молодой человекъ всеѣмъ здѣсь любимъ и уважаемъ.—Намъ отвели прекрасную квартиру у предобраго хозяина, начальника здѣшнихъ почтъ, господина Дюлена. Съ удовольствіемъ записываю имя его: оно сохранится не въ одной записной книжкѣ, но въ сердцѣ и въ памяти моей. Онъ принялъ, обласкалъ и угостилъ насъ такъ, какъ будто самый добрый Саксонецъ. Во Франціи неимѣли мы вовсе такого пріему.

(*) Этотъ случай разсказалъ мнѣ самовидецъ оного Ах. гусарскаго полка ротмистръ Пороховниковъ.

Шалонъ, 3 Юня.

Всѣ войска возвращаются изъ Парижа и спѣшать оставить Францію. Сего дня прибылъ Графъ Милорадовичъ сюда въ Шалонъ. Онъ приобрѣлъ новые лавры, украшенъ новыми знаками отличія, но принялъ насъ съ прежнею благосклонностію. Мы получили позволеніе съѣздить въ Парижъ—Съ нами ѣдетъ одинъ молодой Французъ Б...мъ изъ Лангра, знакомый Но...ну.

Ш а л о н ъ.

Я просидѣлъ цѣлую ночь на пролетѣ! Къ намъ зашелъ съ вечера бывший въ корпусѣ Майоръ Бровковъ, да Адъютантъ нашъ С**ъ. Рѣчь зашла о Парижѣ. Разговоръ о немъ неистощимъ. Мы разсматривали планъ, и бродили мысленно по улицамъ, площадямъ, садамъ и гуляньямъ. Много видѣли они въ Парижѣ любопытнаго; не мало хорошаго и очень много худова. На Парижъ должно смотрѣть, какъ на самый шумный, многолюдный и запутанный лабиринтъ. Французы раскинули всѣ сѣти, разставили всѣ приманки, и не щадили никакихъ уловокъ, никакихъ средствъ, чтобъ только нашихъ заманить, очаровать и обогреть!... По общему совѣту, располагали мы гдѣ лучше остановиться по пріѣздѣ въ Парижъ и что за чѣмъ осматривать, чтобъ въ самое малое время осмотрѣть какъ можно больше.

Вотъ какую сдѣлали мы *записку*:

1) Остановиться въ Отель де Валуа, въ улицѣ Ришелье, насупротивъ Пале-Рояль, чтобъ быть поближе къ Тюильрійскому дворцу.—

2) Взять въ услуженіе на время Н. Ипполита.

Осматривать:

1) Музеумы; 2) площадь карусельскую; 3) чрезъ мостъ Понъ-Нефъ, въ древнюю церковь de Notre Dame;

4) садъ растеній; 5) Пантеонъ; 6) домъ Инвалидовъ; 7) Законодательнаго сословія палаты; 8) Люксамбургскій дворецъ; 9) площадь Вандомскую; 10) садъ Тиволи, гдѣ гулянье и освѣщеніе бываетъ по четвергамъ и воскресеньямъ ввечеру. Тутъ и оптическія картины. Потомъ театры: 1, Большая Опера; 2, Французской; 3, Фейдо; 4, Варіете, и проч. и проч. — Не знаю, успѣюль я все это увидѣть; ибо долго въ Парижѣ быть не могу.

Городъ Шатотьеры. 5 Іюля.

Шампанія, извѣстная своими прекрасными винами, не есть прекрасная область. Она пуста и песчана. Въ мѣстечкѣ Эперне пили мы самое лучшее Шампанское, и я долженъ былъ признаться, что до этого времени не пилъ настоящаго. Оно не мутится, и не имѣетъ кислородзкаго вкуса, потому что не поддѣлано; не бושуетъ, потому что безъ поташа. Тихо льется оно въ стаканы алою или златовидною струею, услаждая обоняніе и вкусъ. — Деревня Аи производитъ лучшее Шампанское. — Досюда ѣхали мы въ дву-колесныхъ почтовыхъ телѣжкахъ. Завтра помѣстимся въ огромную почтовую карету, которую здѣсь называютъ дилижансомъ.

Городъ Мо, 6 Іюля.

Дилижансъ—преогромная и превыгодная карета, въ которой всякъ за сходную цѣну можетъ нанять себѣ мѣсто. Тутъ сидишь, какъ въ комнатѣ, въ обществѣ пятнадцати или шестнадцати разнаго званія, разныхъ свойствъ и часто разныхъ націй людей. Монахъ, лекарь, офицеръ, дряхлой старикъ и молодая дѣвушка, не рѣдко случаются тутъ вмѣстѣ. Всякой дѣлаетъ, что хочетъ. Одинъ читаетъ другой говоритъ, третій дремлетъ, четвертый смѣется, пятый ѣзжаетъ. Я смотрѣлъ на окрестности,

отыскивалъ мѣста недавно бывшихъ боевъ, и любовался теченіемъ Марны. Рѣзвая Марна, разгуливая по долинамъ, бѣжитъ вмѣстѣ съ нами къ Парижу. Сперва видѣли мы ее вправѣ (по выѣздѣ изъ Шалона); потомъ вдругъ перерѣзала она намъ дорогу (въ Шатотьері) и замелъкала въ лѣвѣ; потомъ должны были мы еще разъ ее переѣхать; и теперь она уже течетъ все лѣвою стороною. Сена ожидаетъ подружку свою съ отверстыми объятіями въ ближайшихъ окрестностяхъ Парижа, близъ Шарантона.

Тутъ дрались Русскіе, говорили мнѣ Французы, указывая на Шатотьері. Они пришли изъ Шалона, прямою дорогою чрезъ Этожъ, на Монмираль, и занявъ слѣва цѣпь горъ, отрѣзали Французскому корпусу дорогу у Лаферте, успѣвъ прежде него занять высокую гору, на которой стоитъ селеніе Жуаръ. — О, и Русскіе умѣли находить дороги во Франціи!

Лаферте-су-Жуаръ значитъ въ переводѣ, Лаферте подѣ Жуаромъ, то есть, деревня Лаферте у подошвы; а село Жуаръ на вершинѣ горы. — Тутъ холмы одѣты виноградниками, украшены рощицами, долины населены и обработаны. — Здѣсь почти нѣтъ мѣста, гдѣ бы не дрались. Въ Мо также было сраженіе.

Праздникъ Божій.

Католики имѣютъ праздникъ, котораго мы не имѣемъ. У Поляковъ называется *ѣонъ*: *cielo boszko* (тѣло Божіе), у Французовъ *fête Dieu* (праздникъ Божій). Я перевожу буквально. По всѣмъ деревнямъ, на дорогѣ лежащимъ, народъ былъ въ благочестивыхъ суетахъ. Вездѣ разставляли предъ домами иконы Божіей матери; украшали ихъ зеленью и цвѣтами. Этимъ занимались больше молодыя дѣвочки. — Въѣзжаемъ въ деревню, и слышимъ множество голосовъ. Со всѣхъ сторонъ кричатъ: *Messieurs! Messieurs! quelque chose pour la Madonne!* — Господа! Господа! что нибудь

Божіей Матери! Мы намѣняли цѣлой мѣшокъ мѣлкой монеты и всю разсорили, радуясь, что Французы еще не совсѣмъ забыли святыя обряды предковъ.

ТРАКТИРЪ ВЪ БОНДИ.

Вотъ ужъ мы подъ самымъ Парижемъ! Слышимъ какъ онъ шумитъ; кажется чувствуемъ, какъ шевелится; но еще не видимъ его. Онъ тамъ скрывается за высокими холмами и не хочетъ быть видѣнъ издалека. Наконецъ, думалъ я, увижу и я тотъ городъ, въ которой стекаются любопытство, золото и страсти изъ самыхъ дальнихъ краевъ Европы; городъ, который называютъ столицею свѣта, источникомъ просвѣщенія и вкуса, жилищемъ роскоши и модъ. Такой городъ долженъ быть огроменъ, великолѣпенъ, чистъ, свѣтлъ, просторенъ и опрятенъ.—Еще нѣсколько минутъ —и завѣса вскрыется! Повѣрю описаніе, рассказы молвы; увижу и узнаю. — Дилижансъ останоѣлся на нѣсколько минутъ у трактира въ селеніи Бонди. Такъ это водится. Всѣ подорожные зашли въ трактиръ отдохнуть или прохладиться. Я смотрю пристально на окрестности.—Окрестности въ городѣ то же, что предисловіе въ книгѣ. Парижскія довольно пріятны для глазъ; а для воображенія, напитаннаго Французскими романами, онѣ должны казаться восхитительны.—Рыцари Крестовыхъ походовъ, воспѣтые Тассомъ, не съ такою пріятною тревогою чувствъ приближались къ цѣли дальнихъ походовъ и великихъ трудовъ своихъ, какъ питомцы Французскаго воспитанія приближаются къ столицѣ Франціи. Что шагъ — то напоминаніе!... Проѣзжаютъ чрезъ лѣсъ Бондійской (foret de Bondi) —и тысячи приключеній, случившихся въ немъ, по сказанію романовъ, представляются воображенію ихъ. Увидятъ Венсенъ—и послышатъ тайное щекотаніе въ сердцѣ: имъ представляется, какъ извѣстной счастливецъ въ любви Ришильё заманивалъ въ этотъ лѣсъ

женъ и дочерей Маршаловъ и Герцоговъ, Княгинь и Княжонъ; забавлялъ ихъ пирами, музыкою, освѣщеніями безъ вѣдома ихъ мужей; шалилъ съ ними, какъ съ Аркадскими пастушками, и вовлекалъ ихъ въ пріятныя глупости (*des folies agréables*) и проч. и проч. (*). Но съ этого времени окрестности Парижа доставлять будутъ Русскимъ и всѣмъ благомыслящимъ Европейцамъ воспоминанія чистѣйшія и благороднѣйшія. Здѣсь, скажутъ они, смотря на Монматръ, Бельвиль, Пантень и Сентъ-Винсеенъ, здѣсь покрыли себя безсмертною славою герои союзныхъ народовъ въ глазахъ Государей своихъ!—Всѣ села и деревни около Парижа обстроены хорошо; замки, сады, палаты, рощи, водопроводы, фонтаны и Урской каналъ пестрятъ и украшаютъ окрестности. Поселяне живы, веселы, поютъ и говорятъ безъ умолку; живутъ въ красивыхъ домикахъ. Молодые дѣвушки гуляютъ хороводами, или прыгаютъ по одиначкѣ съ корзинками въ рукахъ. Онѣ не столько прекрасны, какъ миловидны. Стройная кофточка, передникъ и соломенная шляпка, или красивой чепчикъ, составляютъ ихъ нарядъ. Словомъ: около Парижа увидѣли мы гораздо болѣе довольства, нежели гдѣ нибудь во Франціи. Только по всей дорогѣ къ Парижу и въ окрестностяхъ несносной запахъ часто заставляеть зажимать носъ. Тысячи худо зарытыхъ тѣлъ и множество со всѣмъ не зарытыхъ лошадей, разрушаясь на жару, заражаютъ воздухъ.—Французы въ утѣшеніе себѣ говорятъ, что это Русскіе и Нѣмцы тѣютъ на ихъ землѣ. Да кто бы не были, а ихъ надобно погребсти порядочно!—Своевольные вѣтренники судятъ по своему, они говорятъ: это дѣло Правительства!... — Но дилижансъ готовъ, всѣ садятся—ѣдимъ въ Парижъ!

* Смотри на Французскомъ книгу: *Тайныя похождения Герцога Ришелье, соч. Рюльера.*

ПИСЬМА
РУССКАГО ОФИЦЕРА.

V.
ОПИСАНІЕ ПАРИЖА.

11

12

ПИСЬМА

РУССКАГО ОФИЦЕРА.

П А Р И Ж Ъ .

Онъ засинѣлся передъ нами, какъ пространный разливъ воды на гладкой долинь, или какъ дремучій лѣсъ въ отдаленіи. Многіе города блестятъ издали кровлями дворцовъ, палатъ и раззолоченными главами храмовъ: Парижъ темнѣетъ въ густотѣ тѣней. На необозримомъ протяженіи надъ 20,000, какъ будто вмѣстѣ слитыхъ домовъ, выказывается готическая башня-церковь (Notre Dame); возвышается кругловидный Пантеонъ и сіяетъ въ позолотѣ куполъ Инвалиднаго дома. Все прочее сѣро и пасмурно.—Мы вѣхали въ старинныя ворота Сентъ Мартень. Дилижансъ остановился въ обыкновенномъ своемъ заѣздномъ домѣ. Намъ высадили. Молодой Французъ Б*, сорпутникъ нашъ, прыгалъ отъ радости, видя себя въ первый разъ въ Парижѣ! — «Что вамъ угодно, милостивые государи! господа путешественники! что вамъ угодно?» кричали со всѣхъ сторонъ прислужники за деньги. Намъ надобенъ фіакръ (карета) — и явился. Мы положили свои чемоданы, и велѣли вести себя въ улицу Ришельё, въ Отель де Валуа, что противъ Пале-Рояль.

Такъ это-то Парижъ! думалъ я, видя тѣсныя, грязныя улицы, высокіе старинные, запачканные дома,

и чувствуя, не знаю отъ чего, такой же несносной запахъ, какъ и за городомъ отъ тлѣющихъ труповъ и падали. Это-то, перевозносимой, великолѣпной, прелестной городъ!... Но чѣмъ далѣе въ средину, тѣмъ лучше и красивѣе.—Наконецъ остановились мы подлѣ огромнаго дома, гостинницы Валуа (hôtel de Valois).—Французъ Б* выпрыгнулъ изъ фіякра, и побѣжалъ къ хозяину справиться о комнатахъ, о цѣнѣ и о прочемъ. Торгъ скоро конченъ; чемоданы наши внесены, а деньги съ насъ за всёъ взяты. И вотъ мы уже въ Парижѣ и на квартирѣ!... За три великолѣпно-убранныя комнаты, со всѣми выгодами, съ постельми, диванами, люстрами и зеркалами, съ насъ берутъ 15 руб. въ сутки. Это дорого; но такъ берутъ только съ Русскихъ! Французы въ обыкновенное время платятъ за такія квартиры вдвое меньше: и тогда это—дешево!

Насъ проводили въ комнаты и забыли про насъ! Одни, безъ слугъ и безъ знакомыхъ, мы бы могли просидѣть цѣлыя сутки, и никто бы объ насъ не позаботился. Въ Нѣмецкихъ трактирахъ иначе: трактирные служители входятъ очень часто къ прїѣзжему, предлагаютъ свои услуги, спрашиваютъ, не надобноль кофе, пуншу и проч. и проч. Тутъ опять совсѣмъ другое: въ домѣ, гдѣ отдаютъ покои въ наемъ, ничего не держатъ. За кушаньемъ, кофе и проч. посылатъ надобно своего человѣка въ рестораціи, кофейные дома и проч., а для всего этого и необходимо имѣть лонъ-лакея. Мы тотчасъ по прїѣздѣ спросили объ Ипполитѣ, которой служилъ у адъютантовъ нашихъ Паскевича и Сакена; но намъ обѣщали представить его не иначе, какъ завтра. «Вы видите, говорили намъ съ сердцемъ, что сего дня въ Парижѣ ничего ни найти, ни достать не можно»!

Въ самомъ дѣлѣ я замѣтилъ, что въ Парижѣ случилось, что-то очень необыкновенное: въ немъ не видать было ни того шума, ни того движенія, которыми онъ обыкновенно наполненъ бываетъ: Парижъ прї-

утихъ! Это случилось съ нимъ въ 20 лѣтъ въ первой разѣ!—Король, изъ уваженія къ великому празднику (Fête Dieu) приказалъ запретить всѣ лавки, трактиры, питейные дома и даже самой Пале-Рояль; открыть же велѣлъ только однѣ церкви. Хвала Государю, обращающему вниманіе на нравственность народа!... Но при всѣхъ важныхъ перемѣнахъ нужна чрезвычайная осторожность. Раны на тѣлѣ закрываются не вдругъ, а постепенно!! — Фравцузы теперь очень похожи на спутниковъ Улисса, превращенныхъ въ свиней: купаются въ грязи разврата, и ропщутъ за то, что ихъ хотятъ сдѣлать опять людьми! — Однако, не смотря на повсемѣстное закрытіе лавокъ въ городѣ; товарищъ нашъ Б* сбѣгалъ въ Пале-Рояль, и привелъ намъ человѣка съ готовымъ платьемъ. Мы купили сертуки, круглыя шляпы, чулки, банмаки, тоненькія тросточки, и въ мигъ нарядились Парижскими гражданами. Такъ всѣ наши дѣлаютъ; ибо Русской Офицеръ въ мундирѣ встрѣчаетъ вездѣ косые взгляды и тысячу непріятностей. Разумѣется, что съ насъ взяли вдвое за все, что мы купили. — По запискѣ, которую сдѣлали въ Шалонѣ, узнали мы, что недалеко отъ нашей квартиры ресторація Бовилье.—Идемъ къ нему ужинать. Прощай!

ПАРИЖЪ.—ВЕЧЕРЪ.

Я сей часъ былъ въ Парижской рестораціи, и признаюсь, что въ первую минуту былъ изумленъ, удивленъ и очарованъ. — На воротахъ большими золотыми буквами написано: *Бовилье*.—Входъ по лѣстницѣ ничего не обѣщалъ. Я думалъ, что найду, какъ въ Германіи, трактиръ пространной, свѣтлой, чистой—и болѣе ничего!—Вхожу и останавливаюсь, думаю, что не туда зашелъ; не смѣю итти далѣе. Полъ лаковой, стѣны въ зеркалахъ, потолокъ въ люстрахъ! Вездѣ живопись, рѣзба и позолота. Я думалъ, что вошелъ

въ какой нибудь храмъ вкуса и художества! Все, что роскошь и мода имѣютъ блестящаго, было тутъ; все, что нѣга имѣетъ заманчиваго, было тутъ. Домъ сей походилъ болѣе на чертогъ Сибарита, нежели на съѣстной трактиръ (Restauration). Хозяйка, какъ нѣкая могущественная повелительница, въ пріятной цвѣточной рощицѣ, среди множества подлѣ, около и надъ нею разставленныхъ зеркалъ, сидѣла на нѣсколькихъ ступеняхъ возвышенномъ и ярко-раззолоченномъ стулѣ, какъ на тронѣ. Передъ нею лежала книга, въ которой она записывала приходъ и расходъ. Въ самомъ дѣлѣ, она въ своей рестораціи царица. Толпа слугъ, по одному мановенію ея, бросается въ ту или другую сторону, и выполняетъ всѣ приказанія.—Намъ тотчасъ накрыли особый столъ на троихъ; явился слуга, подавъ карту и—должно было выбирать для себя блюда. Я взглянулъ и остановился. До ста кушаньевъ представлены тутъ подъ такими именами, которыхъ у насъ и слыхомъ не слыхать. Парижскіе трактирщики поступаютъ въ семъ случаѣ, какъ опытные знатоки людей: они увѣрены, что за все то, что незнакомо и чего не знаютъ всегда дороже платятъ.—Кусокъ простой говядины, которой въ какихъ бы измѣненіяхъ ни являлся, все называютъ у насъ говядиною, тутъ напротивъ имѣетъ двадцать наименованій. Какой изобрѣтательной умъ! Какое дивное просвѣщеніе!—Я передалъ карту Б*. Онъ также ничего не могъ повять; потому что, говорилъ онъ, у насъ въ губернскихъ городахъ мясу, супу и хлѣбу недаютъ никакихъ пышныхъ и разнообразныхъ наименованій: эта премудрость свойственна только Парижу.—Отъ чего жъ, скажешь ты, мы такъ затруднялись въ выборѣ блюдъ?—Отъ того, что надлежало выбрать непременно именно тѣ, которые тутъ употребляются въ ужинѣ. Попробуй спросить въ ужинѣ обѣденное блюдо, которое тебѣ пришлось по вкусу, и тотчасъ назовутъ тебя болѣе нежели варваромъ, болѣе нежели непросвѣщеннымъ:

назовутъ тебя *смѣшнымъ* (ridicule). — Тогда ты ужъ совѣмъ пропалъ: Парижанинъ скорѣе согласится быть мошенникомъ, нежели прослыть смѣшнымъ! — Предварительныя наставленія пріятелей нашихъ въ Шалонѣ вывели однакожъ насъ изъ бѣды. Мы выбрали кушанья, поѣли прекрасно, заплатили предорого, получили нѣсколько ласковыхъ привѣтствій отъ хозяйки, и побѣжала черезъ улицу въ свою квартиру.

Парижъ. — Ночь.

Взглядъ на Пале-Рояль.

Здѣсь въ полночь еще очень рано, а въ 2 часа ночи не поздно. — Сяжу у разствореннаго окна и смотрю на Пале-Рояль, которой еще свѣтитсѣ, но не шумитъ. Король не велѣлъ ему сегодня шумѣть. Двадцать лѣтъ сряду онъ бѣсился день и ночь, и въ первой только разъ замолокъ.

Вотъ огромный домъ, вотъ замокъ, вотъ цѣлой городъ, называемый *Королевскими палатами* (Пале-Рояль). — Напиши подробную исторію Пале-Рояля, исторію его владѣльцовъ — и будешь имѣть исторію всѣхъ важнѣйшихъ перемѣнъ во Франціи, исторію измѣненія нравовъ и упадка ихъ.

Въ 1636 году, Кардиналъ Ришельё воздвигъ огромное зданіе въ улицѣ Сентъ Оноре и назвалъ его *Кардинальскими палатами*. Многіе нашли названіе это высокомернымъ, неприличнымъ. Объ этомъ происходили жаркіе споры; но Анна Австрійская пресѣкла ихъ, назвала палаты, вмѣсто Кардинальскихъ, Королевскими (Royal), и поселилась въ нихъ. Людовикъ XIV отдалъ на время домъ сей брату своему Герцогу Орлеанскому, которой и назвалъ было его своимъ именемъ. Во время революціи назывался онъ *палатами равенства* (palais d'égalité). Но наконецъ, гораздо прежде, нежели самъ Король Французской, вошелъ онъ въ древнія права свои, и сталъ называться опять Королевскимъ. —

Въ семь-то Пале-Рояль челоѣкъ можетъ найти все, что нравится благородному и низкому вкусу; все, что очаровываетъ, остритъ и притупляетъ чувства; все что крѣпитъ и разрушаетъ здоровье; все, что украшаетъ и *заръзываетъ время* (*); и наконецъ все, что питаетъ развратныя склонности и выманиваетъ изъ сердца добрыя навыки, а изъ кошелька—деньги!—Развертываю книгу *Указатель Парижа*, и смотрю, что въ ней сказано о Пале-Рояль. «Честь и добродѣтель изгнаны изъ мѣстъ сихъ. Алчность къ золоту, картежная игра, плуты, обманщики и цѣлыя толпы прелестницъ, со всѣми силками и приманками ихъ, встрѣчаютъ тутъ неопытную юность! (Такъ говорятъ писатель о *сержемъ этажъ* и продолжаетъ:) «обманутые иностранцы называютъ Пале-Рояль средоточіемъ дѣятельности, удовольствій и забавъ Парижа; а челоѣкъ благоразумной назоветъ его средоточіемъ соблазновъ!» — Вотъ, что говорятъ сами Французы о Пале-Рояль въ книгахъ своихъ, продающихся въ самомъ же Пале-Рояль. — Завтра осмотрю и опишу это любопытное зданіе; а теперь уже поздно. Прощай!

ПАРИЖЪ. ПАЛЕ-РОЯЛЬ.

Я заглянулъ въ сосѣдство свое Пале-Рояль. Фасадъ этого огромнаго зданія украшенъ зодчествомъ Коринтскаго ордена.—Да, правду сказать, что Пале-Рояль есть сокращеніе всего Парижа. Тутъ можно все найти и все потерять. Приведите сюда челоѣка какихъ хотите свойствъ, какихъ хотите склонностей: тутъ тотчасъ его поймутъ, отгадаютъ, тотчасъ откроютъ путь къ его сердцу и кошельку. Сердце его разберутъ какъ часы. Тутъ умѣютъ приласкать каждую склонность, постигнуть каждое желаніе, предупредить каждое на-

(*) Французы часто употребляютъ выраженіе: *égarger le tems*. *заръзывать время!*

жизненіе; умѣютъ тутъ раздувать пламя всѣхъ страстей, питать и лелѣять всѣ явныя и тайныя слабости. Пройдя всѣ притины и мытарства волшебнаго замка сего, кажется, будто прошелъ весь путь жизни. Тутъ въ одинъ день можно испытать почти все, что обыкновенно съ человѣкомъ случается въ цѣлой его вѣкъ. Но оставя разсужденія, приступимъ къ описанію. Войдемъ въ славныя здѣшнія галлерей. Онѣ очень длинны и очень нешироки. Тутъ вѣчная ярмарка!... Люди всякаго состоянія, всякихъ лѣтъ и всякихъ народовъ, шумными толпами, тѣснятся взадъ и впередъ. Тысячъ по двадцати входятъ и выходятъ ежечасно, и въ теченіи года весь милліонъ Парижскихъ жителей вѣрно тутъ побываетъ.—Въ сихъ галлерейхъ съ одной стороны примѣчательны красивыя колонны, въ 45 футовъ вышиною. Съ другой же стороны увидятъ, ослабѣять и приведутъ въ совершенное изумленіе безконечныя ряды богатѣйшихъ лавокъ, гдѣ все, что только земля, воды и всѣ четыре части свѣта произвестъ, а воздухъ, огонь, желѣзо, Механика и Химія извлечь и обработать могутъ, за деньги получается.— Съ трехъ сторонъ прекрасной садъ. Въ одномъ мѣстѣ красивой и пространной кругловидной навѣсъ на столпахъ, называемый *ротондою*.—Тутъ всегда множество людей ѣдятъ и пьютъ всѣхъ родовъ прохладительныя; а другое множество гуляетъ въ саду. Во второмъ этажѣ залы наполнены всѣми средствами терять деньги; преимущественное изъ всѣхъ есть игра въ рулетку. Тутъ же, подлѣ, заемной банкъ. Въ одну минуту можно занять и разбогатѣть; въ другую проиграть и обѣднать.— Но самой верхъ и самой низъ дома сего избралъ въ обитель себѣ глубочайшій развратъ. Тамъ вѣчно раскрыты бездны, поглощающія честь и здоровье.

Еслибъ дошли до насъ подробныя лѣтописи Содома и Гомора, позженныхъ небеснымъ огнемъ, то ручаться можно, что развратъ, погубившій эти города не могъ превзойти того, въ которомъ тонетъ Парижъ.—Чтобъ

лучше описать Пале-Рояль со все́мъ, что въ немъ есть хорошаго и хорошаго, возьмемъ для примѣру какого нибудь приѣзжаго молодого человѣка, и пустимъ его по все́мъ закоулкамъ лабиринта. — Смотрите, что съ нимъ дѣлается: на первомъ шагѣ встрѣчаетъ его купецъ съ готовымъ моднымъ платьемъ и одѣваетъ; на другомъ является парикмахеръ и причесываетъ; далѣе надѣваютъ на него сапоги; въ разныхъ мѣстахъ останавливаютъ его *художники*, чтобъ почистить ихъ (*)—и за все старанія, за все услуги свои ничего болѣе не требуютъ, какъ денегъ!—Наступаетъ часть обѣда—двадцать великолѣпнѣйшихъ ресторацій открываютъ ему двери. Какъ бы ни былъ великъ аппетитъ, вѣрно удовлетворится. Послѣ обѣда манять къ себѣ кофейные дома. Все, какія есть на свѣтѣ лакомства, заключаются въ нихъ. Тутъ же онъ и въ сборномъ мѣстѣ все́хъ журналовъ; беретъ любые и читаетъ. Въ нѣсколько минутъ можетъ углубиться во все таинства политики, познакомиться со все́ми Европейскими Дворами, и все ихъ выгоды и сношенія сдѣлаются ему очень ясны. Въ сихъ источникахъ почерпнетъ онъ также извѣстie о новыхъ книгахъ, вмѣстѣ съ усердными совѣтами, которые изъ нихъ должно читать, а которыя бросить подъ столъ. Многіе журналисты употребили все свое время на то, чтобъ замѣчать все красоты и пороки вседневныхъ театралныхъ представлений. Читатель журналовъ въ кофейныхъ домахъ узнаетъ обо всемъ этомъ такъ подробно, какъ будто во все́хъ театрахъ самъ побывалъ.

Между тѣмъ наступаетъ время идти повѣрить описанія журналистовъ на самомъ дѣлѣ — и множество знаменитыхъ и безвѣстныхъ, большихъ и малыхъ, лубочныхъ, кукольныхъ и звѣриныхъ театровъ не усифваютъ вмѣщать толпящагося въ нихъ народа. Но день испытанія еще не протекъ. Молодой человѣкъ не хо-

(*) Въ Парижѣ людей, занимающихся чисткою сапогъ называютъ также художниками, *artistes pour décroter la chaussure*.

четъ идти въ театръ, даже и во Французской, которой отсюда только въ нѣсколькихъ шагахъ. Онъ заходитъ въ ротонду, и пускается бродить безъ цѣли по густымъ аллеямъ цвѣтущаго сада. Пріятной лѣтній вечеръ ведетъ за собою еще пріятнѣйшую ночь, покровительствующую всѣмъ наслажденіямъ любви, и общающую тысячи тайныхъ утѣхъ. Вотъ тутъ-то является Пале-Рояль въ блистательнѣйшемъ видѣ своемъ!... Сто восемьдесятъ огромныхъ зеркальныхъ фонарей украшаютъ такое же число аркадъ. Каждой изъ нихъ дробить, преломляетъ и отбрасываетъ множество яркихъ лучей, и всѣ они вмѣстѣ представляютъ прекрасной рядъ луче-метныхъ свѣтилъ. Такъ освѣщены галлерей вверху. Внизу каждая лавка свѣтится, какъ прозрачная картина. Множество разноцвѣтныхъ лампъ, паникадилъ и граненыхъ хрусталей, разпространяють прелестное радужное зарево, очаровывающее взоръ. Золото, бронзы, серебро и дорогіе камни блестятъ повсемѣстно. Я думаю, что въ цѣломъ свѣтѣ не найдется лавокъ богаче здѣшнихъ. Надобно признаться, что Французы великіе мастера украшать лавки свои. Они такъ искусно развѣшиваютъ въ нихъ шали, платки, разноцвѣтныя шелковыя ткани и проч. и проч. что издали кажутся они обмалеванными искуснѣйшею кистію и самыми блестящими красками. Невольно подойдешь и купишь!—Но обратимся къ нашему молодому страннику на скользкой стезѣ испытанія. Послѣ самаго лакомаго стола, лучшихъ винъ и ликеровъ, бродитъ онъ по темной зелени долинъ, и отдыхаетъ въ цвѣтущихъ перелѣскахъ сада. Сладостное дыханіе зефировъ, занявъ отъ цвѣтовъ благоуханіе, а отъ ближней музыки звуки, навѣваетъ на него то и другое, нѣжа и, услаждая обоняніе и слухъ.—Вотъ часъ опаснѣйшаго испытанія!... Являются сотни прелестницъ; инныя изъ нихъ въ самомъ дѣлѣ прелестны! Тутъ есть живыя, веселыя, томныя, печальныя или вовсе равнодушныя красавицы. Инныя одѣты богато,

другія просто, тѣ съ великою тщательностію, эти небрежно; а большею частію онѣ только полу-одѣты! — Нашъ молодой Улиссъ долженъ закрыть глаза и уши, потому что пѣвіе Сиренъ слишкомъ очаровательно! — *Ничто въ подсолнечной не ново!*... Древній мудрецъ, описывающій хитрую прелестницу, заманивающую неопытнаго юношу въ сѣти, какъ будто теперь и въ самомъ Пале-Роялѣ начерталъ смѣлою кистию своею дѣйствіе развратныхъ страстей. Развратъ всегда идетъ однимъ путемъ. — «Въ часы, исполненные отрадъ, когда угасаетъ заря, и темный вечеръ приводитъ съ собою спокойствіе и тишину (такъ говоритъ мудрый,) сгараеетъ она (прелестница) страстію, подъ тѣнію зеленыхъ деревьевъ. Цвѣты украшаютъ ея голову; искушеніе сидитъ на грудяхъ ея! — Завидя издали безпечнаго юношу, она простираетъ къ нему страстные объятія и лстивыя слова: Приди, любимецъ сердца моего! — говоритъ она — приди насладиться всѣми утѣхами любви!... Отъ утренней зари до вечерней ждала я тебя подъ тѣнію сихъ деревьевъ. Приди! уже все готово къ забавамъ нашимъ: я развѣсила ткани Тирскія и послала ковры Египетскіе; ложе мое усыпано шафраномъ и храмина благоухаетъ корицею. Приди! и проч. «Но горе юношѣ! — продолжаетъ мудрецъ — если онъ прельстится словами ея и увязнетъ въ сокрытую сѣть!»... И мы повторимъ послѣднее восклицаніе мудраго, увидя, что юной гость сего очаровательнаго жилища разврата увлеченъ порывомъ страстей. Горе ему! сладострастіе, схвата его въ жаркія объятія, влачитъ по норамъ своимъ. Быстро переходитъ онъ отъ слабости къ пороку, отъ порока къ преступленію!... Все, что можетъ представить себѣ человѣкъ, съ самымъ развращеннымъ сердцемъ, въ сладострастныхъ мечтаніяхъ; все, что только можетъ изобрѣсти скотская чувственность въ преступныхъ заблужденіяхъ своихъ, исполняется тутъ на дѣлѣ!... Но отвратимъ взоры отъ этой картины ужасовъ! —

Поздніе часы слѣдующаго дня застають заблужденнаго юношу съ томностію въ потухшихъ глазахъ, съ блѣдностію на лицѣ, и съ глубокимъ уныніемъ въ сердцѣ. Голова его пуста, чувства притуплены—онъ сучаетъ!... Между прочимъ заглядываетъ онъ въ кошелекъ и содрогается, видя опустошеніе его. Что дѣлать? къ кому обратится? Въ Парижѣ безъ денегъ жить невозможно!... Указываютъ красивую лѣстницу, ведущую во второй этажъ Пале-Рояля, гдѣ, говорятъ ему, кучи золота ожидаютъ счастливца.—Онъ идетъ вверхъ и встрѣчаетъ людей, выбѣгающихъ оттуду съ разтрепанными волосами, съ отчаяніемъ въ глазахъ, въ смятеніи и въ поту, какъ будто вырвавшись изъ жаркаго боя. Это люди, проигравшіе все, что имѣли, въ рулетку, въ кости или въ карты! Счастливъ, если пораженной такою встрѣчею, онъ опомнится, услышитъ голосъ разсудка и убѣжитъ отъ мѣстъ сихъ, гдѣ теряютъ здоровье, деньги и благіе нравы!—И сюда то неблаго-разумные отцы, съ великими истратами родовыхъ имѣній, посылають дѣтей своихъ!!!

Многолюдство.

Что тамъ безирестанно движется, кружится, скачетъ въ каретахъ, въ каріолкахъ, верхомъ?—Это *многолюдство* Парижское. Куда ни погляжу — толпа! Улицы кипятъ, площади пестрѣютъ народомъ.—Парижъ до Революціи имѣлъ гораздо больше милліона жителей. Робесъьеръ, Маратъ, гальотина, пушки, рѣка Сена, Парижскія тюрьмы и Наполеонъ Бонапарте истребили, изгнали, поглотили нѣсколько сотъ тысячъ людей: однако *бродяги*, *тунеядцы* и *зѣваки* (badeaux), стеклись со всѣхъ сторонъ и наполнили собою число убы-лыхъ, и въ Парижѣ опять милліонъ народа!—Одинъ шести, семи, или осьми ярусной здѣшній домъ заклю-чаетъ въ себѣ столько же жильцовъ, какъ цѣлая де-ревня въ Шампаніи. Что въ Парижѣ много людей, это всякой видитъ съ перваго взгляда; но много ли полезныхъ? Объ этомъ надобно справиться. Справка

не далека: тотчасъ узнаешь, что по крайней мѣрѣ половину здѣшняго зброду надлежало бы разсадить по деревнямъ, превратить въ земледѣльцевъ и сдѣлать полезными землѣ; а половину самого города, сего новаго Вавилона — хотъ выжечь!—Ты испугаешься; а какой нибудь въ сосѣдствѣ у тебя Французской учитель поблѣднѣетъ отъ злости, какая нибудь Французженка-наставница внѣ себя отъ негодованія... Я уже слышу имена, которыя мнѣ готовятъ; слышу брани, ругательства... Но тише, тише, господа! ни справедливое замѣчаніе, ни строгій приговоръ не мои. Первое сдѣлано, а послѣдній произнесенъ Императоромъ Петромъ I, въ бытность его въ Парижѣ во время малолѣтства Людовика XV-го.—А Петръ I-й, согласитесь, былъ великой человѣкъ, основатель порядка и усмиритель буйства. — Но извини меня, любезной другъ, что я заболтался; что все твержу тебѣ о Пале-Роялѣ, о многолудствѣ, о пестротѣ: это потому, что все это мерещется безпрестанно въ глазахъ. Человѣкъ въ Парижѣ, какъ перо на вѣтрѣ, по неволѣ кружится. Тутъ столько есть о чемъ говорить, что не знаешь, съ чего начать!... Я забылъ и дни и числа. Но завтра и послѣ завтра будемъ ходить съ разстановками и смотрѣть на все со вниманіемъ. Мы пойдемъ въ Тюльери, на площадь Людовика XV-го, въ Елисейскія поля. Мы поѣдемъ въ монастырь малыхъ Августиновъ разсматривать Французскія древности, увидимъ новый Музеумъ Наполеоновъ, заглянемъ въ Лувръ, осмотримъ Люксамбургъ и проч. и проч. Запасайся вниманіемъ, приготовляйся исходить, объѣздить и осмотрѣть Парижъ!—Прощай!

П А Р И Ж Ъ.

Площадь Вандомская.

Въ 8-мъ часовъ пришелъ нашъ *Ипполитъ* (наемной лакей) принесть кофе, вычистилъ платье, мы одѣлись

и пустились бродить по Парижу.—Вотъ площадь *Вандомская* (place Vendôme); приостановимся и взглянемъ.

Площадь имѣетъ видъ продолговатаго четверосторонника съ отсѣченными углами. Ее окружаютъ зданія огромныя. Прикосновеніе мимопрошедшихъ столѣтій придало имъ какую-то пасмурную важность. Пиластры и портики Коринесскаго зодчества щедро украшаютъ ихъ. Площадь сію началъ устраивать извѣстной *Луи* въ 1687-мъ году.—Здѣсь-то, на срединѣ, стояло прекрасное бронзовое изваяніе *Людвика XIV*. *Балтазаръ Келлертъ* отлилъ его по рисунку славнаго *Жирандона*. Подножіе, въ 30 футовъ вышиною, поддерживало памятникъ сей. Времена шли мимо и щадили его; но пришла пламенная буря мятежныхъ страстей, и, вмѣстѣ съ благоденствіемъ народа, истребила всѣ памятники дѣлъ и славы Государей!.... Однако рѣки, сколько ни бушуютъ въ шумныхъ разливахъ, сколько ни опустошаютъ окрестностей; но рано, или поздно возвращаются въ берега свои, и съ сугубой покорностью по прежнему склоненію текутъ: то же самое бываетъ и съ страстями человѣческими. Наполеонъ обуздалъ самоволіе Французовъ, и на развалинахъ *Людвика* воздвигъ памятникъ себѣ. — Вотъ сей дивный столпъ, сооруженный въ недавнія времена. Поперечникъ его 12, а высота 133 фута!... На самомъ верху стоялъ бронзовой *Наполеонъ*. Онъ представленъ былъ опершимся на мечъ; мечъ подломился—и *Наполеонъ* упалъ —и съ какой высоты, и какъ низко упалъ!—Побѣда, которую онъ держалъ въ рукѣ, упала вмѣстѣ съ нимъ. Вотъ новое доказательство, что побѣды только возносятся, а не поддерживаютъ! Говорятъ, что столбъ сей сдѣланъ будто бы изъ пушекъ, завоеванныхъ въ 1805 году.

Какъ бы то ни было, но столпъ красивъ и величавъ. Воздвигнутый въ память войнъ Германскихъ, онъ имѣетъ въ себѣ что-то свойственное памятникамъ глубокой древности, что-то Римское: важное и поразительное.

Онъ сооруженъ по примѣру столповъ Траяна и Антонина. Внутри лѣстница, по которой можно взойти на самой верхъ. Снаружи множество *барельефовъ* или отливныхъ мѣдныхъ картинъ, изображающихъ *Наполеона* въ разныхъ случаяхъ *военной жизни его*. — Я еще разъ скажу, что нельзя безъ особеннаго изумленія смотрѣть на это величественное произведеніе искусства, готовое спорить съ теченіемъ вѣковъ, и пережить множество поколѣній гордыхъ и скудельныхъ человѣковъ!.....—Но что за великолѣпныя зданія, увѣнчанныя густою зеленью, деревья, показываются тамъ влѣво.—Это дворецъ и садъ Тюльерійской. Поспѣшимъ посмотреть его. Хорошо; но пойдемъ прежде назадъ, пройдемъ чрезъ *площадь карусельскую* и взглянемъ на нее.—Идемъ!—

ПЛОЩАДЬ КАРУСЕЛЬСКАЯ.

Вотъ чистая, пространныя, красивая площадь, которая теперешнее названіе получила отъ того, что еще Лудовикъ XIV, въ молодости своей, забавлялся на ней рыцарскими играми древнихъ каруселей. Наполеонъ, уничтоживъ кучу старыхъ строеній, придавъ ей много красоты и пространства. Здѣсь-то любилъ онъ дивить и забавлять народъ Парижской блестящимъ строемъ своей гвардіи. Извѣстной *Изабе* обезсмертилъ въ знаменитой картинѣ Наполеона и гвардію, представивъ ихъ въ полномъ воинскомъ блескѣ на этой площади, которая, разстилаясь предъ самымъ дворцомъ Тюльерійскимъ, ограждена красивою рѣшеткою. О площади довольно; но скажемъ о томъ, что почитается главнѣйшимъ украшеніемъ ея. Противъ самой середины устроены пышныя триумфальныя ворота по образу знаменитыхъ вратъ *Септимія Стѣвера*; и на сихъ-то воротахъ представлена колесница, управляемая двумя позлащенными *богинями победы*, и запряженная *четырью*

бронзовыми конями. Ни колесница, ни побѣды, новыми Французскими художниками сдѣланныя, не останавливаютъ знатока; но *кони* заслужаютъ полное удивленіе его, дивя и изумляя даже и не знатоковъ.

Они полны огня и жизни, сіи четыре коня!... Какая красота въ статяхъ, какая правильность въ размѣрѣ!... Мы видимъ ихъ на полномъ бѣгу, или лучше сказывать, на полетѣ!... Кажется слышишь, какъ храпятъ и сарпаютъ, и видишь съ искрами дыма!—Сіе совершенное произведеніе древнѣйшихъ художниковъ перешло изъ вѣка въ вѣкъ, и почиталось драгоценнѣйшимъ трофеемъ разныхъ побѣдъ.—Чудесна судьба сихъ коней! Сотворенные однимъ изъ величайшихъ художниковъ Греческихъ, долго украшали они великолѣпной Кориннѣ. Побѣдоносной Римъ, отнявъ у Греціи свободу и сокровища, почиталъ коней сихъ *перлою* добычи своихъ. Римъ гордился ими, доколѣ *Константинъ*, перенеся престолъ въ *Византію*, велѣлъ перевезти туда и ихъ. Изъ Константинополя перешли они на площадь Святаго Марка въ Венецію; а оттуда на площадь Тюльерійскаго дворца!—Пріятно видѣть такое уваженіе народовъ къ великимъ произведеніямъ искусства. Но странно, что уважая твореніе, часто забываютъ творца. Гомеръ и Корреджіо, которыхъ произведенія живутъ въ вѣкахъ, умерли съ голоду!—Гдѣ дарованіе, которое бы вполне награждено было при жизни?

У людей часто нужно только умереть, чтобъ сдѣлаться безсмертнымъ.—*И начинаютъ жить, со дня, какъ будутъ мертвы!*

Такъ сказалъ о великихъ людяхъ одинъ изъ почтенныхъ отечественныхъ писателей нашихъ.

ТЮЛЬЕРІЙСКОЙ ДВОРЕЦЪ.

Тюльери значитъ мѣсто гдѣ дѣлаютъ черепицу. По странному стеченію случаевъ лучшій Аѳинской садь

устроенъ былъ также на мѣстѣ *черепичнаго завода*, и назывался тоже *Тюльери* или *Семирамикъ*.—Начиная съ этого, можно бы найти множество другихъ сходствъ между Парижанами и Афинянами: одно и то же остроуміе, одна и та же вѣтренность; но тутъ мѣсто не для сравненій, а для описаній.

Средняя и древнѣйшая часть дворца построена была еще въ 1574 году по приказанію *Катерины Медицисъ*. Зданіе сіе имѣетъ на себѣ отпечатокъ своего времени. Другія части новѣе. Генрихъ IV въ 1600 г. предпринялъ строеніе славной галлерей, долженствующей соединить *Тюльери* съ *Лувромъ*, и сдѣлать изъ обоихъ первые въ Европѣ красотою и пространствомъ чертоги.

Лудовикъ XIV велѣлъ продолжати начатыя работы, и щедрою рукою разсыпалъ въ новѣйшемъ вкусѣ наружныя украшенія по стѣнамъ древняго зданія. Теперь испещрено оно цвѣтами зодчества разныхъ вѣковъ. Наполеонъ придалъ ему много блеску. Внутри, говорить, все очень великолѣпно. Прекраснѣйшею изъ всѣхъ полагають *залу Маршаловъ*, въ которой всѣ отличившіеся Наполеоновы полководцы изображены въ воинскомъ великолѣпії. Но теперь трудно войти во дворецъ; а потому пройдемъ прямо чрезъ главные стѣны (*vestibule*), украшенныя древними статуями *Меркурія*, *Минервы* и *Бахуса*, и по нѣсколькимъ ступенямъ сойдемъ внизъ прямо въ садъ.—Остановимся тутъ. Взглянемъ на дворецъ изъ саду, и осмотримъ садъ.

Мы уже въ саду; поверотимся лицомъ къ дворцу.—Вотъ длинное протяженіе строеній; вотъ огромное зданіе изъ трехъ отдѣленій, или *павильіоновъ*, составленное, и по длинѣ своей низкимъ и плоскимъ кажущееся.—Всѣ украшенія Ионическаго и Коринтскаго зодчества истощены съ этой стороны. Внизу галлерей съ портиками и статуями. Львы изъ бѣлаго мрамора стрегутъ и украшаютъ главные ворота.—Но что сказать о садѣ?—Обыкновенно восклицаютъ: «вотъ чу-

десное произведеніе славнаго *Ленотра*, вотъ прекраснѣйшій памятникъ царствованія Людовика XIV-го! Хвалятъ счастливой выборъ мѣста на правомъ берегу Сены, хвалятъ разположеніе; а болѣе всего удивляются искусству, съ какимъ *Ленотръ* сдѣлалъ свои длинныя насыпи или *террасы* для закрытія неровнаго мѣста. — Но Французской же писатель *Жиранденъ*, кажется большой знатокъ въ садахъ, не хвалитъ *Ленотра* за то, что онъ спряталъ отъ глазъ гуляющихъ въ саду и Сену, которая всегда покрыта судами и набережныя, безпрестанно кипяція народомъ, и множество другихъ вещей, которыя можно было открыть. Онъ не любитъ также въ этомъ саду излишней правильности въ расположеніи. Въ самомъ дѣлѣ, на него смотришь, какъ на картину! . . . Въ Тюльерійскомъ саду больше украшеній и прикрасть, нежели истинныхъ красотъ. Ищешь природы, и видишь—одно искусство. Деревья высоки и густы; поляны блестятъ яркою зеленью; фонтаны брызжутъ высоко; вазъ, статуй и въ разныхъ видахъ мраморовъ, множество! — Но тутъ нѣтъ того очарованія, которое плѣняетъ насъ въ Англійскихъ садахъ, и которое врядъ было ли еще извѣстно во времена *Ленотра*; но за то прославлено въ прелестныхъ стихахъ Демиля.

Впрочемъ гулять здѣсь очень пріятно. Видишь роскошнѣйшія цвѣтники, зеркало-видныя водоемы; идешь по длинной аллеѣ, и невольно останавливаешься подлѣ прелестнаго осмиугольнаго пруда или *биссейна*. Мѣсто живописное, прохладное и уединенное: дворецъ мелькаетъ издалека; вблизи лежатъ густыя тѣни. Вода свѣтла какъ зеркало. Быстро сверкаютъ мимо мелко золотыя и розовыя форели, и тихо плаваютъ бѣлыя лебеди. Изъ самой середины бьетъ водометъ наравнѣ съ вершинами деревъ и мелкимъ бисернымъ дождемъ своимъ кропитъ гуляющихъ красавицъ.

Видъ сада правильной четвероугольникъ. Боковыя *насыпи или террасы* длинны, высоки и красивы.

Съ Восточной стороны возвышается дворецъ, а къ западу лежитъ площадь Лудовика XV, украшавшаяся нѣкогда конною статуею его.—Садъ сей, такъ сказать, населенъ великими людьми и баснословными божествами! Они мраморныя, но кажется живутъ. Въ сумерки, бѣлѣя, мелькаютъ они во всѣхъ переулкахъ сада; кажется, слышишь говоръ этого мраморнаго общества и видишь движеніе его.... Миѣ нравится и свобода, съ которою здѣсь позволяется гулять. Всякой по себѣ, и какъ будто у себя. *Полиціи* никто не видитъ; но сама эта хитрая Парижская невидимка всѣхъ подслушиваетъ и видитъ.—Однако мы ужъ слишкомъ замѣшались тутъ въ саду; пора далѣе.—Взглянемъ еще разъ съ этой прекрасной террасы, которая была любимымъ гульбищемъ молодой супруги Наполеоновой; взглянемъ на весь садъ; бросимъ взоръ влѣво на быструю Сену; подивимся великолѣпію мостовъ и украшенію береговъ ея. Отсюда видны палаты Законодательнаго Сословія; тамъ извивается дорога въ Сень-Клу; а тамъ отличается златокупольной Инвалидной домъ.—Но какія тамъ рощи за площадью Согласія Лудовика XV?—Вѣтръ, идущій оттуда, приноситъ къ намъ благоуханія. Это *Елисейскія поля*!—имя, знакомое всякому, кто читалъ, что вибуди о Парижѣ. Заглянемъ въ нихъ!

Е л и с е й с к і я п о л я .

Все пространство между площадью Согласія и *Нельскою заставою* занято старинными рощами; въ которыхъ разбѣяны домики, хижинки и разные пріюты для гуляющихъ. Съ одной стороны показывается *Сена* со всѣмъ, что по ней плыветъ и около не движется; съ другой, сквозь кучи зелени, видны лучшіе дома въ Ст. Гоноре. Вотъ это называютъ здѣсь Елисейскими полями. Здѣсь-то недавно стояли биваками Козаки и Калмыки наши! Гдѣ Донъ! гдѣ *пулы* Калмыцкіе—и гдѣ Парижъ!... Какое странное сближеніе

именъ! Какія чудесныя событія! Какая черта для Исторіи!... Гульбище сіе устроено еще въ 1670 году извѣстнымъ Министромъ *Колбертомъ*.—Мы застали въ Елисейскихъ поляхъ очень мало гуляющихъ. Вкусы Французовъ переменчивы, какъ приморская погода. Благоразумнѣйшіе изъ нихъ сами сознаются, что очень часто согражданами ихъ приходитъ охота гулять тамъ, куда прежде никто и ноги не заносилъ. Часто промѣниваютъ они роскошный Тюльерійской садъ на простой сѣверной бульваръ, и блестящія обитательницы *Шоссе Дантенъ*, (великолѣпная улица, гдѣ живутъ все Парижскіе богачи), оставя прохладу и зелень, добровольно мучатся на солнцѣ и въ пыли.

Случается и такъ, что въ одномъ и томъ же саду, который вездѣ одинаково хорошъ, на одной половинѣ тѣснятся и толкаются; а на другой пусто!—Что же препятствуетъ распространиться и наслаждаться свободно прогулкою? Такъ; ничево.—Прихоть! — Такого роду прихоти называютъ въ Парижѣ *тономъ* (ton). Здѣсь говорятъ; нынѣ въ *тонъ* быть тамъ-то, говорить и поступать такъ-то: попробуй поступать иначе, сдѣлаешься человѣкомъ *худова тона*—и ты погибъ въ обществѣ *мнѣнни*, которое здѣсь однакожъ извѣстно только по названію. Не думай здравымъ разсудкомъ опредѣлять *налетныя вкусы*, вычуры и причуды Парижанъ: они суть плоды совершенной *безразсудности*!—Прежде когда Французской народъ игралъ и веселился, въ Елисейскихъ поляхъ учреждались разныя игры и празднества народные.

ФРАНЦУЗСКОЙ ТЕАТРЪ.

Туда, за *Нельискую застану* ушло солнце. Возвращаясь назадъ чрезъ Тюльерійской садъ, я приостановился на минуту, и сквозь всю длину главной аллеи смотрѣлъ на заходженіе его. Длинныя лучи, простиравшіеся отъ самаго края запада, позлативъ на мигъ

отдаленную зелень древесныхъ вершинъ, и быстро опять сокращаясь, слились въ огромной золотой шаръ, и скрылись за алое облако. — Тихія сумерки, неся росу и прохладу, потушили пылающій блескъ вечерней зари и ночь наступила. Но здѣсь никогда не видать ночи въ полной темнотѣ ея: повсемѣстныя освѣщенія спорить съ мракомъ. Едва установились сумерки, и тысячи огней засвѣтились на пасмурномъ пространствѣ обширнаго Парижа: мы пошли домой.

Входя въ улицу *Ришилье*, которая спѣшитъ освѣщаться, вспоминаемъ, что тутъ же, подлѣ Пале-Рояля, почти насупротивъ квартиры нашей, *Французской театръ*. Какъ не зайти!... Днемъ проходя мимо, я видѣлъ его облѣпленнымъ множествомъ красныхъ, синихъ, голубыхъ и бѣлыхъ афишекъ, и не подивился наружности его, которая довольно проста. Теперь вхожу въ средину, и люблюсь прекрасною залою. — Афиша говоритъ, что играть будутъ трагедію извѣстнаго *Ренюарда* (сочинителя трагедіи Рыцарей храма,) подъ заглавіемъ: *Собраніе чиновъ Франціи въ городѣ Блуа*. Главныя дѣйствующія лица представлять будутъ *Талма, Рокуръ, Ст. При и Лафонъ!!!* Каждое изъ сихъ именъ окружено блескомъ достойной его славы. Дрожу отъ вѣтеритѣня увидѣть тѣхъ, о которыхъ такъ много слышалъ и читалъ. — Между тѣмъ, смотря на афишу, вспоминаю историческое происшествіе, послужившее предметомъ трагедіи. — Оно относится къ тому времени, когда *кромолъ*, извѣстная у Французовъ подъ словомъ *Ligue*, глубоко пустила корни свои въ суевѣрномъ и страстномъ къ мятежамъ Парижѣ. Надѣвъ личину ревностнаго усердія къ исповѣданію Католическому, она склонила на свою сторону Испанцовъ, вступила въ сношеніе съ Папою, и злобно вооружилась противу Протестантовъ.

Многодоблестный Генрихъ Наварской, извѣстный потомъ подъ именемъ *Генриха IV*, предводительствовалъ сими послѣдними, имѣя храброе войско за *Лоарю*.

Честолюбивой, хитрой, дерзкой, но еще нѣкоторой отѣнокъ рыцарскаго благородства сохранившій, *Гизъ* былъ главою сонма крамольниковъ. Властолюбивая, гордая и хитрая *Медицисъ*, во имя слабаго сына своего, управляла Франціею. Для прекращенія мятежей и соглашенія мнѣній она назначила съѣздъ начальникамъ всѣхъ сторонъ въ городъ *Блоа*, что на *Лоаръ*, немного пониже *Орлеана*. Чины съѣхались. Всякой привезъ съ собою своихъ единомышленниковъ, свои виды, выгоды, страсти и добродѣтели. Искусное изображеніе сплетенія, оборотовъ и сильнаго междуусобнаго боренія разнообразныхъ страстей, должно быть основаніемъ, душею трагедіи. — Но вотъ рукоплесканіе умножается, занавѣсъ колеблется—мы увидимъ всѣ страсти въ лицахъ. Открывается галлерей *Блоасскихъ* палатъ, недалеко отъ залы, гдѣ чины имѣютъ засѣданія.

Вотъ Королева мать, вотъ *Медицисъ*! Зрители громкимъ рукоплесканіемъ привѣтствуютъ *Рокуръ*; а мнѣ кажется, что это вышла точно сама *Медицисъ*!... Поразительное величіе, поступь, осанка, голосъ, взглядъ, приемы: все показываетъ Королеву, и Королеву глубоко постигшую науку читать въ сердцахъ и управлять страстями. Она открываетъ *Крильону*, (котораго представляетъ стройной громогласной *Сен-При*), важное наиѣреніе употребить данную ей сыномъ ея Королемъ власть на укрощеніе буйныхъ замысловъ мятежнаго честолюбца—*Гиза*. Тутъ же обнаруживаетъ она и ненависть къ *Генриху*; но уступая пользамъ Государства, скрываетъ опять вражду, и приказываетъ *Крильону* выѣхать къ нему на встрѣчу. — Явленіе второе еще любопытнѣе. Входитъ *Тальма*—это самъ *Гизъ*! Небольшаго росту, но живой и блестящій. Какой входъ! Быстро, смѣло, съ лицомъ, полнымъ бодрости и надежды, онъ вошелъ—и толпа разступилась. Всѣ заговорщики по сторонамъ: онъ въ срединѣ; бросилъ взоръ — и обозрѣлъ сердца; бросилъ другой—и прочиталъ души!

—Лучше этого не может войти никакой начальник заговора.—Еслибъ я и въ сію минуту ушолъ изъ театра, то все бы имѣлъ право сказать: я видѣлъ *Тальму*! Но я остался, и восхищался прекрасными подробностями чудесной игры его. Онъ и Г-жа *Рокуръ* достигли до непонятнаго совершенства входить въ представляемые ими лица. Кажется, что какая нибудь волшебная сила точно превратила перваго въ *Гиза*, а другую въ *Медвись*.—Каждая мысль, каждой отгѣнокъ мысли автора, выражены совершенно. Переходы изъ страсти въ страсть искусны до превосходства.—Измѣненіемъ лица, взорами и движеніями они говорятъ почти столько же, какъ и языкомъ. — Смотрите, какъ *Гизъ* таитъ свои и открываетъ намѣренія другихъ! Уже онъ ощупалъ всѣ струны сердца, уже наводитъ ихъ на желанной строй... Какое *двуличіе* въ одинъ и тотъ же мигъ!... Смотрить на право—великъ, благороденъ, говорить о любви къ отечеству, о счастіи народа, блеститъ очаровываетъ, плѣняетъ; оглянулся въ лѣво — совсѣмъ другое лицо: лице заговорщика, хитреца! — Тутъ въ полголоса даетъ наставленіе, какъ обманывать, пронырять, подкупать!—

Вотъ остается онъ одинъ съ братомъ своимъ *Мае-номъ*, которой не задолго предъ тѣмъ поклялся *Королевъ* въ вѣрности. *Маеъ* хочетъ выведать у *Гиза* тайну намѣреній его. *Гизъ* разсуждаетъ, говоритъ, но не проговаривается, и вдругъ какъ будто спохватясь, восклицаетъ:

..... Que me demandes-tu?—
 «Par les vents, par les flots de tous cotés battu,
 Le vaisseau de l'état lutte contre l'orage;
 Dans les nombreux périls, si voisins du naufrage,
 Chaque hasard nouveau veut de nouveau moyens.
 Eh! comment t'expliquer la route, que je tiens?
 Interroge les vents, les écueils et l'abîme!»—

«..... О чемъ ты вопрошаешь?

«*Корабль отечества*, доставшись бурямъ въ плѣнъ,

«Волнами, вѣтрами, отсюду утѣсненъ;—

«Среди грозящаго ему въ пучинахъ бѣдства,

«Для разныхъ новыхъ золъ потребны новы средства—

«И какъ тебѣ сказать, какой я *путь* избралъ?

«Распрашивай о томъ у вѣтровъ, безднъ и скалъ!»—

—

Появленіе *Лафона*, или, все равно, Генриха IV, даетъ новой видъ и блескъ трагедіи. Окруженный славою и благословеніями народа, съ чистою совѣстію, съ ясною веселостію въ лицѣ, приходитъ онъ, провозглашая миръ. Сей голосъ раздражаетъ *Гиза*. Онъ хмурится и отходитъ, какъ мрачная туча, уносящая съ собою громы и молніи.—Слѣдуютъ разныя явленія. Но верхъ любопытства въ трагедіи есть свиданіе Генриха съ Гизомъ. Вотъ, гдѣ видна противоположность свойствъ!.... *Одинъ*, какъ свѣтлое Майское утро; *другой*, какъ бурной осенній вечеръ. Оба храбры, оба хранятъ законъ чести; но тотъ благороденъ по сердцу, а этотъ по расчетамъ. Генрихъ говоритъ только о мирѣ,—счастіе народа есть милая мечта его; Гизъ дышетъ только войною поработить и властвовать—вотъ цѣль его усилій.—Желалъ бы я, чтобъ всѣ цари міра услышали, какъ Генрихъ говорилъ о выгодахъ спокойствія, о благополучіи Государствъ. Это не тотъ Государь, который знаетъ о состояніи народа только послуху, и вѣритъ счастію его въ разкрашенныхъ разсказахъ льстецовъ, нѣтъ: Генрихъ жила въ хижинахъ, былъ другомъ и отцомъ поселянъ.

Онъ былъ очевиднымъ свидѣтелемъ, какъ раздоры терзали общества, какъ мятежи зажигали пожары, и войны ходили по селамъ и градамъ.... Онъ зналъ, какія раны нанесены отечеству въ сіи времена нестроительства и опустошеній. И на сія то раны хотѣлъ онъ излить весь рывъ спасительнаго цѣленія мира.—Гизъ не могъ не убѣждаться святыми истинами, которыя

въ прелестныхъ стихахъ лились изъ устъ Генриха; но страсти и упорство оковали сердце его. Разговоръ начался привѣтствіями, продолжался споромъ, а кончился вызовомъ на поединокъ. Генрихъ охотно жертвуетъ жизнью для блага отечества. Коварной и безпокойной *Гизъ*, оставшись одинъ съ заговорщикомъ *Домалемъ*, даетъ ему наставленія осторожности:

«Que rien ne laisse en vous soupçonner nos projets,
«Parlez peu, jugez tout, et n'écrivez jamais!»—
«Глубоко тайну скрой: умъ, слухъ и взоръ впередъ
«Во все; но ничего бумагъ не вѣрай!»—

«Глубоко тайну скрой; будь скромнѣе, разсуждай,
«Стрегись—и ничего бумагъ не вѣрай!»—

Третье дѣйствіе имѣетъ много блеску: его явленія—прекрасныя картины!—Медицисъ, въ полномъ сіяніи своего сана, Генрихъ, Гизъ и весь дворъ, вмѣстѣ и порознь, являются глазамъ. *Рокуръ* играетъ чудесно!... Приведи дикаго человѣка, — онъ взглянетъ на нее и скажетъ: это царица!... Генрихъ такой храброй и великодушной воинъ, такой доброй Государь, такой благородной человѣкъ, что мысленно падаешь къ стопамъ его!... Гизъ начинаетъ уже очень ненавидѣть, эта ненависть есть вѣнецъ *Тальми* и лавръ *Ренуарда*!

Четвертое дѣйствіе открываетъ успѣхи происковъ и коварствъ. *Собраніе чиновъ* отвергаетъ миръ; *крамола* торжествуетъ; народъ мятется; война гремитъ.... Но *топоръ* и *плаха* уже готовы. Встревоженная Медицисъ беретъ рѣшительныя мѣры: она заманиваетъ Гиза въ сѣть и—онъ безъ головы!... Въ пятомъ дѣйствіи толпа заговорщиковъ съ шумнымъ нетерпѣніемъ ожидаетъ выхода Королевы, полагая, что она уступить тронъ *Гизу*—Величественна и важна, исполнена надежды и твердости, Она идетъ прямо къ заговорщикамъ. — «Гизъ будетъ нашъ Король!» закричалъ одинъ изъ равностѣйшихъ бунтовщиковъ. — «Гизъ мертвъ!» спокойно отвѣчала Королева, и бросила такой

взглядъ, которой слѣдѣннлъ самые пылкіе умы. — «И тронъ спасенъ!»—прибавила она, и еще другимъ, молніи подобнымъ взоромъ, убила совершенно дерзость. — Сердца упали, руки опустились. — Въ этомъ явленіи увидѣлъ я вертъ искусства. Генрихъ возвращается съ побѣдою; но жалѣетъ *Гиза*, котораго страсти завлекли въ заблужденіе.

Я показалъ только общій ходъ трагедіи и игры актеровъ; но сколько прелестныхъ подробностей, обворожительныхъ оттѣнокъ въ томъ и другомъ!—Признаюсь, я готовъ сказать, что Г-жѣ *Рокуръ*, *Талъмъ*, *Лафону*, *Сен-При* нѣтъ подобныхъ на свѣтѣ, и сказалъ бы это вѣрно, когдабъ не видалъ нашей *Семеновой*, и не зналъ *Яковлева*!—Нашъ Г-нъ *Зловъ* въ своемъ родѣ, не уступитъ также многимъ Парижскимъ актерамъ, хотя они и превосходны во всѣхъ родахъ.—Театръ былъ наполненъ зрителями, а зрители полны восторгомъ. Французы вообразили, что опять живутъ въ вѣкъ Генриха IV. Партеръ отъ него безъ ума. Музыка безпрестанно играла пѣсню: *Vive Henri quatre*, и рукоплесканіямъ не было конца. Трагедія, имѣвшая совершенной успѣхъ, совершенно онаго достойна!—Честь и слава благородному Ренуарду!

П А Р И Ж Ъ...

Площадь Согласія, или по прежнему *Людвика XV*, есть одна изъ великолѣпнѣйшихъ Парижскихъ площадей. Она расположена между Тюльерійскимъ садомъ и Елисейскими полями. Многія прекраснѣйшія зданія представляются тутъ глазамъ. До Революціи путешественники ходили сюда смотрѣть конную статую *Людвика XV*.

Но отъ чего при первомъ шагѣ на эту площадь всѣ струны сердца моего, въ сильномъ потрясеніи, издають самой печальной звукъ? Отъ чего тысяча мыслей и тысяча напоминаній съ быстротою молніи сверкаютъ

въумѣ?—Двадцать, покрытыхъ кровью и преступленіями
лѣтъ разступаются предо мною, и я вижу—*прошедшее*,
—Въ мысляхъ моихъ обновляется картина паденія ве-
ликой державы!... Прекрасная жнѣщина, обремененная
гнѣющими язвами, которыя не имѣя средства увраче-
вать, покрываетъ блестящею одеждою: *вотъ истинное*
подобіе тогдашней Франціи!... *Духъ наружности*
облекалъ ее полудою внѣшняго счастія; а духъ разру-
шенія огненными бурями дышалъ въ нѣдрахъ ея.
Всѣ основы древняго порядка тлѣли, шатались и па-
дали. Переворотъ, постигшій Францію, начался пере-
воротомъ коренныхъ мнѣній и общихъ понятій.—
Своекорыстіе (*l' égoïsme*) и *суемудріе* суть двѣ главные
пружины, двигавшія всѣми колесами адской машины—
революціи!—Всякая мыслящая голова и всякое чувстви-
тельное сердце во Франціи сознается въ этомъ. Такъ,
изъ сихъ-то двухъ адскихъ источниковъ подыались тѣ
губительныя испаренія, которыя породили тяжкія бо-
лѣзни для цѣлаго Государства и смерть для нѣкото-
рыхъ частей. — *Своекорыстіе* заглушило небесныя
поученія вѣры, воспалило въ людяхъ неисцѣльную
жажду къ деньгамъ, къ собственнымъ выгодамъ, и
оградило сердца ихъ жесткою корою равнодушія. Тогда
всѣ поученія Евангельскія унапали на камни, и *милос-*
ердіе, жалость и любовь къ ближнему не могли уже
болѣе входить въ души ожесточенныхъ. Тогда показы-
вались страшныя явленія въ обществѣ: люди безъ
заслугъ, дарованій и просвѣщенія, пользовались неиз-
чѣтными выгодами богатства въ то самое время, какъ
заслуги, дарованія и просвѣщеніе стѣнали въ ужасной
нищетѣ!... Безпечные сыны роскоши съ улыбкою
смотрѣли, съ высоты великолѣпныхъ чертоговъ своихъ,
на заслуженныхъ кавалеровъ Святаго Людовика, испол-
няющихъ должности простыхъ поденщиковъ. (Смотри
путешествіе Стерна во Францію). — Таковы были слѣд-
ствія своекорыстія!...

Но роковую печать гибели наложило на Францію *суетумудріе*. Принявъ на себя пышное названіе *философіи*, оно напоило ядомъ всё писаніе того времени, и превратило понятія о вещахъ. — Забавляя народъ блескомъ лжеумствованія, оно отнимало животворительную силу у сущности законовъ, постановленій и священных обрядовъ. — Народъ, потерявшій чистыя понятія, не раздѣльный съ чистотою нравовъ, бродилъ въ глубокой ночи заблужденій. Сія же тьма пала и на очи управлявшихъ судьбою Франціи. Ощупью искали они способовъ двигать разслабленными пружинами Государства, и часто для утѣшенія народа, страдавшаго уже тайнымъ предчувствіемъ бѣды, золотили кровли тѣхъ зданій, которыхъ стѣны, дряхлѣя, упали!... Но вскорѣ тайныя замыслы лжеумствователей сдѣлались явны, и *суетумудріе*, пріявъ дерзость и видъ *безвѣрія*, нагло поколебало древнюю святость оларей. Оскорбленная *вѣра* съ громкимъ рыданіемъ удалилась во глубину пустынь. Зашумѣли страсти и запылали мятежи.... Таковы были послѣдствія *суетумудрія*!!... Съ высоты разгнѣванныхъ небесъ низпало оно въ видѣ свѣтлой *апокалиптической звѣзды*, изъ которой воскурился густой мракъ, затмившій сіяніе истины и очи несчастнаго народа. — Тогда великая книга прошедшаго, со всѣми спасительными поученіями своими, закрылась навсегда отъ нечестивыхъ взоровъ утопавшихъ въ развратѣ людей. — Французы забыли исторію Грековъ и Римлянъ, забыли лютыя послѣдствія домашнихъ неустройствъ.... Дерзко отреклись они отъ Бога, и гордо вызвались быть творцами собственнаго счастья. — Потемнѣли небеса мятежной земли; померкли послѣдніе лучи благоденствія; тяжело воздыхали храмы Божіи, и громко сѣтовали чертоги царей. Изступленное *буйство* одною рукою сорвало тронъ, а другою воздвигло *эшафотъ*. — Здѣсь, на *площади Людовика XV*, возвышалось сіе ужасное орудіе гибели добродѣтельнѣйшаго изъ Государей. Сюда столпился безчисленой народъ,

сюда привели невинную жертву. *Сынъ Людовика Святаго иди на небо!* сказалъ пастырь церкви, благословившій Людовика XVI въ послѣднюю минуту жизни его. Блеснула сѣкира, пала глава священная, небо приняло къ себѣ добродѣтель, и порочные Французы уже не видали съ тѣхъ поръ прелестнаго образа ея. На нихъ и на чадъ ихъ пала кровь порфирнаго страдальца!—Огнемъ и кровію очищался народъ. Поколѣніе преступниковъ исчезло въ буряхъ мятежей.— Кто напишетъ чудесную картину неслыханныхъ превратностей!... На самой этой площади, гдѣ бѣснующійся *Парижъ*, окунувъ руки въ крови Короля, дерзкими стопами попираетъ величіе трона его, на сей самой площади Александръ I, Государь отдаленнаго Сѣвера, заставилъ гордой градъ сей съ уничиженнымъ смиреніемъ преклонить колѣна и лобызать слѣды пролитой имъ крови!—Нѣтъ, ничего не можетъ быть разительнѣе дивнаго стеченія такихъ великихъ и небывалыхъ обстоятельствъ!... Годы мрачные, какъ бурныя осеннія ночи, годы, полные крови, слезъ, оружія и огня прошли какъ страшная гряда гремящихъ облаковъ. Давно невиданная заря счастья занимается надъ *Парижемъ*: Людовикъ XVIII на тронѣ предковъ своихъ!.... Мнѣ кажется всего приличнѣе рассказать тебѣ здѣсь и теперь же все, что знаю любопытнѣйшаго о прибытіи Государя этого въ *Парижъ*.

Прибытіе Короля въ Парижъ ознаменовано было различными торжествами. Казалось, что всѣ сердца летѣли во срѣтеніе ему, и непритворная радость была искреннѣйшимъ чувствомъ cadaго и всѣхъ. Любопытны многія мѣста изъ недавно-сказываемыхъ рѣчей. —Баронъ *Шаброль*, Префектъ Сенскій, при поднесеніи ключей города *Парижа*, говорилъ слѣдующее: «Государь! общее усердіе *Парижскихъ* гражданъ повергаетъ къ стопамъ Вашимъ священные ключи отъ вратъ столицы Людовика Святаго. Небо, столь долго внимавшее тайнымъ вздохамъ и моленіямъ нашимъ, отлагаетъ

наконецъ гнѣвъ свой, даруя въ особѣ Вашей законнаго Короля народу и милосердаго отца отечеству.

«Непритворное участіе возбуждаемое въ каждомъ при видѣ добродѣтели, гонимой рокомъ, и свѣжее напоминаніе о недавно еще прошедшихъ бѣдствіяхъ, привлекаютъ всѣ сердца къ подножію престола Вашего Величества и ручаются за прочность и незыблемость священнаго трона сего!»

По случаю возстановленія монумента Генриха IV сказано: «Лишь Генриха IV, столь долго скрывавшійся отъ насъ, наконецъ является опять глазамъ восхищеннаго народа. Воспоминая, при видѣ его, о прошлыхъ буряхъ и несчастіяхъ, сугубо наслаждаемся настоящимъ благополучіемъ.»

Вступя въ кафедральную церковь, Король услышалъ слѣдующее: «Государы! здѣсь нѣкогда одинъ изъ предковъ вашихъ приносилъ жертвы и моленія строителю міровъ. Угодны были небесамъ моленія сіи и Всевышній даровалъ ему сына Людовика XIV. Предъ симъ же самымъ олтаремъ изливалась молчаливая скорбь наша. Слезы и моленія свои проливали мы въ тайнѣ; но милосердый Богъ, внуша оныя, наградилъ насъ *въ явь* возвращеніемъ Людовика XVIII!»

Въ другой рѣчи замѣтилъ я слѣдующія выраженія: «Государы! ты обновилъ олтари церкви, какъ Богъ обновляетъ престолъ отцовъ твоихъ. Служить Богу и Королю: вотъ клятва вашихъ душъ! Весь *Парижъ* произноситъ ее едиными устами.»

Тайлеранъ говорилъ Королю: «Всѣ сердца стремятся во срѣтеніе вамъ. Бываетъ радость, которую никакъ нельзя чувствовать притворно. И такая-то радость наполняетъ теперь Французской народъ!... Великія бѣдствія терзали достояніе предковъ вашихъ. Двадцать разрушительныхъ годовъ оставили по себѣ слѣды ужаснаго опустошенія. Тронъ вашъ воздвигается на развалинахъ. Человѣкъ обыкновенной содрогнулся бы при видѣ столь великаго несчастія на-

рода, которому онъ долженъ возратить потерянное благополучіе. Такъ, потребно мужество необычайное, чтобъ принять на себя обязанность возстановить порядокъ, до такой степени разстроенной, ошастливити народъ столь злополучной, и закрыть глубокія, еще дымящіяся раны отечества!»

Король, входя въ Парижъ, вводитъ съ собою *вну*, почтеніе къ святынямъ, просвѣщеніе и блаже нравы. Онъ говоритъ Ректору Университета: «Половинное просвѣщеніе ведетъ всегда къ заблужденіямъ, но полный свѣтъ онаго открываетъ истину. Совѣтую Университету, занимаясь науками, не забывать и *нравовъ*. Примѣръ же чистѣйшій нравственности пусть беретъ народъ мой съ меня и моего семейства!» — Вотъ какъ говоритъ Король!.... «Когда потеряете знамена, говоритъ Геврихъ IV войнамъ своимъ: то послѣдуйте за симъ *блжж перомъ*, (которое украшало шляпу его): оно всегда будетъ на пути чести и славы!» — Французы потеряли теперь знамена добродѣтели, побѣждены пороками, окованы развратомъ, не знаютъ истиннаго свѣта, не видать стезей истины; но Лудовикъ XVIII взываетъ къ нимъ: «Идите тѣмъ путемъ, на которомъ увидите меня съ семействомъ моимъ, и вы будете всегда на пути добродѣтели!» — Предокъ велъ войско свое къ славѣ; потомокъ обѣщаетъ вести цѣлый народъ къ добродѣтели. Хвала обоимъ; но великая честь будетъ послѣднему, если успѣетъ въ многотрудномъ предпріятіи своемъ!...

Недавно народъ столпился на *Карусельной площади* и громкими восклицаніями радости вызывалъ Короля. Онъ показался, положилъ правую руку на сердце, а лѣвую поднялъ къ небу. Черезъ это хотѣлъ онъ выразить, что любовь его къ народу столь же велика, какъ и благодарность къ Богу. Народъ оцѣпенѣлъ отъ восхищенія. — «Какое величественное зрѣлище! восклицали многіе: смотрите! смотрите! какой доброй у насъ Король, а мы не хотѣли признавать его!» — говорили

одни.—«И на кого промѣняли было мы его!» восклицали другіе. — Во многихъ мѣстахъ клики восторга прерывались рыданіями. Чтожъ дѣлается теперь съ тѣмъ, на кого легкомысленные Французы промѣняли было добраго Короля своего, что дѣлается съ *Наполеономъ*?—На этихъ дняхъ получено извѣстіе, что въ *Авиньонъ* народъ съ бѣшенствомъ напалъ на карету его. «Отдай нашихъ братьевъ, отцовъ, супруговъ и дѣтей!» кричали со всѣхъ сторонъ. Союзные Коммисары едва могли успокоить озлобленной народъ.—Невольно приходятъ на мысль слова знаменитаго Мора о Наполеонѣ и народѣ Французскомъ. Видя неистовые поступки Корсиканца, онъ говорилъ еще въ Америкѣ: «скоро человѣкъ сей (Наполеонъ) покроетъ стыдомъ и «поношеніемъ имя Франціи; скоро совѣстно будетъ называться Французомъ. Онъ сзываетъ на главу несчастнаго отечества моего проклятія вселенной. Скоро «Французы сдѣлаются несчастіе Жидовъ, и еще съ «большимъ ожесточеніемъ гонимы будутъ всѣми народами земли!»—Слова эти легко бы могли сбыться въ точности, когдабъ рука великодушія не извлекла Франціи изъ бездны гибели ея.—Теперь большая часть Парижа опять поетъ и веселится. Появляется много пѣсенъ въ честь *Лилии*. Въ одномъ *Водевиль* названномъ *Возвращеніе лилии* поютъ:

Украшенье сада,
Всѣхъ цвѣтовъ милѣй,
Радость и отрада
Былъ мнѣ *кустъ лилей*...
Меркнетъ блескъ лазуря,
Гаснетъ дневой свѣтъ;
Налетаетъ буря
Съ корнемъ рветъ мой цвѣтъ! и проч:

Далѣе описывается возвращеніе прекрасной погоды и *лилей*!... Видишь, какъ Французы привѣтствуютъ знаменитаго гостя своего—Короля! по Русской пословицѣ: мягко стелютъ, да не жестко ли будетъ спать!... Однако, кажется одумались, и Наполеона бранятъ безъ

пощады.—Не давно выведена была на театрѣ отчаянная мать, потерявшая трехъ сыновей на войнѣ, и съ безпокойствомъ вопрошающая лекаря о здоровьи послѣдняго. Лекарь, осмотра, говоритъ, что молодой человекъ совершенно здоровъ. «Онъ здоровъ!» какое «лютое бѣдствіе! онъ здоровъ! Боже, Боже мой! для «чего онъ не боленъ?... Онъ здоровъ и не минуетъ «конекрипци, и умретъ на страшномъ полѣ беззаконной войны!»—Вотъ самая рѣзкая черта ужаснаго времени, самой жестокой упрекъ насильственной власти!.... Хорошо, что Французы почувствовали разницу между блескомъ молніи и свѣтомъ солнца!...

П А Р И Ж Ъ .

О п е р а .

Кардиналъ *Мазаринъ* первой ввелъ во Францію *Оперу*, извѣстную до толѣ только въ Италіи. Въ 1646-мъ году Италіянскіе актеры въ первой разѣ забавляли Дворъ.—Вскорѣ изобрѣтены удивительныя машины, которыя въ послѣдствіи усовершенствовались до чудесности. Музыкальныя творенія *Люлли* и *Рамо* долго были единственными сокровищами этого театра. *Глукъ* и *Пичини* появились послѣ нихъ. Каждой изъ обоихъ имѣлъ за себя множество голосовъ. Французы спросили съ жаромъ о преимуществѣ дарованій, и сей-то споръ произвелъ двѣ стороны, извѣстныя подъ именемъ *Глукистовъ* и *Пичинистовъ*. Но споръ прошумѣлъ и кончился; а сочиненія обоихъ музыкантовъ обогатили навсегда оперу Французскую.—Въ другомъ отношеніи прославился *Вестрисъ* и *Гардель*. Первый особенно въ чудесныхъ пляскахъ своихъ, искусными тѣлодвиженіями, умѣлъ выражать всѣ оттѣнки чувствъ и страстей, умѣлъ, такъ сказать, *говорить глазами зрителей*.—Теперешній Оперный домъ построенъ уже въ 1793-мъ году. Снаружи нельзя узнать, чтобъ это былъ храмъ Музъ; но за то, побывъ внутри, признаешься что это точно храмъ Музъ и вмѣстѣ храмъ очарованій.

Здѣсь-то представляются восхищенныхъ глазамъ вашимъ всѣ измѣненія природы, всѣ чудесныя картины этого и того свѣта. Тутъ часто видятъ свѣтлый *Олимпъ*, украшенный всѣмъ, что небо имѣетъ въ себѣ прелестнаго, и въ слѣдъ за симъ является мрачной *адъ* со всѣмъ, что только есть въ немъ ужаснаго. Вѣчное пламя стелется по глубокимъ мракамъ подземной ночи: картина ужасная! Но вдругъ является картина очаровательная: Вѣчная весна, неувядаемая зелень, прелестное жилище радостей представляется глазамъ вашимъ, и узнаете поля *Елисейскія*!... Теперь, какъ мы были въ *оперѣ*, повторилось въ балетѣ, предъ глазами нашими, плаваніе *Клеопатры* по рѣкѣ *Сидну*. — Мы вошли въ ложу; очарованіе махнуло волшебною ширинкою — и 18 вѣковъ исчезли. Поднялся занавѣсъ, пролилась рѣка—и я увидѣлъ корабль Клеопатры. Это точно тотъ, на которомъ плыла сія чудесная женщина!—Розовые, лиловые, бѣлые и голубые паруса вмѣстѣ съ радужно-цвѣтными флагами, вѣяли отъ дуновенія Зефировъ. Серебряныя весла двигались по звуку злато-струнныхъ лиръ. Амұры порхали по снастямъ. Все было въ золотѣ, въ хрусталяхъ и въ освѣщеніи!... До ста особъ появились вдругъ на сценѣ въ пестрой толпѣ дѣйствующихъ лицъ. Тѣлодвиженія или *пантомимы* довольно совершенны. Только жена Антоніева, кажется, ужъ слишкомъ ломалась. Чтобъ представить ослѣпленному страстию супругу святость его обѣтовъ, несчастіе дѣтей и собственную скорѣбь, ей бы довольно указать на небо, на дѣтей и на сердце свое.

Чрезвычайными пѣвцами опера похвалиться теперь, кажется, не можетъ. Здѣшнее пѣніе не введетъ Русскаго въ такой восторгъ, чтобъ онъ могъ забыться, забыть своего *Сажойлова*, *Злова* и не вспомнить о *Сандуновой*. Но машины и декорация неподражаемы, чудесны!...

ЛУВРЪ.

Преданія древности не умѣютъ разсказать опредѣлительно, когда и кѣмъ основанъ Лувръ. Знаютъ только, что *Диабоетръ* держалъ тамъ собакъ, *Филиппъ* запиралъ туда преступниковъ; а Карлъ V, придавъ болѣе благородства древнему зданію сему, помѣстилъ въ немъ свою библіотеку. Въ 1528-мъ году украсилъ его еще болѣе Францискъ I, и съ тѣхъ поръ помѣщались уже тамъ многіе посѣщавшіе Парижъ иностранные Государи. Генрихъ IV, велѣвъ разломать старинныя стѣны древняго Парижа, первой предпринялъ соединить *Лувръ* съ *Тюльери* посредствомъ пространной галлерей.—Лудовикъ XIV, украшавшій блескомъ побѣдъ своихъ Францію, захотѣлъ украсить и *Лувръ* такъ, чтобъ онъ былъ первымъ зданіемъ въ Европѣ. Но люди имѣютъ странной предразсудокъ искать счастья и дарованій въ дальнихъ земляхъ тогда, какъ то и другое всегда почти бываетъ у нихъ подъ рукою дома. Лудовикъ въ семъ случаѣ сдѣлалъ общую многимъ Государямъ ошибку: для украшенія Лувра выписалъ онъ изъ Рима, съ большими издержками, *Бернини*, котораго почитали первѣйшимъ художникомъ того времени. — Иноземецъ, славный за горами, не оправдалъ молвы на дѣлѣ. Вѣроятно, что пораженный древнимъ величіемъ огромнаго Лувра, онъ не нашелся изобрѣсть приличныхъ ему новыхъ украшеній. Вооруженіе его, достаточное къ произведенію красивыхъ мѣлочей, не знало гдѣ найти очарованіе, которое бѣ придало блескъ юности наморщенному вѣками челу сѣдоглаваго исполина. — *Бернини*, подивившись Лувру, на отрѣзъ отказался быть его возобновителемъ.—Но то, чего не могъ сдѣлать первѣйшій иноземной зодчій, исполнилъ безвѣстной Французской докторъ. Европа изумилась, а Франція была виѣ себя отъ удивленія и восторга, увидя, какимъ чудеснымъ великолѣпіемъ докторъ *Перольтъ* украсилъ Лувръ. Ни что не мо-

жетъ сравниться съ величественною красотою новой колонады зданія сего. Невольно вспомнишь, что и въ Австріи славное зданіе, монастырь Святаго Флоріана, построено домашнимъ зодчимъ, кажется простымъ мѣщаниномъ. Должно признаться, что ученіе раскрываетъ и поддерживаетъ великія дарованія, но не творитъ ихъ; а великія дарованія изобрѣтаютъ и производятъ художества и науки. — Умъ дѣйствуетъ и творитъ; *наука*, идя за нимъ, облекаетъ въ *правила* творенія и дѣйствія его.

Великія произведенія зодчества такъ же, какъ и произведенія поэтовъ и живописцовъ, имѣютъ непонятную силу очаровывать, утѣшать и возносить духъ человѣка, Сила эта есть свойство всего изящнаго. Смотри на Лувръ, наполняюся какимъ-то неизъяснимо пріятнымъ чувствомъ собственнаго достоинства, и радуюсь, что и я членъ просвѣщеннаго общества, которое столь блистательными успѣхами, умѣло исторгнуть себя изъ общей толпы пресмыкающихся въ прахѣ земномъ. Ахъ, еслибъ успѣхамъ ума соотвѣтствовали успѣхи добродѣтели: просвѣщенный человѣкъ конечно былъ бы благороднѣйшимъ изъ всѣхъ облеченныхъ тѣломъ твореній Божіихъ, и первымъ послѣ Ангеловъ въ священной цѣпи существъ!

Но насмотрѣвшись на вѣншній видъ Лувра, и чувствуя себя, какъ одинъ ваятель послѣ чтенія Гомера, нѣсколькими вершками выше, войдемъ внутрь, чтобъ съ благоговѣніемъ увидѣть все то, что только могла произвести совершеннаго кисть величайшихъ живописцовъ. Тутъ, въ Луврѣ, картинная галлерей, украшенная драгоценнѣйшими подлинниками, изъ всей Европы собранными. — Приготовьте духъ свой къ созерцанію, и вступите въ сей дивный храмъ искусствъ.

КАРТИННАЯ ГАЛЛЕРЕЯ ВЪ ЛУВРѢ.

Вхожу въ галлерей, и едва вижу конецъ ея! Вотъ въ одномъ мѣстѣ все то, чѣмъ славились разныя области Италіи, чѣмъ дорожили Князи и Вельможи;

чѣмъ гордились Римъ, Флоренція, Вѣна, Венеція и Неаполь.—Вотъ знаменитыя произведенія великихъ художниковъ: Рафаеля, Корреджіо, Рубенса, Веронеза, Пуссена, Вернета и Лебрюна.—Но я только назову и то нѣкоторыя изъ нѣсколькихъ сотъ рѣдкихъ картинъ, описывать же ихъ ни дара ни времени совсѣмъ не имѣю. Если получишь хотя малѣйшее понятіе о нихъ, если увидишь ихъ такъ, какъ представляютъ прелестныя виды природы въ едва постигаемой взоромъ дали, сквозь отуманенной воздухъ: то будь доволенъ и тѣмъ. Я пробылъ только одинъ часъ тамъ, гдѣ надобно провести нѣсколько недѣль, нѣсколько мѣсяцевъ, чтобъ осмотрѣть каждую картину порознь.

Но когда уже не можно тихо пройти и внимательно все осмотрѣть, то рѣшился хоть пробѣжать, и мимо-мелькомъ взглянуть на все, что тутъ есть. Лучше замѣтить что нибудь, чѣмъ не видать ничего.—Идемъ!—Вожатой, Французъ, указываетъ, какъ и должно; прежде всего *Французскую школу*.—Вотъ одно изъ лучшихъ произведеній кисти *Лебрюна*, отца сей школы! Онъ нарисовалъ Даріево семейство. Большой размѣръ, смѣлая кисть; жизни и выразительности много. Пль-ненная супруга Даріева, съ прелестною дочерью своею, упадаетъ къ ногамъ Эфестіона, сочтя его за Александра. Но самъ Александръ входитъ, несчастная узнаетъ ошибку и содрогается. Герой успокоиваетъ ее тѣми незабвенными словами, которыя текуція столѣтія пересказывая другъ другу, довели и до насъ: «Эфестіонъ, другъ мой: онъ *другой я!*» Такъ сказалъ Александръ, и можноль сказать что нибудь лучше?—Здѣсь картины *Пуссеневы*.—Живописецъ сей, не умѣя составлять блестящихъ красокъ, умѣлъ однакожь блистать искусствомъ. Рѣзкое и живое выраженіе есть печать его произведеній.

Вотъ коровы *Польпотера*: точно живыя!... Отъ чего онѣ оченъ прекрасны? Отъ того, что очень похожи на живыхъ. Никогда не должно усиливаться перемудрить

природу: подражать ей въ точности есть уже верхъ искусства!—Вотъ тутъ опять цѣлое стадо: оно ищетъ прохлады въ знойной полдень:

Спать овечки надъ рѣкою,
Съ ревомъ идетъ тучный волъ,
И въ заросшій осокою
Отдыхать ложится долъ....

Чье это лицо блѣдное, томное, выражающее душу благородную, чувствительную, но глубоко злополучіемъ пораженную? Это *Миньяръ*, которой умеръ изъязвленный жаломъ зависти его враговъ. Онъ самъ нарисовалъ портретъ свой, и тайную скорбь души представилъ такъ явно въ чертахъ лица, что всякой легко можетъ прочесть на немъ исторію жизни его.—О вы, сильные въ обществахъ люди! страшнитесь притѣснять дарованіе и не торжествуйте мгновенною побѣдою надъ нимъ! Отъ гоненій вашихъ уходитъ оно въ вѣчность, а жалобы на васъ приносятъ позднѣйшимъ вѣкамъ. Его мститель *потомство*!... Гдѣ дѣлись вы, притѣснявшіе *Тасса*? а *Тассъ* и понынѣ живетъ!... Жизнь великихъ писателей и художниковъ есть вѣчность, въ которую они переходятъ; но скоро вечерѣетъ день ложной славы временныхъ любимцовъ счастья, и ночь забвенія чернѣетъ на могилахъ ихъ. *Миньяръ* имѣлъ особенное дарованіе рисовать все въ уменьшенномъ видѣ. И теперь Французы, если хотятъ похвалить мѣлкую, миловидную вещь, то придаютъ ей названіе *Миньяръ*.

Взглянемъ сюда!—Кисть *Рубенса* изобразила снятіе со креста Іисуса. Рисовка удивительная: кровь такъ и льется... Всѣ лица живутъ.—Этотъ рядъ портретовъ кажется и дышетъ и говоритъ: не мудрено—это *Вандиковы*.—Здѣсь *Рубенсовъ Марсъ*, идущій на войну, попираетъ искусства, науки и художества; только *Венера*, удерживающая его, немного полнотѣла: общій недостатокъ всѣхъ его женщинъ. Онъ и богинь рисовалъ *Фламанками*.—*Спадъ* изобразилъ *Іудифъ* съ голо-

вою *Олоферна*, Эта картина дымится кровью и пылает ищениемъ.—Ножъ въ горлѣ, кровь брызжетъ... Я вижу убійство... *Святая Агнеса* умираетъ!... *Доминикино* представилъ смерть ея.—Посмотрите на сраженіе, возгорѣвшееся подъ кистию *Салватера Розы*. Онъ выбралъ самой ненастной день: буря на землѣ и буря подъ небесами.... Воды плещутъ на горы, горы прутъ облака, люди пронзаютъ людей... Гремящій споръ стихій и жаркая битва войскъ, сквозь дымъ и пламень, представляетъ большое сраженіе, которое не знаю какъ помѣстилось въ небольшія рамы и виситъ на стѣнѣ!...

Но вотъ благородной *Рафаель*, величественный простою, какъ Гомеръ, и блистательный отдѣлкою, какъ *Виргилій* въ стихахъ своихъ. *Порицаніе*, съ распаленнымъ завистию окомъ, спѣшитъ излить весь ядъ свой на картины его; но пораженное изящѣйшимъ совершенствомъ оныхъ, съ позоромъ влечется назадъ, скрежаща и злобясь.—Здѣсь весьма любопытно для всякаго и весьма поучительно для молодыхъ художниковъ видѣть виѣстѣ произведенія кисти *Перуджино* и великаго ученика его *Рафаела*. Послѣдній далеко опередилъ перваго!...

Вотъ совершенная красавица! кисть Рафаелова сотворила, или можетъ быть только срисовала ее... Говорятъ, что это портретъ любимицы сердца его: тѣмъ лучше! Та, которая имѣла счастье нравиться человѣку превосходныхъ дарованій, будетъ жить въ вѣкахъ, и очаровывать тысячи поколѣній земныхъ. Можетъ быть Рафаель увидѣлъ ее въ хижинѣ, и ввелъ прямо во храмъ безсмертія. Гордые современницы ея, со всѣми почестями златомъ и сокровищами, тлѣютъ въ могилахъ незнаемыхъ; а она живетъ!... *Петраркова Лаура* и *Тассова Елеонора* стали также милыми дщерями безсмертія!.....

Вотъ средняя картина между красотами земными и небесными. Рафаель изобразилъ *Святое семейство*, семейство, въ которомъ воспитанъ Спаситель людей.—

Святая Елисавета хочетъ взять у Маріи младенца, прильнувшаго къ дѣвственному лону божественной Матери. Взоры его устремлены на Святую Екатерину которая съ живѣйшимъ восторгомъ взираетъ на лице младенца, составленное, такъ сказать, изъ чистѣйшаго небеснаго сіянія; радость цвѣтетъ въ прелестной улыбкѣ его.— Въ сторонѣ Св. Іоаннъ, кажется, пишетъ сіи слова: «Сей есть сынъ Предвѣчнаго, долженствовавшій родиться отъ племени Давыдова! Въ теченія многихъ вѣковъ утѣшались народы земли таинственною надеждою узрѣть въ Немъ искупителя человѣчества!»

Но вотъ, гдѣ, говоря словамъ безсмертнаго *тѣнца Фелицы, Рафаэль изобразитель Божества*, вотъ гдѣ все земное преображается въ небесное. — Съ благоговѣйнымъ восторгомъ взираю на сіе изображеніе великаго и святаго чуда. Явижу *Спасителя* на высотѣ горы; но онъ уже не человѣкъ! Божество, сокрытое въ немъ, свѣтитъ сквозь облаченіе тѣлесное, какъ солнце сквозь густое облако, дерзнувшее заслонить его. Лучи безсмертія проникаютъ покровъ смертности. Уже онъ рдѣетъ, просвѣтляется, блещетъ... Явижу какъ исчезаетъ грубость тѣлесная, вижу какъ заступаетъ мѣсто ея чистѣйшій эфиръ; сынъ Маріи преображается въ *свѣтъ немерцаемой*! — Тамъ, въ раздранной синевѣ небесъ, парятъ Ілія и Моисей; здѣсь, у подножія горы, Апостолы, простертые во прахъ земномъ, изумлены, восхищены, поражены, ослѣплены сіяніемъ Бога, который, сокрывъ лучезарность свою подъ общимъ покровомъ смертнаго, ходилъ между ними по землѣ для совершенія великаго таинства искупленія!... Но я уже сѣтую на себя, какъ дерзнулъ описывать совершенство неописанное. Цари, любители изящнаго, не пожалѣли бы никакихъ денегъ за картину эту, но ее ставятъ превыше всякой цѣны.— Съ большимъ, однакожъ прискорбіемъ замѣтишь, что столь неоцѣненная картина не имѣетъ приличнаго мѣста: она здѣсь не въ своемъ свѣтѣ!... Въ Римѣ имѣла она свой храмъ.

Рафаель Санкціо, уроженецъ Урбинской, родился въ Великую Пятницу 1483, и въ Великую же Пятницу въ 1520 умеръ,—вѣтъ! оставилъ удивлявшійся ему свѣтъ: такіе люди, не умираютъ!

ПАЛАТЫ ВЪЮСТИТЕЛЬНАГО СЕНАТА ИЛИ ЛЮКСАМБУРГЪ.

Огромной трехъ-сотъ-лѣтній замокъ. Онъ построенъ по повелѣнію Маріи Медицисъ. Множество колоннъ и статуй украшаютъ его снаружи. Лучшій видъ изъ саду.—Безпрепятственный входъ въ Люксамбургъ дозволяется только иностранцамъ. «Сюда не ходятъ!» сказалъ привратникъ.—Да вѣдь мы иностранцы!—«Чѣмъ докажете?»—Мы заговорили по Русски; онъ улыбнулся и впустилъ насъ.—Войдя въ главные ворота, остановились, чтобъ полюбоваться прекрасною лѣстницею. Она манитъ къ себѣ. Поворачиваемся въ право, и нечувствительно всходимъ по ней въ залу *Герцоговъ и Перовъ*: такъ называютъ ее теперь. Сія зала засѣданій довольно огромна. Ряды креселъ для Сенаторовъ, и одно подъ балдахиномъ занимаемо было самимъ Наполеономъ. Здѣсь-то разсуждали, спорили, шумѣли о дѣлахъ Франціи! Теперь все пусто. Это волшебной фонарь безъ свѣчи: тѣни исчезли...

На стѣнахъ много большихъ картинъ, тщательно завѣшенныхъ покрывалами. Онѣ представляютъ побѣды Наполеоновы... Тутъ въ первый разъ отъ роду увидѣлъ я живопись на сукнѣ: это новое изобрѣтеніе!—Подхожу къ окну, и не хочется отойти отъ него: прекрасной Люксамбургской садъ на ровномъ и плоскомъ пространствѣ, какъ будто на картинѣ, представляется глазамъ моимъ. По обѣимъ сторонамъ широкой песочной дороги разостланы ковры самой яркой зелени; видъ ихъ длинные четвероугольники, а края или рамы составлены изъ цвѣточныхъ грядъ. Эти свѣжія, зеленыя площади, окруженныя цвѣтами, чрезвычайно нравятся глазамъ. Вдали представляется, какъ свѣтлое зеркало,

красивой прудъ. — Говорятъ, что садъ сей былъ прежде угрюмъ; сюда ходили люди задумываться: теперь имѣетъ онъ такой веселой видъ, что самой печальной человѣкъ не можетъ посмотрѣть на него безъ особеннаго удовольствія. — Но возвратимся, и перейдемъ отсюда въ другую половину дворца. Вотъ опять та прекрасная миловидная лѣстница, по которой мы взошли. — Остановимся и посмотримъ на сихъ необыкновенныхъ людей, которые накликавъ ужасную грозу на отечество свое, долго сражались съ нею, и наконецъ на развалинахъ древняго порядка, на огромныхъ горахъ тѣлъ, среди кровавыхъ и огненныхъ дождей, пали подъ ударами грома, которой уже напрасно старались послѣ отвести. Здѣсь собраны статуи людей, представлявшихъ первыя лица въ трагедіи революціонныхъ ужасовъ. Нѣкоторые изъ нихъ, не участвуя въ домашнихъ кровопролитіяхъ, приобрѣли истинную славу на полѣ чести и побѣдъ. Вотъ одинъ изъ сихъ мужей, полководецъ *Клеберъ*! Художникъ изобразилъ его прекрасно: осанистъ, величавъ, благороденъ; онъ кажется управляетъ еще судьбою браней въ пустыняхъ Египетскихъ; возвышенное чело его требуетъ вѣнца у безсмертія!... Вотъ *Дезе*, пожертвовавшій жизнью и славою своею въ рѣшительномъ Маренгскомъ бою. Взоръ скользитъ мимо Гоша, Дюгамье, Жуберта, Кафарели и *Марсо*. Сердце, готовя полную дань почтенія, ищетъ несравненнаго *Моро*, и не находитъ великаго мужа! Наполеонъ не удостоилъ помѣстить его здѣсь; но слава дѣлъ давно помѣстила его въ тотъ недостижимой храмъ безсмертія, котораго врата никогда не откроются и для самаго *Наполеона*. — На другой сторонѣ стоятъ законодатели (*législateurs*) Франціи, во времена величайшаго беззаконія ея. — Вотъ *Мирабо*: взглянешъ и вздрогнешъ!... Онъ представленъ тутъ въ самомъ пылу страстей. Его взоры молніи: уста его, кажется, прыщутъ искрами, которыя роняясь въ сердца, возжигаютъ пожары маетежей. — Тутъ стоятъ *Богарне*, *Туретъ*, *Барнавъ*, *Ша-*

пелье, *Кондорсетъ*, котораго называли огнедышущимъ вулканомъ, покрытымъ снѣгомъ (*un volcan couvert de neige*), и наконецъ *Верньо*, Депутатъ народнаго собранія. Человѣкъ сей, обладавшій даромъ изящнѣйшаго краснорѣчія, говорить Малербъ, привлеченъ былъ сердцемъ къ истинѣ; но тщетно усиливался внушить ее людямъ, потерявшимъ способность понимать священные уставы ея. Онъ гнался за прелестными мечтами свободы, какъ ребенокъ за свѣтлою радугою; очарованіе исчезло, и благородной мечтатель увидѣлъ себя въ вертепѣ низкихъ убійць. — Напрасно убѣдительноѣе краснорѣчіе лилось изъ устъ его: уши злодѣевъ залиты были кровью. Несчастной *Верньо* изъ круга мечтаній перешолъ въ кругъ преступленій, и погибъ, спасаясь бѣгствомъ. — Здѣсь видишь его исполненнымъ благородства и величавости. Глаза, воздѣтые къ небу, показываютъ возношеніе духа; одна рука положена на сердце, въ другой развивается свитокъ, на которомъ начертано краснорѣчивое вступленіе къ сильной рѣчи его о ясности законовъ. — Пойдемъ далѣе; но не заглядывайте въ эту боковую комнату: тамъ собирается купаться прелестная дѣвушка; протянувъ сперва прекрасную бѣлую ножку, пробуетъ она глубину ручья. Кажется видишь, какъ васильковыя жилки ходятъ отъ движенія перстовъ. . . . Но пощадимъ невинность: она такъ скромна, и *Жульенъ* творецъ ея, влилъ такъ много жизни въ мраморъ, что кажется красавица его увидя насъ, сгоритъ отъ стыда—уйдемъ! . . .

Мы вошли въ другую половину замка, гдѣ стѣны длинной галлерей украшены живописною поэмою Рубенса. Да, Рубенсъ написалъ кистію поэму, иначе не можно назвать того собранія картинъ въ которыхъ живописецъ изобразилъ всю исторію жизни *Маріи Медицисъ*. Жаль только, что силою дарованія своего обезсмертилъ онъ Королеву, не имѣвшую ни по дѣламъ, ни по уму, ни по сердцу, никакого права на безсмертіе.

Но вотъ тотъ изъ Французовъ живописцовъ, котораго картины суть картины самой природы. Если ты умѣешь вообразить себѣ страшную бурю на морѣ, то будешь умѣть представить и то, что такое *Буря Вернетова* въ картинѣ. Но съ такимъ же искусствомъ, какъ бури, умѣетъ онъ рисовать и тишину. Если ты сиживалъ на берегахъ Южныхъ морей въ тѣ прекрасные вечера, когда въ воздухѣ разливается неизъяснимая сладость; когда теплое дыханіе весны вливаетъ непонятную иѣгу въ чувства, и погружаетъ въ неопisanную роскошь сердце; когда роса, приносимая сумерками, мѣшается съ благоуханіемъ цвѣтовъ и травъ; когда отходящій день уводитъ за собою смятенную толпу суеты; когда умолкаетъ шумъ и слышится только таинственный шопотъ вечернихъ часовъ, когда... Но какъ могу я описать тебѣ все то, что увидишь и почувствуешь, смотря на *вечеръ*, снятый съ природы и положенный на холстъ Вернетомъ. Гдѣ досталъ онъ такую краску, что могъ изобразить точно сіяніе полной луны, точный серебряный отблескъ ея на разныхъ предметахъ. Какъ искусно сплалъ онъ всѣ лучи въ одинъ свѣтлый столпъ, и погрузилъ его въ тихое море! — Онъ горитъ и свѣтится еще тамъ!... Какою волшебною силою умѣлъ онъ перенести съ неба на картину *алый разливъ зари*!... А смотрите, какъ на Брестской рейдѣ заходитъ солнце! Оно, кажется, таетъ, кажется, струи растопленного золота льются въ море, и море сіяетъ въ глубь и въ ширь!... Златорозовая тѣнь ложится на всѣ окрестности. Лучшіе изъ приморскихъ Французскихъ городовъ изображены Вернетомъ чудесно! — Пусть теперь ополчаются на нихъ стихіи и время: они не страшатся ни косы времени, ни остраго зуба стихій. Если подорветъ ихъ, когда-нибудь, ужасная сила свирѣпыхъ подземныхъ огней, если потопитъ бурное разлитіе морей; они не исчезнутъ еще для свѣта, и будутъ жить въ памяти людей. Вернетъ поставилъ *изображенія ихъ* во храмѣ без-

смертія!—Такова-то сила *кисти*, *Поззіи и рѣзца*! тако-
ва сила изящныхъ искусствъ!... Она носится надъ
бездною разрушенія, какъ древле духъ Предвѣчнаго
носился надъ темною бездною хаоса!... Отличительное
искусство Верьета есть удивительная вѣрность въ
перспективѣ. Отступите нѣсколько шаговъ отъ картины,
вы увидите *возвышенія* на плоской поверхности. Го-
родъ отдѣляется отъ горъ, море отъ береговъ, кора-
бли отъ моря: вотъ искусство рисовки! Лодки, кажется,
бѣгаютъ, и люди движутся: вотъ очарованіе живописи!..

Музеумъ.

Пойдемъ увидѣть все то въ *одномъ мѣстѣ*, для
осмотру чего прежде должно было объѣздить всю
Италію; пойдемъ въ *Музеумъ*, называвшійся Наполе-
оновымъ. Тамъ-то увидимъ мы то, на что смотрѣли съ
любопытствомъ, за долго прежде; насъ, многія поколѣнія,
прошедшія по землѣ. Тамъ подивимся тому, что не пре-
ставало удивлять людей въ теченіи многихъ столѣтій,
и восхитимся тѣмъ, что восхищало, восхищало и бу-
детъ восхищать всѣхъ любителей изящнаго.—Договоръ
Толентинскій доставилъ Парижу большую часть рѣд-
костей Римскихъ. Униженная Италія уступила Наполе-
ону лучшія драгоценности изъ древняго наслѣдія своего,
вмѣстѣ съ драгоценнѣйшимъ изъ всѣхъ сокровищъ —
своею свободою. — Воспользуемся случаемъ увидѣть
теперь все чрезвычайное въ *одномъ мѣстѣ*. Пойдемъ
опять къ Лувру. Вотъ *Музеумъ Наполеоновъ*: войдемъ!

Огромное и великолѣпное зданіе сіе раздѣлено на
восемь палатъ или залъ. Описать ихъ здѣсь нѣтъ
никакой возможности; по крайней мѣрѣ назовемъ ихъ:
1) *палата Императоровъ*. 2) Палата временъ года
(*salle des saisons*), потому такъ называется, что на
потолкѣ оной изображены кистію *Романелли* четыре
времена года. 3) Палата великихъ мужей. 4) Палата
Римлянъ, получала названіе отъ картинъ, предста-

вляющихъ разные случаи изъ Римской исторіи. 5) Палата Лаоконова. 6) Палата Аполлонова. 7) Палата Діанина. 8) Палата рѣкъ (salle des fleuves) Пройдя сей Музеумъ вдоль и поперегъ, подумаешь, что совершилъ путешествіе въ отдаленныя области туманной древности. Тутъ увидишь, какъ люди одѣвались, изъ чего пили, ѣли, на чемъ сидѣли и чѣмъ убирали дома свои за нѣсколько столѣтій предъ симъ.

Здѣсь не о томъ спрашиваютъ, что тутъ увидишь; а развѣ о томъ, чего не увидишь!... Тутъ увидишь боговъ, богинь, жрецовъ, Императоровъ, мудрецовъ и воиновъ. Тутъ невольно благоговѣешь. Куда ни помотришь—или полубогъ, или великой человѣкъ!... Они тоже смотрятъ, слушаютъ, думаютъ, иныя даже говорятъ — взорами и чудесно совершеннымъ выраженіемъ лицъ! Вотъ, на примѣръ, Фаунъ: онъ съ такою умилительною улыбкою смотритъ на дитя, которое качаетъ на рукахъ; въ глазахъ его свѣтится такъ много жизни, что право не захочешь вѣрить, чтобъ онъ не былъ живой!—Я нарочно прикасался ко многимъ одеждамъ, не вѣря, чтобъ онѣ были изъ мрамора: такъ кажутся онѣ издали тонки, легки и мягки.—Но пойдемъ приобрести то право, которымъ дорожатъ многіе путешественники, право говорить: «и я видѣлъ Аполлона Бельведерскаго! и я видѣлъ Венеру Медицисъ!»

Вотъ она! вотъ эта Венера Медицисъ, которую созерцалъ несравненной Винкельманъ, которую описалъ Дюпати, и которую послѣ нихъ описывать я уже никогда не посмѣю. Но я стану на нее смотрѣть и дивиться ей вслухъ. — Аѳинянинъ Клеоменъ, какъ будто стоялъ въ то время на берегу, когда, по пѣснопѣнію Гомера и сказанію Гезіода, ужасная буря, налетѣвъ на моря, подвигла, смутила, всхолмила и превратила въ пѣну кипящую пучину водъ. Онъ видѣлъ, какъ пѣнистые холмы сошлись, слились и по волѣ Боговъ произвели на свѣтъ богиню красоты!... Смолкли бури, улетѣли тучи, радость возсіяла на лицѣ лазо-

ревыхъ морей и небеса, свѣтлою улыбкою, привѣтствовала *Венеру*, вступившую на цвѣтущіе берега *Цитеры*. — Тутъ, конечно тутъ, увидѣлъ ее сынъ *Аполлodoreвъ*, увидѣлъ, постигъ и показалъ всѣ совершенства красоты въ изваяніи своемъ. — О семъ-то *Клеоменъ* говоритъ *Плѣній*, что Римскіе юноши влюблялись въ статуи его. — Неописанное дѣйствіе имѣетъ на чувства красота! — Я вижу ее передъ собою. Съ какою быстротою восхищенный взоръ пробѣгаетъ то углублясь, то возвышаясь, по всѣмъ переливамъ обнаженныхъ выпуклостей сего прекраснаго тѣла!... Оно только что создано; пріятная свѣжесть жизни еще цвѣтетъ на немъ; еще кровь не кипѣла въ бурѣ страстей, еще сердце неувидало отъ грусти. Какая чистая рѣдкая, неподражаемая отдѣлка!... Взоръ съ быстротою молніи взбѣгаетъ съ низу на верхъ, спускается съ верху на низъ, льется по выпуклостямъ, вьется вокругъ членовъ и составовъ, ищетъ недостатковъ, и находитъ вездѣ одно совершенство!... Эта превосходная статуя еще въ XVI вѣкѣ украшала сады *Медицисовъ*. — Жаль, очень жаль, что время, случаи и небрежность нанесли примѣтной вредъ этому дивному произведенію *Греческаго рѣзца*. — Но вотъ тутъ-же, недалеко отсюда, стоитъ и другая *Венера*, *Венера Капитолійская*. И правду сказать, что есть ли *Венера Медиційская* плѣняетъ, какъ милая дѣвушка: то эта должна понравиться, какъ прелестная женщина. Въ той красоты разцвѣтающей, въ этой разцвѣтшей розѣ; та болѣе миловидна, а эта, я не знатокъ, но мнѣ кажется болѣе прекрасна; въ той нравится свѣжесть чувствъ, въ этой плѣняетъ огонь ихъ; та вышла изъ морей, гдѣ пріяла рожденіе, эта изъ купальни, гдѣ прохлаждала уже распаленное страстями тѣло свое — словомъ: та прекраснѣйшая изъ богинь, эта прелестнѣйшая изъ женщинъ; и наконецъ: если та плѣняла боговъ въ *Олимпѣ*, то вѣрно эта побѣдила соперницъ своихъ богинь на землѣ, и получила яблоко изъ рукъ восхи-

щенного *Париса*. Превосходенъ и мраморъ Паросскій, изъ котораго сотворена Венера сія: онъ чистъ и прозраченъ. Всматриваясь въ тѣло, кажется видишь, какъ жизнь ходитъ по сокровеннымъ путямъ его.— Тѣло этой Венеры еще все мокро; у ногъ лежитъ покрывало, въ которомъ мраморъ—тонкой холстъ!— Но она лучше любить осушать красы свои страстнымъ дыханіемъ Зефировъ, которые, навѣвая на нее ароматы съ цвѣтовъ, нѣжуютъ и лобзуютъ полномлечныя выпуклости роскошнаго тѣла ея.—Которая изъ обѣихъ Венеръ лучше? Не знаю! спросите у знатоковъ.

Но кто этотъ важный, величественный, прекрасной мущина? Это красавицъ между богами и богъ между людьми—это *Аполлонъ Бельведерскій*!... Какая мужественная красота въ лицѣ! какое величіе на челѣ! какой размѣръ, какая правильность во всемъ!... Онъ только что поразилъ змѣя *Тифона*, опустошавшаго окрестности Дельфійскія. Еще лукъ трепещетъ въ безтрепетной рукѣ его; еще кажется звѣнить, сотрясаясь, тетива на лукѣ. Его десница пустила стрѣлу, и съ нею смерть въ чудовище. Какъ осанистъ, какъ благороденъ побѣдитель сей! Ловкость, сила и красота видны въ пріемахъ движеніяхъ и осанкѣ его!

Поразитель Тифона, пуская стрѣлу, сдѣлалъ легкое наклоненіе вправо, и всѣ члены, всѣ малѣйшіе мускулы, долженствующіе углубиться или выказаться отъ положенія такого, ясно и живо выпечатлѣны на тѣлѣ Аполлона. Мраморъ въ рукахъ великаго художника былъ—воскъ.—Еще доселѣ не знаютъ, отколѣ взять мраморъ, изъ котораго изсѣченъ этотъ Аполлонъ: онъ превосходитъ Паросскаго и всѣхъ въ древности извѣстныхъ.—Готовясь къ нанесенію великаго удара, Аполлонъ махнулъ мощною рукою, и бросилъ за рамена *хламиду* свою. Прелестныя выпуклости открылись.... Сила течетъ въ жилахъ, вѣчная юность цвѣтетъ на прекрасныхъ мышцахъ его. Величавость бодрость и

красота отличаютъ статую отъ всѣхъ прочихъ. Рѣзецъ, произведшій ее, можетъ быть сравненъ только съ кистию Рафаела.—Сія превосходнѣйшая изъ всѣхъ извѣстныхъ статуй около трехъ вѣковъ была украшеніемъ *Белъведера Ватиканскаго* въ Римѣ....

Вы остановились, содрогаетесь и чувствуете жалость: цѣлое семейство умираетъ въ глазахъ вашихъ. Всѣ ужасы насильственной смерти, всѣ муки лютейшей пытки глубоко запечатлѣны въ чертахъ сихъ несчастливцовъ. Въ сихъ мраморныхъ страдалцахъ не спрашивая, узнаете *Лаокоона* съ дѣтьми его. *Лаокоонъ*, единый изъ сыновъ злосчастнаго Пріама, долго противился хитрымъ намѣреніямъ Грековъ, желавшихъ ввести въ Трою сооруженнаго ими, на пагубу града, коня.—Онъ даже метнулъ копіе въ подвигавшуюся *громаду сію*, провидя, что въ обширной пустотѣ чрева ея должны скрываться непріятельскіе воины. Но неблаго-разумные Трояне сами впустили засаду въ непроницаемую средину своихъ стѣнъ; а боги, враждовавшіе Трои, умыслили погубить мужа правды, дерзнувшаго разрушать тайные ковы ихъ.—Въ одинъ день, когда *Лаокоонъ* съ сынами своими увѣнчивалъ лаврами жертвенникъ на брегѣ морей, *Нептунъ* озлобленный высы-лаетъ изъ бездны двухъ ужасныхъ змійевъ. Шипя изгибаясь, стремятся они на несчастныхъ. Я вижу и змій и страдалцовъ.... Чудовищи охватили ихъ, оплелись, ползутъ и выются вокругъ членовъ отца и дѣтей. Они сжимаютъ, куютъ, связываютъ всѣхъ троихъ вмѣстѣ, чтобъ вытиснуть изъ всѣхъ троихъ духъ.. Напрасно сражается несчастный отецъ! Отчаяніе вопіетъ въ дрожащихъ устахъ его, и неописанная скорбь изображается въ воздѣтыхъ къ небу очахъ! Кровавыя слезы ліются изъ нихъ! Ни боги, ни люди на помощь нейдутъ!... *Лаокоонъ* давить змій; змѣи давятъ *Лаокоона*!... Несчастные, погибающіе въ петляхъ, дѣти мѣютъ, увядаютъ, и съ воплемъ испуская жизнь,

исснѣвъ, умирають!.... Злополучный отецъ ихъ уже не живетъ, а страдаетъ. Ужасна сила чудовищъ!.. Они вяжутъ и давятъ его... трещать кости, пружатся и лопаютъ жилы; кровь брызжетъ даже изъ-за ногтей!.. Истомленная муками жизнь блеснувъ въ послѣдній разъ въ очахъ, покрытыхъ смертною скорбію, съ глубокимъ вздохомъ отлетаетъ искать суда на небесахъ.—Въ сей несравненной *вятельной картинѣ* видимъ два чуда: какъ мраморъ живетъ и умираетъ!—Аполлонъ Бельведерскій внушаетъ чувство благоговѣнія, Венера Медицкая чувство любви; а умирающій Лаокоонъ чувство ужаса и жалости: вотъ сила искусства, вотъ вѣнецъ художниковъ!.... Естьлибъ захотѣли употребить вмѣсто *рызца кисть*, то перваго досталось бы рисовать Рафаелу, другую Корреджіо, а третьяго Микель-Анджелу. —

Но время успокоить волненіе чувствъ пріятнымъ видомъ цвѣтущихъ садовъ. Мы поѣдемъ въ прекрасной садъ растеній (*jardin des plantes*), въ улицу этого же имени, къ набережной Ст. Бернаръ. —Я насладился пріятнѣйшею прогулкою!... На самомъ умѣренномъ пространствѣ видѣлъ я, такъ сказать, всю природу въ уменьшенномъ размѣрѣ. Всѣ дрова, кустарники и растенія четырехъ частей свѣта собраны тутъ; всѣ звѣри Европы, Азіи, Африки и Америки въ неволѣ и на волѣ живутъ тутъ. Таковъ въ Парижѣ садъ растеній называвшійся прежде Королевскимъ садомъ. —Великій Бюффонъ былъ нѣкогда его попечителемъ. Я видѣлъ скромной памятникъ *Добонтона*, знаменитаго испытателя природы, сотрудника Бюффонова. Отдыхалъ я подъ длинными вѣтвями густаго и высокаго *кедра Ливанскаго*, и, проходя мимо, заглянулъ въ жилище огромнѣйшаго слона. Я былъ въ долинѣ звѣрей; видѣлъ благородныхъ львовъ, стройныхъ леопардовъ, свирѣпыхъ тигровъ, коварно-лютыхъ *иенъ*; видѣлъ цѣлое общество обезьянъ, цѣлое стадо попугаевъ и проч. проч. — Купивъ маленькую книжку, читалъ я

описаніе всего, что тутъ находится. Съ такими же книжками ходили поселяне изъ ближайшихъ окрестностей Парижа: читали, смотрѣли, дивились и научались: не похвально ли это?... Здѣсь называютъ одно мѣсто *Швейцарскою долиною*; его можно бы назвать долиною очаровательною. Тутъ множество, изъ разныхъ частей свѣта, *смирныхъ зверей*, живутъ и гуляютъ по волѣ. — Этотъ звѣринецъ совсѣмъ въ новомъ родѣ. Каждое животное находитъ въ немъ точно такое *убѣжище, нору* или *лого*, какой имѣло въ мѣстахъ своей родины. Множество хижинъ построены по образцамъ жилищъ разныхъ народовъ, и каждая осѣнена деревомъ, и окружена растеніями, приличными ея странѣ. Гуляя тутъ, подумаешь, что переплылъ моря, и странствуешь по другимъ частямъ свѣта. — Въ отдѣлѣ Ботаническаго сада болѣе *семи тысячъ* растеній разсажены по *родамъ, званіямъ и семействамъ своимъ*, слѣдуя распоряженію знаменитаго *Жюссе*. — Рыбы и птицы, уроженцы отдаленнѣйшихъ странъ, одни живутъ и плодятся, другія забавляются плаваньемъ по свѣтлымъ эдѣшнымъ прудамъ. Дыша благоуханіями многихъ тысячъ деревьевъ и цвѣтовъ и находя безпрестанно новую пищу для любопытства, я гулялъ до поздняго вечера. — Солнце заходило великолѣпно, тишина заступала мѣсто шума. Я слышалъ рыканіе звѣрей Африканскихъ, ревъ Европейскихъ, отдыхалъ подъ тѣнію деревьевъ Азіятскихъ, и слушалъ вечерніе свисты *птицъ Америки*, смотря, какъ послѣдніе лучи умирающаго дня сіяли великолѣпно на златорадужныхъ перьяхъ гуляющихъ стадами павлиновъ. — Мнѣ казалось, что я стою въ средоточіи вселенной, и слышу общую пѣснь творенія, тихо возносящуюся въ недосягаемые предѣлы горныхъ странъ къ Творцу непостижимому!....

Музеумъ или собраніе памятниковъ Французскихъ.

Въ нестройныя времена ужаса (*tems de la terreur*) когда обрызганные кровью нечестивцы, съ жаднымъ окомъ и несатымъ сердцемъ, рыскали по предѣламъ мятущейся Франціи, святотатствуя въ храмахъ и даже самые прахи усопшихъ изъ могилъ изторгая, въ одномъ, изъ небольшого числа благомыслящихъ людей, родилась благая мысль спасти отъ разрушенія священные памятники временъ: Г. *Ленуаръ* тщательно собралъ всѣ вырытые изъ земли, снятые съ могилъ, исторгнутые изъ церквей, и по монастырямъ найденные памятники надгробные. Помѣстя ихъ въ одномъ Музеумѣ по дѣлѣточислительному порядку, съ раздѣленіемъ на столѣтія, онъ представилъ единственную въ свѣтѣ цѣпь историческихъ напоминаній, безцѣнныхъ для Француза и любопытныхъ для всякаго любителя Исторіи.— Въ передней палатѣ помѣщены памятники многихъ временъ вмѣстѣ. Тутъ съ любопытствомъ разсматриваетъ олтари, посвященные древнѣйшими обитателями Франціи божествамъ Гальскимъ; тутъ видишь гробъ *Фредегонды*, видишь гробы Кардиналовъ *Ришелье* и *Мазарина* и гробъ *Франциска I.* Далѣе, переходя изъ столѣтія въ столѣтіе, видишь ясно, какъ искусства рождались, старѣлись, умирали и вновь возрождались; тутъ видишь разныя историческія лица въ мраморѣ, а каждое въ своемъ собственномъ видѣ, въ своей одеждѣ и со всѣми приличіями своего времени. Я означу только мимоходомъ число и расположеніе палатъ по столѣтіямъ, и назову заключающіеся въ нихъ памятники. Первая, (послѣ безыменной передней палаты), есть палата XIII вѣка. Въ ней собраны гробы: *Кловиса I*, *Св. Лудовика*, *Кловиса II* и *Гуга-Капета*. Въ палатѣ XIV вѣка между прочими отличаются статуи *Конетабля Дюгесклена* и *Карла V.* Въ палатѣ XV вѣка гробъ *Лудовика XII*, статуя *Лудовика Орлеанскаго* и проч. проч. Въ палатѣ

XVI вѣка статуя Франциска I, изваянная Іоанномъ Гужономъ, и статуя Генриха IV. Услышавъ, что въ ней очень много сходства съ подлинникомъ, я съ почтительнымъ вниманіемъ разсматривалъ черты сего добраго государя и великодушнаго героя! Представьте, что Генрихъ ходилъ въ бородѣ, и она не мѣшала ему быть умнымъ и любезнымъ. . . . Отъ чегожъ предковъ нашихъ называютъ варварами именно за то, что они ходили въ бородахъ?

Въ сей же палатѣ хранится рѣдкое художественное произведеніе вѣка ея, живопись на стеклѣ. Искусство рисовать на стеклѣ почти потеряно. На стеклахъ, которыя мы видели здѣсь, изображена вся исторія *Душеньки*. Тутъ же портреты Марота, остроумнаго Рабле, великодушнаго Колинъи, славнаго добродѣтелями и умомъ Канцлера Гошпала и проч. и проч.

Въ палатѣ XVII вѣка—статуя Колберта; портреты: Сюлли, Пуссена, Декарта, Корнеля, Паскаля, Лафонтена, Ламуаньона, краснорѣчиваго *Воссюета* и прочихъ знаменитыхъ мужей, прославившихъ дарованіями своимъ вѣкъ Людовика XIV. Наконецъ въ палатѣ XVIII вѣка видишь: Математика Мопертюи, Трагика Кребилльона, Руссо, Монтескю, Фонтенеля, Бюффона и проч. и проч. Сердце любящее отечество, почтетъ безцѣннымъ сіе единственное собраніе достопамятностей отечественныхъ: тутъ все ему родное, все знакомое по древнимъ повѣстямъ славы и рассказамъ Исторіи; тутъ можно достигать духъ протекшихъ временъ и научиться добродѣтелямъ ихъ. — Таковое заведеніе достойно подражанія. — Особое вниманіе наше привлекли на себѣ *Пилоновы Граціи*. Ваятеля Пилона называли Французскимъ *Корреджіемъ*. Это въ самомъ дѣлѣ *Граціи*: такъ стройны, милы и прелестны! . . . Удивительно тонкая и легкая одежда, небрежно наброшенная: кажется повѣтъ вѣтерокъ и унесетъ ее! . . . Этотъ же *Пилонъ* видно подсматрѣлъ, какъ снала прекращающагося *Медицисъ*: онъ изоб-

разилъ ее спящую. Любуешься красотою полного, тамъ и тамъ открытаго нѣжнаго тѣла и боишься, чтобъ не разбудить вспыльчивой красавицы-царицы. Стройность ногъ, которыя она любила выказывать, удивительна!... Вотъ другая истинно знаменитая женщина, дѣвственница *Орлеанская* (*Jeanne d'Arc*): какъ мила!... Вмѣстѣ съ шлемомъ, оперенномъ ужасомъ, она, кажется, сняла съ себя тотъ грозный видъ, которымъ приводила въ трепетъ враговъ. Но дѣвственные перси еще покрыты панциремъ: розы дышатъ подъ желѣзомъ!... Не видно гордости героини, но вся любезность молодой дѣвицы блеситъ въ прелестныхъ чертахъ лица ея. Превосходный рѣзецъ художника весьма удачно поселилъ миловидность въ мраморъ, и заставилъ героиню красавицу съ самою умильною улыбкою привѣтствовать всѣхъ приносящихъ ей дань почтенія. Одно перо Вольтера, оскорблявшее часто святыню и добродѣтель, могло въ звучныхъ стихахъ развратной поэмы осмѣивать ту, которая спасла отечество!... Я поклонился милому Лафонтену. Добродушіе во всѣхъ чертахъ, острый носъ и очень умные глаза: вотъ его лицо!... Другой человѣкъ болѣе важной, съ выразительнымъ лицомъ, но также безпеченъ, нерадивъ, сидитъ въ большихъ креслахъ и ни о чемъ не заботясь, пересматриваетъ трагедіи свои — это *Корнель*!—Нѣкоторые памятники расположены во внутреннемъ саду. Тамъ отличается отъ прочихъ гробъ *Лузиньяна*, Короля Іерусалимскаго, и надгробный камень чувствительной и несчастной Елоизы. Но другой садъ *наружной* называется Елисейскою долиною. Тамъ собраны гробы многихъ знаменитѣйшихъ во Франціи людей. Прохожу мимо памятниковъ Монморанси, Конде, Массильона, Мольера и проч. и останавливаюсь надъ гробомъ, на которой нѣсколько деревьевъ преклонили зеленыя вѣтви свои. Тутъ, въ неразлучныхъ супружескихъ объятіяхъ, почиваетъ своимъ безмятежнымъ утомленная бурями жизни чета. Кому неизвѣстны имена Абелядра и Елоизы: я вижу общую

гробницу ихъ тутъ. Уединенный посѣтитель сихъ мѣстъ, въ спокойные часы утра, когда страсти и суеты спятъ и Парижъ безмолвствуетъ, пользуясь тишиною утреннихъ сумерковъ, между погасаніемъ зари и восходомъ солнца, когда бorenіе свѣта со тьмою питаетъ мечты воображенія, кажется, видишь несчастную Елоизу бродящую среди гробовъ, и вслушивается въ стоны страстного и вмѣстѣ злополучнаго сердца ея. «Дражайшій Абелярдъ! восклицаетъ она, узри стѣнящую Елоизу... она трепещетъ, блуждая среди гробовъ.... Блѣдный свѣтъ угасающихъ свѣтѣльниковъ усугубляетъ ужасъ ея... Тамъ, изъ нѣдръ священной могилы, мнѣ кажется, исходитъ нѣкій унылый, таинственный гласъ: «Приблизься, вѣщаетъ онъ мнѣ, дочь злополучія, го-
«снимая рокомъ!... Могилы моя свѣжа и прострашна: «приди опочить со мною вѣчнымъ сномъ. И я, по-
«добно тебѣ, была жертвою любви, и я страдала, мо-
«слилась и проливала токи слезъ: теперь, за гробовой «доскою, я возродилась къ блаженству невообрази-
«мому!... Вѣчное спокойствіе обитаетъ въ могилахъ; шумъ «міра затихаетъ; вопль и рыданія смертныхъ не пора-
«жаютъ болѣе слуха усопшихъ. Здѣсь все страсти «нѣмѣютъ: любовь безсильна, и суетвѣріе безгласно.
«Здѣсь не человѣки коварные, но самъ Богъ мило-
«сердія судитъ слабости наши!».... Такъ, я внемлю гласу твоему, тѣнь блаженная!... Я спѣшу соединиться съ тобою. Уготовьте кривы райскіе, пальмы неува-
даемыя! Скоро, скоро труженица земная вступить въ тѣ страны блаженныя, гдѣ все, и даже самый огонь, воспламеняющій Серафимовъ, очищаясь, усугубляетъ пареніе свое въ горня. Тамъ грѣшникъ, омытый рас-
каяніемъ, сопричащается лику чистѣйшихъ духовъ. Абелярдъ, единственный другъ мой на сей мятежной землѣ! ты не отречешься отдать мнѣ послѣдній печаль-
ный долгъ!—Такъ, въ семъ мѣстѣ пресыщенное лю-
бопытство, невольно уступаетъ мѣсто унынію сердеч-
ному; невольно пробуждаются тысячи размышленій о

жизни, смерти и скоротечности счастья земного!... Унылыя эти размышленія нигдѣ такъ не полезны, какъ въ Парижѣ; онѣ останавливаютъ сердце, несомое вихремъ страстей въ разверстыя бездны заблужденій и разврата.

ПАНТЕОНЪ.

Лудовикъ XV, во время тяжелой болѣзни своей въ городѣ Мецѣ, положилъ обѣтъ соорудить новый храмъ Св. Женевьевѣ, издревле почитаемой покровительницею города Парижа.—Получа облегченіе отъ болѣзни, и слѣдуя благочестивому намѣренію Государь сей поспѣшалъ зачатіемъ храма, и въ 1764 году положилъ первой камень на основаніе онаго. Чертежъ Г. *Суфло* предпочтенъ множеству другихъ: онъ отличился смѣлостію размѣра и красотою вида. Видъ сего храма крестообразной. Длина его 340, ширина 250 футовъ. Двадцать два прекрасныхъ Коринѣскихъ столпа, каждый въ 38 футовъ высокою, поддерживаютъ огромной *треугольникъ* (фронтонъ), украшающій величественное чело храма сего. Здѣсь-то *благочестіе* готовилось начертать слова: «храмъ Святыя Женевьевы и проч.»—Но наставшій великой *переворотъ* (*революція*) превратилъ и сей храмъ въ *Пантеонъ*. Теперь читаютъ на немъ надпись: «благодарное отечество великимъ мужамъ!»—Народное Собраніе, повелѣвъ начертать сіи слова, предназначило великолѣпнѣйшее зданіе сіе ко выщению смертныхъ остатковъ людей, обезсмертившихъ себя на поприщѣ войны, мира и наукъ.—Высота храма отъ полу до верхней точки купола 282 фута,—высота ужасная!... Внутренность обширна; но жаль, что она наполнена, такъ сказать, *рощею* *столповъ*. Причиною этому прибавка новыхъ къ старымъ. Препжній художникъ съ удивительною смѣлостію увѣнчалъ храмъ чудеснымъ куполомъ.—Онъ изумилъ всѣхъ дерзостію и блескомъ своего искусства, которому не утѣлъ одна-

кожъ придать прочности. Сильное давленіе верхней тяжести грозило обратить въ развалины храмъ, на которой истратили уже 25,000,000 франковъ; но *Ронделе* подперъ тяготящій куполъ новыми столпами и обезпечилъ цѣлость зданія.—Оно ожидаетъ еще послѣдней отдѣлки, и полное право имѣетъ требовать блестящихъ украшеній живописи и позолоты, дѣя и поражая всѣхъ величественными красотами, которыми съ избыткомъ надѣлило его зодчество.—Мы взошли на самой верхъ Пантеона, и увидѣли весь Парижъ какъ на ладонѣ!—Какъ думаешь представился онъ намъ?—въ видѣ великолѣпныхъ развалинъ!.... Да, многое множество слянныхъ вмѣстѣ полатъ, домовъ и хижинъ, представляясь въ видѣ туманно-пасмурнаго пространства, не имѣетъ совсѣмъ той красивой поверхности, той пестроты цвѣтовъ, которую блестятъ почти всѣ города Европы, когда смотришь на нихъ съ высоты. — Кажется, что когда нибудь страшныя тучи пыли обрушились на Парижъ, и густо покрыли его сѣрымъ прахомъ. Зрѣніе со всѣхъ сторонъ обнимаетъ пространство города и не теряется въ немъ. Пасмурно-видной Парижъ имѣетъ меньше пространства и несравненно меньше блеску, чѣмъ бѣлокаменная Москва наша, пространно-разширенная по холмистымъ полямъ, и ярко сіяющая златоглавымъ Кремлемъ своимъ.—Мы сошли прежде съ верху на землю, а потомъ спустились въ низъ и подъ землю. Тамъ, въ нарочно устроенныхъ пещерахъ, помѣщены *прахи* первыхъ чиновниковъ государства и знаменитѣйшихъ сыновъ его.—Мы прошли мимо гробовъ Герцоговъ, Кардиналовъ, Министровъ и остановились при гробѣ *Руссо* «*Ici repose l'homme de la nature et de la verité!*» Здѣсь почиваетъ другъ истины и природы! говоритъ каждому гробъ въ начертанной на немъ надписи. Кажется, скромный гробъ сей гордится тѣмъ, что вмѣщаетъ въ себя. Вы читаете въ другомъ мѣстѣ: *hic jacent ossa J. J. Rousseau* здѣсь покоятся кости Ж. Ж. Руссо.—

На одной сторонѣ изображены дѣти, играющія вокруг матери своей, читающей Руссова Эмиля. Хотитель узнать цѣль жизни покойника? — прочтите вверху надпись: *Vitam impendere vero!* *Жить для истины.* — Такъ, онъ жилъ для истины, сей нѣжный сынъ и другъ природы! Онъ могъ заблуждаться, но могъ ли онъ быть злодѣемъ! Враги общаго блага напрасно старались извлекать изъ твореній его правила для оправданія незаконныхъ поступковъ своихъ: добродѣтельный мудрецъ Женевскій никогда не могъ быть вождемъ изверговъ! — Онъ ясно говоритъ, что и самый лучшій переворотъ въ порядкѣ вещей не долженъ быть производимъ въ дѣйствіе, если онъ будетъ стоить хотя одной капли крови. — Добрый Руссо искалъ только независимости отъ прихотей, предразсудковъ и страстей людскихъ. Онъ жилъ для истины, и былъ страдальцемъ ея. Люди не могли не плѣняться его твореніями; но изливали ядъ свой на Творца. Долго скитался онъ по землѣ, не находя уголка, гдѣ бы успокоить разтерзанное сердце свое!... Теперь сама земля упокоила его; но человекъ мудрый изъ-за предѣловъ могилы проливаетъ еще свѣтъ истины. Мысль эта прекрасно выражена здѣсь: простертая изъ гроба рука держитъ свѣтильникъ. — Однако мы ужъ слишкомъ утомили глаза, вниманіе и ноги свои; посидимъ дома, и въ минуты отдыха поговоримъ о Парижѣ съ короткими знакомцами его.

РАЗНЫЯ МЯЛОЧНЫЯ ЗАМѢЧАНІЯ О ПАРИЖѢ.

Французскіе Историки не знаютъ, съ котораго времени опредѣлить основаніе Парижа: оно теряется во мракѣ столѣтій. Извѣстно только, что лѣтъ за сто до Рождества Христова, Парижъ едва ли могъ назваться *свободою*. Нѣсколько Галльскихъ семействъ жили въ бѣдныхъ хижинахъ, на острову, что нынѣ *Ла Ситѣ* (La Cité); мрачныя столѣтніе лѣса утопали въ про-

странныхъ болотахъ; печальные крики пустынныхъ птицъ и воющія стада дикихъ звѣрей наполняли тѣ самыя мѣста, гдѣ роскошь является нынѣ въ полномъ блескѣ, гдѣ великолѣпнѣйшіе чертоги, замки и дворцы гордо несутся къ облакамъ, и гдѣ цѣлый миллионъ народа шумитъ и кружится на стогнахъ и площадяхъ необозримаго града!... Древніе Галлы называли городокъ свой *Лутеціею*: это значитъ въ нарѣчій Цельтовъ: *жилище среди водъ*. За полвѣка до Рождества Христова. Римляне покорили Галлію, и Юлій Кесарь сзывалъ старѣйшинъ разныхъ племенъ Галльскихъ въ Парижъ. — Какое разстояніе между собраніемъ тѣхъ вождей различныхъ колѣнъ и собраніемъ *чиновъ*, собраніемъ *Нотаблей* и послѣднимъ *Собраніемъ Народнымъ*!... Видно, что Французы издавна любили *сбираться и толковать*. Въ разныя времена бывали у нихъ еще народныя собранія, извѣстныя подъ именемъ *Майскаго поля*, (*champ de May*). Послѣ Рождества Христова *Лутеція* наименовалась *Парижемъ*. Городокъ превращался въ городъ, и занималъ уже 113 квадратныхъ десятинъ земли. Тогда *Сена* называлась еще *Секваною*, а *Марна* *Матроною*. На древней высотѣ *Монмартъ* возвышался храмъ Марсу; Парижъ поклонялся идоламъ до половины III вѣка; Святый *Діонисій* былъ первымъ учителемъ Христіанства въ стѣнахъ его.

Въ десятомъ вѣкѣ, когда Славяне имѣли уже Олега и Ольгу, удивлявшихъ умомъ своимъ самыхъ просвѣщенныхъ Грековъ, невѣжество во Франціи, по собственному признанію ихъ историковъ, было такъ велико, что Короли и Вельможи ихъ едва умѣли подписать имена свои.

Нынѣ Парижъ раздѣляется на двѣнадцать *округовъ* (*arrondissement*), а каждой округъ на *четыре части*. Рѣка *Сена*, въ которою впадаютъ *Объ*, *Марна*, *Иона* и *Уазъ*, поить, кормить и отопливаетъ Парижъ. Въ Парижѣ улицъ 1062, глухихъ переулковъ 117, набе-

режныхъ 28, мостовъ 16, бульваровъ 18, заставъ 56, домовъ безъ малаго 30,000.

Парижъ съѣдаетъ (въ годъ) 206 милліоновъ фунтовъ хлѣба, 21,000 мѣръ овса, 8,500 ячменю, 75,000 воловъ, 15,000 коровъ, 10,000 телятъ, 220,000 барановъ, 550,000 свиней, 100,000 центнеровъ рыбъ морскихъ и на 1,300,000 рыбъ рѣчныхъ.

Парижъ выпиваетъ (въ годъ) 6,000 бочекъ яблочнику, 30,000 мѣръ (*muids*) пива, на 33 милліона франковъ вина и на 3 милліона водки. — Изъ этого исчисленія видно, что столица Французская любитъ поѣсть и выпить!...

Всякой иностранецъ, и вѣрно также всякой Парижанинъ, поблагодарить здѣшнюю полицію за то, что она, вступая въ посредство между извозчиками и тѣми, которымъ необходимо ихъ нанимать, установила постоянную плату за ѣзду, и обнародовала ее. *Каріолку* и *фіякръ* или *карету* можно нанимать почасно, поденно и на *одинъ конецъ* (*une course*). Проѣхать 20 улицъ, не выходя изъ экипажа, значитъ *конецъ*, и переѣхать только черезъ улицу и выйти значитъ тоже *конецъ*: за *оный* платится ѣдущимъ въ каретѣ 1 фр. 30 коп. — Нанимающій *почасно* платитъ за первый часъ 2 фр. а за послѣдующіе за каждой по 1 фр. Плата за двумѣстные колясочки гораздо умѣреннѣе. — Мы воспользуемся неразорительною здѣшнею ѣздою, и послѣшимъ объѣздить тамъ, гдѣ не успѣли обходить. Еще много любопытнаго для насъ остается въ Парижѣ: постараемся увидѣть, что успѣемъ!...

Но прежде, нежели приступлю къ другимъ описаніямъ Парижа, позволь мнѣ, любезный другъ, перевести и сей же часъ къ тебѣ послать любопытную статью о взятіи города сего, писанную однимъ почтеннымъ Парижаниномъ. Вотъ она. *

* Эту статью надлежало бы помѣстить въ концѣ четвертой части, но въ книгѣ, составляемой въ безпорядкѣ обстоятельствъ, часто не соблюдаемъ порядка по неволѣ.

ВЪЯТІЕ ПАРИЖА.

Есть слова, (говорить Фонтенель), которыя *воюють* отъ ужаса и удивленія (*qui hurlent de dépit*) когда ихъ сближуютъ вмѣстѣ. Таковы-то и сіи непонятною судьбою сближенные два слова: *взятіе Парижя!* Какъ, почему и кѣмъ взята Столица сія? Да развѣ знаменитой Монтеスキю не сдѣлалъ замѣчанія, что мѣстное положеніе Парижя есть самое выгодное для собственности его и цѣлой Франціи безопасности? Развѣ у насъ не было съ одной стороны моря, съ другой высокихъ горъ, а съ третьей двухъ грозныхъ рядовъ неприступныхъ крѣпостей для защиты столичнаго города?—Развѣ не было у насъ храбрыхъ, многочисленныхъ легіоновъ, чтобъ отстоять его грудью? Ктожъ могъ преодолѣть всѣ сіи препоны и достигнуть до стѣнъ столицы, какой изъ народовъ Европы?—Цѣлая Европа!—Какаяжъ была причина столь неожиданнаго событія?—Честолюбіе одного человѣка. Любовь къ отечеству, усилясь до степени страсти въ сердцѣ моемъ, заставляетъ меня и на краю могилы * принимать живѣйшее участіе во всѣхъ его несчастіяхъ, надеждахъ и превратностяхъ. Часто обозрѣвалъ я въ умѣ всѣ бѣдствія, могущія постигнуть столицу Франціи; но никогда не смѣлъ вообразить, чтобы она пала подъ оружіемъ чуждыхъ войскъ. Въ теченіи XIII вѣковъ слыла она непокоримою. Разумѣется, что я не считаю покореніемъ нечаяннаго занятія Парижя при Карлѣ VII. Одни крамолы призвали и ввели, а глупость Короля и измѣна поддержали тогда Англичанъ. Въ наше время не трудно было предвидѣть, что Франція, выхлынувшая изъ предѣловъ своихъ, и, подобно великому разливу водъ, потопившая Европу; Франція, изнуренная страшными налогами, безчисленными жертвованіями, изнемогающая подъ тяжкою ношею

* Французъ, сочинитель статьи сей, умеръ вскорѣ по изданіи оной.

окровавленныхъ лавровъ, должна была ожидать все-
 минутно великаго удара судьбы! Вся Европа возстала
 на притѣснителя. Соединенныя арміи ея, ища мира,
 пришли войною на берега Сены. Въ 15 мѣсяцевъ со-
 вершились событія, которыхъ, по обыкновенному ходу
 дѣлъ, довольнобыло было и на 15 лѣтъ! Изъ всѣхъ зрѣ-
 лищъ, которыя были когда нибудь показываны Фран-
 цузамъ, (ибо у нихъ все сдѣлалось театральнымъ
 зрѣлищемъ), любопытнѣйшее и вмѣстѣ ужаснѣйшее
 было конечно зрѣлище великой битвы, долженствовав-
 шей рѣшить судьбу Франціи. Прошли столѣтія, и
 Парижъ не слыхалъ грома войны. Звукъ оружія раз-
 давался только на площадяхъ учебныхъ, и жены Па-
 рижанъ, подобно жевамъ Спартакскимъ, смѣло могли
 сказать «мы никогда не видали, какъ пылаютъ огни
 «непріятельскіе на бранныхъ поляхъ!»—Буря шумѣла
 надъ Парижемъ, а Парижане дремали!... Коварное
 правительство играло довѣренностію народа, забавляя
 его обманами. Уже непріятель гремѣлъ при Монмартрѣ,
 а бюллетени все еще, по старой привычкѣ, трубили
 о побѣдахъ! 28 только Марта, (по новому численію),
 открылись глаза Парижанъ, и все прояснилось! Пора-
 зительныя явленія представились на бульварахъ. Пре-
 лестныя гулянья эти привыкли видѣть ряды бога-
 тыхъ каретъ и толпы блестящихъ всѣми украшеніями
 роскоши женщинъ, въ сіи ужасныя минуты наполнены
 и покрыты были ранеными солдатами и толпами отча-
 янныхъ поселянъ, со стономъ бѣжавшихъ отъ пылающихъ
 хижинъ своихъ. Тамъ семейства, лишенные жилищъ,
 мѣстились въ простыхъ телегахъ, тутъ нѣсколько
 кулей соломы или связокъ сѣна служили постелью
 обремененнымъ усталостію. Многіе поселяне, ѣхавшіе на
 ослахъ, гнали передъ собою овецъ и коровъ. Любо-
 пытство гражданъ было неописанно. Ихъ состраданіе
 къ гишельцамъ дѣлаетъ также имъ честь.

Въ полдень картина совершенно перемѣнилась: все,
 что было пораженіемъ сердецъ, стало забавою глазъ;

булевары наполнились опять гулящими; безопасность взяла по прежнему верхъ надъ всѣми безпокойными ощущеніями, довѣренность возвратилась, и народъ легкомысленной успокоился. Хотя и появлялись еще толпы обезоруженныхъ бѣглецовъ, распуганныхъ громомъ войны поселянъ и раненыхъ солдатъ; но свѣжія войска стройно выступали изъ города на бой, и городъ былъ покоенъ. Народъ не только не пугался болѣе прежнихъ явленій; но съ удовольствіемъ толпился еще, какъ обыкновенно, вокругъ героевъ, шарлатановъ и фокусниковъ. И люди, сѣтовавшіе за часъ предъ тѣмъ о судьбѣ своего отечества, съ непритворнымъ восхищеніемъ любовались кукольнымъ театромъ!—

Такіе же страхи, какъ вчера, взволновали было умы на другой день; но тѣми же средствами, какъ и наканунѣ, успокоены были. Потомство конечно не захочетъ повѣрить, чтобъ цѣлая столица не прежде могла узнать о приближеніи 200,000 арміи непріятельской, какъ послышавъ громъ пушекъ у воротъ и громъ барабановъ на всѣхъ улицахъ своихъ!... Въ минуты близкой опасности смятеніе сдѣлалось опять общимъ. Многолюднѣйшая изъ столицъ Европейскихъ содрогнулась и возстала. Ужасъ оковалъ миллионъ сердецъ! Безпрерывный барабанный бой призывалъ народную гвардію къ защитѣ города, которой оборонять невозможно и не должно было.—Вездѣ раздавался плачъ женъ и дѣтей при разставаніи съ супругами и отцами, летѣвшими на бой. Слѣдуя закоренѣлой привычкѣ обольщать и обманывать народъ, правительство разгласило наканунѣ, что къ стѣнамъ Парижа подходила какая-то отбившаяся отъ арміи колонна, (*une colonne égarée*), которую Парижане могли истребить въ одинъ мигъ; но слѣдующій день обнаружилъ ложь. Съ высоты Монмартра увидѣли приближеніе 200,000! Союзники вели пѣхоту свою по всѣмъ дорогамъ во множествѣ; многочисленная конница ихъ покрывала всѣ поля; 600 пушекъ гремѣли на холмахъ! 12 часовъ продолжался бой.

Но когда уже все, кромѣ чести, потеряно было; когда Корей (Иосифъ) бѣжалъ, сокровища увезли; когда побѣдоносныя арміи союзниковъ, какъ темныя тучи, шли прямо на Парижъ; когда всѣ сердца цѣпенѣли подъ шумомъ военной грозы, и всѣ ожидали паденія громовъ и гибели народа—вдругъ, какая-то непостижимая сила остановила союзниковъ у самыхъ воротъ столицы! Воины великодушные, послѣ столь дальнихъ походовъ, столь тяжкихъ трудовъ и столь кровопролитныхъ битвъ, достигли наконецъ столь вожделенной цѣли, и, о верхъ благородства и чести! они не употребили во зло побѣды своей. Великіе Государи, управлявшіе сердцами войскъ, пеклись о цѣлости столицы Французской, какъ будто о родномъ своемъ городѣ. Примѣръ великодушія неслыханный до нашихъ временъ! Исторія изумитъ потомство, представя великое событіе сіе въ настоящемъ видѣ его.—Ночь 30 Марта, (по новѣйшему счисленію), долженствовала быть свидѣтельницею великихъ пожаровъ, безчисленныхъ убійствъ и страшнаго разлитія крови, содѣлалась, напротивъ, свидѣтельницею торжества, единственнаго въ лѣтописяхъ міра—торжества великодушія надъ мщеніемъ, добродѣтели надъ порокомъ! Сія ночь прекратила пятнадцати-лѣтнее рабство и возстановила древній порядокъ вещей. Столь великія событія въ столь малое время совершены, что все происходившее казалось только обольстительнымъ сномъ.

30 Марта Франція была еще подъ ярмомъ и въ томительныхъ мукахъ ожиданія; 31 свободна и въ торжествѣ!... Съ первымъ лучемъ солнца неописанное чувство радости, чувство неожиданнаго счастья пробудило весь Парижъ. Большая половина жителей выхлынула изъ домовъ, и площади, бульвары и улицы закипѣли народомъ; всѣ окны наполнились зрителями. Такова была встрѣча въ благородномъ городѣ, благороднымъ воинамъ, которые сочетавъ лавры съ оливами, приобрѣли сугубую славу побѣдителей и миротворцовъ.

Появленіе ополченій, притекшихъ съ береговъ Волги, Шпрен и Дуная, на первыхъ парахъ изумило Парижанъ и извлекло было слезы изъ очей страстныхъ любителей отечества; но неимовѣрное великодушіе сихъ питомцевъ отдаленнѣйшихъ странъ успокоило совершенно волненіе сердець и умовъ. Жители не находили словъ къ изъявленію благодарности своимъ *пощадителямъ*, и готовы были боготворить великаго Монарха Сѣвера.

Инвалидной домъ (въ Парижѣ.)

Читалъ ли ты описаніе *Вамалы* въ *Сѣверной Эддѣ*? — Если читалъ, то припомнишь конечно тѣ прекрасныя *ниграды*, которыя сплетатели Сѣверныхъ баснословій сулили герою своимъ въ будущей жизни. — Безпрерывныя войны гремѣли по лѣсамъ и пустынямъ древняго Сѣвера. Званіе военного человѣка уважаемо было всѣми. Люди, въ которыхъ семейственная жизнь и мирныя занятія умягчили ретивость сердець, и утолили пламенную жажду къ брани, не могли безъ живѣйшаго участія сердечнаго смотрѣть на тяжкіе труды и мужественную смерть великодушныхъ блюстителей ихъ спокойствія, выгодъ и правъ. Отъ сего родились понятія утѣшительныя для вопновъ. Служители олтареѣ освятали, а стихотворцы украсили ихъ всѣми цвѣтами воображенія своего. Тогда вѣрили, что *богини* (*Валли*,) цвѣтуція красотою и младостію, невидимо слетали на поля брани, и принимая въ нѣжныя объятія души храбрыхъ уносили въ жилище радостей, въ *Вамалу*. — Правители воинственныхъ народовъ, для очевидныхъ пользъ своихъ, долго поддерживали эту вѣру. Но понятія мечтательныя уступили мѣсто существенности, очарованіе исчезло, а войны продолжались, и волны желали быть успокоенными на той землѣ, которую защищали утратою здоровья и членовъ своихъ.

Кровавыя раны становились *уста*ми и вопіяли за нихъ. Священный гласъ вѣры, здравый рассудокъ и чувствительныя сердца вступились за великодушныхъ стражей отечества. Въ разныхъ государствахъ прилагали разные способы для доставленія наградъ и покоя пострадавшимъ и потрудившимся въ браняхъ. Но ни одно государство въ Европѣ (думаю, кромѣ Англіи,) не похвалится такимъ прекраснымъ *заведеніемъ*, какъ Франція. Оно есть перлою столицы ея. Я былъ сегодня въ *Инвалидномъ домѣ* и признаюсь тебѣ, другъ мой, что всѣ мечтанія о древней *Валгалѣ* слабы предъ тѣми существенными благами, которыя доставляетъ тутъ безмятежный отдыхъ посѣдѣвшимъ въ военныхъ трудахъ. — Въ двухъ словахъ расскажу исторію *Инвалиднаго дома*, а потомъ опишу его наружный и внутренній видъ.

Лудовикъ XIV, желая успокоить храбрыхъ сотрудниковъ своихъ, повелѣлъ воздвигнуть великолѣпное зданіе, въ 1671 году. Зданіе сіе, помѣщающее покойно и выгодно до шести тысячъ жильцовъ, есть одно изъ огромнѣйшихъ въ Парижѣ. Наружность величественна и важна. Многія статуи, по приличію расположенныя, возвышаютъ красоту ея. — Съ необыкновеннымъ чувствомъ удовольствія разсматривали мы внутренность дома. Огромныя залы, гдѣ накрыты были обѣденные столы; кухни гдѣ готовили простую, но вкусную пищу, и *гидравлическая машина*, провождающая свѣжую воду во всѣ жилища дома: все возбуждало любопытство наше. Но картина благоденствія здѣшнихъ жителей въ полномъ блескѣ своемъ открылась на переднемъ, зеленью и цвѣтами украшенномъ дворѣ. День былъ прекрасный: множество жильцовъ, оставя комнаты, вышли наслаждаться благоуханіемъ насажденных ими же цвѣтовъ. Здѣсь только можно видѣть полную картину сколь жестоко изувѣченнаго, столь великодушно утѣшеннаго въ невозвратныхъ потеряхъ своихъ чело-
вѣчества. Деревянные ноги и костыли тутъ слишкомъ

обыкновенны. Многія лишились обѣихъ ногъ и одной руки. Таковыхъ сажаютъ въ тележки, которыя легко приводятся въ дѣйствіе остальною рукою, возятъ ихъ по песчанымъ дорожкамъ. Въ толпахъ, покрытыхъ сѣдинами вонювъ, мелькаютъ и молодыя лица. Не одно число лѣтъ службы, но и тяжкія раны даютъ право на помѣщеніе въ жилищѣ семь. Здѣсь къ попеченіямъ правительства присоединяются попеченія родства и дружбы. Тамъ молодая жена увѣряетъ супруга, что раны, обезобразившія видъ его, ни сколько не перемѣнили ея чувствъ. Въ другомъ мѣстѣ видимъ милую дѣвицу съ нѣжною заботливостію поддерживающую престарѣлаго отца, или юношу, замѣняющаго собою костыль дѣду, и съ восторгомъ читающаго славу подвиговъ его въ ранахъ и знакахъ, украшающихъ ветхую грудь. — Недавно одинъ изъ Парижскихъ живописцевъ нарисовалъ прекрасно одного изъ престарѣлыхъ Инвалидовъ, съ отеческою нѣжностію ласкающаго милую дѣвушку, питомицу свою. Онъ вынесъ еще младенцемъ изъ одного горѣвшаго города во время войны, и воспиталъ какъ дочь. Кисть живописца представила разительную противоположность двухъ возрастовъ. Лицо сѣдаго старца покрыто морщинами, а на лицѣ бѣлокурой красавицы играетъ румянецъ розъ. Милая невинность прекрасными голубыми глазами благодаритъ виновника благополучія. Чувствительное сердце для услажденія своего найдетъ много, подобныхъ этой, не рисованныхъ, но живыхъ картинъ въ домѣ Инвалидовъ. Вообще всѣ лица цвѣтутъ улыбкою непритворнаго удовольствія. Люди безъ рукъ и безъ ногъ довольны состояніемъ своимъ, и не смотря на раны и увѣщье, здѣсь рѣже, нежели гдѣнибудь, услышишь вздохъ и стонъ. Но чтобъ получить точное понятіе о всемъ, что тутъ есть превосходнаго, непременно должно войти въ домашнюю церковь Инвалидовъ. — Какая церковь? — Это храмъ, и храмъ великолѣпный!... Золотый куполъ его сіяетъ, какъ солнце, надъ пасмурно-виднымъ Парижемъ. —

Вхожу съ благоговѣніемъ и дивлюсь великолѣпнѣйшаго храма. Вездѣ мраморъ, памятники и рѣдкая живопись. Полъ изъ мрамора, мозаика. *Памятники с крижками* заслуживаютъ особенное вниманіе. На нихъ начертаны имена прославившихъ себя подвигами и честною смертію за отечество. — Но вотъ *памятникъ* мужа благороднаго въ герояхъ, искуснаго въ полководцахъ—памятникъ *Тюрена*. Художникъ представилъ его въ послѣднюю минуту жизни. Разпростертой на львиной кожѣ. Тюрень умираетъ въ объятіяхъ вѣрнѣйшей спутницы своей—*Побѣды!* — Побѣда, въ видѣ величавой женщины, одною рукою поддерживаетъ слабѣющую голову умирающаго, а другою съ улыбкою готовится возложить на нее *вѣнецъ безсмертія*. Вся душа героя, вмѣстѣ съ его взорами, устремлена на сію лестную награду. Величественный орелъ, подлѣ сидящій, также быстро глядитъ на сей вѣнецъ. *Мудрость и храбрость* въ образѣ двухъ женщинъ, неутѣшно рыдаютъ. *Исторія* пристально смотритъ на великаго, чтобъ не уронить ни одной черты его дѣла.

Всѣ сіи изваянія изъ лучшаго бѣлаго мрамора. Внизу на мѣди выпуклая картина *Тюркь-Геймскаго* сраженія.— Вотъ все, что я умѣлъ тебѣ сказать объ *Инвалидномъ* домѣ, на который только что успѣлъ взглянуть, и о которомъ много думалъ послѣ.—Такъ, вотъ средство воспламенять юношей, ободрять мужей и покоить старцевъ!... Взглянувъ на жилище сіе, молодой воинъ охотно вырывается изъ объятій семейства, слѣпо слѣдуетъ гласу вождя и легко, подѣмлетъ свинцовое бремя военныхъ трудовъ. Грозныя битвы, дальніе походы, буря и зной, степи и горы не страшны ему. Ядро отрываетъ руку, пуля пролетаетъ сквозь ногу, онъ плаваетъ въ крови; но *надежда*, подобно богинямъ *Валамъ*, слетаетъ утѣшать его въ лютейшей скорби часъ. — Не будетъ влачить дней своихъ безъ вѣрнаго крова и надежныхъ подпоръ; нужда не заставитъ его вымалывать крохи насущнаго хлѣба подѣ

окнами безчувственныхъ. Не будетъ застигать его темная ночь въ безпріютномъ шатаніи по чуждымъ полямъ, и снѣгъ не посыплется на главу, лишениую покрова: онъ имѣетъ вѣрное для себя *убѣжище*, куда вводить *заслуги*, и гдѣ поконитъ *отечество*! Конечно, устройство и содержаніе Инвалиднаго дома стоитъ великихъ денегъ!... Войска наши слишкомъ многочисленны, число заслуженныхъ велико и устройство зданія, подобнаго описанному, кажется невозможно. Но другое великое и благотѣльное предначертаніе, плодъ глубокой мудрости и чувствительности Монарха нашего, готовить счастливый жребій вѣрнымъ отечества сынамъ. *Осѣдлость* войскъ есть предпріятіе, способамъ и мѣстности Россіи совершенно приличное. — Я уже вижу, въ пріятномъ мечтаніи, тѣ счастливыя времена, когда по утихшимъ бурямъ процвѣтутъ въ различныхъ краяхъ отечества новыя *военныя села*. Порядокъ, къ которому издавна привыкли, чистая нравственность, которою вездѣ отличались, умѣренность, съ которою всегда жили, и *вѣра* и *вѣрность*, которыя нигдѣ ихъ не оставляли, поселятся и заживутъ вмѣстѣ съ воинами Русскими.

Руки, сѣявшія смерть въ кровопролитныхъ битвахъ, посядутъ и пожнутъ свои мирныя поля. Тогда-то воины спасители отечества, поддержавшіе паденіе древнихъ престоловъ, и вынесшіе на мощныхъ раменахъ своихъ изъ пропасти униженія славу Европы, возчувствуютъ всѣ сладости благополучія мирнаго. Они изгоняютъ роскошь и не допустятъ къ себѣ бѣдности. Тогда странникъ, укрытый гостепріимнымъ воиномъ отъ бурной осенней ночи, увидитъ картину домашняго благополучія, которой подобныхъ еще нигдѣ не видалъ; онъ увидитъ израненаго старца поучающаго сына война искусству управлять плугомъ, а внука, юнѣйшаго изъ членовъ *военнаго семейства* его искусству владѣть оружіемъ. Тутъ въ веселомъ пиру товарищей за ковшами пѣнистой браги, или за чарами ими же добытаго

хлѣбнаго вина, войны мирные на привольѣ, съ неизъяснимымъ умилеи́емъ бесѣдовать стану́тъ о прежнихъ дняхъ побѣдъ и настоящей славы Монарха—благодѣтеля своего.

ПАРИЖЪ.

Возвращаясь изъ *Инвалиднаго дома* въ свою квартиру, мы завернули по дорогѣ въ *Пале-Рояль*, смѣшались съ толпою, и исчезли въ ней. Я еще не сказалъ тебѣ о здѣшней торговлѣ разными мелкими сочиненіями. Сотни мальчишекъ промышляютъ ею. Шумными толпами бѣгаютъ они туда и сюда, мечутся изъ угла въ уголъ, и громко провозглашая заглавія новѣйшихъ сочиненій, стараются сбыть ихъ съ рукъ. Одинъ кричитъ: *Ссылка Наполеона на островъ Эльбу стоитъ франкъ!* Другой еще громче: *прибытіе Людовика XVIII въ Парижъ, цѣна 2 франка!* «Вотъ прекрасное сочиненіе *Волшебный фонарь!* Оно обратило на себя вниманіе публики!» Вотъ того же сочинителя *Прощаніе Русскихъ съ Парижанами*: покупайте скорѣй, это послѣдній экземпляръ во всемъ Парижѣ!»—«Не правда, онъ вретъ, кричитъ голосъ изъ толпы: у меня ихъ цѣлая корзина!»—Заглавіе показалось мнѣ любопытнымъ; я хотѣлъ купить, и цѣлая толпа продавцовъ ринулась ко мнѣ съ печатнымъ товаромъ, «Я уступаю вамъ это сочиненіе за 20 су, говорилъ *первый*: возьмите у меня за 15, кричалъ *второй*. Вотъ вамъ оно за 10, закричалъ громче всѣхъ *третій*, и вынурнувъ изъ толпы, проворно сунулъ мнѣ его въ руку. Бросаю 10 су и опрометью домой.—Такихъ ежедневныхъ, и, смѣло можно сказать, *однодневныхъ* сочиненій выходитъ здѣсь великое множество. То, которое я купилъ сей часъ, любопытно: въ немъ можно видѣть, какъ Французъ заставляе́тъ нашихъ Русскихъ прощаться съ своимъ Парижемъ. Прочти и посмотри, что говоритъ

Французъ о Русскихъ, и что заставляетъ Русскаго говорить о Французахъ. Вотъ переводъ *прощанія Русскихъ съ Парижанами*.

Послѣ двухмѣсячнаго пребыванія въ Парижѣ, показавъ примѣръ самаго строгаго повиновенія къ уставамъ службы и самаго дружескаго обхожденія съ Парижанами, Русскіе возвращаются опять въ свое отечество. Не безъ сердечнаго сожалѣнія оставляютъ они тотъ городъ, котораго жители не преставали оказывать имъ всевозможные знаки пріязни и уваженія, должнаго избавителямъ народа. — (Жаль что сіи красивыя слова не оправданы дѣломъ!) Вотъ какъ Русскіе въ тотъ часъ, когда уже походные ранцы были у нихъ за плечами, прощались съ Парижемъ и Парижанками:

Прощайте, Парижане, прощайте добрые пріятели наши! говорили они: мы никогда не забудемъ вашихъ чудесныхъ трактирщиковъ, купцовъ и конфетчиковъ!... Прощайте, почтенные мѣновщики Парижскіе! мы довольны безкорыстіемъ вашимъ: вы давали намъ золото за бумагу; однакожъ признайтесь, что этотъ промѣнъ вамъ не въ накладъ!...

Актеры, и актрисы, пѣвцы и пѣвицы, прыгуны и прыгуньи прощайте!... Мы уже не будемъ болѣе ѣсть апельсиновъ въ комедіи, восхищаться прыжками въ оперѣ, забавляться ухватками плутоватыхъ гаеровъ на *булеваряхъ*; мы не увидимъ чудесныхъ прыгуновъ по канату въ *Тиволи*, обезьянъ на *площади Музеума*, ораторовъ въ *Атенеи* и Китайскихъ тѣней въ *Пале-Рояль*. Прощайте милыя, прелестныя очаровательницы, которыми такъ славится Парижъ: вы, блестящія въ оперѣ, разгуливающія по *булеварамъ* и порхающія въ *галлерейхъ* и *садахъ Пале-Рояля*!... Забудемъ ли ваши предести, ласки, ваше *постоянство*! Нѣтъ! съ береговъ *Невы* и *Дона* будемъ мы посылать къ вамъ страстные вздохи свои. Вы смотрѣли не на лицо, но на достоинство... Брадатой казакъ и плосколицой

Башкиръ становились любимцами сердець вашихъ — за деньги! Вы всегда уважали *зѣтнящія добродѣтели!* Прощайте, *Софіи, Ежильи, Тежиры и Аллаи!* прощайте рѣзвые пламенные омулянки, томныя бѣлянки, прощайте черные и голубые глаза; мы не имѣли ни средства, ни времени списывать портреты ваши; но мы имѣемъ другіе памятники: ваши стрѣлы у насъ въ сердцахъ, и полученные отъ васъ *раны* долго будутъ напоминать намъ о васъ. Прощайте уминые, догадливые Французскіе слуги, вы, которыми щедрая Русская плата придавала крылья; вы, знакомые со всѣми закоулками Парижа и вѣдающіе всю подноготную въ немъ!... Прощайте *поля Елисейскія*, прощай и ты *Марсово поле!* Мы расположили на васъ *биваки* свои, застроили васъ хижинами, шалашами, бутками, и жили въ нихъ какъ въ палатахъ. Нерѣдко милыя городскія красавицы навѣщали кочующихъ сосѣдей своихъ. Онѣ не пугались ратнаго шума, и прыгали зефирами по грудамъ оружія, при блескѣ полевыхъ огней, или тихими лодками выплывали изъ-за деревъ, какъ тѣни, при тускломъ мерцаніи луны. Какихъ наслажденій не приносили онѣ съ собою!.. Прощайте господ повара, кандиторы, портные, сапожники, слесари и сѣдельники; вы долго не забудете неимоверной щедрости Русской. Богъ знаетъ, чтобы стало съ вами безъ насъ! Уже заимодавцы ваши ополчались всею строгостію законовъ, уже отпирались двери темницъ... но Провидѣніе привело въ Парижъ Русскихъ, и вы свободны и богаты! Стройте новые дома и пишите на нихъ: «отъ щедротъ Русскихъ!» Прощайте, г-да книгопродавцы! Чуръ не пѣнять! въ военномъ переполохѣ, мы не успѣли познакомиться съ вами короче! *Опера, Фейдо, Variete, Водевиль и Амбю* (*) поглощали весь нашъ досугъ! Но погодите, изъ отдаленныхъ краевъ отечества нашего будемъ мы присылать къ вамъ Русскіе деньги

(*) Имена Французскихъ театровъ.

на Французскія книги! Французскія книги у насъ въ великой чести! Прекрасной языкъ вашъ гремитъ и славится даже и въ самыхъ пустыняхъ Сѣвера!... Прощайте блестящія общества *лучшихъ людей*, людей лучшаго тона. Мы имѣли счастье иногда помѣшаться въ кругахъ вашихъ! Какое обхожденіе! Какая учтивость! О Французы, одни только вы умѣете жить, У васъ мужчины просвѣщены и образованы; женщины милы, умны, веселы и всегда *благопристойны* (!!)

Любезные Французы! прелестныя Француженки! вы насъ плѣнили, очаровали, просвѣтили, вы *офранцузили* насъ!... Читайтежь въ душахъ нашихъ усердное, пламенное желаніе подражать вамъ всегда! Такъ мы употребимъ всѣ усилія, чтобы общества обѣихъ столицъ нашихъ одушевились, украсились умомъ и духомъ Французскимъ, (Такъ говоритъ Французъ за Русскихъ; а истинные Русскіе вѣрно повторять будутъ въ утреннихъ и вечернихъ молитвахъ своихъ: «избави Господи отъ мора, потопа, огня и Французскаго духа!...») Прощайтежь любезные, умные, храбрые, роскошные и *вѣтренные* Парижане, прощайте!... подъ шумомъ бурныхъ морей, въ нашихъ снѣжныхъ пустыняхъ, отъ *Бѣлтскихъ* до *Каспійскихъ* водъ, вездѣ будетъ гремѣть въ устахъ народовъ имя прелестнаго Парижа! О, градъ утѣхъ и наслажденій! все твое будь нашимъ!... Въ наукахъ, художествахъ, промышленности, а болѣе всего въ великомъ *умѣннѣ* жить будемъ мы подражать одному тебѣ!»—Не много погостили, но многому научились мы въ стѣнахъ твоихъ!... Твои обычаи и нравы процвѣтутъ въ предѣлахъ Русскихъ. (Къ несчастію, они и безъ того уже тамъ цвѣтутъ. Дай Богъ, чтобы поскорѣй завяли), придетъ, придетъ то счастливое время, когда храбрые Россіяне достигнутъ лестной славы называться *Сѣверными Французами*, когда... Но довольно! довольно!... Да мимо идетъ чаша сія!—Нельзя ли обойти насъ производствомъ въ *Сѣверные Французы*? Мы право еще не стоимъ этого.

Разница между нами и вами, господа Французы! еще очень велика: *Москва* и *Парижъ* свидѣтельствуютъ въ томъ!...

П А Р И Ж Ъ.

Ф а н т а с м а г о р і я .

Сей часъ былъ я въ волшебномъ мірѣ, въ жилищѣ тѣней и призраковъ. Всѣ чудеса *физики* и всѣ очарованія оптики увидѣлъ я въ домѣ Г. *Лебретона*.— Мы пріѣхали въ 7 часу вечера. Посѣтителей еще не было. Хозяинъ озабоченъ приготовленіемъ разныхъ снарядовъ для физическихъ опытовъ; а мы занялись разсматриваніемъ его кабинета. Онъ украшенъ множествомъ любопытнѣйшихъ предметовъ. Все, до чего только когда либо достигнуть могъ изобрѣтательный умъ человѣка, представлено тутъ въ чертежахъ, рисункахъ и въ образцовыхъ снарядахъ, въ маломъ видѣ: тутъ видимъ *механическую колесницу*, ѣдущую безъ лошадей; тамъ *стимботъ* или *пароходъ*, имѣющій способность двигаться безъ гребли и парусовъ противъ бури и волнъ. На одной изъ картинъ представленъ человѣкъ, поднимающійся на поддѣльныхъ крыльяхъ; здѣсь нарисованъ *искусникъ*, ступающій по водѣ; а тамъ человѣкъ, несгорающій въ пламени. Посмотрите сюда! сказалъ помощникъ хозяйской: вы вѣрно довольны будете. Гляжу въ *круглое стекло*, и цѣпенѣю отъ удивленія.—Картина прелестнѣйшаго вечера является глазамъ моимъ. — Какое-то волшебное очарованіе представляетъ мнѣ *окрестности Дуная*.—Величественная рѣка, лѣсистый берегъ, древній замокъ и свѣтлое вечернее небо—ясно, живо и отчетливо будто на яву представляются тутъ. Горные ключи брызжутъ изъ скалъ; водопады сыплются серебромъ: башни, берега и небо изображаются въ тихоплывущемъ кристалѣ водъ; бѣлыя струи дыма точно вьются изъ трубъ!

Стражъ замка стоитъ опершись на мшистой зубецъ стѣны, и смотритъ задумчиво на небо. Я никогда не видалъ такой ясности неба!... Луна, въ полномъ сіяніи, весело гуляетъ по голубымъ равнинамъ тверди. Звѣзды, какъ тлѣющія искры, сверкаютъ далеко въ высотѣ на темной синевѣ эфира: видъ очаровательный, прелестный!... Опускаю глаза въ низъ. Вижу опять *Дунай*, вблизи засыпающіе лѣса, вдали сѣдую картину горъ... очарованіе совершенно... Я смотрю, забываюсь, и, какъ *Гомеровъ* пастырь, *всѣмъ сердцемъ веселюсь*, въ глубокой тишинѣ ясной безвѣтреной полночи, величественными красотоми безмолвныхъ небесъ.

Тамъ *звѣзды*, на небѣ вокругъ луны прекрасной,
Блстаютъ въ полночи безвѣтреной и ясной.

И видны холмы всѣ и горы и лѣса,
И вся пространная небесная краса,
Развершись, съ звѣздами безчисленными зрится,
И пастырь на холмѣ *всѣмъ сердцемъ веселится!* *

Вотъ прелестная картина вечера, которую безсм ертный Стихотворецъ нарисовалъ за три тысячи лѣтъ предъ симъ. Точно подобную этой видѣлъ я сегодня въ *оптическомъ стеклѣ*.

Не знаю, докудова не отвелъ бы я глазъ отъ этого стекла, еслибъ не услышалъ за собою шуму и говору многихъ особъ. Оборачиваюсь, и вижу комнату, наполненную людьми. Профессоръ всходитъ на свое мѣсто: всѣ садятся по своимъ, и физическіе опыты начинаются. Рѣчь идетъ о *громѣ, молніи, стверныхъ сіяніяхъ и зарницахъ*. Все это показывается примѣрно въ комнатѣ. Но всѣхъ любопытнѣйшій былъ опытъ надъ дѣйствіемъ *гальванической силы*. *Г. Бретонъ* прикасался серебрянымъ прутикомъ къ одному изъ *нервъ* мертвой *лягушки*, и она вдругъ начинала прыгать.

* Стихи эти взяты изъ VIII пѣсни *Иліады*, прекрасно-переведенной извѣстнымъ стихотворцемъ нашимъ почтеннымъ Н. И. Глидичемъ. Новый переводъ его, размѣромъ древнихъ *визаметровъ*, будетъ конечно для насъ то, что переводъ *Попе* для Англичанъ, а *Фоссова Иліада* для Нѣмцовъ.

Хотя шевелиться, двигаться или прыгать, въ семъ отношеніи, и не значить *жить*; однакожь любопытный опытъ сей невольно погружаетъ въ глукое размышленіе о томъ, что такое *жизнь*.

Должно признаться, что и съ *электричествомъ*, такъ уже давно открытымъ, мы еще знакомы очень. не коротко; а *гальванизмъ* намъ почти совсѣмъ неизвѣстенъ. (*) Но тогда ли заниматься испытаніемъ природы, или изобрѣтеніями спасительныхъ для жизни средствъ, когда полсвѣта стонетъ въ тревогахъ войны и тысячи жизней угасаютъ въ одинъ день!—*Физическіе уроки* кончатся. «Теперь-то увидимъ мы страшныя явленія!» говорятъ сидѣвшія подлѣ меня дамы. Въ самомъ дѣлѣ насъ сводятъ по лѣстницамъ внизъ. Входимъ въ подземелье и садимся опять по лавкамъ. Мрачный сводъ виситъ надъ нами; стѣны изпещрены изображеніями гробницъ и мертвецовъ; по угламъ стоятъ скелеты; заженный спиртъ наводитъ смертную блѣдность на всѣ лица... Вотъ приготовленія къ явленіямъ тѣней!... Онѣ никого не пугаютъ; но непримѣтно настраиваютъ воображеніе зрителей къ мечтательности, и придаютъ силу очарованію. Между тѣмъ поданъ знакъ, и свѣтъ исчезъ. Настала черная ночь. Тамъ далеко, далеко въ глубокомъ мракѣ, сверкаетъ свѣтлая звѣздочка. Она тлѣетъ, гаснетъ, исчезаетъ... На черномъ занавѣсѣ является огненная надпись: *здесь жилище странствующихъ душь!* — Гдѣ-то въ дали, никто не знаетъ гдѣ, раздается самая томная, поющая музыка. Глубоко проникающіе звуки плѣняютъ и мучатъ:

(*) Въ Германіи занимаются теперь ученіемъ о новой чудесной силѣ, способствующей къ исцѣленію всѣхъ нервныхъ болѣзней однимъ прикосновеніемъ рукъ. Силу эту открылъ и назвалъ *животнымъ магнетизмомъ* извѣстный врачъ *Месмеръ*. Французы привяли сперва съ жаромъ открытіе его, потомъ употребили его во зло и изгнали. Но въ Германіи просвѣщеннѣйшіе врачи возстановляютъ опять оное. Въ запискахъ, на обратномъ пути чрезъ Германію, постараемся рассказать, что слышали и читали объ этомъ знаменательномъ открытіи.

кажется кто-то водить смычкомъ по сердцу!... Это *гармоника*. Извѣстно дѣйствіе ея на чувства: она все-ляетъ сперва какое-то уныло сладостное удовольствіе, которое наводитъ потомъ одѣпеніе и тоску. Сіа-то волшебная музыка вызываетъ изъ преисподней безпріютныхъ *странницъ*. Смерть срываетъ печать свою, и тѣни усопшихъ являются.... Вотъ тамъ, въ едва постигаемой глазомъ дали, показывается *огненная точка*, сверкаетъ и растетъ, становится болѣе и ближе, ближе и болѣе—и мы видимъ наконецъ прелестную *красавицу*!

Вся миловидность, вся Ангельская кротость юной страдалцы изображается въ чертахъ ея. Я не могу говорить съ нею, но могу прочесть на лицѣ исторію жизни и кончины ея. Прелестные голубые глаза, потупленные въ землю; улыбка, не смѣющая воскреснуть на блѣдныхъ устахъ: все показываетъ, что грусть отравила краткіе дни жизни ея, и грусть свела ее во гробъ. Одна въ необъятныхъ пустыняхъ вѣчности, она увядаетъ какъ поздній осенній цвѣтокъ, роняющій красы свои отъ бурнаго дыханія зимы. Долго колебалась она въ воздухѣ, не смѣя, кажется, приблизиться къ намъ. Но вотъ идетъ, идетъ, смотреть, двигать глазами, простираетъ руки, кажется просится опять въ нашъ міръ, въ надеждѣ лучшихъ дней.... Вы хотѣли подать ей руку, извлечь изъ бездны на свѣтъ; но *преисподняя* издала синоватый гласъ свой, и быстро обратилась *тѣнь*, и медленно, плывя по иракамъ, исчезла какъ мечта!... Не такъ ли обольщаютъ насъ и въ жизни мечты, надежды и счастіе?... Нетакъ ли исчезаютъ радости, пышность и величіе міра, и самый міръ не естъ ли *картина тѣней*?... Въ слѣдъ за первую цѣлый рядъ другихъ тѣней! Старцы, дѣти, юноши, провзенные желѣзомъ на зарѣ дней своихъ, и дѣвицы, умершія отъ ранней грусти и злополучной любви, одни за другими, являлись предъ нами.

Всѣ они движутся, смотрятъ, и, кажется, готовы броситься въ объятія земныхъ своихъ друзей. Я вспо-

минаю усладительныя мечтанія добродѣтельнаго *Штиль-линга*, и мнѣ право весело вѣрить догадкамъ его. Мой другъ! не такъ ли странствуютъ *тамъ* въ недосигаемыхъ предѣлахъ и души милыхъ намъ?... Но гдѣ это *тамъ*, и если *тамъ* другой новый и лучшій миръ?

Тамъ есть ли новая вселенна,
Иль пусто все превыше звѣздъ?
Кѣмъ область неба населенна?
Кто тамъ надъ солнцами живетъ?
Бунтуютъ ли и тамъ страсти
Царей, рабовъ, тамъ есть ли власти?
Тамъ есть ли *злато, кровъ, порокъ?*
Однѣмъ живетъ тамъ *добродѣтель?*
.....
Тамъ знаютъ ли! что *смерть*, что *рокъ?*—

Такъ вопрошаетъ *душа*, когда, въ минуты унынія, *облака сомнѣній* затмѣваютъ ясность ея. Носимая пламеннымъ вихремъ страстей, *она* жаждетъ, какъ нѣкогда *Агарь* въ пустынѣ, ищетъ, требуетъ и не находитъ счастія; ибо въ блескѣ богатствъ, въ великолѣпіи чертоговъ и въ обманчивомъ сіяніи честей встрѣчаетъ одни только *призраки* счастія.

Такъ обуревается сомнѣніями *душа*, неозаренная спасительнымъ лучемъ откровенія; но рано или поздно пробудится, въ сердцѣ благочестиваго, голосъ незнакомый работающимъ мятежному свѣту, неизъяснимо сладостный голосъ *надежды*, указующей ему новый и лучшій міръ надежда увѣряетъ его, что *гробъ* не уничтожаетъ благороднѣйшее изъ созданій Божіихъ; что *небо и земля* дѣлятъ между собою человека добродѣтельнаго: небо беретъ обратно даръ свой—*душу*; земля поглощаетъ тѣльной покровъ ея!

Священное откровеніе внушаетъ и крѣпитъ благородныя надежды сіи, даруя просвѣщенной и предуготованной душѣ сладчайшее предчувствіе, залогъ *ничѣмъ незамѣннаго* счастія небеснаго. Такъ, если бы *Всевышній* строитель міровъ, во гнѣвѣ своемъ, захотѣлъ

отнять у насъ надежду на *лучшій міръ*: то половина рода человѣческаго конечно отказалась бы въ тотъ же мигъ отъ бурномытежной жизни сей.

Ужель помыслить намъ возможно,
 Что для *земли* мы рождены,
 Для міра, гдѣ все тѣбно, ложно,
 Гдѣ все страстямъ покорены,
 Гдѣ смертный чувствомъ благородный,
 Къ коварствамъ, къ низостямъ несродный,
 Всегда униженъ и забытъ
 За то, что прихотямъ порока
 Почтевя не даетъ глубока,
 И сильнымъ правду говорить.—
 Нѣтъ! нѣтъ! есть міръ иной, міръ вѣчный,
 Гдѣ нѣтъ разврата, крови слезъ,
 Гдѣ самой тихій стонъ сердечный
 Предъ гласомъ гордыхъ перевѣсъ
 Въ судъ Творца людей имѣтъ!—

«Душѣ благочестивой, въ мірѣ семъ живущей, вездѣ есть *чужая сторона*, вездѣ и безпокойствіе, пока «пойдетъ къ небесному отечеству своему!» Вотъ прекрасная истина, сказанная однимъ изъ проповѣдниковъ нашихъ. Сію же самую мысль короче и сильнѣе выразилъ безсмертный воинъ и мудрецъ нашъ *Суворовъ*. Утомясь митежами бурной жизни, бореніемъ съ превратностями случая, съ завистію и злобой, *великій* восклицалъ: «отдыхъ души у престола Божія!»—Такъ, *душа* наша, какъ избѣненная голубица, тоскуя въ земномъ заточеніи, проситъ и ожидаетъ *крыла*, да полетитъ въ *горнее отечество свое*.

Вотъ мысли, просверкавшія одиѣ за другими въ головѣ; вотъ чувства пробудившіяся въ душѣ моей при появленіи *искусственныхъ тѣней*! — Далѣе представляясь различныя *изленія природы*: подражаніе чудесно, очарованіе совершенно. Идетъ дождь—точной *дождь*! бьются молнія, точь въ точь какъ въ небѣ; гремитъ громъ, словно какъ въ грозныхъ тучахъ. Цѣрмьна картѣи! Видно уединенное мѣстоположеніе,

прекрасный весенний вечеръ. Все пусто и покойно. Тихо плещетъ ручеекъ; глубоко тонетъ золотой мѣсяцъ въ серебряномъ разливѣ водъ. Я вижу могилу. Весна зеленить ее нѣжною муравою, и дарить жизнью могильной цвѣтъ. Но *искра жизни* заронила въ самую могилу — и колеблется холмъ ея, и трепещетъ крестъ, и упадаетъ надгробный камень... Дерзкій сынъ праха встаетъ, смѣется уставамъ Неба, и хочетъ нагло ворваться въ *предѣлы жизни*. Но небо пламенѣтъ гнѣвомъ, мечетъ молніи, дробитъ скалы, ломаетъ деревья, и засыпаетъ долину развалинами и землей. Глухо повторяютъ дальнія горы вой, рокотъ и трескъ.

Все это такъ естественно, такъ живо, что право долго не повѣришь, будто видишь только мечту!... Сердце не вытерпѣло бы однѣхъ печальныхъ явленій. Оно млѣетъ и ноетъ отъ грустныхъ звуковъ гармоникъ. Но искусной *Бретонъ* умѣетъ перемѣнять картины свои кстатъ: вдругъ послѣ унылой *пѣсни тѣней* слышишь веселой плясовой напѣвъ, и видишь *вѣдьмъ* и *колдуновъ*; видишь хоры *Шведенборговскихъ Сильфовъ* и рѣзвыя пляски духовъ. — Вотъ ходятъ *зѣтри* и *чуды*!... Вотъ летитъ *змѣй о семи головахъ*!... И вотъ, что значить *фантасмагорія*. Тѣ, которые видѣли въ Россіи *Робертсонову*, имѣютъ уже понятіе о ней; но признаются однакожъ, что *та* далеко отстаетъ въ совершенствѣ отъ *этой*.

Вотъ чудеса, которыя прежде считали дѣйствіемъ сверхъ-естественной силы волшебства или *магій*, и которыя теперь очень естественны для знающаго законы *Оптики* или преломленія лучей. Ни что необманивается насъ такъ, какъ собственные глаза наши. Многие несомнѣваются, что *панорамы* и *фантасмагоріи* извѣстны были еще древнимъ Египтянамъ. Говорятъ, что *волхвы* или мудрецы Египетскіе употребляли ихъ съ пользою для наставленія юныхъ государей своихъ. Молодой Царевичъ по окончаніи наукъ долженъ былъ сдѣлать *подземное путешествіе* въ

царство тьмъей. Юный путешественникъ ходилъ въ одну изъ пирамидъ (такъ говоритъ преданіе), и мгновенно свѣтъ исчезалъ; гремѣли громы, блистали молніи, земля разступалась подъ столами, и преисподній край принималъ къ себѣ изумленнаго. Тамъ встрѣчалъ его старецъ, провожалъ путями неизвѣстными, и объяснялъ живыми примѣрами великое таинство правленія судьбою народовъ. Съ одной стороны указываетъ онъ ему самое восхитительное зрѣлище, картину народа благоденствующаго. Онъ видитъ край благословенный: обильнѣйшія жатвы, златыми морями, волнуются по необозримому пространству воздѣланныхъ полей; тучныя стада нестрѣютъ на златной зелени долинъ; города наполнены народомъ, заливы покрыты, кораблями, а рѣки множествомъ судовъ; вездѣ слышны гласы жизни и пѣсни радости. «Столь счастлива бываетъ страна» — говоритъ престарѣлый наставникъ порфирородному юношѣ — «когда управляетъ ею *Государь мудрый!*» Но обрати вниманіе твое на иную страну! И съ симъ словомъ указываетъ ему картину страданій народа бѣдствующаго. Невоздѣланныя степи, неосушенные болота, унылые города и бѣдныя села представляются глазамъ его. Угнетенный нуждами народъ тавится въ глуши дремучихъ лѣсовъ. Онъ не имѣетъ понятія о счастьи общественной жизни; утѣшенія вѣры, защита законовъ и всѣ пріятности наукъ и художествъ для него чужды. Промышленность не смѣетъ приглашать его къ дѣятельности, а торговля къ выгоднымъ мѣнамъ. Цѣлыя области стонутъ подъ ложами правителей, своихъ, и все ихъ достояніе не можетъ насытить корыстолюбіе ихъ. «Таково» говоритъ тотъ же старецъ: «таково государство, управляемое *худой!* Но правители народовъ, продолжаетъ онъ, должны отдать отчетъ Судьѣ неумолимоу. Блаженство, или мученіе ожидаетъ ихъ за гробомъ. То и другое — вѣчно!....»

Тутъ виды измѣняются, и старецъ съ одной стороны указываетъ, всѣми прелестями небснаго благополучія

озаренный *рай*; съ другой всеми ужасами лютейшихъ мученій омраченный *адъ*. Первый, говоритъ онъ, есть неотъемлемое наслѣдіе *царей добрыхъ*, другой вѣчное жилище *злыхъ*! Послѣ этого ты согласишься, другъ мой! что если справедливы рассказы эти, которымъ впрочемъ вѣрить очень пріятно, то *фантазмагорія*, со всеми очарованіями своими, не только извѣстна, но несравненно съ большею, чѣмъ теперь, пользою, употребляема бывала и прежде.

ПАЛАТЫ ЗАКОНОДАТЕЛЬНОГО СОСЛОВІЯ.

Я сказалъ и повторяю, что исторія нѣкоторыхъ общественныхъ зданій въ *Парижѣ* составитъ, или по крайней мѣрѣ, объяснить исторію всѣхъ превратностей, постигавшихъ городъ сей; исторію важнѣйшихъ *перемѣнъ* въ образѣ правленія, понятій и благоденствія народа. — *Палаты Законодательнаго Сословія* служатъ тому доказательствомъ. Въ 1722 году построенъ домъ сей для госпожи *Конде*, потомъ назывался онъ *палатами Бурбонъ*, потомъ *палатами Совѣта Пятидесяти*; а тамъ названъ и называется *палатами Законодательнаго Сословія*. *Перемѣны* сихъ именъ соотвѣтствуютъ *перемѣнамъ* общаго порядка вещей во Франціи. Зданіе убрано изящнѣйшими украшеніями зодчества. — Наружность величественна и благородна. Съ одной стороны выдается великолѣпный *портикъ*; двенадцать стройныхъ *Коринѣскихъ* столбовъ поддерживаютъ огромный треугольной фронтоны. Лѣстница одна изъ прекраснѣйшихъ. Статуи *Сюлли*, *Колберта*, *Гопиталля* и *д'Агессо* украшаютъ зданіе. *Зала засѣданій* великолѣпна. *Ликуръ*, *Солонъ*, *Демосѣенъ*, *Брутъ*, *Катонъ*, *Цицеронъ*, изваянные изъ мрамора, напоминаютъ тѣ времена счастливой свободы, когда ни мыслишь ни говоришь не возпрещалось; когда люди, одаренные краснорѣчіемъ сильнымъ, въ полномъ собраніи народа позорили пороки и превозносили добродѣтель. Истинные

друзья людей никогда не бывают льстецами ихъ: они безщадно разятъ вредные предразсудки, безтрепетно обнаруживаютъ слабости, и *законы*, изобрѣтенные ими, благотѣлствуютъ поколѣніямъ многихъ вѣковъ. Я не много смыслю о законодательствѣ вообще, о законахъ же Франціи еще менѣе; но изъ всего, что о нихъ слышалъ вскользь, не могу не похвалить того, что мнѣ въ особенности въ нихъ нравится то, что всѣ важнѣйшія дѣла рѣшались здѣсь открыто. Тутъ нѣтъ глубокой *тайны* въ сужденіяхъ уголовныхъ. Двери во всѣхъ судахъ отворены. Изслѣдованія всѣхъ обстоятельствъ преступленія производятся гласно въ глазахъ обвиненнаго и при толпѣ зрителей. Обыкновеніе это пріемлетъ начало съ самыхъ отдаленныхъ временъ. *Миллеръ*, въ исторіи своей, говоритъ, что давнѣйшіе владѣтели областей Швейцаріи производили судъ и расправу подъ тѣнію древнихъ дубовъ при большихъ дорогахъ. Всякой странникъ вслушивался въ вопросы судьи и отвѣты подсудимаго. И въ самомъ дѣлѣ, для чего *истинѣ* скрывать въ дѣйствіяхъ своихъ?—Явно выступаетъ она предъ собраніе народа, съ великою твердостью вопрошаетъ обвиненнаго, съ великимъ благоразуміемъ углубляется во мракъ, которымъ окружилъ онъ вину свою, и смѣло, рѣшительно произноситъ *приговоръ*! Какъ громъ небесный разятъ преступника, приговоръ ея, и кто посмѣетъ роптать на него?... Но если *лицепріятіе* или златолюбіе возобладаетъ духомъ судіи: тогда старается онъ сокрыть кривыя сужденія свои во мракъ тайны; запираетъ дверь своего судилища, удаляетъ любопытныхъ, и путая и темня по волѣ своей обстоятельства, извлекаетъ изъ нихъ *рѣшеніе*, не рѣдко поражающее *невинность* у которой всѣ средства къ оправданію отняты. — Во Франціи всѣ порядочные граждане имѣютъ позволеніе присутствовать при судопроизводствѣ. Они не подають голосовъ во время самаго засѣданія, но послѣ составляется *общій голосъ*, который или усугубляетъ

обвиненіе, или оправдываетъ обвиненнаго. — Всякой имѣетъ право печатать свое мнѣніе о производствѣ какого либо дѣла. Какая побудительная причина для *судьи* быть осторожнымъ и безкорыстнымъ!... *Общесмысленіе* есть неумолимый судія: ни соблазны, ни подкупъ не совратятъ его съ прямого пути!...

Другая выгода для подсудимыхъ—позволеніе имѣть *адвокатовъ* (стряпчихъ) и даже *совѣтниковъ* въ продолженіи дѣла. Искусной законовѣдецъ всегда можетъ быть благотворителемъ ближнихъ. Отъ того-то въ Греціи и Римѣ лучшіе *Ораторы* занимались изученіемъ законовъ.—Всѣ священные и гражданскіе законы велѣтъ намъ выручать ближняго изъ *бѣды*; но развѣ не величайшее бѣдствіе быть неправо обвиненнымъ?

Ты проходишь дремучій лѣсъ, слышишь вопли, бѣжишь на помощь, исторгаешь несчастнаго изъ подъ ножа убійцы—и ты совершаешь прекрасный подвигъ! — Ты гуляешь по берегу рѣки, слышишь стоны утопающаго, бросаешься въ воду, извлекаешь погибавшаго, возвращаешь отца семейству—и тебѣ плетутъ похвалы въ обществахъ, за тебя возсылаютъ молитвы къ небесамъ!... Почемужъ, проходя мимо судилища, и слыша стонъ и рыданія безпокровнаго *несчастливца*, видя жало злости изощренное на *пронзеніе* груди невиннаго, видя невиннаго сего *утопающаго* въ пучинѣ *железа* и *навязтовъ*: почему не имѣешь ты права спасти его отъ смерти и позора, какъ спасъ двухъ первыхъ отъ гибели? Французъ имѣетъ это *право*, и *право* это есть перлюю законодательства его.

Впрочемъ, другъ мой! мнѣ все кажется, что не столько *совершенство законовъ* (ибо что есть въ мірѣ совершенное?) сколько добросовѣстность судіи способствуетъ къ справедливѣйшему рѣшенію дѣла. — Хорошій художникъ и съ посредственными орудіями сдѣлаетъ свое дѣло лучше, чѣмъ худой съ самыми превосходными. Тоже и съ судьями: *доброй* (я разумѣю по сердцу, смыслу, совѣсти) и при крайне несовер-

пенныхъ законахъ умѣть быть достойнымъ своего званія. Дайте *злomu судъ* самыя лучшіе законы: онъ исказитъ и обезчеститъ ихъ поведеніемъ своимъ. Истина сего разсужденія заключается въ одной изъ пословицъ нашихъ: *не бойся суда, а бойся судьи*. Но чтобъ судъ былъ справедливу, должно непременно чтобъ судъ его открытъ былъ *общему мнѣнію*, и самъ онъ подлежалъ бы строгому, неумытному суду онаго..... Должно признаться однакожъ, что хорошее *законодательство* неопѣненное благо для народа; оно есть *камень основанія* общественнаго счастія. Легче завоевать десять чужихъ царствъ, нежели подарить своему десятъ законовъ, которые бы осчастливили настоящее поколѣніе, и благословлялись потомствомъ. Но какое отличительное достоинство должно быть печатію законовъ?—*Ясность!*—А достоинство дѣйствія ихъ?—*Откровенность!*—Истина стыдится дѣйствовать *подспудно*. Солнце, въ тѣ благодатные дни, когда животворитъ природу свѣтлостію лучей своихъ, не сокрывается за темныя тучи: таковы должны быть и законы въ дѣйствіи своемъ!...

П А Р И Ж Ъ.

Что сказать тебѣ еще о Парижѣ? — Часы бѣгутъ, дни исчезаютъ, срокъ выѣзда большими шагами приближается: развѣ описаній моихъ тебѣ не довольно?— Не довольно!» отвѣчаешь ты и говоришь: «площади, театры и актеры не столько нравятся читателямъ какъ цѣлый народъ, представляемый въ истинномъ сего видѣ, а не въ декорационныхъ изображеніяхъ нашихъ путешественниковъ, видѣвшихъ все съ одной только подмалеванной стороны!»—Понимаю, понимаю: ты хочешь знать Парижскія нравы (*moeurs Parisiennes*). Да посуди самъ, тому ли наблюдать и описывать ихъ, кто только едва успѣлъ взглянуть на Парижъ и

нѣсколько дней прокружиться между Парижанами?— Однако, кстати, у меня есть на примѣтѣ человекъ, который всю нравственность Французскую развернетъ предо мною, какъ книгу, или что все равно, я увижу ее въ его книгѣ.

ПАРИЖСКОЙ ПУСТЫННИКЪ.

Не выходя изъ Парижа, которой совсѣмъ не похожъ на пустытника, я видѣлъ пустытника. Не понимаешь? — Объясню. Одинъ изъ благоразумнѣйшихъ Парижанъ, отшатнувшись отъ шумнаго свѣта, поселился въ 4 этажъ прекраснаго дома на прекраснѣйшей изъ Парижскихъ улицъ *Шоссе-Дантенъ*, и назвалъ себя пустыникомъ. Блескъ, шумъ и волненіе многолюднѣйшаго изъ городовъ Европейскихъ не тревожатъ уединенія его. Возвышенный духомъ, иссвязанный обстоятельствами, онъ смотритъ на всѣхъ равно, и самую безпристрастною кистію *рисуетъ картины нравственности* своихъ согражданъ. — Вниманіе Парижанъ ободрило учителя ихъ: Г. *Жакленъ* изъяснилъ ему общую благодарность въ слѣдующихъ стихахъ:

Соперникъ Стерна умный,
Парижской Адиссонъ!
По мудрости съ Сократомъ
Достойный быть сравненъ,
Сколь сладки и полезны
Твои писанья намъ!
Какъ въ зеркалѣ мы видимъ
Въ нихъ глупость и порокъ.
Рази ты ихъ насмѣшкой,
И громко славь добро!
Ряди въ ослины уши,
И въ харахъ выставляй
Причуды и пороки
Народу предъ глаза.
Пиши! съ тобой Богъ вкуса,
Тебя безсмертье ждетъ!»—

Вотъ отъ какого челоуѣка почерпаю я свѣденія о нравственности Парижанъ. Его рассказы, (изустные или письменные, для тебя все равно), такъ живо изображаютъ Французовъ со всѣхъ сторонъ, что читатель, забывшись, почитаетъ себя наблюдателемъ. Я представляю тебѣ здѣсь только нѣсколько отрывковъ, нѣсколько, такъ сказать, небольшихъ картинъ, въ которыхъ ты увидишь Парижанъ и Парижанокъ въ различныхъ положеніяхъ ихъ домашней и свѣтской жизни. Не ожидай отъ меня ни плана, ни порядка: не имѣя ни средствъ, ни способовъ писать, какъ бы хотѣлъ, я пишу, какъ могу. Вотъ нѣкоторые отрывки, разсѣянные черты.

Парижская щеголиха въ церкви.

Знатная Парижская дама въ церковь: ей подъ ноги — дорогую подушку; въ руки — раззолоченной въ сафьянѣ молитвенникъ. Передъ нею — три дюжихъ лакея раздвигаютъ толпы народа; за нею — толпа молодыхъ людей!....

Что нужно въ Парижѣ для крестинъ.

По назначенію госпожи D.... одной изъ первыхъ модницъ, (затвердившей наизусть все уложеніе большаго свѣта), приглашенный въ *кумовья* необходимо долженъ купить для крестинъ слѣдующее:

1) *Ларчикъ*. Онъ долженъ быть и милъ и дорогъ!....

2) Въ ларчикъ кладется: *шесть дюженъ* самыхъ прекрасныхъ, самыхъ нѣжныхъ и тонкихъ перчатокъ, два вѣера: одинъ искусно оправленный сталью, другой черепахою и проч. Потомъ: вязанку искусственныхъ цвѣтговъ, но такъ искусно сдѣланныхъ, чтобъ самый опытный ботанистъ почелъ ихъ за живые! Сверхъ того двѣ бутылочки розоваго масла; благовонное ожерелье изъ серальскихъ мастикъ и нѣсколько другихъ кра-

сивыхъ, но дорогихъ бездѣлокъ. Всѣ эти мѣлочи, которыя непременно надлежитъ купить въ модномъ магазинѣ подъ вывѣскою золотого колокола (*à la cloche d'or*) всѣ эти мѣлочи стоятъ 450 рублей!.. Еще не все: *лампу* для освѣщенія спальни родильницы. Эта *лампа* покупается непременно въ магазинѣ О; ибо въ Парижѣ вещь теряетъ половину цѣны, если куплена не въ томъ магазинѣ, который слыветъ моднымъ!—Вмѣстѣ же съ лампою берется и фарфоровая ваза у *Даготи*. Крайняя цѣна сихъ обѣихъ бездѣлокъ 400 рублей!! И тутъ еще не все:—приборъ къ модной шляпкѣ для няни во сто рублей, и *мериновую шаль* для кормилицы! Если кто захочетъ, говоритъ Госпожа D. . . , то можетъ купить еще для ребенка *гремушку*. У *Дюбьефа* можно достать довольно порядочную за 200 рублей. (200 рублей за гремушку!)—Такимъ образомъ, по священнымъ уставамъ *моды, кумы, поднеся* дары свои *родильницѣ, кумѣ, няни и кормилицѣ*, и заплатя при томъ священнику, швейцару, давъ милостыню приходскимъ нищимъ, и на водку дворнѣ, истрачиваетъ всего на всего на одни крестины не много, ни мало, 2,375 *франковъ* или нашихъ рублей!!!

Люди пожилые увѣряютъ, что за 30 предъ симъ лѣтъ, самыя пышныя крестины въ Парижѣ, совсѣмъ сборами и приборами обходились не дороже 50 рублей, а теперь?—Это доказываетъ успѣхи роскоши, причудъ и мотовства въ столицѣ Французской! При отцѣ Людовика XIV было въ Парижѣ только нѣсколько каретъ; теперь ихъ нѣсколько тысячъ!....

П р и ч и н а .

Еще не доказано, отъ роскоши ль рождается тщеславіе, или отъ тщеславія роскошь; но извѣстно, что онѣ между собою въ близкомъ сродствѣ. Извѣстно и то,

что отъ роскоши и тщеславія родятся вычуры и причуды. Мужъ прелестной госпожи N,*** доброй банкиръ, мозолевыми трудами скопилъ кой какъ изрядной капиталъ. Далѣе и болѣе, онъ сравнился съ первыми богачами въ Парижѣ. Прежняя сожительница его, добрая хозяйка, умерла. Онъ женился на молодой дѣвицѣ, привыкшей порхать мотылькомъ въ большомъ свѣтѣ. Молодая вертушка вскружила голову пожилому мужу. Онъ нѣжитъ и лелѣетъ ее какъ дитя; смотреть ей въ глаза, и угадываетъ всѣ ея желанія. Чего только у ней нѣтъ? Шалей цѣлые сундуки; платьямъ — щету нѣтъ; головной уборъ что день, то нововъ!... *Сансье, Леруа и Нутъе* безпрестанно хлопчутъ о томъ, какъ бы и чѣмъ бы ей угодить. Наскучить городъ? — У нее есть прекрасная дача туда съѣзжаются только пріятные ей одной люди. Чего же бы, кажется, недоставало ей?—Но при пышномъ туалетѣ, въ обществѣ друзей, на балахъ, въ оперѣ и на гуляньяхъ, причудница скучаетъ! Судорожное движеніе нервъ и припадки истерики мучать ее. Какая же всему этому причина?—*Тщеславіе!* Ей стыдно стало жить въ прекрасномъ домѣ, на прекрасной улицѣ; но въ сосѣдствѣ съ *портными!*... И вотъ она до тѣхъ поръ больна тоскою, пока мужъ не купитъ ей дома въ *Шоссе Дантенъ*, а тамъ, чево добрава!—захочетъ жить и во дворцѣ: таковы женскія причуды!...

Привязанность Французовъ къ отечественному языку.

Французы любятъ свой языкъ: въ этомъ должно отдать имъ справедливость. Мужчины и женщины, богачи и бѣдные, говорятъ только по Французски. Недавно одна знатная дама писала къ издателю журнала, который придерживался часто иностранныхъ рѣченій: «Ради Бога избавьте насъ отъ вашихъ Латинскихъ, Аглійскихъ, Италіянскихъ фразъ! Онѣ хороши — не спорю! но свое родное лучше! Говорите Французамъ,

особливо Француженкамъ всегда по Французски!»— Если Француженки такъ усердно вступаются за свой бѣдной изъ разныхъ нарѣчій скропанной языкъ: то какъ же вамъ, прелестныя Россіянки, милыя соотечественницы мои! какъ же вамъ не вступаться за свой богатой, звучной и великолѣпной языкъ?—Онъ громокъ и силенъ въ устахъ ораторовъ; нѣженъ и очарователенъ въ прелестныхъ устахъ вашихъ!...

КАРТИНА ТАКЪ НАЗЫВАЕМЫХЪ ЛУЧШИХЪ НЫНѢШНИХЪ ОБЩЕСТВЪ
ВЪ ПАРИЖѢ.

Богатый домъ убранъ великолѣпно, освѣщенъ прекрасно; всего довольно, кромѣ удовольствія. Дамы сидятъ особо, подъ рядъ, шепчутся, чудятъ, пересуживаютъ и зѣваютъ. Мушны, по два, по три, стоятъ у оконъ, у камина, по разнымъ угламъ гостиной комнаты. Всякой толкуетъ о своемъ. Одинъ объ лошадяхъ, другой о собакахъ; тамъ спорятъ о политикѣ, тутъ о приказныхъ дѣлахъ. Общество то же, что и прежде; но общаго разговора нѣтъ. Бывало г-жи *Деламбертъ*, *Тансенъ* и другія, умѣли сблизить мужчинъ съ женщинами, стариковъ съ молодыми; начать общее чтеніе, завести общій разговоръ, затѣять общую игру—и удовольствіе всегда бывало общимъ. Такъ говорятъ, вздыхая, люди стараго вѣка.—Въ самомъ дѣлѣ, только *умъ* и *любезность* женщинъ, которыя никогда не старѣются въ нихъ, могутъ придавать очаровательную прелесть свѣтскимъ обществамъ. Умная женщина есть та райская птичка, которую слушая забываешь и мѣсто, и время, и самого себя!—Со времени Революціи владычество женщинъ пало, и самое уваженіе къ нимъ почти истребилось. Теперь Французы обходятся съ своими женщинами, какъ рабы, вырвавшіеся на волю, съ прежними господами: говорятъ объ нихъ худо, смотрятъ на нихъ косо; часто даже бываютъ предъ

ними дерзски, и очень нерѣдко неблагопристойны, особливо въ рѣчахъ. Слѣсь и самохвальство заступили мѣсто привѣтливой вѣжливости.

ПАРИЖСКІЕ ФРАНТЫ.

Никогда не вели себя такъ странно молодые люди, какъ теперь. Они такъ заняты собою, что едва ли замѣчаютъ кого-нибудь, кромѣ себя, въ обществѣ.— Зеркала привлекаютъ ихъ какою-то магнитною силою! встрѣтятъ 20 въ одной комнатѣ, и къ каждому подойдутъ, въ каждое заглянуть и въ каждомъ полюбуются собою!

Никогда, какъ теперь, не было въ нихъ такой дерзкой самонадѣянности, такой увѣренности въ мнимомъ собственномъ достоинствѣ. Не зная азбуки, готовы спорить о Поэзій съ самимъ Деллемъ! Отъ этого-то и обхожденіе ихъ неучтиво, даже нагло! Ходить мимо дамъ безъ всякой осторожности, оборачиваться къ нимъ спиною и проч. есть обыкновенное дѣло Парижскихъ франтовъ. Нерѣдко въ обществѣ, въ глазахъ множества гостей, одинъ изъ нихъ становится у камелька, заслоняетъ собою огонь, подымаетъ полы фрака, и, грѣясь, какъ будто въ своей спальнѣ, начинаетъ рассказывать давно знакомый и перезнакомый анекдотъ—за новость! Таковы франты во фракахъ. Но о тѣхъ которые звенятъ шпорами, стучатъ саблями, ходятъ межъ людей, какъ въ лѣсу, наступаютъ женщинамъ на платья, говорятъ объ усахъ и султанахъ, которые такъ страшны на войнѣ и въ обществахъ... о тѣхъ и говорить страшно! Нельзя однакожъ не замѣтить, что благовоспитаннымъ женщинамъ и слушать ихъ страшно! Во всѣ свои рассказы они слишкомъ много пересыпаютъ *площадной соли!*...

Что показываютъ въ Парижѣ.

Въ каждой улицѣ, въ каждомъ переулкѣ, на каждомъ почти шагѣ въ Парижѣ что нибудь да показываютъ! Кромѣ извѣстныхъ главныхъ театровъ. множество шутовскихъ и гаерскихъ, разбѣяно по бульварамъ, подъ галлереями, и каждый имѣетъ свою толпу зрителей. Въ одномъ мѣстѣ показываютъ *Китайскія тѣни*, въ другомъ *искусственного слона*! тамъ, цѣлую роту ученыхъ чижей; далѣе болтливое общество по-пугаевъ. Обезьяны, сурки и собаки доставляютъ хлѣбъ многимъ затѣйникамъ. Пещера непостижимаго чело-вѣка (*l'homme incompréhensible*) всегда осаждена толпою зѣвакъ. Смотрятъ и дивятся, какъ искусникъ глотаетъ палки, камни и желѣзо!.. У *Преве* показываютъ землю (большой глобусъ), у *Куриця* великихъ людей. Слово *показываютъ*, (*on montre*) вертится безпрестанно на языкѣ Парижанъ. Съ нѣкотораго времени у нихъ все сдѣлалось *показнымъ*—и всѣ великія произшествія какъ будто имъ были только *показаны*!...

Въ одномъ концѣ Парижа рубили головы, а въ другомъ смѣясь, говорили: «тамъ *показываютъ* дѣйствіе гильотины!»

При появленіи *кометы* въ 1811 году, одна Парижанка писала къ своей пріятельницѣ изъ города въ деревню: «какъ не кстати, милая! уѣхала ты отсюда съ своею Графинейю! У насъ въ *Парижѣ* (*chez nous à Paris*, любимая поговорка Французовъ) *показываютъ* прекрасную *комету*.—Я уже раза три успѣла побывать на *мосту художествъ* (*Pont des arts*), откуда она очень видна! Увѣряютъ, что *кометы* показываются только черезъ сотни лѣтъ; а потому мнѣ очень больно, сердечно жаль, что ты, моя милая! не могла теперъ увидѣть *этой*!» Представьте, что эта добрая Парижанка отъ чистаго сердца вѣрила, будто за 20 верстъ отъ Парижа комета уже не видна!...

ПАГУБНЫЯ СЛѢДСТІЯ МОДНОЙ ОДЕЖДЫ И ТАНЦОВЪ, ИЛИ СМЕРТЬ
РОБЕРТИНЫ ДЕ ВИЛАРМОНЪ.

Прелестная Робертина Вилармонъ была украшеніемъ Парижскихъ обществъ, душею семьи своей, любовью и радостію родителей. Получа отличнѣйшее воспитаніе, подъ неусыпнымъ надзоромъ рѣдкой матери-наставницы, она дивила, утѣшала и очаровывала всѣхъ своими дарованіями, скромностію и необыкновенною добротою сердца. Наружная красота соотвѣтствовала нравственнымъ качествамъ ея: я никогда не видалъ такого живаго румянца на лицѣ и такихъ прелестныхъ глазъ! На балахъ, въ домашнихъ концертахъ и на праздникахъ, *Робертина* была первою. Неизъяснимое очарованіе любезности влекло къ ней взоры и сердца. Сама нѣжная мать не могла наглядѣться на свою милую дочь.

Но не долго была она счастіемъ родныхъ и постороннихъ! на прелестной зарѣ юности разцвѣтающая жизнь ея увяла въ объятіяхъ страшной смерти. Слѣпое повиновеніе строгимъ уставамъ безмысленной моды погубило дѣвицу! Насъ позвали на одинъ модной балъ (*). Веселая и счастливая Робертина, какъ милая весенняя птичка, порхала въ танцахъ и забывала о всемъ. Далеко за полночь продолжался балъ. Наконецъ стали разъѣзжаться. Робертина набросила шаль, надѣла салопъ, и забыла, что есть на свѣтѣ простуда. Вышли на крыльцо, дожидались кареты, почувствовали холодъ; но домой пріѣхали безъ всякихъ худыхъ предчувствій. На другой день получаю съ нарочнымъ записку, что *Робертина* занемогла. Спѣшу въ домъ Вилармона и—какая перемена въ одну только ночь!... Ужасная боль въ головѣ, тоска въ сердцѣ, колюще въ груди и жаръ во всемъ тѣлѣ: вотъ въ какомъ положеніи засталъ я ту, которая наканунѣ цвѣла какъ роза!... Балъ и модная одежда открыли

(*) Все это рассказываетъ П. Пустынникъ.

ей дверь холодной могилы: она простудилась!—Ни слезы и молитвы родителей, ни молодость цвѣтущихъ лѣтъ, не спасли злополучную.... Спусти день или два, меня позвали на *похороны*!.... Если и въ Парижѣ, куда зима едва заглядываетъ, мода и балы имѣютъ столь гибельныя послѣдствія, чегожъ должно ожидать отъ нихъ въ нашихъ столицахъ Сѣвера?—На кладбищахъ Парижскихъ можно читать надписи: «здѣсь погребена Графиня N. N: во цвѣтѣ лѣтъ и красоты она сдѣлалась жертвою баловъ и модныхъ одеждъ!» Одинъ искусной Парижской *врачъ*, разсуждая о вредѣ мятежной свѣтской жизни и легкихъ одеждъ для красоты и здоровья, помѣстилъ нѣсколько разительныхъ примѣровъ въ книгѣ своей, названной: *Другъ женщинъ*. Я желалъ бы, еслибъ позволяло время и мѣсто привести сотни такихъ примѣровъ, чтобъ остеречь прелестныхъ соотечественницъ нашихъ отъ подобныхъ случаевъ. Желалъ бы я обладать даромъ излщнѣйшаго краснорѣчія, чтобъ убѣдить прекрасныхъ Россіянокъ рѣшиться наконецъ разторгнуть тяжкія узы пустыхъ свѣтскихъ приличій, и владычеству надъ сердцами, перестать рабѣнно покоряться безмысленному и пагубному владычеству моды. Сѣверъ былъ всегда колыбелью красоты. Въ студеномъ дыханіи зимы алѣли розыи красавицы наши. Пріятныя семейныя *вечеринки*, тихая жизнь и теплыя одежды, сохраняли на долго здоровье и красоту. Кто изъ Русскихъ забудетъ прекрасное выраженіе *Сумарокова*? Разсуждая о дарахъ природы, онъ говоритъ, что она дала намъ красоту, на мѣсто винограда!—Чтожъ похищаетъ теперь у насъ сей прелестный природы даръ?—Мятежная свѣтская жизнь, судѣнье за картами, круженье въ танцахъ, безеенье, легкія одежды и всѣ вычуры и причуды *моды*. Пятнадцатилѣтняя дѣвушка выходитъ въ свѣтъ мила, какъ ангелъ, свѣжа какъ цвѣтокъ!... Прокружитесь недѣлю двѣ на балахъ—и гдѣ ея красота?—Румянецъ блѣднѣетъ, липо желтѣетъ; въ глазахъ томно, подъ гла-

зами сине.... Мигрени, истерики, зубная боль и нервный судороги, слѣдуютъ за нѣсколькими днями упоенія и забавъ!... «Это ужасно, и потому болѣе ужасно, что справедливо!» Такъ скажетъ мнѣ знающій странности свѣта человѣкъ. Но, прибавитъ онъ, ты напрасно хочешь убѣдить *одною страницей* въ томъ, о чемъ писали цѣлыя книги и все не въ прокъ!... Свѣтская женщина *прочтетъ, пойметъ и не послушаетъ!* — Нѣтъ! говорятъ мнѣ *тайное предчувствіе*: «если только *прочтетъ, то пойметъ; а если пойметъ, то вѣрно послушаетъ!*» «Ибо это клонится совершенно къ пользѣ ея,» прибавляетъ *здоровый рассудокъ*. Посмотримъ, что покажетъ, и кого изъ насъ оправдастъ *опытъ!*...

ДНЕВНЫЯ ЗАПИСКИ МОДНОЙ ПАРИЖАНКИ.

7/10 ЯНВАРЯ 1812 ГОДА.

Въ 3 часовъ утра уѣхала я отъ Г-жи В***. Она дала намъ чрезвычайный балъ, только ужъ черезъ чуръ много назвала гостей!.. Я бы высала по крайней мѣрѣ сто человѣкъ, которые совсѣмъ не рождены для большаго свѣта, негодны для блестящихъ обществъ; они были лишніе: не играли въ карты, не танцовали, слонялись какъ тѣни.... Еще не было и трехъ за полночь, а муженекъ мой затѣялъ ѣхать домой. Куда страннѣе: сущій чудакъ! На него однакожъ часто находить такая блажь! За то какъ все смѣялись надъ нимъ!... Угрюмецъ разсудовѣлся, заворчалъ и уѣхалъ домой—одинъ! Чтожъ за бѣда! кому сгрозишь?—Я повеселилась еще часъ или два, и прелестной молодой *Сазиньолой* проводить меня до дому.— Въ полдень Викторина принесла кучу нарядовъ: что-то все не по мнѣ. Викторина право кажется за одно съ Кавалеромъ N*** Не даромъ она все твердитъ мнѣ про него. Если ей вѣрять, то онъ три раза заходилъ вчера ко мнѣ, и цѣлой вечеръ рыскалъ по

всѣмъ театрамъ, чтобъ только взглянуть на меня. Однако я рѣшилась проучить дружка порядкомъ: онъ не увидитъ, и тѣни моей цѣлые два дни! — Посоль приглашаетъ меня сего дни къ обѣду; всепокорнѣйшая услужница ваша, Господинъ Посоль! Я и намѣдн чуть не умерла у васъ со скуки!—При томъ же вѣдь мужъ мой ужъ вѣрно будетъ тамъ, и я опять должна воротиться домой съ тоскою, съ мигренемъ и съ мужемъ!....

НВ. Не забыть бы мнѣ столкнуть Г. Дюлака. Этотъ повѣса изволимъ забыть, что по моей милости попалъ въ люди. Я вынудила Министра дать ему Интендантское мѣсто; а онъ, какая неблагодарность! не хочетъ ссудить меня и тысячею рублями!.... Я уснула поздно. Мужъ мой допущенъ ко мнѣ не прежде двухъ часовъ. Шагъ въ комнату—и я тотчасъ увидѣла, что у него длинное лицо и полный ротъ упрековъ: онъ пришелъ браниться! Но я умѣла найтись, и чтобъ отразить ударъ ударомъ, напустилась сама на него. Я выговаривала, за чѣмъ такъ долго не готова карета, почему не принесена шаль, за чѣмъ не откуплена въ театрѣ ложа и проч. и проч... Я наговорила ему при томъ столько колкостей, что еслибъ *колкія слова* въ самомъ дѣлѣ кололись, то на немъ не осталось бы живаго мѣста!... Мой доброй мужъ выслушалъ все со смирениемъ, объяснился съ кротостію: мы обнялись и помирились.—Онъ обѣщалъ заплатить мои послѣдніе долги: чужою лучше!... Чтобъ отвязаться отъ страстнаго *Доримона*, который таялъ и вздыхалъ у меня цѣлое утро, я одѣлась прежде времени и велѣла везти себя въ манежъ. *Сурди* подвелъ мнѣ *Зефирина*. Я отъ этой лошади безъ ума!.. Онъ, правда, уступаетъ мнѣ ее по знакомству за 3000 рублей: конюшій мой увѣряетъ, что это за безцѣнокъ!... Мнѣ вздумалось проѣзжаться верхомъ. Молодой N** случился тутъ. Я позволила ему поѣхать съ собою. Мы проскакали добрыхъ двѣ мили. — На пути встрѣтился трактиръ. я

сошла съ лошади, и сыграла съ нимъ двѣ *parties* на билиардѣ. N** бойкой игрокъ, однако не отважился дать мнѣ больше *шести* впередъ. — Въ 5 часу воротились въ Парижъ. Я заглянула, мимоѣздомъ, въ лавку *Нутъ*: ничего хорошаго! Молодая оперная актриса купила при мнѣ на 2000 франковъ вдругъ! Плательщикъ ея, Командоръ D** думалъ, что я его не замѣтила. Отъ моихъ глазъ ничто не ускользнетъ! Завтра буду слушать въ церквѣ Свят... проповѣдь Епископа N. *о тщетѣ почестей и суетѣ жрѣцескихъ заботъ*: посмотримъ, чѣмъ онъ обрадуетъ насъ лучшимъ!...

3/21 ЯНВАРЯ.

Я была въ гостяхъ и надрывалась со смѣху. — Иг-
рали въ *Кребсъ*. Я пошла въ половину къ Полковнику L.
Мы проиграли пропасть!... Ну, чѣмъ же помочь?...
Придется заложить *склаважъ*! Нечего дѣлать!... Не
въ чемъ будетъ показаться въ люди: такъ и живи!...
Ужъ разсвѣло порядочно, а я только что воротилась
домой. Спальня моя полна прекраснѣйшихъ восточ-
ныхъ ароматовъ, мнѣ привезъ ихъ Графъ S... изъ
Константинополя. Доброй мой мужъ. и безъ меня ду-
мая только обо мнѣ, велѣлъ Виторниѣ пакурить имъ
въ спальнѣ моей, зная, что мнѣ это нравится....

СПАЛЬНЯ ПАРИЖСКОЙ ШЕГОЛИХИ.

Прелестная Г-жа K** ложится въ пышную по-
стель. Надъ нею зеркальный сводъ; кругомъ *шали* и
жисю; подлѣ столкѣ съ модными романами. Въ про-
зрачной алебастровой урнѣ, окруженной цвѣточною
рощицею, теплится ночная лампада. Тихой, серебра-
ной свѣтъ чуть брежжетъ сквозъ зелень. У мужа
болитъ голова: онъ спитъ на другой половинѣ.

Нѣсколько служанокъ, умывъ красавицу розовою водою, и окуря комнату ароматами, уходятъ.—Все тихо... Два часа за полночь; но прелестная Г-жа К* не можетъ уснуть: какое-то внутреннее безпокойство тревожитъ ее. Вдругъ послышался тихой шорохъ; потаенная дверь, закрытая картиною, тихонько отпахнулась... Шелестъ шаговъ умножается; въ зеркалѣ мелькаетъ знакомая тѣнь... «А мужъ? — Онъ спитъ. — Покойной сонъ!...»

ОБРАЗЧИКИ ГАЗЕТНЫХЪ ПАРИЖСКИХЪ ОБЪЯВЛЕНІЙ.

1.

«Женщина лѣтъ въ 40, но еще свѣжая и здоровая (*bien conservée*) предлагаетъ у себя столъ и комнаты молодому человѣку хорошей фамиліи. Рѣшаясь на вызовъ сей, она имѣетъ въ виду не столько денежной прибытокъ, какъ пріятное провозженіе времени съ востанальцомъ своимъ. —

2.

«Молодой человѣкъ изъ хорошаго дома, сдѣлавшій большіе успѣхи въ наукахъ, разумѣющій почти всѣ Европейскіе языки, и умѣющій играть на многихъ инструментахъ, желаетъ опредѣлиться — въ *камердинеры!!!*»

3.

«Семнадцатилѣтняя деревенская дѣвушка, здороваго сложенія, пріятной наружности и прескромнаго поведенія, желаетъ опредѣлиться къ холостому мужчинѣ въ ключницы. Она имѣетъ прекраснѣйшія одобрительныя свидѣтельства отъ тѣхъ, у которыхъ служила прежде.»

4.

«Молодая и здоровая дѣвица, лѣтъ двадцати двухъ, желаетъ опредѣлиться въ кормилицы. Она уже была въ семь званій нѣсколько разъ, и умѣетъ обходиться съ дѣтьми. О честномъ и добропорядочномъ поведеніи своемъ представить она самыя удовлетворительныя свидѣтельства.»

3.

«Вызываются охотники заложить банкъ въ 20,000 франковъ. Лучшіе игроки D*** и L..., сдѣлавъ вернѣйшій расчетъ по *правилу товарищества* (картежнаго), ручаются, что складчина сія ежедневнаго барыша приносить будетъ непремѣнно по 800 франк. Людей, съ которыми надлежитъ вступить въ дальнѣйшія по сему предмету объясненія, можно застать отъ полудня до полуночи въ Пале-Рояль, подъ № 109.»

6.

«Любезная и умная молодая дѣвушка предлагаетъ руку и сердце человѣку лѣтъ въ 60; но богатому и бездѣтному, который, наскуча шумомъ и суетами свѣтской жизни, желаетъ успокоиться въ объятіяхъ милой подруги и вкусить всю сладость домашнего благополучія.»

7.

«Мужчина лѣтъ 36, изъ себя видный, пригожій хорошій музыкантъ, любезный въ обхожденіи, однимъ словомъ, имѣющій всѣ средства нравиться женщинамъ; при томъ потомокъ древнѣйшаго поколѣнія *Графовъ Тулузскихъ*, имѣвшій знатныя помѣстья *до революціи*, ищетъ въ супруги себѣ вдову, которая бы имѣла вѣрнѣйшаго дохода 80,000 франковъ!—Онъ не гоняется за молодостію лѣтъ, а еще менѣе за красотою; но желаетъ найти въ жевѣ своей кротость, мягкосердіе и сговорчивость, увѣренъ будучи, что одними только сими качествами устроивается счастіе семейственное. А какъ же худо прежде свадьбы другъ друга взглянуть, то онъ и объявляетъ, что его можно встрѣчать всякой день въ 4 часа по полудни на извѣстной *террасѣ* въ Тюльери, и пр.

NB. Въ этихъ объявленіяхъ можно видѣть образчики особенныхъ, однимъ только можетъ быть Парижанамъ свойственныхъ, обычаевъ и нравственности ихъ.

ПАРИЖСКІЕ ШАРЛАТАНЫ.

Каждый искусникъ окруженъ толпою зрителей. Одинъ продаетъ чудесные зубные, другой лице-блательные порошки и мази; третій торгуетъ помадою, отъ которой волосы растутъ не по днямъ, а по часамъ!... Тамъ уличной химикъ показываетъ чудесные опыты своей науки. Здѣсь молодая дѣвочка—чѣмъ вы думаете промышляетъ деньги?—Искусствомъ и навыкомъ вертѣться съ удивительною скоростію по цѣлому часу на одной ногѣ! Другая наигрываетъ разные аріи, водя перстомъ по рюмкамъ и стаканамъ.—Далѣе цѣлая семья, отъ дѣда до правнука, достаетъ дневное пропитаніе ломаньемъ, которое приводитъ въ содроганіе, возбуждая сожалѣніе и ужасъ. Прыгуны, гримасники, шуты, плуты и нищіе, мелькаютъ въ народѣ. Въ разныхъ мѣстахъ видишь цѣлыя толпы куколъ, забавляющія толпы зрителей. Если прибавить къ этому многолюдство, толпящееся у четырехъ большихъ театровъ, и наполняющее 108 ярко-освѣщенныхъ кофейныхъ домовъ: то можно составить себѣ въ умѣ картину народнаго движенія въ Парижѣ, и имѣть понятіе о вечерней прогулкѣ по бульварамъ.

ВОТЪ КАКОВЫ ПАРИЖАКИ.

Не правда ли, (говорилъ неопытной молодой человѣкъ посѣдѣвшему въ Парижѣ старику), не правда ли, что эта прелестная женщина въ модномъ шитомъ платьѣ должна быть молодая вдова? А почему ты это думаешь?—«Потому, что она такъ ловка, бойка, рѣзва и развязна въ обхожденіи; такъ остра и свободна въ рѣчахъ...»—Ты ужасно ошибся, отвѣчалъ старикъ. Эта молодая женщина только за недѣлю предъ симъ вышла за мужъ. Она платитъ теперь свадебные *сигиты*, и въ этомъ домѣ еще въ первой разъ. Отъ

чегожъ такая способность быть въ людяхъ, какъ дома; отъ чего все эти приемы, показывающіе женщину самаго большаго свѣта!»—Это плоды *нынѣшняго воспитанія!* Прежде, говорилъ старикъ, *новобранную* тотчасъ можно было узнать и отличить по скромности, застѣнчивости и милой стыдливости.—«Быть такъ, я ошибся!—продолжалъ молодой человѣкъ—но согласитесь, что вонъ эта молодая дѣвушка, на которой муселиновое платье дѣтскаго покроя (*robe a l'enfant*), и которая сама мила какъ дитя, которая—посмотрите на нее пожалуста—такъ медленно подымаетъ длинныя черныя рѣсницы, заслоняющія почти всегда потупленные прекрасные глаза; которая съ такимъ холоднымъ равнодушіемъ, съ такою примѣтною робостію, слушаетъ неотвязчиваго, дороднаго мужчину, который кажется пугаетъ ее однимъ видомъ своимъ. . согласитесь, что эта дѣвушка воспитанница какого-нибудь *Института*, и отпущена къ роднымъ на праздники, въ гости: не правда ли? Я угадалъ?» — Совсѣмъ нето!... воскликнулъ старикъ, и не могъ удержаться отъ смѣха. Женщина, о которой ты говоришь, уже не одинъ разъ была за мужемъ. Ея молодость *поддѣльная*. Теперь она вдова. Это сущій *Алживіадѣ* женскаго пола! Съ первымъ мужемъ, Амстердамскимъ банкиромъ, она объѣздила все торговые города Европы, судя и толкуя съ купцами о повышевіи и упадкѣ *курса*, о таможенныхъ, тарифахъ и проч. Вышедъ, въ другой разъ, за Кирасирскаго полковника, она совсѣмъ перемѣнилась въ обычаяхъ и правѣ. Изъ дня въ день бывала въ манежѣ у *Сурди*, скакала, рыскала и перещеголяла всѣхъ въ верховой ѣздѣ. Не рѣдко видали ее летящую стрѣлою съ полкомъ въ атаку, или порхающую зафяромъ вокругъ учащихся эскадроновъ. Теперь она поимовлена за Епископскаго племянника, и ты видишь, хорошоли играетъ роль *смиреницы!*

«Неужели я и теперь ошибусь (говорилъ опять молодой человѣкъ); если стану утверждать, что вотъ

та живая, вѣтрѣная *брюнетка*, которая минуты не посидитъ на мѣстѣ, которая въ три четверти часа успѣла перешептаться съ каждымъ изъ гостей, и каждая подарила умильнымъ взглядомъ, наградила ласковою улыбкою, у которой въ глазахъ сверкаетъ такой огонь... неужели она не сущая *кокетка*? — «Она такъ далека отъ кокетства, какъ небо отъ земли. Это добрая, нѣжная, милая госпожа *Линколь*! Не пламя порочной страсти, но чистѣйшій огонь благородной души блистаетъ въ глазахъ ея. Пораженная предчувствіемъ скорой смерти, предчувствіемъ къ несчастію слишкомъ справедливымъ, она *торопится жить*; ей бы желалось превратить дни въ годы: отъ того такая непомѣрная дѣятельность!... Она любитъ науки, покровительствуетъ дарованіямъ, помогаетъ бѣднымъ и плачетъ о несчастныхъ. Одинъ изъ друзей ея сказалъ недавно, что у нее *голова мужская, тѣло женское; а сердце Ангельское!* и это сущая правда!... «Виновать виновать предъ госпожею *Линколь*! но за то ужъ теперь вѣрно воздамъ достойное достойной. Такъ говорилъ молодой философъ, который не умѣлъ еще проникать во глубину сердца человѣческаго и постигать тайны его.—«Вотъ *эта*, продолжалъ онъ, тихая, скромная, не красивая и не дурная, немного рябоватая лицомъ женщина, которая нѣсколько разъ прослезилась, и нѣсколько десятковъ разъ вздохнула, когда рассказывали о побѣдѣ Французовъ въ Россіи, о сраженіяхъ прошлой войны, которая кажется всегда принимаетъ участіе въ чужомъ горѣ, за всѣхъ сохнетъ, безпрестанно подымаетъ глаза къ небу, кладетъ руку на сердце, говоритъ о набожности, о покаяніи, носитъ цѣлый годъ трауръ по троюродномъ братѣ: эта женщина должна быть очень чувствительна и очень мила, не правда ли?»—Ее лучше всего можно описать стихами Г. Жаклена, отвѣчалъ старикъ: вотъ онъ, а въ нихъ и точное изображеніе ея:

«Задумчива, уныла
Въ собраніяхъ она;
Рыдаетъ слезно—въ драмѣ,
А дома—мужа бьетъ!...»

«Ну! воскликнуть молодой наблюдатель: узнай же,
послѣ этого *женщина—въ Парижъ!!!*»

РАЗНЫЯ МЕЛКІЯ ЗАМѢЧАНІЯ О ПАРИЖѢ И ФРАНЦУЗАХЪ.

«Гораздо дешевле воспитать двоихъ дѣтей, чѣмъ свозить пять или шесть разъ въ годъ жену свою на балъ!» Такъ говорятъ Французы. И въ Парижѣ рыскать по *баламъ* накладно для здоровья и кошелька!

«Французы пользуются готовыми сужденіями и готовыми выраженіями (*phrases*), какъ приготовленными блюдами.

Наканунѣ смерти Людовика XVI Французы пѣли.. Нѣкто сказалъ: если разрушится свѣтъ и останется только небольшой обломокъ земли, на которомъ Французу можно ходить—онъ и тамъ будетъ прыгать и пѣть.

«Вы журите меня за то, что я принимаю въ домъ этого человѣка—говорила одна дама—уже ли думаете, что свойства и поведеніе его мнѣ неизвѣстны?—Все знаю; но согласитесь, что въ Парижѣ забираютъ дома только для тѣхъ, которые *смѣшны* (*ridicules*), *скучны* или *слишкомъ просты*; этотъ же человѣкъ напротивъ имѣетъ острый умъ и очень острый языкъ: онъ не спуститъ и отцу родному, а падить, только тѣхъ, у которыхъ обѣдасть.»

Если разложить химически уличные толпы Парижанъ, то вѣрно найдешь, что каждая состоитъ изъ *эвак* (*hadaud*), *плутсовъ* (*chevalier d'industrie*), и *завбиякъ* (*qui viennent chercher querelle*).

Корыстолюбіе есть одинъ изъ главнѣйшихъ пороковъ въ Парижѣ. Качества человѣка цѣнятся по количеству доходовъ его. Рѣдко смотрятъ на личность, но всегда почти на наличность. Кто богатъ, входятъ въ долги, и платятъ ихъ: тотъ прекраснѣйшій человѣкъ!

Со времени *революціи* дѣти начали говорить отцамъ своимъ *ты* (*tutoyer ses parents*). — Отцу, матери и сестрѣ говорятъ они: *ты*; а кучеру, лакѣю и горничной дѣвкѣ: *вы* (*vous*): потому что, (толкуютъ они) всякой въ семьѣ своей одинъ другому равенъ, и сынъ-де отцу и матери ничѣмъ не одолженъ! — *Chaque âge a ses plaisirs, son esprit et ses mœurs!* Всякое время имѣетъ свой духъ, свои обычаи и нравы!...

Но обнаруживая безпачиво *слабыя стороны* Парижанъ, нельзя не отдать справедливости и тому, что въ нихъ достойно всякой похвалы. Не упоминая за краткостію о прочемъ, и скажу только о *склонности* ихъ къ чтенію. Склонность эта господствуетъ въ Парижѣ во всехъ состояніяхъ народа. Богачъ въ палатахъ, бѣднякъ въ лачугѣ, поповникъ, отдыхая подлѣ своей ноши, — читаютъ! Въ каждомъ домѣ увидишь книги, найдешь семейныя чтенія. *Ученныя общества*, которыхъ въ Парижѣ очень много, въ непрерывныхъ занятіяхъ; въ типографіяхъ вѣчное движеніе, и сколько ни напечатали, все раскупятъ! Известно, что *Прюдожъ* и многіе послѣ него издатели хорошихъ журналовъ, имѣли по 10,000 подписчиковъ!.. Довольно написать одну порядочную книгу, чтобъ сдѣлаться известнымъ, и быть ласково принятъ въ знатнѣйшихъ обществахъ столицы. *Художники* также, какъ и *писатели*, пользуются въ Парижѣ всеобщимъ уваженіемъ и составляютъ свое и семействъ своихъ счастье трудами, которые прославляя ихъ отечество, выѣстъ съ способами къ жизни, доставляютъ имъ и право на безсмертіе. — Послѣ этаго замѣчанія невольно скажешь

самъ себѣ: если уже суждено *рокомъ* намъ Русскимъ передразнивать во всемъ Парижанъ и слѣпо показаться модамъ ихъ: то почему вмѣсто всего, что занимаемъ у нихъ *худого*, почему не переймемъ *хорошаго*?—Для чего, на примѣръ, заражаясь ихъ развратомъ, не заразимся страстію къ чтенію, и не займемъ у нихъ благородной склонности къ ободренію наукъ, свободныхъ художествъ и къ почитанію всего отечественнаго? Почему въ обѣихъ столицахъ нашихъ не продадутъ въ пять лѣтъ столько книгъ, какъ въ Парижѣ въ одинъ годъ? Почему прекраснѣйшіе художники, которые превосходными трудами принесли бы честь каждому народу, живутъ у насъ въ глубокой неизвѣстности и въ безпрерывныхъ заботахъ о способахъ жить?*

Для чего — странность неизъяснимая! художники, сдѣлавшіе имя свое извѣстнымъ въ Европѣ, пріобрѣтшіе вниманіе народовъ чуждыхъ, возвращаясь въ отечество, исчезаютъ въ глубокой тѣни неизвѣстности **? Для чего? . . . Но уже исчезаетъ ночь за-

* Не упоминая о другихъ, я скажу только о печеннѣйшемъ Г. О. П. Т. Постигнувъ еще въ лѣтахъ ранней молодости, что на знатный родъ, на пышныя тѣла, кото- рыя блестятъ и меркнутъ какъ *полуда*, не доставляютъ лестнаго для благодарныхъ душъ *права на безсмертіе*, онъ исторгнулъ себя изъ пресмыкающейся толпы поклонниковъ слѣпнаго счастья, и все свое время посвящалъ служенію добродѣтели и неунывающимъ трудамъ, въ которыхъ, къ чести Русскихъ, сдѣлавъ успѣхи немомѣрные!—*Делныя картины* его ознаменованы *печатію совершенства*. Имя его знакомо въ Италіи, Англіи и Германіи; *вымысломъ* и *отдѣлкою* изображеній его восхищаются всѣ знатоки—и онъ почти неизвѣстенъ еще въ Россіи и трудится безъ всякаго особеннаго ободренія, борясь съ обстоятельствами.

** На примѣръ: Г. *Уткинъ*, почитавшійся въ Парижѣ вторымъ *граверомъ* и снискавшій тамъ большую славу, возвратясь въ отечество, живетъ почти безъ дѣла и вниманія! Еслибъ вельможи наши, вмѣсто покупки дорогою цѣною ничего незначащихъ поддѣльныхъ картинъ у иноземныхъ шарлатановъ, захотѣли украсить палаты свои произведеніями Русской кисти и рѣзца: то отечественныя искусства конечно возшли бы на высокую степень совершенства.

блуждений, и солнце прощенья сходитъ! Богиня мудрости будитъ жезломъ уснувшее дарованіе: оно открываетъ глаза и въ срединѣ мучезарнаго свѣтила дня видитъ имя Августѣйшаго покровителя наукъ! * Чувство привязанности ко всему изящному въ отечествѣ пробуждается въ сердцахъ Россіянъ!

ПАРИЖЬ (НАКАПНІЕ ОТЪѢЗДА).

Мѣсто въ дилижансѣ заказано; завтра ѣдемъ: сегодня сѣдшимъ броситъ послѣдній прощальный взоръ на *Парижъ*.

Смотръ Французскихъ войскъ въ Елисейскихъ поляхъ привлекаетъ всеобщее вниманіе. Народъ валитъ толпами къ Тюльери. Одни хотятъ увидѣть Короля и Принцовъ; другіе увидѣть что нибудь; а третьимъ хоть ничего не видать, толькобъ смотрѣть!... Мы предались влеченію толпы, и очутились у дворца. Передъ воротами очищено мѣсто. Ожидали выхода Герцога Англемскаго: ему надлежало осматривать войска. Подвели статную сѣрую Горскую лошадь всю въ золотѣ. Народъ любовался ею. Долго дожидали Герцога Англемскаго. Герцогъ *Берри* показался на минуту и скрылся!—Два или три Генерала и нѣсколько придворныхъ бѣжали назадъ и впередъ. Наконецъ появился Герцогъ Англемской бодръ, свѣжъ и блистателенъ. Народъ отшатнулся—Герцогъ мигомъ на лошадь; еще мигъ—и овъ полетѣлъ бы вихремъ... Но престарѣлый Иваландъ схватилъ одною рукою лошадь за поводъ, а другою подаль ему прошеніе. Пожилыхъ лѣтъ женщина, подошла съ другой стороны, и подала также бумагу. Я только и ждалъ, что Герцогъ скажетъ: *не время!* и Полиція схватитъ просителей; но къ чести Герцога, къ утѣшенію Французовъ и къ собственному моему

* Мысль эта прекрасно изображена на медали,* за нѣсколько предъ сѣмъ лѣтъ вырѣзанной Г.. Т***.

восхищенію — я ошибся! Герцогъ принялъ *прозбы* милостиво, взглянулъ на просителей ласково, тихо поворотилъ лошадь, и быстро съ мѣста помчался какъ вихрь.—Въ ту минуту, когда Герцогъ принялъ прозбы, и не передавая никому, клалъ ихъ, разстегнувъ двѣ пуговицы, къ себѣ за мундиръ, какъ будто говоря симъ движеніемъ: «я принимаю прошенія несчастныхъ близко къ моему сердцу,»—въ ту самую минуту вся толпа народа, до того молчавшая, какъ будто по какому волшебному знаку, крикнула въ одинъ голосъ: «Vive le Duc d'Angoulême!» *Да здравствуетъ Герцогъ Ангюлемской!* На этотъ разъ крикъ сей не былъ обыкновеннымъ пустымъ привѣтствіемъ, встрѣчающимъ Государей: онъ былъ отголоскомъ сердецъ, восхищенныхъ благороднымъ поступкомъ. — Мы иностранцы, но съ удовольствіемъ подражали въ этомъ случаѣ Французамъ, и кричали вмѣстѣ съ ними. Благородные подвиги совершаются для всѣхъ народовъ и всѣхъ временъ.— Войска были построены по аллеи Елисейскихъ полей. Герцогъ скакалъ по рядамъ Кирасирскія дивизіи, гренадеры, мушкетеры и егеря кричали, (и кажется не по заказу): «да здравствуетъ Герцогъ!»—«Да здравствуетъ Король!» закричалъ Герцогъ, и войско повторило кликъ сей.

ПАРИЖЪ. ВЕЧЕРЪ.

Всякую недѣлю бываетъ гулянье въ *Тиволи*. Мы сей часъ оттуда. Какое прелестное гулянье!... Садъ—волшебный чертогъ!—Деревья, ограды, долины, унизаны, уставлены, осыпаны фонарями и плошками. На одной половинѣ сада не было освѣщеннаго мѣста, между тѣмъ какъ другая столько освѣщалась отблескомъ отъ первой, что можно только было видѣть темноту ея.—Гдѣ ни прислушаешься—музыка! Куда ни помотришь — танцы!—Въ одномъ углѣ видишь фокусниковъ, въ другомъ ворожей, въ третьемъ колдуновъ-отгадчиковъ. Картина этого общественнаго гулянья

пестра, блистательна и разнообразна. Въ одномъ мѣстѣ открытый театръ, осыпанный алмазными огнями. Высоко отъ земли перетянуты канаты, на которыхъ пляшутъ, прыгаютъ, сидятъ и ложатся удивительные искусствомъ и ловкостію смѣльчаки.—Вдругъ зашумѣло что-то сзади; оглянулись—пожаръ *искусственной*! Тамъ зажгли *фейерверкъ*. Какой великолѣпный, пышный, разноцвѣтный пожаръ!.. Золотое, лиловое, розовое пламя, широкими радугами разстиралось по воздуху; алмазамъ, яхонтамъ и изумрудамъ подобныя искры съ трескомъ и блескомъ летѣли на верхъ!—Другой фейерверкъ изображалъ сраженіе. Звукъ, стукъ, перебаты грома точно какъ въ сраженіи!... Наконецъ все сгорѣло, угасло, померкло и смолкло: общая участь всѣхъ блистательныхъ явленій въ мірѣ!.. Къ 12 часамъ садъ опустѣлъ.—Вотъ какимъ гуляньемъ можно наслаждаться здѣсь за 2 франка!—Сегоднешній вечеръ въ Парижѣ послѣдній; завтрашнее утро застанетъ насъ уже въ дилижансѣ—въ дорогѣ!... Прощай!

Выѣздъ изъ Парижа.

Съ первымъ лучемъ зари оставили мы квартиру свою; а восхожденіе солнца увидѣли уже за Парижемъ на дорогѣ въ Мо. Огромный Парижъ со всѣмъ блескомъ, шумомъ, великолѣпіемъ и миллиономъ народа своего, скрылся отъ насъ какъ волшебный сонъ!... Такъ уходилъ отъ глазъ моихъ прелестный Дрезденъ; такъ исчезла пышная Варшава.... Не такъ ли, о другъ мой! исчезнетъ и скроется отъ потухающихъ взоровъ и великая картина міра съ священными красами вѣчнаго неба и живописными видами земли, когда душа, превратясь въ одинъ послѣдній вздохъ, выветится и улетитъ?—Прости! такіа мысли поражаютъ меня всегда, когда удаляюсь отъ большаго города, въ шумѣ, блескѣ и вихряхъ котораго проводилъ нѣсколько дней.

ЗАКЛЮЧЕНІЕ.

Восемь частей Писемъ Русскаго Офицера, обща-
ныя *Издателямъ* оныхъ (*), скоро отпечатаны будутъ
и одна за другою на судъ просвѣщенныхъ читателей
предстанутъ. Какъ неопытный и еще безвѣстный
сочинитель писемъ сихъ, съ невольнымъ трепетомъ
ожидая приговора онымъ. Утѣшаюсь только тѣмъ,
что не корысть или другія подобныя ей побужденія,
но единственное желаніе угодить соотечественникамъ,
повудило меня писать о войнѣ подъ звукомъ громовъ
ея, изображать видъ сраженій почти въ самомъ пылу
оныхъ, дѣлать повсюду наблюденія, и все замѣчанія,
мысли и чувства свои осмѣлився излагать на бумагу.
Счастливъ буду, если, не обманутый въ надеждѣ и цѣли
моей, заслужу благосклонное вниманіе просвѣщенныхъ
читателей. Оно послужитъ мнѣ лестнѣйшею наградою
за слабый, но усердный трудъ. Счастливъ буду,
если книга моя принесетъ хотя малое удовольствіе
вамъ, почтенные сыны Россіи, храбрые воины, по-
жавшіе лавры на родныхъ и чуждыхъ поляхъ!... Пусть
напоминаетъ она вамъ, отдыхающимъ нынѣ отъ крова-
выхъ трудовъ, въ объятіяхъ родныхъ и друзей, о
прошлыхъ временахъ грозной войны, когда смерть
съ огнемъ и громомъ носилась надъ главами вашими;
когда темныя ночи застигали васъ въ трудныхъ по-
ходахъ, а зори утреннія возвѣщали кровавые дни
битвъ. На сырой землѣ было ваше ложе, подъ откры-
тымъ небомъ жилище, у полевыхъ огней пристанище!
Усердно работали вы отечеству и вѣрно служили

(*) Право на первое изданіе книги моей и продажу ея пре-
доставилъ я Московскому книгопродавцу О. А. Свѣшникову,
который и повѣщаетъ объ ней отъ своего имени. Соч.

Первое изданіе «Писемъ Русскаго Офицера» состояло изъ восьми
частей, со включеніемъ «Писемъ къ другу» въ трѣхъ частяхъ,
копъ въ нынѣшнемъ изданіи будутъ напечатаны отдѣльно. Изд.

и *прямил* Царю! Счастливъ буду, если и граждане мирные, давно или никогда невидавшіе кровавыхъ позорищъ войны, получать довольно живое понятіе объ нихъ изъ описаній моихъ, и если хотя слабо, и какъ будто издалека, увидать въ нихъ картины великихъ событій чудеснаго превратностями и славою времени. Еще болѣе почту себя счастливымъ, когда, находя въ книгѣ сей вѣрное описаніе нравовъ и обычаевъ народовъ, усердную, изъ глубины сердца излившуюся похвалу добродѣтели и безщадное порицаніе порока, отецъ велитъ читать ее своему сыну, и мать не отниметъ изъ рукъ у дочери. Но свѣше всѣхъ мѣръ награжденъ буду, если удостовѣрюсь, что книга моя не недостойна быть въ рукахъ будущаго Историка нашего времени и потомства. Много погрѣшностей найдетъ строгой взоръ разборчивости въ недозрѣлыхъ трудахъ моихъ, и я заранѣе уже взываю къ снисходительности читателей.

Да уважать обстоятельства, въ которыхъ я писалъ: они были слишкомъ затруднительны для писателя (*). Последняя часть Писемъ Русскаго Офицера оканчивается описаніемъ столицы Французской (**). Изъ Парижа

(*) Еще разъ осмѣливаемся напомнить почтеннымъ читателямъ, что записки, служившія основаніемъ книги сей, составляемы были среди всѣхъ ужасовъ войны, часто подъ открытымъ небомъ, у пеленыхъ огней, послѣ проведеннаго въ трудахъ и сраженіи дня. Не благоприятѣе были обстоятельства и тогда, когда авторъ *попелся* записки свои въ нѣкоторой порядокъ приводить. Заботы по жизни слишкомъ стѣсняють его. Писатели, занимающіеся трудами своими въ тишинѣ свѣтлыхъ и теплыхъ кабинетовъ, не знаютъ, что значить писать въ квартирѣ, гдѣ отъ холоду стынетъ чернила, или отъ угару кружится голова!..

(**) Авторъ пробылъ въ Парижѣ столько дней, по сколько другіе прожили тамъ недѣль: а потому и не могъ ни такъ разсмотрѣть, какъ бы должно, ни такъ описать, какъ бы ему желательно было, столицу Франціи. Кто захочетъ пить лучшее понятіе о Парижѣ, тотъ можетъ прочесть *Письма Русскаго путешественника*, въ которыхъ почтенной Николай Михайловичъ Карамзинъ, неподражаемымъ слономъ своимъ, описалъ городъ сей до революціи. Есть у насъ *Панорама Парижа*, сочиненная Г. Цептасовымъ, и любопытная книга *Зеркало новаго Парижа*, издан. С. Г. На иностранныхъ же языкахъ описаніямъ Парижа и счету нѣтъ....

проѣзжая по направленію къ *Стразбургу*, познакомился я короче съ Франціею. Съ любопытствомъ обозрѣвалъ Лотарингію; провелъ нѣсколько пріятныхъ часовъ въ *Нанси*, и съ особеннымъ удовольствіемъ любовался прекрасными окрестностями Стразбурга, плодоносными полями Эльзаса, и прелестными картинами природы на тихихъ берегахъ величественнаго Рейна. — Нѣсколько незабвенныхъ дней провелъ я въ прекрасномъ герцогствѣ Баденскомъ, въ странѣ, почитаемой садомъ Германіи. Я жилъ въ *Бруксаль* и видѣлъ *Карльсруге*, видѣлъ родину добродѣтельнѣйшей изъ Государынь, видѣлъ я родину Елисаветы. Вожделѣнное присутствіе Ея придавало новый блескъ тѣмъ мѣстамъ и новое счастье жителямъ оныхъ. Съ живѣйшимъ восхищеніемъ спѣшили они насладиться лицезрѣніемъ Той, которая, какъ Ангелъ красоты и кротости, восхищала ихъ еще въ дѣтствѣ своемъ. Но послѣ долгой разлуки ожидали великихъ переменъ; не дерзали приближаться къ Царицѣ Сѣвера: полагали, что владычество надъ седьмою долею міра породитъ въ Ней, столько свойственную могущимъ обладателямъ, гордость, и заставить забыть тотъ тихой уголокъ, который имѣлъ счастье быть колыбелію Ея. Какъ много ошиблись въ сомнѣніяхъ своихъ!... Добродѣтель не подвержена переменамъ: въ хижинахъ и въ чертогахъ, въ простой одеждѣ и въ великолѣпнѣйшей порфирѣ, въ мирномъ кругу родныхъ и въ шумномъ движеніи подвластныхъ ей милліоновъ она неизмѣнна ни въ чемъ!... Елисавета, отложивъ пышность и блески, которые всегда были ниже великой души Ея, явилась на родину въ небесномъ сіяніи простоты и кротости. То же ангельское сердце, которымъ восхищала всѣхъ прежде, принесла Она съ собою и теперь; та же благодѣтельница въ небесныхъ очахъ; та же очаровательная улыбка благоволенія озаряла счастьемъ окружающихъ ее людей. Молча — привлекала; говоря — очаровывала. Высокая родительница узнала въ Ней любимую дочь, а бѣдныя и не

счастливые узнали мать свою. Всѣ бесѣды, въ то время, когда мы проходили герцогство Баденское, украшались повѣствованіемъ о добродѣтеляхъ Государыни нашей. Отъ Елисаветы къ добродѣтели разговоръ всегда склонялся самъ собою. Всѣ сердца пылали усердіемъ къ Ней и священное имя *Боюмъ обѣтованной* (*) блистало во всѣхъ устахъ. Такъ, общимъ привѣтствіемъ сердце, встрѣчена была на родинѣ своей Государыня наша. И усердный народъ Русской привыкъ обожать въ Ней великія добродѣтели, съ которыми можетъ сравниться одна только безпримѣрная скромность Ея. —

Я видѣлъ *Лейпцигъ* и обозрѣлъ на вѣки прославленные знаменитою побѣдою поля его. Проѣзжалъ я счастливое герцогство Дессауское, видѣлъ еще разъ величавую Эльбу, и гулялъ въ одномъ изъ первѣйшихъ садовъ Европы въ *Вирлицъ*. Въ Берлинѣ былъ я свидѣтелемъ блистательнѣйшихъ торжествъ, устроенныхъ народомъ, привѣтствовавшимъ героя и отца Монарха. Я видѣлъ Государа, возвращеннаго къ счастію Пруссіи, видѣлъ его семейство, дворъ, знаменитѣйшихъ генераловъ, и осчастливленъ былъ особеннымъ взорѣніемъ великодушнаго Монарха сего. Я проѣхалъ потомъ земли между Одеромъ и Вислою, видѣлъ области, древнимъ Нѣмецкимъ рыцарямъ принадлежавшія, и былъ въ одномъ изъ лучшихъ основанныхъ ими городовъ, — въ *Кенигсбергъ*. Этотъ древній союздъ морей обогащается плодами торговыхъ сношеній, цвѣтя и богатѣя подъ кровомъ мудраго правительства своего. По всей дорогѣ къ *Тильзиту* не переставалъ я удивляться искусству, съ каковымъ множество водяныхъ сообщеній въ странахъ сихъ учреждено. На берегахъ *Немана* (въ *Тильзитѣ*) генералы Русскіе устроили прощальной пиръ, и, угощая имъ офицеровъ и солдатъ, благодарили ихъ за великіе опыты мужества въ бояхъ, твердости въ трудахъ и усердіе, всегда и повсюду

(*) Греческое значеніе слова *Елисаветъ*.

оказанные въ теченіи послѣдней безпримѣрной войны. Тутъ простилось войско Русское съ странами чужеземными, и, со множествомъ лавровъ и трофеевъ, вступило въ отечество свое. Все, о чемъ я намекнулъ здѣсь только слегка, описано довольно пространно въ походныхъ запискахъ моихъ и можетъ прибавить еще *два тома* къ вышедшимъ. Но я не успѣлъ еще привести въ надлежащій порядокъ записокъ сихъ, и, судя по обстоятельствамъ, въ которыхъ нахожусь теперь, не надѣюсь сдѣлать этого скоро.

Человѣкъ не имѣющій ни средствъ, ни способовъ, ни свободы располагать собою и временемъ своимъ, не можетъ отвѣчать за свое будущее. — Вразумленный опытомъ, пересталъ я вѣрить золотымъ посуламъ слѣпаго счастья и любимцевъ его, всегда превратныхъ, какъ оно. Не имѣя ничего вѣрнаго, и не смѣя загадывать даже на завтрашній день, я предалъ себя всемогущей волѣ Строителя міровъ и святому покрову Провидѣнія его.

На бурной случаевъ потокъ
Я бросилъ легкой мой челнокъ,
И въ немъ отдался Провидѣнію...
Ахъ, скоро ль *брегъ*?—Еще далеки!
Нѣтъ силъ противиться стремленью:
Влекусь, куда?—Не знаю самъ!...

К О Н Е Ц Ъ.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Предувѣдомленіе	Стран. I
---------------------------	-------------

I.

Описаніе Отечественной войны 1812 года до изгнанія непріятеля изъ Россіи, и переходъ за границу въ 1813 году.

Село Сутоки. Маія 10, 1812.	3
Смоленскъ.	3
Смоленскъ, 7 Іюля.	6
Соединеніе армій.	7
Свиданія 19 Іюля.	—
Взятіе Смоленска.	9
Село Цурпково.	10
Августа 13.	13
Описаніе главнаго начальника войскъ	14
Отступленіе армій.	15
Тогожъ числа.	16
Прибытіе Князя Голеннищева-Кутузова.	17
Его обхожденіе.	18
Военныя чувствованія.	19
Колоцкой монастырь.	20
Высоты Бородинскія.	21
Начало сраженія Августа 24	—
Поздно въ вечеру.	22
Августа 25. Утро.	23
Сумерки.	—
Съ 25 на 26. Глубокая ночь.	—
Битва Бородинская.	24
Продолженіе.	26
Москва, Сентября 2.	27
Боровской перевозъ.	28

	Стран.
Рязань.	29
Сентября 11.	31
Село Льгово.	32
Городъ Таруса.	33
Подвигъ Графа Воронцова.	36
Возвращеніе къ Тарутину.	38
Сентября 30.	39
Октября 1.	—
Село Тарутино.	40
Сраженіе при Тарутинѣ	41
Дѣча Кусовникова близъ Тарутина.	42
Городъ Вязьма.	43
Дорогобужъ.	48
Ноября 7. На полѣ близъ Краснаго.	50
Оттуда же.	54
Мѣстечко Баево.	57
Городъ Борисовъ.	58
Вильна.	60
Оттуда же, 18 Декабря.	61
На пути въ Гродно.	62
Гродно.	64
Бѣгство Французовъ за предѣлы Россіи.	65
Января 1, 1813.	66
Гродно.	67
Мѣстечко Гонендзъ.	68
Оттуда же.	—
Оттуда же, Января 7 по утру.	69
Мѣстечко Радзилово.	—
Деревня Малый Плотскъ.	70
Оттуда же.	—
Деревня Худекъ.	72
Мѣстечко Прасни цъ.	—
Прасни цъ.	73
Оттуда же.	74
Января 17. Оттуда же.	75
18.	76
21. Мѣстечко Плонскъ.	77

Причина замедленія	78
Хитрость военная	—
Слова Барона Анштета	79
Переправа чрезъ Вислу	80
Деревня Бортженциъ	81
26 Января, за двѣ мили отъ Варшавы	—
Мокатово	82
Виланово	83
Древній замокъ Собіекаго	86
Варшава	87
Картина сдачи Варшавы	—
Нѣсколько словъ о Варшавѣ	89
Весна въ Варшавѣ	92
Выѣздъ изъ Варшавы и дорожныя записки	93
Мѣстечко Ярочево	97
Городокъ Ждунъ	98
Польско-Нѣмецкіе городки	—
Городъ Фрауштатъ	99
Тамошніе обычаи	100
Авангардная жизнь	101
Празднество 12 Марта	—

II.

**Описаніе войны 1813 года по изгнаніи
непріятеля за границу.**

Фрауштатъ	107
Весна въ Фрауштатъ	108
Погребеніе у Лютеранъ	—
Театръ	109
Замѣчанія въ дорогѣ	110
Пожаръ въ Бунцлау	111
Бунцлау	112
Герлицъ, городъ	113
Бауценъ	114

	Стран
Каково въ Саксоніи?	117
Дрезденъ	118
Картинная галлерей въ Дрезденъ.	119
Галлерей статуй	128
Оружейная палата, тамъ же	129
Собраніе естественныхъ рѣдкостей, тамъ же	130
Дрезденъ	132
Ораторія	134
Замѣчаніе о Нѣмцахъ	135
Хемницъ	—
Альтенбургъ	138
Взглядъ на движеніе авангарда передъ Люцен- скимъ сраженіемъ.	139
Сраженіе при Люценѣ	140
Мѣстечко Фробургъ	142
— Гейльдгеймъ	143
Городъ Вальдгеймъ	—
Мыза близъ Носсена	145
Городъ Вильсдруфъ	146
Возвращеніе въ Дрезденъ	147
Деревня Вейсигъ	150
Въ окрестностяхъ Бишефсъ-верды.	152
Деревня Ротъ-Наустицъ	—
Слова плѣнныхъ	153
Пожалованіе Генерала Милорадовича въ Графское достоинство	154
Городъ Бауценъ	155
Деревня Зейхау	159
Предусмотрительность Графа Милорадовича	167
Выѣздъ изъ Герлица	171
Рейхенбахъ: перемиріе	173
Возвратный путь въ Россію. Городъ Нимць	175
Гора Цобтенъ	176

Саксонскія женщины.	179
Подземелье въ Альтъ-Вассерѣ	181
Альтъ-Вассеръ.	182
Фюрштенштейнъ и Фюрштенбургъ.	183
Городъ Нейроде.	187
Рекрутской наборъ въ Силезіи.	188
Горы около Альтъ-Вассера.	189
Рейхенбахъ.	191

*Выписки, служащія объясненіемъ
прежнихъ описаній 1812 года.*

Отступление армій къ Вязьмѣ и далѣе.	191
Описаніе ночи, предшествовавшей Бородин- скому сраженію	192
Приближеніе армій къ Москвѣ.	193
Москва занимается непріателемъ безъ боя.	194
Дѣйствіе Кн. Кутузова по оставленіи Москвы.	195
Наполеонъ въ Москвѣ	196
Тарутино	197
Наполеонъ, обманутый въ мечтахъ своихъ	200
Прибытіе Донскихъ войскъ къ Тарутину.	202
Картина Французскихъ биваковъ	203
Оставленіе высотъ Тарутинскихъ.	204
Видъ Малаго Ярославца	205
Преслѣдованіе непріятеля косвеннымъ похо- домъ и трудности онаго.	—
Окончаніе большого сраженія при Вязьмѣ	206
Пораженіе Нея при Красномъ	207
Вступленіе войскъ въ Польшу.	210
О пользѣ воинскихъ наградъ	211
Несчастное состояніе бѣгущихъ Французовъ въ окрестностяхъ Дорогобужа	212
Послѣдній взглядъ на ихъ бѣдствія въ окре- стностяхъ Вильны.	—
О фланговыхъ маршахъ	214

III.

Обратный путь изъ Силезіи въ Россію.

Дорожный дневникъ.

	Стр.
Путь отъ Рейхенбаха къ Одеру.	219
За Одеромъ	220
Большая Варшавская дорога.	222
Взглядъ на Прагу.	224
Варшава. Королевскія Лазенки.	226
Лѣтній дворецъ въ Лазенкахъ.	228
Театръ въ Варшавѣ	231
Встрѣчи.	—
Дорога къ Бресту Литовскому.	232
Помѣшанная.	233
Доминикъ Радзивицъ.	235
Мѣстечко Ратно. Графиня Сосновская.	236
Мѣстечко Любашевъ.	237
Городъ Пинскъ.	238
Несвижъ.	239
Московскій казачій полкъ гр. Мамонова.	240
Минскъ.	—
Сент. 2. Городъ Борисовъ. Красное.	241
10. Смоленскъ.	242
13.	244
Февр. 2, 1814 г. Записка о потеряхъ Смоленской губерніи.	246

Письма изъ Польши.

Марта 23. Минскъ.	249
24.	250
27. М. Смургони	251
28. М. Мѣдники.	252
Бѣдная корчма близъ Вильны. Ночь.	253

Вильна, 1, 2, 4 Апрѣля.	254
Университетъ.	255
Колокольна св. Іоанна.	256
Русскій лазаретъ въ Вильнѣ.	257
Домъ Милосердія.	—
Обычай Польскихъ женщинъ	258
Дороговизна.	260
6 и 7 Апрѣля.	261
9 Апрѣля. Станція	262
10 Апрѣля. Гродно.	—
Станція за Бѣлостокомъ.	263
Городъ Бѣлостокъ.	264
Тихоничъ. Остроленко.	—
Пултускъ. Мѣстечко Сиротскъ при сліяніи Буга и Наревы.	265
Варшава, 18 Апрѣля.	266
Герцогство Варшавское. 24 Апрѣля.	267
М. Доброе, за Вартою. 25 Апрѣля.	269
Калишъ.	—
Взглядъ на Польшу.	270
Черты изъ жизни Тидеуса Костюшки.	273

IV.

Описаніе Силезіи и военныхъ дѣйствій Союзниковъ за Рейномъ до взятія Парижа.

Силезія	297
Городъ Миличъ.	—
Трахенбергъ.	298
Переправа чрезъ рѣку Одеръ въ Штейнау	299
Городъ Гайнау	301
Бунцлау.	302
Лаубанъ.	—

	Стран.
Саксонія.	302
Замѣчаніе о женщинахъ	303
Окрестности Дрездена	304
Дрезденъ. Брилевскій садъ и дворецъ.	305
Бракосочетаніе Русскихъ на Саксонкахъ.	308
Игра въ бантъ.	—
Картинная галлерей.	309
Толки зрителей.	313
Любопытная встрѣча.	314
Воспоминаніе о прошломъ годѣ, или прогулка около Дрездена.	316
9. Мая. Утро.	323
Носсенъ	—
Саксонской суконщикъ	—
Проездъ чрезъ Рехлицъ	324
Альтенбургъ	—
Гера.	325
Герцогство Веймарское	326
Веймаръ.	327
Эрфуртъ	328
Гота.	332
Эйзенахъ.	333
Какъ обходятся здѣсь съ нашими.	335
Фульда	337
Сальмюнстеръ.	338
Обстоятельства, предшествовавшія битвѣ при Ганау	—
Отступленіе Французской арміи къ Рейну.	339
Бои при Ганау.	341
Франкоуртъ на Майнѣ.	346
Майнцъ.	348
Франція.	349
Перевозъ пѣхъ Майнца на Гомбургъ	353

	Стран.
Городъ Сентъ-Аромъ	354
Месяцъ	356
Страсть Французовъ	358
Шалонъ на Марнѣ	360
Картина военныхъ дѣйствій отъ перехода Союзниковъ чрезъ Рейнъ до взятія Парижа.	361
Походъ на Парижъ	377
Бой при Парижѣ	379
Шалонъ на Марнѣ	381
Шалонъ	382
Оттуда же	—
Городъ Шатотьеры	383
Городъ Мо	—
Праздникъ Божій	384
Трактиръ въ Бонди	385

V.

Описаніе Парижа.

Парижъ	389
Вечеръ	391
Ночь. Взглядъ на Пале-Рояль	393
Пале-Рояль	394
Многолюдство	399
Площадь Вандомская	400
Площадь Карусельская	402
Тюльерійской Дворецъ	403
Елисейскія поля	405
Французской театръ	407
Парижъ	413
Опера	420
Лувръ	422
Картинная галлерей въ Лувръ	423
Палаты бюстительнаго Сената или Люк- самбургъ	428

	Стран.
Музеумъ	432
Музеумъ или собраніе памятниковъ Фран- цузскихъ.	439
Пантеонъ.	443
Разныя мѣлочныя замѣчанія о Парижѣ. . . .	445
Взятіе Парижа.	448
Инвалидной домъ въ Парижѣ.	452
Парижъ.	457
Фантасмагорія.	461
Палаты Законодательнаго Сословія. . . .	469
Парижской пустыни.	473
Парижская щеголиха въ церкви.	474
Что нужно въ Парижѣ для крестинъ. . . .	—
Причудница.	475
Привязанность Французовъ къ отечествен- ному языку.	476
Картина такъ называемыхъ лучшихъ нынѣ- шнихъ обществъ въ Парижѣ. : . . .	477
Парижскіе франты.	478
Что показываютъ въ Парижѣ.	479
Пагубныя слѣдствія модной одежды и танцовъ. .	480
Дневныя записки модной Парижанки. . . .	482
Спальня Парижской щеголихи	484
Обращики газетныхъ Парижскихъ объявленій. .	485
Парижскіе шарлатаны.	487
Вотъ каковы Парижанки.	—
Разныя мѣлкія замѣчанія о Парижѣ и Французахъ.	490
Парижъ наканунѣ отъѣзда.	493
Вечеръ.	494
Выѣздъ изъ Парижа.	495
Заключеніе.	496

ВАЖНѢЙШІЯ ОПЕЧАТКИ.

<i>Стр.Строка. Напечатано:</i>			<i>Надо читать:</i>
228	7	сн. дворъ	дворецъ
339	6	— пу его	по его
361	5	св. картина:	карта:
362	10	сн. необозримымъ,	необорнимымъ,
375	17	св. И вотъ	И вотъ
377	7	сн. подступяши	подступившихъ
393	16	св. увидятъ,	удавятъ,
397	5	сн. слугъ.	слухъ.
406	6	— около не	около нея
411	15	— войною	войною;
420	15	— спросили	спорили
422	4	св. <i>Дагобертъ</i>	<i>Дагобертъ</i>
—	11	сн. Вооруженіе	Воображеніе
427	21	св. рѣбеть,	рѣдбеть,
434	4	— показалъ всѣ	показалъ міру всѣ
439	2	— <i>tergeur</i>)	<i>tergeur</i>),
—	19	— разсматриваетъ	разсматриваетъ
442	6	— видѣтъ	видѣтъ
449	14	сн. эти привыкли	эти, гдѣ привыкли
450	1	св. гулящими;	гуляющими;
—	10	— героевъ,	гаеровъ,
452	14	— геромъ	героямъ
465	5	св. и если	и есть ли
—	10	сн. міръ надежда	міръ. Надежда
468	4	— подъ столами.	подъ столами,
469	3,4	— ни мысливъ ни говоришь	ни мыслить, ни говорить
470	8	св. въ нихъ правится	въ нихъ правится. <i>Мнѣ</i> чрезвычайно правится
473	8	— на пустыниика,	на пустыню.
486	7	сн. другъ друга	другъ на друга
490	2	— <i>badaud</i>),	<i>(badeaux)</i> ,
492	17	— благодарныхъ	благородныхъ